

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 7 том - «Анжелика в Новом Свете».

Перевод с фр. Г. Сафроновой, К. Северовой
Прогресс (Москва), 1973г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
- [ЧАСТЬ ПЯТАЯ.](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПЕРВЫЕ ДНИ**

Глава 1

«Наконец-то мы вместе!» Эта мысль не оставляла Анжелику. Казалось, она родилась не в ее голове — Анжелика сейчас была не способна ни о чем думать, — а налетела откуда-то со стороны, подобно гудящему рою насекомых... Она кружилась в воздухе, внезапно исчезала и снова появлялась, неотступно следовала за ней и уносилась вновь...

«Наконец-то мы вместе...»

Все внимание Анжелики было поглощено тем, чтобы провести лошадь по крутому склону холма, и эта назойливая, живущая как бы сама по себе мысль сейчас ее мало трогала.

«Мы вместе!.. Мы вместе!..» — повторялось в два голоса. Один голос был полон сомнений, в другом звучала уверенность. Один голос страшился чего-то, другой ликовал. И, сливаясь, они вторили цокоту копыт измученной лошади.

На молодой женщине, которая в этот осенний день ехала верхом под сводом пылающих кленов по земле Северной Америки, была мягкая мужская шляпа, украшенная пером; из-под широких полей смотрели ясные, как родниковая вода, глаза. Ее волосы были сзади повязаны полотняной косынкой, чтобы хоть немного защитить их от пыли. Она сидела в мужском седле, и из-под ее длинной, подобранной до колен юбки виднелись кожаные сапоги, которыми снабдил ее Кантор, счастливый, что может хоть чем-то услужить матери. Анжелика с такой силой натягивала поводья, что у нее побелели суставы пальцев, а кожаный повод сделался горячим и пористым от ее влажных ладоней. Она направляла лошадь к вершине холма, не давая ей повернуть голову влево, туда, где зияло ущелье, царил

мрак и откуда доносился гул стремительно несущегося потока; эта пропасть, казалось, и пугала, и в то же время притягивала лошадь. Может быть, она нервничала, чувствуя под ногами бездну, или шум воды возбуждал в ней жажду? Выносливая, на редкость красивая лошадь по кличке Волли закапризничала с первого дня, столкнувшись с непривычными для нее трудностями перехода. Впрочем, это было вполне понятно. Вряд ли можно было представить что-либо более неподходящее для благородного животного, чем эти извилистые, едва заметные тропки, которые то петляли по склонам холмов, то спускались в долины, то терялись в сыпучих песках и топких болотах; порой, когда лес оказывался совсем непроходимым, приходилось часами месить грязь по обмелевшим рекам, а потом снова взбираться на вершины, нырять в ущелья с упорством человека, стремящегося кратчайшим путем достичь цели и, в первую очередь, заботящегося о своих собственных ногах, а потом уж о лошади.

Тропинка, по которой они сейчас взбирались, была покрыта сухой и скользкой, порыжевшей от солнца травой. Копыта лошади скользили, она то и дело падала на колени. Анжелика сильной рукой старалась удержать Волли, успокаивала ее, и только благодаря ее неусыпному вниманию, ее непреклонной воле лошадь шла вперед. Она уже изучила характер Волли и знала, что, если следить за каждым ее движением и постоянно направлять ее, лошадь не ослушается. И Волли действительно выполняла все, что требовала от нее Анжелика. Правда, сама Анжелика к вечеру чувствовала себя совершенно разбитой.

Тропинка поднималась все выше. И вот наконец они достигли вершины холма, небольшого плато, по которому гулял пахнувший смолой ветерок.

Анжелика дышала полной грудью.

Внизу стеной стоял лес. Сосны, голубые кедры, нахохлившиеся ели — все это мрачное воинство отсюда, сверху, выглядело ковром, сотканным из букетов, гирлянд и причудливых завитков, где перемежались нежные и темные тона изумрудной и голубовато-серой зелени.

Тропинка снова стала каменистой, и по ней звонко зацокали копыта. Анжелика ослабила поводья и чуть раздвинула колени, сжимавшие бока лошади.

И неотступная мысль снова закружилась, подхваченная на этот раз благословенным дуновением ветерка.

«Наконец-то мы вместе... Но ведь и в самом деле мы вместе».

Она даже замерла, не решаясь до конца поверить в то, что это не сон. Приподнялась в седле, и ее взгляд, скользя по каравану, остановился на фигуре высокого всадника.

Вот он! Там, внизу, ее муж, граф Жоффрей де Пейрак, знаменитый путешественник, человек трагической судьбы, познавший на своем веку блеск величия и горечь падения, чьи дела и свершения были известны в Старом и Новом Свете; сейчас он день за днем уверенно вел их отряд, не считаясь с трудностями пути и усталостью людей.

«Этого уж нам не преодолеть, — думала Анжелика, когда перед ними возникало очередное препятствие, — Жоффрей не должен был бы...»

И тем не менее они преодолевали эти препятствия: один за другим, всадник за проводником, носильщик за всадником пробирались через открывшуюся в лесных зарослях лазейку, похожую на звериную нору, или через ущелье, или порожистую реку или преодолевали крутой подъем в уже сгущавшемся мраке. Преодолевали и шли дальше, еще засветло оказываясь на другом берегу реки, где располагались на ночлег. Всякий раз это

казалось невероятным, но всякий раз случалось именно так. Стояли последние знойные дни бабьего лета, на заре над блестящей гладью озер поднимались туманы, и в подлеске раздавался треск сухого валежника.

Но по вечерам веяло свежестью и порывы резкого ветра напоминали, что холода уже не за горами, хотя многие деревья стояли еще совсем зеленые. И в сумерках, как по мановению волшебной палочки, где-нибудь в стороне, в месте, защищенном от комаров, вырос лагерь. Зажигались костры. С удивительным проворством индианки нарубали в подлеске длинные жерди, и не прошло и часа, как на поляне поднимались остроконечные типи, обтянутые берестой или обложенные мощными пластинами коры вяза, которые накладывались друг на друга, как черепица на крыше. Вначале Анжелика не понимала, как можно с такой быстротой ободрать столько деревьев. Но потом заметила, что Жоффрей де Пейрак высылает вперед людей, они расчищают тропы от валежника, а если нужно, прокладывают их и подготавливают место для бивуака. Но случалось и так, что никто заранее этим не занимался. Тогда с проворством собаки, учуявшей в земле кость, они отыскивали где-нибудь поблизости пещеру. Белые вместе с индейцами нарезали в лесу огромные пласты мха; порой, откатив камень от входа в пещеру, они находили там высохшую кору вяза, сложенную в кучу, а иногда тайник с кукурузой, оставленной случайным путникам.

На особые удобства в пути рассчитывать, конечно, не приходилось, но трем белым женщинам, Анжелике, госпоже Жонас, ее племяннице Эльвире, и детям ставили на ночь холщовую палатку. На землю бросали еловый лапник, сверху его покрывали медвежьими шкурами. Хорошо было спать, завернувшись в них, особенно тем, кто не привык к пуховикам и перинам,

как Анжелика и ее дочь, знавшие в своей кочевой жизни куда менее удобный ночлег.

Погода благоприятствовала им. По крайней мере, не приходилось сушить промокшую от дождя одежду. Мужчины охотились, ударили рыбу, и каждый вечер на привале у них был хороший ужин, к которому они добавляли еще сало и сухари, взятые в Голдсборо.

Но время шло, и с каждым днем люди уставали все больше. Анжелика особенно остро ощутила это сегодня утром, когда услышала, как копыта лошади застучали по каменистой почве. Среди окружающего их безмолвия, среди голых стволов исполинских сосен этот звук показался ей нестерпимо резким. Она заметила, что Кантор уже несколько дней не прикасается к своей гитаре, смолкли веселые голоса неутомимых балагуров, Мопертюи и Перро. Сегодня утром Онорина попросила, чтобы Анжелика посадила ее к себе. Это было впервые за весь их долгий путь. До сих пор она предпочитала общество мужчин, едущих верхом, и они обычно с удовольствием сажали ее к себе — девчушка была очень занята. Иногда она требовала посадить ее на плечи какого-нибудь индейца и пускалась с ним в разговоры, на ее взгляд необычайно интересные. Сегодня ее потянуло к матери. Анжелика почувствовала, что сидевшая за ее спиной девочка уснула. На крутом повороте она могла свалиться. Но Онорина выросла в седле. Размеренная иноходь убаюкивала ребенка, и даже во сне она инстинктивно крепко держалась за мать. Цоканье копыт неожиданно прекратилось, теперь дорога шла по песку, густо усеянному сосновыми иглами. Было слышно только, как поскрипывают седла, фыркают лошади, отгоняя назойливую мошкарку, и глухо, словно морской прибой, шумит лес. Путники шли мимо огромных сосен с прямыми светло-рыжими стволами и удивительно симметрично расположенными ветвями. Казалось, эти

деревья с уходящими к самому небу вершинами посажены здесь рукой человека. Глядя на них, невольно вспоминались готические соборы и прекрасные парки Иль-де-Франса и Версаля.

Сосновая шишка, круглая и ошетилившаяся, покрытая, как инеем, смолой, похожая на раскрывшуюся лилию, отскочила где-то наверху и, пролетев сквозь ветви, стукнулась о землю. При этом звуке Анжелика вздрогнула, лошадь попятилась. Онорина открыла глаза.

— Спи, малышка... — шепнула ей мать. Она боялась испугнуть белок, которые удивленно смотрели на них сверху.

Они уже около часа ехали вдоль колоннады серых сосен, по ровной местности. Но вот дорога пошла под уклон, за ней устремились и сосны, чуть ниже к ним примкнули ели, а на самой крутизне навстречу вдруг поднялись еще совсем зеленые березы и осины, красновато-коричневые, отливающие золотом вязы, угрюмые дубы с шоколадными и лиловыми листьями, и, наконец, яркими огнями вспыхнули клены. Им-то и была обязана осень своими великолепными красками.

Перед тем как въехать в подлесок, они увидели на горизонте длинную цепь гор. То были первые настоящие горы, встретившиеся за время пути, так как, хотя им и казалось, что от самого побережья они только и делают, что спускаются и поднимаются по холмам, в действительности пришлось преодолеть всего лишь одну значительную возвышенность. У самого подножия раскинулась долина; сейчас, подернутая легкой дымкой тумана, она казалась розовой. Долина была необъятна, залита светом, и в ней царило спокойствие. Представшая взору Анжелики картина вдруг открыла ей все величие и беспредельность мира, который ее окружал. Это потрясло ее. Анжелика почувствовала себя подавленной. На нее словно снизошло откровение,

она только сейчас, внезапно утратив все иллюзии, осознала всю тяжесть того, что их ожидало. Ей было трудно представить, что когда-то она жила в другом мире, среди других людей, что где-то существует двор Людовика XIV, Версаль, что вообще где-то на земле есть тесные, шумные города, густонаселенные страны, вечно бурлящие народы. Здесь в это почти невозможно поверить. Среди величественного безмолвия девственной природы, где нет ничего, кроме воды, земли, неприступных скал, деревьев и чистого неба, человек чувствовал себя, как в первые дни творения.

Анжелика вздрогнула и, выпрямившись в седле, с досадой подумала: «Господи, я чуть не уснула... Себе переломала бы ребра, и девочка могла пострадать...»

— Онорина, как ты там, моя маленькая?

— Хорошо, мама...

«И все из-за этих сумасшедших красок...»

Они въезжали сейчас в пылающий огненным цветом кленовый лес. Осень затопила его сверху донизу алой краской — опавшие листья плотным красным ковром покрывали землю. Просачиваясь сквозь багряные витражи кленов, солнечные лучи вспыхивали, словно пламя в горниле кузнеца. Три наглые сороки, прыгая с ветки на ветку, без умолку тараторили.

«Ах, это сороки... Мне почудилось, будто я слышу болтовню герцогини Монтеспан».

Анжелика засмеялась. Ее соперница была далеко, и все, что было связано с ней, вспоминалось ныне как невероятный кошмар. Теперь все это уже не имело значения: двор, любовь короля Людовика XIV к ней, Анжелике. Жизнь начиналась заново.

Нечто подобное она уже испытала в те дни, когда с Коленом Патюрелем выбиралась из песков Марокко. Тогда она тоже была полна смятения, испытывала полнейший разлад с собой. И все-таки в ту пору все было иначе. Тогда она старалась скорее выбраться из

пустыни, и Патюрель был ее случайным спутником. Дорога, которую ей предстоит преодолеть сейчас, бесконечна, и она бредет по ней вместе с человеком, которого любит.

Они наконец вместе!

И снова эта мысль, живущая в ней и витавшая вокруг, внезапно пронзила ее, и снова в душе вспыхнули самые противоречивые чувства: удивительное спокойствие и невыразимое счастье и вместе с тем ледящий душу ужас, словно у ее ног неожиданно разверзлась зияющая пропасть. Ее охватила дрожь, и снова она почувствовала себя разбитой и опустошенной. Она испытывала страх при мысли, которую почти бессознательно выразила сейчас вслух: она навеки связана с этим человеком, и дорога, лежащая перед ними, никогда не кончится.

Она взглянула на свои руки, державшие повод, и улыбнулась. Руки были тонкие, изящные, с длинными пальцами. Мужчины, которые целовали их, не подозревали, какую силу они в себе таили. Эту силу они обрели с годами, она помогала Анжелике держать тяжелое ружье, месить тесто, отжимать белье и сейчас вести норовистую лошадь. Ее руки! Без единого украшения, даже без обручального кольца.

Она верила в них, это были ее верные помощники. Но в остальном — какой усталой она себя чувствовала! Порой она ощущала себя по-детски беспомощной. И разум, и сердце приходили в смятение, чувствительность обострялась, смех часто обрывался слезами, одного слова было достаточно, чтобы вывести ее из себя или привести в восторг, ее охватывали приступы неуверенности в себе, ею овладевала растерянность, и эта тоска, которая вдруг рождалась в душе и постепенно заполняла все ее существо, заволакивала, подобно тучам, собравшимся сейчас над

долиной и, коварно расползаясь, затягивавшим ясное небо.

Все произошло слишком быстро, теперь же все тянется слишком медленно.

Слишком внезапной, молниеносной была радость, захлестнувшая ее в то утро, когда перед всеми, взяв ее за руку, он сказал:

«Разрешите представить мою жену, графиню де Пейрак». Слишком ослепительной и мучительной была радость, которую она испытала, увидев своих сыновей живыми и поняв, что это не сон. Слишком неистовы и изнурительны были те ночи, когда ее тело вновь познало радость любви. Анжелику как будто подхватил вихрь. Ее словно отметили каленым железом счастья.

Когда же сознание всего, что произошло, пронзало Анжелику, ее охватывала растерянность, она цепенела.

«Но ведь это не сон. Он здесь. Мы вместе».

Радость и страх переполняли ее. Она чуть не теряла сознание. Этим сменам настроения, этим приступам неудержимой радости и гнетущего страха Анжелика предпочитала то полусонное состояние, в которое легко погрузиться, когда целыми днями медленно путешествуешь верхом. На их пути было не так уж много опасных переходов, но сам путь был так необычен, что требовал постоянного напряженного внимания.

И это отвлекало ее от дум, она видела перед собой узкую, петляющую тропинку, яркую листву кругом, камни, уступы, которые надо преодолевать, вдыхала лесные запахи и не могла представить, что все это когда-нибудь кончится, что эта дорога приведет их куда-то и начнется другая жизнь. Вокруг царила тишина, и насколько хватало глаз простиралась мертвая земля в саване из опавших листьев.

Позади, на довольно большом расстоянии от нее, из-под свода деревьев показалась лошадь мэтра Жонаса.

Часовщик сидел в седле сгорбившись, словно его придавила тяжесть пылающей листвы. Он, видимо, тоже задремал. Анжелика подумала, что если медведица вдруг появится в зарослях, его лошадь может испугаться, и решила подождать его. Но все обошлось благополучно. Мэтр Жонас спокойно проехал под самым носом у изумленных медвежат; они еще долго провожали живыми черными глазками это странное животное, своими четырьмя ногами очень напоминавшее им лося, на спине которого возвышался горб, увенчанный чем-то остроконечным и непонятным (медвежата не знали, что это называется шляпой), а из-под этого сооружения вырывался громкий храп.

Мэтр Жонас и его жена упросили графа де Пейрака взять их с собой в это трудное путешествие, лишь бы только не оставаться на Голдсборо. Они вместе со своей племянницей Эльвирой, вдовой булочника из Ла-Рошели, и ее двумя маленькими сыновьями представляли гугенотскую часть отряда. Это были единственные знакомые Анжелики. Остальных, среди которых были итальянцы, немцы, англичане, шотландцы, она даже не знала в лицо. Она упрекала себя за эту необщительность, столь ей чуждую, обычно она тянулась к людям и быстро с ними сходилась. Сейчас ее окружали люди де Пейрака, и они настороженно присматривались к ней.

Особое место среди них занимал Никола Перро — канадский траппер, опытный проводник, незаменимый во время такого перехода. Он обладал особым даром появляться в ту самую минуту, когда Анжелика больше всего в нем нуждалась, и оказывал ей необходимую услугу. Он предпочитал идти пешком, забросив ружье за спину прикладом вверх. Он шел бесшумным, не знающим усталости шагом индейцев. Часто обгонял отряд: прокладывал тропу и выбирал удобное место для ночной стоянки. Анжелике казалось, что этот простой и

вместе с тем такой непонятный ей человек способен раскрыть перед ней все тайны нового, пугающего ее мира. Но он бы, конечно, очень удивился, узнав, что именно в этом мире тревожит ее. Для него здесь все было так привычно. Дерево было деревом, не все ли равно, красное оно или зеленое, река была рекой, индеец — индейцем, главное — это мгновенно определить, кто перед тобою — друг или враг. Друг был другом, а враг — врагом, скальп — скальпом, трубка, выкуренная на привале, — самое приятное на свете, стрела в сердце — самое неприятное. Сложностей для него не существовало. Непостижимо, сколько он знал удивительных и редких вещей на свете, хотя сам он об этом не догадывался.

Анжелика пожалела, что в эту минуту его нет рядом. Ей хотелось бы узнать названия некоторых растений, которые она замечала по дороге. Она все чаще задумывалась над тем, чем же можно кормить лошадей в краю, где нет лугов, а в лесу — только сухой лист и бурелом. Она догадывалась, что Перро тоже беспокоит эта мысль. Однажды, когда он рассказывал ей, что сюда добираются только по рекам в легких индейских челноках, которые, дойдя до быстрины, вытаскивают на берег и переносят на голове до спокойного течения, он, вздохнув, добавил: «А вот с лошадьми здесь будет трудно...»

Алый закат поднимался над скалами, которые все теснее жались друг к другу, образуя ущелье. Вода с грохотом скатывалась вниз по уступам. Но подъем оказался не очень тяжелым. Анжелика, поднявшись по склону, остановилась и оглянулась назад: путники один за другим, кто на лошади, кто пеший, словно из колодца, выбирались из теснины. Все они тяжело ступали. Даже у самых молодых был измученный вид. Сказывались усталость и зной.

Трехлетняя Онорина спала, обхватив мать за талию. То место, где прижалась пухлая щечка ребенка, горело как от ожога. Малейшее прикосновение было в такую жару нестерпимым. Пот струился по спине, одежда липла к телу. Хотя на Анжелике была широкополая шляпа, затылок у нее ломило. Сутулый человек, поравнявшись с ней, даже не подняв головы, пробормотал какое-то приветствие и пошел дальше, оставляя за собой легкое облачко пыли. Анжелика снова посмотрела вниз. Она нигде не видела Кантора и уже начала волноваться.

Люди шли один за другим, согнувшись под тяжестью ноши. Некоторые из них говорили между собой по-английски. Проходя мимо, они искоса взглядывали на молодую женщину, кое-кто здоровался, но никто не останавливался.

Наблюдая в течение трех недель этих людей, которых граф де Пейрак выбрал для своей экспедиции в глубь Американского континента, Анжелика могла заметить только, что все они были молчаливы, выносливы и безгранично преданы ее мужу.

Это все были простые, грубые люди, и не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться, что у каждого из них есть своя тайна. Она звала этот сорт людей. Она знала также, что найти с ними общий язык будет нелегко. Но в будущем она все-таки попытается сделать и это.

А пока у нее едва хватало сил, чтобы обузывать свою непокорную лошадь, приглядывать за маленькой дочкой и опекать своих друзей-гугенотов. И хотя езда верхом по лесам и горам была для Анжелики делом привычным, временами ее охватывала тревога. Она помнила, как долго не соглашался де Пейрак взять ее с собой, и теперь, после стольких дней изнурительного перехода, ей стали понятны его колебания. Теперь она знала, что жизнь, которая их ждет в тех краях, где граф

де Пейрак решил основать рудники, чтобы добывать золото и серебро, будет полна непредвиденных трудностей и риска.

Мимо нее проходили индейцы, мужчины и женщины, присоединившиеся к отряду де Пейрака где-то недалеко от реки Пенобскот. Они принадлежали к небольшому племени металлаков, которое после торгов на берегу океана добиралось к охотничьим угодьям у озера Умбагог, где они обычно охотились. Они попросили де Пейрака взять их под свое покровительство на время пути, опасаясь встречи с их исконными врагами, жестокими ирокезами, которые в летнюю пору часто нападали на них.

Наконец Анжелика дождалась мэтра Жонаса, он подошел к ней, держа под уздцы лошадь. Остановился и, сняв шляпу, тщательно вытер ее изнутри, потом промокнул платком свой влажный от пота лоб и протер очки.

— Уф! Ну и подъем! И подумать только, что за день приходится преодолевать до двадцати таких...

— Должно быть, вашей жене очень нелегко...

— Я попросил одного молодого человека помочь ей при подъеме. Ведь достаточно неверного шага, и пропадет моя бедная женушка. А вот и они!

Улыбаясь, к ним подходила госпожа Жонас. Молодой бретонец Жан Ле Куеннек, весьма услужливый малый, вел ее лошадь. Госпожа Жонас была вся пунцовая, но бодрости не теряла. Эта немолодая, но сильная женщина оказалась выносливой всадницей.

— Не всю же жизнь мне было сиднем сидеть в своей лавке! — пошутила она. Она когда-то рассказывала Анжелике, что родилась в семье богатого крестьянина и юность провела в деревне.

— Вы не видели Кантора? — с тревогой в голосе спросила Анжелика.

— Как же, видела... Он помогает Эльвире, она ведь не бог весть какая наездница... Бедная девочка! Я все думаю, и как это она решилась с двумя маленькими детьми пуститься в такой путь... Ей надо было остаться в Голдсборо. Хотя, с другой стороны, мы ее единственная родня. Куда она без нас денется!

В это время из ложбины появился Кантор, и Анжелику захлестнула волна материнской гордости при виде этого статного юноши, так уверенно ведущего лошадь, на которой с трудом держалась, прижимая к себе ребенка, молодая женщина. У Эльвиры был измученный вид, больше всего во время подъема ее пугал шум падающей воды. Теперь она сможет продолжать свой путь без посторонней помощи. Мило улыбнувшись, она поблагодарила Кантора и тут же встревожилась, не увидев своего старшего сына, восьмилетнего Бартеломи. Но Анжелика ее успокоила. Бартеломи ушел вперед с Флоримоном, тот взял на себя заботу о нем, и мальчуган не отходил от своего старшего товарища ни на шаг. Гугеноты двинулись дальше, Кантор, покачивая головой, смотрел им вслед.

— Если б я случайно не оказался рядом, даже не представляю, что бы делала эта бедняжка, — произнес он с жалостью и легким презрением. — Брать женщин и детей в такой переход, по-моему, безумие. К вам, матушка, это, конечно, не относится... Вы — жена моего отца, и вполне естественно, что вы едете с нами... Но признайтесь, пробираться нехоженными тропами — это не на балу в Версале танцевать...

— Признаюсь, признаюсь, дорогой! — ответила Анжелика, пряча улыбку. — Я восхищаюсь твоей выносливостью, мой мальчик, ты идешь пешком с таким грузом.

— Да что там! Дело привычное. Мы не из неженков.

— Но разве ты не страдаешь от этой невыносимой жары?

Он распрямил плечи, желая показать, что трудности пути ему нипочем. Но Анжелика знала, что это совсем не так. Даже самые крепкие и закаленные люди жаловались на слишком долгие переходы. Она заметила, что Кантор похудел и темные тени легли вокруг его ясных, зеленых, как у матери, глаз. И она снова подумала, зачем только Жоффрей заставил их проделать этот почти непосильный для человека путь? Хотел ли он их испытать, узнать, на что каждый из них способен? Или ему надо было проверить, не явятся ли жена и дети помехой его планам? Или же какие-то особые, пока не известные ей причины заставляют его так спешить к цели?

— А как вы себя чувствуете, матушка? Ваша лошадь по-прежнему артачится? — спросил Кантор, через силу улыбаясь потрескавшимися губами.

Кантор был сильный, хорошо развитый юноша, но его розовые щеки даже сейчас, когда их покрывала пыль, были по-детски нежными. И, глядя на это свежее безбородое лицо, Анжелика словно видела перед собой того маленького, толстощекого пажа, который когда-то пел перед королевой в Версале. И ей безумно захотелось притянуть его к себе, погладить по кудрявой голове и ласково улыбнуться своему воскресшему, чудом оставшемуся в живых сыну, который стоял сейчас рядом с ней.

Но она не решилась это сделать, юноша был сдержан в своих чувствах, и после стольких лет разлуки она не знала, что было у него на сердце. Она терпеливо ждала того дня, когда они доберутся до места, над головой у них будет крыша, и они заживут наконец все вместе — она, ее муж и ее дети, — и она заново научится понимать их.

А пока ей казалось, что путешествие еще больше отдалило их от нее. У каждого были свои трудности, и каждый старался сам преодолевать их, чтобы не быть в

тягость другим. Она ответила Кантору, что у нее все идет как нельзя лучше. Волли, похоже, начинает смиряться и теперь уже слушается ее.

— Вам, конечно, пришлось с ней нелегко. Мы с Флоримоном сразу поняли, какая это капризная лошадь, и очень волновались, удастся ли вам с ней справиться. Мы все время боялись, что она сбросит вас в бурлящий поток или что вы не сумеете удержать ее на крутом склоне.

— Ну и как, дети мои, удалось мне с ней справиться? Как вы считаете?

— Да, конечно, — ответил Кантор, стараясь придать своему голосу оттенок снисходительности, но за ней явно скрывалось удивление. — Вы прекрасная наездница...

— Вот ты меня и подбодрил, спасибо тебе. Теперь мне легче будет ехать дальше. А то сегодня утром я совсем раскисла. Стоит такая жара...

— Хотите попить? — радушно предложил он. — Вода еще прохладная, я набрал ее у водопада.

— Нет, спасибо, а вот Онорине, пожалуй, дай немножко.

— Не стоит ее будить, — поспешно ответил Кантор и тут же опустил протянутую флягу. Он закрыл ее и снова пристегнул к поясу. — Ну, я пойду. За этой рощицей, наверно, опять начнемся крутой каменный спуск, надо будет помочь Эльвире, одна она там пропадет.

Широко шагая, он пошел вперед. Анжелика тоже выехала на тропинку. Провожая глазами сына, она думала о том, как он красив, как мил и как предупредителен к ней... Но с некоторых пор она поняла, что он не любит Онорину.

Она вздохнула и грустно опустила голову. Хватит ли у нее когда-нибудь мужества заговорить об Онорине со своими сыновьями? И что она им скажет? Вполне естественно, если ее взрослые дети захотят побольше

узнать о своей сводной сестре, которую мать привезла им из Старого Света. Они, конечно, не могут не задумываться над тем, кто отец этой девочки. Как восприняли они эту ошеломляющую новость? Как отнеслись к поведению отца, который простил ее и принял ребенка? Онорина была как бы воплощением всего, о чем хотелось забыть: жестокого прошлого, разлуки... «Может быть, лучше было оставить ее на Голдсборо? Девочке там неплохо бы жилось. Нет, я не могла этого сделать! Она умерла бы вдали от меня, моя бедная, ни в чем не повинная крошка, — подумала Анжелика, бросив через плечо взгляд на круглую головенку, доверчиво прижавшуюся к ней. — И разве я смогла бы забыть ее и жить в свое удовольствие, убрав девочку подальше с глаз? Бедняжка моя, насилие и ужас породили тебя... Нет, я не могла тебя бросить!»

Почему сегодня Онорина захотела быть с матерью? Может быть, это предвещает что-то недоброе? Когда девочку что-нибудь беспокоило, она всегда требовательно звала к себе мать. До этого дня она чувствовала себя превосходно, была, как всегда, веселой и общительной. От какой же неожиданной беды она ищет защиты у матери? Может быть, им грозит особенно трудный переход? Или буря? Или торнадо? Или встреча с ирокезами?

За весь долгий путь, не считая металлаков, они не встретили ни одного индейца: ни врага, ни друга. Трапперы объясняли это тем, что все племена ушли к берегу океана, где ждали их корабли, менять пушнину на водку, на разные безделушки и жемчуг.

Безлюдность этих бескрайних просторов, столь желанная поначалу, стала теперь им в тягость. Справа снова возникла длинная цепь гор. Анжелика с надеждой смотрела на них. Она знала, что где-то там, у подножия Аппалачей, находится форт Катарунк, принадлежащий графу де Пейраку, куда он и вел свой

отряд. Он намеревался перезимовать там, а весной отправиться в горы, к рудникам.

Дорога шла по выжженному плато. В воздухе стоял тяжкий, как ладан, запах смолы и горелого леса.

Здесь огненная стихия пронеслась, видимо, совсем недавно. Еще не остыл пепел, по которому брели лошади, повсюду из земли торчали обуглившиеся пни и стволы деревьев. Между их мрачными копьями, отливая гладью озер, сверкала долина. К одному из этих озер выехали путники. Пламя начисто вылизало берега, и голодным лошадям поживиться здесь было нечем. Тогда, утопая ногами в пепле, они двинулись дальше вдоль озера, пока не достигли брода, по которому лошади, осторожно ступая на круглые камни, переправились на другой берег. Там, под сенью деревьев, не тронутых пожаром, путникам снова пришлось преодолеть довольно крутой подъем, и вскоре сквозь ядовито-желтую листву молодой березовой рощицы они увидели, как блеснула поверхность воды. Зеркальная гладь озера сверкала под лучами полуденного солнца. Вода в нем оказалась необыкновенно прозрачной в отличие от тех, что встречались им до сих пор, — поросших водорослями и затянутых ряской. Сквозь толщу воды было видно песчаное дно.

— Я хочу помыть ножки в этой водичке! — закричала Онорина.

У озера, видимо, предполагалось остановиться на отдых. Где-то внизу за ивами слышались людские голоса и лошадиный храп. Один из трапперов, ушедший еще на заре вперед, размахивая рукой, извещал о привале. Для тех, кто его не мог видеть, он прокричал условный клич, и индейцы, идущие последними, ответили ему откуда-то издалека. Анжелика спрыгнула на землю и спустила Онорину.

Девчушка тут же сняла башмаки и чулки и, поддерживая юбочки, вошла в воду.

— Ой, какая холодная! — вскричала она, замирая от восторга. Волли напилась и стояла, понуро опустив голову. Анжелика потрепала ее рукой по шее.

— Не горюй, — ласково сказала она. — Конечно, с едой у нас туговато. Потерпи, вот кончится лес, мы выйдем к долине, и уж там-то ты и набегаешься, и наешься вволю.

Величественные леса Северной Америки на первый взгляд были менее суровыми и мрачными, чем те, что видела Анжелика в детстве. Здесь лес сверкал лазурной гладью бесчисленных озер. Прозрачный, словно дрожащий от сухости воздух, который не могли замутить даже густые зимние туманы, лишал его всякой таинственности. В этом лесу не было призраков.

Анжелика стояла на берегу озера. Она крепко держала повод, так как однажды, когда она отпустила его, Волли вдруг рванулась и галопом бросилась в заросли. Каким-то чудом она не распорола себе бока о торчащие сучья и не переломала в рытвинах ноги; и если б не ловкость индейцев, знающих, как подступиться к густому подлеску, ей бы не удалось догнать ее.

Кровь стучала в висках Анжелики, затылок словно был налит свинцом. От пронзительного стрекота кузнечиков кружилась голова. Видя, что лошадь стоит спокойно, Анжелика решила привязать ее к дереву, а сама быстро спустилась к озеру, чтобы напиться, набрав в ладони воды.

Чей-то возглас остановил ее. Огромного роста индеец по имени Мопункук, вождь племени, которое шло вместе с их отрядом, объяснял ей знаками, что пить эту воду не следует, что выше есть источник, в котором вода вкуснее; его воины остановились там освежиться. Он советовал отправиться туда и ей.

Анжелика показала ему на свою лошадь и тоже знаками объяснила, что никак не может от нее отойти. Индеец понял и жестом велел подождать его. Он вскоре вернулся в сопровождении индианки, которая несла в деревянной посудине воду из чудесного источника. К сожалению, до этого в посудине, видимо, была маисовая каша или еще какая-то другая бурда, и вымыли ее не слишком старательно, а потому вода была мутная и не вызывала никакого желания попробовать ее.

Анжелика, однако, заставила себя пригубить чашку и даже сделать несколько глотков. Она уже знала, что индейцы очень обидчивы.

Вождь стоял рядом с Анжеликой и смотрел, как она пьет; он, конечно, ждал от нее восторженных восклицаний. От него исходил крепкий мужской запах. Тело его было с головы до пят обмазано медвежьим салом. Мускулистую, лишенную всякой растительности грудь украшала белая и синяя татуировка. Две змеи были изображены там, и на них падала тень от ожерелья из медвежьих зубов. Это был вождь, сагамор. О его доблестях говорили орлиные перья, веером стоявшие надо лбом, и прикрепленный к ним пушистый хвост скунса.

Анжелика слышала шумные всплески и веселые голоса людей, наслаждавшихся купанием.

К счастью, появился Флоримон: как и на всех стоянках, он пришел повидаться с матерью. Он едва сдержался, чтобы не расхохотаться, видя, в какое затруднительное положение она попала, и тут же бросился на выручку.

— Матушка, я умираю от жажды. Оставьте мне хоть капельку этой замечательной воды!

Ах, этот Флоримон! Ну что за чудесный мальчик!.. Анжелика с облегчением протянула ему чашку, но Мопунтук остановил ее полным возмущения возгласом.

Чтобы выяснить, в чем дело, пришлось обратиться к помощи Никола Перро, их постоянного переводчика.

— Если я правильно понял, — сказал Флоримон, — Белый Клюв не достоин выпить из того же сосуда, что и его уважаемая мать...

— Да... это так...

— Странно, а у меня создалось впечатление, что великий вождь в душе с презрением относится к женщинам, — сказала Анжелика.

— Напротив! Предложив вам воды, самой лучшей, какую он мог здесь найти, сагамор хотел оказать вам уважение как женщине и матери. У индейцев женщина в большом почете.

— Неужели? — удавилась Анжелика, взглянув на индианку, которая, смиренно опустив глаза, стояла позади вождя.

— Да, сударыня, все это действительно довольно сложно. Надо побывать в Священной долине ирокезов, чтобы понять все до конца... — сказал траппер.

Он вернул чашку индейцу с таким славословием, что, кажется, тот наконец был удовлетворен.

— А теперь, друг мой, почему бы нам не искупаться?

— Ура! — радостно закричал Флоримон.

И они исчезли в зарослях ивняка, плакучие ветви которого спускались до самой воды. Уже через минуту Анжелика увидела, как их темные головы и сильные руки мелькают над сверкающей поверхностью озера.

Анжелике казалось, что она отдала бы сейчас все на свете, если б могла последовать их примеру.

— Я тоже буду плавать, — решила Онорина и начала сбрасывать свои нехитрые одежды.

К озеру подошли и друзья Анжелики. Детям, к их великой радости, разрешили искупаться.

Раздевшись, ребяташки с визгом прыгали около воды.

Огромные голенастые птицы, оскорбленные этим шумом, хлопая тяжелыми крыльями, вылетели из кустов. Утки с оранжевыми и лиловыми хохолками на голове недовольно закричали и удалились, оставляя за собой след на воде. Анжелика вздохнула от зависти, глядя на прохладную воду. Жертва долга, она не могла оставить свою лошадь.

В это время на узкой полоске песчаного берега появился граф Жоффрей де Пейрак.

Глава 2

Граф де Пейрак передал секстант, которым он только что определял местность. Октаву Малапраду, следовавшему за ним с кожаной чернильницей и свитком пергамента в руках. Малапрад остановился у скалы и стал убирать приборы и карты в небольшой дорожный секретер.

Анжелика смотрела на приближающегося к ней мужа. В ярком солнечном свете его высокая худощавая фигура выглядела более плотной. Видимо, бесстрастность чужой величественной природы, которая так подавляла Анжелику, его совершенно не трогала. В лучшем случае, он воспринимал ее как пышные театральные декорации.

Он шел, тяжело ступая, и песок скрипел под его высокими сапогами. «А ведь он все-таки слегка прихрамывает, — подумала Анжелика. — На «Голдсборо» из-за качки это совсем не было заметно».

— Отчего вдруг вспыхнули ваши глаза? — спросил, подходя, де Пейрак.

— Я заметила, что вы еще немного хромаете.

— И вам это доставило удовольствие?

— Да!

— Поистине женщины существа непостижимые! Невозможно предугадать, что им понравится... Выходит, все мои старания усовершенствоваться были напрасны. Они вызывают у вас лишь сожаления. Вы даже готовы заподозрить что-то неладное... подумать, что, возможно, произошла какая-то подмена... Ведь у нас на родине рассказывают столько занятных историй подобного рода... Да! Нелегко играть роль воскресшего из мертвых. Кончится тем, что я начну сожалеть о своей хромой ноге!

— Я так вас любила в ту пору!

— И вы не уверены, что будете любить меня сейчас, когда я перестал хромать?

Он хитро улыбнулся. Затем отошел к Мопунтуку. Граф де Пейрак, как обычно, с подчеркнутой церемонностью приветствовал индейского вождя. Он снял свою мягкую шляпу с пером, и под лучами солнца его густые иссиня-черные кудри сверкнули, как будто по ним пробежали отблески металла. В ослепительном свете дня его лицо уроженца Юга, в чьих жилах, должно быть, текла мавританская и испанская кровь, казалось таким же темным, как и у его собеседника. На скулах кожа была светлее, оттого что он иногда еще носил маску. Густые брови резко оттеняли его горящие глаза. С той стороны, где лицо де Пейрака было изуродовано страшными шрамами, в гибкой линии его чувственного и властного рта было что-то вызывающее.

Таким ртом наделяли античные скульпторы лица богов, даже не подозревая, что под их резцом оживают черты, воплощающие всю жажду жизни и наслаждений, свойственную средиземноморским цивилизациям. Когда Анжелика, глядя на суровое, обезображенное шрамами лицо мужа, видела его рот, у нее всегда возникало желание прильнуть к нему губами.

Так было и сейчас, когда он стоял совсем рядом и на языке пантомимы объяснялся с вождем металлаков. Вдруг, отвернувшись от него, он стал пристально всматриваться вдаль, как будто пытался взором проникнуть в то, что ожидало их на противоположном берегу.

Он словно застыл, углубившись в свои мысли, возможно, его встревожил разговор с индейцем. Он что-то обдумывал, и губы его слегка вздрагивали. Анжелика смотрела на него и не могла удержать расходившегося в груди сердца. Она пожирала его глазами. Его лоб был в испарине, и капельки пота, блестящие на висках,

струйкой скатывались по шраму. Анжелике хотелось нежно отереть это изувеченное лицо, но она не осмеливалась. Она не решалась еще на такое. Ей казалось, что Жоффрей слишком долго жил без жены, слишком долго ничем не был связан. Он привык к полнейшей свободе во всем. И она боялась докучать ему своими заботами.

Сейчас, когда они продвигались вперед среди безлюдных просторов, она еще сильнее, чем на корабле, ощущала независимость этого человека, окружавшую его, как световое кольцо окружает солнце. На его долю выпало прожить несколько жизней. Под внешней простотой таилась сложная и глубокая натура. Отныне ей предстояло найти свое место рядом с ним, с этим человеком, достигшим полного расцвета сил, умудренным огромным жизненным опытом, человеком, гармонически развитым, единственным, неповторимым, не ведающим ни страха, ни сомнений, закаленным судьбой, пережившим на своем веку смерть, пытки, кровавые битвы и всепоглощающую страсть. Когда он замирал вот так, даже невозможно было уловить его дыхание. Анжелика ни разу не видела, чтобы дрогнула эта грудь, ни в те времена, когда ее облегал черный бархат, ни теперь, когда ее перетягивал широкий кожаный ремень. И это казалось ей непостижимым. Она не могла вспомнить, была ли у него раньше эта манера, свойственная крупным хищникам, — застывать, готовясь к прыжку. Но в те времена из-за шрама, внушающего ей такой ужас, она не разглядывала его лицо, не присматривалась к нему. Поэтому, когда Жоффрей исчез, она так быстро забыла его черты. О, как она была тогда легкомысленна! Позднее жизнь научила ее читать по лицам, она постигла тайны физиогномики, научилась по чуть заметному движению лица улавливать мелькнувшую мысль. Когда знаешь,

что твоя жизнь зависит от воли другого человека, быстро начинаешь разбираться в подобных вещах...

В те годы, что она жила рядом с ним, ей и в голову не приходило рассматривать его, как сейчас. Сейчас она это делала с непонятной жадностью. Это было сильнее ее. Движения, улыбка, звук его голоса — все вызывало в ней интерес и волновало ее. Она не могла побороть себя, ни даже понять, отчего это с ней происходит. А может быть, и нечего было понимать? Все скрывалось в самой природе того неодолимого и естественного влечения, какое она испытывала к этому человеку, предназначенному ей самой судьбой.

Сердце Анжелики начинало колотиться, когда он подходил к ней, малейшее его внимание наполняло ее радостью, когда его не было рядом, ее охватывал страх. Она еще не привыкла к тому, что его уже не надо больше терять, не надо больше ждать, что теперь он всегда будет с ней.

«Как я люблю тебя. И как мне страшно...» Она не сводила с него глаз. Де Пейрак разглядывал в подзорную трубу противоположный берег озера, потом сложил ее и, отдав Малапраду, снова подошел к Анжелике. С галантностью, которая теперь так не вязалась с его суровой ролью кондотьера, он взял ее руки в свои и, повернув ладонями вверх, легко коснулся их поцелуем, и глаза его, обращенные к ней, наполнились нежностью.

— Мне кажется, что сегодня ваши руки, — ласково проговорил он, — измучены меньше, чем обычно. Неужели ваша упрямая лошадь начинает смиряться?

— Представьте, да! — ответила Анжелика. — Понемногу она привыкает. Теперь по вечерам у меня уже не отнимаются от усталости руки.

— Я знал, какие они у вас сильные. Поэтому и доверил эту лошадь вам. Мне тоже, — продолжал он, — как будто удалось смирить своего жеребца. Он одной

породы с Волли. У нас еще две английских кровей. Остальные из Мексики.

— Вы считаете, что лошади могут жить в этих краях? — спросила она, и в голосе ее прозвучало сомнение.

— Они будут жить здесь, — с уверенностью ответил граф. — Там, где живет человек, будет жить и лошадь. Вспомните, гунны вели с собой лошадей. И разве не на лошадях Александр Македонский завоевывал Индию? А арабы — Африку?

Мопунтук тем временем степенно удалился. Потом вернулся, неся все в той же весьма сомнительной чистоты посудине воду для Онорины. Девочка, впрочем, отнеслась к этому с большей простотой. Она смеялась и болтала с индейцем, они прекрасно понимали друг друга. Прыгая, она забрызгала его, но и это не рассердило надменного вождя металлаков. Де Пейрак зарядил пистолет. Его руки действовали быстро и уверенно, в каждом движении чувствовался большой навык.

— Надеюсь, ваши пистолеты тоже заряжены? — спросил он.

— Да, как раз сегодня я проверила их, пришлось переменить один запал, старый отсырел.

— Хорошо. В этих краях надо держать оружие наготове.

— Однако в этих краях мы пока не встретили ни души, и даже дикие звери, вместо того чтобы напасть на нас, бегут прочь.

— На свете существуют, к сожалению, не только дикие звери... А безлюдье порой оказывается весьма обманчивым... И он тут же заговорил о другом.

— За время нашего путешествия мы не потеряли ни одной лошади. Это большая победа, мы можем считать, что нам очень повезло. Это было чрезвычайно рискованное предприятие, на которое никто до нас не

отваживался. Прежде в эти края добирались только по рекам.

— Я знаю. Никола Перро рассказывал мне. И я уже поняла, — с улыбкой заметила она, — что не лошади везут нас, а мы ведем их через эти леса. И не индейцы сопровождают нас эскортом, а мы их.

— Вы правы... Металлаки слишком боятся встречи с ирокезами, которые летом бродят в этих местах, и они попросили взять их под защиту наших мушкетов, за что, правда, без большого рвения согласились нести некоторую часть нашего багажа. Впрочем, несут его, как видите, женщины. Америка — не Африка, где вам пришлось побывать, душа моя, и которая наводнена рабами. Здесь, в Америке, белый человек в особом положении — он и хозяин, он и единственный слуга.

— Однако на Юге в английских колониях существует рабство.

— На Юге, но не на Севере. Потому я и выбрал Север... К тому же здесь богатые месторождения серебра и золота, — добавил он, словно вдруг вспомнив об истинных причинах своего выбора. — Рабство удобно... для хозяев, конечно. Нам здесь придется обходиться без слуг и рабов, потому что индеец — все, что угодно, только не раб. Если его принудить работать, он умрет.

Анжелика все же решилась: она погладила рукав мужа и на мгновение прижалась щекой к его плечу. Она стеснялась перед его людьми быть нежной с ним.

— Как мне хочется, чтобы хоть ненадолго вы принадлежали только мне. Когда я ночью остаюсь одна, мне кажется, что я вас снова теряю. Когда же мы, наконец, доберемся до Катарунка?

— Возможно, скоро... а может быть, никогда! Она живо спросила:

— Вас что-то настораживает?

— Нет, дорогая! Обычная моя недоверчивость! Я поверю в то, что мы в Катарунке, лишь когда ворота палисада закроются за нами и на мачте взвьется мой флаг, оповещая каждого, что хозяин дома — в своих владениях. Чем больше я на вас смотрю, любовь моя, тем очаровательнее нахожу вас. Вы даже не представляете, как меня влечет к вам. И даже сейчас, когда у вас такие утомленные глаза, вы изнываете от жары и стараетесь скрыть свою усталость... я так люблю вас...

— О, я не скрываю, что я устала, и я действительно изнываю от жары! — воскликнула, смеясь, Анжелика. — И я бы отдала сейчас все на свете, лишь бы искупаться в этой прозрачной воде.

— За чем же дело стало?

Он жестом подозвал Никола Перро, который только что вышел из воды и едва успел одеться.

— Друг мой, могу я вам доверить целомудрие наших дам? Недалеко отсюда, за ивами, я заметил тихую заводь. Там они смогут искупаться. Поставьте одного человека у тропинки, пусть он заворачивает всех любопытных и нескромных, а другого на самом краю мыса, чтобы купальщики не заплывали туда. Стоянка продлится еще час.

Глава 3

Анжелика чувствовала себя на седьмом небе от счастья, подходя к маленькой заводи; она и в самом деле оказалась тихой и надежно защищенной деревьями. Но обе спутницы Анжелики были в полном смятении. Как? Купаться голыми под открытым небом? Нет, они никогда на это не отважатся. Напрасно Анжелика убеждала их, что здесь никто их не увидит, что их охраняют, — уговорить женщин было невозможно. Единственное, на что они решились, — это, разувшись и сняв чепчики, освежиться холодной водой и немного побродить у самого берега. Оставив их, Анжелика отошла в сторону. За деревьями она быстро разделась, с нетерпением поглядывая на зеркальную гладь озера. Затем осторожно спустилась по отлогому берегу. Вода была такая ледяная, что у Анжелики даже перехватило дыхание. Но уже через миг она почувствовала, как блаженная прохлада разливается по ее пылающему телу. Она вошла в воду по самое горло и, застонав от наслаждения, откинулась на спину. Вода подхватила ее горящий, словно свинцом налитый затылок. Она закрыла глаза. Холод проник до самых корней волос. Она почувствовала, как в ней возрождаются силы.

Чуть заметно двигая руками, она лежала на воде. Анжелика умела плавать. Когда-то в Париже и позднее, когда она с королевским двором проводила лето в Марли, она любила купаться в Сене.

Но Сена была далеко.

Анжелика открыла глаза. Целый мир свежести, ярчайших красок и света был перед нею. И этот мир принадлежал ей. Она мягко оттолкнулась в воде и

поплыла. За ней золотыми водорослями плыли ее волосы.

Отплыв довольно далеко от берега, Анжелика обогнула мыс и с другой его стороны обнаружила еще одну заводь, более широкую. Над ней возвышался гигантский багряный клен, протянувший по песку свои могучие корни к самому озеру.

У берега из воды, переливающейся на солнце всеми оттенками синей гаммы, выступали огромные серые валуны.

Анжелика подплыла к одному из них и взобралась на него, вода струйками стекала с ее тела. Она огляделась вокруг, потом медленно, словно вся еще была во власти чудесного сна, поднялась на камне, подставив свое белое, отливающее золотом тело лучам солнца.

Обеими руками она отжала волосы и вскинула их над собой, будто приносила этим жестом клятву в верности или заклинала кого-то; закинув голову, она смотрела в лазурное небо и вдруг, охваченная восторженным порывом, неожиданно для себя страстно произнесла:

— Благодарю тебя, о Создатель, за это мгновение... Благодарю за багрянец кленов и золото тополей! И за след оленя в подлеске, и за запах лесных ягод. Благодарю за эту тишь, и за покой, и за эту прохладную воду. Благодарю за то, что я осталась жива. Благодарю, благодарю тебя, Господи, за то, что я люблю. Благодарю за мое тело, за то, что ты сохранил его мне молодым и прекрасным.

Она уронила руки, широко открытые глаза ее восторженно сияли.

— Слава тебе. Новый Свет!.. Слава!

И вдруг гибким движением русалки бросилась в воду. Что-то неведомое мгновенно вырвало ее из экстаза. Сердце бешено колотилось в груди. Подняв

лицо к зарослям, подступавшим к самому берегу, она пыталась понять, что же произошло.

«Что это могло быть? Я будто слышала, как треснули ветки и что-то черное мелькнуло в кустах... Кто там был? Кто видел меня?»

Она напряженно вглядывалась в золотое кружево листвы на фоне темно-голубого неба. Стояла такая тишина, что было слышно, как под слабыми порывами ветра чуть шелестит листва. Но теперь этот покой казался Анжелике обманчивым, она не могла отделаться от охватившей ее тревоги.

«Там только что мелькнул чей-то взгляд! И он перевернул мне всю душу!»

Она вздрогнула. Тяжкое оцепенение сковало тело, и она почувствовала, что ее начинает медленно затягивать в прозрачную глубину. С трудом она достигла берега. Держась за ветки, она добралась туда, где оставила свою одежду. Там, бросившись на песок, она долго лежала, переводя дыхание. Она не совсем понимала, что случилось. Но ее била дрожь.

Почудилось ей только или она в самом деле услышала какой-то неясный звук и видела, как что-то шевельнулось в листве, когда, обнаженная, она во весь рост поднялась на камне и ясная гладь озера отразила ее опрокинутое изображение?

Во всяком случае, взгляд, который она на себе ощутила, вряд ли принадлежал человеку. В этом было что-то таинственное.

Отряд уже начал собираться на другом берегу озера. Она слышала, как там кричат и смеются люди. Но вокруг нее раскинулось спящее царство.

И тут на память ей пришли истории, что по вечерам у костров рассказывали Перро и Мопертюи, жуткие истории, которые случаются в дебрях Нового Света, населенных еще и поныне нечистой силой; сколько раз миссионеры, путешественники и торговцы, попавшие в

эти места, испытывали на себе ее злобные колдовские чары.

Здесь кругом затаились дикие чудища, здесь блуждали неприкаянные души язычников, принимающие самые неожиданные обличья, чтобы легче заманивать путников в свои сети... Анжелика пыталась убедить себя, что просто ей стало нехорошо, потому что, разгоряченная, она бросилась в ледяную воду. Но в душе она знала, что с ней произошло нечто таинственное, поразившее ее в самое сердце.

В тот самый миг, когда любовь к этому дарованному ей краю с такой силой охватила все ее существо, вмешалась другая, враждебная сила и отвергла ее.

«Уйди! — кричала она. — Ты не имеешь права жить здесь. Никакого права!» Эта таинственная сила налетела внезапно, как ураган, и так же быстро исчезла.

Анжелика неподвижно лежала, вытянувшись на песке. Потом, привстав, снова стала вглядываться в лес. Там все было невозмутимо.

Она поднялась и быстро оделась. Теперь она чувствовала себя лучше, но страх и тревога по-прежнему не отпускали ее. Эта земля отвергала ее, эта земля была ей враждебна. Она понимала, что у нее не хватает сил, чтобы бороться, чтобы без страха встретить ту жизнь, что ожидала ее здесь вместе с мужем, которого она так плохо знает!

Глава 4

Анжелика добралась до места, где Жан Ле Куеннек сторожил ее лошадь. Всадники уже были в седлах, но полураздетая Онорина все еще плескалась в воде. В руках она держала что-то белое, что, видимо, очень забавляло ее.

— Мне его дал Мопунтук, — сияя, сказала матери Онорина, выходя из воды.

Анжелика увидела пушистую шкурку горноста, причем так умело выделанную, что зверек выглядел живым.

— Мы с ним поменялись. Он мне — зверька, а я ему бриллиант... — добавила девочка.

— Тот самый, что отец подарил тебе в Голдсборо?

— Да, Мопунтуку он очень понравился. Он его приделает к волосам, когда будет танцевать. Вот увидишь, как будет красиво!

В том состоянии, в котором была сейчас Анжелика, от слов дочери у нее чуть не начался нервный припадок.

«Ну что мне с ней делать... — едва сдерживаясь, подумала она. — Жоффрей, правда, говорил, что камень стоит не дороже початка кукурузы, и все-таки... Ведь он дал его Онорине в тот самый вечер, когда сказал ей: «Я твой отец». Иногда она приводит меня в отчаяние!»

Без лишних слов она подхватила девочку на лошадь, натянула поводья и выбралась на тропинку.

Довольно долго она ехала, как в тумане, не отдавая отчета, куда идет лошадь. Потом заметила, что глинистая тропинка, которую ступенями перерезали огромные корни, поднимается в гору. Возможно, мул нашел бы такую дорогу вполне сносной, но аристократку Волли она явно не устраивала.

Тропинка резко свернула в сторону, и Анжелику тут же оглушил грохот падающей воды. Срываясь с крутых скал тремя бурными потоками, вода с ревом низвергалась в кипящую белой пеной реку, несущуюся в глубине ущелья. Деревья, сплетаясь кронами, почти скрывали его.

Из-за густой листвы не видно было неба, но солнечные лучи пробивались сквозь медную стену леса и, пронизывая пещерный мрак, слепили глаза. Анжелика уже давно потеряла из виду индейцев, которые шли впереди. Шум водопада заглушал теперь те звуки, по которым, даже не видя никого из своих спутников, Анжелика угадывала, что караван где-то близко. Словно всадница из страшной сказки, она очутилась у пределов опасных земель, где не слышно было даже шагов ее лошади.

Грохот становился чудовищным.

Вдруг со склона, вдоль которого тянулась тропинка, скатился огромный плоский камень и, тяжело рухнув под самые копыта лошади, преградил ей дорогу. Затем, будто под колдовским действием сине-зеленого цвета, эта овальная глыба вдруг задвигалась, приподнимаясь, начала раздуваться, превратившись в какой-то морщинистый серый пузырь, и, наконец лопнув по швам, выбросила наружу маленькую головку, отвратительно раскачивающуюся на вытянутой тонкой шее.

Волли в ужасе взвилась на дыбы. Анжелика закричала, но сама не услышала звука своего голоса. Должно быть, кричала и Онорина... Вздывившаяся лошадь била копытами в воздухе и пятилась к пропасти. Еще минута, и, запутавшись в поводьях, она скатится вниз, увлекая за собой Анжелику с ребенком. Сделав над собой нечеловеческое усилие, Анжелика бросилась на шею лошади и, навалившись всей тяжестью своего тела, заставила ее опуститься на

передние ноги. Но это не спасло положения. Волли продолжала отступать к роковому обрыву.

А между тем на тропинке была всего-навсего безобидная, правда, гигантских размеров, черепаха. Но как это объяснить обезумевшему животному? Ужасный грохот вокруг заглушал все звуки. Анжелика не слышала, как трещат ветки, хотя на ее глазах они ломались, разлетаясь в разные стороны. Все ближе бесновалась вода в потоке, все ближе видела Анжелика бешеный танец бурлящей пены, которую, казалось, изрыгает таинственное чудовище, но она не осознавала сейчас, что оглушающий ее грохот исходит именно оттуда.

Вдруг перед глазами Анжелики мелькнуло что-то красное. «Кровь», — пронеслось у нее в голове. Это длилось долю секунды. Потом ей почудился глухой шум падения — это катились на дно пропасти их тела, и она даже ощутила, как подхватил ее с ревом несущийся поток.

В этот момент ветка, больно хлестнув по лицу, привела ее в чувство. Каменистая почва уже осыпалась под копытами Волли, топтавшейся в нескольких дюймах от края пропасти. Но со смертью еще можно было бороться. Мысль об Онорине, маленькие ручонки которой вцепились в нее, побудила Анжелику к действию. Ей казалось, что вся ее воля и до предела обострившаяся мысль сосредоточились сейчас на этих ручонках. Теперь она знала, что надо делать. Она совсем бросила поводья и дала лошади полную свободу. Волли, не ждавшая этого освобождения, только успела мотнуть головой, как Анжелика до крови пришпорила ее. Лошадь скакнула вперед, спасительное пространство было отвоевано. У Анжелики хватило сил вывести лошадь на тропинку, но она снова остановилась там с дрожащими коленями — гигантская черепаха, по-прежнему, преграждала путь.

— Черепаха! Это же черепаха! — прокричала Анжелика, словно лошадь могла ее понять.

Она не слышала звука собственного голоса. Но теперь она чувствовала, как мучительно ноют у нее руки и ноги. Она знала, что никто не придет к ней на помощь, никто не поможет справиться с лошадью, никто не отгонит с тропинки это чудовище.

И вдруг она заметила, что совсем рядом безмолвно стоят индейцы. Должно быть, они видели, как она укрощала лошадь, как отчаянно боролась со смертью, с каким бесстрашием, удивительным даже для существа необычного, смотрела она в глаза смерти. Анжелике показалось, что лица индейцев искажены ужасом и они пребывают в каком-то странном оцепенении...

Онорина все еще была за ее спиной. Анжелике удалось повернуться к ней и прокричать, чтобы та прыгала на землю. Девочка, видимо, поняла... Анжелика с облегчением увидела, как она скатилась на сухие листья и подбежала к индейцу, который стоял ближе всех.

Тогда и она сама спрыгнула с лошади. Сделать это было нелегко. Волли вся напряглась, пытаясь вырваться и ускакать в чащу. Она снова вздыбилась, и Анжелика чудом избежала удара копытом. Ей удалось удержать повод, и, сильно стегая лошадь, она заставила ее сойти с тропинки — необходимо было увести Волли от черепахи, которая наводила на нее такой страх.

Наконец лошадь начала понемногу успокаиваться. Вся еще дрожащая и взмыленная, она дала привязать себя к дереву; она больше не вырывалась и, вдруг смирившись, беспомощно опустила к самой земле свою узкую, породистую голову.

Тогда Анжелика вернулась на тропинку и медленно направилась к черепахе. Индейцы замерли. Затаив дыхание, они ждали, что же сейчас произойдет. Панцирь черепахи был похож на овальный гостиный

столик, а покрытые чешуей лапы были толщиной с руку подростка.

Гнев Анжелики был сильнее того омерзения, какое вызывало у нее это допотопное чудовище, которое, видя, что она приближается к нему, начало медленно втягивать голову. Упершись ногой в черепаху, Анжелика столкнула ее с тропинки. Не удержавшись на обрыве, огромная колода перевернулась, подскочила и покатила вниз. Все кончилось тем, что в воду, подняв столб брызг, рухнула черепаха.

Анжелика была как в тумане. Она вытерла руки о сухие листья и на минуту опустила на землю, потом медленно встала и пошла к лошади. Она довела ее до вершины, крепко держа за повод. Вскоре они спустились к поляне, поросшей спелой черникой и маленькими голубыми елочками. Как по волшебству, рев водопада стих, его словно поглотила бездна. И сразу стало слышно, как поют птицы, звенят кузнечики, гудит ветер. У подножия гор, насколько хватало глаз, простиралась долина, по которой продолжал свой путь караван. Вслед за Анжеликой на поляне появились и индейцы. Они снова обрели дар речи и что-то живо обсуждали на своем гортанном языке. Анжелика слышала, как позади, едва поспевая за ней, тихонько всхлипывает Онорина. Но вот девочка заплакала навзрыд. Пришлось снова садиться на лошадь. А она многое бы сейчас отдала, чтобы упасть в траву и хоть ненадолго забыться сном.

— Иди ко мне, — сказала она Онорине. Анжелика посадила ее перед собой, вытерла нос и распухшие от слез глаза, поцеловала девочку и прижала к себе.

Вдруг в нескольких шагах она увидела де Пейрака, который вместе с сыновьями и большей частью отряда, вернувшись назад, ехал к ней навстречу.

— Что у вас случилось?

— Ничего особенного, — ответила бледная как смерть Анжелика.

Она понимала, что в эту минуту, в разорванном платье, с плачущей девочкой на руках, на окровавленной лошади, она являет собой зрелище довольно жалкое в глазах мужа, не привыкшего обременять себя семьей во время своих экспедиций.

— Мне сказали, что вы встретили ирокезов? — допытывался де Пейрак.

Анжелика отрицательно покачала головой. Подоспевшие индейцы, перебивая друг друга, начали что-то пространно объяснять де Пейраку. В разговор, собрав все свои познания в языке индейцев, вступили Флоримон и Кантор.

— Мопунтук продолжает настаивать, что там были ирокезы.

При одном упоминании об этом племени со всех сторон послышалось щелканье взводимых курков. Испанские солдаты подошли ближе.

Анжелика не могла произнести ни слова. Наконец она пробормотала:

— Там была черепаха... Черепаха на... тропинке.

И в нескольких словах она рассказала обо всем, что произошло. Граф де Пейрак нахмурил брови и так взглянул на лошадь, что Анжелика ощутила себя перед ней виноватой. Онорина снова зарыдала.

— Бедная черепаха, — приговаривала девочка. — Она была такая глупая, такая неловкая... А ты... ты ее столкнула в пропасть... Какая ты злая!

Анжелика почувствовала, что она тоже сейчас разрыдается. Тем более в эту минуту она заметила, что Онорина босиком. Должно быть, она оставила свои башмаки у озера. Это была настоящая катастрофа. Как раздобыть детские башмаки в этих диких лесах? Капля переполнила чашу. Если бы ее руки не были заняты — приходилось держать и лошадь, и Онорину, — она бы

достала носовой платок и спрятала в нем свое горе. А так она просто отвернулась, чтобы скрыть брызнувшие из глаз слезы.

Индейцы были в страшном возбуждении, при помощи мимики и жестов они пытались объяснить белым, которые их засыпали вопросами на всех языках, что же все-таки произошло. Испанцы требовали, чтобы им показали, где враг. Граф, приподнявшись в седле, негромко сказал:

— Тихо!

Но тон, которым это было сказано, возымел немедленное действие. Индейцы затихли. Когда на лице де Пейрака появлялось такое выражение, всем становилось ясно, что следует тут же повиноваться. «Он мог бы сейчас убить человека», — содрогнувшись, подумала Анжелика. Граф де Пейрак мягко опустил руку на голову Онорины.

— Черепахи прекрасно плавают, — сказал он. — Черепаха, которая вас так испугала, уже выбралась из воды и сейчас гуляет по берегу и ловит мух.

Девочка доверчиво взглянула на него и тут же успокоилась. Затем, спешившись, граф подошел к Мопунтуку. Они стояли рядом, оба одного роста, и граф де Пейрак внимательно слушал слова сагамора. Подоспевший Никола Перро помог окончательно разобраться в недоразумении. Жоффрей де Пейрак улыбнулся, сел на коня и подъехал к Анжелике.

— Оказывается, это одно из их суеверных толкований... Для них черепаха — символ ирокезов. Встреча с ней — плохое предзнаменование, почти точное подтверждение того, что их самый грозный враг где-то рядом. Потому они и застыли на месте от ужаса при виде этого безобидного животного, довольно распространенного в этих краях.

Никола Перро добавил:

— Они говорят, что тотем ирокезов появился на пути белой женщины, чтобы погубить ее, но белая женщина не испугалась, не отступила, а взяла над ним верх. Отныне, сударыня, как утверждают металлаки, ни одно из племен, входящих в ирокезский союз, вам не страшно.

— Вашими бы устами да мед пить... — ответила Анжелика, с трудом выдавив из себя улыбку.

— Вы поедете рядом со мной, дорога здесь это позволяет. Мы сейчас выезжаем на тропу, на длинную trail, как ее называют англичане, она тянется на сотни лье вдоль хребта Аппалачей. Держитесь подле меня, дорогая!

Оттого что голос де Пейрака звучал спокойно и уверенно, у Анжелики сразу стало легче на душе. И то, что теперь она поедет рядом с мужем, очень ее обрадовало. Но вид у него был довольно мрачный, и Анжелике подумалось, что случай с черепахой все-таки расстроил его, но, прекрасно умея владеть своими чувствами, он этого не показывает.

Наконец они добрались до большого озера со светло-зеленой водой. Сильно изрезанная линия берега кое-где глубоко вдавалась в него длинными языками, поросшими чахлыми соснами. Перед путниками раскинулась лощина, узкая и довольно глубокая. Как раз напротив них над лощиной возвышался холм, похожий на огромную клумбу, усеянную розовыми, красными, оранжевыми и лиловыми цветами, среди которых мелькали пятна зелени изумительных оттенков. Что-то в этой цветущей горе показалось Пейраку подозрительным.

Он приказал подать ему подзорную трубу. Погода уже давно начала портиться, и сейчас тучи спускались все ниже, навстречу туману, постепенно заволакивающему землю.

— Скоро будет совсем темно, — сказал граф. Он быстро протянул подзорную трубу Анжелике. — Взгляните-ка, вы ничего там не видите?

Перед глазами Анжелики прежде всего встали белые и черные стволы, поддерживающие пылающую массу листьев. И вдруг в стеклянном кружочке она с удивлением заметила мелькающие среди деревьев фигуры людей. Над их головами она ясно различила уборы из перьев.

— Что вы видите?

— Я вижу индейцев... двух или трех, нет, нет, погодите... больше.

— Вы не видите, какие у них прически?

— У них бритые головы и на самой макушке торчат волосы, украшенные перьями. — Она опустила подзорную трубу.

— Жоффрей, такие прически были у кайюгов... ^[1]

— Да!

Он медленно сложил трубу.

— Неужели ваша встреча с черепахой действительно явилась предзнаменованием? Я не хотел бы прослыть за человека суеверного... и тем не менее готов биться об заклад, что перед нами ирокезы...

Один за другим люди стягивались к опушке леса. Индейцы, смешавшись с белыми, со злобой, уже порядком всех раздражавшей, смотрели на пестрый пригорок, где скрывался невидимый враг.

— Вот не повезло! — воскликнул повар Малапрад. — До Катарунка-то рукой подать. Еще немного, и мы бы увидели нашего славного О'Коннела и могли бы насладиться благами цивилизации. Мессир де Пейрак, по приезде я собирался приготовить вам фрикадельки из дичи с капустным соусом... Только как бы из нас самих сейчас не сделали фрикадельки...

— Что это вы вдруг приуныли, люди добрые! — воскликнул Флоримон. — Мы с удовольствием отведаем ваше блюдо, Малапрад. Здесь, на Севере, ирокезы нагнали на всех такой страх, что все разбегаются при одном упоминании о них. Я встречал ирокезов в Новой Англии, их там называют могавками. Они ничуть не страшнее могижан. Они даже помогали англичанам защищать Нью-Йорк от недругов, которые время от времени вырезают белых, живущих вдоль границ.

— Хорошо бы узнать, за кого они нас принимают, за французов или за англичан? Во всяком случае, металлаков, которые нас сопровождают, они, мягко выражаясь, недолюбливают. Вообще они считают, что те, кто не принадлежит к их расе, годятся только на жаркое. И металлики это прекрасно знают. Взгляните-ка на них!

Действительно, индейцы под предводительством своего сагамора готовились к битве. Они быстро сбросили ношу на землю. Женщины и дети мгновенно исчезли, их словно втянула в себя чаща багряного леса. Воины разрисовывали себя красной, черной и белой краской; лучники проверяли тетиву и стрелы, снабженные на концах перьями для более точного полета.

У каждого к левой руке был прикреплен тяжелый кастет, а в правой зажат нож — индейцы приготовились снимать в бою скальпы. Взяв его в зубы, чтобы освободить руки, они натягивали тетиву луков.

Несколько разведчиков, как змеи, проскользнули в пунцово-желтые заросли. Индейцы во главе с Мопунтуком подтянулись ближе к белым. Жестокая радость озаряла их татуированные физиономии.

Европейцы, за исключением, может быть, таких юнцов, как Флоримон, не разделяли энтузиазма краснокожих. Их лица, почерневшие за долгие дни пути, выражали усталость и досаду. Если правда, что

всего несколько часов отделяли их от Катарунка, где они смогли бы укрыться за палисадом и где их ждали, пусть даже самые примитивные, удобства человеческого жилья, было действительно очень обидно, натолкнувшись на засаду, рисковать своей жизнью.

Анжелика взглядом спросила у мужа, что он собирается делать.

— Подождем, — ответил он. — Решим, когда вернутся разведчики. Если ирокезы нападут на нас, будем защищаться, если они нас не тронут, мы тем более не тронем их. Я предупредил Мопунтука: если он развяжет бой без враждебных выпадов с той стороны, я его поддерживать не стану.

С оружием в руках они ждали.

Ирокезы не только не проявляли намерения атаковать белых, но, возможно, они просто их не заметили; на холме уже никого не было. Они как сквозь землю провалились. Металлаки повернули к Анжелике свои размалеванные лица. Они покачивали головами. Белая женщина обратила в бегство страшных ирокезов.

Глава 5

— У каждого племени есть свой тотем. Но черепаха — это общий тотем всех ирокезов, — объяснял Никола Перро в этот вечер на привале.

Холод выползал из ущелий, люди жались ближе к кострам. Жоффрей де Пейрак показал рукой на блестящую ленту реки, плавно извивающуюся в долине.

— Это Кеннебек...

И люди де Пейрака возликовали, словно древние евреи, завидевшие Землю Обетованную. Сейчас они особенно радовались, что скоро окажутся под надежной защитой палисада, потому что, после того как в зарослях были замечены индейцы, а особенно после происшествия с черепахой, в сердца их закралось чувство смутного страха.

Нудно звенели комары. Анжелика, завернув Онорину в свою накидку из толстой шерсти, сидела, укачивая девочку. Время от времени глаза обращались к блестящей полоске реки, петляющей по долине. Там был Катарунк, их пристань.

— Волк — тотем могавков, — продолжал Никола Перро, — косуля — онондагов, лисица — онеидов, медведь — кайюгов, паук — сенеков. Но черепаха — это тотем всех ирокезов, входящих в Союз пяти племен.

Никола Перро задумался, и кожа на его обветренном лбу собралась в глубокие складки.

— Здешние племена индейцев ведут кочевой образ жизни, они питаются из одного котла и не знают, что такое хлеб и соль... Ирокезы — совсем другое дело. Это великий народ земледельцев...

— Оказывается, вы их большой поклонник, — заметила Анжелика.

Канадец подскочил:

— Сохрани боже! Это сущие дьяволы! У нас, канадцев, нет более заклятых врагов. Я жил у них, — помолчав, продолжал он. — Забыть об этом времени невозможно. Тот, кто делил с ними кров и хлеб, поймет меня. Я хорошо знаю Священную долину... там царят три божества, чтимые у ирокезов...

— Три божества?

— Да! Маис, тыква и фасоль, — ответил Перро без тени улыбки.

Онорина уснула. Осторожно, чтобы не разбудить девочку, Анжелика встала и отнесла ее в палатку, которую на ночь разбивали для детей и женщин. Она заботливо укутала ее в медвежью шкуру и снова вернулась к костру, чтобы помочь госпоже Жонас, вместе с Малапрадом готовившей ужин.

Аппалачи, залитые лучами заходящего солнца, казались багровыми. Лагерь расположился на высоком, выступающем вперед горном отроге, его хорошо со всех сторон обдувал ветер, и потому тут было меньше комаров и мошкар, да с него и удобнее было обозревать окрестности.

Флоримон с Кантором запекали в золе завернутую в листья рыбу, которую они руками поймали в реке. На вертеле жарились огромные куски лося, а в котелке варилось изысканное блюдо — язык лося, приправленный душистыми травами.

Котел с маисовой кашей уже сняли с огня, и госпожа Жонас принялась раскладывать ее в миски. Ее постоянно раздражала бесцеремонность индейцев, которые первыми тянули свои немытые посудыны. Они всюду совали свой нос, хватали все, что попадет под руку, с невозмутимой дерзостью мешали всем, но ведь они были здесь у себя дома и, в сущности, белые пользовались их гостеприимством и покровительством.

Госпожа Жонас поджимала губы и, как ей казалось, бросала весьма красноречивые взгляды на графа де

Пейрака. Она никак не могла взять в толк, как такой благородный, такой воспитанный человек может терпеть их присутствие. Анжелика тоже иногда думала об этом.

Холодный голубоватый свет залил долину. Вдоль опушки леса ходили часовые.

День был богат волнениями, закончился еще один этап пути. Что-то принесет им следующий?

Анжелика глазами поискала мужа, он стоял чуть в стороне ото всех и смотрел куда-то вдаль. Он был один. Вся его фигура выражала глубокую сосредоточенность.

Анжелика заметила, что, когда он таким образом замыкался в себе, никто не смел его потревожить. Особое уважение окружало графа де Пейрака. Все эти люди, столь различные и в большинстве своем живущие постоянно настороже, вручили ему свои судьбы. И они с недоверием и ревностью приняли Анжелику, неожиданно появившуюся в жизни их господина.

— Кто не знает, что даже самого сильного человека баба может превратить в тряпку, — пробурчал овернец Кловис, щуря раскосые глаза.

— Ну нет, такой не размякнет, — возразил ему бретонец Жан Ле Куеннек. И, бросив восхищенный взгляд в сторону Анжелики, добавил:

— Да и женщина не из таких...

— Много ты в этом смыслишь! — пожал плечами Кловис. Черные вислые усы придавали его лицу выражение горечи.

Анжелика без труда угадывала подобные разговоры. Она сама когда-то командовала такими же людьми. Но это были не ее люди.

Их сплотили вокруг графа де Пейрака пережитые вместе опасности и общие победы. Всех их связывали узы неподкупной, нерушимой, скупой на проявления мужской дружбы с тем, чья воля и опыт заставили их видеть в нем своего единственного господина и

единственную свою надежду. Вместе с ним они сражались с маврами и христианами, бороздили воды Карибского моря, грудью встречали штормы. Вместе с ним они делили добычу. С его милостивого разрешения устраивали кутежи и вели разгульную жизнь в портах. И щедрый хозяин раздавал золото полными пригоршнями.

Анжелика иногда пыталась вообразить, как жил Жоффрей, когда ее не было рядом с ним. Чаще всего он почему-то представлялся ей окруженным своими приборами. Она видела его склоненным над картой или глобусом в каюте покачивающегося на волнах корабля или на какой-нибудь башне в Канди наблюдающим далекие звезды в астрономическую трубу, стоящую огромных денег. Но ведь в этом прошлом были вечера, когда слуга пропускал к нему в комнату женскую фигуру, закутанную в покрывало, где-нибудь на островах Карибского моря. Это могла быть прекрасная испанка, пылкая мавританка или тоненькая, гибкая индианка.

И всякий раз ради этих женщин он прерывал свои труды и принимал их с такой изысканной галантностью, был так остроумен, так предупредителен, так умел пленять их, что они сторицей воздавали ему за все его старания.

Все-таки у нее был необыкновенный муж!

Анжелика встретила с ним вновь в пору расцвета его сил и способностей; сейчас это был зрелый человек, привыкший рассчитывать только на самого себя. И Анжелике по праву принадлежало место рядом с ним. Но когда она видела его таким далеким, поглощенным своими мыслями, она не осмеливалась подойти к нему.

Стало совсем темно. У костра Кантор пел мелодичную тосканскую песенку, подыгрывая себе на гитаре. Его бархатистый и очень верный голос, в котором иногда прорывались еще высокие детские

ноты, звучал пленительно. Когда он пел, казалось, нет счастливее человека на свете.

Ей до сих пор так и не удалось поближе познакомиться со своими сыновьями, узнать, что такое они, ее дети, и подружиться с ними.

Когда же наконец они доберутся до Катарунка?

Прежде чем вернуться к костру, Анжелика решила пойти взглянуть на свою лошадь, ей почему-то стало беспокойно за нее. Она спустилась на берег реки, где оставила пастись Волли.

Предчувствие не обмануло ее. Лошади на месте действительно не было. И только на дереве, за которое она была привязана, болталась длинная веревка. Анжелика знала, что далеко Волли уйти не могла. Приподнявшись на носки, она отвязала веревку и, намотав ее на руку, пошла вдоль реки и стала тихонько звать лошадь.

В небе поднялась бледная луна. У ног Анжелики журчала меж камней сильно обмелевшая за лето река. Где-то поблизости потрескивали ветви. Анжелика пошла в том направлении. И вскоре в неверном свете луны она увидела свою беглянку, которая спокойно щипала траву на маленькой поляне. Но стоило только Анжелике приблизиться к ней, как норовистая лошадь бросилась куда-то в сторону. Лишь на вершине скалы Анжелике удалось наконец заарканить ее, и тогда она поняла, что потеряла из виду огни лагеря. Впрочем, в этом не было ничего страшного: ей нужно было снова спуститься к реке и пойти вниз по течению. Потуже подтянув подпругу, она крепко держала лошадь и изо всех сил напрягала слух, чтобы уловить журчание реки.

Ей вдруг показалось, что, сливаясь с далеким зовом оленя, с шумом листвы и глухим рычанием водопадов, из глубины леса до нее донеслись звуки церковного песнопения.

Глава 6

— Ave Maria...

Звуки духовного гимна раздавались в ночной мгле. Анжелика подняла голову, словно пытаясь сквозь ветви деревьев разглядеть поющих в небе ангелов. Вздвогнув, она со страхом огляделась.

По краю скалы поднимался колеблющийся розоватый свет, и на его фоне мелькали причудливые танцующие тени.

Крепко держа лошадь, Анжелика подкралась к самому краю. Поющие голоса неслись откуда-то снизу.

Она готова была поверить, что снова попала в Ньельский лес, где, скрываясь от преследований, гугеноты пели свои псалмы. Осторожно она продвинулась еще ближе и, заглянув в ущелье, оцепенела... Ее взору открылась невероятная, почти нереальная картина...

У реки, текущей по самому дну, ярко горели два больших костра, и их алые отсветы полыхали на соседних скалах. Священник в черной сутане, подняв руки, благословлял стоящих перед ним на коленях людей.

Священник стоял к Анжелике спиной, и она не видела его лица. Среди молящихся были люди в коротких плащах из лосиной кожи и меховых шапках, другие — в военных мундирах, расшитых золотым позументом. Анжелика даже заметила среди них мужчин благородной осанки, в кружевных воротниках и манжетах.

Неожиданно пение оборвалось. Теперь звучал только голос священника, громкий и страстный:

— Владычица небесная...

— Молись за нас! — хором подхватила толпа.

Анжелика попятилась.

Французы!..

— Заступница грешных! Утешительница скорбящих...

— Молись за нас, молись за нас...

Трапперы, солдаты и сеньоры, стоя на коленях, благоговейно склонив головы, перебирали четки.

Французы!..

Сердце Анжелики бешено колотилось. Могло бы показаться, что все это происходит в каком-то кошмарном сне, в котором она заново переживает все старые муки, если бы позади французов она не различала бронзовые фигуры полуголых индейцев. Одни из них тоже молились и пели. Другие, сидя вокруг костра, вытаскивали руками какие-то объедки из деревянной миски. В воздухе еще пахло супом, и пустой котел валялся чуть поодаль.

Огромный лохматый индеец медленно поднялся с земли, наклонился к костру и вытащил из него раскаленный докрасна топор. Осторожно держа его в руках, он отошел в сторону, и только тут Анжелика заметила привязанного к дереву голого индейца.

Не спеша, словно проделывая самую обычную работу, гигант подошел к нему и приложил к его бедру раскаленный топор. Тот даже не вскрикнул. Но через мгновение Анжелика почувствовала невыносимый запах горелого мяса. В ужасе, едва сдержав крик, она сделала резкое движение, лошадь метнулась, под ее копытами затрещали ветки. Поняв, что ее сейчас заметят, Анжелика быстро вскочила на лошадь.

Индеец, который уже снова сунул топор в пылающие угли, насторожился, поднял голову и вскинул к вершине скалы мускулистые, украшенные браслетами из перьев руки.

Все тотчас же вскочили на ноги, и перед их изумленными взорами на фоне неба, залитого луной,

пронесся силуэт всадницы, женщины с длинными
развевающимися волосами.

Крик ужаса потряс воздух:

— Демон! Демон Акадии!

Глава 7

— Вы говорите, они закричали «Демон Акадии!»?

— Во всяком случае, мне показалось.

— Не дай бог, чтобы они вас приняли за этого демона! — воскликнул Никола Перро и перекрестился. За ним перекрестился и Мопертюи.

— Не знаю, за кого они меня приняли... но бросились за мной они как сумасшедшие. Один из них чуть не догнал меня у самой реки... Мне пришлось отстреливаться.

— Вы не убили его? — озабоченно спросил Пейрак.

— Нет, я попала ему в шляпу, и он свалился в воду. Я же вам говорю, это французы, они расположились на стоянку по другую сторону этой самой горы.

— Если вы не возражаете, мессир де Пейрак, мы, канадцы, сходим туда. Черт нас подери, если мы не встретим среди них кого-нибудь из добрых старых знакомых, с которыми нам найдется о чем потолковать.

— Не забывай, Перро, что власти Квебека приговорили нас к смерти, — напомнил Мопертюи, — а монсеньор епископ отлучил от церкви.

— А! Все это ерунда! Разве можно устоять перед встречей с земляками...

Никола Перро, Мопертюи и его сын Пьер-Жозеф, двадцатилетний юноша, прижитый им от индианки, скрылись в лесной чаще.

С той самой минуты, когда, вернувшись, Анжелика подняла тревогу, весь лагерь был на ногах. Подождав, пока канадцы исчезнут в лесу, Анжелика обернулась к де Пейраку. Она с трудом сдерживала нервную дрожь, и в голосе ее звучало раздражение.

— Почему вы не предупредили меня, что в этих краях мы можем встретить французов?

— Вас меньше всего должна удивлять встреча с французами на земле Северной Америки. Они здесь немногочисленны, я вам об этом говорил, но полны боевого духа и такие же скитальцы и бродяги, как индейцы. Мы неизбежно должны были привлечь их любопытство... Садитесь сюда, поближе к огню, дорогая. Вы же совсем застыли. Эта неприятная встреча так встревожила вас. И опять виною ваша несносная лошадь...

Анжелика поднесла руки к самому пламени. Она действительно застыла, заледенела до самого сердца. Вопросы были готовы сорваться с ее языка. Ей так хотелось, чтобы муж успокоил ее, и в то же время она должна была знать истинные размеры угрожавшей им опасности.

— Вы боялись именно этой встречи, Жоффрей? Поэтому вы так торопили нас? Вы опасались, что канадские французы захватят земли, которые вы считаете своими?

— Да! В Голдсборо мой ближайший сосед, барон де Сен-Гастин, комендант французского форта Пентагоет, с которым я поддерживаю самые добрососедские отношения, предупредил меня, что миссионеры-католики, наставляющие в вере индейцев, очень обеспокоены моим приездом в верховья Кеннебека и что они обратились к губернатору Квебека с просьбой послать против меня вооруженных солдат.

— Какое право имеют французы препятствовать вашему прибытию в эти места?

— Они считают, что эти земли принадлежат им.

— А кому они принадлежат на самом деле?

— Тому, кто смелее. Договор, подписанный Францией, признает их за англичанами. Но англичане не осваивают эти земли, они боятся леса и предпочитают не отрываться от побережья.

— А если канадские французы узнают, кто вы такой и кто я?

— Это случится не завтра... А тогда я буду сильнее всей этой жалкой французской колонии. Так что не бойтесь ничего. Людовик XIV не доберется до нас. А если даже он и попытается это сделать, здесь мы сможем бороться с ним. Америка велика, а мы свободны... Успокойтесь же!

— А что значит крик, раздавшийся мне вдогонку, — «Демон Акадии!»?

— Они, должно быть, приняли вас за призрак. Перро рассказывал мне, что недавно Новую Францию потрясли откровения некой монахини из Квебека, во сне ей якобы явился дьявол в образе женщины, который должен отвратить от церкви души индейцев, крещеных и некрещеных. Они ждут и боятся его появления. Предсказано, что дьявол явится верхом на мифическом животном...

— Теперь мне все понятно! — воскликнула Анжелика с нервным смехом. — Когда они увидели женщину на лошади... а такое здесь невозможно даже и представить... Да, все соответствует этим небылицам...

Пейрак казался озабоченным.

— Все это нелепо... и тем не менее довольно серьезно. Путаница, которая произошла в их головах, может нам дорого обойтись. Ведь эти люди — фанатики.

— Но не могут же они напасть на нас, если мы не дадим для этого никакого повода.

— Посмотрим! Будущее покажет их намерения. Сегодня утром Перро послал индейца в разведку. Он должен разузнать, где сейчас ирокезы, куда направляются французы и их союзники алгонкины, абенаки, гуроны, которых они берут с собой в военные походы. Между прочим, мне кажется, что индейцы, замеченные сегодня нами, всего-навсего гуроны,

сопровождающие французов. Хотя они и заклятые враги ирокезов, но у них много общих с ними обычаев, например, они одинаково завязывают волосы на макушке... Нам известно, что сейчас ирокезы вышли на военную тропу и, возможно, французы охотятся за ними, и мы могли бы... Такова Америка! Необитаемые пространства вдруг оживают, оказывается, что вокруг тебя люди, самые разные, но всегда враги...

В подлеске замелькали огни факелов, они приближались к лагерю. Это возвращались недовольные канадцы. Спустившись вниз по течению реки, они без труда нашли место стоянки, но, кроме пленного ирокеза, привязанного к дереву, там никого не оказалось.

Напрасно они кричали во весь голос: «Эге-ге! Где вы, люди со Святого Лаврентия? Где вы, братцы?»

Никто им не ответил.

А пленный ирокез, замученный до полусмерти, которого они отвязали, улучив мгновение, изловчился, прыгнул в сторону и исчез в лесной чаще.

Теперь путников окружал безмолвный, таинственный лес, населенный призраками невидимых врагов, вокруг чуть слышно шелестела листва, и где-то вдали раздавался трубный зов оленя.

Жоффрей де Пейрак усилил дозор, часовые всю ночь будут охранять лагерь: они не должны быть застигнуты врасплох. Он предложил Анжелике пойти отдохнуть. Проводив ее до палатки и пользуясь полной темнотой, Жоффрей притянул ее к себе и хотел поцеловать в губы. Но она слишком много пережила сегодня, была слишком взволнована и не ответила на его ласку. В такие минуты она вопреки своей воле сердилась на него за то, что на время пути он отдалил ее от себя и что они не вместе проводят ночи. Однако она мирилась с этим, понимая, что этого требует

дисциплина в отряде, где появление нескольких женщин явилось целым событием.

Когда они, пленники-христиане, бежавшие от султана Марокко, шли через пустыню. Колен Патюрель придерживался тех же принципов. «Запомните, — говорил он, — эта женщина ничья. Никаких любовных историй до тех пор, пока мы целыми и невредимыми не доберемся до христианских земель».

Этим же правилом руководствовался и де Пейрак, решительно собрав всех женщин с детьми под один кров; мужчины спали по трое в шалашах.

И сам он, их единственный господин, полновластный хозяин, строго следовал общим правилам, не допуская для себя каких-либо привилегий. Он принял закон древних воинственных племен: ночь перед битвой или каким-нибудь важным событием воин проводит без женщины, чтобы сохранить ясность мысли и силы.

У Анжелики же не было сил. Порой она чувствовала себя такой слабой, и ей ужасно не хватало Жоффрея. Вдали от него она никогда не была спокойна. Она боялась снова потерять его, не успев до конца поверить в чудо их встречи.

Она знала, что сдержанность де Пейрака и его внешняя холодность скрывают пылкую чувственность и она, Анжелика, по-прежнему вызывает в нем страстные желания. Но порой ей начинало казаться, что она для него лишь источник наслаждений, что для нее нет места в его духовной жизни, он не доверяет ей своих тайн, радостей и забот. Анжелика успела понять, что судьба вновь связала ее с человеком, которого она теперь почти не знает, но которому должна повиноваться во всем. Она уже не раз наталкивалась на его железную волю. У него были свои незыблемые принципы, свои тайны, и он стал гораздо осторожнее,

чем прежде. Невозможно было заранее предугадать его замыслы.

Анжелика плохо спала. Она все время прислушивалась, ожидая, что вот-вот раздадутся выстрелы и канадцы ворвутся в их лагерь. На рассвете, услышав голоса, она выскользнула из палатки.

Индеец-разведчик появился из тумана. Он почтительно приветствовал своего хозяина Никола Перро и графа де Пейрака, которые устремились к нему навстречу.

К ним подошла и Анжелика, и они сообщили ей новость, только что принесенную индейцем. Два дня назад небольшой отряд канадских французов, сопровождаемый их краснокожими союзниками, захватил форт Катарунк.

Еще не совсем рассвело, когда караван снялся с места. Было очень холодно. Чуть розовеющий туман окутывал землю и в двух шагах ничего не было видно. Двигаясь друг за другом, ведя под уздцы лошадей, путешественники пересекли поляну и погрузились в мокрый кустарник. Приказы отдавались шепотом, и заочневших детей заставляли сдерживать кашель. Роса дождем обрушилась на них. Старались двигаться бесшумно, и со стороны шествие их выглядело очень таинственным. Понемногу туман начал рассеиваться, и, когда светло-желтый диск солнца всплыл над землей, туман сразу исчез, и обновленная сверкающая природа вновь вспыхнула всеми ослепительно яркими красками.

Отряд как раз переходил открытое место, и из уст в уста передали приказ быстрее добраться до опушки дубового леса, который тянулся чуть правее. Здесь было разрешено сбросить на землю поклажу и расположиться на отдых.

Постепенно зной начал забираться и сюда, под лиловую листву огромных кряжистых дубов. Люди все еще разговаривали шепотом.

Четверо солдат-испанцев начали медленно спускаться по склону ущелья. Пока они, грузно ступая и ломая ветки, пробирались вниз, индейцы Мопунтука, словно призраки, бесшумно растаяли в зарослях и первыми оказались у реки, текущей по дну ущелья. Укрывшись за сухостойным кустарником, испанцы укрепили в речной гальке треноги и на них — фитильные аркебузы, орудия типа маленьких кулеврин, только гораздо более мощные, и стреляли они раза в три дальше мушкетов, но зато и менее точно.

Анжелика, видя, что готовятся к бою, не слишком ясно представляла, что же она должна будет делать. Но в этот момент к ней подошел де Пейрак.

— Сударыня, я обращаюсь к вам как к самому меткому стрелку в моем отряде. Ваше искусство нам сейчас очень пригодится...

Он велел Онорине быть умницей и не отходить от Жонасов и тут же приказал двум своим людям охранять детей и присматривать за лошадьми. Затем подвел Анжелику к самому краю утеса, над которым нависли тяжелые, мрачные скалы. Это был прекрасный наблюдательный пункт, откуда на большом расстоянии вниз и вверх по течению просматривалась река. Она была довольно широкая и даже в это время года полноводная и бурная. Реку пересекал каменистый перешеек, по которому без труда можно было перебраться на тот берег. В остальных местах река была глубокая и изобиловала быстринами. С этого перешейка-порога вода постепенно начинала скатываться к озеру, поблескивающему вдали сквозь пурпурную листву.

— Переправа Саку, — задумчиво произнес Никола Перро. На самой середине перешейка возвышался маленький островок, поросший кустарником. Граф показал на него Анжелике, а также обратил ее внимание на темную глубокую щель, зияющую в

зарослях, через которую идущие по лесной тропе путники выходят на берег.

— Очень скоро там должны появиться люди, которые начнут переходить реку. Вероятнее всего, это будут ваши вчерашние знакомцы — французы, сопровождаемые индейцами. Вы, конечно, сразу их узнаете. Когда они доберутся до островка — но именно только тогда, не раньше, — вы откроете по ним огонь: нельзя разрешить им пройти вторую половину переправы и выбраться на тот берег.

— Остров слишком далеко, стрелять по нему отсюда почти невозможно, — сказала Анжелика, нахмурив брови.

— Это и заставило меня остановить свой выбор на таком искусном стрелке, как вы. Мы, к сожалению, не имеем возможности расположиться в другом месте. Крутой выступ отделяет нас от позиции гораздо более удобной, лежащей как раз напротив острова, но у нас нет времени, чтобы добраться туда. Нам потребовалось бы на это несколько часов. Придется стрелять отсюда... Надо остановить головную часть отряда, чтобы никто не перешел на тот берег, иначе они поднимут тревогу в Катарунке. Их необходимо остановить. Но при этом жертв быть не должно. Я хочу избежать малейшего кровопролития.

— Вы требуете от меня циркового трюка!

— Возможно, дорогая. От этой задачи отказался даже Флоримон, а ведь он прекрасный стрелок.

Юноша стоял рядом. Он недоверчиво поглядывал на родителей. Ему бы очень хотелось показать свои таланты, но он был достаточно честен, чтобы взяться за дело, которое он вряд ли мог бы выполнить.

— Стрелять по острову, отец, невозможно! — воскликнул он. — В момент, когда они только начнут переходить реку, — другое дело.

— В это время часть отряда будет еще в лесу. А я не хочу, чтобы кто-нибудь из них улизнул. Чуть выше по течению реки укрылось несколько наших стрелков. Они задержат каждого, кто попытается бежать, но, если этих беглецов окажется слишком много, разгорится настоящий бой, из которого всегда кто-нибудь да выберется. Нет, первый выстрел должен раздаться, когда все они выйдут из лесу, начнут переправу и первые доберутся до острова. Наши испанцы, засевшие в засаде на берегу, отрежут им путь к отступлению. Таким образом, они будут окружены со всех сторон.

— Но островок лежит прямо перед нами. Остановить головную часть отряда, когда тот начнет переходить вторую половину перешейка, на таком расстоянии и никого даже не ранить кажется мне задачей невыполнимой...

— И тем не менее вы беретесь выполнить эту невыполнимую задачу, сударыня?

Анжелика внимательно оглядела местность, а затем повернулась к мужу.

— Но почему бы вам не взяться за это самому, Жоффрей? Ведь вы же прекрасный стрелок.

— Думаю, что у вас глаза зорче и на этом расстоянии вы справитесь с задачей лучше, чем я...

Она колебалась. Выполнить то, о чем просил ее Жоффрей, было невероятно трудно. Помимо всего яркое солнце слепило глаза. Но она была так счастлива оттого, что Жоффрей оказывает ей доверие, и оттого, что, видимо, наконец кончается ее бездействие! Сыновья и все мужчины, стоявшие рядом, растерянно смотрели на нее. Они были явно озадачены действиями графа. И она была рада доказать, что война и запах пороха знакомы ей не меньше, чем им, бывшим пиратам. И так как де Пейрак снова повторил:

— Вы беретесь, сударыня, выполнить эту невыполнимую задачу?

Она ответила:

— Попытаюсь... Из какого ружья мне придется стрелять?

Кто-то протянул ей только что заряженный мушкет. Она отказалась от него.

— Нет, я сама должна его зарядить.

Тогда ей предложили личное оружие графа, которое носил и за которым следил Жан Ле Куеннек. Это был кремневый двухзарядный мушкет с крепким и в то же время легким прикладом из орехового дерева, украшенным перламутровой инкрустацией. Анжелика с удовольствием прижала его к плечу. Она проверила порох, пули, запалы, курок. Окружающие с любопытством следили за каждым ее движением.

Взведя курок, она оперлась на выступ утеса. Легкое возбуждение, которое ей было так хорошо знакомо, начало овладевать ею. Запахло боем! Внизу она видела залитый солнцем островок — блестящий каменистый гребень, который делил брод на две части.

Сердце отчаянно колотилось. Так всегда бывало у нее перед боем. Когда же наступал момент действовать, она становилась невозмутимо спокойной.

Анжелика выпрямилась.

— Надо зарядить еще два мушкета и держать их наготове, вы передадите их мне, если французов не удастся остановить двумя первыми выстрелами.

Потом она стала ждать.

Минут через двадцать в лесу раздался крик козодоя, такой привычный звук, который тут же подхватили горлицы. Но Никола Перро весь напрягся и, наклонившись к Анжелике, прошептал:

— Это условный знак.

Первым на берег выбежал индеец, за ним белый — траппер, которого Анжелика видела накануне, — его Анжелика сразу же узнала; затем появился офицер с группой индейцев и совсем молоденький француз,

почти мальчик, со светлой кудрявой головой, одетый в голубой камзол офицеров Его Величества, он был с ног до головы увешан холодным и огнестрельным оружием. Его кружевной галстук был завязан кое-как и имел довольно жалкий вид, а измятую шляпу украшали пучки черных и белых орлиных перьев, ничего общего не имеющие с плюмажем, но вышивка на отворотах рукавов и петлиц все же напоминала ту, что украшает форму французских офицеров. Обут он был в гетры и мокасины.

Сверху было видно, как радостно подбежал он к воде и стал умываться, шумно плескаясь, фыркая и брызгаясь. Офицер, тот самый гигант, которому вчера Анжелика прострелила шляпу, прикрикнул на него:

— Тише, Модрей! Можно подумать, что в воду зашел олень.

— Эгей! — весело воскликнул юноша. — Катарунк всего в полумиле отсюда. Вы все еще боитесь, что нам снова явится нечистая сила, как вчера вечером?

Их голоса эхом отдавались в ущелье.

— Не знаю, чего я боюсь, — отвечал лейтенант, — но это место никогда не внушало мне доверия. Для разбойничьего гнезда лучшего не найдешь...

Он поднял голову к скалам, казалось, стараясь проникнуть в тайну, которую скрывала шелестящая от ветра листва.

— Вы чувствуете ирокезов? — спросил со смехом молодой Модрей. — У вас на них и впрямь необыкновенное чутье.

— Нет, не ирокезов... Но я действительно чувствую что-то недоброе, хотя сам не могу объяснить, что именно. Надо спешить. Чем скорее мы будем на том берегу, тем лучше. Пошли. Я пойду первым, а вы, Л'Обиньер, — обратился он к трапперу, — оставайтесь в арьергарде.

Широко и ловко прыгая с камня на камень, офицер начал перебираться на тот берег. Наверху под сводом

густой листвы, которая делала их невидимыми, Никола Перро чуть дотронулся до плеча Анжелики.

— Ради бога, не пристрелите их, — прошептал он. — Этот огромный лейтенант — Пон-Бриан, мой лучший друг. Тот, кто пойдет последним, — Л'Обиньер, по прозвищу Трехпалый-с-Трехречья, а вот тот молоденький — барон де Модрей, самый красивый юноша Канады.

Тем временем великан, которого Никола назвал Пон-Брианом, уже добрался до островка. Там он остановился и, уперев кулаки в бедра, снова поднял голову и огляделся кругом, словно осторожная собака. Казалось, он и впрямь принюхивается. Он был без шляпы. Его темно-каштановые волосы, растрепавшись, лежали на плечах.

Не обнаружив ничего подозрительного, он пожал плечами и стал переходить островок. За ним по пятам шли гуроны. Анжелика вся напряглась. Крепко прижав мушкет к плечу, она взяла на прицел Пон-Бриана.

Траппер Л'Обиньер, прозванный Трехпалым, все еще стоял на берегу и подгонял индейцев, которые один за другим продолжали выходить из леса. Пон-Бриан уже добрался до края островка. Тут он остановился и, обернувшись, стал смотреть, как переправляется остальной отряд. Сам того не подозревая, он действовал на руку тем, кто следил за ним сверху. Теперь, когда все его люди вышли из леса — чего и хотел де Пейрак, — лейтенант мог переходить реку дальше.

Все внимание Анжелики было приковано к одной-единственной точке — к плоскому камню, на который сейчас должна была ступить нога лейтенанта.

Выстрел. Камень разлетелся вдребезги, и гулкий неожиданный звук прокатился по ущелью.

Французский офицер отскочил.

— Ложись! — крикнул он, и все, кто был на островке, попадали на камни и поползли к чахлому кустарнику. Но вместо того, чтобы поступить так же, лейтенант вдруг стремительно бросился вперед. Он сумел преодолеть уже половину пути. Но тут снова раздался выстрел, и у самых его ног раскололся камень. Пон-Бриан, потеряв равновесие, грохнулся в воду. Анжелика подумала, что по ее милости он за два дня уже второй раз принимает холодную ванну. Она была уверена, что пуля не задела его.

— Еще оружие! — коротко скомандовала она. Голова лейтенанта появилась над водой. Выбравшись из водоворота, он плыл к тому берегу.

Анжелика снова прижала мушкет к плечу, прицелилась, выстрелила. Пуля, рикошетом отскочив от поверхности воды, пролетела у самой головы лейтенанта.

— Не убивайте его, — шепотом взмолился Никола Перро.

«К черту! — с раздражением подумала Анжелика. — Разве он не видит, что его приятель не собирается возвращаться назад? А как можно задержать этого идиота, не убив его?»

Она снова выстрелила. На этот раз француз, видимо, понял. Выбор у него был небогатый: свистящие над самой головой пули, водовороты реки или...

Раздумывать было нечего. Он повернул к островку, выбрался на него и тоже пополз под укрытие ивняка. Теперь Анжелика могла немного передохнуть, хотя она по-прежнему не сводила глаз с островка. Но желающих последовать примеру отчаянного лейтенанта, кажется, не было. И вряд ли кто-нибудь рискнет приблизиться к этому месту, столь зорко охраняемому.

Она расслабилась, привстала и даже выпрямила спину. Пот градом катился по ее лицу. Она машинально вытерла лоб черной от пороха рукой и взяла вновь

заряженный мушкет, который протянул ей Флоримон, смотревший на нее широко раскрытыми от изумления глазами, и снова заняла прежнюю позицию.

И вовремя, так как неукротимый лейтенант снова решил испытать судьбу и нечеловеческим прыжком рванулся вперед...

Пуля, отскочив из-под его ног, зарылась в песок. Ему снова пришлось вернуться в убежище. Теперь стреляли повсюду. Когда первый выстрел Анжелики остановил продвижение отряда, гуруны, шедшие последними, бросились было обратно в лес, но с берега, который они только что покинули, их встретили выстрелами. Л'Обиньер укрылся за деревом и начал стрелять оттуда в сторону утеса.

Гуруны, попавшие под перекрестный огонь, еще не достигнув острова, так и застыли на месте, не смея двинуться ни назад, ни вперед. Правда, одному из них с ловкостью, свойственной этой расе, удалось броситься в бурлящий поток и вынырнуть ниже водоворота, но, когда он стал выбираться на берег, его настигла пуля испанца и ранила в ногу.

Другой проскользнул в лес, но, видимо, тут же попал в руки противника, потому что слышно стало, как затрещали ветки и раздался яростный крик.

Потом все смолкло, и в наступившей тишине сразу же застрекотали кузнечики, заглушая своими пронзительными голосами все звуки, даже рокот бурной реки. Ущелье наполнилось запахом пороха.

Анжелика стиснула зубы, забыв, где она. Ей казалось, что она снова в засаде в лесах Пуату, окруженная солдатами короля. И сквозь стиснутые зубы у нее вырвались слова ненависти, переполнявшей ее сердце, слова, которые она, как заклятье, твердила в ту пору: «Убей! Убей!»

Ее била дрожь. Чья-то рука опустилась на ее плечо.

— Ну вот и все... — сказал спокойным голосом граф де Пейрак.

Анжелика обернулась, сурово сверкая глазами, с дымящимся мушкетом в руке. Она смотрела на мужа, словно не узнавая его. Он помог ей подняться и нежно вытер платком испачканный сажей лоб.

Его глаза улыбались, с жалостью и восхищением смотрел он на это прекрасное тонкое лицо, по которому сейчас струился пот битвы.

— Bravo, любовь моя! — сказал он тихо.

Почему он говорит «bravo»? И чем восхищается он? Ее меткой стрельбой, ее сегодняшней удачей? Или всей ее прежней борьбой? Ее безумной, отчаянной борьбой с могущественным королем Франции? Всем тем, что научило ее руки с таким совершенством обращаться с смертоносным оружием?..

Он почтительно поцеловал ее изящную нежную руку, почерневшую от порохового дыма. Ее сыновья и люди де Пейрака смотрели на нее, застыв от изумления.

А в это время канадцы снизу открыли огонь. Пон-Бриан по движению листвы определил, где укрылся противник. Совсем рядом пуля ударила в скалу.

— Ну, это уж слишком! Хватит! — во весь голос крикнул Никола Перро. — Люди добрые, не стреляйте! Давайте кончать эту веселенькую игру. Пон-Бриан, друг мой милый, успокойся, не то я вызову тебя на бой и дам тебе бока посильнее, чем в тот памятный день Святого Медара, который ты, наверно, и сейчас еще не забыл!

Громовые раскаты его голоса еще долго звучали в ущелье, наполнившемся едким пороховым дымом.

Когда эхо смолкло, с острова ответил голос:

— Кто говорит с нами?

— Никола Перро из Виль-Мари, что на острове Монреаль.

— Кто с тобой?

— Друзья французы!

— Поточней!

Перро обернулся к графу и вопросительно взглянул на него. Тот утвердительно кивнул. Тогда, приставив к губам ладони, Никола Перро, как в рупор, прокричал:

— Слушайте, люди добрые! Здесь со своим отрядом мессир граф де Пейрак де Моран д'Ирристрю, владелец Голдсборо, Катарунка и других земель.

Анжелика вздрогнула, услышав, как в индейском лесу зазвучало это поруганное, преданное забвению имя. Жоффрей де Пейрак де Моран д'Ирристрю!.. Видимо, провидению было угодно, чтобы имя наследника знаменитого древнего гасконского рода возродилось так далеко от Франции. Но не грозит ли ему снова опасность? Она обернулась к мужу, его лицо было непроницаемо. Он стоял над самым ущельем, прислонившись к сосне, под прикрытием ее ветвей, и сосредоточенно смотрел куда-то вдаль, словно его не касались все эти крики.

В ущелье светлело очень медленно. Звуки, казалось, тонули в завесе порохового дыма. Почти ничего не было видно, и обе стороны держались настороже. Жоффрей де Пейрак не выпускал из рук заряженный пистолет.

Наконец на острове кто-то вышел из-за кустов. Это был лейтенант Пон-Бриан.

— Никола Перро, если это действительно ты, а не твой призрак, спускайся сюда, только без оружия.

— Иду!

Перро отдал свое ружье слуге и буквально скатился по склону на каменистый берег реки.

Когда он появился там в своем одеянии из лосиной кожи и в меховой шапке, его встретили восторженные крики. Французы и гуроны бурно приветствовали его и уже готовы были броситься к нему навстречу, но он прокричал им, чтобы они прошли чуть правее, до излучины реки, и перебрались по мосту, который наспех

соорудили испанцы, перекинув огромное дерево в самом узком месте реки.

Когда наконец они встретились, бурным излиянием чувств, казалось, не будет конца. Они обнимались, колотили друг друга по плечам, обменивались мощными тумаками.

— Брат! Неужели это ты? А ведь мы считали, что тебя нет в живых!

— Думали, что ты навсегда ушел от нас...

— Говорили, что ты вернулся к ирокезам!

— Что ты решил навсегда остаться у дикарей!

— Так бы оно и случилось... — отвечал Никола Перро. — Когда три года назад я покинул Квебек, я собирался вернуться к ирокезам. Но тут мне довелось встретиться с графом де Пейраком, и я изменил свои планы.

Гуроны тоже радовались встрече с Перро. Правда, у некоторых был недовольный вид, ведь один из них был ранен и они жаждали отомстить за его кровь.

Перро обратился к ним на их языке:

— Мой брат Аначайаха хотел выскользнуть, словно уж, из моих пальцев, тогда как мушкеты приказывали ему не двигаться. Пусть тот, кто не понимает языка оружия, не берется за воинское дело... Идемте же, мессеры, прошу вас, — обратился он к французским офицерам.

Тем временем гуроны, которых успокоил уверенный, так хорошо знакомый им голос траппера, уселись потолковать, предоставив белым самим улаживать свои дела.

Глава 8

Трое французов, которых вел за собой Никола Перро, несмотря на только что происшедшее с ними злоключение, были полны любопытства. Имя графа де Пейрака уже снискало определенную известность в Северной Америке. Его мало кто видел, но чего только ни рассказывали об этом загадочном человеке от берегов Массачусетса до самой Канады.

Захватив форт, принадлежащий графу де Пейраку, французы явно нервничали, и, ни окажись сейчас рядом с ними их старого друга Никола Перро, они бы совсем пали духом. Поднимаясь по склону, они видели, что всюду за кустами расставлены вооруженные люди с угрюмыми лицами флибустьеров, которые исподлобья смотрели им вслед.

Добравшись до вершины, они остановились как вкопанные, охваченные страхом и изумлением. Прямо перед ними в полумраке, пронизанном солнечными бликами, возвышалась неподвижная, как изваяние, фигура всадника в черной маске на вороном коне.

Позади него вырисовывались силуэты других всадников — мужчин и женщин.

— Я вас приветствую, мессир, — голос человека в маске звучал глухо. — Подойдите ближе, прошу вас.

Мужество этих людей не раз подвергалось испытаниям, и все-таки сейчас они едва овладели собой и с грехом пополам ответили на приветствие графа де Пейрака. И так как огромный лейтенант словно вовсе лишился дара речи, первым заговорил траппер — Ромен де Л'Обиньер, по прозвищу Трехпалый. Он представился де Пейраку и добавил:

— Мы к вашим услугам, мессир... Мы готовы выслушать вас, хотя, говоря откровенно, ваша манера

приступать к переговорам нам кажется несколько... своеобразной.

— Вероятно, вы считаете, что сами действуете менее своеобразно? Как мне стало известно, вы сочли себя вправе занять принадлежащий мне форт на берегу Кеннебека.

Л'Обиньер и Модрей повернулись к лейтенанту. Тот решительно провел рукой по лбу, он, видимо, наконец пришел в себя.

— Монсеньор, — обратился он к де Пейраку (не задумываясь, он возвел его в этот высокий сан, чему после сам удивлялся), — монсеньор, по приказу правительства Новой Франции мы действительно спустились к истокам Кеннебека, чтобы собрать сведения о ваших действиях и намерениях. Мы ждали, что вы придете в Катарунк по реке, и мы надеялись сразу же начать дружественные переговоры с вами.

Де Пейрак усмехнулся; лейтенант сказал: «Мы ждали вас по реке», значит, их прибытие на лошадях застало канадцев врасплох.

— Что с моим ирландцем?

— Вы имеете в виду этого потешного толстого англичанина с красным лицом? — спросил юный барон де Модрей. — Ну и наделал нам хлопот этот пройдоха. Он один закрылся в форте и заставил нас поверить, что внутри целый гарнизон. Рассвирепевшие гуроны хотели снять с него скальп, но наш полковник заступился за него, и кончилось тем, что толстяка заперли в погреб, обвязав веревками, как колбасу.

— Благодарите Бога! Я не простил бы убийства никого из своих людей, и этот инцидент пришлось бы решать при помощи оружия. Как имя вашего полковника?

— Граф де Ломени-Шамбор.

— Я слышал о нем. Это храбрый воин и благородный человек.

— Нам, видимо, следует считать себя вашими пленниками, мессир?

— Если вы сможете поручиться, что в Катарунке нас не ждет предательство и что единственной целью вашей экспедиции действительно служит установление дружеских контактов со мной, мне гораздо приятнее было бы считать вас своими друзьями, нежели заложниками, тем более что за вас ходатайствует мой советник и ваш земляк мессир Перро.

Склонив голову, лейтенант что-то долго обдумывал.

— Да, мне кажется, я могу поручиться за это, мессир граф, — ответил наконец он. — Если ваши действия внушают подозрения тем, кто старается усмотреть в них косвенное посягательство англичан на ваши земли, то другие, и особенно ваш губернатор, господин Фонтенак, очень заинтересованы в союзе с вами, с нашим соотечественником, который в душе, конечно, не желает вреда Новой Франции.

— Если так, я готов приступить к переговорам с графом де Ломени. Мессир де Л'Обиньер, вы можете взять на себя труд отправиться в Катарунк и известить вашего полковника о моем прибытии, а также о прибытии моей супруги графини де Пейрак?

Движением руки он попросил графиню выехать вперед. Анжелика вывела свою лошадь из полумрака и встала рядом с мужем. Она не испытывала ни малейшего желания расточать французам любезности, еще не забыв того страха, который они напали на нее вчера, но ужас, отразившейся на лицах офицеров и Л'Обиньера при ее появлении, развеселил Анжелику. Все трое попятнулись, и каждый сдержал готовые сорваться с языка странные слова, которые сразу же угадала Анжелика: «Демон! Демон Акадии!»

— Сударыня, разрешите представить вам господ из Канады. Мессир, графиня де Пейрак, моя супруга...

С иронической улыбкой он наблюдал, как самые противоречивые чувства мелькали на их побледневших лицах.

— Я знаю от графини о вашей вчерашней встрече. Думаю, вы одинаково испугали друг друга... Вас я вполне понимаю... Встретить в этих лесах белую женщину на лошади... Но как видите, это не призрак...

— О нет, я в этом не уверен! — с чисто французской галантностью воскликнул Пон-Бриан. — Красота и изящество госпожи де Пейрак заставляют усомниться, что перед нами живая женщина, а не чудесное видение.

Анжелика не могла сдержать улыбки.

— Благодарю вас, лейтенант, вы очень любезны... Я сожалею, что наша первая встреча с вами не была столь корректна. Из-за меня вы потеряли свою шляпу.

— Еще немного, и я потерял бы голову, сударыня. Но что за беда! Я был бы счастлив умереть от вашей прекрасной руки. — И Пон-Бриан, отставив ногу, склонился в глубоком поклоне с изысканной учтивостью придворного. Он был явно очарован Анжеликой.

Вскоре караван тронулся в путь.

С индейцами удалось договориться — разыскали раненого гурона и хотели подвезти его на лошади, но он даже не отважился приблизиться к этому диковинному животному...

Барон де Модрей представил белым вождя гуронов, звали его Одессоник, и он был просто великолепен в своих украшениях из медвежьих зубов и перьев, торчащих у него на макушке. Не привыкнув к индейцам, их довольно трудно отличать друг от друга, но Анжелика была уверена, что это тот самый великан; который так невозмутимо истязал вчера пленного ирокеза. Гуроны окружили всадников, теперь они были полны самых дружеских чувств к ним. Им не терпелось рассмотреть поближе белых незнакомцев. С высоты, сидя на лошади, казалось, что их разноцветные перья и

завязанные на макушках пряди волос лихо отплясывают сарабанду.

— Я их ужасно боюсь, — прошептала госпожа Жонас. — Они очень похожи на ирокезов. А в общем, все они одного поля ягода.

Семейство Жонас было в отчаянии. Они, вероятно, еще более трагично, чем Анжелика, воспринимали эту встречу с французами-католиками, с этими извергами вояками, от которых им удалось бежать из Ла-Рошели ценою тысячи опасностей. Они молчали, стараясь не привлекать к себе внимания офицеров.

Впрочем, тех интересовали только двое: де Пейрак, чье лицо, скрытое маской, безумно их интриговало, и Анжелика. Хотя Анжелика очень устала и ее запыленное лицо затеняла широкополая шляпа, Пон-Бриан, глядя на нее, думал, что это самая прелестная женщина, которую он когда-либо встречал. Может, она и впрямь дьявол, но ее глаза сияли так ярко, что лейтенант не в силах был оторвать от нее взгляда.

Он испытал такое мощное потрясение чувств, увидев ее на лошади, — живую женщину, а не бесплотный призрак, что у него все еще стоял комок в горле и он никак не мог сосредоточить свои мысли на том положении — положении, между тем, достаточно затруднительном, — в которое он попал. Чем больше он смотрел на Анжелику, тем сильнее убеждался, что эта неожиданно вышедшая из лесов женщина прекрасна.

Лейтенант де Пон-Бриан был мужчина огромного роста, с ярким румянцем во всю щеку; видимо, принадлежность к древнему аристократическому роду придавала некоторое благородство его могучей фигуре, словно слепленной из одних мускулов. Он, несомненно, был рожден воином, а положение младшего сына в семье окончательно определило его судьбу. Пон-Бриан говорил низким сочным голосом и раскатисто смеялся. Это был не знающий усталости, храбрый, готовый ко

всем испытаниям солдат, который, не задумываясь, бросался в самый опасный бой, но, хотя это был человек в расцвете сил, уже перешагнувший за тридцать, его ум сохранил юношескую незрелость... Тем не менее он командовал одним из наиболее важных французских сторожевых постов на реке Сен-Франсуа и пользовался огромным уважением у индейцев, населявших те места. Несмотря на гигантский рост и грузную фигуру, он обладал способностью двигаться так же бесшумно, как индейцы.

Анжелику начало раздражать его излишнее внимание. Было в этом здоровяке со странной кошачьей походкой что-то такое, что сразу насторожило ее. Минутами она жалела, что сегодня утром не разгорелся честный, открытый бой. Де Пейрак хотел вести мирные переговоры с французами, но она, Анжелика, всем своим существом, всем инстинктом, всей памятью восставала против любого соглашения с ними.

Неожиданно цепь гор, залитых ярким пламенем осени, оборвалась и в открывшемся просвете блеснула голубая поверхность воды. Не прошло и часа, как они выехали к реке...

Вблизи Кеннебек казался таким синим, что невольно возникало желание поднять глаза к бледному небу, словно сверху что-то могло отражаться в его водах. С радостью Анжелика почувствовала запах близкого человеческого жилья. И вдруг увидела форт. Вся просияв, она даже приподнялась в седле.

Форт был построен на холме, немного в стороне от реки, на площадке с вырубленным лесом, из которого, видимо, были напилены мощные столбы палисада. Ограда имела форму прямоугольника, и ее высота не превышала высоты крыш двух строений, над которыми лениво поднимался дымок. Участок, окружающий палисад, был весь перерыт и выглядел неряшливо, хотя его и покрывала зелень. Приглядевшись, Анжелика

увидела, что пни от вырубленных деревьев не выкорчеваны и между их узловатыми корнями разбит огород. Это был первый клочок земли, возделанный руками человека, встретившийся им за несколько недель пути. Пересохшие губы Анжелики дрогнули в улыбке. Место ей нравилось. Она была счастлива, что после всех скитаний добралась наконец до своего дома.

Пон-Бриан смотрел на нее. Но сейчас Анжелика не замечала его пристального взгляда. Она с жадным любопытством разглядывала открывшийся ее взору Катарунк, над которым поднималось легкое облако дыма и пыли. Это было скромное обиталище, небольшой кусок земли, наивно огороженный среди бескрайнего леса, но они шли к нему столько долгих дней, не встретив на пути никаких следов рук человека, не считая жалких пустых вигвамов или берестяных лодок, брошенных где-нибудь у реки; здесь они надеялись найти пусть самые примитивные, но такие желанные удобства человеческого жилья. Река около форта была очень широкая — настоящее озеро, блестящее и спокойное, по которому с легкостью стрекоз носились каноэ; одни летели к маленькому островку, другие скользили вдоль крутого берега, третьи возвращались к причалу у пляжа, полумесяцем выступающего вперед, где стояла целая флотилия прижавшихся друг к другу легких челнов.

Людей, управлявших этими лодками, а также и тех, кто суетился на берегу, было видно еще плохо, но с первого же взгляда становилось понятно, что жизнь в этом диком уголке бьет ключом, точно так, подходя к муравейнику, уже на расстоянии знаешь, обитаем он или нет.

Ниже по реке, на каменистом берегу, Анжелика заметила множество типи, над которыми белыми струйками медленно поднимался дымок, — место, вероятно, было защищено от капризных горных ветров.

О прибытии каравана возвестил протяжный крик; сразу же поднялся невообразимый шум и со всех сторон начали сбегаться индейцы. Видимо, Л'Обиньер предупредил их, что на лошадях должен появиться отряд белых.

Жоффрей де Пейрак, остановившись, тоже разглядывал форт и берег реки.

— Мессир де Модрей!

— К вашим услугам...

— Если глаза меня не обманывают, я вижу над фортом белый флаг.

— Да, мессир граф, белый флаг короля Франции.

Граф де Пейрак снял шляпу и, откинув ее на вытянутой руке, застыл в почтительном поклоне, который показался нарочитым всем, кто хорошо знал его.

— Склоняюсь перед величием того, кому вы служите, барон, и счастлив, что в вашем лице он удостоил своим посещением мое скромное жилище.

— Так же как и в лице моих командиров, — поспешил вставить оробевший Модрей.

— Я в восторге, оттого что меня ждет встреча с ними...

Пейрак держался так высокомерно, что сама его любезность казалась опасной.

— Однако феодальный обычай требует, чтобы сеньора, возвращающегося в свои владения, встречал на мачте его собственный флаг. Вы не могли бы отправиться в форт и дать соответствующие распоряжения, ибо, полагаю, об этом никто не позаботился? О'Коннел знает, где взять мой флаг.

— С большим удовольствием, монсеньор, — ответил канадец и бегом бросился по каменистой дорожке.

Он вприпрыжку пробежал мимо индейцев, поднимавшихся ему навстречу, потом исчез в зарослях и вскоре появился у ворот форта. Несколько минут

спустя вверх по мачте пополз голубой корабельный флаг с серебряным гербовым щитом.

— Герб Рескатора, — вполголоса произнес де Пейрак. — Может быть, слава у него мрачная и даже сомнительная, но еще не пришло время уступить его без боя, не так ли, сударыня?

Анжелика не нашлась, что ответить.

Поведение мужа снова привело ее в замешательство. Она тоже не верила канадцам, утверждавшим, что они прибыли в Катарунк, не имея злых намерений. Вряд ли можно было считать проявлением дружеских чувств занятие форта при помощи военной силы. Но события развивались для них неожиданно. Появление де Пейрака застало их врасплох. А с ним еще были его друзья Перро и Мопертюи, одни из самых известных старожилы Канады.

Не без страха смотрела Анжелика, как навстречу им с ужасным ревом, выражающим сердечные приветствия, поднималась туча диких воинов — союзников французов.

В подзорную трубу Жоффрей де Пейрак продолжал рассматривать форт и площадку перед ним. Ворота палисада были широко открыты. По обе стороны от них выстроились солдаты, впереди стоял офицер в полной парадной форме, это, конечно, был сам полковник де Ломени-Шамбор.

Сложив подзорную трубу, де Пейрак задумался. Наступил последний момент — и он хорошо это знал, — когда еще можно было принять бой. Затем он попадал в зубы к волку.

Их окружала сейчас ненадежная толпа краснокожих, которая в любую минуту могла превратиться в жесточайших врагов. Все зависело от лояльности, от влияния на своих подчиненных, от

благоразумия того, с кем де Пейраку предстояло сейчас встретиться.

Он еще раз взглянул в подзорную трубу. В ее кружочке вырисовывалась стройная фигура человека, который стоял, заложив руки за спину, и, казалось, спокойно ждал прибытия владельца Катарунка, о чем ему только что сообщил Модрей.

— Пора, — проговорил Пейрак.

Он приказал сгруппироваться за ним всем, кто был на лошадях, следом встали вооруженные испанцы в кирасах и Флоримон с Кантором, они несли стяги с гербами графа де Пейрака. Шествие должны были замыкать воины его отряда, каждый с мушкетом и с зажженным фитилем в руках.

Индейцы окружали их со всех сторон, проявляя самое непосредственное любопытство. Никола Перро выбивался из сил, он на всех известных ему диалектах обращался к индейцам, уговаривая их вести себя спокойно, так как от непривычного шума, суматохи, мелькания ярких перьев, размалеванных лиц, томагавков, луков лошади начали нервничать, они ржали и становились на дыбы... Наконец кортеж был сформирован, и уже через несколько минут легконогая Волли бежала по песчаному берегу реки мимо столпившихся туземцев. Де Пейрак попросил Анжелику ехать рядом с ним. Ее очень смущали босые ножки Онорины. Да и самой ей хотелось хоть немного поправить прическу. Но снова все внимание пришлось сосредоточить на том, чтобы заставить свою норовистую лошадь выдерживать парадный шаг.

Никола Перро и сагаморы — вожди собравшихся здесь племен — напрасно надрывались, стараясь удержать самых неистовых. Кончилось тем, что Волли взвилась на дыбы в отнюдь без всякой нежности коснулась своими копытами нескольких намазанных медвежьим жиром голов. Затем она галопом бросилась

к реке. Невероятными усилиями Анжелике удалось остановить лошадь и на глазах ревущих от восторга зрителей вернуть ее на место, еще дрожащую, но усмиренную и великолепную. Не считая этого инцидента, который, впрочем, явился блестящей интермедией, прибытие графа де Пейрака со своими людьми в Катарунк произошло согласно намеченному протоколу.

Еще минута, и вот уже всадники подъехали к палисаду. Граф де Пейрак величественно застыл на коне напротив открытых ворот, рядом с ним была его жена, за ними — весь остальной отряд; навстречу прибывшим, отбивая барабанную дробь, двигались два молодых барабанщика в голубых военных мундирах. Позади них в почетном карауле замерли, стоя друг против друга, шесть солдат и сержантов; несмотря на поспешность построения, они являли собой образец безупречной военной выправки.

Полковник вышел вперед, затянутый в голубой камзол, обшитый золотым позументом — форма офицеров полка Кариньяна-Сальера, — с замшевым воротником и обшлагами, которые украшали тяжелые пуговицы с вычурным рисунком. Это был человек лет сорока, с прекрасной выправкой, в высоких сапогах, со шпагой на белой перевязи — изысканность, с какой он был одет, говорила о том, что даже в условиях походной жизни он сохраняет собранность и дисциплину. Короткая остроконечная, несколько старомодная бородка удивительно шла к тонким чертам его лица. Темный загар, от которого еще ярче казались его синие пронизательные глаза, придавал его лицу особое очарование.

Анжелику сразу же поразило выражение доброты, которая, словно мягкий свет, исходила от него. Он не носил парика, но волосы его были хорошо причесаны.

Он приветствовал их, положив руку на эфес шпаги, и затем представился:

— Граф де Ломени-Шамбор, начальник экспедиции на озеро Мегантик.

— Славное имя! — поклонившись, сказал граф де Пейрак, — Мессир де Ломени, как следует понимать ваше присутствие в Катарунке? Явилась ли моя скромная фактория пристанищем, давшим возможность вашему отряду удобно и спокойно расположиться на отдых? Или же я должен расценивать ваше присутствие здесь, в сопровождении ваших союзников, как захват владений на принадлежащей мне территории?

— О Боже! О каком захвате владений вы говорите! — воскликнул полковник. — Мессир де Пейрак, мы знаем, что вы француз, и, хотя ваш приезд сюда не санкционирован королем, нашим повелителем, мы в Квебеке далеки от мысли, что ваши действия каким-либо образом могут нанести ущерб интересам Новой Франции, напротив! Если только вы сами не заставите нас изменить это мнение...

— Надеюсь, что нет... Я счастлив, что нам с самого начала удалось избежать всякой недоговоренности. Я никогда не нанесу ни малейшего ущерба интересам Новой Франции ни своими делами, ни своим присутствием на берегах Кеннебека, если Новая Франция не будет препятствовать осуществлению моих замыслов... Таковы мои условия... Вы можете их передать от моего имени господину губернатору.

Де Ломени молча поклонился. Чего только не довелось испытать полковнику за его долгую и трудную службу, но история, свидетелем которой он стал сегодня, казалась ему самой удивительной. Конечно, он тоже слышал много всякой всячины о французе-авантюристе, человеке с темным прошлым, искателе благородных металлов, который сам изготовлял порох, дружил к тому же с англичанами и год назад,

появившись во французской Акадии, застолбил на ее огромных неосвоенных землях несколько участков. Но встреча с ним по своей остроте превосходила все, на что могла рассчитывать самая живая фантазия.

Следует скорее сообщить в Квебек о невероятном факте, заслуживающем особого внимания: европейцы добрались с юга не водным путем, а прибыли на лошадях сюда, в края, где никогда не видели этих животных. Среди них есть женщины и маленькие дети. Их привел сюда человек в маске, с хриплым спокойным голосом, который с первой же минуты решительно дал понять, что считает себя хозяином положения. Словно здесь не было двухсот вооруженных индейцев — союзников французов, готовых по первому знаку раздавить весь его маленький отряд.

Де Ломени умел ценить храбрость и благородство...

Когда он поднял голову, в его глазах можно было прочесть не только уважение, но и внезапно вспыхнувшую симпатию.

Вот слова, которые он написал несколько лет спустя Даниэлю Мобежу в письме, датированном сентябрем 1682 года. Он воскрешает на его страницах свою первую встречу с графом де Пейраком, и хотя с тех пор утекло немало воды, он с грустью и восхищением вспоминает каждую мелочь.

«В тот вечер, — пишет он, — на берегу реки, в этих диких безлюдных краях, которые мы тщетно пытались охватить цивилизацией и христианской мыслью, я встретил одного из самых необыкновенных людей нашего времени. Он прибыл туда со своим отрядом НА ЛОШАДЯХ. Не знаю, отец мой, сможете ли вы оценить, что значит это НА ЛОШАДЯХ, если вам не довелось побывать в суровых и величественных местах верхнего Кеннебека. С ним были женщины, маленькие дети, юноши, безропотно выносящие все лишения; женщины не догадывались о своем героизме, дети были

необыкновенно послушны, юноши — отважны и горячи. Казалось, самому де Пейраку даже и в голову не приходит, что он только что совершил подвиг, но, если бы он это и признавал, он не придавал бы этому никакого значения. Я понял тогда, что этот человек свершает самые высокие подвиги в жизни с той же простотой и естественностью, что и обыденные дела. И в сердце мое закралась зависть. Все это пронеслось в моей голове, пока я пытался проникнуть в тайну его черной маски».

Де Ломени подошел ближе и, запрокинув голову, посмотрел в лицо всаднику. Редкая простота и непосредственность отличали этого человека, и за это его любили все окружающие. Его открытый и спокойный взгляд говорил о том, что хитрость и страх — незнакомые ему чувства.

— Мессир, — сказал он прямо, — я думаю, мы сможем понять друг друга без лишних слов. Мне кажется, мы уже подружились... Не согласитесь ли вы представить небольшой залог этой дружбы?

Пейрак внимательно взглянул на него.

— Вероятно... О чем идет речь?

— Человек не должен прятать лицо от своих друзей. Вы не могли бы снять маску?

Де Пейрак на минуту задумался, потом, улыбнувшись, поднял руки к затылку, развязал маску, сдернул ее и положил в карман камзола. Французы даже подались вперед. Они молча разглядывали это лицо кондотьера, отмеченное знаками битв. Теперь они были уверены, что перед ними достойный противник.

— Благодарю вас, — торжественно произнес де Ломени. И потом с улыбкой добавил:

— Теперь, когда я вас увидел, я убежден, что мы выбрали правильный путь...

Они переглянулись и громко расхохотались.

— Мессир де Ломени, вы произвели на меня самое приятное впечатление, — сказал граф; спрыгнув на

землю, он снял перчатки, и двое французов обменялись крепким рукопожатием.

— Я уверен, что в дальнейшем мы сможем оказаться полезными друг другу. Надеюсь, вы нашли здесь все необходимое, чтобы подкрепиться после долгого пути?

— О да! Вполне... Ваш форт — один из самых богатых в этих краях. Должен вам признаться, что моим офицерам, да и мне самому, очень по вкусу пришлись ваши выдержанные вина... Конечно, мы постараемся не остаться перед вами в долгу... Хотя вряд ли нам удастся доставить сюда столь тонкие вина. Зато мы сможем оказать вам помощь в случае нападения ирокезов. Говорят, они появились в этих краях.

— Вчера мы взяли в плен одного моговца, но ему удалось бежать, — вставил Пон-Бриан.

— Мы тоже столкнулись, еще в начале пути, с отрядом кайюгов, — заметил де Пейрак.

— Что поделаешь, — вздохнул полковник, — это злое племя проникает повсюду.

В эту минуту он вдруг заметил Никола Перро, и Анжелика поняла, что взгляд, который показался ей таким мягким, может мгновенно стать холодным и суровым. Взгляд, брошенный на канадца, мог загнать под землю любого смертного.

— Если глаза не обманывают меня, это вы, Никола? — спросил он ледяным тоном.

— Я самый, господин полковник, — воскликнул Перро, и лицо его просияло. — Счастлив видеть вас. — Он живо опустился на колени и, взяв руку полковника, которую тот ему не протянул, поцеловал ее. — Никогда не забуду тех славных битв, в которых мне посчастливилось участвовать под вашим командованием. Я так часто вспоминал вас во время своих скитаний.

— Лучше бы вы почаще вспоминали о вашей жене и ребенке, которых вы бросили на произвол судьбы в

Канаде, не давая ничего о себе знать более трех лет.

При этих словах бедняга Перро смущенно опустил голову, сейчас он был похож на провинившегося мальчишку, получившего хороший нагоняй.

Французские солдаты тем временем вышли из строя и усердствовали около дам, поддерживая их лошадей. С их помощью женщины спустились на землю и, отвечая на поклоны, направились вместе со своими спутниками к воротам форта.

Катарунк и впрямь оказался самой обычной факторией, предназначенной для торговых сделок, а не укрепленным сторожевым пунктом. Палисад был немного выше человеческого роста, и четыре маленькие кулеврины, установленные по углам, составляли всю его артиллерию. Двор форта чем-то напоминал загон для скота — столько в нем копошилось людей и было собрано столько всякой всячины. Пройти через него оказалось делом нелегким. Первое, что бросилось Анжелике в глаза, были две огромные медвежьи туши, подвешенные, словно ярко-красные чудовищных размеров арбузы, которые индейцы только что начали проворно разделывать.

— Как видите, ваших запасов мяса мы не трогаем, — сказал де Ломени. — Охота сегодня удалась на славу, и индейцы решили закатить пир. Мясо двух медведей уже варится вон в тех котлах. Для букета к медвежатине добавили индеек и дроф, в общем, еды хватит на всю компанию на сегодня и завтра.

— Скажите, флигель свободен? — спросил де Пейрак. — Я хотел бы поместить в нем свою жену и дочь, а также других женщин с детьми.

— Эти дни я располагался в нем со своими офицерами. Но помещение будет сейчас же освобождено. Простите, это займет немного времени. Модрей, быстро наведите порядок в маленьком домике!

Молодой барон бегом бросился выполнять его приказ.

Тем временем де Пейрак рассказал полковнику, что вместе с ним сюда пришел вождь металлаков Мопунтук. Де Ломени знал, что это один из самых уважаемых людей среди индейцев, но никогда не видел его. Он обратился к нему с пышными приветствиями на языке индейцев.

В воздух, который и без того был пропитан дымом костров, от бесконечного шарканья ног поднялась густая пыль. Двор был защищен от ветра, и душное облако стояло на месте. У Анжелики было только одно желание: скорее где-нибудь укрыться от этого безумного гвалта.

С грехом пополам они миновали двор, обходя самые разнообразные преграды на своем пути: котлы всех размеров, целые горы кровавых потрохов, догорающие костры, ободранные шкуры, вороха перьев, бочки, колчаны со стрелами. Недоглядев, Анжелика наступила ногой на что-то жирное и голубое, кажется, это была краска, которой индейцы размалевывали свои лица. Онорина чуть не свалилась в пустой котел. Эльвира поскользнулась на липких медвежьих кишках, а двух ее сыновей индейцы радушно пригласили полакомиться сырыми мозгами — блюдом, отведать которое считали себя достойными только мужчины.

Наконец они добрались до порога предназначенного им домика. Навстречу им выбежал барон Модрей. За его спиной индеец дometал березовой метлой пол. Барон постарался. Комната, куда они вошли, была маленькая, но чисто прибранная, правда, в ней еще держался крепкий запах кожи и табака. В камине лежала большая связка сухого можжевельника, под которую была подсунута кора, оставалось только, когда наступит вечерняя прохлада, поджечь ее.

Глава 9

Анжелика облегченно вздохнула, когда дверь за Модреем наконец закрылась. Она без сил опустилась на табуретку. Мадам Жонас как подкошенная упала на другую.

— Как же вы устали, моя бедная, — сказала Анжелика, с сочувствием думая, что этой отважной женщине уже исполнилось пятьдесят.

— Сказать по правде, усталость от дороги уже прошла, но от непривычного шума и всей этой суматохи голова у меня прямо раскалывается. В этой стране или нет ни души, или уж слишком много народу...

— А как ты себя чувствуешь, Эльвира?

— О, я так боюсь, так боюсь... — ответила молодая женщина. — Эти люди убьют нас.

Мэтр Жонас, отогнув уголок пергамента, которым было затянута окно, разглядывал двор. Его обычно такое добродушное лицо сейчас казалось настороженным и испуганным.

Анжелика заставила замолчать собственный страх и начала успокаивать друзей.

— Не волнуйтесь, вы под защитой моего мужа. Французские солдаты не имеют здесь такой власти, как в самом королевстве.

— И все-таки они поглядывают на нас подозрительно. Им, конечно, известно, что мы гугеноты.

— Но они знают, что среди нас есть испанцы и даже англичане — их злейшие враги... Я же говорю вам: Франция далеко.

— Это, конечно, так, — согласился часовщик, продолжая разглядывать индейцев. — Ну ни дать ни взять ряженые, какие разгуливают у нас по деревням накануне Великого Поста! Господи, чего тут только ни

насмотришься! Вон поглядите-ка: у того нос синий, круги у глаз и щеки намазаны черной краской, а лоб и уши размалеваны красным. Ну и маскарад!

Мальчики тоже подошли к окну. Анжелика стянула сапог с ноги и перочинным ножом осторожно счистила с подошвы остатки голубой краски.

— Не могу понять, из чего они ее делают. Цвет удивительный, и она почти не смывается. Вот бы такой подвести глаза, когда идешь на бал.

Потом она сияла чулок и стала разглядывать ушиб на ноге, он беспокоил ее уже несколько дней.

Дверь с шумом отворилась, на пороге появился Пон-Бриан и тут же застыл на месте, сообразив, что забыл постучать.

— Извините меня, — пробормотал он, — я принес вам свечи.

Вопреки своей воле он не мог оторвать глаз от голой ноги Анжелики, которую она поставила на камень перед очагом. Она одернула юбку и высокомерно взглянула на него.

— Заходите, лейтенант, спасибо... вы так любезны...

Двое солдат, сопровождавших Пон-Бриана, внесли багаж. Пока они расставляли по углам дорожные мешки, кожаные кофры, сундуки, лейтенант собственноручно вставил свечи в оловянные подсвечники и поставил на стол кувшин с пивом и стеклянные кубки. Он был очень многословен, видимо желая загладить свою оплошность.

— Вот холодное пиво, пейте, сударыни! Представляю себе, как вы утомились за время вашего долгого и трудного путешествия. Я и мои товарищи преклоняемся перед вашим мужеством. Ради бога, без всякого стеснения скажите, чем я могу еще быть полезен вам. Полковник просил передать, что мы с Модреем в вашем полном распоряжении, а сам он взял на себя заботу о графе де Пейраке. Главное, что я

должен вам посоветовать, — это не выходить сегодня вечером из дому. Дикарей здесь собралась тьма-тьмушая, и они решили устроить пир. Иногда они становятся опасно навязчивыми. Завтра большая часть их уйдет отсюда, тогда вы и сможете осмотреть Катарунк. И ни в коем случае никого не впускайте в дом! Я не стал бы об этом говорить, если бы здесь были только абенаки и алгонкины, но здесь собралось и много гуронов, а у нас, в Квебеке, про этих жуликов говорят: «Где гурон — там урон».

Разглагольствуя, Пон-Бриан бросал смелые взгляды на Анжелику. Она почти не слушала его и с нетерпением ждала, когда же он наконец удалится. Она безумно устала. Все тело у нее ныло. Несмотря на свою простоту, Катарунк ей нравился. И она была бы вполне счастлива, не будь здесь этих непрошенных гостей. Положение было не из приятных. Анжелика пока не чувствовала себя дома и уже представляла, как будут развиваться события в ближайшие дни. Де Пейрак будет вынужден проводить все время в обществе французов — он не должен спускать с них глаз. Для начала она не увидит его сегодня вечером. И еще будет счастьем, если завтра он не предпримет с ними какую-нибудь вылазку, оставив ее среди этих бесцеремонных туземцев, языка которых она не понимает. Задумавшись, Анжелика сняла шляпу — она надавила ей лоб, откинула назад голову и, закрыв глаза, потерла рукой висок, словно желая отогнать начинающуюся мигрень.

Пон-Бриан умолк. У него перехватило горло. Да, она была действительно прекрасна! Прекрасна так, что дух захватывало от ее красоты.

Анжелика, взглянув на лейтенанта, подумала, что у него глупый вид, и едва заметно пожалала плечами.

— Спасибо, лейтенант, за оказанные нам услуги, — сказала она довольно холодно. — И поверьте, что ни у

меня, ни у моих друзей нет ни малейшего желания общаться с дикарями и терять по их милости то последнее, что у нас есть. Моя дочь и так уже осталась без башмаков. Она забыла их на берегу озера, и я просто ума не приложу, где достать пару обуви ее размера...

Пон-Бриан пробормотал, что он возьмет это на себя. Он попросит одну знакомую индианку скроить мокасины для девочки. Завтра же она будет обута. Затем он, пятясь, добрался до двери, прихватив по пути какие-то ремни, еще являвшиеся на скамьях. Выйдя за порог, он почувствовал себя опьяневшим, словно только что залпом выпил несколько чарок канадской водки.

— Черт возьми, — пробормотал он сквозь зубы, — что же это такое? Неужели и в этой проклятой стране может произойти что-то необычное?

Любовь вползала в его сердце. Он ощущал ее приближение и внутренне содрогался. Его охватывало возбуждение, подобно тому, какое испытываешь на охоте или перед боем. В жизни сразу что-то изменилось. Проходя через двор, он поднял лицо к небу и глухо закричал, в крике его звучала безумная и дикая радость.

— Почему ты издаешь боевой клич? — спросили его индейцы.

Он растолкал их и, подражая их движениям, начал танцевать индейский танец, исполняемый вокруг костра, воинственный танец томагавков и свистящих стрел. Индейцы засмеялись и вслед за ним повторили отдельные движения этого танца, испуская при этом пронзительные, казалось, вонзающиеся в самое небо крики.

— Господи, какой рев! — прошептала Анжелика. Она почувствовала, как неприятная дрожь снова пробежала у нее по спине. Схватив Онорину, она исступленно прижала девочку к себе. Их каждую минуту могли

убить. Опасность висела в воздухе. От нее оставался привкус на языке. Это была Америка. Опасность умереть насильственной смертью была здесь повсюду, но зато у человека в Новом Свете было и право жить и защищаться.

— Сударыня, — позвала ее Эльвира, — взгляните-ка! Здесь, оказывается, еще две комнаты с кроватями, даже три, и в каждой очаг. Мы прекрасно устроимся.

Комнаты, совсем маленькие, были расположены вокруг большого камина с отдельной топкой в каждой комнате. Камин был грубо сложен, по-видимому, из речных камней на растворе из песка, извести и гравия. На деревенских кроватях — у некоторых из них спинки были даже не отесаны — лежали тюфяки, набитые мхом, и все они были застланы шерстяными одеялами или медвежьими шкурами. В комнате, куда вела дверь справа, кровать была более чистой работы и из хорошего дерева; при всей своей добротности она выглядела изящной, и ее украшал полог из бродячей, отделанный витым шнуром. В левой комнате кровать была попроще, но тоже с пологом. В дальней комнатке стояло несколько кушеток с деревянными кругляками в изголовьях, но и на них лежали тюфяки, покрытые теплыми одеялами. Эльвира сразу решила, что здесь она будет спать с тремя детьми.

Семейство Жонас выбрало себе левую комнату, а Анжелика устроилась в правой. Впрочем, она и предназначалась госпоже де Пейрак, там уже стоял ее багаж. По некоторым едва уловимым приметам этой комнаты с грубыми бревенчатыми стенами, скорее похожей на хижину лесоруба, чем на жилище крестьян, Анжелика поняла, что здесь жил де Пейрак, когда в прошлом году он приезжал в Катарунк. Отодвинув занавеску, она обнаружила на полочках этажерки книги в кожаных переплетах с латинскими, греческими и арабскими названиями. В других комнатах он, видимо,

предполагал разместить сыновей и своего помощника, которого он привез с собой. По мелочам она узнавала руку мужа, его любовь к комфорту и тот безупречный вкус, с каким он умел выбирать вещи.

Бронзовый подсвечник, стоящий на столике в углу комнаты, был тонкой работы. Он радовал глаз пластичностью своих арабесок, но видеть здесь эту изысканную безделушку было довольно странно, и, в общем, она казалась ненужной в убогом домишке, затерянном в глубине бескрайнего леса. Жаль, что никому не пришло в голову очистить подсвечник от наплывов застывшего сала. Камень перед очагом закрывала хорошо выкованная подставка для дров, но зола и погасшие головешки были рассыпаны прямо на полу. В доме сильно отдавало казармой.

Анжелика поняла, что для начала она должна взять в руки метлу. Благо в углу их было несколько. Женщины с рвением взялись за дело, чтобы скорее очистить свое жилье от следов солдатского постоя. Этот маленький теплый домик с добротным камином, в котором скоро весело запылает хворост, им нравился. Хотелось как можно скорее придать ему жилой вид, создать уют, навести чистоту и устроить все по своему вкусу, чтобы чувствовать наконец себя дома, а не скитальцами и бродягами, как в течение этих последних трех недель.

Дверь закрыта, щеколда задвинута. Им и впрямь было хорошо тут. Мэтр Жонас перед очагом в своей комнате развесил чулки и туфли, которые он промочил в болоте, где-то недалеко от Катарунка. Эльвира раздела ребятишек и посадила их в ушат с водой.

Анжелика, окончив убирать свою комнату, решила порыться в сундуках, посмотреть, не найдется ли там свежих простынь. Открыв один из них и откинув его крышку, она обнаружила вделанное в нее зеркало. В этом был весь Жоффрей де Пейрак! Сколько предупредительности в этой неожиданной находке!

«До чего же я люблю его!»

Стоя перед зеркалом на коленях, она рассматривала свое лицо. Она отдыхала. Простынь в сундуке не оказалось, там была только мужская одежда. Анжелика встала и осторожно закрыла крышку Минуты, что она провела у зеркала, наполнили ее желанием надеть нарядное платье. Она открыла свой багаж и прежде всего достала чистую сорочку Онорине. Дети хотели спать, и, к счастью, их можно было уложить в самой дальней комнате, куда едва долетал шум со двора.

В чуланчике госпожа Жонас обнаружила большой котел, который подвешивают над очагом. Оставалось только сходить за водой. Но ни одна из женщин не могла отважиться пройти к колодцу через охваченный безумием двор.

Мэтр Жонас решил принести себя в жертву. Он вернулся, окруженный толпой индейцев; они задавали ему тысячи вопросов и, сталкивая друг друга с крыльца, пытались пробраться ближе к двери, чтобы только взглянуть на белых женщин.

Никто из них не помог ему донести воду, так как они считали позорным, что «чено» — пожилой мужчина — выполняет тяжелую работу, а женщины тем временем сидят дома. Еще немного и эти настырные индейцы ворвались бы в их флигель.

— Никогда в жизни не видел более наглого народа, — проговорил часовщик, стряхивая с себя пыль и вытирая пот, когда наконец удалось закрыть дверь и задвинуть засов. — Если уж они привяжутся к вам, отделаться от них невозможно...

Чтобы не заставлять его еще раз повторить эту опасную вылазку, женщины решили разделить поровну драгоценную влагу и умыться. Над огнем, весело потрескивающим в камине, они подвесили котел. В ожидании пока вода согреется, сели поближе к теплу и разлили по кубкам пиво.

Кто-то несколько раз легко постучал в дверь. Это был Никола Перро. Он вручил им плетеную корзину, в которой была большая пшеничная булка, колбаса, малина и черника. Сопровождавший его индеец принес дрова. При виде этих яств у всех сразу повеселело на сердце. Лакомства тут же понесли малышам, и они, засыпая, все еще продолжали жевать.

— Никола, что это за история с вашей женой? — спросила Анжелика. — Вы никогда мне о ней ничего не рассказывали.

— А я ничего и не знал, — быстро ответил канадец и страшно покраснел.

— Как, вы не знали, что у вас есть жена?

— Нет, я хотел сказать, что не знал, что у меня есть ребенок. Я уехал сразу же после...

— После чего?

— После женитьбы, черт возьми! Вы поймите, я должен был жениться. Если б я не женился, мне бы пришлось платить огромный штраф, а я в ту пору был беден как церковная крыса. К тому же меня собирались судить: я проделал длинное путешествие без разрешения губернатора. И грозились отлучить от церкви за то, что я возил водку дикарям. Тогда я решил жениться... Так было проще...

— Представляю, как вы поступили с этой бедной девушкой, если вас принудили жениться на ней, — заметила госпожа Жонас.

— Да я до женитьбы и в глаза ее не видел...

— То есть как не видели?

— Она была одной из «дочерей короля» и только что прибыла с последним кораблем... Я ничего не хочу сказать, может быть, девушка была милая и честная...

— Вы в этом не уверены?

— У меня не было времени присмотреться к ней.

— Объясните-ка все как следует, Никола, — попросила Анжелика. — А то ведь мы ничего не

поняли...

— Все очень просто. Король Франции заботится о росте населения в своих колониях. И время от времени он присылает сюда корабль, полный барышень, и местные холостяки в течение двух недель обязаны разобрать их себе в жены. Тот, кто отказывается это сделать, должен платить штраф или даже может угодить в тюрьму. Ну так вот, через это нужно было пройти и мне... И я прошел... А затем — прощай, я уйду в леса, к индейцам...

— Вам не понравилась ваша супруга? — спросила Эльвира.

— Я просто не успел разобраться, нравится она мне или нет. Я же вам говорю...

— Во всяком случае, у вас хватило времени, — заметила Анжелика, — чтобы стать отцом.

— А как же, черт побери! Это было необходимо. А то она стала бы жаловаться, что супружество не свершилось, и в таком случае с меня опять бы взяли штраф.

— Значит, на следующий же день после брачной ночи вы без оглядки сбежали от своей молодой жены? И неужели вы не испытывали угрызений совести за эти три года? — наигранно сурово спросила Анжелика.

— Честное слово, нет! — усмехнувшись, признался канадец. — Но скажу откровенно, когда мессир де Ломени бросил на меня свирепый взгляд, мне стало очень не по себе. Я не знаю более святого человека. К сожалению, мы с ним сделаны из разного теста...

Несмотря на то что воды было маловато, Анжелика с наслаждением вымылась перед очагом в своей комнате. Она привезла с собой в Катарунк два очень элегантных туалета, которые могли бы показаться совершенно ненужными в этих диких местах. Но Анжелика рассудила, что если здесь не будет никакого общества,

которое она могла бы пленять в этих нарядах, то они просто доставят удовольствие ей самой. А кроме того, ведь теперь у нее есть муж и сыновья. Одним словом, да здравствует женское обаяние и красота!

Почему бы время от времени ей не появляться перед ними нарядной женщиной, как те, что живут в далеких городах, где по улицам ездят кареты, где из каждого окна вас подстерегает чей-то взгляд и чьи-то губы с завистью произносят: «Вы видели новый туалет госпожи X?..».

Она надела жемчужно-серое платье, отделанное серебряным галуном и вышивкой, с воротником и манжетами из тонкого белого батиста, обшитого тонкими серебристыми кружевами. Распустив волосы, Анжелика встряхнула ими и долго расчесывала черепаховым гребнем с золотыми украшениями, который она достала из чудесной дорожной шкатулки, подаренной ей мужем перед самым отъездом из Голдсборо. То, что подобные предметы роскоши были у нее под рукой, придавало ей уверенность. Собираясь в дорогу, Анжелика немного подстригла свои длинные волосы. Теперь, когда она поднимала их на затылке, они ниспадали на плечи, обрамляя лицо сверкающей массой. Волосы были очень густые и шелковистые, они лежали волнами, на концах закручивались в локон. Легкая челка прикрывала ее загорелый лоб.

Анжелика любила красиво причесаться. В этом были кокетство и вызов, так как естественное золото ее волос, хотя ей было тридцать девять лет, уже тронула ранняя седина. Это не огорчало ее. К тому же она знала, что их серебристый отлив только подчеркивает неувядающую молодость ее лица. Теперь оставалось укрепить маленькую диадему, усыпанную жемчугом, и она снова подошла к зеркалу.

В этот момент чья-то тень мелькнула на желтоватом пергаменте, и в окно тихонько постучали.

Глава 10

После некоторых колебаний Анжелика отодвинула деревянную задвижку и открыла створку маленького окошечка. За окном, согнувшись, стоял человек, он оглядывался, словно боялся, что его кто-нибудь заметит. Анжелика узнала в нем бретонца Жана, одного из бывших членов экипажа «Голдсборо», которого де Пейрак ценил как умелого столяра и выносливого, испытанного воина, и, не задумываясь, взял с собой в Новый Свет. Он смущенно улыбался. Можно было подумать, что он замыслил какую-то шутку... Наконец, решившись, он выпалил одним духом:

— Мессир граф собирается пристрелить вашу Волли. Он говорит, что эта лошадь с изъяном и что он еще вчера решил от нее избавиться.

И тут же исчез. До Анжелики не сразу дошел смысл сказанных слов. Она пригнулась и крикнула в окошко:

— Жан!

Но его уже и след простыл. Прислонившись к косяку, Анжелика собиралась с мыслями. Постепенно слова молодого бретонца начали доходить до ее сознания. Еще минута, и в ней словно что-то оборвалось. Глаза вспыхнули. Гнев с такой силой полоснул ее по сердцу, что она едва не задохнулась. Она искала свой плащ, натываясь на мебель, так как день уже угасал и в комнате было сумрачно. Пристрелить Волли, ее лошадь, которую она с таким трудом довела до цели!

Вот такими поступками мужчины и дают понять женщинам, что с ними считаться нечего! А разве может вынести такое пренебрежение уважающий себя человек, даже если он принадлежит к слабому полу? Так, значит, Жофрей приказал убить Волли, даже не

сказав ей об этом? Убить лошадь, которую она вела, надрывая руки и спину, иногда с опасностью для жизни! На которую положила столько труда, чтобы смирить ее и приучить к чужому дикому краю, где каждая песчинка, казалось, вызывала у этого чрезвычайно чуткого животного непреодолимое отвращение. Волли, например, не выносила резкого запаха, исходившего от индейцев, или запаха прели, стоявшего в подлеске. Она страдала от тысячи вещей, с которыми ее заставили столкнуться люди: от необъятности просторов, от дикости мест, от враждебной ей природы; можно было подумать, что она страдает физически, касаясь своим тонким копытом нехоженых земель. Сколько раз Анжелика просила кузнеца, который был среди людей де Пейрака, проверить копыта лошади. Он ничего не мог обнаружить. Значит, вся драма разыгрывалась в голове Волли. И тем не менее Анжелика довела ее до места...

Она уже готова была вихрем вылететь из комнаты, но взяла себя в руки. Нужно было хоть немного прийти в себя, чтобы не подвести Жана. Он проявил большое мужество, сообщив ей о намерениях графа... Жоффрей де Пейрак был не из тех хозяев, чьи решения подвергаются обсуждению. Непослушание и ошибки дорого обходились тем, кто служил у него. Жан Ле Куеннек, должно быть, не сразу решился на этот шаг. Он был помягче и пообходительнее остальных своих товарищей. Во время путешествия он часто приходил Анжелике на помощь: на косогоре поддерживал повод лошади, на привалах вытирал седло, и они стали добрыми друзьями.

В тот вечер, узнав о замыслах своего господина, он решил предупредить Анжелику. И она дала себе слово, что во время разговора с мужем ничем не выдаст молодого человека.

Не спеша она накинула на себя плащ из малиновой тафты, подбитый волчьим мехом, который до сих пор у нее не было случая обновить.

Госпожа Жонас даже простерла руки к небу, увидев Анжелику.

— Вы как будто собрались на бал?

— Нет, всего лишь в соседний дом. Мне нужно как можно скорее переговорить с мужем.

— Вам никак нельзя выходить, — решительно запротестовал мэтр Жонас. — Ведь там индейцы! Куда вы одна?

— Ничего, как-нибудь перейду двор, — ответила Анжелика, открывая дверь.

В лицо ей ударил оглушительный шум.

Глава 11

Солнце уже клонилось к закату, и его лучи, пробиваясь сквозь плотную пелену пропитанного пылью и дымом тумана, заливали землю розовым светом.

От огромных чугунных котлов, под которыми жарко трещал огонь, тянуло сладковатым запахом маисовой каши. Вооружившись деревянными черпаками, солдаты разливали кипящее варево столпившимся вокруг индейцам, тянувшим к ним со всех сторон выдолбленные из дерева миски, берестяные чашки, а то и просто соединенные вместе ладони.

Анжелика перебежала двор и направилась к дому, где у входа стоял караульный. Забыв о своих обязанностях, он жадно торговался с индейцами, стараясь повыгоднее обменять листья табака на золотистые шкурки выдры.

Анжелика молча прошла мимо него и остановилась на пороге комнаты, где она надеялась найти мужа. Граф де Пейрак действительно сидел за столом в окружении каких-то незнакомых ей людей; приглядевшись, Анжелика узнала среди них графа де Ломени и его лейтенантов. Из-за табачного дыма в комнате царил полумрак, хотя к стенам были прикреплены сальные лампы, горящие желтым мерцающим светом.

Свежий воздух, ворвавшись в дом через открытую дверь, несколько рассеял густой чад. И Анжелика увидела, что от самого порога до пылающего в глубине комнаты очага тянется массивный, крепко сколоченный стол, уставленный дымящимися блюдами, оловянными кубками и графинами из темного стекла. В центре стола возвышался пузатый глиняный кувшин со светлым

пивом. Анжелика чуть не задохнулась от ударивших ей в нос крепких запахов.

Сидящие за столом немилосердно дымили трубками. Перед каждым стоял кубок с вином. Мелькали ножи. Энергично работали челюсти. Не отставали от них и языки. Гортанная индейская речь и громкое чавканье сливались в однообразный, монотонный гул, прерываемый время от времени, словно раскатами грома, взрывами оглушительного хохота. Затем все снова принимались за еду, и разговоры возобновлялись.

На почетном месте Анжелика увидела сагамора Мопунтука, вытиравшего руки о свои длинные, заплетенные в косы волосы, а неподалеку от него — в фетровой шляпе с золотым галуном, подаренной ему лейтенантом Фальером, — гурона Одессоника. На минуту Анжелике показалось, что она попала в индейский лагерь. Но нет, индейские вожди, как того требовал обычай, были здесь лишь почетными гостями. Хозяевами же были белые, они пировали этим осенним вечером, отмечая столь неожиданную встречу, которая волею судеб свела в этом нехоженном краю людей, пришедших с разных концов континента и в глубине души сожалевших о том, что пути их не разминулись. Несмотря на кажущуюся сердечность, они неотступно следили друг за другом, хотя внешне ничем не выдавали своей настороженности и владевших ими противоречивых чувств. Возможно, граф де Ломени-Шамбор и был искренен, говоря, что рад дружеской встрече с хозяином Катарунка, но находящегося на службе у графа де Пейрака мрачного и высокомерного испанского капитана дона Хуана Альвареса, сидевшего за столом между индейцем и французом, возмущало присутствие этих захватчиков в местах, навечно закрепленных буллой самого папы за подданными Их католических Величеств короля и королевы Испании.

Ирландца О'Коннела, с лицом, похожим на спелый помидор, тревожила мысль о том, как отнесется к вторжению канадцев его хозяин, граф де Пейрак. Трапперы-французы, пришедшие сюда с юга с караваном де Пейрака, болтая со своими старыми друзьями с берегов Святого Лаврентия, старательно избегали разговоров о том, чем они занимались прошлую зиму.

Старый охотник Элуа Маколле, который, обманув бдительность своей невестки, живущей в деревне Леви, неподалеку от Квебека, уже два месяца провел в лесу вдали от человеческого жилья, был преисполнен решимости иметь отныне дело лишь с медведями, лосями или уж в крайнем случае с бобрами, и сейчас он сетовал на то, что в Америке не осталось уединенных мест. Да, в ее лесах действительно и шагу невозможно было ступить, не встретив человека. Надвинув на лоб вязаный красный колпак, украшенный фазаньими перьями, старик мрачно курил вересковую трубку, но после третьей чарки оживился, его глубоко сидящие глаза радостно заблестели, и он подумал себе в утешение, что уж сюда-то по крайней мере за ним не явится его невестка и что вообще не так уж плохо повидать старых друзей и посидеть с ними на настоящем напеопунано — празднике Медведя, на который испокон веков собираются одни мужчины; по обычаю, медведю, перед тем как его зажарить, засовывают в ноздри щепотку табаку, а в огонь на счастье бросают немного мяса и жира. Медведя убил Пон-Бриан, ему принадлежало право, отрезав себе первый кусок, раздать самые лакомые своим друзьям. Осенью медвежье мясо особенно вкусно.

Вдруг повеселевший старик чуть не подавился костью — сплюнув, он громко выругался. Ему померещилось, что в табачном дыму перед ним выросла фигура его невестки. Нет, к счастью, это была не

Сидони, но все-таки, глядя на них, на пороге стояла женщина.

Женщина на напеопунано! Какое кощунство! Откуда появилась она в этом глухом уголке Канады, куда редко спускались жители с берегов реки Святого Лаврентия и уж подавно не заглядывали те, кто обосновался на берегу океана, и, если бы время от времени не приходилось сводить счеты с кем-нибудь из еретиков Новой Англии, сюда бы, верно, так никто никогда и не забрел.

Старик забормотал что-то невнятное и отчаянно замахал руками, словно стараясь разогнать клубы дыма и густые пары маисовой похлебки. Его сосед Мопертюи остановил его: «Успокойся, старик!»

В эту минуту сагамор Мопунтук поднял руку и, указав на женщину, торжественно заговорил. Он рассказал не слишком понятную историю о черепахе и ирокезах и в заключение добавил, что эта женщина победила черепаху и заслужила право сидеть на пиру рядом с отважными воинами.

— Так, значит, теперь это уже не напеопунано — праздник мужчин, а мокушано, — проворчал старый Маколле. — Вот уж стоило, спасаясь от женской юбки, забираться в такую даль. Впрочем, всего можно было ждать от этих металлаков с озера Умбагог, они слыли самыми бестолковыми среди алгонкинов; конечно, спору нет, мало кто мог соперничать с ними в умении выследить зверя, но ведь и места-то здесь — настоящий рай для охотника, а уж бестолковы-то они были до того, что их даже не смогли научить осенять себя крестным знаменем.

— Ты замолчишь, старик? — прикрикнул на него Франсуа Мопертюи, надвинув ему колпак на самые глаза. — И как только тебе не совестно оскорблять даму?

От негодования и волнения у Мопертюи даже дрогнул голос. В голубых клубках табачного дыма, чуть подсвеченная лучами солнца, проникавшими через полуоткрытую дверь, Анжелика казалась не правдоподобно прекрасной. В этой хрупкой и нежной женщине трудно было узнать не знавшую усталости всадницу, вместе с которой он проделал весь путь от самого Голдсборо. Она словно сошла с одной из тех картин, что висят во дворце губернатора Квебека, и стояла сейчас перед ними с золотистыми распущенными волосами, в ярко-малиновом плаще, положив тонкую белую руку в кружевном манжете на грубо обструганные перила.

Суровый траппер рванулся ей навстречу, но ноги плохо слушались его, табурет упал, и сам он со всего маху растянулся на полу. Потирая ушибленный нос, он на чем свет ругал предательскую водку О'Коннела. Проклятый ирландец, конечно, добавлял в нее какие-то травы, чтобы сделать ее покрепче.

Несмотря на испуг, Анжелика едва сдержала смех и, оглядевшись вокруг, подумала, что никогда еще за годы ее бурной жизни не приходилось ей видеть подобного сборища.

Де Пейрак еще не заметил ее появления. Он сидел на дальнем конце стола, у самого очага, и курил длинную голландскую трубку, беседуя с полковником де Ломени. Когда он смеялся, она видела, как сверкают его крепкие белые зубы, сжимающие черный мундштук. Его темный четкий профиль резко вырисовывался на фоне танцующих языков пламени.

Что-то в этой картине невольно вызывало в памяти образы далекого прошлого: могущественный граф Тулузский в своем Отеле Веселой Науки принимает гостей, и стол ломится от изысканных яств на золотых блюдах. Он так же сидел во главе стола, а за его спиной в огромном, украшенном фамильным гербом камине

ярко пылал огонь, и отблески пламени весело играли на гранях хрустальных кубков и придавали таинственную прелесть бархату, парче, кружевам.

Какая злая пародия на те счастливые времена! Судьба словно хотела дать им понять, в какую пропасть они были низвергнуты. Если тогда их окружал весь цвет Тулузы, благороднейшие сеньоры и прекрасные дамы, то кого только не было теперь за их столом: трапперы, индейцы, солдаты, скромные офицеры, на которых жизнь в этой дикой стране, заполненная охотой и войной, таящая в себе столько опасностей, наложила свой отпечаток.

Даже у графа де Ломени, несмотря на всю его учтивость, было что-то общее с ними. Анжелика вдруг заметила, что у него обветренное лицо, хищные зубы и отрешенный, затуманенный взгляд курильщика табака.

И сам Жоффрей де Пейрак чувствовал себя своим среди этих людей. Морские штормы, погони, бесконечные сражения, схватки не на жизнь, а на смерть, ежедневная, ежечасная борьба с пистолетом или шпагой в руке за осуществление своих честолюбивых планов, за право повелевать людьми, за достижение поставленной цели, борьба с враждебными силами природы, пустыней, океаном, лесами развили в нем те черты, которые прежде лишь проглядывали за изысканностью манер знатного сеньора в скупых и точных жестах ученого.

Анжелика отступила назад.

Но Пон-Бриан уже бросился к ней. Ему повезло больше, чем Мопертюи, он сумел удержаться на ногах и добраться до нее. Впрочем, он не был пьян. Он выпил совсем немного, только чтобы поднять настроение.

— Сударыня, счастлив видеть вас...

Он протянул ей руку, чтобы помочь спуститься по ступенькам, которые вели от порога, а взглядом уже

отыскивал свободное место в центре стола. Анжелика не знала, как ей поступить.

— Боюсь, как бы индейцы не сочли мое появление здесь для себя оскорбительным. Мне говорили, что у них не принято, чтобы женщины присутствовали на праздниках...

Но сидевший неподалеку сагамор Мопункт вновь поднял руку и произнес несколько слов. Пон-Бриан поспешил перевести их Анжелике:

— Вот видите, сударыня, сагамор повторил, что вы достойны сидеть рядом с воинами, вы победили черепаху, тотем ирокезов. И вы не должны лишаться радости видеть вас здесь.

Он решительно освободил ей место в центре стола, бесцеремонно оттеснив капрала Дженсона, и, усадив по правую сторону от Анжелики высокого, широкоплечего красавца, сам сел слева от нее.

Действия Пон-Бриана и слова сагамора привлекли всеобщее внимание. Голоса стихли, и все взгляды обратились к Анжелике.

Она бы предпочла сразу очутиться рядом с мужем и объяснить ему причину своего прихода. Но не так-то легко было уклониться от настойчивых ухаживаний лейтенанта и его друзей. Ее сосед справа наклонился к ней, пытаясь поцеловать ей руку, но икота, которую ему с трудом удалось сдержать, помешала ему. Он виновато улыбнулся:

— Разрешите представиться: Ромен де Л'Обиньер! Впрочем, я, кажется, уже был представлен вам. Простите, но у меня путаются мысли... Если бы вы пришли чуть раньше... Но хоть я и изрядно пьян, у меня еще не двоится в глазах, и я не могу допустить столь кощунственную мысль, что на свете есть вторая такая красавица. Я уверен, вы единственная, неповторимая...

Анжелика рассмеялась, но смех ее оборвался, как только она взглянула на руки своего соседа. На левой у

него не хватало большого и среднего пальцев, на правой — безымянного. Остальные были изувечены, на некоторых вместо ногтей чернела обуглившаяся кожа. Когда у переправы Саку ей представили его вместе с офицерами, она не заметила этого.

— Не обращайтесь внимания на мои руки, прекрасная госпожа, — перехватив ее взгляд, весело сказал Л'Обиньер. — Это память о моей дружбе с ирокезами. Я знаю, красивого мало. Но это не мешает мне нажимать на курок ружья.

— Ирокезы пытали вас?

— Мне было шестнадцать лет, когда я попал к ним в руки, отправившись как-то осенью пострелять диких уток на болота Трехречья. Вот почему меня и прозвали Трехпалым-с-Трехречья. И, видя, что она не может отвести полный жалости взгляд от его искалеченных рук, продолжал:

— Сперва они острыми краями раковин отрезали мне три пальца. Большой на левой руке подожгли. На других пальцах зубами повыдирали ногти и тоже стали их поджигать.

— И вы все это выдержали?

Это спросил Флоримон. Он перегнулся через стол. Глаза его под пышной шапкой волос возбужденно блестели.

— Я ни разу не крикнул, молодой человек! Неужели бы я доставил удовольствие этим кровожадным волкам и стал бы стонать и извиваться от боли! К тому же, крикни я хоть раз, меня бы тут же убили! А когда они увидели, что я веду себя, как подобает мужчине, они оставили мне жизнь, и я провел у них больше года.

— Вы говорите на их языке?

— Пожалуй, не хуже самого Сваниссита, великого вождя сенеков.

И он добавил, обведя взглядом всех присутствующих, словно пытаюсь отыскать кого-то:

— Из-за него я и пришел в эти края.

Он был смуглолицым и черноглазым. Волнистые каштановые волосы падали на его короткий плащ из лосиной кожи, украшенный, как это было принято у индейцев, полосками цветной кожи. Расшитый мелким жемчугом индейский головной убор был сколот сзади двумя перьями. Вероятно, этот убор и делал его лицо женственным, что так не вязалось с его могучими плечами и высоким ростом.

— Вы говорите, что ищете встречи со Сванисситом, сын мой, — произнес де Ломени, — но со стороны можно подумать, что вы избегаете ее, ведь всего месяц назад он был на Севере со своими воинами. Мы узнали об этом от двух дикарей, им едва удалось спастись, когда ирокезы напали на их деревню.

— А я вам говорю, что он здесь, — возразил Л'Обиньер, стукнув кулаком по столу. — Он должен встретиться здесь с Уттаке, вождем могавков. Мы недавно схватили одного ирокеза. И заставили его заговорить. Если бы нам удалось снять скальпы с этих двух голов, от Союза пяти племен ничего бы не осталось, он бы распался.

— Ты хочешь рассчитаться со Сванисситом за свои пальцы? — усмехнувшись, спросил Мопертюи.

— Я хочу рассчитаться с ним за свою сестру, за зятя и за родных моего друга Модрея, сидящего вместе с нами за этим столом. Вот уже шесть лет, как мы охотимся за этой старой лисицей, но рано или поздно мы выследим ее... Наберись терпения, Элиасен, — обратился он к Модрею. — Они все равно не уйдут от нас.

— Когда я жил у ирокезов, — продолжал он, — Уттаке был мне братом. Не знаю, есть ли на свете человек более красноречивый, более хитрый и более мстительный, чем он. К тому же он кое-что смыслит в колдовстве, он связан с Духом Снов. Я люблю и

ненавижу его. Вернее сказать, я уважаю его за ум и храбрость, но своими руками убил бы его, потому что это самое страшное чудовище, с которым может когда-либо повстречаться француз.

— Дадите вы наконец что-нибудь поесть своей соседке? — ворчливо прервал его Маколле.

— Сейчас, сейчас, не сердитесь, отец. Простите меня, сударыня. Пон-Бриан, не могли бы вы мне помочь?

— Я как раз пытаюсь отыскать в этом рагу кусок, который был бы достоин оказаться на тарелке прекрасной дамы, но...

— А, вот возьмите этот! Медвежья лапа! Нет на свете ничего вкусней для того, кто знает в этом толк. Эх, Пон-Бриан, друг мой милый, сразу видно, что ты недавно в этих краях.

— Я? Совсем недавно! Всего пятнадцать лет...

— Дайте же ей в конце концов поесть! — снова недовольно пробурчал старик.

Они придвинули к Анжелике огромное блюдо, где в янтарно-желтом жиру плавали темные студенистые куски мяса. Не боясь обжечься, Л'Обйньер запустил туда свои изувеченные пальцы. Он очень ловко отделил от мяса острые, напоминающие маленькие изогнутые кинжалы когти зверя, которые слегка размякли во время варки, и бросил их на стол.

— Наш друг Мопунтук сделает себе из них неплохое ожерелье или украсит ими набедренную повязку. Вот, сударыня, кусок, который вы сможете по достоинству оценить, не боясь при этом, что когти сеньора медведя поцарапают вам горло.

Анжелика с опаской поглядывала на куски медвежатины, которые ее соседи так услужливо положили ей на тарелку, обильно полив жиром. Она пришла сюда, чтобы поговорить с де Пейраком о своей лошади, и попала, словно в ловушку, на это пиршество. Она то и дело поворачивала голову в сторону мужа, но

он сидел довольно далеко от нее, во главе стола, и как она ни старалась, из-за висевшего в воздухе табачного дыма никак не могла перехватить его взгляд или хотя бы рассмотреть выражение лица. Временами она чувствовала, что он как-то странно поглядывает на нее. Она решила быть любезной с французами, которые усадили ее рядом с собой, к тому же все они были навеселе, и она боялась обидеть их. Ей совсем не хотелось есть, но в жизни ей приходилось делать вещи куда более трудные, чем то, что ей предстояло сейчас, — отведать медвежатины, и она поднесла кусок ко рту.

— Запейте тут же вином, — посоветовал Пон-Бриан. — Иначе от жира останется неприятный привкус во рту.

Анжелика сделала глоток, и у нее перехватило дыхание.

Все сидящие за столом с напряженным вниманием следили за каждым ее движением, словно охотники, подстерегающие дичь.

К счастью, Анжелика научилась пить при дворе французского короля, и она достойно выдержала это испытание.

— Теперь я понимаю, почему индейцы называют водку огненной водой, — сказала она, придя в себя.

Раздался взрыв смеха, и в ее адрес посыпались комплименты. Затем все снова принялись за еду.

Анжелика увидела повара Октава Малапрада, он только что внес в комнату огромное блюдо жареной дичи. Вспомнив о своих друзьях Жонас, она привстала, намереваясь попросить его отнести им еды во флигель. Но Пон-Бриан, решив, что она собралась уходить, с такой силой схватил ее за руку, что она чуть не вскрикнула.

— Не покидайте нас, — произнес он умоляюще. — Я этого не вынесу.

Сидевший рядом с де Пейраком граф де Ломени заметил, что тот едва сдерживает гнев, и решил

вмешаться.

— С вашего позволения, граф, — произнес он вполголоса, — я отправлюсь на помощь к госпоже де Пейрак, ее следует усадить на почетное место. Не беспокойтесь. Беру ее под свою защиту. Постараемся избежать инцидентов... Они же все пьяны.

Анжелика вдруг увидела церемонно склонившегося перед ней графа де Ломени.

— Сударыня, позвольте мне провести вас на место, по праву принадлежащее вам как хозяйке этого дома.

При этих словах он бросил быстрый и гневный взгляд на Пон-Бриана, и тот сразу же отпустил ее. Предложив руку Анжелике, полковник весьма галантно провел ее к свободному концу стола и сам сел справа от нее. Таким образом, Анжелика оказалась еще дальше от Жоффрея де Пейрака. Теперь он сидел напротив нее, на противоположном конце стола, совсем как бывало в Тулузе. Полковник тут же распорядился, чтобы ей подали жареную индейку и тушеные овощи.

— Это блюдо должно больше прийтись по вкусу молодой женщине, только что прибывшей из Франции.

Анжелика запротестовала. В общем, мясо бурого медведя показалось ей вполне съедобным. Она была уверена, что без труда привыкнет к нему.

— Не следует без особой на то необходимости насиловать природу, — возразил граф де Ломени. — Осенью, вы в этом убедитесь сами, в этих краях много пернатой дичи, к которой привыкли мы, европейцы. Она сама идет в руки. Сударь, — обратился он к Малапраду, — госпожа де Пейрак хотела бы отправить своим друзьям во флигель ужин. Не будете ли вы так любезны позаботиться об этом?

Он приказал повару отнести им также хорошего вина.

Достаточно было вмешательства полковника, чтобы Пон-Бриан сразу же отрезвел.

— Не знаю, что это на меня нашло, — жалобно прошептал он Л'Обиньеру.

— Ты просто лишился рассудка! — ответил тот ему озабоченно. — Лишился рассудка, или тебя околдовали. Будь осторожен! Кто знает, может, разговоры о дьяволе из Академии не досужие выдумки. Эта женщина и впрямь слишком хороша... Может быть, она и есть этот самый дьявол! Помнишь, что говорил отец д'Оржеваль?..

Теперь, оказавшись рядом с полковником де Ломени, Анжелика почувствовала, что напряжение постепенно исчезает.

Как и в те далекие годы, окутанный табачным дымом, сидел Жоффрей де Пейрак напротив нее, на противоположном конце стола. И как в те счастливые времена, когда только вспыхнула его любовь к ней, она ощущала на себе его внимательный испытующий взгляд. И это наполняло ее радостью, вызывало желание блистать, нравиться, ей хотелось участвовать в разговоре. Анжелика была счастлива. Вино слегка туманило ей голову. Она позабыла о том, что привело ее сюда. Ей были так приятны галантные манеры полковника. К симпатии, которой она прониклась к нему с первой же минуты, теперь примешалось чувство доверия.

Естественность поведения, уверенность и точность жестов сочетались в нем с мягкой обходительностью, как Анжелика сразу же отметила про себя. В нем не было желания пленять женщин, рассыпаться перед ними в любезностях, расточать им изощренные комплименты. Нет, ему были свойственны то искреннее внимание и неподдельная простота в обращении, которые сразу же располагали к нему. Он был не похож на других мужчин, и это возбуждало ее интерес.

Она слушала его рассказы о северных землях, о трех французских городах, выросших на берегу реки Святого Лаврентия, о многочисленных племенах, населяющих эти края. Она спросила его, действительно ли гуроны одно из ирокезских племен, и он ответил, что это действительно так, но с незапамятных времен, после какой-то распри, гуроны покинули Священную долину, где жили их братья, и с тех пор считаются заклятыми их врагами. От алгонкинов первый французский исследователь Америки Жак Картье услышал само слово «ирокезы», что на их языке означает «настоящие гадюки».

О чем бы ни заходила речь, она неминуемо сводилась к ирокезам. Ближайшие соседи Анжелики были рады воспользоваться случаем и вступить в беседу, тема которой была им близка и, казалось, живо интересовала госпожу де Пейрак. Ее светская непринужденность покоряла их. Все сразу же решили, что ей не раз приходилось сидеть за королевским столом. Никто не сомневался в том, что она была одной из первых дам при дворе и что мужчины искали ее благосклонности. А может быть, даже принцы дарили ее своим вниманием...

Они ловили каждое ее движение, наблюдали, как, сцепив свои тонкие пальцы и изящно опершись на них подбородком, она смело и открыто смотрит в лицо своему собеседнику и как, вдруг таинственно опустив длинные ресницы, внимательно сдувает его или как с рассеянным видом берет с тарелки кусок дичи, или вдруг без жеманства, одним глотком опустошив стоящую перед ней чарку, начинает смеяться тем удивительным смехом, от которого у них захватывало дух.

Они испытывали невообразимое блаженство. Словно вместе с этой женщиной, неожиданно оказавшейся за их столом, само небо спустилось на землю, и в самый

разгар зимы наступила весна, и сама красота коснулась их, этих не знающих жалости, пропахших потом людей; словно живительный бальзам пролился на их огрубевшие сердца. Они чувствовали себя героями, рыцарями без страха и упрека, людьми умными и находчивыми, и слова сами приходили на ум, когда они описывали эти исхоженные ими вдоль и поперек земли или рассказывали о выпавших на их долю испытаниях.

Л'Обиньер заговорил о Священной долине ирокезов, о залитых солнцем зеленых холмах с берестяными вигвамами, о запахе молодого маиса.

— Редко кому удастся вырваться живым из этой долины... Редко кому удастся вернуться оттуда, не оставив там своих пальцев...

— А мне вот удалось, — произнес Перро, показывая свои сильные руки.

— Ну, ты не в счет, ты слывешь у них за колдуна. Не иначе, ты продал душу дьяволу, дружище, чтобы выбраться оттуда живым...

— Почему одно упоминание о французах вызывает у ирокезов настоящие приступы бешенства? Может быть, это и доказывает, что они находятся во власти злых духов? — вступил в разговор один из трапперов, по имени Обертен. — Их пугает истинность нашей веры. Посмотрите, как они изощренно жестоки с нашими миссионерами. В любую минуту, в самые жестокие морозы мы можем ожидать их нападения. Ведь они напали зимой на ваше поместье, — обратился он к Модрею и к Л'Обиньеру. — И какую жестокую резню они там учинили, не пощадив даже слуг.

— Да, все было так, — подтвердил Модрей. Его голубые глаза вспыхнули мрачным огнем, в глубине их расплавленным свинцом застыла давняя боль. — Это дело рук Сваниссита и его воинов, и они по-прежнему продолжают наводить на всех ужас. На этот раз я сниму

с него скальп, прежде чем он доберется до своего логова.

— Ну а я заполучу скальп Уттаке, — добавил Ромен де Л'Обиньер.

Мопунтук поднял руку и встал. Все слушали его в почтительном молчании.

Живущие в этих местах белые научились у индейцев не перебивать друг друга и с уважением выслушивать собеседника. Казалось, все понимали речь вождя металлаков. Видя, что Анжелика тоже заинтересовалась, де Ломени склонился к ней и стал переводить слова сагамора.

— Ирокез здесь, совсем рядом. Он бродит, как голодный койот. Он хочет уничтожить Детей Зари. Мы видели его на границах наших земель. Он встал на Тропу Войны. Но белая женщина не испугалась ирокеза и сбросила его в пропасть. И теперь он потерял свою силу. И он это знает. Он запросит мира.

— Да сбудутся твои слова! — ответил Перро.

— Снова эта черепаха! — воскликнула, повернувшись к де Ломени, Анжелика. — В тот момент я страшно испугалась. Но я никак не предполагала, что этому случаю придадут такое значение. Это и впрямь так важно?

Она отпила немного водки.

Ломени с улыбкой смотрел на нее.

— Мне кажется, вы уже понемногу осваиваетесь. Вы уже достигли того состояния, когда все эти полные ужасов истории производят не больше впечатления, чем пересуды соседей. Вы скоро убедитесь сами, что ко всему этому очень быстро привыкаешь.

— Не знаю, может быть, просто сказывается действие этого напитка, а может быть, и ваша доброта ко мне, проговорила она, бросив на него дружеский взгляд. — Вы удивительно располагаете к себе женщин. О, только не истолкуйте превратно мои слова. Я хочу

сказать, что у вас особый дар, столь редкий у воина, внушать женщине доверие, вызывать у нее чувство успокоения, уверенности. Откуда у вас эти таланты, мессир де Ломени?

— Я полагаю, — ответил он без ложной скромности, — что приобрел их за годы своей службы под началом мессира де Мезоннева.

И он начал рассказывать ей о том, как сам он приехал в Канаду в то же самое время, что и мессир де Мезоннев, храбрый и благороднейший человек, посланец короля, на которого была возложена миссия основать город Виль-Мари на острове Монреаль. Тогда из Франции переселялись сюда целые семьи, а также «дочери короля», присылаемые колонистам в жены. В обязанности де Ломени входило встречать их на берегу реки Святого Лаврентия, помогать им, наставлять их в новой, столь отличной от прежней жизни.

— В те времена ирокезы беспрестанно нападали на белых, и любой из нас, стоило ему переступить порог своего дома, рисковал жизнью. Даже во время сбора урожая колонисты не расставались с ружьями. «Дочери короля» были в большинстве своем милыми, приветливыми, отличались примерными нравами, но совсем не умели вести хозяйство и обрабатывать землю. Мы с мадемуазель Бургуа должны были обучить их этому.

— Кто она, эта мадемуазель Бургуа?..

— Святая женщина, приехавшая из Франции, чтобы обучать грамоте детей колонистов.

— Она прибыла одна?

— Сперва одна, но ей всячески покровительствовал мессир де Мезоннев. Губернатор не мог позволить, чтобы в столь отдаленном форте, как наш, разместилась целая община монахинь. Мадемуазель Бургуа ухаживала за больными, стирала белье, учила женщин вязать и улаживала все ссоры.

— Мне бы так хотелось познакомиться с ней. Она все еще живет в Канаде?

— Конечно. Теперь у нее появились помощницы в ее благородном деле, которые, так же как и она, посвятили себя обучению детей, живущих в Виль-Мари де Монреаль и в отдаленных поселках в окрестностях Квебека и Трехречья. Что же касается меня, то теперь, когда Монреаль не нуждается более в моей помощи, а мессир де Мезоннев отозван во Францию, я служу под началом мессира де Кастель-Морга, военного губернатора Новой Франции. Но, вероятно, я навсегда сохраню память о том времени, когда, повязав передник, я превращался в повара и обучал только что прибывших в эти места француженок кулинарному искусству, которое должно было помочь им удержать своих мужей у семейного очага.

Анжелика весело рассмеялась, живо представив себе статного офицера в синем фартуке, обучавшего азам домоводства деревенских девушек и бывших воспитанниц приютов, от которых их опекуны так ловко отделались, отправив выходить замуж за океан.

— Вероятно, вы были восхитительным наставником, и, право, можно только позавидовать женщинам, попавшим под ваше покровительство. Все они, должно быть, были без ума от вас?..

— Не думаю, — ответил де Ломени.

— Не скромничайте. Вы так милы!..

Де Ломени рассмеялся, поняв, что Анжелика пьяна.

— Представляю, какие тут из-за вас разыгрывались драмы...

— Уверяю вас, вы ошибаетесь. Нас была тут горстка людей, очень набожных, очень строгих правил. Иначе мы не смогли бы сохранить свои позиции здесь, на аванпостах христианского мира. Сам я монах и принадлежу к Мальтийскому ордену.

Анжелика так и застыла от удивления.

— Боже мой! Как я глупа! — И тут же восторженно воскликнула:

— Рыцарь Мальтийского ордена! Я счастлива узнать это! Преклоняюсь перед рыцарями Мальтийского ордена. Они пытались когда-то выкупить меня на невольничьем рынке в Канди. Во всяком случае, они сделали все, что было в их силах... Цена была слишком высока... Но я никогда не забуду, как благородно они вели себя... О, сколько глупостей я вам наговорила... Нет, право, мне нет прощения.

Она откинула назад свою очаровательную головку и звонко рассмеялась.

Все присутствующие, включая и самого де Ломени, смотрели на нее с волнением. Смех Анжелики звучал так женственно, так чарующе.

Де Пейрак стиснул зубы. Весь вечер с любовью и восхищением он наблюдал за ней, он тоже был во власти ее чар, но в эту минуту волна гнева захлестнула его, он сердился на нее за то, что она была так соблазнительна, за те благосклонные взгляды, которыми она дарила окружающих, за этот пленительный смех, за то, что она кокетничала с де Ломсни. Он нравился ей, это не вызывало сомнения! И потом, она слишком много выпила.

Но как она хороша, черт побери! От ее смеха сильнее билось сердце в груди. Нельзя же сердиться на нее за то, что она так волнующе прекрасна! Она создана для того, чтобы поражать своей красотой. Но ночью он напомнит ей, что принадлежит она только ему!..

Вдруг возле себя де Пейрак увидел малорослого овернца Кловиса с мушкетом под мышкой.

— Пойду пристрелю кобылу, мессир граф, — прошептал он. Де Пейрак еще раз взглянул на Анжелику. Даже если она совсем потеряет голову, на полковника можно вполне положиться.

— Подожди, пойдём вместе, — произнес он, поднимаясь из-за стола.

Глава 12

Анжелика резко вздрогнула, и граф де Ломени удивленно протянул руку, словно желая удержать ее.

— Не обращайтесь внимания, — проговорила она. — Но где Жофfrey? — Заметив, что муж исчез, она порывисто встала. — Простите, мне нужно уйти...

— Уже?! Сударыня, не огорчайте нас, может быть, вы побудете с нами еще немного?

— К сожалению, это невозможно, мне необходимо поговорить с графом де Пейраком, а он, как видите, вышел...

— В таком случае, сударыня, позвольте хотя бы проводить вас.

— Ради бога не беспокойтесь. Я не хочу отнимать вас у ваших друзей... Я вполне могу...

Но де Ломени поступил так, как полагается поступать каждому галантному мужчине по отношению к своей даме, которая выпила немного лишнего. Он не стал ей возражать, но, выйдя из-за стола, проводил Анжелику до дверей, распахнул их перед ней, довел ее до крыльца флигеля и оставил одну, лишь убедившись, что свежий воздух отрезвил ее.

Но стоило ему удалиться, как она тут же бросилась бегом через двор.

Кругом теснился народ.

Бесцеремонно расталкивая тех, кто мешал ей на пути, Анжелика добралась до ворот палисада. И сразу же увидела мужа, спускавшегося вниз, к реке, и рядом с ним коротконогую фигуру Кловиса с мушкетом в руке.

Она кинулась вслед за ними. Не так-то легко было бежать через вырубки, где к тому же разбиты грядки с фасолью, плети которой обвились вокруг не выкорчеванных пней. Анжелика запуталась в них и,

упав, больно ушибла колено. Поднявшись, она крепко выругалась. Но хмель прошел. Теперь она уже пробиралась осторожнее. Ее била дрожь. Она боялась опоздать.

Перед ней на фоне феерического заката четко вырисовывались темные контуры лошадей, щипавших траву у реки.

Она уже почти догнала мужа.

— Жоффрей! Жоффрей!

Граф оглянулся.

Тяжело дыша, Анжелика остановилась возле него.

— Вы собираетесь пристрелить Волли?

— Да!.. Но кто мог сказать вам об этом?

Анжелика не сочла даже нужным ответить. Ее душило негодование. Она не видела лица де Пейрака, стоявшего спиной к свету, но в эту минуту ее переполняла ненависть к этому непроницаемому человеку, черной скалой возвышавшемуся над ней.

— Вы не имеете права поступать так, — возмущенно бросила она ему в лицо, — не имеете права. Не предупредив меня даже... Я довела... Да, довела ее... Скольких усилий мне это стоило, сколько трудностей я преодолела. И теперь одним движением вы хотите перечеркнуть все, что я сделала.

— Меня удивляет, дорогая, что вы так горячо защищаете лошадь. Волли непокорное, я бы даже сказал, порочное животное. Вчерашнее столкновение с черепахой чуть не стоило жизни вам и вашей дочери. А потом, когда она оборвала повод и вам пришлось искать ее... поиски эти тоже могли бы для вас плохо кончиться...

— Ну и что! Это мое дело. Вас это не касается... — Она прерывисто дышала, голос у нее дрожал. — Вы поручили эту лошадь мне, и я сумела подчинить ее себе. Просто вчера из-за шума водопада она не слышала моего голоса. И потом, она не выносит запаха

индейцев. Как, впрочем, и я. Я вполне понимаю ее. Она тут ни при чем. Виноват этот дикий край. И вы собирались пристрелить ее, даже не сказав мне ни слова! Нет, видимо, я никогда не смогу понять того человека, каким вы стали... Мне не следовало бы...

Голос ее оборвался. Она испугалась, что не сумеет сдержать подступивших к горлу рыданий. Резко повернувшись, она бросилась бежать сама не зная куда. Она была сильно возбуждена. Ноги сами несли ее вперед. В изнеможении остановилась она у маленького ручья, в котором тонули последние лучи солнца.

Анжелика бессознательно побежала на свет, туда, где земля и склоны горы еще горели в лучах уже скрывшегося за горизонтом солнца. Она спасалась от наступавшей на нее темноты, от шума, царившего в форте, здесь лишь ее собственное не правдоподобно громкое дыхание нарушало тишину. Казалось, величественные, молчаливые горы напряженно следят за этой одинокой женщиной, пытавшейся совладать со своими чувствами.

«Да, я совсем пьяна, — думала она. — Чтобы я еще когда-нибудь в жизни взяла в рот эту чертову канадскую водку!.. Чего я только ни наговорила полковнику де Ломени! Помнится, я даже рассказала ему, что меня продавали в рабыни на невольничьем рынке. Нет, просто уму непостижимо!.. А Жоффрею? Говорить с ним таким тоном!.. Да еще в присутствии одного из его слуг, в присутствии Кловиса, самого неприятного из них!.. Жоффрей никогда не простит мне этого. Но почему все-таки... Почему он так, так...»

Она не могла подобрать нужного слова. Глаза ее все еще застилал туман. Она тяжело дышала, но сердце теперь уже билось ровнее. Резкий порыв ветра чуть не сорвал с нее малиновый плащ.

Вдали, на горизонте, кучились, сливаясь с вершинами гор, небольшие жемчужно-серые облака. На

западе горы исчезали в тумане. Но долину, лежавшую у ее ног, окутывала темнота, особая, пронизанная неповторимым серебристым светом, словно в воздухе на многие мили вокруг мерцали и переливались бесчисленные капельки ртути и, отражаясь в золотых озерах, неожиданно вспыхивали фосфорическим светом. И Анжелика почувствовала, что начинает понимать душу этого края, царства вод и лесов, беспрестанно обновляющегося в своей величавой красоте и бесплодного. Могучие цепи гор, тянувшиеся вдоль горизонта, вызывали у нее странное, непреодолимое желание упасть на землю и глухо застонать, словно перед глазами ее разыгрывалась страшная, непоправимая трагедия. Не было видно ни одного дымка, который говорил бы о присутствии здесь человека. Пустынная, мертвая земля!

Без сил она опустилась на колени.

И вдруг от травы, растущей на берегу ручья, до нее донесся такой знакомый пряный запах. Она сорвала несколько листьев, растерла их в ладонях.

Мята! Дикая мята!

Она поднесла ладони к лицу, пьянея от этого родного запаха, так властно напомнившего ей детство. Она упивалась им, с восторгом проводила пахнущими мятой руками по щекам, вискам, лбу. Потом медленно огляделась, чувствуя на губах вкус вольного ветра.

На мгновение ее взгляд остановился на опушке леса, и, вздрогнув, она тут же отвернулась. Нет, ей, должно быть, это просто померещилось... Но все-таки что же блеснуло меж неподвижных деревьев?

Глаза!

Она еще дважды отваживалась взглянуть на опушку леса и тут же снова отводила глаза в сторону долины, где тусклым золотым светом горели озера, на которых то тут, то там виднелись бурые пятна островков.

В третий раз она уже не отвернулась.

Сомнений не было. В нескольких шагах от нее стоял человек. Ожившее дерево. Живой человек, застывший меж стволов деревьев, такой же темный и бесстрастный, как они сами.

Да, там стоял индеец, и он смотрел на нее, неподвижный, растворившийся в темноте, будто сросшийся с окружающими его деревьями. Он стоял среди них как равный среди равных. Он жил их жизнью, непонятной и таинственной, словно сам вырос из этой земли и был связан с нею своими корнями. Дерево с живыми глазами. Две черные агатовые щели на гладком стволе.

Слабый свет, пробивавшийся сквозь чащу, скользил по его широким плечам, сильным рукам и бедрам. Его длинную мускулистую шею украшало ожерелье из блестящих белых зубов медведя, в ушах у него были пунцовые пузыри — серьги. Лицо было круглое, с крупным носом, выступавшими скулами, с резко очерченными надбровными дугами, большим и жестоким ртом. Большие остроконечные уши выглядели чужими на этом высеченном из камня лице, их словно приклеили вместе с серьгами. На гладко выбритой голове от самого лба тянулась прядь волос, связанная хвостом на макушке и украшенная орлиными перьями, черными и белыми хвостами скунса.

Причесан он был так, как причесываются гуроны. **НО НЕТ, ТО БЫЛ НЕ ГУРОН!**

Эта леденящая сердце уверенность и заставила Анжелику внимательно рассмотреть индейца, стоявшего в нескольких шагах от нее, как рассматривают опасного зверя. И все-таки в глубине души ей как-то не верилось, что перед ней живой человек. Он застыл недвижим, как каменное изваяние. И даже его черные, устремленные в одну точку глаза казались безжизненными.

Едва она внушила себе, что здесь никого нет, что все это ей только привиделось, как ветер донес до нее запах индейца, пропахшего табаком, кровью, прогорклым медвежьим салом и, возможно, прятавшего в своей набедренной повязке только что снятый скальп.

Сомнений быть не могло — этот запах заставил ее в ужасе вскочить на ноги. Индеец по-прежнему не двигался. Не сводя с него обезумевших глаз, Анжелика медленно начала отступать. Вскоре она уже перестала различать его в сгущавшихся сумерках. Тогда, повернувшись к лесу спиной, она помчалась к форту, в ужасе ожидая, что сейчас стрела вонзится ей в спину.

Все еще не веря тому, что она жива, Анжелика благополучно добралась до раскинувшегося у ограды форта шумного индейского лагеря. Она чуть было не крикнула: «К оружию! Ирокезы!..» — но удержалась. Ее снова охватили сомнения, может быть, ей все это только почудилось... Нет, индеец все-таки стоял между деревьями, и это был не гурон... Слишком давно гуроны живут рядом с французами, идут по их следам, участвуют в их войнах, разбивают свои лагеря возле их городов, кормятся их объедками, молятся их богу... Это шакалы, привыкшие жить стаями. Они не бродят так, в одиночку, по лесу, словно кровожадные волки.

Индейцы танцевали, взмахивая бубнами, перья на головах у них колыхались, бляхи позвякивали, несколько грязных рук потянулись к ней, когда она проходила мимо, чтобы коснуться ее плаща. Она вошла в ворота, миновала двор, добралась до флигеля и наконец закрыла за собой дверь.

Этот сумасшедший бег, таинственная встреча в лесу, полная притаившихся теней настороженная тишина, нарушаемая лишь порывами ветра и непонятными шорохами, — все походило на страшный кошмар. Анжелика испытывала мучительное состояние человека, мечущегося в жутком сне. Она помнила, что

сперва она куда-то бежала в наступившей ночи, словно ей угрожала смертельная опасность, потом ей показалось, что она наконец обрела покой, сорвав несколько листьев дикой мяты, но тут она взглянула на дерево и поняла, что это не дерево, а индеец, и, глядя на этого индейца, вдруг осознала, что это не просто живой человек, а воплощение ненависти, но теперь она уже не знала, было ли все это на самом деле. Огонь в очаге догорал. Она была одна. Ее не покидало ощущение нереальности происшедшего, и на какое-то мгновение она даже позабыла, где она. Непонятный свист, который то становился громче, то затихал, вывел ее из забытья. Она вздрогнула. И не сразу поняла, что это за звук. Наконец догадалась — в соседней комнате храпел мэтр Жонас.

Анжелика глубоко вздохнула и улыбнулась. Ее друзья улеглись пораньше, наслаждаясь немудреным комфортом, который они вполне заслужили после стольких недель пути. Все, в том числе и Онорина, спали крепким сном. Вымытые миски на столе напоминали о том, что в доме поселились протестантки, всегда прибирающие дом, прежде чем лечь спать. Ушат, в котором они мылись, сушился в углу. Пол был подтерт, стол выскоблен добела.

На столе в подсвечнике стояла свеча, и рядом лежали огниво и трут. Анжелика высекла огонь и, взяв в руки подсвечник, направилась к двери в комнату, которую она покинула всего несколько часов назад. Комната была пуста. Кто-то, вероятно Эльвира, убрал ее сапоги и дорожный костюм, отодвинул полог кровати и откинул льняное покрывало, будто желая ей спокойной ночи. Анжелика с благодарностью подумала о молодой женщине и опустилась на колени перед затухавшим очагом.

Ее привыкшие к любой работе ловкие руки машинально ломали ветки и подбрасывали их в очаг.

Пламя ожило и весело затрещало.

Анжелика думала о человеке, которого она встретила в лесу, о французах, пришедших с Севера, с берегов Святого Лаврентия, чтобы следить за каждым их шагом, а может быть, и уничтожить их, о своих взрослых сыновьях, которые выросли без нее. Она думала об Онорине... и боялась, что какая-то невидимая, непреодолимая преграда всегда будет отделять ее от дочери. Она думала о муже и то страстно желала его прихода, то хотела, чтобы он не приходил. Тоска продолжала сжимать ее сердце. Ей было непонятно, чем она вызвана. И Анжелика старалась думать о чем-то близком и понятном: об огне в очаге, о дикой мяте.

Дверь с шумом распахнулась, и, увидев на пороге высокую фигуру Жоффрея де Пейрака, Анжелика, охваченная радостью и пьянящим желанием, от которого отчаянно заколотилось сердце, подумала: «Он вернулся... Он не покинет меня... Он знает, что нужен мне. И я нужна ему тоже... Как хорошо, что желания наши так согласны...»

Глава 13

Когда де Пейрак подошел к флигелю, им вдруг овладела страшная тревога: а что если Анжелика не вернулась домой? Она так стремительно убежала от него... Он хотел броситься за ней, но потом решил, что это только подольет масла в огонь.

К тому же было необходимо немедленно расставить часовых на ночь — своих часовых, которые будут следить за часовыми французскими. К каждой группе дозорных французов или индейцев он добавил по одному своему человеку. Кантор будет всю ночь брэнчать на гитаре и петь солдатам народные песни.

Ласточка, милая ласточка,

Я перья тебе оциплю...

Знать бы, кто кому оциплет перья? Флоримон сменит брата на заре и, если солдаты наконец угомонятся и лягут спать, последует их примеру, но будет держаться начеку. Таковы были распоряжения графа де Пейрака.

Октав Малапрад возьмет на себя офицеров. Когда же они отойдут ко сну, на смену ему явится Жан Ле Куеннек и будет зорко следить за ними, даже спящими.

Всю ночь Перро и Мопертюи с сыном будут переходить из вигвама в вигвам, сидеть среди алгонкинов, гуронов и абенаков, вести беседу с их вождями, курить и вспоминать старое доброе время. Ведь это все их верные друзья... Только куда спокойнее ни на минуту не выпускать их из поля зрения.

Наконец граф де Пейрак мог отправиться к Анжелике, и тут-то его и пронзила мысль: а что если он не найдет ее дома!

Столько долгих дней, столько лет прожил он без нее, столько лет, словно ноющая рана, разлука с ней

терзала его грудь. Теперь, когда они наконец встретились, ему порой начинало казаться, что все это происходит во сне. На самом деле ее по-прежнему нет. Она снова исчезла. Снова превратилась в тень, в воспоминание, горькое, мучительное воспоминание тех дней, когда он представлял ее в объятиях других или считал погибшей.

Он со страхом увидел, что в первой комнате никого нет. Но тут же заметил, что дверь в комнату Анжелики закрыта неплотно, оттуда струится слабый свет и слышно, как потрескивают в очаге дрова. Он рванулся к двери и толкнул ее. Анжелика была там. Она стояла на коленях перед очагом, ее волосы рассыпались по плечам, и она смотрела на него своими удивительными зелеными глазами.

Тогда он тихо прикрыл дверь и повернул в замке большой, грубо выкованный ключ. Потом медленно подошел к очагу и прислонился к нему.

«Ничто не может нас разлучить, — одновременно подумали они, — пока при одном взгляде друг на друга нас охватывает неистовое желание любви».

В голове Анжелики пронеслось, что за одну только радость чувствовать его здесь, рядом, живым, сильным, твердо стоящим на ногах она отдала бы все на свете.

И де Пейрак знал, что за право заключить ее в свои объятия, прижаться губами к ее губам, ласкать ее полное, гибкое тело он простил бы ей все.

Она смотрела на него снизу и видела, что глаза его улыбаются.

— Мне кажется, что от выпитого сегодня вечером вина у меня помутился рассудок, — сказала она тихо, с искренним смущением. — Простите мне все, что я наговорила вам сгоряча. Вы не убили Волли?

— Нет... Поверьте, я не хотел причинить вам столько волнений. Хотя по-прежнему считаю, что это животное очень опасно, и не могу заставить себя забыть, какому

рisku вы из-за нее подвергались. Но я признаю, что совершил грубейшую оплошность, приняв это решение, не посоветовавшись с вами. Подобная ошибка недостойна человека, который в Отеле Веселой Науки наставлял когда-то в искусстве любви и галантного обхождения с женщиной. Простите и вы меня... За эти годы я отвык относиться к женщине с тем почтением, какое сам я проповедовал во времена Тулузы. Средиземное море — плохая школа в этом смысле. Когда имеешь дело только с покорными и глупыми одалисками, перестаешь видеть в женщине мыслящее существо. Одалиска всего лишь игрушка, предмет удовольствия, и волей-неволей к ней относишься с легким презрением... Скажите, куда вы так стремительно бросились от меня?

— Наверх... На холм... Я нашла там ручей, у которого растет дикая мята.

— Будьте осторожны... Это крайне неосмотрительно — так далеко уходить от форта. Опасность кругом... Я никому не доверяю... Обещайте мне не повторять подобного.

И снова тоска поднялась в груди Анжелики.

— Мне страшно, — прошептала она. И, глядя ему в лицо, собрав все свое мужество, повторила:

— Мне страшно. Я знаю, что разочаровала вас. Я говорила, что никогда не буду бояться, что вы смело можете взять меня с собой, что я буду сильной, что стану вам помогать, а на деле вот что получилось... — Она в отчаянии сжала руки. — Все идет совсем не так, как я предполагала. Возможно, я все вижу в черном свете... но мне кажется, эта страна не принимает меня... Я не понимаю, зачем мы приехали в эти страшные, полные опасности края, где кругом нас подстерегают враги. Меня постоянно мучает мысль, что эти безлюдные просторы снова разлучат нас, что эта

жизнь не для нас и что у меня нет, вернее, у меня больше нет сил бороться. — И она повторила:

— Ведь я разочаровала вас?

Она бы предпочла, чтобы он сказал ей об этом сейчас же, чтобы он упрекнул ее, чтобы стал наконец откровенным. Но он молчал, и отблески огня играли на его изувеченном, огрубевшем, непроницаемом лице.

— Нет, вы не разочаровали меня, любовь моя! — наконец произнес он. — Напротив, меня даже радует, что вы не слепо и бездумно следуете за мной... Но все-таки что именно вас пугает?

— Я и сама точно не знаю, — призналась она, беспомощно опустив руки.

Слишком многое ее пугало здесь, и, начав рассказывать о своих страхах, могла ли она умолчать о том, что прежде всего на нее наводят ужас нечто необъяснимое и таинственное... И рассказать ли ему об индейце, которого она заметила сегодня вечером...

Она покачала головой.

— Очень жаль, — сказал он. — Возможно, мне бы удалось успокоить вас, если бы вы могли назвать что-нибудь определенное.

Он вынул из кармана камзола сигару — плотно скрученный табачный лист. Иногда он изменял своей трубке. Анжелика любила смотреть на него, когда он курил, как и во времена Отеля Веселой Науки. Она подожгла в очаге веточку и протянула ему. Он глубоко затянулся и медленно выпустил дым.

— Я боюсь прийти к мысли, — снова заговорила Анжелика, — что совершила не правильный шаг... Я боюсь, что не смогу привыкнуть к этой стране, к людям, которые ее населяют, и даже к вам, — добавила она и улыбнулась, чтобы смягчить свои слова. — Оказывается, не очень-то легко, когда рядом жена... Не так ли, мой дорогой?

И она снова одарила его своей чудесной улыбкой, полной горячей любви к нему.

Он кивнул головой.

— Да, совсем не легко, когда рядом жена, на которую стоит только взглянуть, как тебя охватывает порыв желаний...

— Я не это имела в виду...

— Зато я именно это...

Он прошел по комнате, окутанный голубым табачным дымом.

— Это верно, дорогая, порой вы мне очень осложняете жизнь. Я должен постоянно сохранять хладнокровие, а я теряю его каждый раз при вашем появлении. Меня охватывает страстное желание остаться с вами наедине, сжать вас в своих объятиях, без конца целовать вас, слушать ваши слова, обращенные только ко мне... На моих плечах такая ответственность, у меня столько забот. Но стоит мне увидеть вас, как все они начинают казаться мне несущественными. Меня бросает в дрожь от звука вашего голоса, я слабею, когда слышу ваш смех. Я теряю голову, я забываю, где нахожусь...

Ему все-таки удалось заставить ее улыбнуться. Щеки ее слегка порозовели.

— Не верю я вам. Все это глупости...

— Возможно, и глупости, но... они со мной действительно происходят. Хотя я еще владею собой... Конечно, совсем не легко, когда рядом жена, на которую без восхищения не может смотреть ни один мужчина. И из-за которой даже здесь, на краю света, куда я ее увез, я могу нажать самых злейших врагов. В Тулузе я был господином, ко мне относились с почтением, боялись меня. Немногие бы осмелились встать на моем пути. Здесь — совсем другое дело. Единственное, что мне остается, — это заставить понять всех мужчин в Новой Франции, что я не из тех

мужей, кто закрывает глаза на неверность жены. Я предвижу дуэли, ловушки, кровавые столкновения. Ничего не поделаешь! Я никогда бы не променял пытки, которые я из-за вас терплю, на спокойствие, иногда столь тягостное, моего бывшего одиночества.

Он снова прислонился к очагу.

Анжелика сидела, обхватив руками колени, и как зачарованная смотрела в его темные сверкающие глаза.

— Сейчас, достигнув своего расцвета, вы безумно волнуете меня. Вы были маленькой девочкой, новичком в любви, когда я сделал вас своей женой. Ваш ум и ваше тело были одинаково девственны. Но вы не стали творением моей любви, как я мечтал об этом когда-то. Мечта, которой, впрочем, не суждено было бы сбыться, даже если бы мы не расстались. Сейчас вы стали сами собой. Женщиной в полном смысле этого слова. Женщиной со своими тайнами. Женщиной, которой не надо отражаться в другом, чтобы познать самое себя. Самостоятельной женщиной, которая принадлежит только самой себе и которая сама себя создала. И вот это иногда отдаляет меня от вас.

— Но ведь я принадлежу вам, — не очень уверенно прошептала Анжелика.

— Нет... Пока еще не совсем. Но это время придет. Он помог ей встать и, обняв за плечи, подвел к карте, прибитой к бревенчатой стене.

Он пальцем обводил на ней круги.

— Там... на северо-востоке — Новая Франция, на юге — Новая Англия. На западе — ирокезы. А здесь, между ними, — я с горсточкой своих людей. Вы понимаете? Мне остается только одно: союзничать с ними. С Новой Англией союз заключен, встреча с полковником де Ломени, ниспосланная мне провидением, надеюсь, поможет установить дружественные отношения с Новой Францией. Что же касается ирокезов, то год назад, еще до моего отъезда в Европу, я направил к ним посла с

подарками. Нападение на нас кайюгов — одного из ирокезских племен — несколько озадачило меня. Но... посмотрим... Любое объявление войны, любая битва явилась бы для меня сейчас катастрофой. Надо ждать и действовать очень тонко. Если мы выйдем живыми из всех ловушек, которыми нас окружают, ручаюсь вам, что в один прекрасный день мы станем сильнее их всех, вместе взятых... А теперь идем, любимая... время подумать о более серьезных делах.

Он повернул ее к себе и, улыбаясь, прижал к своей сильной груди. Он гладил ее плечи, склоненный затылок, ласкал полные формы, слегка стянутые корсажем.

— Ирокезы не придут этой ночью, любовь моя... И французы сейчас уснут. Они выпили все вино, перепели все песни, попиrowали на славу. До завтра... все кровавые планы! Сейчас ночь! Что значит завтрашний день, если перед нами еще целая ночь... А ночь — это целая жизнь!

Он приподнял ее подбородок и страстным, долгим поцелуем прильнул к приоткрывшимся губам и снова до боли сжал в объятиях.

— Мы новые люди, дорогая! И мир, который нас окружает, тоже новый. Когда-то в наших старых дворцах мы считали себя свободными. Однако за каждым нашим шагом следили тысячи безжалостных глаз мелочного, изживающего себя завистливого общества. В Старом Свете, даже мысля по-новому, нелегко было отличаться от других. Здесь иное дело.

Спрятав лицо в ее волосы, он чуть слышно проговорил:

— И даже если мы должны будем умереть завтра, даже ужасной смертью, по крайней мере, мы умрем не как бессильные рабы и умрем вместе.

Она почувствовала его руки на своих бедрах, потом они скользнули на грудь, и для нее вокруг засверкали

звезды... Да, он прав... Сейчас ничто больше не имеет значения. Даже если завтра они умрут ужасной смертью... Сейчас она полностью принадлежала ему, покорная мужской силе. Он расстегнул ей платье и спустил его с плеч.

— Разрешите мне помочь вам, дорогая! Не надо так сдавливать грудь, ее и так сжимает страх перед ирокезами и французами. Ведь сразу стало легче? Позвольте, я ослаблю шнуровку! Я так давно не имел удовольствия распутывать хитрые изобретения европейских женщин. На Востоке женщины отдаются без какой-либо тайны.

— Не смейте мне говорить о ваших одалисках.

— Однако вы только выигрываете в сравнении с ними...

— Возможно. Но я их ненавижу.

— О, как я люблю вас, когда вы ревнуете, — сказал он, увлекая ее на деревенскую кровать.

И как недавно у Анжелики, в голове де Пейрака пронеслось в эту минуту: «Какое счастье, что наши желания так согласны...»

Глава 14

Глубокой ночью, когда отдыхали их насытившиеся тела, Анжелике приснился сон. Ей снилось, что ирокез, которого она заметила вечером, вышел из леса и злобно уставился на нее. Тьма начала рассеиваться, выглянуло солнце, и под его яркими лучами намазанная медвежьим салом грудь индейца вдруг оделась в золотую, блестящую кирасу. Его лицо было залито солнечным светом, а завязанная на макушке прядь волос растрепалась от ветра и, спутавшись с перьями, стала похожа на хохолок какой-то фантастической птицы. Он бросился к Анжелике и замахнулся томагавком. Потом с яростью ударил ее, но она не почувствовала боли. Вдруг она заметила в своей руке кинжал, ей его будто бы дала Поллак, с которой она подружилась во Дворе чудес, где она жила когда-то среди всякого сброда. «Ведь я умею с ним обращаться», — вдруг вспомнила Анжелика. И, замахнувшись, ударила ирокеза. Он тут же исчез, растаял, словно облако.

Анжелика так содрогнулась во сне, что Жоффрей проснулся.

— Что с тобой, любимая?

— Я убила его, — прошептала она и тут же снова погрузилась в сон.

Он высек огонь и зажег свечу, стоящую на полочке над кроватью. Чтобы было теплее, они плотно задвинули полог из брокатели. И сейчас, в ночной мгле, под завесой ледяного тумана, окутавшего маленький затерявшийся форт и предвещавшего близкие холода, они словно были совсем одни, одни на целом свете. Опершись на локоть, Жоффрей де Пейрак осторожно поднес свечу к лицу спящей жены.

Она вся была во власти глубокого, мирного сна. Губы, которые только что шептали: «Я убила его», теперь чуть дрожали от легкого дыхания. Сейчас, когда Анжелика лежала рядом во всем великолепии своей наготы, ее бедра казались пышнее, грудь тяжелее и тело, словно изваянным из бледно-розового мрамора. Днем из-за живости ее движений это ощущение величественной зрелости исчезало. Она спала, прекрасная женщина, достигшая расцвета своей красоты. Ее нежное, без единой морщинки лицо скрывало свои тайны. Ничто не выдавало тех чувств, которые жили в ней и могли бы вырваться наружу, хоть на мгновение приоткрыв ее загадочную душу.

Порой в ней вспыхивали самые неожиданные чувства, ненависть, например, как в тот день, когда он увидел ее с дымящимся мушкетом в руках, с перекошенным ртом, твердящей словно заклятие: «Убей! Убей!»

А как обольстительна была она сегодня вечером, окруженная мужчинами, как кокетничала с ними! А он молча сидел в стороне, она, вероятно, забыла о его существовании, и сердце его разрывалось от ревности. Как бы он хотел все звать о ней, ибо всегда предпочитал знать истину. Но не лучше ли, когда любовь, владеющая вами, так требовательна, уметь закрывать глаза на некоторые вещи?

И что, собственно, может он пожелать, кроме того, что уже имеет? Ничего. У него есть все: опасность, борьба, победы и каждую ночь рядом эта женщина, принадлежащая ему одному во всей ее чувственной щедрости.

Чего же еще желать ему? Счастья? Но ведь это и есть счастье. Он все получил на земле. Но она? Кто же она? Что таится под оболочкой ее очаровательной женственности: простодушие или коварство? И какие незаживающие раны скрывает ясность ее лица? Он

нежно провел рукой по ее щеке. Если бы только эта ласка могла успокоить ее воспаленный мозг, облегчить боль ее ран.

Он исцелил бы ее. Но она так недоступна, так скупно открывает свою душу. А во сне удаляется еще больше. Она одна. Как будто раздвигается занавес, за которым прошли пятнадцать лет ее жизни, и он видит ее такой, какой она была тогда — хрупкой и страстной, подхваченной вихрем разбитой жизни. Он начинал понимать, что она говорила правду:

«Вдали от вас я не жила, я только выживала...» А все... все эти истории... это только, чтобы обмануть свой голод, чтобы защититься. Несмотря на преследования мужчин и на пылкость ее собственной природы, долгие годы воздержания, неизбежные для женщины, живущей без мужа, лишили ее тело многих радостей и приучили ее к одиночеству.

Теперь все надо начинать сначала. Но он был возлюбленным, который ей был нужен. И вот она здесь. Рядом с ним. Женщина, искушенная в любви, но в которой сохранилось что-то от девственницы, от амазонки. И это особенно влекло к ней, наполняло сладким желанием победы. С нежностью, почти с благоговением коснулся он губами ее нежного плеча и, так как она слегка вздрогнула, отстранился и спрятал лицо в волне ее разметавшихся волос, пахнущих ветром и лесом.

Она словно впитала в себя запахи тех стран, куда заносила ее судьба. И вот уже леса Америки обступают ее своими тайнами. Что-то произойдет между нею и этой дикой страной? Настоящие женщины не могут жить вне событий, они входят, вживаются в них.

В нем не оставили следов приключения ни в Средиземном, ни в Карибском морях, ни в океане. Сейчас он пройдет по земле Северной Америки и оставит на ней свой след... Но в нем и Америка не

оставит следа... А что будет с ней? Что произойдет между ней и Новым Светом?

«Спи, моя загадочная любовь... Спи!.. Я никогда не покину тебя. Я всегда буду рядом, чтобы защитить тебя».

Ночная птица прокричала в лесу и потом на разные лады повторила свой заунывный, протяжный крик. Собака ответили ей, и было слышно, как индейцы заговорили у вигвамов. А затем снова все смолкло.

Жоффрей де Пейрак привстал. Оружие было наготове. Заряженный пистолет на столе и мушкет на полу, у кровати. Затем он снова лег, протянул руки к спящей жене и привлек ее к своему сердцу.

Ночь — это целая жизнь.

В эту холодную ночь с вершины холма, поросшего мрачным лесом, полуголые ирокезы не спускали глаз со спящего форта. Их узкие кошачьи глаза поблескивали меж ветвей.

Глава 15

Наступило утро, и все, что произошло накануне, казалось теперь уже далеким. Далеким казался тот жарких осенний день в верховьях Кеннебека, когда удалось избежать братоубийственной схватки между людьми белой расы, говорящими на одном языке.

В это утро над всеми вигвамами, разбросанными вокруг маленького форта, мирно поднимался дымок, выводя затейливые белоснежные узоры в голубом небе.

Анжелика проснулась счастливая и обновленная, все страхи ее улетели. Постель еще хранила тепло Жоффрея, и в голове у нее мгновенно пронеслось воспоминание о тех минутах сладостного забвения, о том чувственном восторге, который он заставил пережить ее этой ночью. Словно желая убедиться, что все это ей не приснилось, она нежно погладила рукой пустое место рядом с собой, где на тюфяке еще оставалась вмятина от его тела.

Надо было вставать и приниматься за дела; прежде всего ей хотелось приготовить сегодня какой-нибудь необыкновенный обед.

Анжелика была скиталицей. Куда только после Тулузы ни забрасывала ее судьба, и она повсюду научилась чувствовать себя как дома. Ей надо было совсем немного, чтобы окружающая обстановка показалась ей уютной. Сейчас, когда у нее была крыша над головой, жаркий огонь в очаге, все самое необходимое под рукой, удобная одежда, ей нечего было больше желать. Она легко обживала каждый свой новый дом и не привязывалась ни к одному из них. Скромная квартирка на улице Фран-Буржуа, где она жила со своими маленькими сыновьями, оставила у нее более светлые воспоминания, чем дворец Ботрейн, где

она устраивала блистательные приемы. И она с большей теплотой вспоминала убогую лачугу в Ла-Рошели, где по вечерам они со старой Ревеккой «уплетали» зажаренного на пылающих углях краба, и даже хлев в Ньельском аббатстве, где она засыпала вместе с Онориной под звуки доносившегося туда церковного песнопения, а не роскошные апартаменты Версаля.

Однако, с тех пор как она нашла мужа и сыновей, ею овладела жгучая тоска по собственному дому, где бы она, собрав их всех вместе, могла бы наконец отдаться заботам о них. Естественная потребность каждой женщины вновь и вновь восстанавливать свое разрушенное гнездо была жива в Анжелике. Какие только заманчивые планы ни строила она в это утро, а некоторые из них она решила осуществить, даже не дожидаясь отъезда французов.

В соседней комнате супруги Жонас прильнули к маленькому окошечку: чуть отогнув пергамент, они рассматривали, что происходит во дворе.

— Госпожа Анжелика, тут и часа не проживешь без волнения, — прошептал мэтр Жонас, с опаской оглядываясь вокруг, словно сейчас откуда-то из-под пола должен был выскочить черт. — Видимо, в Катарунк прибыл миссионер отслужить мессу для французских солдат... Иезуит.

При этом слове супруги так вытаращили глаза, что Анжелика едва сдержала улыбку.

В жизни этих гугенотов из Ла-Рошели произошла страшная трагедия. Однажды утром, проводив в коллеж своих маленьких сыновей, мальчиков семи и восьми лет, они так и не дождались их возвращения домой. Позже они узнали, что их дети, завидев процессию католиков, имели неосторожность остановиться, с любопытством разглядывая блестящие, расшитые ризы священников и золотые чаши, которые

несли служки. Этого было достаточно, чтобы добрые души усмотрели в этом желание протестантских детей принять католическую веру и тут же отправили их к иезуитам. Как раз в те дни из города увозили целую группу детей протестантов, отнятых у родителей. Видимо, к ним и присоединили двух мальчуганов. Все попытки супругов Жонас отыскать их или хотя бы узнать, что с ними стало, оказались тщетными.

Поэтому можно было понять их сегодняшней ужас. Самой Анжелике волею судеб пришлось разделить бесчисленные опасности с гугенотами, вынужденными бежать из Франции, где гонения на них становились ужаснее с каждым днем, но она была католичка, воспитывалась в католическом монастыре, и один из ее братьев, Раймон, принадлежал к ордену иезуитов.

— Ну зачем же так волноваться? — сказала им Анжелика. — Мы, слава богу, не в Ла-Рошели. Я сейчас пойду и разузнаю все, что там происходит. Но я заранее уверена, что вам нечего бояться этого миссионера.

Во дворе она действительно увидела нечто неожиданное, но это, конечно, ничем не угрожало ее друзьям. У самого флигеля стоял переносной алтарь из резного позолоченного дерева. Высокие индейцы выравнивали его огромную тяжелую раму, которую снизу поддерживали на своих плечах два пленника, рядом стоял вождь, человек огромного роста, и величественными жестами отдавал распоряжения. На нем была шкура черного медведя, и в руках он держал копье. Острый профиль и приподнятая на выпирающих вперед зубах верхняя губа делали его похожим на смеющуюся белку. Проходя мимо, Анжелика решила, что с ним следует поздороваться, но краснокожему вождю даже в голову не пришло ответить на ее приветствие. Через несколько минут индейцы вышли за ворота форта. После их ухода двор совсем опустел. Он еще хранил следы вчерашнего пиршества. Там, где

горели костры, сейчас возвышались груды пепла и остывших головешек, вокруг валялись остатки требухи, в которых рылась и нехотя что-то жевала рыжая собака. Но все сосуды, начиная с огромных котлов и кончая берестяными кружками, были унесены.

Старый Маколле, надвинув на брови свой красный шерстяной колпак, сидел с неразлучной трубкой в зубах на самом припеке около дома, он искоса быстро взглянул на Анжелику и сделал вид, будто не заметил, что она ему поклонилась.

В углу двора, за кладовой, Анжелика увидела Онорину и ее двух маленьких приятелей, сыновей Эльвиры. Дети с восхищением смотрели, как упражняется в игре на своем инструменте самый юный из барабанщиков. Это был хилый подросток лет тринадцати, он буквально утопал в своем голубом мундире, и огромная треуголка сползала ему на самый нос. Но его худенькие руки были наделены поразительной ловкостью и неожиданной силой. Он отбивал свои пассажи с такой стремительной быстротой, что даже не видно было, как в воздухе мелькали его палочки.

— Он обещал научить и нас, — задыхаясь от восторга, сообщила матери Онорина.

И хотя подставка под барабаном была выше девочки, она ничуть не сомневалась, что очень скоро она станет таким же виртуозом, как и этот маленький музыкант.

Анжелика оставила детей восхищаться талантом мальчика и, едва отойдя от них, наткнулась на Октава Малапрада.

— Сударыня, — с места в карьер начал он, — мы все-таки не дикари, чтоб питаться медвежьим жиром. Я хочу составить меню, которое бы соответствовало христианским вкусам. Вы не могли бы мне в этом помочь?

На «Голдсборо» он служил коком и одновременно выполнял обязанности провиантмейстера. Жители Бордо — гурманы с рождения. Певучий южный говор Малапрада невольно вызывал воспоминания о тех вкуснейших блюдах, что подают в каждой таверне Бордо: белые грибы, запеченные в сливках, или сочные бифштексы под знаменитым соусом из красного вина с луком.

Конечно, в этой варварской стране не приходилось ж мечтать о подобных деликатесах, во воображение истинного художника уже рисовало Малапраду те изысканные блюда, что можно приготовить из местных продуктов.

Вместе с Анжеликой он вошел в кладовую. Накануне он уже успел проверить запасы погребка, где хранились бочки с вином и пивом, а также склянки с водкой.

Анжелика, вероятно, очень бы удивилась, узнав, что в этот момент мысли о ней занимают воображение двух таких разных людей, — рыцаря Мальтийского ордена полковника де Ломени-Шамбора и его лейтенанта де Пон-Бриана.

Пон-Бриан возвращался со своими товарищами, траппером Л'Обиньером и лейтенантом Фальером, с эспланады, где священник только что отслужил мессу. Он успел заметить Анжелику, когда она входила в кладовую, и застыл на месте.

— Она! О, эта женщина! — простонал он. Л'Обиньер сокрушенно вздохнул:

— Неужели у тебя это еще не прошло? Я-то думал, проспишься, и вся дурь вылетит из головы.

— Помолчи уж, если ничего не смыслишь в этих делах! Неужели ты не понимаешь, что такую женщину можно встретить только раз в жизни? Нет слов, она прекрасна, но это еще не главное. Я уверен, я чувствую,

что эта женщина умеет любить... что она владеет в совершенстве искусством любви.

— Ты что же, взглянул на нее и сразу все понял? — с иронией в голосе спросил Л'Обиньер. — Неужто обязательно крутить любовь с белой женщиной? Тебе что, мало дочери вождя Фаронхо? Ведь ты царь и бог у себя в форте на Сен-Франсуа, и к твоим услугам там любая дикарка!

— Мне, например, очень нравятся дикарочки, — признался Фальер. — С ними так забавно... Повсюду такие гладенькие... как дети...

— Хватит с меня туземок. С некоторых пор меня что-то больше привлекает белая кожа. Мне бы женщину вроде тех девочек, с которыми я развлекался когда-то в борделях Парижа. Веселое было время...

— Ну и возвращался бы в свой Париж. Кто тебе мешает? Л'Обиньер с Фальером покатались со смеху, так как им обоим была хорошо известна причина, по которой Пон-Бриан не вернулся во Францию. Он страдал морской болезнью. Путешествие из Европы в Северную Америку оставило у него такие мучительные воспоминания, что он поклялся никогда в жизни больше не ступить на корабль.

— Зачем возвращаться в Париж, если и здесь найдется то, что мне надо? — ответил он, вызывающе поглядывая на товарищей.

Но они уже больше не смеялись. Л'Обиньер положил ему на плечо руку:

— Послушай, Пон-Бриан, это может плохо кончиться. Не забывай, что ты имеешь дело с графом де Пейраком. Уверяю тебя, что он тоже не монах. Гастин мне рассказывал кое-что о его похождениях, поверь мне, он умеет обращаться с женщинами, и недостатка в них у него никогда не было. Он тоже из тех, кто знает толк в любви. И вряд ли у его жены появится охота заниматься любовью с кем-нибудь другим. Ты обрати

внимание, какими глазами она на него смотрит. В общем, шансов у тебя, брат, маловато. А главное, что он сам никому не уступит свою шлюху.

— Шлюху?! Ну, это вы зря. Она его жена, — запротестовал молодой Фальер, шокированный развязностью, с какой его приятели говорили о женщине, увидев которую первый раз, он возвел ее в ранг знатных дам, столь же обаятельных, сколь и недоступных.

— Его жена?.. Верь ты больше, что они там говорят. Они даже обручальные кольца не носят, ни он, ни она!

Пон-Бриан принадлежал к тем, кто видит вещи такими, какими хочет их видеть, он с большой легкостью превращал малейшую догадку в абсолютную очевидность и действовал затем с чистой совестью. Он почти убедил себя в том, что Анжелика свободна. По его версии, она была одной из тех прелестных преступниц, чем-то провинившихся перед обществом, от которых королевство избавлялось, высылая их в дальние колонии; де Пейрак мог ее подобрать где-нибудь на островах Карибского моря. И если он смог завладеть ею, почему не попытаться сделать это Пон-Бриану? Его друзья ушли. Он стоял теперь один, прислонившись к ограде, и курил, не спуская глаз с двери кладовой, за которой исчезла Анжелика.

В это время на другом конце двора граф де Ломени-Шамбор, превратив пустую бочку в стол и усевшись за него, читал письмо преподобного отца д'Оржеваля. Ибо утреннюю мессу в Катарунке служил не сам д'Оржеваль — глава миссии Акадии, а всего лишь один из его помощников, некий отец Лепин; он-то и привез полковнику послание от своего духовного начальства.

Де Ломени читал:

«Любезный друг мой!

Меня чрезвычайно огорчает, что я не могу встретиться с Вами. Но неожиданное, я бы даже сказал,

сверхъестественное происшествие настолько потрясло меня и ввергло в столь жестокую лихорадку, что я вынужден был прервать свой путь и вернуться — это стоило мне немалых усилий — в деревню Модезеан, и пока еще я не могу найти в себе сил покинуть одра болезни. Однако обстоятельства заставляют меня взяться за перо.

В деревне, где я сейчас обретаюсь, собрались пришедшие сюда с верховьев Коннектикута наши верные абенаки, патсуикеты вместе со своими вождями. Они только ждут сигнала, чтобы присоединиться к Вашему отряду и помочь выполнить Вашу священную миссию: побороть не только ирокезов, бродящих сейчас в этих местах, но также и нежелательных чужестранцев... Это завершило бы наши действия двойной победой. Сегодня, в день святого архангела Рафаэля, я не могу не вспомнить о Вас, читая слова: «Рафаэль, ангел божий, схватил демона и заковал его в цепи... Ибо тот, кто служит Богу, может открыто идти в бой, не прибегая к уловкам».

Де Ломени без труда понимал, что таят в себе символы д'Оржеваля, друга его детства. Де Пейрак и его люди, прибывшие к истокам Кеннебека, — это «англичане, еретики, проникающие за ними в глубь страны...». И вот он уже «закован в цепи и стерт во прах Вашими стараниями». Граф де Ломени нервно тербил бородку. Произошло недоразумение... Преподобный отец ни минуты не сомневался в том, что граф де Пейрак должен быть пленен вместе со всем своим окружением. Он даже не допускал мысли о каком-либо соглашении с ним. Но почему же тогда он сам не приехал в Катарунк, встретившись на днях с Пон-Брианом, Модреем и Л'Обиньером? Неужели появление этой женщины на коне, которую они приняли за дьявольское наваждение, было причиной его внезапного бегства?

Де Ломени вспомнил, что весной прошлого года не кто иной, как тот же отец Себастьян д'Оржеваль, просил вооруженной помощи против иностранцев, прибывших в Акадию. Полковник был уже готов сесть в лодку и отправиться вниз по реке к д'Оржевалю. Он добрался бы до него сегодня вечером и послезавтра мог уже вернуться назад. Но он тут же отбросил эту мысль. Де Ломени знал, что в данный момент он не имеет права покинуть своих солдат и краснокожих союзников. Настроение у всех было весьма неустойчивым. И его присутствие здесь было необходимо, чтобы избежать опасной вспышки.

«Я с нетерпением жду от Вас вестей, — писал святой отец. — Если бы Вы знали, как радостно мне чувствовать, что Вы, дорогой мой друг, дорогой мой брат, совсем рядом».

В этих строках нарочито холодного и категоричного письма вдруг проступила мягкость д'Оржеваля, придававшая ему обаяние и приносящая радость тем, кого он одаривал своей дружбой. Де Ломени входил в число этих избранных. Они подружились очень давно, еще в школьные годы. Это была дружба двух мальчиков, томившихся под мрачными сводами коллежа; она скрашивала тоску холодных зорь, пропахших чернилами и ладаном, и помогала выносить зубрежку и бесконечное бормотание молитв.

С годами Себастьян д'Оржеваль окреп и великолепно развился, он пылал внутренним мрачным огнем, с необыкновенной стойкостью выносил все лишения, все умерщвления плоти, увлекая за собой на путь святости менее фанатичного де Ломени. Затем дороги их разошлись. И только спустя много лет они снова встретились в Канаде. Первым сюда прибыл де Ломени-Шамбор вместе с другим рыцарем Мальтийского ордена, мессиром де Мезонневом. Он сыграл немалую роль в том, что его друг, иезуит,

приехал в эти края, ибо его письма пробудили в отце д'Оржевале, который в ту пору преподавал философию и математику в коллеже д'Аннеси, страстное желание нести Слово Божие в дикие леса Канады, обращал в веру Христову индейцев. Десять лет, проведенных им в Канаде, были годами подвижничества. Он исходил вдоль и поперек эту страну, изучил нравы и обычаи индейских племен, их языки и диалекты, он пережил все, что только можно было пережить, вплоть до изуверских пыток. В глазах де Ломени его собственные деяния и заслуги меркли, когда он сравнивал их с физическими и моральными подвигами своего друга. Он преклонялся перед ним и упрекал себя порою за то, что, не устояв перед искушением посвятить себя военному ремеслу, изменил своему истинному призванию и служил Господу оружием, а не словом. И каждый раз он бывал до глубины души растроган, когда вдруг в обращенных к нему письмах встречал теплую фразу или слово; он сразу чувствовал себя ближе к этому человеку, чья полная самоотречения жизнь внушала ему почти благоговение. И сейчас, склонившись над письмом, он ясно видел перед собою тонкое лицо отца д'Оржеваля, обрамленное густыми каштановыми волосами, его высокий лоб — свидетельство недюжинного ума. «Ребенок с таким лбом не будет жить на белом свете. — твердили учителя в коллеже. — Его ум убьет его». Из-под густых бровей смотрели синие, глубоко посаженные, удивительно ясные глаза. Благородное лицо не портил даже перебитый выстрелом ирокезов нос, а его полные сочные губы прятались в бороде Христа. Таков был его друг, человек, стоически выносивший, казалось, непосильные испытания. Де Ломени представлял, как быстро бегают перо д'Оржеваля по березовой коре — ею пользовались иногда в этих краях вместо пергамента. Рука, державшая это перо, раздуваясь, неестественно

розовая, была изуродована страшными ожогами. Особенно пострадали пальцы. Одни были укорочены, словно у прокаженных, другие почернели от огня, на нескольких отсутствовали ногти. Его мужество во время пыток вызвало такое восхищение у индейцев, что они сохранили ему жизнь. Залечив раны, отец д'Оржеваль бежал и, преодолев множество препятствий, достиг земель Новой Голландии, а оттуда на корабле вернулся в Европу. Несмотря на то, что он еще недостаточно окреп, Папа дал ему всемилостивейшее соизволение отслужить торжественную мессу в Версале и в Соборе Парижской богородицы. Во время его проповеди верующие не могли одержать рыданий, несколько женщин упали в обморок.

По возвращении его назначили в Акадию, одну из самых глухих областей Канады, которая граничила с владениями англичан и постоянно подвергалась угрозе их вторжения. Здесь на каждом шагу подстерегали неожиданности; невозможно было найти человека, более подходящего для этой трудной миссии. Пребывание отца д'Оржеваля на берегах Кеннебека и Пеннобскота, этих важнейших речных путей, приобретало политическое значение. Он получил инструкции от самого короля.

«Без Вас, без Вашей помощи эта задача показалась бы мне чрезвычайно трудной. Не скрою, что в течение последних недель мною владеет страшное предчувствие...» — продолжал в своем письме д'Оржеваль.

Графа де Ломени тоже одолевали тяжелые мысли. В конце лета и в конце зимы вдруг начинаешь чувствовать, что тебя окружают злые духи. Это время, когда на солнце появляются пятна. Вот тут-то и разыгрываются все кровавые и ничтожные драмы. В городе обманутый муж убивает своего соперника, в

лесной глуши из-за какой-нибудь шкуры бобра или выдры друг убивает лучшего друга.

Губернатор Квебека выговаривает епископу за то, что тот не отслужил мессы в день святого Людовика, хотя это не только день ангела губернатора, но также и самого короля Франции, которого он здесь представляет. Купец опрокидывает ящик с бутылками дорогого вина в окно на голову матроса, ушедшего, не расплатившись с ним. Маленькие индейцы, семинаристы, перелезают через забор и возвращаются к себе в лес. Монахини изнывают от тысячи страстей, и даже самых святых из них искушает дьявол, он хлопает ставнями и насылает на них видения — голых женщин со сверкающими глазами, скачущих на не виданных здесь животных.

Графу де Ломени пришли на память слова из пророчества о Демоне Акадии: «Прекрасная нагая женщина выйдет из вод и будет скакать на единороге»... Прекрасная женщина...

И вдруг он поймал себя на том, что все это время он думает об Анжелике де Пейрак. И даже сейчас сквозь строчки письма, которое он читал, проступали ее черты, и ему вдруг показалось, что и отец д'Оржеваль думал об этой женщине, когда писал свое письмо к нему, хотя он никогда и не видел ее. Ибо этому великомученику все было известно даже на расстоянии.

Граф де Ломени-Шамбор поспешно сунул руку в карман плаща и извлек оттуда четки. Прикосновение к ним сразу же успокоило его. Нет, он не даст себя сбить с пути! Облокотившись на свое импровизированное бюро, он начал писать ответ отцу д'Оржевалю.

«...В данный момент мы должны руководствоваться не столько религиозными соображениями, сколько исходить из политических интересов. Военные действия не представляются мне единственным решением вопроса, и сейчас, когда мы стремимся всеми силами

сохранить мир на нашей земле, я счел более разумным в интересах Канады и в интересах Его Величества короля Франции... Граф де Пейрак уже дал нам доказательства своей дружбы, снабжая продовольствием в течение всей прошлой зимы французские форты, расположенные на территории Акадии... Кроме того, Л'Обиньер, Пон-Бриан и Модрей попали к нему в руки, и вчера мы были вынуждены вступить с ним в переговоры и взять на себя кое-какие обязательства.

Поверьте, что победа над ним досталась бы нам большой кровью... И я полагаю, что поступил правильно, избрав иной путь... Я верю в честные намерения этого человека».

Закончив, он быстро присыпал свежие чернила песком. Его слуга высек огонь и растопил на нем конец палочки красного воска, которым граф запечатал сложенное письмо. К незастывшему воску он приложил печатку со своим гербом. Занятый письмом, де Ломени не обращал внимания на индейцев, которые сновали взад и вперед; он давно привык к тому, что они, как малые дети, не могут долго усидеть на месте.

Глава 16

Анжелика с Малапрадом заканчивали ревизию кладовой, где неожиданно для них оказались большие запасы маиса и солонины; к балкам были подвешены куски сушеного мяса и даже свиные окорока.

— Ирландец, на которого мессир де Пейрак оставлял свой форт, рассказал мне, что он откормил несколько свиней, вывезенных из Старого Света, — сообщил ей Малапрад. — Сейчас их осталось четыре или пять, пока они пасутся в лесу, но еще до первого снега их поставят в загон и будут откармливать отбросами с кухни. К Рождеству их можно будет заколоть. Я подсчитал: из них мы получим пятьсот локтей сосисок, триста фунтов малосолевой свинины, сто локтей кровяной колбасы. С такими запасами зима нам не страшна, даже если не повезет с охотой...

— Все зависит от того, сколько людей придется нам кормить, — заметила Анжелика. — Если и дальше весь этот гарнизон будет сидеть на нашей шее...

Малапрад поморщился.

— Во всяком случае, это не входит в намерения графа. Он только что говорил со мной. Кажется, господа канадцы и их союзники должны покинуть нас завтра на заре...

— О'Коннел — это тот рыжий толстяк, что старается держаться в тени, и стоит взглянуть на него, как он тут же отводит глаза в сторону?

— Он самый. Его очень смущает прыть канадцев... а при виде священника, который прибыл сегодня утром, он и вовсе растерялся... Он только что отправился на лодке вместе с абенаками с миссией, чтобы получить благословение отца д'Оржевала и исповедаться ему. Я, конечно, тоже добрый католик, сударыня, но мне

кажется, что сейчас главное — уточнить, как обстоят дела с продовольствием. Зима приближается, а зимовать в этих краях даже с хорошими запасами — дело нешутливое.

— Вам уже приходилось бывать здесь?

— Да, в прошлом году я сопровождал сюда мессира графа. Болтая со своим новоиспеченным мажордомом, Анжелика продолжала осматривать запасы провизии. К своей великой радости, она обнаружила, что заготовлено довольно много сухих грибов и ягод. Они очень пригодятся к концу зимы, когда истощенный организм уже с трудом переносит солонину. Она вспомнила: ее друг, бывалый путешественник Савари, считал, что в дальних плаваниях гораздо меньше людей погибает от цинги, если за неимением свежих плодов ежедневно съедать горсть сухих фруктов.

— Если эти ягоды размочить, ими можно очень красиво украсить торты и пироги. О, теперь я знаю, чего здесь не хватает! Октав, здесь нет белой муки. А так бы хотелось испечь пирог или хотя бы просто хлеб, белый хлеб! Мы так по нему соскучились.

— Нет, мука должна быть здесь. По-моему, вон в тех мешках.

Анжелика была в восторге от этой находки. Но, ознакомившись с содержимым мешков, Малапрад нахмурился.

— Тут вряд ли наберется и двадцать фунтов пшеничной муки. Остальные мешки — с ржаной и ячменной. К тому же мука куплена у бостонцев. А у них зерно никуда не годится, да и смолото оно отвратительно. Одна пыль... Англичане ничего в этом деле не смыслят. Но уж сегодня-то вечером мы выпечем хлеб на славу! Поставим его на пивных дрожжах... — И Малапрад отсыпал в сосуд, выдолбленный из тыквы, муку, необходимую для осуществления их грандиозных замыслов.

По мере того как они обследовали кладовую, Малапрад заносил обнаруженные запасы в список на бересте, натянутой на двух палочках. Осмотр вполне удовлетворил обоих. Анжелика сразу почувствовала себя уверенней: хозяйке не придется сидеть здесь без дела, она снова попадала в привычную для себя обстановку.

Увы! Через минуту жизнь уже вернула ее на землю. Не успела она с Маляврадом достигнуть воров, как откуда ни возьмись на них нахлынула молчаливая толпа индейцев. Малапрад, решив, что они собираются ограбить кладовую, быстро захлопнул за собой дверь и заложил ее на щеколду.

— Если дикари ворвутся туда, от наших запасов останутся одни воспоминания! Что им здесь надо? Чего они хотят от нас?

Собрав все свои знания в языке индейцев, он пробовал выяснить, в чем дело. Но индейцы как будто воды в рот наврали.

Между тем, отчаянно работая локтями, к ним пробирался лейтенант Пон-Бриан. Он схватил Анжелику за руку и, встав между ней и туземцами, как стеной загородил ее своим могучим телом.

— Не волнуйтесь, сударыня! Я издали увидел, что тут происходит что-то неладное. Что случилось?

— Откуда я знаю? Мы сами никак не можем добиться, что им от нас надо.

Теперь индейцы заговорили все сразу. Они что-то кричали Пон-Бриану, и было трудно понять, восхищаются они или, напротив, что-то беспокоит их.

— Легенда о вашем единоборстве с черепахой всю ночь кочевала из вигвама в вигвам. И они пришли, чтобы услышать из ваших уст, что ирокезы действительно побеждены, что вы подчинили их себе... Для них, видите ли, символ и сон имеют иногда большее значение, чем то, что происходит в реальной жизни. Но

ради Бога не бойтесь. Я огражу вас от их назойливого любопытства!

Пон-Бриан бросил несколько слов индейцам, и они послушно отошли в сторону, продолжая что-то шумно обсуждать между собой. Пон-Бриан был счастлив, оттого что этот неожиданный случай помог ему оказаться рядом с Анжеликой, он все еще стоял, наклонившись к ней, будто защищая ее от опасности. Он вдыхал запах ее кожи, но Анжелику было нелегко провести, она отстранилась от него и высвободила руку.

— Сударыня, я хотел вам задать один вопрос...

— Ну что же, задавайте его!

— Неужели вы действительно тот самый меткий стрелок, который поверг меня в столь жалкое состояние у переправы? Мне сказали об этом еще вчера, но, клянусь, я не могу в это поверить!

— И тем не менее это я. И должка вам признаться, что еще никогда в жизни мне не приходилось иметь дела с таким упрямым, как вы. Я уже решила, что придется вас слегка царапнуть, чтобы заставить наконец остановиться, ведь я получила приказ никого не пропускать на тот берег. Честное слово, лейтенант, до вас с трудом доходит то, что вам стараюсь объяснить. — И она выразительно взглянула на него.

Он понял, что Анжелика считает его ухаживания навязчивыми и бесполезными. Но покинуть ее у него не было сил. Поскольку он явился сюда в роли спасителя, Анжелике пришлось некоторое время еще поболтать с ним, затем, кивнув ему и милостиво улыбнувшись, она удалилась. Он стоял словно в пьяном чаду, слегка покачиваясь. Воздух перед ним дрожал, и в нем мелькало ее смеющееся лицо. Сколько было пережито за эти два дня! Мир для него изменился, ему казалось, что теперь у него дугой цвет и другой запах. И почему только де Ломени отказался от боя с Жоффреем де Пейраком? Он, Пон-Бриан, первым бы захватил эту

женщину, ему бы принадлежало право увезти ее пленницей в Квебек... и там он обратил бы ее в свою веру. «Разве мне не дано право возвратить небу заблудшую душу?.. А там, глядишь, ока и осталась бы у меня...» Какими только чарами этот долговязый черный дьявол с закрытым маской лицом обошел их всех, сделал их мягкотелыми и покладистыми, как бараны?

«Берегись, брат, берегись колдовства! — подумал он. — А не все ли равно, если даже она и дьявол и явилась сюда прямо из ада? С ней я готов отправиться куда угодно!»

Глава 17

Несмотря на внешнее спокойствие, день был очень напряженным, и казалось, он никогда не кончится.

— Что будет с нами? — приговаривала госпожа Жонас, заливаясь слезами. Приезд в Катарунк иезуита окончательно сломил ее мужество. — Не отпускай от себя ни на шаг детей, Эльвира. Они убьют их.

За последние дни Анжелика прониклась искренним уважением к соратникам своего мужа. Дисциплина, царившая среди них, могла вызывать только восхищение, а их невозмутимость прежде всего говорила о том доверии, какое они испытывают к своему господину. А ведь среди них были и англичане, и испанцы, и французы с весьма сомнительным прошлым, которые не могли рассчитывать на дружеский прием канадцев. И тем не менее каждый из них вошел в форт вслед за графом де Пейраком с высоко поднятой головой. И канадцам ничего не оставалось, как приветствовать их. Потом они все вместе пировали, балагурили, пели. И не спускали друг с друга настороженных глаз. Едва окончив беседу с полковником, де Пейрак отправлялся к вождям алгонкинов и гуронов или посылал им щедрые дары: табак и жемчуг.

Люди де Ломени и де Пейрака целые дни проводили вместе, и со стороны все выглядело совершенно мирно.

«Господи! Хоть бы они ушли скорее! Хоть бы они наконец убрались отсюда к черту!» — почти с отчаянием думала Анжелика.

А пока приходилось играть комедию, все время быть начеку и не проявлять страха и нетерпения.

Она старалась показать, что в Катарунке налаживается обыденная жизнь, и подчеркнуто

создавала уют в своем новом жилище, хотя в душе было не до уюта. Нервы у всех были напряжены до крайности.

Утром, достав из колодца воду в тяжелом деревянном ведре, стянутом железным обручем, Анжелика попросила Кантора, который оказался поблизости:

— Помоги-ка мне, сынок!

И вдруг, надменно вскинув голову, он ответил:

— За кого вы меня принимаете? Разве мужское дело — носить воду?

Анжелика почувствовала, как кровь отлила у нее от лица. Схватив ведро, она единым махом выплеснула его на Кантора.

— Вот так охлаждают горячие головы великих воинов вроде тебя, слишком прославленных для того, чтобы помочь матери донести тяжесть.

Она снова привязала к цепи пустое ведро и с грохотом сбросила его в колодец, закусив губы от гнева. Кантор, промокший с головы до ног, свирепо сверкая глазами, смотрел на мать. Но на него были обращены разъяренные глаза.

Этот безмолвный поединок пылающих гневом совершенно одинаковых зеленых глаз ужасно развеселил старого Маколле. Он подошел ближе, усмехаясь беззубым ртом:

— Вот это я понимаю! Так и надо воспитывать молодых!

Откуда-то сразу набежали индейцы; покатываясь со смеху, они показывали пальцами на Кантора, на его мокрую одежду и рассказывали друг другу, что здесь произошло. Потом они вплотную подошли к Анжелике, они разглядывали ее и хохотали прямо в лицо, как будто перед ними был какой-то диковинный зверь. Они даже толкали ее, и она едва не утопила ведро в колодце, да и сама боялась свалиться туда.

— Назад! Назад! — закричал Маколле.

Он оттеснил индейцев, не скупясь на сильные выражения.

— Сейчас я вам помогу, красавица! Ох, люблю женщин с характером! Ну и молодежь нынче пошла! Такую только учить да учить! Разве не так? Ничего-то они не смыслят. Сейчас я вам отнесу ваше ведерко. Я сделаю это с большим удовольствием для такой знатной дамы. И ничего в этом зазорного для себя не вижу... А ведь воин-то я куда более бывалый, чем этот молокосос...

— Тоже мне ухажер нашелся! — закричал Кантор срывающимся от бешенства голосом. — Лезет тут со своими уроками вежливости! А самому и в голову не приходит отвинтить с макушки свой дурацкий колпак, когда разговаривает с дамой. Да и во время мессы не мешало бы стаскивать его, я ведь сегодня утром все видел...

— Мой колпак ты оставь в покое! Впрочем, я могу его снять, чтобы доставить тебе удовольствие.

— О нет, лучше не надо! — в один голос вскричали проходившие мимо Л'Обиньер и Перро. И, бросившись к старику, схватили его за руки.

— Не смотрите на него, сударыня. У него самый страшный череп во всей Новой Франции. В молодости с него сняли скальп...

— Под Монреалем, — с гордостью уточнил Маколле.

— После такой процедуры обычно не выживают... Но он выжил! Его выходила мать Маргарита Бургуа. Но на последствия этой операции смотреть жутковато. Хорошо, что он никогда не снимает свой колпак. Успокойся, Элуа!

— Нет уж, позвольте, я проучу этого олуха...

Но Кантор уже убежал, чтобы скрыть свою досаду и переодеться.

Этот яркий солнечный день тянулся необыкновенно медленно, но еще медленнее собирались в путь и покидали наконец Катарунк гуроны и алгонкины. Им сказали, что сражения не будет, и, чтобы подсластить горечь разочарования, сделали богатые подарки.

Издали де Пейрак наблюдал, как они садились в лодки, и каждый раз, как от берега отрывалась новая лодка и устремлялась вниз по реке, его охватывало чувство огромного облегчения. Он смотрел на черную стену сосен, уходящую на север, на плавные изгибы реки, бегущей, как золотая змея, через царство могучих деревьев, неся свои воды на юго-восток... На сей раз призрак войны отступил, теперь начиналась их новая жизнь с обычными для этих диких мест занятиями: охотой, рыбной ловлей, долгим сном и курением табака...

Индейцы из небольших местных племен тоже начали собираться в путь; они меньше всего задумывались над событиями, приведшими их в Катарунк, жертвой которых они могли бы стать, как и все малые нейтральные народы, попавшие между двумя могучими враждующими силами.

Веселый детский голосок зазвенел в прозрачном вечернем воздухе. Жоффрей де Пейрак оглянулся. Маленькая Онорина, как всегда, играла со своими приятелями Бартеломи и Тома. Ее румяная перемазанная рожица казалась счастливой. Она дышала здоровьем и задором ребенка, напоенного своей полной свободой. Он испытывал к этой девочке особую привязанность, родившуюся из тех богатых и сложных чувств, таящихся в глубине мужского сердца, из которых при первом же испытании главным оказывается чувство справедливости. Поскольку Онорина была отдана на его милость, он считал своим долгом дать все этому маленькому человечку, что было в его силах, такому слабому и беззащитному, который,

появившись на свет, был лишен всего, даже материнской любви.

Де Пейрак был очень внимателен к девочке. Он видел, что здесь, в Катарунке, она счастлива, чувствуя себя дома, в родной семье. Больше того, теперь — так она решила своей детской головенкой с выпуклым лбом — ей принадлежало первое, самое первое место, потому что она была дочерью графа де Пейрака.

Того самого де Пейрака, кого называли монсеньором, склоняясь перед ним. Ну а если она дочь такого большого человека, значит, она и сама важная персона, и, преисполненная гордости, Онорина наслаждалась радостью жизни, которая сейчас звучала в ее криках опьяневшей ласточки.

Все шло хорошо. Он улыбнулся. Это была его дочь, которую он себе выбрал, так же как и она выбрала его и никогда об этом не пожалеет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИРОКЕЗЫ

Глава 1

Наступил вечер, и в воздухе запахло дымом — кругом вспыхнули костры, пробивая красными языками пламени непроглядную синюю мглу.

Анжелика расставляла на столе миски, собираясь кормить детей ужином, когда в дальней комнатке раздался душераздирающий вопль. Несколько минут назад туда ушла Эльвира готовить постель.

«Кого-то убивают», — молнией пронеслось в голове Анжелики. Она схватилась за рукоятку пистолета, который всегда был при ней.

Посреди комнаты стоял индеец, вцепившись в руку полуобезумевшей от страха Эльвиры. Индеец был еще страшнее того, которого она заметила на холме. Его безобразное рябое лицо было к тому же вымазано сажей, как и все его голое тело. Длинный пук волос, перевязанный на макушке грязной красной тряпкой, торчал в разные стороны, придавая ему сходство с дикобразом. «Ирокез!» — сразу решила Анжелика. Индеец зажал Эльвире рот; бедная женщина сначала пыталась отбиваться, но потом от недостатка воздуха лишилась чувств.

Анжелика медленно подняла пистолет... но в последнюю минуту что-то удержало ее. Индеец, сверкая глазами, бормотал непонятные слова, но по его мимике она догадалась, что он заклинает ее не кричать.

— Не двигайтесь, — сказала Анжелика супругам Жонас, которые застыли, прижавшись к двери.

Видя, что все молча замерли на своих местах, индеец сунул руку за пояс засаленной повязки, прикрывавшей его бедра, извлек оттуда какую-то вещицу и протянул ее в сторону Анжелики. Знаками он

попросил, чтобы она подошла к нему ближе, так как понимал, что, если он это сделает сам, женщина испугается.

Анжелика неуверенно шагнула вперед. Индеец показывал ей перстень с сердоликом, на котором она с изумлением увидела вырезанную на красном камне печать Рескатора... печать ее мужа. В памяти тут же вспыхнули слова, сказанные им вчера вечером: «Кое-кто из ирокезских вождей меня поддерживает». Она вопросительно взглянула в раскосые глаза индейца.

— Текондерога, Текондерога, — монотонно твердил он хриплым голосом.

— Пейрак?

Он энергично закивал.

— Никола Перро, — назвала она имя траппера. Снова утвердительный кивок, и подобие довольной улыбки промелькнуло на страшном лице.

— Я отнесу ему этот перстень...

Он словно тисками сжал ее руку. И стал что-то быстро с угрозой в голосе говорить. Анжелика поняла: он не хочет, чтобы о его появлении кто-нибудь узнал.

Супруги Жонас с ужасом ухватились за Анжелику.

— Не оставляйте нас одних с этим дьяволом.

— Тогда придется вам, мэтр Жонас, сходить за графом. Скажите моему мужу, что его здесь ждет один человек. Взглянув на этот перстень, он, конечно, сразу же все поймет. И никому ни звука! Мне кажется, что индеец требует от нас сохранить в тайне его присутствие здесь.

— Это ирокез, я уверена, что это ирокез, — шептала госпожа Жонас, опустившись на колени перед своей племянницей, лежащей без сознания на полу.

Насторожившись, индеец крепко держал Анжелику за руку. И только когда граф де Пейрак и Никола Перро появились в проеме двери, он отпустил ее и приветствовал их гортанным криком.

— Тахутагет! — с изумлением воскликнул Перро. И, ответив на приветствие индейца, сказал:

— Это Тахутагет, второй вождь племени онондагов.

— Значит, это не ирокез! — с облегчением воскликнула госпожа Жонас.

— Ирокез! Да к тому же еще один из самых свирепых. Важная персона в совете старейшин. Ах, старый Тахутагет, как я рад тебя видеть! Но как он попал сюда?

— Через трубу, — слабым голосом промолвила Эльвира, которая начала приходить в себя. — Только я вошла в комнату, как вдруг совсем бесшумно он выскочил из очага, словно черт из адского пламени.

Де Пейрак с удовлетворением взглянул на индейца.

— Он принес перстень, который я ему оставил. С этим перстнем ирокезы должны были послать ко мне гонца, если в один прекрасный день их совет решит вести со мной переговоры.

— Этот день, по-видимому, наступил, — сказал Никола Перро, — но момент для встречи выбран очень неудачно. Если кто-нибудь из алгонкинов, гуронов, абенаков или французов, собравшихся сейчас здесь, узнает, что в форт проник ирокез, да еще сам Тахутагет, я его скальп дорого не оценю...

— Вот что, — обратился он к супругам Жонас, — идите-ка пока в свою комнату и спокойно принимайтесь за ужин. Если вдруг кто-нибудь заглянет сюда, ничего о случившемся не говорите и вообще забудьте, что вы видели этого человека.

— Это будет довольно трудно... — проговорила, поднимаясь с пола, смертельно бледная Эльвира.

Анжелика принесла миску с рагу и протянула ее ирокезу, но Тахутагет решительно отстранил ее, так же как и трубку с табаком, которую гостеприимно предложил ему Жоффрей де Пейрак.

— Он говорит, — перевел Перро, — что не станет ни есть, ни курить, пока мы не сообщим ему о наших намерениях, которые он должен передать совету старейшин.

Ирокез тем временем присел к очагу, собрал с пола угли, вылетевшие оттуда во время его «прыжка», и подбросил несколько маленьких поленьев. Он снял висевший на поясе его повязки мешочек, в нем было немного желтоватой, очень мелкой муки. Немного отсыпав ее в ладонь, он что-то сказал Перро.

— Воды, — перевел тот.

В углу на табурете стоял кувшин со свежей водой. Анжелика подала его Никола, и тот чуть-чуть отлил ее в руку Тахутагета.

Ирокез указательным пальцем перемешал муку с водой. Получилась прозрачная мало-аппетитная с виду масса; проглотив ее маленькими порциями, он рыгнул, вытер руки о мокасины и начал говорить.

Никола Перро опустился на корточки напротив индейца. Он терпеливо, с дружелюбным вниманием слушал его, внешне не проявляя никаких чувств, и затем тщательно переводил каждое его слово де Пейраку, который, придвинув табурет, уселся рядом. Анжелика устроилась в углу на кровати, и ее почти не было видно.

Вот что сказал Тахутагет, который, казалось, даже не думал об опасности, что угрожала ему, единственному ирокезу, проникшему в стан врагов, сказал тому, кого ирокезы называли Текондерога, что значило Человек Гром:

— Уже прошло десять лун, с тех пор как ты, Текондерога — мы зовем тебя так потому, что от твоей руки взлетают в воздух горы, — прислал нам подарки и два вампума^[2]. Мы сразу поняли, как ценны эти вампумы. Такими обмениваются только великие народы

и только при заключении самых важных договоров. И тогда сам Сваниссит, верховный вождь нашего союза, пожелал узнать, что это за белый человек, который так желает дружбы с народами Длинного Дома, что не скупится на такие богатейшие дары. Ты оставил мне свой перстень, и я ратовал за тебя. Разве можно, говорил я ему, забыть о других подарках, что нам сделал белый человек? Он прислал нам порох, пули, одеяла из красной материи, которые не линяют от дождя, не выгорают от солнца, котлы, которые звенят, если по ним щелкнуть пальцем, сделанные из такого черного и крепкого металла, что мы не стали готовить в них свою пищу, а оставили их нашим мертвым. Он прислал нам топоры и ножи, такие блестящие, что в них можно рассматривать свое лицо, и, наконец, горсть такого крупного жемчуга, что я даже не знаю, на какой вампум, в день какого великого торжества мы могли бы его нашить. И еще он прислал ружье, у которого вспышка происходит внутри, а приклад отделан перламутром. С тех пор как Сваниссит его носит с собой, оно его еще ни разу не подводило. Кроме того, ты обещал нам чудесного порошка, от которого будет лучше родить земля, и приглашал нас к себе в Катарунк, чтобы здесь заключить наш союз. Видя все это, Сваниссит обдумал твое предложение и созвал совет матерей и совет старейшин, и сказал, что надо соглашаться на союз с белым, который не повинуется ни англичанам, ни французам, ни Черным Платьям и который к тому же такой щедрый. Сваниссит стар, так же как стар и я, и мы оба знаем, что народы Союза пяти племен уже, к сожалению, не те, что были прежде. Нас ослабили нескончаемые войны и торговля мехом, которой мы занялись в ущерб земледелию. Случались такие зимы, когда голод уносил каждого десятого. Молодежь хотела бы по-прежнему идти Тропою Войны, мстить за мертвых и обиженных, но Сваниссит сказал:

«Хватит убивать, иначе ирокезский народ перестанет быть великим и сильным. Если этот белый будет помогать и поддерживать нас, мы сможем передохнуть. Скоро этот человек будет сильнее всех канадских французов, и он сумеет объединить наши живущие в мире племена, как поется и предсказывается в наших песнях о Гайавате». Так сказал Сваниссит, и большая часть народа его поняла. И мы пришли сюда, чтобы встретиться с тобой, Текондерога. Но что мы застали в Катарунке? Мы увидели, что здесь собрались все наши враги, которые только и ждут случая, чтобы истребить нас!

Однако негодование старого индейца, к тому же скорее наигранное, не произвело большого впечатления на Никола Перро. Ибо он знал, что ирокезов привело сюда не только одно желание встретиться с Человеком Громом.

— Но каким образом, отправляясь в Катарунк, вы попали в места гораздо восточнее его? — невинным голосом спросил он.

— Э, нам надо было свести кое-какие счета с нашими врагами из долины Сен-Жан.

— И вы сожгли там несколько деревень и вырезали их жителей?

— Подумаешь, всего несколько красных хорьков, так обожаемых французами, которые не умеют даже ткнуть в землю маисового зерна или семечка подсолнуха. Дикари и рабы, вот кто они!

— Допустим! Но тогда так и надо говорить, что, возвращаясь из военного похода с реки Сен-Жан, вы решили дойти до Катарунка и встретиться здесь с Человеком Громом.

— Но с кем мы здесь встретились! — с возмущением и гневом снова воскликнул старый ирокез. — Это ты, Текондерога, устроил нам эту ловушку? Ведь здесь собрались все наши злейшие враги!.. Я уж не говорю об

алгонкинах и гуронах, у которых одна мечта: снять скальп с ирокеза, чтоб получить за него хорошую награду в Квебеке. Но здесь и полковник Ломени, давший клятву своему безумному богу, что уничтожит всех нас, прежде чем сам отправится на тот свет, и, наверно, это так и будет, потому что никакая пуля не берет его в бою. Здесь и Пон-Бриан, тот, что бесшумно проходит по военным тропам. Белый человек, к тому же тяжелый, как бизон, но его приближение не может уловить даже ухо индейца. Кто же тут еще? Да! Как только мои глаза смогли вынести этих двух несчастных предателей? Трехпалого, которого когда-то я называл своим братом, и Модрея — приемного сына Сваниссита... Они здесь, и они кричат о мести, хотя сами они первые из всех изменников. Разве не Трехпалый убил двух наших братьев, когда бежал от нас? А ведь он целый год ел с нами из одного котла. А Модрей? Он попал к Сванисситу совсем ребенком. Он был красивым мальчиком и очень ловким на охоте, и наши сердца наполнились печалью, когда нам пришлось обменять его на двух наших вождей, попавших в плен к французам. Неужели Модрей забыл о том, как хорошо ему жилось у нас? Забыл о тепле наших хижин? Сейчас он здесь, и он твердит, что должен отомстить за смерть своей семьи, за смерть своего отца, матери и сестер, которых когда-то убил Сваниссит. Но это не правда. За всю свою жизнь Сваниссит не снял скальпа ни с одной женщины или ребенка. И Модрей это знает лучше, чем кто-либо другой. Это белые научили нас убивать детей и женщин. И что можем поделать мы, старейшины, если наши молодые воины начали подражать им? Но я так и умру, верный обычаям моих отцов, никогда не убив ни женщины, ни ребенка. Когда я бывал в Квебеке, сколько раз я слышал собственными ушами, как говорят французы: «Коварный, как ирокез!» Но ответь мне, кто

коварнее — мы или те, кто, подобно Модрею, предаёт своих приемных отцов, которые, вместо того чтобы убить, усыновили их?.. Вакия тутавеза!

И он повторил несколько раз «вакия тутавеза», что значит: при одной мысли об этом меня бросает в дрожь...

— А Черное Платье, Этскон Гонси, который сейчас находится в Модезеане? Для чего он приехал сюда? Колдовать? Наводить на нас порчу? А Пиксарет, вождь патсуикетов, один из самых злейших наших врагов, у которого при входе в вигвам прибито тридцать скальпов наших братьев, — он для чего явился сюда?

— Абенаки заключили мир с англичанами и Текондерогой, — ответил Перро.

— Пиксарет этого мира не заключал. Пиксарет не похож на других абенаков. За скальп англичанина или ирокеза он нарушит любое соглашение. Он слушает только один голос, голос Черного Платья. А тот говорит им, что крещение пойдет на пользу абенакам, что бог белых поможет им одержать победу. Черное Платье имеет полную власть над ними, и Черное Платье хочет гибели ирокезов.

— Но ведь не Черное Платье командует армией. Приказ о битве отдает полковник де Ломени. А он тоже хочет мира с Текондерогой.

— Но сможет ли полковник удержать своих верных друзей, патсуикетов? Уже много дней, как они вынюхивают наши следы... На днях они даже захватили в плен Анхисеру, вождя онеидов, и пытали его чуть не до смерти. Ему удалось ускользнуть от них, и он добрался до нас. А мы забились в норы и не смеем приблизиться к твоему жилищу, которое пропахло этими койотами и шакалами. Ты устроил нам западню, Текондерога? — еще раз спросил он торжественным тоном.

Де Пейрак при посредстве Никола Перро спокойно и коротко объяснил ему, что сам был чрезвычайно озадачен вторжением французов и сейчас ждет не дождется, когда же они наконец уйдут отсюда.

Как ни странно, но слова де Пейрака, казалось, не вызвали недоверия у посланца ирокезов, они просто встревожили его. Он понял, что де Пейрак говорит правду. Но серьезность положения от этого не убавлялась.

— На том берегу нам было бы гораздо легче уйти от них. Но теперь мы не можем переправиться через реку. Слишком много людей рыщут между Катарунком и Модезеаном. Мы загнаны в лес. Ты думаешь, нам еще долго удастся скрываться от этих шакалов, идущих по нашим следам? Если это в твоих силах, помоги нам, Текондерога, перейти через Кеннебек, защити нас от этих койотов...

— Я думаю, что сумею договориться об этом с полковником де Ломени, — ответил де Пейрак. — Вы ничего предосудительного не учинили в этих краях?

— Мы пришли, чтобы повидаться с тобой.

— Потерпите два дня. Индейцы — союзники французов — уже садятся в лодки и отплывают на север. В ближайшие дни многие уедут, и вы сможете явиться в Катарунк с мирным посольством.

Тахутагет задумался, и его большое, похожее на земляной клубень, лицо сморщилось. Затем морщины разгладились, и он сказал:

— Думаю, на это можно согласиться. Ведь даже если наше предложение о перемирии будет отвергнуто, и мы не сможем переправиться через реку, по крайней мере, число наших врагов уменьшится. Ты говоришь, что племена уходят на север?

— Во всяком случае, мы прилагаем все силы, чтобы они скорее туда отправились, — ответил ему Никола Перро.

— Теперь мне остается самое трудное, — продолжал индеец. — Убедить Уттаке, вождя моговков, в необходимости заключить с тобой мир. Ты знаешь, что нужно согласие вождя каждого племени, входящего в наш союз, чтобы какое-то решение было принято. А Уттаке и слышать ничего не желает. Он говорит, что от белых можно ждать лишь предательства. Он за войну, только за войну. Он хочет броситься со своими воинами на патсуикетов, а мы тем временем напали бы на вас.

— Это безумие. Ты сам это понимаешь, Тахутагет, и Сваниссит это тоже понимает. Неужели он не может уговорить Уттаке?

— Ты не знаешь Уттаке, его голова крепче гранита. А кроме того, он сказал Сванисситу ужасную вещь, он сказал, что видел сон, из которого узнал, что ты, Текондерога, явишься причиной его смерти, смерти Сваниссита, верховного вождя наших племен.

— Я? — воскликнул де Пейрак, мастерски изобразив благородное негодование. — Уж не станет ли меня обвинять в предательстве этот несчастный моговк, которого я даже не видел ни разу в жизни!

— «Как может он стать причиной моей смерти, если он желает со мной союза?» — так ответил Сваниссит вождю моговков. Но все мы очень встревожились, потому что знаем: Уттаке дружит с Духом Снов... Хотя мы знаем и другое: он — большой лгун и выдумщик, рассказывает, что слышал от алгонкинов, как твоя жена уничтожила тотем ирокезов у водопада Мокси, а это значит, что ты готовишь нам гибель.

Маленькие глазки с красными веками перебежали с де Пейрака на Анжелику. Видимо, старый Тахутагет надеялся, что белые опровергнут эти страшные обвинения Уттаке, сильно поколебавшие его собственное доверие к белому по прозвищу Человек Гром, за которого он так горячо выступал на совете.

— Разве ирокезы желают смерти моей жены? — спросил де Пейрак. — Разве Сваниссит, ты сам или кто-нибудь из ваших воинов решился бы испугать лошадь так, что, обезумев, она чуть не увлекла в пропасть мою жену вместе с ребенком? Ведь нет? А черепаха это сделала. И я не сваливаю ее вину на тебя и на всех ирокезов. Так и вы не должны обвинять мою жену в намерениях повредить вам только потому, что, спасая свою жизнь, она столкнула со своего пути черепаху.

Это хитроумное рассуждение, кажется, понравилось Тахутагету, и, видимо, повторив его несколько раз про себя, он часто закивал головой.

— Я-то всегда считал, что этот Уттаке слегка не в себе. Ненависть, которая живет в нем, сбивает его с толку. А Сваниссит мудр. Он хочет спасти будущее нашего народа и надеется, что ты поможешь ему в этом.

— И я помогу, — сказал де Пейрак, положив свою руку на руку индейца. — Возвращайся в лес и скажи Сванисситу, чтобы он доверился мне. Я потороплю с отъездом индейцев, которые расположились лагерем вокруг моего форта, и попытаюсь добиться у французов перемирия с вами и разрешения переправиться через реку. Спустя два дня мы сообщим вам, согласны ли французы принять перемирие и могут ли ваши вожди без риска появиться в Катарунке.

Чтобы быть совсем невидимым в темноте, ирокезский посол натер углем свое и без того темное лицо, отодвинул в сторону мокасином горящие угли и ловким движением проскользнул в очаг.

Все замерли, прислушиваясь, не раздадутся ли за окном крики индейцев, заметивших своего врага. Но все было тихо.

— Ну и ну! — воскликнул Перро, почесывая спутавшиеся под меховой шапкой волосы. — Ну и дела!

Какой только чертовщины мы тут с вами не напомнимся!

— Если я не ошибаюсь, наш недруг Уттаке — это тот самый индеец, который был похищен французами во время одного пира, куда они его пригласили, а потом его отправили во Францию и там сослали на галеры?

— Да! Но ему удалось оттуда вернуться. Мессир де Фонтенак добился его освобождения и возвращения на родину.

— Какая глупость! — возмущенно воскликнул де Пейрак. — И как только власть имущие не поймут, что иногда за ошибки приходится расплачиваться дороже, чем за преступления. И раз уж ты дошел до того, что похищаешь гостя, которого пригласил к своему столу, и великого вождя ирокезов посылаешь рабом на галеры в Средиземное море, надо иметь мужество довести преступление до конца — сгноить его там. Неужели они были настолько наивны и не могли понять той простой истины, что он вернется на родину злейшим их врагом? Да разве сможет он когда-нибудь забыть все, что ему пришлось пережить!

— Что это за Уттаке? — словно очнувшись, спросила Анжелика.

— Великий ирокезский вождь, вождь племени моговков, — объяснил Перро. — Судьба его необычна. Совсем маленьким ребенком его усыновил один знатный француз и отдал его учиться в семинарию Квебека. В отличие от других индейцев мальчик был очень серьезным и прекрасно учился. Он еще и сейчас свободно говорит по-французски, что не часто можно встретить среди индейцев. Но, не окончив семинарии, он бежал; вскоре стало известно, что он вернулся к своим и с тех пор стал самым ревностным сеятелем ненависти к французам среди индейцев. Он своими руками с невиданной жестокостью замучил нескольких миссионеров. В общем, это дикий зверь.

Перед взором Анжелики встало лицо идола с алыми подвесками в ушах, глаза которого сверкали бешеной ненавистью.

— Какой он? — почти беззвучно прошептала она. — Я хочу знать, как он выглядит...

Но мужчины не слушали ее.

Глава 2

В залитом светом лесу бесшумно скользит, пробираясь между деревьями, вождь могавков Уттаке.

Ему не страшны ни заросли кустарника, ни могучие корни, ни преграды из переплетенных ветвей и густой листвы. Он ловко преодолевает все препятствия, пробивается через плотную стену, которую лес воздвигает перед человеком, он проникает сквозь нее, как таинственный дух, и ничто не может остановить его на пути, ничто не может нарушить ровный ритм его быстрых шагов, его крепких, неутомимых мускулов.

Он идет по лесу абенаков, вражескому лесу, который, впрочем, ему хорошо знаком, так как в юности он исходил его вдоль и поперек, выслеживая гуронов, алгонкинов, французов.

Он идет, переходя вброд ручьи, переплывая реки, взбираясь на крутые утесы, он идет по берегам озер, мимо голых вершин, нависших серых скал и приземистых сосен, а затем снова погружается в полумрак листвы, вспыхивающей золотисто-алыми огнями.

Он думает о своих братьях, вождях Союза пяти племен, которые, сгрудившись в своей норе, как трусливые кролики, выслушивают сейчас слова, принесенные Тахутагетом из Катарунка. Нет, никогда они не уговорят его вступить в союз с белыми... Он не даст себя одурачить!.. Больше он не попадет к ним на удочку! Но напрасно старается он предостеречь своих братьев. Безумные!.. Они смеялись над ним, но он, Уттаке, видел их во сие с окровавленными затылками. Они смеялись над ним и тогда, когда он рассказал им, что жена Текондероги сбросила со своего пути черепаху — тотем ирокезов.

А он, Уттаке, видел эту белую женщину в сумерках, когда, опустившись на колени, она молилась богу земли. И молилась совсем не так, как молятся белые, которые скрывают свои порывы в себе и не дают им вырваться наружу. Она молилась, растирая пальцами листочки душистой мяты, потом воздевала руки к небу, потом проводила ими по лицу, закрывая глаза, и заходящее солнце золотило ее своими лучами. С той самой минуты, как он увидел ее, он не мог отделаться от непонятного страха и беспокойства. Легким и быстрым шагом вождь моговков проходит пространство, выжженное пожарами, и перед ним открывается вид, столь характерный для сурового и величественного пейзажа верховьев Кеннебека: массив мрачного леса, ломаная линия гор над ним и кругом, насколько хватает глаз, блестящая гладь озер и извилистые ленты рек.

Никогда еще эти места не знали такого скопления народа, как теперь, в дни, когда сюда приехал на лошадях Человек Гром вместе с женщинами и детьми, вместе со своими воинами, тащившими за собой кулеврины; их встретили в Катарунке канадцы, спустившиеся с севера, в сопровождении краснокожих союзников, вооруженных луками, копьями и томагавками, а с юга, из долины Коннектикута, уже спешили патсуикеты и эчемины — все эти абенаки, заклятые враги ирокезов, и вел их сюда иезуит с огненным взглядом, Этскон Гонси. И вся эта многочисленная армия в конце концов собралась в форте Катарунк. Какая у них могла быть общая цель, кроме уничтожения ирокезов?

Уттаке снова углубился в лес. Он думал о белой женщине, которая встретила черепаху и не отступила перед ней.

И когда он поднял глаза к солнцу, кидавшему пылающие стрелы между деревьями, его вдруг

охватила мерзкая дурнота и мучительно заныло где-то в подреберье, и повинны в том были не только голод и тяготы войны, которые он перенес за последние три месяца, но и воспоминание о том чувстве, которое он ощутил, когда, спрятавшись за деревьями, увидел, как приближается это тревожащее, загадочно-непонятное существо, облаченное в плащ цвета огня. Отвратительное чувство, которое он принимал за страх перед необычным и непонятным.

От голода у него кружилась голова и возникали величественные и дивные видения. Его дух, словно опьяневшая птица, со стенаниями неся вперед. Так, должно быть, страдают забытые души. Его душа страдала при мысли о том вечном соблазне, который приводит индейцев к ногам белых, к ногам этих предателей и безжалостных палачей, с неискоренимой надеждой, что, быть может, на сей раз это будет именно он, Бледнолицый Предок, чей приход предсказывали все жрецы и все древнейшие легенды. Зачем себя обманывать надеждой? Ты же знаешь, что это не он, что он никогда не придет. Бледнолицый Предок не существует, его нечего ждать.

«Что за малодушие, Сваниссит, — думал Уттаке, — верить в эту несбыточную мечту, искать в ней величие, силу, победу, покровительство... Неужели, индейцы, в нас еще мало стреляли из мушкетов, мало спаивали огненной водой, пожирающей нашу расу, как огонь пожирает лес?»

Но Сваниссит вопреки здравому смыслу надеется. Он надеется на Текондерогу, Человека Грома. А разве не надеется и сам Уттаке, который так осторожно крадется сейчас к форту Катарунк, чтобы выследить белых?

Чтобы избавиться наконец от искушения, в которое белые ввергают индейцев, их надо всех убить и

добраться до их душ. Но все дело в том, что у белого человека нет души. Его душа — это шкура бобра!

Солнце начинало клониться к закату. Ирокез мгновенно замер, почуяв где-то рядом опасность. Он спрятался за деревом и увидел, как к нему приближаются двое абенаков из того племени патсуикетов, которое пришло сюда с верховьев Коннектикута, хитростью проникнув в страну Детей Зари. У них были длинные носы, выступавшие вперед, как у кроликов, зубы и срезанные подбородки. Их кожа была цвета красной глины. Они так слабо завязывали свои волосы, что за них было трудно схватиться, чтобы «сделать прическу».

Затаившись, ирокез с презрением смотрел, как они спокойно прошли в нескольких шагах от него. Их длинные крючковатые носы были опущены к земле, они шли по следу.

След, конечно, приведет их к месту, где только что совещались ирокезские вожди. И хотя Уттаке постарался уничтожить этот след, они все равно его разнюхают, потому что патсуикеты — ищейки получше койотов, конечно из-за своих длинных носов. Чего доброго, они доберутся до его братьев!

Невидимой тенью, скользя от дерева к дереву, ирокез догнал их и, подкравшись сзади, пробил им головы двумя ударами томагавка, такими точными и быстрыми, что патсуикеты, даже не вскрикнув, рухнули на землю. Не спрятав трупы и даже не сняв скальпы, ирокез пошел дальше.

Уже у самого Катарунка он услышал ржание лошадей. Этот звук показался ему настолько необычным и жутким, что по телу у него пробежала дрожь.

Уттаке никогда не видел белого человека, так неожиданно появившегося здесь, но он уже ненавидел его, хотя тот обещал им поддержку, вселял в сердца

ирокезов надежду, начинал какую-то новую авантюру, возможно и спасительную для них. Но он-то, Уттаке, знал, что все это только мираж.. Этот белый успеет обмануть его братьев, прежде чем Уттаке сможет добраться до его души.

Рискуя, что его заметит какой-нибудь абенак или гурон, не думая о том, что на него могут наброситься собаки, которые лаяли внизу, у реки, ирокез как зачарованный не двигался с места.

Здесь, в наступавших сумерках, он увидел вчера белую женщину с развевающимися волосами, стоявшую на коленях посреди пахучих трав.

Было слышно, как рядом шептал ручей, и от жары сильнее пахла мята.

Тут и пришло к нему решение.

— Завтра я снова приду сюда. Я стану звать белую женщину. И когда она придет на мой зов, я ее убью.

Неожиданно отправление индейцев-союзников было приостановлено. Бой барабанов принес им эту весть. В лесу нашли двух патсуикетов с проломленными затылками. Конечно, это дело рук ирокезов.

Никола Перро потратил немало красноречия, чтобы убедить гуронов и алгонкинов, что их не должны касаться дела патсуикетов.

— Они не обычные абенаки, — объяснял Перро, — само их имя значит: «те-кто-пришел-обманом». Они и впрямь были чужаки, пришедшие с берегов Коннектикута, смешавшись с Детьми Зари, они хотели присвоить их участки для охоты и рыбной ловли.

— Пусть они сами разбираются с ирокезами, — сказал он. — К тому же они так малочисленны, что не стоят того, чтобы отважные воины севера за ними охотились. Ведь недаром именно на них напали ирокезы, которые, вне всякого сомнения, сейчас сами забились в норы и не смеют нападать на

могущественные племена, собравшиеся в Катарунке. Не стоит откапывать томагавк войны, зарытый в землю отцом Ононсио, комендантом Квебека, из-за поссорившихся между собой хорьков.

Бедняга Перро, с таким жаром убеждавший индейцев, в душе испытывал угрызения совести, так как в действительности патсуикеты были лучшими воинами и самыми ревностными католиками из всех крещеных индейцев Акадии. Это маленькое пришлое племя оказалось самым преданным союзником миссионеров.

Граф де Пейрак переговорил с полковником де Ломени, сообщив ему, что ирокезы прячутся в лесу неподалеку от Катарунка и что они просят разрешить им переправиться через Кеннебек.

Естественно, что убийство двух патсуикетов все осложняло. Однако граф де Пейрак стоял на своем.

— Если патсуикеты собираются мстить за своих убитых, пусть сражаются с ирокезами где-нибудь в низовьях реки. Я не хочу, чтобы в эту глупую историю ввязывались мои люди, а также все те, кто находится сейчас в Катарунке. Достойная сожаления привычка французов вмешиваться в бесконечные мелкие ссоры между индейскими племенами лишь мешает колонизации края.

Де Ломени не сразу с ним согласился, но кончилось тем, что он только послал маленький отряд эчеминов к отцу д'Оржевалю на случай, если ему понадобится помощь. Удалось также ловко использовать ненависть, существующую между патсуикетами и другими абенаками, и ко второй половине дня напряжение уже спало. Щедро одаренные индейские вожди предпочли вернуться домой, предоставив патсуикетам и ирокезам самим решать свою судьбу.

Никак не мог успокоиться только барон де Модрей, он жаждал боя.

— А что если они нападут на отца д'Оржеваля? — запальчиво спрашивал он.

— Ирокезы обещают, если им разрешат беспрепятственно переправиться через реку и уйти в свои места, не причиняя никакого вреда племенам, встретившимся им по дороге, — ответил ему де Пейрак.

— Нашли кому верить! Пока они начали с того, что убили двух патсуикетов...

Пейрака и самого поразило это убийство, совершенное после вчерашнего разговора с Тахутагетом.

— Вы еще успеете с ними познакомиться, — посмеивался Модрей. — В черепе ирокеза нет ничего, кроме коварства и измены.

Де Ломени одернул его. Канадцы слишком быстро забыли, что их губернатор заключил договор о мире с Союзом пяти племен.

— С людьми этой породы не может быть соглашений, — ответил молодой барон, свирепо сверкая голубыми глазами. — Война, только беспощадная война... И ничего другого...

Но так или иначе, а индейские воины снова стали садиться в лодки. Наступил вечер, женщины с детьми, которые попрятались в лесу, ожидая, что разгорится сражение, вернулись и, подвесив над кострами котлы, начали варить ужин.

Вдруг кто-то заметил, что не видно госпожи де Пейрак.

Ее бросились искать. Обошли дом, флигель, весь двор. Ее звали на вырубках и на берегу реки.

Предчувствие катастрофы овладело всеми.

Анжелика исчезла.

Глава 3

Все началось довольно странно, когда Анжелика была одна дома. Вдруг на нее напала неодолимая, гнетущая тоска, и неизвестно почему ей безумно захотелось пойти на холм и нарвать там мяты.

Несколько раз она отгоняла от себя эту мысль, но та с удивительным упорством возвращалась к ней снова и снова. Наконец ей удалось избавиться от нее и на душе стало немного легче.

Не в силах взяться за какое-либо дело, она стояла, прислонившись к окну, и смотрела в его маленькие, затянутые пергаментом квадраты, хотя, кроме смутных силуэтов, мелькавших во дворе, в них ничего не было видно.

Анжелика думала о своем младшем сыне, Канторе, который все еще дулся на нее после случая у колодца. Ей не всегда удавалось справиться с ним даже в ту пору, когда он был прелестным белокурым ребенком, сумеет ли она смирить его нрав теперь, когда он стал цветущим, сильным юношей, своей здоровой, несколько грубоватой красотой напоминающим Анжелике ее братьев?

Задумавшись, она машинально постукивала пальцами по пергаменту. Она представляла глаза Кантора. Зеленые девичьи глаза на лице молодого воина.

«Что же мне делать с тобою, мой мальчик? Неужели, кроме родственных уз, нас ничто не связывает с тобой?» — Этот вопрос она задавала себе с той самой минуты, когда встретила своих сыновей в Голдсборо, и до сих пор так и не нашла на него ответа.

«Так ли уж нужна мать двум взрослым сыновьям, давно привыкшим обходиться без нее?»

Вдруг кто-то отчаянно забарабанил в дверь, и на пороге появился стройный улыбающийся Флоримон.

Перепуганная Анжелика спросила сына, неужели он совсем забыл те времена, когда его считали самым галантным пажом в Версале, ж вообще разве можно так ломиться в дверь, когда идешь в гости к дамам? Зачем же понапрасну пугать их? Обычно кулаком в дверь стучат солдаты, и что предвещает этот стук, известно одному Господу Богу. Чаще всего ничего хорошего!

Ничуть не обидевшись, Флоримон тут же согласился, что его долгое скитания и особенно служба юнгой на торговом судне напроць и очень быстро уничтожили все те изысканные светские манеры, которые так старательно прививал ему его наставник аббат. Ничего не поделаешь, уж таким он уродился!

Если в Новой Англии его манеры стали чуть приличней, чем были на корабле, то до изысканности им, конечно, далеко. Англичане ведь не осложняют себе жизнь всякими дурацкими вывертами ног, расшаркиваниями и поклонами. Потом он весело добавил, что если здесь, в лесном форте, скрестись пальчиком в эти толстенные двери, как благовоспитанная девица, то, чего доброго, так и останешься на крыльце.

Анжелика засмеялась и ответила, что, пожалуй, он прав. Флоримон прохаживался взад-вперед по комнате, а Анжелика, любуясь своим первенцем, думала, каким же крепким и ладным он вырос. А ведь сколько забот и волнений причинял он ей когда-то своим слабым здоровьем!

Теперь он был причесан так же, как Ромен де Л'Обиньер и барон де Модрей, его длинные волосы украшал обруч, украшенный жемчугом, над которым возвышались перья и лисий хвост. Этот убор шел ему необычайно.

Он тоже был красив, вероятно, так должен был быть красив его отец, если бы в детстве его лицо не было изуродовано ударом сабли. У него была хорошо развитая, почти мужская фигура, но в улыбке сквозило еще что-то детское. Он сказал, что пришел поговорить о Канторе. Его брат добрый и смелый малый, но иногда «на него что-то находит», и вот сейчас он «переживает трудности». Больше он ничего не стал объяснять. Анжелику тронули его добрые чувства и к ней, и к младшему брату. Она ответила, что совсем не сердится на Кантора, но пора бы уж, наконец, им найти общий язык.

После они еще долго болтали, Флоримон поделился с ней своими сокровенными планами. Теперь, когда они так продвинулись в глубь континента, ему бы хотелось снарядить свою собственную экспедицию еще дальше, на Запад, он мечтает открыть, наконец, проход в Китайское море, который так долго и тщетно ищут. У него были собственные соображения по этому поводу. Но с отцом он еще не говорил. Решил дождаться весны.

Наступал вечер. Анжелика, слушая сына, начала готовить лампы и вставлять свечи в подсвечники. И вдруг ей вспомнился сон об ирокезе, замахнувшемся на нее томагавком, воспоминание о нем пронзило ее мозг с такой невероятной остротой, что у нее ослабели ноги.

Видя, как она побледнела, Флоримон тут же замолчал и с тревогой спросил, что с ней.

Она ответила, что ей вдруг стало нехорошо. Сдавило грудь. Сейчас она выйдет подышать свежим воздухом. И пожалуй, поднимется на холм и там, у ручья, наберет мяты, ведь скоро заморозки, которые тут же прихватят нежные листья, и те станут непригодными для лечебных целей. Анжелика говорила как во сне. Собрать мяту — сейчас это казалось ей самым главным, самым неотложным. Она не могла понять, почему она не сделала этого раньше.

Набросив на плечи длинную шерстяную накидку, она взяла в руки корзину. Уже на пороге она подумала, что что-то она забыла; она долго смотрела на Флоримона, который не придавал никакого значения ее внезапному решению и спокойно сидел, наливая в кружку пиво.

— Флоримон, ты не мог бы дать мне свой нож?

— Пожалуйста, матушка, — ответил он без малейшего удивления. И протянул ей свой драгоценный нож, за которым он старательно ухаживал, как это и полагается семнадцатилетнему юноше, считающему себя бывалым охотником и опытным траппером.

Нож был как бритва и отточен с обеих сторон. На отшлифованной рукоятке была вырезана выемка для пальцев, чтобы его удобно было держать в руке.

— Я тебе его скоро верну, — сказала Анжелика и быстро вышла.

Когда спустя некоторое время ее начали искать, Флоримон сидел в кухне и, играя на флажолете, наблюдал, как Малапрад готовит сладкий пирог из белой муки, добавляя туда сахар и ванилин, — такого он не пробовал с самого детства. Лосиный жир заменял масло — продукт, не известный в этих краях.

Когда Флоримона спросили, не видел ли он мать, он простодушно ответил, что она пошла к ручью собирать мяту и попросила у него нож.

Он был очень удивлен, увидев, что отец вздрогнул всем телом и бросил на него свирепый взгляд.

— Быстро, — сказал он Никола Перро. — Идем туда. Я уверен, что она в опасности.

Глава 4

Анжелика медленно поднималась на холм, на каждом шагу обходя торчащие из земли пни.

Скоро вырубки кончились, и она стала взбираться по склону, густо поросшему травой. Вот наконец и ручей. Она тут же поняла, что, так же как и тогда, здесь кто-то есть, хотя он невидим и ничем не выдает своего присутствия. Кругом все было спокойно.

И однако, ирокез был тут.

Она знала, что отступить уже некуда, и сон должен сбыться.

Нервное возбуждение, владевшее ею, незаметно улеглось. Она почувствовала, как в ней поднимается хорошо знакомая сила, овладевавшая ею перед каждой битвой. Она уже множество раз испытала это ни с чем не сравнимое состояние духа, но особенно сильным оно было в те дни, когда с кинжалом в руках ей приходилось защищать своих детей. То были минуты полнейшего внутреннего спокойствия, и только потом, переживая их в своей памяти, она понимала, что в жизни ей не пришлось испытать большего напряжения и большего ужаса, чем в эти самые мгновения.

Зажав в руке нож Флоримона, она спрятала его в складках юбки, затем подошла к берегу ручья и опустилась там на колени.

Тот, кто подстерегал ее, был уверен, что она ничего не подозревает, и потому меньше всего ожидал, что она так стремительно повернется к нему в тот самый миг, когда он прыгнет.

Она заметила черную тень индейца, мелькнувшую в свете заходящего солнца, с поднятым томагавком в руке и торчащим хохолком волос, делавшим его похожим на громадную хищную птицу, беззвучно

падавшую на нее сверху. Ловким движением Анжелика уклонилась от удара. Промаяхнувшись, ирокез качнулся всем телом и, так как она с молниеносной быстротой схватила его за лодыжку, тяжело рухнул в кусты.

Томагавк вылетел у него из рук, в ту же секунду острие ножа коснулось его горла. Все произошло с невероятной быстротой и совершенно бесшумно, не слышно было даже их прерывистого дыхания. Она уже готова была сделать последнее движение рукой и вдруг почему-то заколебалась. Всей тяжестью своего тела она навалилась на индейца. Сквозь косые щели век с невыразимым изумлением на нее смотрели блестящие черные глаза.

Ирокез не мог понять, каким образом он, такой сильный, такой ловкий, такой неустрашимый воин, мог оказаться побежденным женщиной, и к тому же женщиной белой! Он начал понемногу приходить в себя, только когда его осенила мысль, что это не обыкновенная женщина, а высшее, конечно, божественное существо. Тогда он перевел дух. Такое поражение он мог принять. Это уже не было бесчестьем.

Откуда-то из глубины прозвучал его низкий голос:
— Женщина, оставь мне жизнь!

Он мог бы воспользоваться тем мгновением, когда рука ее, готовая его убить, вдруг дрогнула, мог бы сбросить ее, но, казалось, он покорился своей судьбе.

— Оставить тебе жизнь, чтобы ты взял мою?

Ее мелодичный, нежный, чуть дрогнувший голос проник в душу индейца.

— Нет, — сказал он с решимостью. — Клянусь Высшим Духом. Твоя жизнь священна. Отныне ничто не может ей угрожать.

До сознания Анжелики вдруг дошло, что они говорят по-французски.

— Ты вождь могавков, Уттаке?

— Да!

Тогда она медленно поднялась и освободила его. Ирокез, не спуская с нее глаз, повернулся на бок и затем с кошачьей ловкостью вскочил на ноги. Он даже не стал поднимать свой топор. Неподвижный и безоружный, он стоял, разглядывая Анжелику.

— А ты супруга Текондероги?

И так как Анжелика не поняла, он пояснил:

— Человека Грома, того, по чьей воле взлетают в воздух горы и кому принадлежит Катарунк?

Она утвердительно кивнула.

— Тогда веди меня к нему! — сказал Уттаке.

Люди, бросившиеся на помощь Анжелике, с оружием в руках быстро поднимались на холм; вдруг сквозь мрак, который уже начал окутывать горы, они заметили две приближавшиеся к ним фигуры. Все почувствовали огромное облегчение, когда в одной из них узнали Анжелику. Но тут же все насторожились, разглядев, кто шел рядом с ней. Видимо, в эту минуту в груди у многих поднялось то смутное чувство страха и растерянности, которое, должно быть, некогда испытывали те, кто смотрели, как спускается с гор одна из легендарных святых, ведя за собой закованное в цепи страшное огнедышащее чудовище, наконец усмиренное и ставшее безопасным. Впрочем, сейчас было отчего испугаться и растеряться, ибо тот, кого вела за собой Анжелика, был существом необыкновенным. Жаркое, прерывистое дыхание раздувало его татуированную грудь, а расширенные зрачки сверкали, словно горящие угли. От него исходил запах звериного логовища. Уттаке выглядел еще более свирепым и могучим рядом с изящной фигурой женщины, которая шла впереди него. Кое-кто из людей де Пейрака, хотя все это были выдавшие виды моряки, попяtilись. Металлаки во весь дух бросились за

оружием, собираясь устроить засаду. Они предупредили об опасности своих жен, и те, снова взвалив на плечи детей, котлы и всякую снедь, потащились в лес.

— Это Уттаке, вождь моговков, — представила его Анжелика. — Он один и хочет вести с вами переговоры. Я обещала сохранить ему жизнь.

Все молча смотрели на непримиримого вождя моговков. Уттаке желал вести переговоры... Это было невероятно! Тот, кто встречал его раньше, конечно, тут же узнал его крепкую фигуру, словно сжигаемую изнутри затаенным диким пламенем, которое и придавало ему эту силу.

Да, это был он.

И от одного его присутствия всем становилось не по себе. Барон де Модрей что-то спросил у него по-ирокезски, и Уттаке коротко ответил ему. Модрей так и подскочил на месте.

— Он говорит, что Сваниссит недалеко... Я это знал. Я шел по его следу. Запах этой старой лисицы не обманул меня. Наконец-то эти проклятые варвары в наших руках.

— Замолчи, — оборвал его Никола Перро. — Ты забываешь, что послов не оскорбляют.

— Это посол?! Это злейший враг, господа, который проник в наш лагерь. Я не верю ни единому слову, вылетающему из его глотки.

Ирокез не дрогнул. Потом он заговорил и все были поражены тем, что он почти безукоризненно владеет французским языком.

— Где Текондерога, Человек Гром? Это ты? — спросил он, обращаясь к де Пейраку. — Да! Я тебя узнал. И приветствую тебя. Я Уттаке — вождь моговков. Сваниссит, сенека, верховный вождь союза ирокезских племен, хочет мира с тобой. Я пришел от его имени предложить тебе союз и попросить твоего

посредничества при переговорах с французами, чтобы они разрешили нам переправиться через Кеннебек.

Граф де Пейрак поднес руку к шляпе, на которой вечерний ветер развевал черные и красные перья. Он снял ее и очень низко склонился перед индейцем, как перед желанным и высокочтимым гостем.

«Я знал, — рассказывал после Уттаке, — что белые склоняются так только перед королем. И когда этот белый человек поприветствовал меня таким низким поклоном, я почувствовал, как вспыхнуло мое сердце, это зажегся в нем огонь дружбы».

Несколько часов спустя Уттаке возвращался в лес, он нес Сванисситу условия перемирия. Французы разрешат ирокезам беспрепятственно переправиться через реку, если их вожди обязуются не тронуть ни одно из племен абенаков и алгонкинов, которое им может встретиться во время их долгого пути в родные места.

— Почему вас так волнует судьба этих красных лисиц? — с презрением спросил могокв.

Модрей негодовал, он не мог примириться с тем, что с ирокезами ведут переговоры, и оба лейтенанта, Пон-Бриан и Фальер, его поддерживали.

— Они, конечно, согласятся на любые условия, но им и в голову не придет выполнять их!

Вожди союзнических племен тоже были недовольны.

— Мы пришли сюда воевать, — сказал вождь гуронов, — и теперь, когда враг совсем рядом, только и говорят о мирном сговоре с ним... Что скажут нам дома, увидев, что мы возвращаемся без единого скальпа?

Но де Ломени был непоколебим. Он считал, что разрешить ирокезам вернуться к себе, взяв с них слово, что они не устроят никакой новой резни, было бы лучше, чем одержать над ними легкую победу,

развязывающую вновь кровавые войны, которых так старается избежать губернатор Канады.

— Не забывайте, что томагавк войны между французами и Союзом пяти племен зарыт, — повторил полковник.

— Мы не выбываем, — ответил ирокез. — Мы уже давно не нападаем на французов.

— Но вы нападаете на дружественные нам племена...

— Мы не зарывали с ними томагавка, — ответил хитрый индеец. — Зачем французы вмешиваются в наши дела?

Когда начались переговоры, Анжелика хотела уйти, но вождь могавков удержал ее:

— Пусть она останется!

Голос его звучал властно. И никто не мог догадаться, какие чувства руководили им, когда он потребовал, чтобы белая женщина присутствовала на совете. Над ними витала тайна. Каждый думал о том, что же произошло на холме, и все взгляды невольно с тревогой обращались к Анжелике.

Анжелика же думала о том, что все вокруг слишком сложно и было бы лучше, если бы она занималась только кухней и хозяйством. У нее раскалывалась голова, она сидела с отсутствующим видом, потирая виски. Она не представляла себе, как сможет вразумительно объяснить мужу встречу с ирокезским вождем.

Минутами ее взгляд останавливался на томагавке, опять висевшем на поясе Уттаке, и, глядя на это жуткое оружие, она содрогалась от страха, который не чувствовала там, на холме.

Как только ирокез вышел из форта, Анжелика, не вступая ни с кем в разговоры, вернулась к себе, бросилась на кровать и тут же уснула мертвым сном.

Утром она проснулась как ни в чем не бывало. Она видела, что Жоффрей ночевал дома, но, должно быть, уже давно встал. Она не слышала, ни когда он вернулся, ни когда ушел. Анжелика снова задумалась над тем, что же все-таки она скажет мужу, и решила, что попросит его помочь ей разобраться во всех этих тревожащих ее таинственных событиях. Почему могавк, решив убить ее, вдруг покорно пошел за ней и захотел говорить с белыми о союзе и мире?

Одевшись, Анжелика вышла из дома и побежала к маленькой угловой башенке, с которой хорошо было видно далеко вокруг.

Ворота форта были закрыты, но едва о скором появлении ирокезов известили вспыхнувшие на соседних холмах костры, они открылись, и граф де Пейрак вместе с полковником де Ломени вышли на эспланаду; за ними выстроились французские солдаты и вооруженная свита де Пейрака.

Из леса — они прятались там со вчерашнего вечера — появились индейцы-союзники, вооруженные луками и томагавками, и, как красный морской прибой, молча затопили все подступы к форту. Супруги Жонас с детьми поднялись на смотровую площадку к Анжелике. Все с любопытством смотрели в просветы между заостренными бревнами палисада.

Наконец из ивовой рощицы, что тянулась у самой реки, появились ирокезы. Их было шестеро. Шестеро полуголых людей, внешне совершенно безразличных к тому, что рядом собралось столько вооруженных врагов, не спеша шли вдоль каменистого берега; остановившись напротив форта, они встали в ряд лицом к нему. Это были ирокезские вожди. Среди них Анжелика без труда узнала могавка Уттаке по болтающимся в его ушах алым подвескам.

Рядом с ним стоял старый индеец. Его волосы, украшенные орлиными перьями, были совсем белые. Он

был очень худ. Его тело, казалось, состояло из одних сухожилий и мышц, обтянутых желтой кожей. А высокомерное длинное лицо, изрезанное у глаз и вокруг рта глубокими морщинами, внушало страх. Его грудь, бока, ключицы и плечи покрывала замысловатая татуировка.

Анжелика догадалась, что это и есть Сваниссит, сенека, великий вождь Союза ирокезских племен. Ирокезы сделали несколько шагов вперед и опустились прямо на песок на берегу реки, все, кроме Уттаке, который медленно направился к форту, где его ждали белые.

Остановившись перед де Пейраком и де Ломени, он протянул им на вытянутых руках что-то похожее на узкий шарф с бахромой, плотно расшитый мелким сиреневым жемчугом по белому фону.

Затем он опустил его на землю, неторопливо достал из-за пояса трубку из красного камня, украшенную черными перьями, и положил ее рядом с шарфом. Затем, отступив на два шага, скрестил на груди руки и, устремив свой взгляд куда-то вверх собравшейся толпы, застыл как изваяние.

И сразу все успокоились: даже гуроны, даже абенаки, даже Модрей, — он стоял, чуть заметно улыбаясь, и его белокурые волосы развевались на ветру.

Никола Перро приступил к своей обязанности переводчика. Он вел переговоры, строго следуя принятому у индейцев ритуалу. Торжественным тоном он переводил долгие периоды речи индейца, величественными жестами указывал на землю, на небо, на ирокезских вождей, на того или другого участника переговоров, терпеливо повторял вопросы и ответы. Анжелика была поражена, с какой ловкостью и изворотливостью индеец запутывал своего собеседника. Но провести Никола Перро было делом

нелегким. Он знал все племена, живущие в районе Великих озер, все их диалекты, он бесчисленное число раз выполнял роль толмача и посредника между ними во время их междоусобных войн и во время военных экспедиций французов. Кроме того, он целый год был пленником ирокезов. Он улавливал малейшие нюансы в речи Уттаке.

Вдруг в бесстрастно торжественном тоне могавка послышалась более живая интонация, которая тут же вызвала бурный взрыв веселья у Никола Перро.

— Он говорит, что никогда не пришел бы сюда, знай, что встретит меня, а предпочел бы сразу схватиться за томагавк.

Переговоры заканчивались. Уттаке спустился на берег реки к своим братьям, а европейцы вошли в форт, чтобы посоветоваться. Солнце уже стояло высоко в небе, и, кроме всего, было самое время подкрепиться.

Анжелике показалось, что французские офицеры возвращаются в форт с довольно унылыми минами. Она подошла поздороваться с ними.

— Ну как идут переговоры? — спросила она у де Ломени. — Вы согласны с графом де Пейраком, что можно избежать сражения с ирокезами?

— Что вам сказать? С ирокезами всегда одно и то же, — ответил полковник. — Будь они даже в десять раз слабее противника, они считают, что оказывают ему величайшую милость, договариваясь с ним о мире, они считают, что мы должны пойти им на всяческие уступки. Сейчас они уже отказываются дать обещание не трогать другие племена, возвращаясь в свою долину. Если мы на это согласимся, то все будут считать, что мы потерпели поражение, а ирокезы будут кичиться и высмеивать нас.

— Что мы с ними церемонимся! Пока они здесь, совсем рядом, уничтожим их! — с жаром воскликнул молодой Модрей.

Пон-Бриан молчал. Он смотрел на Анжелику, не в силах отвести от нее глаз.

Молчал и Жоффрей де Пейрак, он переводил свой взгляд с одного лица на другое и не мог уловить, что думают канадцы. Де Ломени вдруг обратился к нему:

— А что скажете вы, мессир граф? Вы же боитесь ловушки со стороны ирокезов? Что если их уверения в желании союзничать с нами окажутся лживыми?.. И стоит только нам уйти отсюда, как они нападут на ваш форт и разграбят его. Что же касается вас и ваших...

— Я иду на этот риск.

— Мы не знаем точно, сколько их... Ясно только одно: им не одолеть нас, пока мы вместе. Но когда вы останетесь только со своим отрядом...

— Пусть моя судьба не беспокоит вас, — ответил ему де Пейрак, и чуть заметная ирония мелькнула в его глазах. — Допустим, что я делаю неудачную ставку, веря в честные намерения индейцев... Что ж, пусть заранее торжествуют те, кто еще вчера хотел моей гибели! Сейчас мне кажется важнее другое. Надо думать о том, чтобы снова не вспыхнула вражда между Новой Францией и Союзом пяти племен. Вы решитесь взять на себя ответственность за действия, которые смогут привести к новым кровопролитиям?

— О! Посмотрите-ка, кто к нам пришел! — удивленно воскликнул Фальер.

В дверях стоял вождь моговков. Было ясно, что он вернулся сюда не для того, чтобы еще до конца переговоров ответить согласием на все условия белых.

— Ты забыл нам сообщить что-то важное? — спросил его Перро.

— Ты угадал, — ответил Уттаке. — Мой брат Сваниссит поручил мне передать тебе, что в лесу, неподалеку отсюда, у наших воинов находится ребенок белой расы. Это сын твоей сестры, твой родной племянник, — сказал он, обращаясь к Л'Обиньеру. —

Наш великий вождь готов вернуть вам ребенка, если французы и их союзники разрешат нам вернуться в Священную долину, не чиня нам препятствий.

От неожиданности у всех даже вытянулись липа.

— Маленький Марселен, мой племянник! — вскричал Л'Обиньер. — Значит, он жив?

— Подлец! — прошипел Модрей. — Почувствовал, дело плохо! Вот и бросил свой последний козырь.

Глядя на полковника де Ломени, Л'Обиньер умоляющим голосом проговорил:

— Мессир граф, мы должны сделать все, чтобы спасти этого ребенка! Вырвать его из рук дикарей, которые воспитают его в ненависти к предкам и к нашему Богу!..

Де Ломени торжественно кивнул головой.

— Я думаю, нам следует согласиться... — промолвил он, взглянув на де Пейрака. И затем обратился к ирокезу:

— Пусть будет так. Как только вернете ребенка, вы сможете уйти за реку.

При Уттаке барон де Модрей пытался сдерживаться, но стоило тому выйти, как он мгновенно взорвался:

— Нет, это невысказано! Не могут же они уйти из-под самого нашего носа, не получив по заслугам! Стыдно будет даже сказать после, что Сваниссит был совсем рядом, и я не снял с него скальп!..

— Значит, тебя не касается спасение души моего племянника, тебе безразлично, останется он в живых или нет? — в бешенстве вскричал Л'Обиньер, хватая его за воротник.

— Что говоришь ты! Ведь Сваниссит вырезал мою семью. Он рядом, и я не могу отпустить его живым. Я обещал его скальп Богородице.

— Успокойтесь же! — старался привести их в чувство де Ломени.

Как безумный, сверкая глазами, Модрей бросился складывать свои вещи. Молодые люди были слишком вспыльчивы, и недаром Анжелика с каждым днем все больше восхищалась де Ломени, который, прожив столько лет в Канаде, сумел сохранить выдержку и мягкие манеры обхождения.

Полковник, понимая, что Модрея необходимо удалить отсюда, не противился его отъезду. Его безрассудному поступку он решил придать вид официальной миссии. Он вызвал его к себе, пожурил потечески и поручил ему передать послание отцу д'Оржевалю, а затем отправиться к барону де Сен-Гастину, коменданту форта Пентагоет, расположенному в самом устье Пенобскота. Долгое путешествие, которое Модрей вынужден будет совершить, охладит его горячую голову.

— Форт Пентагоет находится по соседству с Голдсборо, где граф де Пейрак основал поселение гугенотов. Мне необходимо дать Сен-Гастину некоторые инструкции по этому поводу. Если вы еще застанете там парусник нашей корабельной компании, который рассчитывает вернуться в Квебек до заморозков, садитесь на него, если нет — перезимуйте с Сен-Гастином. Еще один совет: не берите с собой гуронов. Вы только будете разжигать друг у друга свою ненависть к ирокезам. Я дам вам в попутчики своего верного Утануиса.

Глава 5

Передача французам маленького племянника Л'Обиньера состоялась на следующий день после полудня.

На этот раз ирокезы приплыли по реке. Они появились в легких красных челноках, похищенных, должно быть, у одного из прибрежных племен. Высадившись на каменистый берег, они поднялись к форту.

Как и вчера, белые ждали их на площадке у входа. Гуроны, алгонкины, абенаки, тесно сгрудившись, облепили склоны холма. Анжелика вместе с двумя другими женщинами и детьми расположилась у самого палисада. Хотя войны, кажется, удалось избежать, у ирокезов была такая репутация, что при их появлении все сразу же настораживались.

Ирокезов было всего десять, и никто из них не нес с собой огнестрельного оружия. Они держались очень самоуверенно, всем своим видом выражая глубочайшее презрение к остальным индейцам, смотрящим на них с лютой ненавистью.

Парламентеры могли быть спокойны. Вампум, лежащий на полпути между рекой и фортом, обеспечивал их неприкосновенность. Впереди шли Сваниссит и Уттаке, между ними, держа их за руки, семенил худенький мальчуган лет семи-восьми. Вся его одежда состояла из узкой полоски кожи, прикрывавшей бедра, и мокасин. Даже под толстым слоем жира его волосы золотились на солнце, а светлые глаза казались совсем прозрачными на загорелом личике. Сходство этого мальчика с Л'Обиньером было так велико, что в их родстве не приходилось сомневаться.

При виде его у Анжелики от жалости и страха защемило сердце, и она крепче прижала к себе Онорину. Эльвира тоже с тревогой взглянула на своих сыновей, послушно сидящих на лужайке, чуть поодаль. Обеих женщин пронзила одна и та же мысль. А разве их дети не могут оказаться однажды в лесу, в руках дикарей? Доказательство, что такое здесь вполне возможно, было у них перед глазами. Этот несчастный малыш растрогал и взволновал их да слез. Женщины уже представляли себе, как они его отмоют в теплой воде, когда через несколько часов он, наконец, попадет к своим.

На этот раз ирокезы и белые опустились на землю друг против друга, по обе стороны вампума. Их лица были довольно сумрачны.

— Почему вы не принесли с собой Трубку Мира? — спросил Никола Перро. — Вы приступаете к переговорам, заранее отвергая всякую возможность мира?

— Сейчас мы пришли только для того, чтобы получить у вас разрешение переправиться через Кеннебек, за что мы возвратим вам этого ребенка. А Трубку Мира мы выкурим с Текондерогой, Человеком Громом, когда вы уйдете отсюда и мы будем знать наверняка, что он не предал нас ни вам, французам, людям его расы, ни этим приставшим к вам шакалам, — грубо ответил Сваниссит.

— Чего ради ты взял с собой маленького ребенка в военный поход? — спросил его Л'Обиньер.

Старый сенека хитро сощурил глаза.

— Потому что я его люблю. Кроме меня, у него нет никого на свете. Он не хотел со мной расставаться.

— Скажи уж лучше, что хотел иметь его под рукой на тот случай, если бы дела обернулись так, что тебе пришлось бы расплачиваться за все твои злодеяния и

перед нами, и перед дружественными нам индейскими племенами...

Флоримон то и дело подходил к дамам, он подробно излагал им, о чем шла речь на переговорах. Наконец он смог сообщить, что все наладилось и, кажется, сейчас стороны договорятся.

Французы обещали разрешить этому небольшому отряду ирокезов, возвращавшемуся в родные места, переправиться через реку. Тем более что комендант Квебека, отец Ононсио, с момента заключения соглашения с ирокезами считал их своими братьями, и французы, следуя его примеру, решили забыть старые счеты, тем более что Сваниссит соглашался вернуть им ребенка. Л'Обиньер своими руками выкатил индейцам бочонок водки в знак удачно завершенных переговоров. Но в этот момент события непредвиденно осложнились.

Уже все встали. И Сваниссит с Уттаке повели мальчика к его дяде. Остановившись в нескольких шагах от него, они отпустили ребенка и, сделав величественный жест рукой, сказали ему: «Иди!»

И вдруг мальчуган, испуганно оглядевшись вокруг, пронзительно заревел. Он бросился к Сванисситу, вцепился в его длинные худые ноги и, подняв к нему залитое слезами лицо, начал о чем-то жалобно умолять старого сенеку.

Величайшее смятение тут же охватило ирокезов. Куда девались их высокомерие и надменность? Теперь их разрисованные вытянувшиеся лица выражали огорчение и полную растерянность. Они тесным кольцом обступили плачущего ребенка и все враз принялись утешать и уговаривать его, — Что там происходит? — с волнением спросила Анжелика старого Маколле, который, потягивая трубку, сидел в тени палисада и насмешливо наблюдал разыгравшуюся сцену.

Он тряхнул головой.

— Что и должно было произойти... черт подери! Мальчишка, видишь, не хочет возвращаться к своему родичу, не желает расставаться с дикарями... — Посмеиваясь, он пожал плечами. — Этого и следовало ожидать.

Истошные крики ребенка заглушали все остальные звуки. Столпившиеся вокруг него индейцы с их высокими, птичьими голосами, мельканием пестрых перьев на головах походила на стайку перепуганных попугаев.

Не боясь унижить собственного достоинства, Уттаке присел перед мальчиком на корточки и, глядя ему в лицо, пытался успокоить его. Но маленький француз, по-прежнему держась одной рукой за кожаный пояс набедренной повязки Сваниссита, другой тут же крепко обхватил могучую шею могавка.

Французы, сильно раздосадованные, не знали, как выйти из этого глупого положения.

— С этим пора кончать! — сказал полковник. — Л'Обиньер, заберите своего племянника и любым способом уведите его отсюда. Если эти вопли не прекратятся, я ни за что не могу поручиться.

Канадец, полный решимости забрать мальчика, направился к ирокезам, но едва он протянул к нему руку, как воины грозной стеной загородили ребенка.

— Не смей его трогать!

— Делишки-то, никак, портятся, — сам с собой разговаривал Маколле. — Ну конечно. Этого надо было ожидать! Этого надо было ожидать!.. Они говорят, что всем известно, как французы грубо обращаются со своими детьми, но они не позволят в их присутствии даже волоску упасть с головы этого ребенка... Они говорят, надо набраться терпения. Но на это уйдет немало времени. Если этот мальчишка такой же упрямый, как его дядюшка, представление продлится

до завтра. Да, все Л'Обиньеры одинаковы, упрямы как ослы...

Анжелика поднялась с травы и подошла к мужу.

— Как вы думаете, чем все это кончится? — спросила она его шепотом.

— Возможно, ничем хорошим...

— Что же нам делать?

— Нам? Пока ничего... Набраться терпения. Как это советуют господа ирокезы.

Де Пейрак казался спокойным. Он подчеркнуто не вмешивался в эту историю, непосредственно его она не касалась. И хотя Анжелика так же, как и де Пейрак, понимала, что главное сейчас выдержка, нервы ее начали сдавать.

Ребенок продолжал надрывно плакать, от напряжения и слез его лицо стало багровым, он закрыл глаза, словно желая укрыться от той ужасной судьбы, которая его ждала: расстаться с милыми его сердцу ирокезами и вернуться к этим чудовищам с белыми лицами! Слезы градом катились по его щекам.

У Анжелики разрывалось сердце при виде этого отчаяния. Надо было что-то делать... Она быстро вошла в форт и бросилась к кладовой. Там в темноте она на ощупь отыскала головку белого сахара, проворно отколола от нее несколько кусков, затем, сунув руку в мешок с черносливом, набрала полную горсть и скорее вернулась туда, где разыгрывалась драма. Де Ломени отвел офицера в сторону.

— Пусть они убираются отсюда вместе с этим несносным мальчишкой. Потом придется напасть на них и отнять его у них силой.

— А вдруг они убьют его, чтобы отомстить нам? — заволновался Модрей.

— Вряд ли, они слишком к нему привязаны.

В их разговор вмешался де Пейрак:

— Не надо забывать, мессеры, о том, что разрыв переговоров приведет не только к тем неприятностям, которых нам так хотелось бы избежать, но и повлечет за собой гораздо более существенные осложнения. Прошу вас, не надо горячиться. Наберемся терпения...

Анжелика наклонилась к дочери.

— Посмотри-ка, видишь того бедного маленького мальчика, который так горько плачет? Он никого здесь не знает и боится всех этих чужих взрослых людей. Пойди и отнеси ему сахар и вот эти сливы, а потом возьми его за ручку и приведи ко мне.

У Онорины было доброе сердце, ее не надо было долго просить. Без всякого страха девочка направилась прямо к ирокезам — с ними, как и со всеми индейцами, она чувствовала себя совсем непринужденно.

В своем платье с широкими складками и фартучке из зеленой туали она походила на очаровательную куклу. Ее зеленый атласный чепчик, из-под которого выбивались крупные локоны цвета меди, блестел на солнце. На ногах у нее были мокасины с отворотами, расшитыми жемчугом.

С улыбкой, полная непосредственности, она протянула гостинцы мальчику. Сваниссит и Уттаке тут же включились в игру. Они как могли расхваливали ребенку эти диковинные лакомства. Наконец их безутешный питомец приоткрыл глаза. Судорожно всхлипывая, он рассматривал дары Онорины. Знал ли он, что такое белый сахар? Во всяком случае, начать он решил со слив, они у него не вызывали сомнений, но он не спускал глаз и с белого, отливающего голубизной камня, который, как ему говорили, был сладким на вкус. Онорина взяла мальчика за руку и медленно повела к матери.

И индейцы и белые затаили дыхание.

От того, пройдут ли дети это маленькое расстояние, зависело, быть или не быть войне.

Анжелика опустилась на колени и смотрела, как они приближаются, боясь шевельнуться, чтобы не испугать ребенка.

Когда он подошел к ней, она ласково сказала:

— Это сахар! Лизни его, и ты увидишь, какой он сладкий!

Мальчик не понял слов Анжелики, но звук ее голоса ему понравился. Он поднял на нее свои большие голубые глаза и замер, забыв про свой страх и про все свои страдания. Лицо этой белой женщины со светлыми волосами под кружевным чепчиком, возможно, напомнило ему другую молодую француженку — его мать, зверски убитую в ту жуткую ночь. Может быть, ему что-то смутно припомнилось?

Анжелика продолжала нежно шептать ему какие-то слова. Старый Маколле пришел к нем на помощь. Стараясь смягчить свой хриплый голос, он перевел мальчику слова Анжелики:

— Это сахар. Попробуй...

Маленький француз наконец решился, он осторожно лизнул кусок сахара, лизнул еще раз и затем впился в него своими крепкими зубами. Улыбка осветила его смешную перемазанную рожицу, и вдруг, не в силах одержать восторг, он звонко рассмеялся.

У всех как гора с плеч упала. Ирокезы сразу оттаяли.

Анжелика позвала к себе мальчиков Эльвиры.

— Не найдется ли у вас в карманах чего-нибудь интересного для него?

Она попала в самую точку. Ведь в кармане каждого уважающего себя мальчишки в возрасте от семи до десяти лет хранятся самые удивительные сокровища. Бартеломи извлек из своего кармана два агатовых шарика, выигранных еще на тротуарах Ла-Рошели.

Этого оказалось достаточно, чтобы окончательно пленить малыша.

В окружении детей и женщин он спокойно дошел сначала до ворот форта, а потом и до их маленького домика. Наконец-то они были в надежном убежище!

Анжелика боялась, что, увидев закрывшуюся за собой дверь, мальчик снова поднимет рев. Но он быстро огляделся, вероятно, понял, что назад пути нет, и как будто смирился со своей судьбой. Неожиданно для всех он подошел к очагу и невозмутимо уселся на камень перед пылающим огнем. Анжелика была уверена, что эта обстановка напомнила ему счастливые времена его раннего детства, проведенного на канадской ферме. Он грыз сахар и смотрел, как Бартеломи катает по полу свои черные шарики. Изредка он произносил какие-то ирокезские слова. Чтобы мальчик быстрее освоился, она послала за старым канадцем Маколле. Усадила старика у огня и налила ему кубок выдержанного вина.

— Очень вас прошу, мессир Маколле, будьте нашим толмачом. Я все время боюсь, что этот маленький дикарь снова заревет, если увидит, что мы его не понимаем.

Потом она дала всем детям по куску драгоценного сахара в награду за их помощь.

— Без вас, дети мои, у нас было бы много неприятностей. Вы очень помогли нам...

Того же мнения был и де Ломени, который спустя некоторое время пришел лично поблагодарить госпожу де Пейрак. Он сказал, что они очень мирно расстались с ирокезами и те ушли, спокойные за судьбу своего питомца.

— Вы оказали нам огромную услугу, сударыня! Без вас и ваших милых детей нам трудно было бы выбраться из этого тупика. Мы, воины, часто забываем, что в некоторых случаях только женский такт способен спасти положение. Нас могли бы всех вырезать из-за этого цыпленка, тогда как одна ваша улыбка... — Затем,

повернувшись к детям, он не очень благоразумно заявил:

— Я должен наградить вас. Чего бы вам хотелось, друзья мои?

Дети, опьяненные своими успехами, а также днями привольной жизни в Катарунке, ничуть не смутились. Бартеломи тут же воскликнул:

— Мне — табак и трубку!

— Мне луидор, — сказал Тома, еще не забывший, что наиболее ценилось в Старом Свете.

— А я хочу нож, чтобы снимать скальпы... и потом еще хочу поехать в Квебек, — заявила Онорина. Граф был явно удивлен желаниями детей.

— Нож такой прелестной барышне? С кого же вы собираетесь снимать скальпы?

Девочка задумалась. Анжелика сидела как на раскаленных углях. К счастью, Онорина ответила, что пока она еще не решила... ей надо подумать.

— А что же ты будешь делать с трубкой, мой мальчик?

— Курить, черт подери!

Полковник весело рассмеялся. Он дал Тома золотую монету, пообещал Бартеломи, что у него будет трубка, но с условием, что из нее он будет пускать только мыльные пузыри.

— Что же касается вас, мадемуазель, то с ножом я, пожалуй, подожду, пока у вас еще нет врагов. Но могу передать вам от имени мессира губернатора самые сердечные приглашения в его добрый город Квебек.

Глава 6

Анжелика, понимая, что столь резкая смена обстановки тяжела для маленького ребенка, решила с купанием пока подождать.

— Но от него ужасно пахнет, — возражали ей госпожа Жонас и Эльвира. — Взгляните на его волосы... У него, конечно, тьма насекомых.

— Конечно. Но вдруг он снова испугается, когда мы начнем сажать его в воду? Потерпим. А завтра, видимо, мы уже сможем безболезненно проделать эту процедуру...

Но все уладилось само собой. Ребенок капризничал и несколько раз принимался плакать, и Маколле терпеливо утешал его и пробовал увещевать.

— Я ему сказал, что, если он будет себя хорошо вести, завтра Сваниссит и Уттаке возьмут его с собой на охоту или на войну.

Увидев, как дети весело плещутся в ушате с теплой водой, ребенок тоже захотел купаться. Но отмыть его с первого раза было невозможно. Толстая корка из медвежьего жира, пропитанного пылью, покрывала все его тело.

Анжелике удалось заставить его проглотить целебный настой из трав, куда она подлила макового отвара, который случайно обнаружила в убогой аптечке форта. Ирландец О'Коннел болел, должно быть, не очень часто, а если на него и нападала какая хворь, он умело изгонял ее водкой. Анжелика вспомнила о пакетах с травами, мазях, сиропах, эликсирах, которые ей так нравилось готовить и которые она оставила в Ла-Рошели. И очень пожалела об этом. Как бы онигодились ей здесь! Стояла уже осень, и поздно было собирать даже самые необходимые травы. Да еще не

известно, растут ли они в этом полушарии. Но кору с некоторых деревьев и корни можно было собрать еще и сейчас. С завтрашнего дня она возьмется за это.

К вечеру Л'Обиньер зашел взглянуть на своего племянника. Мальчик в это время уже сладко спал, закутанный в меховое одеяло, на полу — его не смогли уговорить лечь в кровать. Траппер грустно разглядывал его.

— Мне хорошо знакомо то, что он испытывает сейчас, — проговорил он, покачав головой. — Ведь я тоже был пленником ирокезов, в Долине могоавков... Разве могу я забыть это время? Разве можно вообще забыть эту Долину?

— Но в конце концов, — вспыхнула Анжелика, — кто вам ирокезы — друзья или враги?

Л'Обиньер был удивлен. Ему, так же как и Никола Перро, казалось вполне естественным сочетание таких чувств, как тоска о прошлых днях, проведенных у ирокезов, и лютая ненависть к ним.

— Конечно, у меня остались самые светлые воспоминания о жизни в Долине могоавков, но разве я могу простить им убийство моей семьи и семьи Модрея? Я знаю, мой долг — отомстить им, и я отомщу. Сегодня мы пошли на соглашение, это цена за жизнь моего племянника. Но поверьте, мы еще встретимся с ними лицом к лицу!

Она спросила шепотом:

— Что вы собираетесь делать с этим малышом?

— Отдам его иезуитам! В Квебеке есть семинария, где воспитываются сироты и молодые индейцы, из которых собираются сделать миссионеров.

Анжелика взглянула на спящего ребенка. На его забавной рожице, которую так и не удалось отмыть, застыло скорбное выражение. Он казался таким трогательным и беззащитным сейчас.

Чем станут для этого ребенка, выросшего на свободе, в лесу, стены семинарии? Конечно, тюрьмой. Она подняла голову, чтобы поделиться своими мыслями с Л'Обиньером. Стоило ли так дорого платить за свободу ребенка, чтобы тут же снова отнять ее у него? Вырывая его из рук дикарей, они прежде всего заботились о спасении его души. Благородное беспокойство! Но разве не обязаны они были подумать, кроме того, и о счастье и благополучии мальчика?

Но, открыв рот, чтобы сказать все это, она увидела, что Л'Обиньера и след простыл. Канадцы умели появляться и исчезать бесшумно.

В соседней комнате под присмотром Эльвиры спали дети. Супруги Жонас что-то разбирали в своей комнате. Старый Маколле ушел за табаком. Некоторое время Анжелика сидела одна возле спящего ребенка в общей комнате. Мальчик спал очень беспокойно, он дергался, всхлипывал, кого-то искал рукой. Чтобы успокоить его, Анжелика поглаживала его жирные взлохмаченные волосы. В тишине только слышно было, как потрескивает огонь в очаге.

Но, подняв голову, Анжелика увидела, что рядом с ней стоят ирокезские вожди, Сваниссит и Уттаке, стоят так близко, что бахрама, которой отделаны их набедренные повязки, касается ее плеч.

Она с изумлением смотрела на них. Как они вошли сюда? Рука вождя моговков на уровне ее глаз сжимала блестящую деревянную рукоятку кастета, с огромной острой иглой из слоновой кости. Один удар этого оружия насквозь пробивал голову. Особенно когда оно оказывалось в такой руке, широкой, мускулистой, обтянутой глянцевиной кожей цвета амбры.

Анжелика сдержала себя и осталась на месте. Глаза Уттаке были как две черные узкие щели. Индейцы делали вид, что не замечают Анжелику. Сваниссит, застыв, смотрел на спящего ребенка. Потом он

наклонился, положил рядом с ним маленький колчан со стрелами и маленький лук — оружие, которым он научил владеть мальчика. Затем, видимо отогнав от себя грустные мысли, Сваниссит вместе с Уттаке принялись расхаживать по комнате, с полнейшей бесцеремонностью разглядывая и хватая руками все, что их интересовало, словно Анжелики не было здесь. Немного погодя они прошли в соседнюю комнату.

И Анжелика услышала, как душераздирающе закричала госпожа Жонас — она только что начала разжигать огонь в очаге, когда перед ней предстали эти гримасничающие раскрашенные физиономии. Видя, как испугалась эта немолодая женщина, ирокезы громко расхохотались. Не проронив до этой минуты ни слова, они, перебивая друг друга, начали что-то говорить насмешливым тоном. Госпожа Жонас снова закричала, когда они схватили ее кружевную накидку, которую она разложила на кровати. И надо же было ей именно сегодня вынуть свои сокровища!

В комнате, где спали дети, вожди подняли страшный шум. Эльвира, дрожа всем телом, забилась в угол. Но проснувшиеся ребяташки смотрели на индейцев, как на карнавальные маски. Убедившись, что здесь тоже нет ничего интересного, индейцы перешли в комнату Анжелики. Здесь их любопытство было полностью вознаграждено. Они открыли сундуки, вытащили оттуда одежду, перехватывали все книги на этажерке, перелистывая их и разглядывая со всех сторон.

Анжелика следила за ними, стараясь не выдавать своего волнения. Она молила Бога, чтобы кто-нибудь пришел, кто знает язык ирокезов и выдворил бы их отсюда.

Как ей казалось, Уттаке не мог питать к ней добрых чувств. И если Сваниссит пришел сюда, чтобы взглянуть в последний раз на своего питомца, то вождь могавков

наверняка явился, чтобы свести счеты с женщиной, которая его так унизила.

— Вероятно, их пора выставить отсюда? — шепотом спросил часовщик.

— Осторожней! Они могут расколоть вам череп.

Хотя они говорили шепотом, индейцы резко обернулись, словно желая застать их врасплох. К счастью, лицо Анжелики, которая стояла, прислонившись к косяку двери, было спокойным.

Вдруг Сваниссит заметил дорожную шкатулку Анжелики и, открыв ее, замер. Драгоценности, казалось, ослепили его. Он долго крутил в руках гребень, рассматривал щетку, подсвечник, печатку. Но наибольший восторг у него вызвало зеркало, он поднес его к своему лицу, скорчил гримасы и захохотал как сумасшедший. И еще сильнее, чем полированная поверхность стекла, его привлекла гирлянда из жемчужин и золота, которая украшала зеркало, и его ручка из того же драгоценного металла. Уттаке явно не разделял восторгов старого вождя. Он сухо сказал ему что-то. Возможно, напомнил Сванисситу, что белые не отличаются щедростью и что эта женщина тоже принадлежит к этой корыстолюбивой расе.

Сваниссит тут же снова превратился в великого вождя, надменного, холодного и враждебного. Он словно окаменел и молча положил зеркало обратно в шкатулку. Опустив голову, он смотрел на Анжелику холодным взглядом раненого орла. У его рта залегла горькая складка, как только что, когда он склонялся к спящему ребенку. Потом он, видимо, принял какое-то решение. Его лицо осветила победоносная улыбка. Он, словно одержимый, схватил зеркало и сунул его к себе за пояс. Сделав это, он бросил вызывающий взгляд на Анжелику. Но это был всего лишь взгляд напроказившего мальчишки, который притворяется, что ему не страшно.

Тогда Анжелика подошла к нему, достала из шкатулки красную шелковую ленту и, вынув зеркало из-за пояса Сваниссита, привязала его лентой к ожерелью из медвежьих зубов, украшавших грудь старого вождя.

Ирокезы с любопытством следили за каждым ее движением.

— Ты понимаешь язык французов, — сказала она, обращаясь к Уттаке, — переведи мои слова: я, жена Текондероги, от имени своего мужа дарю великому вождю зеркало, которое ему так понравилось.

Уттаке неохотно перевел. Сваниссит посмотрел на зеркало, сверкавшее на его груди, потом быстро произнес:

— Уж не думает ли белая женщина обмануть великого вождя сенеков? Сваниссит знает, что такими предметами белые пользуются, только когда они обращаются к своему богу. Ведь Черное Платье отказался дать Сванисситу зеркало, в которое он смотрится каждое утро и которое целует, а ведь взамен Сваниссит предлагал ему сто бобровых шкур.

О чем это он?

Вероятно, иезуит не согласился отдать им свой дискос или еще что-нибудь необходимое при богослужении. Как объяснить ему, что это совсем разные вещи?

— Что смущает великого вождя? Почему он думает, что белая женщина хочет его обмануть? Разве этот предмет не достоин украшать грудь вождя Союза пяти племен?

Теперь она была уверена, что Сваниссит понял смысл ее слов, так как почти детский восторг вспыхнул в глазах седовласого индейца. Он сиял от счастья и гордости. Он изо всех сил старался держаться с достоинством и сказал несколько слов, которые Уттаке перевел подчеркнуто презрительным тоном:

— Белые не умеют делать подарки. Это подлая, расчетливая раса. Что хочет получить взамен белая женщина?

— Белая женщина уже вознаграждена за свой подарок выпавшей на ее долю честью принимать в своем доме великого Сваниссита, вождя Союза пяти племен.

— Значит, белую женщину не испугал приход жестоких ирокезов? — спросил Сваниссит.

— Нет, я очень испугалась... Приход великих ирокезских воинов поразил меня. Ведь я всего лишь слабая женщина, которая была бы не способна защитить себя.

Произнося это, она смотрела прямо в лицо Уттаке. Она думала, что он один поймет ее намек. Но Сваниссит, должно быть, прослышал о злоключениях Уттаке, которому чуть не перерезала горло белая женщина, или же он просто был ясновидцем. Он разразился громовым смехом, оскорбительным для великого вождя могавков, он хлопал себя по бедрам и бросал на него насмешливые взгляды. Анжелика видела, что он переходит границы, унижая Уттаке. Пока не поздно, она решила прекратить эту сцену.

— Однажды, — сказала она, — я видела сон. Как будто я была у ручья, на холме, солнце уже начало садиться, враг выследил меня и бросился на меня с томагавком. Тогда, отправляясь на холм, я взяла с собой кинжал, ведь сны часто сбываются...

При слове «сон» индейцы сразу стали серьезными. От ненависти, насмешек, недоверия не осталось и следа.

— Говори же, — сказал Уттаке глухим голосом. — Говори, о белая женщина, поведай нам о твоём сие.

Они подошли к ней и склонились, как дети, которые ждут продолжения волнующей и страшной истории.

В этот миг дверь с грохотом отворилась и на пороге появились Никола Перро, Пон-Бриан к Мопертюи в сопровождении вооруженных солдат. Они готовы были к тому, что увидят ее лежащей на полу с пробитым черепом. Видя, что она жива и невредима и вполне мирно беседует с двумя грозными ирокезами, они растерялись.

— Сударыня, — пробормотал Пон-Бриан, — вы, вы не...

— Нет, как видите, я жива, — ответила Анжелика. — Что вам угодно?

— Нам сказали, что сюда проникли ирокезы...

— Вот они... Они пришли узнать, как чувствует себя их питомец, и принесли ему оружие. Мне показалась очень трогательной такая забота.

Никола Перро не верил своим глазам, видя, что Анжелика как ни в чем не бывало стоит рядом с этими угрюмыми и страшными воинами.

— С той самой минуты, как я встретил вас в Ла-Рошели, вы не перестаете удивлять меня! Что ж, если у вас все так мирно кончилось, простим их дерзкий налет.

Затем он обратился на языке ирокезов к двум вождям, и Анжелика смутно поняла по их мимике, что Перро приглашает их на пир с белыми.

Но индейцы отказались.

— Они говорят, — перевел Перро, — что будут пировать только с Текондерогой и только тогда, когда все французы из Квебека уйдут отсюда. Они вас приветствуют, сударыня, и говорят, что еще придут к вам.

Приняв горделивую осанку, вожди медленно удалились. Солдаты провожали их до самого выхода из форта. Потом ворота за ними закрылись.

Глава 7

Господи, когда же они уедут отсюда, уедут все до единого? У Анжелики больше не хватало сил ждать. Ей так хотелось, чтобы в Катарунке остались только свои, чтобы кончились наконец все эти волнения и муж принадлежал только ей. Тогда она спрятала бы голову у него на груди, припала бы к нему, как к живительному источнику, впитала бы в себя хоть долю его силы и вновь обрела бы покой. Ибо она видела, что Жоффрей спокоен и тверд. Он не ведал, что такое страх. Он не испытал его, даже взглянув в лицо смерти, даже когда шел на пытки. Он знал, что будущее не обещает ему легкой жизни, и делал все зависящее от него, чтобы предотвратить грядущие опасности. Но будущее и вообще все, что относилось к области домысла, мало тревожило его. Он был прежде всего человеком дела и жил настоящим. Факт, осязаемый реальный факт — вот что было для него главным.

Сделав для себя это открытие, Анжелика ужаснулась — никогда она не сможет понять этого человека, но вместе с тем только этот человек и мог успокоить ее измученную тревогой душу. Он оставался невозмутимым, когда кругом бушевали страсти, но Анжелика чувствовала, что, если все это продлится еще несколько дней, ее нервы не выдержат. Ее лихорадило, в ней все было напряжено: страх, тревога, надежда, сменяя друг друга, налетали на нее, как порывы капризного ветра.

С того самого дня, когда она привела за собою с холма Уттаке, что-то изменилось. Теперь окружающие смотрели на нее другими глазами. Неожиданно для себя она оказалась в самом центре драматических

событий, о существовании которых еще совсем недавно даже не подозревала.

Анжелике казалось, что она начинает понимать Новый Свет, входит в его жизнь, его конфликты и страсти понемногу захватывают ее.

«Они уедут, — твердил Жоффрей. И голос его звучал так уверенно, что оставалось только ждать. — Они уедут, и мы останемся одни в своем форте».

Действительно, каноэ все чаще отрывались от речного причала. И наконец наступил день, когда сам граф де Ломени сошел в лодку, последним покинув берег.

События развернулись не так, как он представлял себе, направляясь с экспедиционным отрядом в Катарунк, но он нимало не сожалел об этом.

Он смотрел на провожавшую его чету, которая была для него неким символом того, о чем он сам мечтал в жизни и в чем ему, рыцарю Мальтийского ордена, было навсегда отказано. Вдали мирно паслись лошади. Весело стрекотали кузнечики.

— Итак, я оставляю вас одних, — сказал полковник.

— Весьма признателен вам за это.

— А если ирокезы не поверят в ваши добрые намерения? Если они не устоят перед соблазном получить ваши скальпы и разграбить форт?

— На то воля аллаха! — сказал де Пейрак по-арабски. Де Ломени улыбнулся, он ведь тоже не один год провел на берегах Средиземного моря...

— Велик аллах!

Он махал им шляпой до самого поворота реки.

Глава 8

Только теперь, когда они, наконец, остались одни, и начиналась их жизнь в Катарунке.

Они были одни, они не принадлежали ни к какой нации, не представляли никакого короля. Когда ирокезы придут к ним за миром, они будут обращаться к де Пейраку как к монарху, говорящему от собственного имени.

Еще было трудно поверить в чудо, что французы ушли. Но вечером «в семейном кругу» они праздновали победу и то, что отстаивали свою независимость. Со всех сторон к де Пейраку тянулись пенящиеся вином кубки, все славил мудрость своего командира, который снова вывел их из бедственного положения.

Этой ночью, преисполненная благодарности к мужу, спасшему им жизнь, Анжелика горячо отвечала на его ласки, а он теперь, когда опасность была позади, словно вознаграждал себя за все пережитое.

Для встречи ирокезов де Пейрак облачился в роскошный камзол из пурпурного бархата, расшитый серебряной нитью и жемчугом. На его черных кожаных сапогах сверкали серебряные шпоры. Опершись на серебряный эфес шпаги, он стоял у ворот форта и ждал прихода парламентаров.

Слева от него, сверкая на солнце кирасами и шлемами, застыли с алебардами в руках шестеро испанцев — его личная охрана; справа по стойке смирно замерли шестеро его бывших матросов в желтых казакинах, отделанных красным шелком, и красных штанах, заправленных в светло-коричневые сапоги. Де Пейрак заказывал эту форму севильскому портному как парадную ливрею для слуг своего дома. Вот только случай пощеголять в этой форме представлялся редко.

Такое великолепие не очень-то вязалось с простотой и дикостью жизни в Северной Америке. Обычно на ее берега высаживались люди в рубахах на голое тело. Многие из них бежали из Европы, спасаясь от религиозных преследований: пуритане из Англии, гугеноты из Франции; и у тех же супругов Жонас не было ничего за душой, кроме жалкой котомки с пожитками.

Жоффрей де Пейрак приехал в Новый Свет разбогатевшим. Он мог позволить себе устроить подобный спектакль. Ирокезы, поднимавшиеся сейчас к форту, были потрясены сверканием доспехов, серебра, переливами ослепительно-ярких красок на фоне золотого убранства осени.

Сваниссит шел, перекинув через плечо ружье с перламутровой инкрустацией на прикладе. Ирокезов было пятеро: Сваниссит, Уттаке, Анхисера, Ганатуха и Онасатеган. Полуголые, изможденные голодом люди в набедренных повязках, украшенных бахромой, которая развевалась на ветру. Онасатеган был вождем онондагов, Ганатуха — одним из самых доблестных воинов племени онеидов, а Анхисера должен был говорить от имени кайюгов, поскольку их вождь был его родным братом.

Самые почитаемые, самые достойные люди Священной долины пришли в этот день в Катарунк, чтобы заключить союз с Человеком Громом, они решились на этот шаг, потому что любили свои народы, но сердца их терзались сомнениями, которые они скрывали под маской высокомерия.

Глядя на них сверху, Анжелика пыталась отгадать, какие же чувства в действительности владеют ими. Ей были понятны их недоверие, тревоги, боль. Ведь Сваниссит сказал им: «У ирокезов нет былой силы. Чтобы выстоять, нам придется заключить союз с белыми». От того ли, что жизнь вождя Уттаке

мгновение держалась на острие ее кинжала, или после той истории с черепахой, Анжелика чувствовала, что неуловимые нити связывают ее с ирокезами.

Утром они с Онориной извлекли самые красивые жемчужины из «коллекции» девочки.

— Мы их подарим старому Сванисситу, если вдруг он снова пожалует к нам. Это такой уважаемый человек.

— Да, я его тоже очень люблю, — заявила Онорина. — Помнишь, как он жалел того мальчика. Мама, а почему он уехал с французами? Он хотел научить нас стрелять из лука.

Анжелика не могла ей ответить, что с удовольствием оставила бы у себя ребенка, но ей никто этого не предложил.

Поднявшись до середины холма, ирокезы увидели приготовленные для них графом де Пейраком подарки, среди которых был очень ценный пояс — вампум. Когда ирокезы разобрали, что означают узоры на нем, они пришли в восторг. Они рассматривали его, качали головами и удовлетворенно повторяли: «Хорошо! Хорошо! Очень хорошо!»

Сваниссит напомнил вождям, что еще совсем недавно этот вампум принадлежал абенакам и считался их самым большим сокровищем. С каким же уважением великие племена Юга должны были относиться к Человеку Грому и как они должны были ценить союз с ним, если вручили ему этот вампум!

При мысли, что теперь он передает его в их владение, сердца ирокезов наполнились великой радостью. Теперь это была их собственность! Сванисситу уже представлялось, как он пройдет по деревням, населенным племенами Длинного Дома, неся перед собой на вытянутых руках это сокровище. Заранее предвкушая восторг и ликование своего народа, старый вождь содрогался от счастья.

Ирокезы сложили на землю луки, колчаны, отделанное перламутром ружье Сваниссита и трубку из красного камня — их единственную, совсем скромную, грубо высеченную трубку; красный камень был холоден как лед — из нее не курили уже многие месяцы... Они положили ее и невольно вздохнули, заметив среди других подарков, лежащих на тисненых кожах, связки сухих листьев душистого виргинского табака, от которого приятно защекотало в носу. Какое счастье, что осталось недолго ждать, когда, сидя у огня и обмениваясь заманчивыми взаимными обещаниями, можно будет, наконец, выкурить трубку.

Но в предвкушении этого блаженства они не должны были забывать о всех сложных ритуалах, сопровождавших столь важные переговоры, от которых зависело все будущее ирокезского народа.

Анжелика призналась мужу, что ей очень бы не хотелось присутствовать на сегодняшней церемонии. Хотя она немало способствовала приближению этих переговоров, она считала, что ее присутствие на них отнюдь не обязательно. Убеждая мужа, она сказала, что, как объяснил ей Перро, женщины, хотя по законам ирокезов они и имеют право голоса, никогда не присутствуют на совете мужей, а за них выступают там их посредники, чаще всего кто-нибудь из юношей. Кроме того, ее с самого утра мучает мигрень, и ей даже подумать страшно, как вынесет она эти несколько томительных часов сидения с индейцами.

В конце концов Жоффрей согласился, ответив, что, если сами вожди не потребуют ее присутствия на переговорах, она может удалиться. Честно говоря, ее больше всего пугала мысль снова оказаться рядом с Уттаке. Со Сванисситом она чувствовала себя легче и даже попросила Никола Перро передать старому вождю несколько венецианских жемчужин, которые они приготовили утром с Онориной.

Увидев, что стороны обменялись приветствиями и сейчас начнутся переговоры, она незаметно вернулась к себе и провела вечер со своими друзьями и детьми; время от времени к ним кто-нибудь приходил и рассказывал, что происходит на переговорах.

Оттого что Сваниссит был безумно голоден, а с кухни доносились дразнящие воображение запахи, искушая его желанием скорее оборвать свои речи, он из гордости и самолюбия продолжал говорить; и хотя его красноречие давно перешло все границы человеческого терпения, де Пейрак спокойно внимал ему.

Сначала он на все лады повторял, что сегодня с ними здесь нет Тахутагета, потому что он оставил его во главе своих войск. Одни отряды находятся неподалеку, в лесу, другие начали переправляться через реку ниже по течению. Их много, очень много, наверно, целая тысяча, французы из Квебека даже не представляют, сколько воинов у Сванмссита.

И если он, Сваниссит, только узнает, что Человек Гром хочет обмануть его, что все его обещания были лживыми, что он старается ослабить ирокезов, склоняя их закопать томагавк войны, чтобы французам было легче разгромить их, пусть пеняет на себя! Ирокезы не уйдут из Катарунка, не насладившись мстью. Кое-кого они поджарят, кое-кому «поправят прически».

— У вас тут есть хорошие шевелюры, — сказал он. — И у тебя, и у твоих сыновей, и у твоей жены. Нет-нет, сам я не стану снимать с нее скальп! — вскричал он, словно уже наступил момент действовать. — Я тебе уже говорил, и ты должен это запомнить: ни разу в жизни я не убил и не снял скальпа с женщины или ребенка. Я так и умру, не взяв на душу этот грех, не нарушу древних законов наших предков. Но наши молодые воины забыли эти законы, — добавил он, с презрением взглянув на своих собратьев, хотя все они уже были люди в возрасте. — Они всему учатся у белых, они

перестали уважать тех, кто дает им жизнь, от кого зависит все будущее, они дошли до того, что прибивают скальпы убитых женщин у входа в свои вигвамы. Скоро ирокезы станут такими же подлыми и бесчестными, как и вы, белые.

Де Пейрак невозмутимо выслушал весь поток угроз и оскорблений. Он понимал, что эти злобные излияния скрывают лишь неуверенность Сваниссита, и постарался успокоить его. Не известно, сколько еще продолжались бы их разглагольствования, если бы вдруг не испортилась погода. Налетел порывистый ветер, над рекой и озерами поднялся густой туман, стремительно нахлынув на землю, он затопил ее до самых горных вершин.

Пришлось срочно собирать разложенные на земле подарки, оружие и нести их в форт.

Там в зале уже пылал жаркий огонь в очаге. Столы ломились от яств. Жирное мясо, благоухающий вареный маис, маринованные ягоды ждали гостей. В воздух поднялся голубой дымок табака, и прозрачная влага наполнила кубки.

По велению графа вход в этот рай был разрешен лишь испытанным мужам, закаленным флибустьерскими оргиями и языческими пиршествами.

Флоримон и Кантор в их число не попали, юношей отослали во флигель, где за праздничным столом собрались женщины, дети и все те, кто не выносил излишеств в спиртном.

Анжелика от всего сердца рассмеялась при виде растерянных и смущенных физиономий своих сыновей. Вскоре к их компании присоединился бретонец Жан, который храбро признался, что он не большой любитель водки и его пугают порции вареной медвежатины, а когда он наблюдает обжорство индейцев, его начинает тошнить.

Так же радушно они приняли и мальтийца Энрико Энци. У него была больная печень, доставлявшая ему много неприятных моментов в жизни, но, так как его товарищам было хорошо известно, как ловко орудует он кинжалом, не многие решились бы посмеяться над ним, когда, пожелтев, он с ужасом отталкивал от себя стакан вина или водки.

Дамы постарались, чтобы вечер в их обществе прошел весело. Было много музыки, играли на флейте и на гитаре, без конца заставляли петь Кантора, и все дружно подпевали ему. К чаю подали оладьи и конфеты из жженого сахара, куда для аромата добавили чуть-чуть аниса.

Мэтр Жонас рассказал страшную историю об оборотне, известную в его родных краях. Несколько раз он внезапно останавливался на полуслове, но совсем не потому, что забывал свою сказку. Напротив, он слишком хорошо ее помнил — в последний раз он рассказывал ее своим двум мальчикам, похищенным иезуитами... Он мужественно довел ее до конца, и интерес, с каким все его слушали, был для него лучшей наградой. Флоримон и Кантор вместе с детьми умоляли его рассказать еще что-нибудь такое же захватывающее.

Потом все разошлись спать. Анжелика посоветовала сыновьям остаться у нее, здесь они лучше отдохнут, чем в большом доме, где сейчас стоит такой гвалт. Завернувшись в одеяла, юноши улеглись прямо на пол, поближе к огню.

Нависший туман клонил людей в сон. Он окутал землю мягким покровом, в котором тонули все звуки, неожиданно раздававшиеся в тревожной тишине ночи.

Со всех четырех смотровых площадок форты часовые тщетно старались разглядеть, что происходит за палисадом, там слышался какой-то скрип, бульканье, вернее, до них долетало сквозь ватное одеяло тумана лишь эхо этих неясных и непонятных звуков. Возможно,

просто у реки истошно квакали лягушки, и в лесу кричал козодой и ухали совы.

Оттого что вокруг форта не было больше вигвамов, ночь казалась еще темней и глуше. В прошлые ночи сквозь туман мерцали огни, тянуло дымком, слышался детский плач. Сейчас все было мертво кругом. Форт Катарунк затерялся в туманной мгле, как потонувший в волнах океана корабль.

Глава 9

Катарунк окутал туман. Туман за окнами. Туман в доме. Ледяной туман висит в воздухе, теплым туманом наполнился дом. Над фортам — густая завеса тумана, сквозь которую с трудом пробиваются мерцающие холодные звезды, комнату застилает голубой туман табачного дыма.

За окном сырой, пронизывающий до костей туман покрывает огромные пространства, он ползет над темной землей, крадется, как дикий зверь, готовый напасть на жилище человека, а в зале, где идет пир, туман пропитан запахом душистого табака; здесь можно курить сколько душе угодно, с оупевшей головой на сытый желудок.

Сваниссит счастлив. Старый сенека наелся до отвала. Он почти не пил: его всегда страшила необоримая, дурманящая власть водки. Он не хотел ни вина, ни пива. Но зато с каким наслаждением запивал он маисовую кашу студеной водой из глубокого колодца, чуть пахнувшей землей! Он так устал от войны и так долго, голодал, что сейчас обилие пищи и выкуренный табак подействовали на него, как горячительные напитки. Старый сенека захмелел, как и все остальные. Ему представлялось, как он приносит ожерелье-вампу на совет матерей и старейшин. Он подумал о полученных подарках, о взаимных обещаниях...

Он думал о Стране Великих Охот, что ждет своего доблестного воина по ту сторону жизни. Сердце его блаженствовало... Ему казалось, что именно такие радости найдут ушедшие в иной мир души. Больше ему нечего было желать! И даже... Вот неожиданность!

Перед ним появился Модрей, тот самый мальчик, которого он когда-то называл своим сыном.

Оскалившись в страшной улыбке, Модрей занес свой нож над головой старого ирокеза.

Глава 10

Далеко за полночь, но рассвет еще и не близился, вдруг заржали кони. За окном кто-то крикнул:

— Медведи!

Жоффрей де Пейрак вскочил и бросился к двери. Хотя обычно он пил, не пьянея, на этот раз, пробираясь меж тел своих сотрапезников, он чувствовал себя не слишком уверенно...

Каким бы выносливым ни был гостеприимный хозяин, не так-то просто выдержать пир с индейцами, да еще по такому случаю, как заключение с ними союза. Уже все потеряли надежду, что когда-нибудь кончатся их речи и они насытят свои желудки... К счастью, терпение де Пейрака было соткано из крепкой нити. К тому же за эту ночь он сильно преуспел в языке ирокезов.

Когда он бежал через двор к воротам, ему показалось странным, что он не слышит звука своих шагов. Вдруг раздался неестественно глухой крик, но он все же узнал голос одного из часовых, испанца Педро Махорке. Почти в тот же миг де Пейрака с такой силой ударили в плечо, что он едва устоял на ногах. Удар был явно направлен в голову, и спас его только защитный рефлекс: почувствовав, что на него замахнулись, он отпрянул в сторону. Вслед за первым посыпались другие удары; в густом тумане, не разбирая, били куда попало. Он хватал чьи-то липкие руки, выкручивал, ломал и стискивал их, так что только кости трещали; он кое-чему научился в восточных портах... Но противник, как стоголовая гидра, был наделен способностью возрождаться до бесконечности. Вот снова удар — теперь уже топором, — который глубоко рассек ему кожу на виске. Все могло бы

кончиться хуже, если б ему снова не удалось ловко увернуться от удара. На губах он чувствовал солоноватый вкус крови.

Отпрыгнув назад, он вырвался наконец из этого клубка змей, все теснее сжимавших его и жаждавших его смерти.

Он побежал вперед, вокруг по-прежнему стояла какая-то непонятная тишина. Его глаза понемногу начали привыкать к темноте, и он смог различить приближавшуюся фигуру; в плотном, туманном воздухе она выглядела огромной и расплывчатой. На этот раз де Пейрак ударил первый, тяжелой серебряной рукояткой пистолета, прямо в лицо. Индеец упал, но со всех сторон снова подступали зловещие тени, готовые наброситься на него.

Рана ослабила де Пейрака. Чтобы скрыться от своих преследователей, он кинулся к реке. Она была где-то рядом. Добежав до берега, он прыгнул в воду.

И, погрузившись в темное ледяное убежище, понял, что спасен. Он словно заново переживал тот побег, когда пятнадцать лет назад ему чудом удалось соскользнуть в Сену с лодки, куда его полуживого погрузили мушкетеры короля.

Его остановил толчок. Схватившись за ветки, он подтянулся к берегу. Холодный розовый свет резанул ему глаза. На минуту ему подумалось, что это луч света, которым его нащупывают в темноте, но тут же сообразил, что это всего лишь розовое сияние утренней зари. С деревьев алмазными подвесками свисали сосульки. Вместо черного покрова ночи вокруг расстилалась сверкающая белизна. И хотя ему казалось, что он не теряет сознания, сейчас он понял, что какое-то время, после того как выбрался на берег, он пролежал в забытьи.

И вдруг его пронзила мысль: «Анжелика! Что с ней? Она в опасности! Что произошло в форте? Как дети?»

К нему тут же вернулась ясность мысли, и, хотя он потерял много крови, вспыхнувшая в нем ярость придала ему почти невероятную силу. Сейчас он был готов к любой схватке, и, как всегда в минуту острой опасности, им овладело полнейшее спокойствие, делавшее его глухим и слепым ко всему, что не вместило прямого отношения к этой опасности.

Медленно приподнявшись, он огляделся. Кругом лежал снег. Так вот откуда эта слепящая белизна, тишина и таинственная приглушенность звуков! Снег выпал ночью на землю, окутанную туманом. Первые же лучи солнца разогнали туман, и теперь все снова сверкало в прозрачном воздухе.

Де Пейрак был довольно далеко от форта. Отсюда он видел остроконечный палисад на высоком берегу и струйки дыма, плавно поднимавшиеся в голубое небо.

Оглядываясь по сторонам, он осторожно пошел вперед, зажав в руке пистолет со взведенным курком. Но кругом не было ни души. Уже поднимаясь на холм, он заметил след человека, ведущий к реке, очень отчетливый на свежем снегу. Чем ближе к форту он подходил, тем больше становилось следов, они вели налево и направо. Значит, форт окружили, прежде чем его захватить. Захватить? Нет, в него проникли без боя. Ведь его самого ранили во дворе.

Наконец, когда он уже вышел на тропинку, ведущую от реки прямо к воротам форта, он увидел лежащее на ней распростертое тело.

Он осторожно приблизился и перевернул тело лицом вверх. У индейца был пробит лоб. И из раны вытекал мозг. Это был тот самый индеец, которого он ударил рукояткой пистолета. Де Пейрак постоял, разглядывая его. И хотя он был не прикрыт и являл собой прекрасную мишень для врага, теперь он знал, что опасаться ему нечего.

Индеец принадлежал к тем, кто нападает только ночью и исчезает с появлением дня. К тем, кто может не бояться умереть в темноте, ибо их душ уже не коснется проклятие предков, к единственным, кто осмелится...

Индеец мог быть только из них, и, наклонившись к убитому, Жоффрей де Пейрак получил этому подтверждение. На груди у индейца что-то блеснуло. Резким движением граф оборвал ленту амулета. Быстро взглянув на него, он бросил его в карман своего камзола.

Затем медленно начал подниматься к воротам Катарунка.

Глава 11

Анжелика долго не могла уснуть. Головная боль не проходила, мучительно давило виски, давило глаза.

Ночью «музыканты», которых привел Никола Перро, чтобы усладить музыкой ирокезских вождей, самозабвенно били в барабаны, трещали в трещотки и нудно дудели в свои деревянные дудки. Розовые отсветы костров проникали через пергамент маленького окошечка.

Анжелике все время казалось, что там вот-вот появится какая-нибудь ужасная физиономия. Индейцы танцевали во дворе вокруг костров и в самом доме. Анжелика представляла себе, какой там сейчас идет пир, как индейцы и белые передают друг другу деревянные миски, полные пшеничной и маисовой каши, политой сверху медвежьим жиром и посыпанной зернами подсолнечника, как режут огромные куски вареной медвежатины и поднимают тяжелые кубки. Временами до нее долетали хриплые, удивительно однообразные крики, заглушавшие пронзительные и назойливые звуки музыки, тогда Анжелика вздрагивала и ей становилось вовсе не по себе.

Она боялась чего-то, и ей очень не хватало мужа.

«Как мне хочется, чтобы ты был сейчас здесь, со мной, — думала она совсем по-детски. — Ты так мне нужен...»

Потом мысли ее начали путаться, и она погрузилась в глубокий сон. Когда она проснулась, вокруг стояла мертвая тишина. И сквозь плотный пергамент в комнату просачивался необычный свет.

У своей кровати Анжелика увидела неподвижную фигуру Уттаке. Он был гол и смертельно бледен. Его можно было принять за изваяние из желтого мрамора.

Склонив голову, он смотрел на нее, и вдруг она заметила, что по его плечу стекает алая кровь.

Чуть слышно он прошептал:

— Женщина, оставь мне жизнь!

Анжелика мгновенно вскочила с постели, скорбная тень индейца тут же исчезла. В комнате никого не было.

«Господи, я, кажется, начинаю сходить с ума, — подумала Анжелика. — Неужели у меня начались видения, как у индейцев?»

Она провела дрожащей рукой по лицу. Сердце бешено колотилось в груди. Она напрягла слух. Что значила эта тишина? В ней было что-то неестественное, она невольно настораживала.

Что-то случилось!

Анжелика стала быстро одеваться. В спешке она схватила первый попавшийся ей под руку плащ, тот самый малиновый, в котором она была на пиру в день прибытия в Катарунк. Она и не предполагала, что именно этот плащ поможет ей спасти человеческую жизнь...

В соседней комнате здоровым сном юности спали ее сыновья. Осторожно приложив ухо к двери комнаты супругов Жонас и услышав их ровное дыхание, она немного успокоилась.

Но окружавшая тишина продолжала тревожить ее. Стараясь не шуметь, она открыла входную дверь, и прямо в лицо ей ударил ослепительно-яркий свет этого утра, пробившийся даже через маленькие, почти непроницаемые квадраты ее окошка. На нее тут же пахнуло холодом, на мгновение ослепнув, она зажмурилась и едва сдержалась, чтобы не крикнуть: снег!

Снег выпал ночью, ранний, неожиданный-негаданный. Мягко падая, он укрыл землю ватным одеялом, приглушившим все звуки.

К утру снежные хлопья приостановили свой безмолвный таинственный танец, но снег создавал ощущение неожиданности и новизны. Кругом все было пусто. Однако белый ковер, застилавший двор, хранил на себе отпечатки множества свежих следов.

Ворота форта были распахнуты настежь, и прямо за ними на земле, как ей показалось, лежал человек. Она бросилась было туда, но в этот самый миг густая полоса тумана напозла на нее сзади, перевалив через крышу дома огромным облаком серого дыма, солнце сразу же скрылось, и Анжелика очутилась в глухой непроглядной мгле.

Раздался пронзительный, какой-то странный крик. Но того, кто кричал, не было видно. Ощупью пробираясь вдоль ограды, она оказалась у Самых ворот. Она вышла из них и теперь уже совсем не представляла, где же она заметила лежащего человека.

Она крикнула. Голос прозвучал глухо, как в подушку.

Внезапно налетевший туман начал рассеиваться, оседая блестящими каплями на землю. На глазах у Анжелики гигантский темный призрак начал превращаться в алый клен, одиноко стоявший у самого входа в форт. Снегу не удалось скрыть его роскошное одеяние. Белоснежная кайма только подчеркнула яркость его красок. Лучи пробивавшегося солнца струились сквозь его пурпурную листву, как через рубиновые витражи.

Когда туман ушел наконец к реке, Анжелика увидела, что по склону холма медленно поднимается человек. Она узнала в нем юного барона де Модрея. Он словно излучал сияние и был прекрасен, как Михаил Архангел.

Его белокурые волосы блестели под индейским убором из перьев и жемчуга. Короткий плащ из лосиной кожи был распахнут, на голой груди сверкал золотой

крест и какие-то амулеты, а в высоко поднятой над головой руке — лезвие длинного ножа. Он шел, подняв голову к форту, и не было слышно его шагов. В его светлых глазах застыло райское блаженство.

Сквозь туман ему явилось дивное видение: женщина неземной красоты, с лилейно-бледным лицом и чудесными зелеными глазами, залитая лучезарным светом, исходящим от алого клена. Светлая и величественная, завернувшись в малиновый плащ, она ждала его, она смотрела, как он приближается к ней.

Потрясенный, он преклонил колени.

— О Богородица, — прошептал он срывающимся голосом, — о Мать Божья, будь благословен этот день! Я знал, что ты явишься мне в час моего торжества!

Он потряс перед ней чем-то темным.

— Вот волосы дьявола! Вот дар, который я обещал тебе! О Богородица... Это скальп Сваниссита...

Снег перед ним расцвел красными цветами. Это падали капли крови...

Вновь налетел туман и Анжелика больше не видела стоявшего перед ней на коленях человека. Но слышала, как он кричит, словно безумец:

— Сваниссит мертв! Слава Господу, слава Всевышнему!

Как слепая, хватаясь руками за воздух, Анжелика добралась до ворот. Она прошла почти через весь двор, пытаясь найти дом, где этой ночью шел пир. Вдруг в нескольких шагах от себя она разглядела широко распахнутую дверь, зиявшую, как черный провал в туманной мгле. Ветер со скрипом раскачивал на кожаных петлях тяжелые створки. Ужасное предчувствие сжало ей сердце.

— Вот он, праздничный зал! — проговорила она, переступив порог.

За столом сидели четверо. Она сразу увидела, что мужа среди них нет. Это были ирокезские вожди: Сваниссит, Анхисера, Онасатеган и Ганатуха. Упершись лбами в стал, они, казалось, спали после бурного пира. В зале, куда забрался туман, пахло сыростью. Огни не горели. В зловещей тишине Анжелика вдруг услышала звук, заставивший ее похолодеть. Звук медленно падавших тяжелых капель, словно обрывавшихся с потолка мрачной пещеры, в которую просачивается вода.

Не все ли равно теперь было, что погасли огни, что в открытую дверь ворвался холод!.. Те, кто сидел здесь, не нуждались больше в тепле. Они спали вечным сном со снятыми скальпами, в луже крови, стекавшей каплями на пол.

Тошнота подступила к горлу Анжелики.

Даже безумная тревога, которую она испытывала за судьбу мужа, померкла перед ужасом и позором случившегося.

Ирокезские вожди были убиты за столом пригласившего их хозяина, под крышей Жоффрея де Пейрака.

Анжелика услышала за своей спиной какое-то движение и стремительно обернулась, схватившись за рукоятку пистолета.

Перед ней стоял Никола Перро. Он чесал голову под шапкой и смотрел на нее обезумевшими глазами. Он тоже увидел убитых индейцев, но у него не хватало сил разразиться проклятиями, вертевшимися на языке.

— Мессир Перро, кто это сделал? — спросила она почти беззвучно. — Вам известно, кто это сделал?

Он покачал головой.

— Где мой муж?

— Его ищут.

— Что же все-таки произошло?

— Ночью мы сильно напились, — ответил Перро. — Когда я вышел во двор, меня ударили по голове... Я только что пришел в себя...

— Кто вас ударил?

— Ничего толком не знаю... Но готов держать пари, что это дело рук сагамора Пиксарета и его бешеных воинов...

— А откуда здесь взялся Модрей? Я только что видела его у форта...

Перро сказал, глядя на ирокезов:

— Здесь не хватает одного... — И, будто не веря своим глазам, он пересчитал убитых. — Да, одного не хватает. По-моему, нет Уттаке. Должно быть, ему удалось бежать.

— Каким образом они проникли в крепость и застигли вас врасплох?

— Им открыли ворота. Часовые решили, что возвращаются французы...

— Но что с Жоффреем? Боже мой, где же он? Пойду разбужу сыновей.

Анжелика снова пересекла двор; в тумане, глушившем все звуки, он казался безмолвной пустыней. На каждом шагу ее подстерегала опасность. Сквозь пелену тумана она разглядела стену кладовой, остановившись, она прижалась к ней, держа пистолет наготове, так как ей послышался какой-то неясный звук.

Звук повторился.

И тут же, вздымая снежную пыль, что-то медленно сползло с драночной крыши и тяжело рухнуло прямо под ноги Анжелике.

На снегу неподвижно лежал мертвенно-бледный Уттаке. Выждав минуту, она наклонилась к нему. Он чуть заметно дышал. Его ослабевшие руки, видимо, только что выпустили конек крыши, за который он держался столько часов подряд.

Глаза ирокеза приоткрылись. Губы чуть дрогнули. И Анжелика скорее угадала, чем расслышала, те же слова, что он сказал ей на берегу ручья и сегодня повторил во сне:

— Женщина, оставь мне жизнь!

Она подхватила его под мышки и, с трудом сдвинув с места, поволокла по снегу. Уттаке был страшно тяжелый, да и руки скользили по его смазанному жиром телу.

В кармане платья Анжелика нашла ключ от кладовой, она открыла замок и, оттолкнув локтем створку двери, втащила туда раненого ирокеза. Уложив Уттаке в самом дальнем углу, она набросила на него сверху несколько старых мешков. Потом вышла из кладовой и стала запирать дверь.

Вдруг она почувствовала, что за ее спиной стоит кто-то и наблюдает за ней.

Она обернулась и чуть не подскочила на месте. Перед ней стоял индеец; и она тут же узнала в нем вождя, одетого в медвежью шкуру, которого несколько дней назад видела во дворе у переносного алтаря. Он был действительно гигантского роста, но необыкновенно худ. Его густые волосы, смазанные жиром, были украшены крупными деревянными четками, а по обеим сторонам лица болтались косы с привязанными к ним лапами рыжей лисицы. Бляхи, амулеты и крестики, в несколько рядов обвивая шею, спускались на татуированную грудь.

Он смотрел на Анжелику, наклонив голову и хитро сощурив глаза. Потом начал медленно подходить к ней. От беззвучного смеха его белоснежные острые зубы обнажились — передние, резко выдаваясь вперед, делали его похожим на злобную белку.

Но Анжелике почему-то не было страшно.

— Ты сагамор Пиксарет? — спросила она.

Как и все индейцы, постоянно общавшиеся с французами, он должен был понимать французский язык, а быть может, даже и говорил на нем.

Он утвердительно кивнул.

Тогда она встала между ним и дверью, чтобы не дать ему проникнуть в кладовую. Ей не хотелось пускать в ход оружие. Вот если бы удалось как-то отвлечь его, помешать ему прикончить раненого. А что если заключить с ним сделку?.. Сбросив с плеч свой великолепный малиновый плащ, она сказала:

— Возьми... Это тебе... Твоим покойным предкам... Плащ Анжелики заморозил индейцев. О нем уже шла молва на берегах Кеннебека. Они мечтали заполучить его, ведь их все время заботила мысль о покрове, достойном их предков. Сколько католических священников приняли мученическую смерть лишь потому, что не пожелали расстаться со своими парчовыми ризами.

В такую минуту только подобный жест мог отвлечь внимание индейца. Он с восторгом уставился на яркий шелк, переливавшийся, как утренняя заря. Индеец недоверчиво протянул руку, жадно схватил плащ, развернул его, а затем, торопливо скомкав, прижал к груди.

Он взглянул на запертую дверь, на Анжелику, снова на дверь. Как раз в это время, одолев, наконец, туман, выглянуло солнце, сверкнув лучами, оно осветило двор, постройки, палисад, и снег тут же начал оседать.

Увидев, что происходит у дверей кладовой, Перро стремительно бросился на помощь к Анжелике. Но патсуикет уже убежал, прижав к себе драгоценную добычу; как огромная белка, он перемахнул через ограду и был таков.

Как раз в этот момент, добравшись до форта, Жоффрей де Пейрак входил в ворота. Заметив мужа,

Анжелика, не помня себя от радости, бросилась к нему и, целуя его, со страхом заметила, что он ранен.

— Слава богу, вы живы! — воскликнул он, сжимая ее в объятиях.

— Вы ранены?!

— Пустяки... Что с детьми? Где они?

— У них все в порядке. Мне кажется... среди нас... вообще нет убитых.

Де Пейрак посмотрел в сторону дома, там, у открытых дверей, уже начал собираться народ. Он направился туда, охваченный, так же как недавно и Анжелика, предчувствием случившейся беды.

Остановившись на пороге, он увидел застывшие, словно восковые, фигуры индейцев, которые сидели, уронив свои окровавленные головы на не убранный после пиршества стол.

В его черных глазах вспыхнула бешеная ярость, и сквозь стиснутые зубы вырвалось, похожее на стон:

— Проклятие! Пусть будет трижды проклят сделавший это!

— Это, конечно, патсуикеты, — с уверенностью в голосе сказал Никола Перро.

— Да, я знаю... Я знаю, кто предал нас, кто ворвался сюда под покровом ночи. Они оставили вещественное доказательство...

Он вынул из кармана промокшего камзола амулет, сорванный с груди убитого патсуикета, и все увидели, как на его ладони блеснул маленький золотой крест.

— Крест! — воскликнул он с горечью. Неужели нет в этом мире места, где я бы мог взяться за дело, не споткнувшись о крест!

— Мессир граф, не богохульствуйте, умоляю вас, — побледнев, вскричал Никола Перро.

— При чем тут богохульство! Это все рассчитано заранее. Он мрачным взглядом обвел всех собравшихся здесь людей. В нем все клокотало от едва

сдерживаемого гнева. Никто — даже они, его верные товарищи, его братья — не поймет значения тех страшных, кощунственных слов, что готовы сорваться с его языка. Никто, кроме нее. Потому что она пострадала от тех же врагов, что и он, и так же, как он, до конца испила чашу страдания. Он горячо обнял ее, почти с отчаянием глядя в прекрасное бледное лицо с прозрачными глазами.

Вместе с ним ее отверг мир верующих и праведников; оттого, что она любила его, еще совсем юной, ее заклеили печатью проклятия, и вдруг его осенило, что она стала как бы его двойником, единственным существом на свете, подобным ему.

— Да, это, конечно, дело рук патсуикетов, — сказал Мопертюи, чтобы только нарушить тягостное молчание. — Они не могут спокойно видеть ирокезов, чтобы не вцепиться им в глотку. Когда они узнали, что тем удалось...

— Да, на такое решиться могли только они... Только индейцы-фанатики могли осмелиться проникнуть в форт ночью и устроить резню. Фанатики, доведенные до исступления. Такие, как патсуикеты. Они достаточно приобщены к христианству, чтобы не бояться существующего у индейцев поверья, согласно которому воин, убитый ночью, будет вечно блуждать во мраке. Они настолько уверены в мистическом всемогуществе Черного Платя, что им и в голову не приходит усомниться в его словах, когда он утверждает, что убийство одного англичанина или ирокеза обеспечит им рай.

— Вы имеете в виду отца д'Оржеваля? — в один голос воскликнули Перро и Мопертюи. — Это невозможно, он — святой...

— Этот святой сражается за своего бога. Он уже давно интересуется меня. Папа и король Франции послали его в Акадию, поставив перед ним единственную

задачу: поднять абенаков на священную войну против еретиков-англичан и всех скрытых врагов католиков и французов. Именно отец д'Оржеваль обратился за военной помощью в Квебек и повелел захватить мой форт. Когда он понял, что ваши мирные соглашения с графом де Ломени сорвали его планы, он решил нанести окончательный, роковой удар... Для подобных целей он не впервые прибегает к помощи патсуикетов. И вот теперь, — продолжал де Пейрак глухим, срывающимся голосом, взглянув на крест, сверкающий у него на ладони, — теперь благодаря ему мои руки запятнаны кровью и предательством. вспомните, Перро, как вел себя старый Тахутагет, коща он впервые пришел к нам для переговоров. Он колебался. Мучительно колебался, потому что Уттаке их убеждал, что союз с белыми невозможен. Но ирокезы все же решились довериться белому человеку... убедили себя, что он не предаст их. Что я могу сейчас им сказать? Отныне мой дом осквернен неискупимым преступлением...

Его голос дрогнул. И Анжелике, на плече у которой все еще лежала его рука, показалось, что, произнеся эти слова, Жоффрей внезапно на что-то решился. Он как-то вдруг успокоился, к нему вернулось его обычное самообладание, и он еще раз медленно повторил: «Мой дом осквернен...». Задумавшись, он стоял, сосредоточенно глядя в одну точку.

— Уттаке бежал! — промолвил Перро.

— Тем хуже! Он доберется к своим воинам, и уже завтра они будут здесь. И нам придется или уничтожить их, или погибнуть самим. Где люди, стоявшие ночью в дозоре?

Жак Виньо и двое испанцев вышли вперед.

Француз рассказал, что в два часа ночи, когда их вахта уже кончалась, за палисадом вдруг раздался голос... Кто-то, говоривший по-французски, просил

открыть ворота графу де Ломени, которому якобы пришлось вернуться назад. Накануне они так по-доброму распрощались с французами, что теперь, не задумываясь, впустили их. В тумане не было видно ни зги. Едва часовые открыли ворота, как на них тут же набросились и крепко связали по рукам и ногам. Вместо полковника де Ломени они увидели барона де Модрея во главе небольшого отряда патсуикетов. Тех, кто к концу пира был еще в состоянии что-то соображать и держаться на ногах и при крике «Медведи!» выбежал из дому, индейцы, пользуясь темнотой, зверски избили.

Выяснилось довольно странное обстоятельство. В этой ночной схватке, отчаянной, молниеносной и безмолвной, никто из людей де Пейрака не был убит и даже серьезно ранен. Создавалось впечатление, что был отдан строгий приказ: европейцев, находящихся в форте, не убивать. Неужели Модрей и Пиксарет проникли сюда только затем, чтобы снять скальпы с вождей ирокезов?

Патсуикеты недооценили силу графа де Пейрака, они не предполагали, что он окажет им такое отчаянное сопротивление. И один из них был убит.

В то время как граф отбивался от индейцев во дворе, а потом, спасаясь от их преследования, бросился вниз, к реке, в прокуренный зал ворвались Модрей и сагамор Пиксарет.

— Я сразу все понял, — рассказывал старый Маколле. — Но что в том толку? Я даже зада от скамейки оторвать не мог. А если бы и мог? Дело тут было тонкое... Модрей такой знатный сеньор, молодой, здоровый и сильный. А кто я? Старая развалина, без гроша в кармане... И к тому же правда-то была на его стороне, он пришел отомстить Сванисситу, который вырезал всю его семью. Когда Сваниссит увидел его, он тоже сразу все понял, но он к этому времени так отяжелел, что не мог двинуться с места... Анхисера и

Ганатуха тоже совсем ошалели, а Онасатеган вообще ничего не видел, он уже давно храпел. Только Уттаке вскочил с места и дрался с ними как черт, потом он выбил раму и выпрыгнул из окна. Вон поглядите.

Жоффрей де Пейрак провел рукой по лбу. Он задел рану, и она сразу заныла. Это была первая кровь, которую он пролил, завоеывая Новый Свет. Этой кровью он был обязан Этскону Гонси, Черному Платью... И он знал, что она была не последней. Приказ не трогать европейцев был всего-навсего хитрой уловкой. Они все также были обречены. Разве могут индейцы не отомстить за это предательское убийство?

Несмотря на все усилия де Ломени и де Пейрака, несмотря на всю дипломатичность и терпение, которые они оба проявили как честные люди, чтобы отогнать призрак ненужной войны, она вставала перед ними, нелепая, страшная и неизбежная.

Глава 12

Анжелика осторожно проскользнула в кладовую и, остановившись у порога, прислушалась.

Жив или нет Уттаке? А вдруг он сейчас набросится на нее? Все было возможно.

Она подождала некоторое время и, не уловив ничего, что могло бы ее насторожить, ощупью начала пробираться в тот угол, где оставила раненого ирокеза. Ворох старых мешков был на месте.

Когда в зале заметили, что вождя моговков среди убитых нет, она решила промолчать. Прежде чем сказать мужу, что у них есть заложник, надо было убедиться в том, что он жив.

Просунув под мешки руку, Анжелика коснулась упругого вытянувшегося тела. Уттаке был здесь. И хотя он даже не шевельнулся от ее прикосновения, она поняла, что он жив.

Облегченно вздохнув, Анжелика взялась за дело. Она принесла лампу и зажгла ее, поставив на перевернутый ящик. Приготовила флягу с водкой, какие-то мази, корпию — все, что она нашла в скудной аптечке форта, а также бутылку со свежей колодезной водой. Потом сбросила с индейца мешки и теперь в желтоватом и мутном свете сальной лампы увидела его неподвижное, холодное как мрамор тело. Она перевернула его на спину и ближе поднесла лампу.

Ничто не ускользнуло от ее наметанного взгляда, она отметила, как лежат его руки, как опустились углы рта, насколько глубоко запали глаза... Это не заняло у нее много времени.

«Он будет жить», — решила она.

Сколько раз Анжелике приходилось вот так же склоняться к раненым: и в Марокко, и во время

восстания в Пуату. Она снова поставила лампу на ящик и начала более тщательный осмотр. Надо было найти рану, повергшую ирокеза в столь глубокое, похожее на смерть забытие.

Осторожно, почти не дыша, она начала быстрыми движениями пальцев ощупывать его покрытое татуировкой тело. Ее прикосновения были так легки, что, казалось, индеец, лежавший без сознания, не мог их почувствовать. Однако Уттаке открыл глаза. Он увидел профиль склонившейся над ним белой женщины, ее опущенные веки и строго сжатые губы, придававшие ее лицу напряженное выражение. Он ощутил те животворные токи, которые, исходя от ее легких и ласковых рук, проникали в него, возрождали в нем силы.

Вдруг он увидел, что, наклонившись совсем близко к нему, она что-то сосредоточенно разглядывает, словно индеец, заметивший след врага...

— Вот! — воскликнула она.

И покачала головой. Оттянув промокшую от крови набедренную повязку, Анжелика обнаружила в верхней части правого бедра рану, тянущуюся почти до самого паха. Копье, которым целились в живот, чуть отклонилось в сторону.

Бедро было туго перетянута шнурком, остановившим кровотечение. Выпрыгнув из окна, Уттаке сам перетянул себе ногу, чтобы его не могли найти по кровавому следу. Средство действенное, но рискованное, так как не только кожа вокруг раны, но и сама нога посинела и сильно отекала. Медлить было нельзя.

Анжелика снова взяла в руки лампу и внимательно осмотрела рану. Потом решила наконец расслабить шнурок. Показалось немного крови; кровь была алая, и она должна была бы бить ключом. Происходило что-то необъяснимое. Неужели свершилось невозможное? В

этом застывшем теле жизнь побеждала смерть... Каким чудом! Она подняла глаза к лицу раненого ирокеза и вздрогнула, увидев, что он смотрит на нее сквозь косые прорези век. Вот, значит, как велика была его сила внушения! Но почему это ее удивляет? Разве она не знала, что Уттаке обладает этой силой? Она вспомнила о тех непреодолимых импульсах, которые заставили ее в тот вечер пойти к ручью, где он ждал ее, чтобы убить. Теперь она не сомневалась, что он вызвал ее туда заклинаниями.

Она понимала, что Уттаке наделен небывалой, почти сверхъестественной силой, она-то и помогла ему остановить собственную кровь и шаг за шагом оттеснить смерть. Сколько часов, пока он ждал, что белая женщина придет к нему на помощь, он нечеловеческим усилием воли сдерживал смерть, готовую схватить и унести его жизнь. Анжелика недоверчиво снова начала его разглядывать. От него исходил крепкий запах дикого зверя, и, как всегда в присутствии индейца, у нее возникло чувство, что перед ней существо из другого, неведомого ей мира, и сейчас, когда он лежал в полной наготе, она даже с некоторым удивлением увидела, что у него самые обыкновенные руки, на ногах десять пальцев, выпуклые ребра и все остальное, как у всех мужчин.

Она вытерла кровь, промыла рану чистой водой и наложила на нее повязку с целебной мазью.

Потом ловко перевязала ее. От мази отек быстро спадет, и при могучем здоровье Уттаке от этой страшной колотой раны очень скоро останутся одни воспоминания.

Индеец тоже знал, на что способна Анжелика. Он знал, что она поддается его воздействию, но теперь ему было известно и то, что она в состоянии расстроить его замыслы. Он смог заставить ее прийти к ручью, но она пришла туда с кинжалом. В ней была своя сила.

Конечно, потому, что она тоже дружила с Духом Снов. Сила, если и не противоположная его собственной, то, во всяком случае, не схожая с ней, жила в этой белой женщине, пришедшей сюда из далеких земель и от легких прикосновений которой непонятная дрожь пробегала по его телу.

Безмолвно, лишь глядя в глаза другу другу, Анжелика и ирокез узнали, что думает каждый из них. Он представлялся ей существом крайне опасным, одержимым бесом, сущим дьяволом. Она вызывала в нем те же чувства. С каждой минутой они все больше узнавали друг о друге, о возможностях и о силе каждого, и взгляды их все более ожесточались и вместе с тем становились все более понимающими. Это была магическая дуэль. Дуэль двух равных противников.

И кто бы мог подумать об этом, глядя на эту белую женщину, тихо склонившуюся над умирающим дикарем?..

Со стороны казалось: знатная дама самоотверженно врачует страждущего индейца, тогда как на самом деле здесь столкнулись два существа, наделенные одинаковой силой воли, две родственные натуры, которые, сами того не зная, стояли на пороге удивительных событий...

Нахмурившись, Анжелика закончила перевязку, бросила последний сумрачный взгляд на раненого и встала. Из тюков, лежащих на полке, она вытащила три толстые попоны.

Очень осторожно, стараясь не причинять Уттаке боли, она приподняла его тяжелое как камень тело и подсунула под него одну из попон, другой укрыла его до самого подбородка и, свернув третью, подложила ее под голову. Теперь она смотрела на него с удовлетворением. Уттаке стал похож на настоящего раненого, беспомощного, покорного больного. У нее хватило мужества, подсунув руку ему под затылок,

покрытый липкой коркой из волос и растрепанных перьев, приподнять его голову и поднести к губам бутылку с водой. Окаменевшее лицо Уттаке чуть оживилось. Он пил жадно, словно ребенок. Потом глубоко вздохнул.

Когда Анжелика опустила его голову, она увидела, что его глаза закрыты. Она с ужасом подумала, что он умер, но, приглядевшись, поняла, что он просто спит.

Глава 13

До самого вечера Анжелика ждала подходящего момента, чтобы поговорить с мужем. Полдня де Пейрака не было в форте. Остальное время он провел в совещаниях с Никола Перро и Мопертюи. У Анжелики было впечатление, что те сначала проявляли нерешительность, но потом графу видимо, удалось их убедить, и теперь они все вместе горячо что-то обсуждали. Анжелика волновалась, было не похоже, что де Пейрак готовится к обороне форта.

А ведь со дня на день, если не с часу на час, надо было ждать появления ирокезов. Между тем ворота по-прежнему были открыты, люди де Пейрака как ни в чем не бывало спокойно расхаживали по двору. Правда, несколько раз он ненадолго собирал их, отдавал какие-то распоряжения, и они тут же отправлялись их выполнять. На холме за фортом и на берегу реки непонятно для чего вырыли ямы, но вряд ли то были оборонительные укрепления.

Анжелика заметила, что Флоримон что-то мастерит, сидя на ящике в углу двора; подойдя к нему, она увидела, что юноша набивает трубки из толстого картона смесью серы, хлората и окиси меди.

— Что это ты тут делаешь?

— Петарды...

— Ну и время нашел!

— Выполняю приказание отца.

— Для чего они ему?

— Не знаю. Но видимо, они ему понадобятся...

Анжелика посмотрела вокруг. За несколько часов снег растаял, покрыв блестящими капельками росы траву и листья.

— Флоримон, тебе что-нибудь известно о намерениях отца? Ворота все еще открыты. А ведь ирокезы могут появиться в любую минуту.

— Отец выслал разведчиков, они следят за ними и сообщат нам об их приближении.

— Все-таки что же он собирается делать?!

— Не знаю. Но вы не волнуйтесь, матушка. Положение наше, конечно, очень серьезное, но отец сумеет найти выход и из него.

Такова была общая магическая формула. Все твердили:

«Наш отец... наш хозяин сумеет найти выход из любого положения».

Когда на лице де Пейрака появлялось то особое сосредоточенное, так хорошо знакомое им выражение, все понимали: вопросы сейчас излишни, следует только повиноваться. Но Анжелика, слишком много перестрадавшая, знала, что в жизни даже он не всегда, к сожалению, может найти выход. В глубине души она до сих пор не могла забыть и простить ему, что в то далекое лето он недооценил своего врага, не рассчитал, что удар может быть нанесен мгновенно, и не предотвратил его. Правда, враг был чрезвычайно опасный, чрезвычайно галантный и коварный — сам всемогущий король Франции, Людовик богоданный, XIV. Граф Жоффрей де Пейрак пренебрег тогда опасностью, заглушил в себе голос разума, подсказывавший ему немедленно бежать. Он хотел провести последнюю ночь с ней, со своей женой, Анжеликой. Людовик XIV ударил внезапно, как молния. И жизнь их была разбита.

И даже сейчас ей порою приходилось рассчитывать только на собственные силы, и как часто, увы, она вынуждена была признать, насколько они ограничены.

Анжелика постоянно была настороже. В любом событии она прежде всего старалась предугадать опасность и тут же начинала изыскивать средства,

чтобы избежать ее. Де Пейрак смотрел на жизнь другими глазами, он верил в удачу и действительно считал, что даже из самого трудного положения всегда можно найти выход. Анжелике оставалось только завидовать его оптимизму.

И сейчас де Пейрак был спокоен. Однако он чуть не потерял свое спокойствие, когда, наконец, улучив минуту, Анжелика сказала ему, что вождь могавков жив и что из-за тяжелого ранения он не мог добраться до ирокезов и призвать своих братьев к мщению. Уттаке в их руках, здесь, в Катарунке, ей удалось спасти его жизнь, и сейчас она выхаживает его.

— Где же вы были раньше? Что же вы молчали? — вскричал де Пейрак, едва сдержавшись, чтобы не ударить кулаком по столу. — Известие, по-моему, заслуживает внимания. Оно может в корне изменить все планы. Впрочем, что значит изменить! Вы даже не представляете, как оно облегчает нашу судьбу! Теперь я почти уверен, что все мои замыслы осуществятся и все произойдет именно так, как я задумал.

— Нельзя ли узнать, на что вы решились?

— Пока нет.

— Вы собираетесь защищать форт? Нам придется сражаться?

— Да! И возможно, до последнего... Мы хорошо вооружены и смогли бы одолеть их войско. Но наша победа над ними одновременно явилась бы и нашим поражением, они все равно не дали бы нам здесь житья, и рано или поздно нам пришлось бы покинуть эти места. Я предпочитаю пойти другим путем.

— Каким же?

— Пока я не могу сказать вам ничего.

— Конечно, я слишком глупа, чтоб оценить ваши планы! — с гневом и обидой воскликнула Анжелика. — Вы забываете, что я тоже командовала военным отрядом... Вы считаете, что мое место на кухне. Ваше

недоверие ко мне, ваша скрытность приводят меня в отчаяние!

— О! Зато вы удивительно откровенны! Вы так щедры на объяснения своих поступков и чувств!.. Вы даже до сих пор не рассказали мне, что произошло между вами и Уттаке, в результате каких событий, какой неосторожности с вашей стороны вам удалось в тот вечер захватить в плен и привести, как на поводке, самого страшного врага белых. Вы находите, что в этом нет ничего странного? Что это не требует объяснений? Вы куда-то исчезаете, возвращаетесь, если вам заблагорассудится, рискуете жизнью, совершаете удивительные и безумные вещи... И вы, видимо, считаете, что все это не имеет ко мне никакого отношения?.. Вот и сегодня... вы спасли жизнь Уттаке, но вы молчите об этом в течение многих часов, словно я чужой вам человек, к которому вы не смеете подойти. А как вы думаете, в тот вечер, когда эти проклятые французы пожирали вас своими глазами, а вы с таким искусством кокетничали с ними, меня это приводило в восторг? Вам, может быть, кажется, что мне всегда легко и отрадно с вами?

Они почти с ненавистью смотрели в глаза друг другу, потом в их лицах что-то дрогнуло и оба рассмеялись.

— Любовь моя, — сказал Жоффрей, притянув ее к себе, — простите мою резкость. Я слишком люблю вас, и в этом мое несчастье. Я постоянно боюсь, что вы снова ускользнете от меня и что ваша неосторожность погубит вас. Однако признайтесь, что ваша скрытность ничуть не уступает моей... И тем не менее я с каждым днем все больше убеждаюсь, как бесконечно вы мне дороги. Сегодня утром я, наверно, задохнулся бы от отчаяния, не будь вас рядом со мной. Ведь по вашим глазам я видел, что вы испытываете совершенно то же, что и я. Возможно, это и помогает мне держаться. Мы

очень близки друг другу, любимая, может быть даже ближе, чем это вам кажется. Однако я вам ничего не скажу. Пока не скажу, моя радость. Наберитесь терпения, прошу вас. Со мною рядом верные и опытные советники, Перро и Мопертюи, они одобряют то, на что я решился.

Он взял лицо Анжелики в свои ладони, поднял его и заглянул ей в глаза.

— Доверьтесь же мне, дорогая!

Под его ласковым взглядом, которому она никогда не умела противиться, ей оставалось только в знак согласия опустить веки и покориться.

Уттаке открыл глаза. В светлом проеме распахнутой настежь двери он увидел две фигуры. Мужчина и женщина стояли над ним, тесно прижавшись друг к другу. Он снова сомкнул веки, ибо знал, что об эту стену разбивается вся его ненависть.

— Уттаке, я приветствую тебя, — торжественно и печально произнес де Пейрак. — Я принес тебе скорбную весть. Мужайся, брат мой. Этой ночью Сваниссит, Онасатеган, Анхисера и Ганатуха предательски убиты патсуикетами.

— Я знаю. Я все видел.

— Уттаке, я храню в своей памяти все, что мне говорил Сваниссит. Мне известно, что ты его преемник. Я приветствую в твоём лице вождя Союза пяти племен.

Индеец ответил не сразу, и, когда заговорил, голос его звучал совсем глухо:

— Ты позвал нас к себе в Катарунк, пригласил войти в твой дом, и под твоей крышей нас ждало страшное предательство!

— Кто совершил это злодейство? Ты же все видел, скажи мне!

— Барон де Модрей и его проклятые сообщники — патсуикеты, дети Черного Платья.

— Значит, ты знаешь, что моей вины тут нет. Ты должен понять, Уттаке: тот, кто убил ваших вождей, предал и меня! Не заставляй же краснеть от стыда мое лицо, оно и так обагрилось кровью, и кровь эта пролилась тоже по вине патсуикета. Смотри!

И он показал на повязку, стягивавшую его лоб. Казалось, Уттаке колеблется; затем он с трудом приподнялся на локтях, и горькая гримаса исказила его застывшее лицо.

— Какое мне дело до ссор между белыми? — с презрением проговорил он. — Вы все заодно. И я вас всех одинаково ненавижу.

— Лихорадка помрачила твой разум, Уттаке. Что бы ты ответил, если б я стал обвинять ирокезов в преступлении, которое совершили гуроны, только потому, что вы принадлежите к одной расе?

Он замолчал, чтобы дать индейцу время осмыслить его слова, а потом снова заговорил:

— Мужайся, Уттаке! Хорошенько подумай, прежде чем сказать последнее слово... Ты обязан помнить о судьбе твоего народа.

— Мы оставили часть своих воинов в лесу под началом Тахутагета, другие теперь уже начали переправляться на этот берег ниже по реке. Скоро они узнают о том, что случилось, скоро они будут здесь. — Силы оставили его, и он упал навзничь. — Меня ты можешь убить, Текондерога, — побелевшими губами чуть слышно проговорил он, — но не в твоей власти помешать моим братьям отомстить за гибель наших вождей.

— А кто тебе сказал, что я хочу помешать им в этом? — воскликнул де Пейрак. — Народы Длинного Дома, идите же в Катарунк! Идите сюда все племена союза ирокезов! Мстите за своих убитых вождей!

И он удалился вместе с Анжеликой, оставив взволнованного Уттаке размышлять над своими

словами.

Воздух был так сух и прозрачен, что эхо жестокого сражения, которое ирокезы вели с патсуикетами где-то неподалеку от деревни Модезеан, докатилось до самого Катарунка.

Немного позже разведчики донесли, что почти все участвовавшие в битве патсуикеты были истреблены, совсем немногим удалось спастись бегством. И Пиксарет, видя, что остался один, взвалил на свои плечи раненого отца д'Оржеваля и бросился в лес. Несмотря на погоню ирокезов, ему удалось скрыться. Он донес миссионера до Пенобскота, где на острове Нокумбега был французский форт. Судьба Модрея долго оставалась неизвестной.

Победители сожгли дотла деревню, замучили пытками двух пленников. На следующий день они отправились в Катарунк и по дороге узнали о страшной и бесславной смерти своих вождей.

Глава 14

Анжелика, стоя на коленях, перевязывала раненого Уттаке, которого перенесли во флигель, когда в комнату ворвался непонятный страшный рев, одновременно пронзительный и гулкий. Рев нарастал, заполняя все вокруг, потом мгновенно оборвался и замер.

Анжелика взглянула в открытое окно, думая, что приближается гроза или ураган. Но небо было ясное.

Уттаке, сверкая глазами, приподнялся на своем ложе.

Тогда она поняла все и дрожь пробежала у нее по спине.

Это был воинственный клич ирокезов. Он прогремел, и снова воцарилась мертвая тишина. Ни одного выстрела не раздалось ему в ответ.

Закончив перевязывать Уттаке, она аккуратно собрала все медикаменты и корпию и опустила их в свою сумку. Де Пейрак, не вдаваясь в лишние объяснения, приказал всем собрать необходимые вещи, чтобы быть готовыми к любой случайности. В свою дорожную сумку Анжелика положила платье, смену белья и драгоценную шкатулку, где теперь не хватало зеркала, подаренного Сванисситу, и коробочку с драгоценностями Онорины.

Минутами у нее мелькала догадка, каким образом де Пейрак задумал спасти их жизнь, не вступая в бой с ирокезами. Но она тут же отгоняла ее прочь, так как самой ей казалось, что сделать это без кровавой битвы невозможно.

Анжелика проверила висящий на поясе пистолет. Они все были вооружены. Даже у госпожи Жонас был в руках мушкет, который она держала, словно ребенка.

Услышав клич индейцев, все бросились в комнату к Анжелике и сейчас не отходили от нее ни на шаг; и взрослые и дети чувствовали себя спокойнее рядом с ней. Они ждали, застыв в напряженных позах, с оружием и собранными вещами в руках, с опаской косясь на лежавшего в углу раненого ирокеза. От них требовалось совсем немного: когда дадут знак, им надо будет перейти двор и выйти из форта, не показывая своего страха. Что будет дальше, они не знали.

Наконец, в дверь постучали, и в комнату вошли Мопертюи с сыном; подхватив Уттаке, они поставили его, крепко поддерживая с обеих сторон, чтобы он мог держаться на ногах. Следом за ними в великолепном одеянии из красного бархата появился граф де Пейрак.

— Твои братья пришли, — сказал он Уттаке, спокойно натягивая кожаные перчатки с черными крагами, расшитыми серебром. — Они стоят в нерешительности у подножия нашего холма. Сейчас к ним из форта вышел Никола Перро. Он наблюдает за ними сверху, и они не знают, что делать: поразить его стрелой или нет. Ты должен поговорить с ними.

— Какую роль ты хочешь заставить меня играть, Текондерога? — спросил индеец, содрогнувшись всем телом. — Ты же знаешь, если я заговорю, я призову своих братьев к мести.

— Против кого?

— В твоём форте, под твоей крышей, свершилось предательство...

— Увы, это так. Но я искуплю этот позор. Каким образом? Это уж мое дело. Сейчас речь идет о тебе, Уттаке. Ты попросил помощи у белой женщины из Катарунка, у моей супруги, и она спасла твою жизнь. Она бы не сделала этого, если бы мы хотели смерти ирокезским вождям, пойми это. Но есть нечто гораздо более важное... Вспомни, ради чего погиб Сваниссит. Он рисковал всем, лишь бы встретиться со мной и добиться

союза. Сегодня ты — вождь ирокезов. К чему хочешь ты привести свой народ? К миру или полному истреблению?

Де Пейрак был ростом выше индейца, он смотрел на него сурово сверху вниз, словно желая подавить его физически. Сломить непокорную душу Уттаке было задачей почти невыполнимой. Но сейчас от этого зависела их жизнь. Только склонив ирокеза на свою сторону, они могли рассчитывать на спасение.

— Лучше погибнуть! — вскричал Уттаке. — Но знай, ты умрешь раньше.

— Что ж, значит, погибнем все, — невозмутимо ответил граф и затем обратился к старому канадцу, вошедшему вместе с ним:

— Мессир Маколле, вы знаете, что следует делать. Поручаю вам этих женщин и детей. Расположитесь так, чтобы все время видеть Никола Перро. Если он подаст вам знак, вы тотчас же уведете их в форт, а сами приготовитесь к бою.

— Слушаюсь, мессир граф. Я присмотрю за ними.

Де Пейрак еще раз взглянул на ирокеза, которого поддерживали Мопертюи с сыном. Сейчас это был его главный козырь, полученный благодаря Анжелике.

— Дайте ему глоток рома, чтобы он мог держаться на ногах. А теперь идемте все.

Выйдя из дома, он сдернул со лба повязку, рана открылась, и по его лицу медленно заструилась кровь.

Жан Ле Куеннек ждал графа, держа под уздцы вороного коня. Де Пейрак вскочил в седло, поскакал к открытым воротам и через минуту исчез в их светлом проеме.

При его появлении на эспланаде снова раздался оглушительный клич индейцев. У Анжелики так сжалось сердце, что она остановилась, не в силах сделать шага. Но и на этот раз белые не ответили выстрелами.

— Идемте. Смелее, — подбадривал их Маколле. — Уж коль начали играть комедию, надо играть ее до конца. А знаете, разъяренного зверя, уже готового к прыжку, иногда может остановить что-то ему непонятное, что вдруг удивит его... Ведь многие ирокезы и в глаза не видели лошади... Может, вас, сударыня, и не очень устраивает такой кавалер, как я, но не забывайте, что после меня у вас, видно, не будет и такого...

Старик так балагурил и смешил их, что они вышли из форта с веселыми лицами.

Никола Перро был действительно там, он стоял, заложив руки за спину, и спокойно смотрел вниз, где у реки собралось полчище ирокезов. Ветер трепал бахрому, украшавшую его плащ из оленьей шкуры, и острый кончик мехового колпака.

Де Пейрак гарцевал на своем коне перед знаменосцами, словно производил им смотр.

Черные кирасы испанцев сверкали на солнце.

Мопертюи с сыном, поддерживая Уттаке, встали рядом с Никола Перро. Внизу прокатился глухой рокот.

Анжелика взглянула туда и почувствовала, как кровь отхлынула у нее от лица.

Оба берега заполнили грязные, окровавленные, взъерошенные индейцы. На реке было тесно от лодок, челноков и каноэ, а они все откуда-то прибывали и прибывали. Индейцы высаживались на берег, поднимая клубы пыли, и молча устремлялись в сторону Катарунка. Эта толпа, размахивавшая луками и томагавками, производила устрашающее впечатление. Глаза всех были обращены к форту. Там, наверху, они видели своего старого знакомца, Никола Перро, он так часто бывал в Священной долине, так часто плавал по Пяти озерам, что они привыкли его считать своим. Там был и вождь могавков Уттаке... И тут они уже ничего не могли понять... Ведь им сказали, что все их вожди погибли в

Катарунке. При виде графа на его сказочном черном скакуне их охватывал суеверный страх. Они теснились, понемногу наползая на холм, но пока занимали выжидательную позицию.

Жоффрей де Пейрак спешил и, пройдя несколько шагов, встал чуть впереди Перро и Уттаке. Ветер трепал полы его плаща, развевал волосы, кружевное жабо и яркие ленты, прикрепленные к плечу.

Анжелика сжала ручонку Онорины. Она отыскала глазами своих сыновей. Флоримон и Кантор стояли недалеко от нее, торжественно застыв со знаменами в руках. На знаменах золотом, алым и голубым шелком были вышиты языки пламени, стелющегося по ветру.

Она не знала, что это за символ, надо будет спросить у них завтра... Боже, ведь это «завтра» может для них не наступить...

Внешне все были так спокойны, что даже трудно было представить, что через минуту может произойти страшная трагедия.

— Что сейчас будет? — вполголоса спросила Анжелика у старого Маколле.

— Пока что белые и индейцы приглядываются друг к другу. Оценивают обстановку. Что-то решают. Ирокезы растерялись: во-первых, они не знали, что Уттаке жив. Потом, они боятся любых огороженных мест, да и открытых участков тоже, они привыкли к лесу. Кроме того, белые вышли к ним навстречу, чего уж они никак не ожидали. Теперь они окончательно запутались... не знают, что и делать... Видите, кое-кто из них начал танцевать, это они разжигают себя. Вообще ведут себя как кошка, пугающая мышь. Только вот кто кошка, а кто мышь, пока не известно. Спокойно. Они сейчас снова завопят. Не двигайтесь и не показывайте, что боитесь.

Нечеловеческий хриплый вой снова потряс воздух. Госпожа Жонас и Эльвира судорожно вцепились в

Анжелику, и она уже не знала, кого успокаивать в первую очередь — их или перепуганных детей, уткнувшихся к ней в колени: «Не бойтесь, их крик звучит так громко только потому, что они кричат все вместе!..».

На этот раз индейцам ответили. Едва замер их клич, как раздались два мощных взрыва, один на самом берегу реки, за спинами ирокезов, второй где-то среди скал, поднимавшихся над фортом. Огромные каменные глыбы взлетели в воздух и с ужасным грохотом, который тут же повторило и усилило эхо, рухнули на землю. Ветер паники подхватил ирокезов и раскидал их в разные стороны. Одни бросились к ивовой роще, другие — к своим лодкам. Самые отважные пытались сплотиться и уже начали вкладывать стрелы в натянутые луки. Но взрывы следовали один за другим, отвлекая внимание индейцев и не давая им опомниться.

— Что все это значит? — спросил побледневший Уттаке.

— Твои братья приветствовали меня боевым кличем. Я отвечаю им на их приветствие. Разве ты забыл, что я Человек Гром? — И добавил, иронически взглянув на него:

— Чего ты боишься, Уттаке? Чего боятся они? Ведь это просто летят камни.

Вождь моговков пристально смотрел на него.

— Чего хочешь ты от меня?

— Поговорить с тобой и с твоими воинами о возмездии за пролитую кровь.

— Чем можешь ты расплатиться с нами за кровь наших вождей?

— Поговорим, и ты узнаешь...

Уттаке повернулся к ирокезам и на чем свет стоит начал бранить их. Но его ослабевший голос не повиновался ему и звучал слишком тихо. Тогда ему на

помощь пришел Никола Перро, приставив к губам руки, он прокричал:

— Собаки! Шакалы трусливые! Куда вы? Назад! Ведь это просто падают камни. Пусть военачальники выйдут вперед. Мы будем сейчас говорить о расплате за кровь...

Понемногу воины пришли в себя. По всему было видно, что ирокезы склоняются к переговорам. Это уже было большой уступкой. По традиции переговоры полагалось вести сидя и противники не должны были выказывать друг другу враждебных чувств.

Вожди во главе со старым Тахутагетом вышли вперед. Его безобразное, изрытое оспой лицо было сумрачным. Но вслед за ними поднялись и все другие индейцы, они бросились наверх и, затопив склоны холма, расселись и разлеглись прямо на земле. На солнце запах, исходивший от их намазанных медвежьим салом голых тел, был нестерпим. Сотни черных, загадочно поблескивавших глаз образовали магическое кольцо, сомкнувшееся вокруг Катарунка.

— Отступать-то больше некуда, — пробормотал Маколле. — Вот как получилось. Присядем и мы, сударыни. Отсюда нам все будет хорошо видно. Если Перро подаст знак, что дело худо, что нет больше надежды, нам с вами придется перебираться в убежище.

— Ой, сколько же их! — прошептала Анжелика.

— Бывает и больше. К тому же они и вооружены плохо, да и, видать, сильно устали. Эти головорезы явились сюда, должно быть, сразу после боя. С нашим-то оружием тут и делать нечего.

— Мой муж собирается все уладить мирным путем.

— А почему бы не попробовать... В этой стране, пока жив, можно надеяться на все, что угодно. Правда, на сей раз дело трудное, ведь убиты их великие вожди. Но попытка не пытка.

И старик, махнув рукой сидящему поблизости от них ирокезу, что-то прокричал ему, приподняв свой красный шерстяной колпак.

— Я сказал ему, чтоб не трудился снимать с меня скальп, это уже сделано. — И он расхохотался.

— У вас еще хватает сил шутить! — с завистью взглянув на него, воскликнула госпожа Жонас.

— Такой уж я уродился, и умирать, видно, буду с прибаутками.

Тем временем Уттаке, оба канадца и граф де Пейрак уже опустились на землю напротив ирокезских вождей. Люди де Пейрака встали позади своего хозяина. В их позах не чувствовалось никакого напряжения, на первый взгляд они держались даже несколько беспечно. Но Анжелика, следившая за ними краешком глаз, видела, что все они готовы к боевой тревоге, каждый точно знает свою роль. И все держатся начеку. Иногда кто-нибудь отправлялся в форт, потом возвращался оттуда. Должно быть, каждый шаг у них был строго рассчитан. Глядя, как четко действуют эти люди, многие из которых казались ей несимпатичными и даже ненужными в Катарунке, она поняла, как тщательно отобрал их де Пейрак для своей экспедиции в Новый Свет. Конечно, у каждого из них были свои недостатки, но все они были слепо преданны де Пейраку, готовы к любым испытаниям, а в минуту опасности становились хитрыми, как змеи.

Граф де Пейрак начал с того, что при посредстве Никола Перро напомнил ирокезским воинам о тех соглашениях, к которым они пришли со Сванисситом перед самой его смертью.

Со своего места Анжелика хорошо видела все, что происходит на переговорах, она могла следить за выражением лиц, слышала раскаты голоса Никола Перро, который неумоимо переводил ирокезам речь графа де Пейрака и потом по-французски повторял все,

что говорили ирокезы, не пропуская ни одного слова, даже если это был сплошной поток брани и угроз.

Она увидела, как поднялся во весь рост ее муж в своем великолепном одеянии и, устремив на ирокезов огненный взгляд, заговорил. Он напомнил им, какие подарки он сделал ирокезам и как высоко оценил их Сваниссит. Потом он сказал им, что только вчера заключил договор о мире — доказательством чему служат драгоценные вампумы — с их мудрым и осторожным вождем, который в течение двадцати лет водил их по Тропе Войны. Этот договор распространялся на всех белых, состоявших на службе у графа де Пейрака, и всех его союзников, какой бы национальности они ни были: французов, англичан, испанцев или фламандцев. Особый знак должен был обеспечивать им неприкосновенность.

В свою очередь де Пейрак давал обязательство не поднимать оружия против ирокезов, даже если бы к этому его склоняли его соотечественники из Квебека или абенаки и алгонкины, с которыми он тоже подписал мирные соглашения.

Белые также обещали — на этом особенно настаивал старый вождь — не продавать водку народам Длинного Дома и не втягивать их в торговлю бобровыми шкурами, ибо это отвлекало их от земледелия и охоты на оленя.

Как родной отец, Сваниссит до последнего дыхания думал о том, как спасти свой народ от двух страшных соблазнов, грозящих ему вырождением и неминуемой гибелью от голода: он пытался уберечь их от водки и от бойкой торговли мехом.

Ирокезы, подстрекаемые расчетливыми белыми купцами к охоте на бобров, забрасывали свои привычные занятия, обработку земли и жестокими, слишком долгими зимами целыми племенами вымирали от недостатка заготовленной впрок пищи. Третьим и,

может быть, самым сильным искушением для ирокезов была война. Сваниссит объяснил это де Пейраку. Обо всем подумал старый вождь, пытаясь отвести от своего народа опасность, грозившую ему уничтожением, внушая ему необходимость жить в мире, жить в мире хотя бы с одним белым — с Человеком Громом — и его племенем.

В подтверждение этих обязательств и как напоминание о них тем, кто со временем попытается о них забыть, граф де Пейрак решил ежегодно посылать в подарок каждому вождю Союза пяти племен кремневое ружье, два бочонка пороха и два бочонка свинцовых охотничьих пуль, пять сетей для рыбной ловли из фибровой английской нити, десять красных одеял из английского толстого сукна и пять плащей пунцового или голубого тонкого сукна, на выбор, не выгорающего на солнце и не линяющего от дождя, двести пятьдесят ножей, двести топоров, пять пил, пять тонн селитры — чудодейственного порошка, от которого так хорошо родится кукуруза, и, кроме того, котлы различных размеров, отлитые из лучших сортов чугуна.

И неужели теперь, когда остался всего лишь год до того, когда эти столь выгодные для ирокезского народа соглашения войдут в силу, они откажутся от них?

Тахутагет что-то крикнул, и голос Никола Перро повторил за ним:

— Это ты, белый человек, ничего не выполнив из своих обещаний, отказался от них. Твоих даров мы пока не видали, но самое страшное предательство ты уже совершил. Это ты снова начал войну с нами, едва мы успели договориться о мире.

Де Пейрак не дрогнул. Он велел Никола Перро ответить, что Тахутагет ошибается. Подарки, полученные Сванисситом в знак заключения мирного договора, все здесь, сейчас они их увидят. Но сначала

он просит Уттаке, чтобы тот рассказал своим братьям о нападении на Катарунк и о том, как были убиты ирокезские вожди.

Могавк неохотно заговорил.

Перро, Мопертюи и все те белые, кто знал язык ирокезов, внимательно следили за каждым его словом. Они заставили его повторить дважды, что он видел своими глазами, как избиты были люди де Пейрака, как барон де Модрей с отрядом патсуикетов обманом проник в форт. И как белая женщина, жена Текондероги, спасла его от Пиксарета, который искал его, чтобы прикончить.

Де Пейрак, отбросив со лба волосы, показал ирокезам свою кровоточащую рану, тоже нанесенную патсуикетами. Шла изнуряющая словесная дуэль. Вернее, битва, которую де Пейрак вел при помощи своих сподвижников-канадцев, хотя всю тяжесть ее выносил только на своих плечах. Для дикарей вопрос был решен заранее: Человек Гром должен умереть, и только прогремевшие взрывы несколько охладили их боевой пыл.

Стояла невыносимая жара. Переговоры длились уже несколько часов. Время от времени кто-нибудь вставал и шел напиться или освежиться к реке. Анжелика вдруг вспомнила, что приготовила на всякий случай тартинки с кусочками сала, она раздала их детям, чтобы те еще посидели спокойно.

Все так устали, что даже не было сил волноваться. И вдруг ирокезов снова залихорадило. Анжелика уловила, как сразу же насторожились испанцы, державшие наготове свое оружие.

Нелегко было заглушить жажду битвы и мести в сердцах ирокезов. Было очевидно, что они не собираются лишать себя этого не имеющего себе равных наслаждения — отомстить сторицей за смерть

своего брата, тем более что сейчас речь шла о мести за смерть их любимого и почитаемого вождя.

При одной только мысли, что им не удастся утолить свою жажду мести, их охватывало негодование, они начинали волноваться и громко роптать, выражая свое недовольство.

Какой-то особенно возбужденный молодой ирокез подскочил к Флоримону и, схватив юношу за густые волосы, с ножом в руке описал над его головой очень выразительный круг, словно собирался снять с него скальп. Анжелика, похолодев от ужаса, с трудом сдержала крик. Но Флоримон, подражая отцу, сохранил полное хладнокровие. Анжелика с восхищением смотрела на своего старшего сына, на его тонкий, чеканный профиль, который вырисовывался на фоне лазурного неба, и, охваченная волнением, подумала, что это сын Жоффрея де Пейрака. Оттого что в то лето на берегу Гаронны, под звездным небом Аквитании, он сделал ее своею женою, в жилах этого юноши текла его доблестная и благородная кровь. И она с гордостью подумала: это наш сын!

В душе она была спокойна за Флоримона, но Кантора находила еще слишком юным для участия в подобных церемониях, правда, держался он отважно, стоял не шелохнувшись, со знаменем в руках, и только пот градом катился по его пухлым щекам. Анжелике так бы хотелось, чтобы он сидел сейчас рядом с ней, вместе с другими детьми, но он, конечно, никогда бы не простил матери, узнай он ее мысли.

Беспокоилась она и за своего «подопечного» Уттаке. Трудно было представить себе, что в его состоянии можно выдержать столько часов этих напряженных переговоров.

— О, за него не беспокойтесь, — сказал ей Элуа Маколле, с которым она поделилась своими опасениями. — Этот народ я знаю. У них у каждого в

запасе несколько жизней. Вам кажется, что ему приходит конец, а он, может, только сейчас и оживает...

— И все-таки вы не могли бы отнести ему напиток? — попросила его Анжелика. — Ведь если, не дай бог, он умрет во время переговоров, это не улучшит наших дел!

Канадец выполнил ее просьбу, он отнес воду в сосуде, выдолбленном из тыквы, вождю могавков, так счастливо избежавшему гибели от руки врагов. Этот знак внимания, казалось, пришелся ему по душе.

Ирокезы молчали. Они переживали рассказ Уттаке об убийстве их вождей, и их живое воображение рисовало им все подробности коварного ночного набега врагов. Время от времени кто-нибудь задавал вопрос, и затем снова все погружались в раздумье.

Наконец, Жоффрей де Пейрак встал и начал говорить. Он часто прерывал свою речь, чтобы Никола Перро мог не спеша, сохраняя торжественность, перевести каждое его слово, и чтобы ее слышали даже те, кто стоял вдали, у самой реки.

— Теперь слушайте меня все. Я знаю, что законы священной мести запрещают вам касаться еды до тех пор, пока убитые не будут отомщены. Вы только что выиграли бой у патсуикетов, вы разгромили их и полностью уничтожили. Вы можете считать, что выполнили свой долг перед покойными вождями, ибо виновны во всем только патсуикеты, и они теперь жестоко наказаны. Я знаю, что ненависть ко мне переполняет ваши сердца. Но я говорю вам, что, заключив дружественный союз со Сванисситом, я и после его смерти считаю вас своими друзьями. Как видите, я встречаю вас без всякого страха. Я не хочу оскорблять память вашего великого вождя и считать вас, его братьев, своими врагами, конечно, если вы сами не проявите враждебности по отношению ко мне. Прежде всего я приготовил вам еду. Вы прикоснетесь к ней лишь тогда, когда сердца ваши успокоятся и вы

убедитесь, что ваша честь восстановлена. Тогда вы насытитесь ею. Здесь двадцать глиняных кувшинов с маисом, четверть лося, два медведя, а также тыквы и сухие ягоды, чтобы ваш сагамит получился душистым. Вы должны подкрепиться, воины, ибо вы так устали от битв и долгого перехода, что, ослепленные гневом, не думаете о будущем своего народа.

Какой-то индеец встал и начал злобно возражать де Пейраку, но стоявшие рядом заставили его замолчать. Было ясно, что они сгорают от любопытства, что же еще приготовил для них Человек Гром.

— Здесь топоры и английские ножи, чтобы вам было чем защищаться, два бочонка пороха и пуль, три фитильных мушкета и кремневое ружье.

— Ты и Сванисситу подарил ружье! — крикнул кто-то.

— Оно останется с ним навечно, он возьмет его с собою в Страну Великих Охот. А вот здесь вы найдете то, чем можете воспользоваться сейчас же. Не отказывайтесь и не улыбайтесь презрительно. Здесь виргинский табак, и нет ничего бесчестного в том, чтобы выкурить трубку, прежде чем решить: война или мир. Табак только придаст вам мудрости.

Уттаке и Тахутагет, посоветовавшись между собой, взяли трубки. Слишком велико было искушение для индейцев, у которых от слабости кружилась голова и минутами мутился разум. Никола Перро, Мопертюи и его сын, Пьер-Жозеф, раздали индейцам связки сухих листьев табака и несколько трубок, которые индейцы передавали друг другу.

— Я вас на минутку покину, — сказал Маколле женщинам. — Пойду потолкаюсь среди этого сборища. Вроде жареным не так пахнет... Этим надо пользоваться.

Он прикурил трубку у одного из ирокезов, уселся среди них и завел беседу, словно с добрыми соседями.

Никола Перро и Мопертюи с сыном, спустившись к реке, шумно здоровались со знакомыми индейцами.

У Анжелики замерло сердце, когда она увидела, как эти мужественные люди, безоружные, расхаживают среди кипящей злобой толпы врагов.

Ирокезы жадно курили. Завитки голубого дыма поднимались над ними, и чувствовалось, как под волшебным действием табака укрощаются их сердца и в легком опьянении тонут скорбь и ненависть.

Почти в полном молчании прошло около часа, только слышалось, как у реки голосисто кричат дикие гуси.

Кто-то тронул Анжелику за руку. Это вернулся старый Маколле, он показал ей на солнце, уже клонившееся к горизонту.

Анжелика с тревогой взглянула на мужа. Его душил приступ надсадного кашля. В течение стольких часов он непрерывно говорил, и его больное горло не выдержало.

Ей безумно хотелось быть сейчас рядом с ним, чтобы он чувствовал в эти тяжелые минуты ее любовь, ее горячую преданность. Как самоотверженно борется он, спасая их жизнь! Господи, одержит ли он, наконец, победу?

Вдруг со своего места решительно поднялся старый Тахутагет и с гневом произнес слова, которые тут же перевел Перро:

— Вот что заявляет Тахутагет от имени Союза пяти племен. Неужели ты думаешь, Текондерога, что своими подарками ты можешь возместить нам утрату наших возлюбленных вождей? Ты предлагаешь нам пищу и щедро одариваешь нас, а они от тебя приняли только позор и смерть.

При этих словах зловещий гул снова прокатился по рядам краснокожих воинов. И снова лицом к лицу с опасностью встал Жоффрей де Пейрак. Силы его

казались неиссякаемыми; когда он заговорил, его глухой голос звучал с убедительной страстностью, которая зажигала Никола Перро, и тот торжественно и проникновенно доносил его слова до ирокезов:

— Вы ошибаетесь, ирокезские воины! Не только смерть и позор нашли ваши вожди в Катарунке. Да будет вам известно, что, с тех пор как Священная долина приняла в свое лоно ирокезские племена, ни один из ваших вождей не отправлялся в Страну Великих Охот с такими богатейшими дарами и почестями, как они... Вы, конечно, с тоской и горечью думаете, что они умерли вдали от родных мест и вы не сможете даже завернуть их тела в меховые одеяла, и вам нечего дать им с собой, провожая в столь долгий путь. Так вот! Смотрите же!

Вооруженные испанцы, которые держались тесной группой чуть левее от входа в форт, отошли в сторону и торжественно открыли ирокезам то, что до этой минуты граф де Пейрак старался скрыть от их взоров. Теперь этот момент наступил. У подножия гигантского красного клена ирокезы увидели Сваниссита, Онасатегана, Анхисеру и Ганатуху. Мертвые вожди были посажены очень прямо, глаза их были закрыты, ноги скрещены, в руки вложено оружие.

Великолепные уборы из перьев скрывали страшные зияющие раны. Умелая рука расписала пунцово-желтыми красками их застывшие, мертвенно-бледные лица. Это постарались канадские трапперы, воскресив в своей памяти обряды Священной долины, с которой так тесно была связана их собственная жизнь, что порой было трудно распознать, что восприняли они от ирокезов и что от французов.

Почти с благоговением Мопертюи наносил пунцовую краску на лицо Сваниссита, а Никола Перро проводил на щеке Анхисеры длинную желтую полосу — напоминание о его первом ранении, полученном в юности. Потом они

одели вождей в роскошные шелковые плащи, затканые золотом и отделанные мехом — их привез в своих сундуках из Старого Света граф де Пейрак, — и усадили их, привязав к кольям, вбитым в землю за их спинами, потому-то они и сидели так прямо.

Глухой стон вырвался из груди ирокезов. Здесь, на вражеской земле, вдали от родных мест, они увидели своих убитых вождей; но вожди их были одеты так богато, окружены такими почестями, которых, даже доблестно погибнув в бою, они не могли бы получить от своего народа.

Ирокезы поднялись и бросились вперед.

— Скажи им, — быстро проговорил де Пейрак, крепко сжав плечо Никола Перро, — скажи им хоть что-нибудь. Неважно что. Покажи подарки... что ли.

И тут же раздались громовые раскаты голоса канадца, которого ирокезы привыкли слушаться, считая почти своим. Он взялся за дело с проворством рыночного торговца. Он уводил их мысли в сторону от жуткой правды, представшей перед их глазами, как ловкий фокусник, он старался отвлечь их внимание от убитых вождей и рассеять их горе. Он бойко показывал им серебряные луки и разноцветные стрелы с перламутровой инкрустацией, лежавшие в кожаных колчанах, густо расшитых жемчугом, красные одеяла, трубки с табаком, шкуры белого медведя, рыси и волка, покрывало, сшитое из шкурок белоснежного горносталя, — все это будет опущено в могилу вождей. Перро, не давая ирокезам опомниться, перечислял кувшины с кукурузой и рисом, жиром и мясом, приготовленные каждому вождю, чтобы они не голодали во время долгого пути в Страну Великих Охот. Потом он растолковал им символическое значение четырех странных и незнакомых индейцам предметов, по виду напоминавших трутник; Никола рассказал, что их кладут мертвым, чтобы осушать им слезы, и что эти

большие, похожие на желтые цветы и такие легкие предметы называются губками — они привезены сюда с очень далеких островов и имеют свойство впитывать в себя влагу. Он тут же показал их действие, налив воды в чашку.

— Вот так же мгновенно, как исчезает вода, если коснуться ее губкой, исчезнут и слезы стыда и отчаяния, — убеждал он индейцев.

Потом он красочно расписал им, как великие вожди принесли в дар белым свои драгоценные вампумы. Слезы ручьями текли по безбородым лицам индейцев, и они, передавая из рук в руки уже ставшие мокрыми губки, размазывали ими по щекам яркую боевую разрисовку. Европейцы, не слышавшие слов Никола Перро, с изумлением наблюдали, как плачущие индейцы промокают себе губками глаза. Это было потрясающе трагикомическое зрелище, наблюдая которое, одновременно хотелось рыдать и смеяться. Никола показал им вампум, врученный графом де Пейраком вождю союза ирокезов в знак верности, — бесценное старинное сокровище, когда-то принадлежавшее абенакам, на нем было изображено голубое восходящее солнце на белом фоне и вереница рыбок и морских волков, державшихся друг за друга, в зависимости от того, кто как это воспринимал. Теперь Сваниссит может принести его в дар Высшему Духу как возмещение за то предательство абенаков, жертвой которого он стал.

Затем Перро решился на самую крайность. Он показал им роскошное одеяние Сваниссита, его шелковый плащ, затканый золотой нитью и отделанный серебряным позументом, именно такой, какой, по словам Гайаваты, великого создателя союза ирокезов, должен был носить тот, кто продолжит его дело, кто будет предостерегать индейцев от

бесконечных войн и научит их жить в мире, столь необходимым, чтобы заниматься земледелием и охотой.

Воины теснили друг друга, каждому хотелось подойти поближе, посмотреть и пощупать все эти богатства. Они толкались и приходили все в большее возбуждение. Их близость становилось опасной. Правда, большинство индейцев искренне восхищались подарками белых, но были и такие, у кого, глядя на них, жадно разгорались глаза. Они уже посматривали в открытые ворота и переговаривались между собой.

Анжелика почувствовала, что атмосфера снова накаляется. События, видимо, достигли кульминационной точки. Сейчас должно было решиться, кто выиграет эту опасную игру. Она заметила, что европейцы, стоявшие со знаменами в задних рядах, начали один за другим исчезать, растворяясь в наступающих сумерках. Другие под покровом темноты повели лошадей к лесу, и Жан, подойдя к Анжелике, шепнул ей, чтобы она с детьми незаметно отошла немного в сторону и начала спускаться к реке, стараясь не привлекать к себе внимания. Испанцы, бесшумно зарядив ружья, прикрывали их отступление.

— Возьмите Онорину и ступайте за Жаном, я догоню вас, — сказала Анжелика супругам Жонас.

Разве могла она уйти отсюда, пока Жоффрей находился в опасности? Она увидела, что ирокезы проскользнули к самому палисаду и разглядывали через ворота двор.

Мгла быстро сгущалась, но багровая полоса на горизонте еще бросала на землю желтоватые отсветы. Анжелика приблизилась к людям, окружавшим де Пейрака — среди них были Перро, Мопертюи с сыном, Маколле и несколько человек с «Голдсборо» — и охранявшим сейчас своего господина.

Уттаке, опершись на плечо траппера, стоял среди них, а вокруг были ирокезы, которые с каждой минутой

становились все беззастенчивее и враждебнее.

Первым Анжелику заметил не муж, а Уттаке. Она смотрела на него так пристально, что индеец, как замороженный, медленно повернул к ней голову и его потухшие от усталости глаза встретились со взглядом белой женщины.

«Я сохранила тебе жизнь в тот вечер у ручья, — кричал ему этот взгляд, — я спасла тебя, раненого, от рук Пиксарета, который хотел снять с тебя скальп... Теперь ты должен спасти его... Спаси его, спаси его! Заклинаю тебя. Ты можешь это сделать».

В ее взгляде были приказ и мольба. Волна самых противоречивых чувств прокатилась по желтому лицу могавка.

В этот момент несколько ирокезов подошли к де Пейраку, и один из них дерзко спросил:

— А где огненная вода, драгоценный напиток белых? Что-то мы ее не заметили среди подарков нашим вождям...

Он стоял, ухмыляясь, в ожидании ответа, нагло помахивая томагавком.

— Водку и ром мы оставили в форте. Мы их слили в отдельный сосуд и принесем их в дар Высшему Духу.

Ирокез что-то насмешливо воскликнул, а потом, задыхаясь от злобы, заговорил, и Никола Перро, едва сдержав себя, недрогнувшим голосом перевел его слова:

— Мы возьмем их сами, не спрашивая твоего разрешения, Текондерога. Ты был заодно с предателями, убившими наших вождей.

Тогда де Пейрак резко шагнул к ирокезу и, приблизившись к нему вплотную, гневно глядя в глаза, спросил:

— Кто ты, осмелившийся посягнуть на дары Высшего Духа?

Индеец отпрыгнул назад и взметнул свой томагавк. Мгновенно пригнувшись, де Пейрак избежал удара, топор со свистом пролетел над самой его головой, тогда граф выпрямился и, схватившись за ствол пистолета, рукояткой ударил своего противника в висок; тот сделал шаг вперед, зашатался и замертво рухнул на землю.

Крик Анжелики потонул в бешеном реве дикарей. Но вдруг, перекрывая этот рев, прозвучал чей-то властный голос. То был голос Уттаке.

Подняв руку, он заслонил своим телом де Пейрака. И тут же все стихло. Индейцы опустили луки и томагавки. Уттаке знаком подозвал к себе молодого воина и оперся на него. Потом он повернулся к де Пейраку и очень тихо сказал ему по-французски:

— Я не хочу твоей смерти, Текондерога. Чувство справедливости требует, чтобы я сохранил тебе жизнь. Мечь — действительно один из наших главных законов. Но закон благодарности стоит выше. И я бы считал себя предателем, если бы забыл, что твоя жена, Кава, дважды спасла мне жизнь, дважды... ты слышишь, Текондерога? Я не знаю, согласятся ли мои воины оставить тебя в живых и уйти отсюда, не утолив жажды мести. Этого я не могу им приказать. Хотя попытаюсь убедить их... Может быть, у меня ничего не получится, но ты должен знать, что я сделал все, что мог.

В самые трагические минуты в голову иногда приходят нелепейшие мысли. Анжелика потом вспоминала, что в тот момент ее больше всего поразило, как хорошо Уттаке говорит по-французски. Правильная французская речь в устах дикаря и впрямь производила более чем странное впечатление.

— Наши сердца не скоро забывают оскорбления. Я не могу просить своих братьев пощадить вас, это запятнало бы меня... верховного вождя...

— Я и не хочу, чтобы вы забывали их, — ответил де Пейрак.

У Анжелики больше не было сил выносить это. Теперь она знала, что даже вмешательство Уттаке ничего не может изменить. И она хотела только одного: броситься в форт, закрыть, наконец, за собой бревенчатые ворота и взяться за оружие. Хватит этой пытки. Она не может больше видеть, как Жоффрей стоит совсем не защищенный и каждую минуту рискует жизнью.

Но он, казалось, не спешил уйти отсюда, и по его виду даже не чувствовалось, как он устал и какое напряжение пережил за этот страшный день.

— Я не хочу, чтобы вы забывали, — повторил он громче. — Напротив, я постараюсь сделать все, чтобы вы никогда не забыли то, что произошло в Катарунке. И я могу ответить на вопрос, который вы потом будете задавать в ваших песнях: «Кто бы стер пятно позора, если б мы их пощадили?» Это сделаю я... Перро, переводите, пожалуйста. Вы думаете, что разговор между нами закончен? Нет. Сейчас он только начнется. Вы еще ничего не видели и ничего не слышали. Теперь я вам скажу главное. Слушайте меня. Внимательно слушайте все, что я вам скажу. Я хочу, чтобы мои слова и все, что я совершу, крепко вошли в ваши сердца, только тогда вы сможете уйти отсюда без горечи и успокоенные. Не правда, братья мои, что сердца белых и сердца индейцев не могут испытывать одни и те же чувства. Глядя на форт Катарунк, я испытываю тот же ужас, что и вы. Я тоже не могу забыть, что здесь произошло самое ужасное убийство, самое гнусное предательство, которое я только видел за свою долгую жизнь. Как и вы, я считаю, что места, где совершаются подобные преступления, навсегда остаются запятнанными, и если даже справедливые люди хотели бы забыть об этих преступлениях, о них невольно будут

напоминать сами эти места. И каждый, кто в будущем придет в этот форт, обязательно вспомнит: здесь был убит Сваниссит под крышей пригласившего его к себе хозяина, белого человека, Текондероги. Нет и еще раз нет... Я не могу вынести этого! — вскричал де Пейрак с силой и гневом, которые произвели впечатление на индейцев и были сейчас — Анжелика это почувствовала — совершенно искренними. — Я не смогу этого вынести! Лучше стереть его с лица земли, пусть лучше все погибнет...

Он закашлялся, прокричав последние слова.

Никола Перро медленно, с пафосом повторял за ним:

«...пусть лучше все погибнет... все погибнет...»

Все взоры теперь были обращены к этим двум возвышавшимся над толпой фигурам, видневшимся в сумерках на фоне догоравшего заката.

— Я знаю, — продолжал граф. — Я знаю, что среди вас есть такие, кто думает: в этом форте есть чем поживиться. Они хотели бы сразу убить двух зайцев: свершить месть и обогатиться. Пусть эти шакалы не воют и не вынюхивают добычу, а убираются отсюда, поджав хвост. Я уже сказал вам, что отныне все, что имеется в форте, принадлежит только манам, душам ваших умерших вождей. Только таким образом их можно умиловать. Вы уже получили свои подарки. Это все дорогие вещи. Когда вы понесете их отсюда, взвалив на плечи, вы почувствуете, как они тяжелы. Но вы не вправе прикоснуться к богатствам, хранящимся в форте Катарунк, так же как и я уже не смогу пользоваться ими. Я отдаю все, что имею, вашим погибшим вождям, чтобы искупить то подлое предательство, жертвами которого они стали.

Слушайте меня внимательно и запоминайте мои слова. В этом форте столько запасов провизии, что их хватило бы на многие месяцы, а может быть, даже и

годы. В нашей кладовой есть мясо оленя, лося, медведя, сушеная и соленая треска, морская соль, бочки подсолнечного масла и китового жира, сахар кленовый и белый сахар, привезенный с далеких островов. Ром и дорогие вина, мешки с пшеничной и кукурузной мукой. Сотня связок виргинского табака и сотня мексиканского. Там большие запасы всяких товаров: голландского полотна и китайского шелка, там столько всякой одежды, ковров, оружия, пуль, пороха, есть там капканы для крупного и мелкого зверя, иглы, ножницы... Ценные меха. Но все это уже не принадлежит больше мне и никогда не будет принадлежать вам. Отныне все эти сокровища принадлежат только вашим умершим вождям. Вы сказали, что они ничего не нашли в Катарунке, кроме позора. Теперь вы видите, что это не так. У них есть все. Я отдал им все, кроме водки и рома, я знаю, Сваниссит не признавал их, и я оставляю огненную воду Высшему Духу, только он своим могуществом может очистить ее от вредоносной силы. А теперь отойдите. Уттаке, прикажи своим воинам спуститься к реке, чтобы никого из них не ранило и не убило. Сейчас я вызову гром.

При этих словах наступило изумленное молчание. Затем вся масса ирокезских воинов, отхлынув от форта, начала медленно скатываться вниз по холму.

К суеверному страху индейцев примешивалось жадное любопытство. Что произойдет сейчас? Что задумал этот белый, который умеет так хорошо говорить? И разве можно отомстить за смерть их вождей более жестоко, чем это сделали бы они своим оружием?

Де Пейрак отдал последние приказания своим людям. Увидев Анжелику, он обнял ее за талию и повел к реке.

— Идемте скорее. Здесь нельзя оставаться. Мопертюи, проверьте, пожалуйста, все ли наши

спустились вниз и не осталось ли кого в форте...

На берегу, где уже поднимался ночной туман, европейцы смешались с толпой ирокезов. Де Пейрак до боли сжал Анжелику в своих объятиях, а затем, выпустив ее, спокойно достал из кармана на своем широком кожаном поясе огниво и трут. Индейцы вели себя как малые дети, попавшие на интересное представление. Им хотелось знать и видеть все, что делает де Пейрак.

Во мраке Анжелика тщетно пыталась разглядеть среди толпы своих детей и супругов Жонас. Подошедший Мопертюи успокоил ее, сказав, что все они собрались у роши под охраной вооруженных испанцев.

Жан Ле Куеннек быстро спускался с холма, разматывая пеньковый шнур. Под прикрытием темноты люди де Пейрака поднялись к форту, проворно опустили убитых вождей в заранее приготовленную могилу, беспорядочно побросали туда драгоценные дары и быстро закидали ее землей.

В эту минуту раздался хриплый звук охотничьего рожка. Кинув лопаты, они бросились к рошице, куда раньше увели детей и женщин.

Второй раз протрубил рог.

Тогда граф де Пейрак, выбив искру, не спеша наклонился и поджег конец шнура, который бретонец дотянул до него.

Вспыхнувший огонек быстро побежал вверх, извиваясь, как золотая змейка, меж камней и сучьев. Он добежал до ворот и исчез за ними.

Почти тут же могучий взрыв потряс воздух, осветив темное небо. Еще миг, и над фортом взлетели огромные языки яркого пламени. Сухое дерево домов и палисада, пропитанное к тому же особой смесью, занялось мгновенно. В знойном воздухе огонь, подхваченный ветром, сразу же превратился в гигантский трескучий костер, бушующий и ненасытный. Зрителям пришлось

отступить к самой воде, так как жгучее дыхание огня начало настигать их.

Все лица, вырванные из тьмы багровым заревом пожара и обращенные вверх, выражали восторг и ужас, наслаждение и тоску, то есть все те сложные чувства, какие вызывает у человека разбушевавшаяся стихия, представшая перед ним во всем своем великолепии, во всей своей неукротимой силе.

Вдруг в безмолвной толпе прозвучал голос. Это что-то сказал старый Тахутагет.

— Он хотел бы знать, — перевел Уттаке, — были ли в твоём форте шкуры бобра.

— Да, да, конечно были! — в отчаянии вскричал О'Коннел. — Тридцать связок. На чердаке их хранилось по меньшей мере на десять тысяч ливров. Ах, мессир де Пейрак, если бы вы предупредили меня... если б я знал. О, мои бобры, мои бобры.

В его голосе звучало такое отчаяние, он так непосредственно и так комично выражал свое горе, что ирокезы покатались со смеху.

Вот наконец-то перед ними настоящий белый... Истинный сын этой расы торгашей. Этот человек был им понятен, именно такими индейцы и представляли себе белых.

— А сколько стоит эта шкура? — спросил де Пейрак, зашипнув пальцами толстые, дрожащие от горя щеки ирландца. — Во сколько ливров оценил ты ее? В десять тысяч? Двадцать тысяч? А сколько стоит скальп, который тебе удалось сохранить? — продолжал граф, схватив за рыжую гриву несчастного скупщика. — Никак не меньше тридцати тысяч ливров?

Индейцы хохотали как сумасшедшие. Они передразнивали ирландца, показывали на него пальцами. Раскаты их жуткого смеха казались эхом ревущего пожара.

— Смеешься ли ты с нами, Сваниссит? — вдруг вскричал Уттаке, подняв лицо к пылающей вершине холма. — Смеешься ли ты со своими воинами? Утешился ли ты подарками белых?

И вдруг как бы в ответ на его слова ослепительный сноп бело-голубых искр вырвался из гудящего пламени и, высоко взлетев в темное небо, упал оттуда на землю серебряным дождем.

Не успели индейцы прийти в себя, как из огня вылетела длинная красная змея и, метнувшись во мрак, рассыпалась сверкающими звездами, которые, дробясь на более мелкие, соединялись в рубиновые венцы и потом медленно плавилась, стекая кровавыми струйками по черному покрывалу небосвода.

Индейцы попадали на колени. Те, кто стоял ближе к реке, попятившись, свалились в воду.

Теперь все небо было в светящихся лентах и ярких россыпях огней, петарды рвали одна за другой, заглушая треск прожорливого пламени, пожиравшего стены Катарунка.

Голубые, янтарно-желтые, розовые, золотые огни рассыпались в небе цветами, лианами, гирляндами, извивающимися спиралями, тонкими серпантинами, которые, сталкиваясь, догоняя друг друга, сплетаясь, рождали неожиданные рисунки, иногда контуры зверей, неожиданно исчезавших в тот самый момент, когда, казалось, они готовы броситься на вас...

В минуту случайного затишья Анжелика вдруг услышала веселые голоса детей. Пережитый восторг заставил отступить страх. А вместе с ним исчезли ненависть, угрозы и подозрения. И пиротехник Флоримон, устроивший этот фейерверк, был очень горд своими успехами. Она услышала его звонкий голос: «Ну, что скажете о моих талантах? Пожалуй, не хуже, чем в Версале». Еще немного, и капитан Альварес вместе со

своими солдатами забыл бы строгий приказ держать наготове оружие.

Но бояться больше было нечего. Грозные ирокезы, подняв головы, как зачарованные смотрели в небо. Опьянев от фантастических видений, они утратили чувство реального, забыли о том, что привело их сюда, на берег Кеннебека. Огромная изумрудная гусеница, извиваясь, падала к ним с неба. Огненная бабочка била крыльями в темноте, гигантская пылающая тыква на их глазах разбивалась вдребезги.

Когда последние вспышки рассеялись разноцветной пылью в ночи, Катарунка уже не было. Догорев, его стены рухнули, подняв мириады искр. И там, где еще недавно стоял форт, теперь зияла огромная багровая рана, медленно остывавшая во тьме.

Глава 15

В это время, пробившись сквозь тучи, взошла, наконец, луна. Ее прозрачный свет слился с отблесками догоравшего пожара, и землю затопило удивительное голубоватое сияние.

Белые ждали. В осветившейся мгле индейцы медленно просыпались от волшебного сна. В тишине у их ног журчала река. Первым пришел в себя Уттаке. Взгляд его узких продолговатых глаз остановился на де Пейраке и Анжелике, и на минуту ему показалось, что перед ним снова возникло видение. Мужчина и женщина стояли, прижавшись друг к другу, и ждали его приговора: жить им или умереть.

И тогда Уттаке охватил восторженно-страстный порыв, и мысленно он обратился к человеку, сумевшему покорить его сердце: «Быть может, ты и есть тот Предок, который, как предвещала Священная Птица, должен вернуться к нам в образе белого человека... Не знаю... Я не знаю, кто ты на самом деле... Но я никогда не забуду то, что мне довелось увидеть в Катарунке. Никогда не забуду...»

— Переведи, — сказал он, обращаясь к Перро. — Повтори моим воинам то, что я сейчас скажу. Я не знаю, кто ты, Текондерога, но я никогда не забуду то, что я видел в Катарунке.

Никола повторил, и воины ответили ему долгим криком, который эхом прокатился по спящей долине.

— Мы никогда не забудем...

— Я понял, что ты не такой, как все остальные французы, Текондерога, — окрепшим и ясным голосом продолжал по-французски Уттаке. — Я вижу, ты совсем не похож на французов из Квебека, на подданных французского короля. Ты действительно сам по себе, и

ты говоришь от своего имени. И неужели тебе и правда не жаль, что в твоём форте сгорело столько драгоценных мехов?

— Нет, почему же... Конечно, жаль. Но поверь, несравненно более тяжело мне было потерять приборы, которые помогали мне проникать в тайны природы, видеть невидимые простым глазом вещи. Пока я владел ими, я мог беседовать со звездами. Теперь это будет делать Сваниссит и ушедшие с ним вожди, теперь они при помощи этих приборов будут узнавать секреты звезд.

— Пусть они будут счастливы, — прошептал ирокез.

— Где их могила, вы знаете... Вон там, у самого пожарища. Катарунк никогда не будет восстановлен. И вы можете без всякого стыда и горечи приходить сюда оплакивать священные останки ваших вождей.

— А что будет с тобой, Текондерога? Ведь у тебя ничего не осталось, кроме лошадей и легкой одежды. Вокруг лес, ночь, и совсем близко зима.

— Все это уже не так важно... главное, что честь моя спасена. Я расплатился за кровь.

— Ты снова вернешься к океану?

— Нет. Скоро холода, и это путешествие было бы слишком рискованно. Мы поднимемся в горы, там в хижине живут четверо моих людей. Могу я им сказать, что ты сохраняешь наш союз?

— Да, можешь. Когда совет матерей и совет старейшин одобрит мое решение, я пришлю тебе ожерелье-вампом. Скажи, Текондерога, ты действительно надеешься одолеть всех своих врагов?

— Кому победить в бою, решает Высший Дух. Но я буду бороться и надеюсь, что победа будет за мной.

— Твои хитрость, смелость и ум велики. И я предрекаю тебе победу. Но берегись. У тебя много врагов, и самый сильный из них недосыгаем. Я назову тебе его, брат. Это — Этскон Гонси, Черное Платье. Он

действует от имени своего бога и от имени своего короля. Он неодолим. Сколько раз мы хотели его убить и не могли, потому что он бессмертен. Ты понимаешь? Он хочет убрать тебя со своей дороги, и он будет неотступно преследовать тебя, потому что ты земной человек, а он весь во власти невидимых духов, и даже сам запах земли ему невыносим... Теперь, когда ты стал моим братом, я боюсь за тебя. Он хочет твоей гибели, я это знаю наверняка. Сколько раз я видел во сне его сверкающие синие глаза. И меня, отважного воина, бросало в дрожь, потому что в жизни своей я не знал ничего страшнее этого взгляда. Когда он так смотрел на меня еще в пору моей жизни у французов, я терял разум и от ужаса у меня все холодело внутри. Будь осторожен, Текондерога, — шепотом сказал он, — береги единственное сокровище, которое у тебя осталось, он хочет отнять его у тебя. — Он показал на Анжелику. — Черное Платье ненавидит и ее. Он хочет разлучить вас. Можешь ли ты, Человек Гром, устоять перед его силой? Ведь он всемогущ и его нельзя убить.

Вдруг Уттаке начал заметно волноваться.

Должно быть, именно в этот момент в сердце Анжелики проникла любовь к индейцам. Теперь она уже не боялась их и не испытывала к ним неприязни. Напротив, в ней родилось к ним чувство, вобравшее в себя все, что было в ее душе доброго, материнского. У нее словно открылись глаза. Теперь она видела, как они беззащитны, бедны и наивны, как своими самодельными стрелами отбиваются от смертоносных мушкетов и ничего не могут противопоставить таинственной силе иезуитов, кроме магии и колдовства. Жалость и уважение к ним наполнили ее сердце.

Слушая прерывистый голос ирокеза, который, позабыв о своей былой ненависти, был полон тревоги за них, Анжелика поняла, сколько в его душе благородства

и какие высокие человеческие чувства таят в себе сердца жестоких индейцев.

С непоследовательностью и пылкостью примитивных существ ирокезы принимали самое горячее участие в судьбе тех, кого несколько часов назад хотели уничтожить. Теперь, когда белые стали их друзьями, они переживали их беды больше, чем свои собственные.

Жофрей де Пейрак подошел к Уттаке.

— Я скажу тебе только одно. И ты должен это хорошо понять... В отличие от многих я не боюсь колдовства... Я не боюсь колдовства индейцев и не боюсь колдовства белых. А ведь Этскон Гонси, несмотря на всю свою силу, всего лишь белый человек. Такой же, как я...

— Это правда, — согласился Уттаке. Он как-то сразу успокоился, — ты белый, ты можешь его разгадать, но мы против него бессильны. Да, я понял тебя. Ты будешь разрушать его замыслы, так же как разрушил и наши, когда мы хотели тебя убить. Хорошо. Будь сильным, Текондерога, твоя сила нужна и нам. А теперь иди туда, куда ты считаешь нужным. Но как бы далеко ты ни ушел вместе со своими людьми, если вы встретите воина-ирокеза, он пропоет вам песнь мира. Я сказал все. Прощай.

Глава 16

Ночной ветер гулял над пепелищем, вокруг царило безмолвие, завеса синей мглы опустилась на землю. Жоффрей де Пейрак медленно шел вдоль берега. Время от времени он останавливался и поднимал глаза к вершине холма, где еще несколько часов назад возвышался форт Катарунк.

Выйдя к реке, Анжелика сразу узнала фигуру мужа. Ее непреодолимо влекло к этим местам, и она тоже вернулась сюда.

В пещере, куда накануне граф приказал перенести одеяла и кое-что из провизии, у костра только что уложили спать детей. Рядом, сраженные усталостью, уснули ее сыновья.

Анжелика незаметно вышла из пещеры. Она уверенно двигалась в темноте, и впервые ей не было страшно. Злые духи как будто исчезли. Буйный ветер этого жуткого дня разметал и унес их прочь. Отныне этот индейский лес станет ее другом, все звуки вокруг казались ей теперь самыми обычными. Они просто говорили ей, что где-то рядом, под ветвями, еще кипит жизнь, звери и птицы готовятся к зиме, заканчивают последние приготовления, допевают последние песни. Еще пахло мхами, еще слышалось царапанье белок, зарывающих орешки, и где-то вдали за холмами трубил олень.

Анжелику больше не мучил страх. Своим поступком Жоффрей де Пейрак снял с нее гнет постоянной тревоги.

Поступком безумным, но единственным, который следовало совершить, де Пейрак сжег Катарунк. Только он мог решиться на такое. Видимо, это и пришло ему в голову, когда он произнес:

«Мой дом осквернен преступлением, которого не искупить...»

В ту минуту он понял, что должен сделать. И сразу же успокоился. Зато теперь на земле Америки им не грозят никакие несчастья. Искупительное жертвоприношение совершено и принято небом.

Сначала Анжелику одолевали смутные чувства, но потом на нее словно снизошло откровение. Она шла под деревьями, и на сердце у нее было легко. Теперь она знала, что все обряды исполнены, и это успокаивало ее христианскую душу. Эта жертва была необходима не только для того, чтобы спасти их жизнь, но и для их будущего счастья. На память ей пришли слова молитвы, которые она так часто почти машинально шептала во время службы в монастыре: «Прими, Господи, милосердно жертву рабов твоих...»

Земля Америки больше не будет враждовать с ними: жертва графа де Пейрака заставила дрогнуть ее суровое, недоверчивое сердце. Ирокезы не забудут сожженного Катарунка. Но Анжелика знала и то, что они с де Пейраком снова потеряли все, и сердцем она обращалась к Богу: «Тебе, Господи, вверяем мы судьбы наши!..»

Все сгорело. Что можно еще отнять у них? Теперь у Анжелики и Пейрака осталось одно бесценное и тайное сокровище — их любовь. Такова была воля судьбы: вернув их друг другу, она дала им это новое испытание, чтобы они узнали истинную цену своей любви. Силу чистой и взаимной любви мужчины и женщины — двух огней, горевших единым пламенем в бесплодной, ледяной пустыне, двух сердец, пылавших во мраке мировой ночи, как в первые дни творения...

Анжелика смотрела на темный силуэт де Пейрака, задумчиво шагавшего вдоль берега реки.

Еще сильно пахло пожарищем, и, несмотря на ветер, в воздухе держался дух толпы, так долго топтавшейся

здесь сегодня. Но вокруг разлилось такое спокойствие, стояла такая тишина, что понемногу Анжелику начало охватывать неизъяснимое блаженство.

Она смотрела издали на одинокую фигуру мужа. Де Пейрак стоял, обратив лицо к пожарищу, где ветер еще раздувал красные языки пламени. Потом медленно направилась к нему, зная, что найдет его в темноте. В нескольких шагах от него она остановилась.

Сквозь тьму де Пейрак увидел бледное лицо жены, на минуту он замер, а потом шагнул ей навстречу. Он обнял Анжелику за плечи, и она, прильнув к нему, спрятала на его груди свои озябшие руки, а потом обвила его ими, а де Пейрак, укрыв ее полами плаща, все крепче сжимал ее в объятиях, все теснее, все ближе прижимал к себе; они не испытывали при этом никаких желаний, никаких чувств, кроме единственного, чисто инстинктивного, заставлявшего животных засыпать, прижавшись друг к другу, чтобы ощутить рядом чье-то присутствие, тепло и безмолвную поддержку.

Де Пейрак хотел заговорить. Но промолчал. «Любые слова, — подумал он, — прозвучали бы сейчас чудовищно банально: «Вам страшно? Вы на меня сердитесь за то, что я сжег дом, который вы уже привыкли считать своим? Впереди вас ждут бесконечные трудности». Возможно, он сказал бы так любой другой женщине. Но женщину, что согревалась сейчас в его объятиях, оскорбили бы подобные слова. Она была выше их. Он прижался к ее нежной щеке, словно желая убедиться, что это действительно она, его жена, теплая, живая, рядом с ним.

Анжелика уже тоже была готова заговорить, сказать ему все, что переполняло ее сердце: «Как я восхищалась сегодня вами, любовь моя. Только ваше мужество спасло нас. Вы были неповторимы...» Но это все были только жалкие слова, не выражавшие ее истинных чувств. Ей лишь хотелось поделиться с

Жоффреем своими мыслями о том, что жертва принесена и боги умилоствивлены... «Нас всего двое на земле, любовь моя... всего двое... бедных и одиноких... И я счастлива».

Но он знал это так же, как и она. Они оба молчали. И только все крепче, без слов прижимались друг к другу.

Она откинула голову, чтобы увидеть свет его глаз, горевших над нею, как две яркие звезды, и почувствовала, что они улыбаются ей.

Глава 17

К северу от Катарунка лежит местность, где неподвижные воды расстилаются бескрайней серебристой пустыней. Мертвые, затопленные деревья поднимают остроконечные вершины к серому небу. Земля здесь ненадежная, зыбкая.

Это район озера Мегантик. Когда через несколько дней отряд де Ломени на лодках спустился к озеру, все почувствовали близкое дыхание осени, оно ощущалось здесь гораздо сильнее, чем в Катарунке. В холодном воздухе, в суровом и унылом ландшафте чувствовалась близость Канады. Французские солдаты, а также гуроны и алгонкины воспрянули духом, здесь они уже были у себя дома.

Теперь оставалось только переплыть озеро, на том берегу отыскать вход в тихую речку Шодьер и по ней без всяких препятствий спуститься к реке Святого Лаврентия. Последние лье они будут плыть между деревень с добротными каменными постройками, с высоких берегов им будут махать шапками крестьяне, заканчивающие жатву и сбор яблок. Потом вдруг на повороте реки появится белая остроконечная часовня в деревне Леви — значит, Квебек уже совсем рядом.

И вот они уже поднимают глаза, приветствуя этот надменный город, вознесшийся на высоком берегу, как раз напротив впадения Шодьера в реку Святого Лаврентия, и он отвечает им звоном колоколов всех своих церквей.

Прощай, дикий лес, прощайте, индейцы вместе с вашим мерзким сагамитом. Теперь у нас будет кальвадос и ром, доставленные сюда на кораблях, пшеничный хлеб с маслом, сочное жаркое, ветчина с капустой, сыр, красные вина и податливые девочки, к

которым всегда можно отправиться в заведение Жанины Гонфарель, в нижнем городе...

В озере Мегантик отражались слепящее солнце и бледное небо, вода отливала металлическим блеском, вокруг стояли мертвые деревья, и где-то рядом бродила зима.

Лодки легко и быстро заскользили по озеру, но не так-то просто отыскать исток Шодьера среди однообразных островков и бесконечных извилин фарватера.

Граф де Ломени еще оставался на этом берегу, следя за посадкой своего отряда. Фальер Л'Обиньер с племянником, а также значительная часть индейцев были уже далеко. Остальные с берестяными лодками на головах подходили к озеру по вытоптанной тропе.

Вдруг, обогнав их всех, к полковнику подбежал какой-то индеец. Де Ломени узнал в нем слугу Никола Перро — тот повсюду возил его с собой. Индеец скороговоркой выпалил что-то. Но никто ничего не понял, так как говорил он на диалекте панисов — небольшого, почти вымершего племени. Тогда он что-то начал объяснять на ломаном французском языке. В конце концов де Ломени при помощи Пон-Бриана удалось понять из его слов, что патсуикеты под предводительством Модрея ворвались в Катарунк и сняли скальпы с ирокезских вождей. Сейчас войско ирокезов направляется в Катарунк, чтобы отомстить. Графу де Пейраку с семьей грозит гибель.

— Идем. Сейчас же идем туда! — вскричал Пон-Бриан. — Их слишком мало, чтобы отбиться от этих полчищ...

Де Ломени ничего не ответил лейтенанту, но тут же приказал своим солдатам, еще не успевшим сесть в лодки, поворачивать назад. Большая часть гуронов и алгонкинов, которые еще были на этом берегу, решили

отправиться вместе с ними. Среди них всегда находились охотники сразиться с ирокезами.

Через несколько дней, подплывая к Катарунку, они ожидали, что вот-вот услышат выстрелы, говорящие о том, что форт еще держится. Но стояла такая тишина, что, казалось, все вымерло кругом. Пон-Бриан был мрачен, его словно снедала какая-то внутренняя боль.

У последней излучины реки, за которой уже начинался песчаный берег Катарунка, офицеры приказали высадиться из лодок и затащить их в ивняк. Бесшумно приготовили оружие. Де Ломени с Пон-Брианом стали осторожно взбираться на скалу, чтобы, оставаясь незамеченными, оглядеть оттуда округу. Им показалось, что в воздухе, хотя он был совершенно прозрачным, пахнет остывшим пожарищем. Добравшись до вершины скалы и взглянув оттуда сквозь ветви, они поняли все.

Катарунка больше не существовало.

От форта остались лишь обуглившиеся бревна и кучи черной золы. У подножия холма, на котором еще недавно возвышался форт, по-прежнему несла свои темно-синие воды река Кеннебек среди берегов, окаймленных красным сумахом, рябиной и дикими вишнями.

Кругом не было никаких признаков жизни.

Пон-Бриан глухо застонал. В отчаянии он бился головой о дерево.

— Ее нет, ее больше нет, — рыдал он. — Как можно пережить такое... Теперь вы видите, что это за демон... Она просто женщина. Прекрасная, слабая женщина. Очаровательная женщина... О Господи, зачем теперь жить на свете?

— Перестаньте, вы бредите, — тряся его за плечи, успокаивал полковник.

Но вдруг он и сам закрыл глаза, не в силах бороться с нахлынувшими на него чувствами. Ему так живо

представился всадник в черной маске, в окружении своих орифламм подъезжающий к Катарунку, и рядом с ним его жена, действительно такая очаровательная...

Жалость и острая боль пронзили его сердце. Но он быстро овладел собой. Он знал, что все это дело рук отца д'Оржеваля.

Но ведь им руководил Господь, ради которого он уже пролил свою кровь. Когда месяц назад во главе своего отряда де Ломени уезжал из Квебека, он получил вполне определенное распоряжение от иезуита: «Уберите их любой ценой. Если надо, уничтожьте, и сразу все образуется». Но покоренный обаянием пришельцев, он не выполнил приказа. Небо решило за него. «Миссия выполнена», — подумал он с горечью.

Он еще долго оставался с Пон-Брианом, не в силах увести его от этих мест. Затем отдал отряду приказ снова двинуться на север.

Когда лодки французов скрылись вдали, из леса вышел индеец-панис и тоже спустился на берег. Его длинные черные волосы развевались по ветру. Он медленно шел, низко опустив голову. Дойдя до маленького причала у песчаной отмели, он поднялся на высокий берег, походил вокруг пожарища, потом снова вернулся к реке.

По следам на земле он прочитал удивительную историю. Он поднял голову, втянул в себя воздух и решительным шагом направился на северо-восток, к сердцу гор.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВАПАССУ

Глава 1

Буря свирепствовала. Ледяной дождь со снегом хлестал по лицам, намокшая одежда тяжело давила на плечи. Люди продвигались под деревьями, с трудом волоча ноги с налипшей на башмаки грязью. Те, что несли две лодки, сослужившие им службу, когда они спускались по рекам, одной большой, бурной, и одной маленькой и тихой, были по крайней мере защищены от дождя. Но зато они едва продирались сквозь низкий кустарник, и двоим мужчинам приходилось топориками расчищать им дорогу.

Анжелика остановилась, подняла голову и сквозь сине-зеленую пелену леса увидела водопады, которые походили на белые колонны, на огромные межевые столбы. Грохочущие водопады — караульные американских лесов. Они то и дело внезапно возникают на вашем пути и возглашают: «Здесь прохода нет!». А эти казались еще более высокими и непреклонными, чем все те, что встречались им раньше.

Вода, ручьем стекая с листвы, вдруг полоснула по поднятому лицу Анжелики. Она вздрогнула.

Она промокла до костей.

Довольно плотная накидка из толстого сукна, под которой Анжелика несла на руках Онорину, была до нитки пропитана влагой и уже не спасала девочку от дождя.

Постепенно подходили остальные путники, и каждый в отчаянии останавливался перед водопадами и поднимал хмурый взгляд к вершине скалы.

Подошел и Жоффрей де Пейрак, таща за узду вороного жеребца. Он подтолкнул своих людей под выступ скалы, чтобы они хоть немного укрылись там от дождя. Кивнув на водопады, он сказал:

— За ними, наверху, Вапассу.

— А если в этом Вапассу никого нет? — прокричал один из мужчин во весь голос, чтобы его услышали в шуме водопадов. — Французы, небось, уже побывали там, а то и ирокезы. Наших убили, а хижину их сожгли.

— Нет, — сказал де Пейрак. — Вапассу надежно упрятан. И чтобы туда попасть, нужно еще знать, как найти его, а этого пока никто не знает.

— Они, поди, давно уже мертвые, ваша четверка наверху, — не унимался Кловис. — О'Коннел сказал, что не видел их два месяца.

— Нет, они не мертвые.

— Почему это вы так уверены?

— Потому что судьба не может быть столь жестока к нам.

Жофfrey де Пейрак взял из рук Анжелики малютку Онорину и, предупредив всех, что дальше нужно идти с крайней осторожностью, сам начал карабкаться по крутому скользкому склону, совсем рядом с пенистым потоком.

Вести и присматривать за двумя лошадьми, которые остались у них, входило в обязанности мужчин. Анжелике, правда, хотелось бы самой позаботиться о Волли, но она была уже не в состоянии сделать это — сил у нее оставалось только на то, чтобы держаться на ногах. Сорванные с деревьев листья, кружась вихрем, хлестали ее по лицу и слепили. Малейший неосторожный шаг мог стоить жизни.

Анжелика огляделась, не нуждается ли кто из ее спутников в помощи. Она увидела, что повар Октав Малапрад поддерживает Эльвиру, почти несет ее. Мэтр Жонас, спокойный, полный сил, хотя его мокрое лицо напоминало морду тритона, который только что вылез из воды, подталкивает идущую впереди него бедную госпожу Жонас, помогает ей как может, а она еле переставляет ноги.

Флоримон и Кантор, взяв на себя заботу о мальчиках, несли их на плечах, и Анжелика видела, как медленно, согнувшись под тяжестью ноши, продвигаются вперед и поднимаются по крутому утесу ее сыновья и мокрые волосы спадают им на глаза.

Страшная картина отчаяния.

Вот уже три дня, как они покинули окрестности сожженного Катарунка. Они взяли с собой лишь единственную пару лошадей. Остальных животных Мопертюи и его сын Пьер-Жозеф увели на юг, в сторону Голдсборо.

Ни для кого из тех, кто решил последовать за графом де Пейраком в глубь страны, не было тайной, что Вапассу, по существу, одно лишь название, а не форт. Перед тем как они отправились в путь, их предупредили, что это самое примитивное жилище, без палисада, своего рода логовище, которое четверо рудокопов, несколько месяцев назад оставленные там графом, не должны были как-то особенно благоустраивать, поскольку они собирались зимовать в Катарунке. Однако де Пейрак надеялся, что они все же успеют до наступления холодов сделать Вапассу пригодным для жилья.

В первый же день пути вниз, по течению Кеннебека, они на двух лодках отправили часть багажа и детей. Малышей вся эта суета забавляла, к тому же на лодках они смогли отдохнуть от пережитых треволнений. Остальные шли вдоль берега.

На следующий день они оставили Кеннебек, течение которого становилось слишком бурным да еще то и дело прерывалось порогами, и, повернув на восток, двинулись по берегу маленькой речушки, голубой и спокойной, — казалось, она несет свои воды через парк с лужайками, ивами и вязами. Они не повстречали на ее берегах ни одной живой души. Для людей, настроенных мистически, это была священная река.

Они рассчитывали прийти в Вапассу на третий день пути, примерно к полудню, но накануне ночью поднялся ураганный ветер, разметал шалаши, в которых они укрылись, а потом на них обрушилась буря с ледяным дождем, и вот до сих пор она не прекращается.

Вапассу — что на языке индейцев означает Серебряное озеро, — охраняемый священной рекой и духами благородных металлов, яростно защищал подступы к себе.

Споткнувшись о корневище, Анжелика упала на колени. Она думала, что у нее уже не хватит сил встать и ей придется заканчивать подъем, карабкаясь на четвереньках. С усилием подняла она голову и чуть не вскрикнула от радости: темный колодец наконец приоткрылся и в просвете показалось тусклое небо, по которому бежали косматые облака.

Стоя наверху, Жоффрей де Пейрак смотрел, как они поднимаются. Он нес на руках ее ребенка. Ее ребенка! Даже в самых смелых своих мечтах она никогда не могла помыслить об этом. «О любовь моя, это тебя я видела в своих сновидениях... Ты увлекаешь нас за собой в бурю, все дальше и дальше... Ты словно Каин, проклятием обреченный на вечное скитание... Но ведь ты не сделал никакого зла... Так почему же?.. Почему?..».

Де Пейрак заметил, что Анжелика упала, и его взгляд оттуда, с высоты, приказывал ей сделать последнее усилие, чтобы подняться и подойти к нему. Она мельком увидела, как из-под его плаща сверкнули сияющие радостью глаза Онорины. Прижавшись к груди отца, нашедшегося наконец на краю света, она смотрела на этот мрачный мир, от которого он ее защищал, и ликовала, — она была счастлива, это дитя.

Жоффрей де Пейрак не мог перекричать шум ветра и воды, но кивком головы он показал Анжелике налево, на другую сторону водопада, и она увидела какое-то

дощатое сооружение с лопастями, напоминающими огромные черные крылья.

Следы пребывания здесь человека вызвали у всех новый прилив надежды и мужества.

Однако мучения их на этом не кончились. Мельница являла собой всего лишь передовой пост Вапассу.

Немного дальше лес расступился и перед ними открылся довольно широкий пейзаж. Они увидели унылое, мрачное зеркало огромного озера, все покрытое рябью от шквального дождя, окруженное грядой гор с закругленными вершинами. Об эти вершины, словно вычерненные мокрой сажей, разбивались тучи, которые быстро гнал ветер. Жоффрей де Пейрак — он все еще нес на руках Онорину — вывел своих спутников на берег озера. Они прошли по узеньким деревянным мосткам и оказались на тропе, довольно заметной, но от дождя превратившейся в настоящее болото. Некоторые из путников до того изнемогли, что без конца оступались и падали в липкую грязь. И лишь одна мысль воодушевляла всех: скоро они окажутся в убежище, где пылает жаркий огонь.

Но они уже дошли до противоположного конца озера, а нигде не было видно ни огонька. Затем они миновали тесное ущелье, которое вывело их к другому озеру, поменьше, окруженному крутыми скалами. Обрывистый берег осыпался под ногами. Шли медленно, осторожно, стараясь держаться подальше от края. Остался позади еще один узкий проход между скалами, показалось третье озеро, побольше, на другом берегу его виднелись заболоченные луга и невысокие холмы. Вдоль тропинки, которая пересекала трясины, были проложены доски, чтобы легче было идти.

Но и это озеро осталось за их спиной, а они так и не обнаружили признака какого-либо жилья.

Несчастные растерянно шарили вокруг глазами и не видели ничего. Однако сквозь пелену дождя до них донесся едкий запах дыма.

— Я чувствую запах дыма! — срывающимся голосом крикнул маленький Бартеломи. — Я чувствую запах дыма!

Зубы у него стучали, и он так дрожал, что свалился бы с плеч Флоримона, если бы тот не держал его крепко. Волосы обоих сыновей Анжелики, обычно такие пышные, сейчас напоминали волосы древнегреческих наяд. Но Флоримон и Кантор не обращали на это внимания. Все это пустяки, уверяли они, им приходилось видывать и не такое. А здесь, подумаешь, всего лишь небольшой дождик!

По просьбе отца Кантор порылся в мешке и вытащил оттуда большую раковину, вроде тех, в которые свистят во время тумана моряки, подавая знак о приближении своего судна.

Юноша надул щеки, и прибрежные скалы несколько раз эхом повторили глухой звук раковины.

Немного погодя сквозь серый туман путники заметили, как от высокого скалистого мыса, поросшего пихтами и лиственницами, далеко выдававшегося в озеро, отошла лодка, в которой на веслах сидело какое-то непонятное существо с мертвенно-бледным лицом. Молча стеклянными глазами изучало оно пришельцев; лодка причалила к берегу.

Граф де Пейрак по-английски что-то сказал гребцу. Но тот ничего не ответил. Он был нем, этот перевозчик из царства теней, бледный как призрак, с белыми волосами.

В лодку сначала сели женщины и дети, затем Жоффрей де Пейрак с Онориной на руках.

Они высадились на устланной мхом поляне и, в то время как лодка отправилась за остальными, стали взбираться по пологому склону на край мыса.

Запах дыма стал резче. Казалось, он выползает из-под земли и смешивается с туманом. Неожиданно под ногами у них разверзлась какая-то нора, в которой они заметили ступеньки из кругляка. Вот в эту-то дыру, в эту нору они и спустились, толкнули дверь.

И тогда их, словно солнце, ослепил свет горящих ламп и пылающих дров, ударил в нос запах жареного сала, табака, жгучего рома, а тело окутало приятное, нежное, пленительное и благотворное тепло очага.

И на ярко-красном фоне этого радостного огня они увидели гиганта-мавра, который с удивлением смотрел на входящих. На нем была одежда из меха и кожи. Золотые подвески сверкали в его ушах. Шелковистые волосы мавра были белы как снег. И, узнав это черное, всплывшее из небытия лицо, Анжелика закричала:

— Куасси-Ба!

Глава 2

Итак, она вновь обрела Куасси-Ба, доброго, преданного, умелого Куасси-Ба, верного их раба, который когда-то давно, облаченный в атласную ливрею с галунами и со своей кривой саблей на боку, охранял вход в ее покои в тулузском дворце. Граф де Пейрак купил его совсем мальчиком у берберийцев и приобщил к своим научным опытам. Вместе с графом Куасси-Ба был осужден, вместе были они на галерах и вместе бежали оттуда и затерялись в просторах Средиземного моря...

Как не догадалась она раньше спросить у мужа о судьбе их верного слуги?.. Это, пожалуй, потому, что они все еще не осмеливались говорить друг с другом о том, что было после того ужасного дня на Гревской площади. Но воскрешения продолжались!..

А он, великан-мавр, поначалу и не признал ее. Он очень удивился, когда эта женщина в промокшей одежде, с растрепанными волосами бросилась к нему и сжала его огромные черные руки своими тонкими и холодными пальцами, повторяя: «Куасси-Ба! О, мой дорогой Куасси-Ба!» — и капли дождя на ее щеках подозрительно походили на слезы.

Но, увидев ее глаза, ее светлые незабываемые глаза, он догадался, кто перед ним. Он бросил взгляд на графа де Пейрака и, понимая, что чудо, о котором он наивно молился столько лет, свершилось, почувствовал, что лучезарная радость буквально распирает его, но не знал, как выразить ее в этом тесном логове, где сгрудилось сразу столько людей.

Наконец он упал на колени и, целуя руки Анжелики, повторял, словно молитву:

— О каспаша! О каспаша моя! Ты, ты наконец с нами! О, теперь я могу спокойно умереть!

В этом продымленном логове жили четверо рудокопов: старательный и степенный итальянец Луиджи Поргуани; метис Соррино — наполовину испанец, наполовину перуанский индеец из племени кечуа; немой англичанин Леймон Уайт, которому пуритане из Бостона вырвали за богохульство язык; и Куасси-Ба. В каждом из них, даже в итальянце, было что-то такое, что отличало их от остальных смертных, что-то отдававшее серой и порохом, и при виде их у Анжелики появилось такое же ощущение, какое испытала она некогда на руднике в Сальсине в первый момент, когда муж привез ее туда. Они были существами из другого мира, заключившими союз с тайными силами земли, и господином их был тот, кто сейчас вошел сюда и кого они приветствовали с поспешностью и благоговением, — граф де Пейрак, тулузский ученый. В его присутствии все здесь обретало свой смысл.

А в логове становилось все теснее. Из скорбной мокрой темноты продолжали появляться люди. Уже невозможно было пошевеливаться. Слышно было, как, стуча от холода зубами, входили последние путники и как вздыхали от блаженства те, кому уже удалось протянуть руки к огню.

Первое оцепенение прошло, и Анжелика взялась за самое необходимое — нужно было снять с Онорины и мальчиков мокрую одежду.

— Сухое белье, Куасси-Ба, — требовала она. — Одеjala. Помогите мне быстро вытереть малюток!.. Закутайте их хорошенько!..

И он, как когда-то в давние времена, спешил на ее голос. Она заглянула в котел, подвешенный на крюке

над огнем, увидела в нем дымящуюся похлебку и наполнила миски.

Согревшись и насытившиеся дети тотчас же уснули на складных кроватях с натянутым вместо тюфяка полотнищем ткани; их прикрыли меховыми одеялами.

Повар Малапрад коснулся плеча Анжелики.

— Госпожа, вот тут одна малютка упрямится...

— Какая малютка?

— Да вот...

Анжелика увидела Эльвиру, бедняжка едва держалась на ногах.

— Я больше не могу!.. Я больше не могу!.. — в нервном припадке рыдала она.

Анжелика подбодрила молодую женщину, заставила ее выпить несколько глотков горячего грога.

— Я хочу умереть! Я хочу умереть! — повторяла Эльвира. — Я не могу так больше... Почему я не умерла тогда вместе со своим мужем?..

— Успокойтесь, моя дорогая, — уговаривала ее Анжелика, обнимая. — Вот выпейте. Вы были очень мужественны! А теперь мы спасены. Здесь хорошо, тепло, у нас есть крыша над головой, и с нами Куасси-Ба. Посмотрите только, какой он добрый! Малапрад, разуйте ее. Надо снять с нее мокрую одежду... Найдите-ка мне еще одно одеяло...

В комнате была толкотня, но в толкотне этой чувствовалась деловитость. Мало-помалу голоса зазвучали громче и уверенней. Из одного угла поползли струйки пара — там устроили парную баню поиндейски, бросая в чан с водой раскаленные докрасна камни. Четверо рудокопов самоотверженно усердствовали, таща все, что сумели отыскать из запасной одежды, подкидывали дрова в огонь, подливали в похлебку воды, кинув туда свой последний кусок сала.

Эльвира постепенно успокоилась. Тогда Малапрад на руках отнес ее и уложил рядом с детьми на одну из кроватей, где она тут же забылась тяжелым сном, а он продолжал шептать ей нежные слова утешения. Но Анжелика взялась и за него.

— Теперь ваша очередь, мой друг!

Октав Малапрад не принадлежал к числу особых здоровяков. Он промок до костей и легко мог заболеть. Анжелика налила ему стакан водки из бутылки, которая переходила из рук в руки, заставила его снять разбухший, как губка, плащ и даже, несмотря на смущенные протесты бедняги повара, растерла его, уверяя, что и Кантор, и Флоримон тоже сняли свою заледеневшую одежду. Мокрые лохмотья дымились у очага, куча грязных сапог и башмаков все росла: сейчас их просто сваливали в угол. Завтра они посмотрят, что можно сделать с ними, а сейчас места у очага слишком мало, чтобы попытаться их высушить. При свете ламп, горящих на медвежьем жиру, можно было видеть, как теснятся у единственного в лачуге очага голые дрожащие тела.

— Мы почти ничего не взяли из товаров, что предназначены для торговли с индейцами, — сказал итальянец Поргуани. — У нас еще есть и одеяла и ром.

— На сегодня нам больше ничего и не нужно, — ответил граф де Пейрак.

Итальянец раздал ярко-красные одеяла, и каждый завернулся в него; сейчас они напоминали индейцев, собравшихся по какому-то торжественному случаю. Мало-помалу пришельцы выходили из оцепенения и возвращались к жизни. И вот, не без помощи рома, зазвучал смех, мужчины принялись шутливо награждать друг друга тумаклами, вспоминать о том, что произошло за последние сутки и за последние месяцы. А дети безмятежно спали.

Анжелика оглядела всех просветленным взглядом. Еще недавно они брели под порывами ураганного ветра и были самыми несчастными созданиями на свете, и тем не менее — Анжелика будет помнить это всегда — они сумели сохранить в себе искру человечности, готовность прийти на помощь и согреть сначала наиболее слабых. Она снова мысленно увидела Малапрада, утешающего Эльвиру, и бретонца Жана Ле Куеннека, протягивающего стакан водки супругам Жонас, хотя он еще не отхлебнул сам, и Кловиса, бросающего свою флягу Жану, и Никола Перро, заставляющего Флоримона и Кантора, примостившихся у очага, быстро раздеться, а не стучать зубами от холода. А Жоффрей де Пейрак... Лишь только лично убедившись, что каждый сыт и одет в сухое, он сбросил свой мокрый плащ. Анжелика перехватила его взгляд, он подошел к ней. И решительно притянул ее к себе.

— Теперь пора позаботиться и о вас, душа моя.

Его голос слегка дрожал от затаенной доброты и нежности. И только тут она почувствовала, что ее отчаянно трясет, словно в припадке падучей.

Он заставил ее выпить полный до краев стакан рому, разбавленного кипятком с кленовым сахаром, — такая смесь усыпила бы и быка!

— Да благословит Господь того, кто придумал этот божественный напиток — ром, — сказала Анжелика. — Не знаю, кто он, но ему стоило бы воздвигнуть памятник.

Все, что произошло потом, она помнила довольно смутно. Более или менее четко запечатлелись в ее памяти угол, где стоял чан, в котором бурлила вода, потому что туда бросали раскаленные камни; и блаженство той минуты, когда заледеневшее тело окутал жгучий пар; и большие руки, проворные и заботливые, помогшие ей завернуться в одеяло, сильные, крепкие руки, которые подняли ее, как

ребенка, понесли и уложили; и еще она помнила, как муж укрыл ее мягким мехом и как его лицо с такими выразительными темными глазами приблизилось к ней в полутьме, словно видение из ее далеких грез... Но на этот раз оно не таяло... И она слышала слова, сладкие, словно ласка, слова, которые он шептал ей, нежа и согревая ее, как будто они были одни во всем мире... Но в тот вечер это не имело ни малейшего значения. Все они были словно зверьки, раздавленные враждебной стихией, мачехой-природой.

Анжелика проснулась на исходе ночи и, отдохнувшая, с огромным ликованием в душе, прислушалась к тому, как на дворе шумит дождь и зловеще завывает ветер. На черных балках низкого потолка играли тени. Она лежала на полу, среди других укрытых тел, и громкий храп спящих вокруг людей оглушал ее со всех четырех сторон. И еще она была убеждена, что слышит за перегородкой хрюканье свиньи. Свинья! Какая прелесть!.. Здесь, в этом пристанище, есть свинья, которую они зарежут в сочельник! И есть одеяла и ром! Что же нужно еще?

Анжелика немного приподняла голову — она показалась ей и тяжелой и легкой одновременно, — увидела всех этих людей, спящих, тесно прижавшись друг к другу, и в углу около очага — сгорбившегося Куасси-Ба, который, словно ангел-хранитель, бодрствовал над ними, поддерживая огонь.

Было жарко, почти непереносимо жарко. Но Анжелика наслаждалась этим теплом, как наслаждаются пищей после продолжительного голода, когда ешь, ешь и кажется, что никогда не насытишься.

И радость ярким пламенем полыхала в глубине сердца Анжелики. Жгучий ром с островов, несомненно, сыграл тут не последнюю роль.

Все это напомнило ей Париж, Двор чудес. Братское содружество отверженных, проклятых... Но нет, разве

можно сравнивать, ведь здесь все озарено присутствием того, кого она любит, и со всеми этими людьми их объединила не нищета и неудача, а общее дело, тайное и грандиозное, которое по силам только им одним, только они могли взвалить его на свои плечи и довести до благополучного конца. Да, Вапассу — лишь начало, а отнюдь не конец.

Это даже хорошо, что Катарунка больше нет. Она полюбит Вапассу. Катарунк был обречен на трагедию. И правильно, что его сожгли дотла и оставили там черное пепелище. В Катарунке ее будоражили тревожные сны. Здесь она будет спать спокойно. Чтобы добраться до Вапассу, нужно пройти через множество узких ущелий, преодолеть столько же окружающих обледеневшие лощины скалистых гребней, в теле которых тысячелетиями покоятся золото и серебро, о чем никто не подозревает. Индейская тропа в Аппалачах проходила поблизости, но индейцы, что изредка пользовались ею, даже и не помышляли о том, чтобы остановиться в этих местах, и торопились пройти мимо, напуганные чернотой отвесных скал и каким-то суровым выражением одиночества, начертанным на их челе. Кто отважится, тем более зимой, пересечь высокие заснеженные отроги, охраняющие долину, где цепью протянулись три озера?

Под полуприкрытыми веками Анжелики проносились видения, и одни снова и снова наполняли ее глубоким чувством, а от других на глаза ее даже набегали слезы: Жоффрей де Пейрак, вырисовывающийся на фоне штормового неба, несет на руках Онорину; Флоримон и Кантор, согнувшиеся под тяжестью сидящих у них на плечах детей, спотыкаясь, бредут по грязи; Жан протягивает стакан водки зачоченевшему старому часовщику; Малапрад растирает холодные как лед ноги Эльвиры, чтобы

согреть ее... А теперь... Боже! Как жарко!.. Анжелика высвободила из-под меха руку и приподнялась.

Жоффрей де Пейрак спал рядом с нею. И тут в одно мгновение она вспомнила все. Это он вчера вечером закутал ее в мех и уложил здесь, это он прилег последним, чтобы немного отдохнуть. Сейчас он лежал неподвижно, словно мраморное изваяние, сильный и безмятежный. Он снова, в который уже раз, одержал победу над войной, над смертью, над стихией и теперь набирался сил, чтобы лицом к лицу встретить новый день.

Она смотрела на него со страстью.

Запах руды, который, как она сразу уловила, исходил от одежды четверых хозяев этой лачуги, впитавшийся в их покрасневшие, натруженные ладони с въевшимся в кожу порохом и каменной пылью, этот необыкновенный ладан, пронизавший здесь все, — как напоминал он то, что в те далекие годы окружало Жоффрея де Пейрака, словно какая-то хрупкая и глубоко личная тайна. Нет, она не знала его до конца. Она постигала его понемногу. Граф де Пейрак, покорявший своими празднествами Тулузу, граф де Пейрак, ведущий в бурю корабль, граф де Пейрак, смело выступающий против королей и султанов, — да, все это был он...

Но кроме того, что он был воин и дворянин, он был ученый, и он многое таил в себе, не имея возможности высказать свои мысли, потому что никто из современников не мог понять его. Это был человек, преданный рудничному делу, первой науке, которая, раскрывая невидимые и неуловимые тайны, объясняет детство мироздания... Здесь, в Вапассу, он проник в свое царство — в недра земли, где дремлет золото и серебро. Теперь уже Анжелика ясно видела, хотя бы по тому, как он спит, что здесь ему будет лучше, чем в Катарунке. А спал он так глубоко, так отрешенно от

всего, что его окружало, даже от нее, что она осмелилась протянуть к нему руку и с материнской лаской погладить его израненную щеку.

Глава 3

Оба плотника целыми днями не покидали свою яму. С утра до вечера они распиливали на доски бревна, один — взобравшись на бревно, другой — стоя в яме; они без усталости орудовали огромной пилой.

Несколько мужчин валили деревья, рубили ветки, обтесывали стволы. Тополь — для внутренних стен и перегородок, темный дуб — для наружных и крепостных стен, пихта — для сточных канав, мебели, дражки на крышу. Спешно увеличивали, надстраивали убогое жилище. Прежде всего вдвое удлиннили комнату, сделав из нее большую залу, к ней присоединили еще одну комнату, тоже большую, предназначенную для супругов Жонас и Эльвиры с детьми. Маленький чулан, вырубленный в скале и потому расположенный несколько выше остального помещения, освободили от инструментов и бочек, и теперь там готовили комнату для графа де Пейрака и его жены: прорубили окно и сложили из валунов очаг, который должен был соединиться боковым дымоходом с камином в зале.

У входа пристроили новый чулан для хранения провизии, к тому же это промежуточное помещение послужит для защиты жилых комнат от холодного воздуха, и будет легче поддерживать в них тепло. Граф де Пейрак приказал вырубить в скале погреб для хранения напитков, соорудить конюшню для лошадей, сарай для дров. Эхо разносило по округе стук топоров, удары молотка, монотонную песнь повизгивающей пилы, грохот досок и балок, которые укладывали в штабеля.

Был день, когда все строение оказалось без крыши, под открытым небом, и они снова расположились

лагерем на лугу, как во время пути, а вокруг них в тростниках квакали лягушки и покрякивали утки.

К счастью, небо снова стало ясным.

Предсказание канадских авгуров сбывалось: последние дни октября и первые дни ноября выдались на удивление сухими и восхитительно теплыми. Только ночи были холодные, и иногда под утро изморозь делала горы серебристо-голубыми.

Не прошло и дня после их прихода, как Анжелика убедилась, что первое ее впечатление о Вапассу подтверждается. Вапассу был местом потаенным, расположенным в стороне от прохожих троп, местом, куда и индейцы и французы остерегались совать нос. Значит, самое важное теперь — вовремя подготовиться к зиме. Запасы провизии, имевшиеся в Вапассу, за исключением маиса и свиньи, которую здесь откормили за лето, были почти на исходе; четверо рудокопов как раз готовились спуститься в Катарунк, когда к ним прибыли неожиданные гости. Катарунк больше не существовал, и две с половиной дюжины людей, да к тому же еще пара лошадей, должны будут пережить зиму на берегу Серебряного озера.

Надо укрыться, согреться, поесть, а это означало, что надо строить, запастись дровами и едой, охотиться, ловить рыбу.

Анжелика начала сражение с птицами за последние красные ягоды рябины и черные — бузины. Этими ягодами она будет лечить лихорадку, кашель, боли в суставах и в пояснице...

Она посылала Эльвиру с детьми собирать все, что еще можно было найти съедобного на кустах в чащах — всевозможные ягоды, бруснику, чернику, мелкие чахлые дикие яблоки и груши.

Добыча была смехотворной, если принять во внимание, на какую ораву она рассчитана, но ценность ее была велика — ведь, может быть, именно эта горстка

сухих ягод и спасет их в конце зимы от цинги. Цинга — болезнь моряков. А также тех, кто проводит долгую зиму в неизведанных землях. Вот почему сами-то моряки называют цингу «сухопутной болезнью». Друг Анжелики Савари во время их скитаний научил ее извлекать пользу даже из кусочка фруктовой кожуры. Здесь фруктов почти не было, и они долго еще не увидят, как зреют фрукты. Но сушеные ягоды пойдут им во спасение.

Дети собирали земляной орех и в глубине чащи, где почва была пропитана влагой, — грибы, лесные орехи, желуды для свиньи. Кроме того, им поручили отыскивать для каменщиков в морене над озером валуны — они потребуются, когда начнут возводить большой камин с четырьмя топками и соединенный с ним дымоходом второй очаг, в глубине залы, который, в свою очередь, соединится с очагом в комнате де Пейрака и Анжелики.

Потом неожиданно на озеро обрушились стаи перелетных птиц, и детям пришлось охранять берега, чтобы спасти от этого нашествия траву, так необходимую для корма лошадей.

Целыми днями дети шлепали по грязи, громкими криками распугивая птиц, и между делом выкапывали из песка гроздья пемака, напоминавшего сладкий картофель, соперничая в погоне за этой добычей с дикими гусями.

Госпожа Жонас взяла на себя обязанность готовить на всех. Каждый день она варила в котлах маис, тыквенную кашу, мясо и рыбу... Обеими руками ворочала она деревянным, чуть ли не в ее рост половником в трех огромных котлах, стоящих на примитивных очагах. Она попросила мужа сделать ей из старого рога для пороха сигнальный рожок, которым она сможет собирать всю братию к обеду. Все остальное время она носилась то тут, то там, ловко

лавируя среди досок и инструментов, чтобы принести водки или пива плотникам в яме, лесорубам в лес, тем, кто работал в доме. Ее покрасневшие щеки лоснились. И она, смеясь, уверяла, что всеща мечтала стать маркитанткой.

Большая часть мяса и рыбы из той добычи, что приносил отряд охотников и рыболовов, в который входили и Флоримон с Кантором, предназначалась для копчения. Были сооружены решетки, и под ними, не угасая, пылал огонь из сухих благоухающих трав.

Ведала этим Анжелика, взяв себе в помощники Куасси-Ба и Элуа Маколле. Целые дни напролет проводила она, стоя на коленях в траве, бурой от крови, заваленной потрохами, и, засучив рукава, липкими руками разрезала на тоненькие ломтики части туш, предварительно разделанные старым Маколле. Куасси-Ба раскладывал куски над огнем. Из-за этой неотложной работы все дела на руднике приостановили и старый мавр не отходил от Анжелики ни на шаг. Как в добрые давние времена, он без конца откровенничал с нею, вспоминал прошлое, рассказывал о своих похождениях с графом де Пейраком на Средиземном море и в Судане, то есть о том периоде жизни ее мужа, который она могла только рисовать в своем воображении.

— Он не был счастлив без тебя, каспаша, — говорил старый мавр. — Работа, рудник, золото, путешествия, торговля с султаном, неизведанные края, да, все это занимало его ум... Но женщины... с этим было покончено...

— Что-то с трудом верится...

— Да, да! Верь мне, каспаша! Женщины были... но не для сердца... с этим было покончено.

И она слушала болтовню своего друга Куасси-Ба, а в это время ее руки, ловкие руки служанки таверны «Красная маска», разделявали мясо, резали его на

куски, а то, случилось, энергичным движением вынимали какую-нибудь кость или разрубали точным ударом топорика ребра.

Элуа Маколле краем глаза наблюдал за ней. Ему очень хотелось бы подловить ее на какой-нибудь погрешности, но придраться было не к чему.

— Можно подумать, что вы всю жизнь провели в вигваме.

Склонив голову, с воспаленными от едкого дыма глазами, с красными от крови руками, Анжелика работала, не позволяя себе отвлечься ни на минуту. Каждая порция хорошо прокопченных ломтей мяса, которые они укладывали в корзины, сделанные из корыилисплетенные из тростника, это ужин; каждая наполненная корзина — это день жизни, который они отвоевали у судьбы...

Убитые лани, олени, косули приволакивались на лужайку, и остро наточенные ножи проворно вступали в дело. Флоримон даже медведя убил, вскочив ему на спину и вонзив кинжал в самое уязвимое место затылка, а затем вторым, более сильным ударом перерезав ему сонную артерию.

— Впервые в жизни слышу, чтобы медведя убили таким способом, — говорил Никола Перро. — У Флоримона вечно все не как у людей. И подумать только, отделался всего лишь разорванным камзолom да царапиной от удара когтями.

Анжелика поставила сыну освежающий компресс, а Флоримон в это время в подробностях рассказывал ей о своем подвиге, уплетая крылышко жареной утки. Флоримон отличался необычайной силой, о ней уже рождались легенды. Колонисты в Америке любят незаурядных людей, и Флоримон был на пути к тому, чтобы завоевать славу «самого сильного молодого мужчины Северной Америки». С гордостью глядя на

него, Анжелика вспоминала, каким хрупким был он в детстве.

Медвежий жир поставили топить, чтобы потом использовать его для ламп, а шкуру продубили — из нее получится запасное одеяло на зиму.

Хотя и запоздалая, зима теперь надвигалась решительно. Иногда резкие порывы ветра, налетавшего невесть откуда, мощным шквалом проносились по вершинам деревьев. Красный лес постепенно становился розовым, затем сиреневым и наконец сделался серым. Круглые вершины гор, поросшие соснами и пихтами, казалось, были увенчаны более темной скуфьей, коричнево-фиолетовой, которая подчеркивала неровный рельеф Аппалачского плато. Дыхание леса утратило свой аромат, пронизанный запахом диких животных и ягод. Пушные звери — медведи, лисы, сурки — начали прятаться по своим норам; правда, оставался еще запах грибов и мха, сухой листвы и коры, но это уже был запах зимы.

Стаи перелетных птиц, все более и более многочисленные, в особенности утки и гуси, каждый вечер тучами опускались на озера и пруды. Днем от них темнело небо. Они проявляли бурное волнение, так как задержались в дороге и теперь пытались наверстать упущенное. Уже немисливо стало прогонять их с лугов. Однажды Анжелика, вооружившись палкой, вынуждена была защищать Онорину от нападения огромной черно-белой казарки.

Глядя на птичью тушку, которую она за шею притащила госпоже Жонас для ужина, Анжелика думала о том, какое благодатное действие оказывает при зимних недугах гусиный жир — ведь это и припарки при кашле, и мазь при ожогах, а кроме того, как хорошо было бы зимой изредка полакомиться вкусной птицей в горшочке, отдохнуть от вяленого мяса. Разве нельзя всю эту водоплавающую дичь, которая кишит здесь в

изобилии, изловить и сохранить на черный день?.. Вот только как ее сохранить? Анжелика раздумывала... Но ведь у них очень много медвежьего жира... И постепенно у нее зародилась мысль: а что если заливать каждую птичью тушку слоем жира, как сохраняют гусиное мясо в Шаранте или Перигоре?

Жоффрейде Пейрак одобрил ее предложение, подтвердив, что жир, не давая доступа воздуха к птице, защитит ее от порчи. Для пущей предосторожности он посоветовал предварительно слегка прокоптить ее. По примеру охотников — а они обычно именно так и поступают в подобных случаях — приготовили емкости из мочевого пузыря самок лося и медведя, поскольку они имеют большую вместимость. Чтобы работа шла быстро, соорудили хижину-коптильню, натаскали туда можжевельных сучьев.

Каждый вечер группа мужчин с палками спускалась к озеру.

Это была настоящая птичья бойня: головки — зеленые, фиолетовые, красные, белоснежные, хохлатые, гладкие — безжизненно никли в тучах вздымающихся перьев. Три женщины, сидя немного поодаль, ощипывали тушки, сдирая себе кожу на пальцах, потрошили, отрубали шейки и лапки. Дети со всех ног мчались, чтобы положить подготовленные тушки на решетки в коптильне. На следующее утро их снимали с решеток как следует прокопченными и, уложив в драгоценные пузыри или, когда пузырей не хватало, в коробки, ящики или плетеные корзины, заливали горячим жиром. Когда же класть больше было некуда, просто зашивали тушки в мешки из шкуры ланей.

Дети, собирая охапки можжевельника, искололи себе все пальцы. А на свои руки Анжелика старалась даже не смотреть. Они утратили свою белизну и, покрасневшие, израненные, были ужасны.

Запах коптильни и топленого жира, стоящий в этой закрытой ложине, смешивался с запахом свежерубленной древесины. Густое низкое облако дыма далеко растянулось над озерами, разнося до самого дальнего их края аромат древесины и смолы, трав и терновника, запах крови, терпкий запах копченого мяса диких животных.

Здесь трудились люди...

Несколько индейцев, проходивших по тропе в Аппалачах, унюхали этот необычный запах и приблизились к лагерю.

Это были бродячие индейцы. Они шли налегке, без клади, несколько небольших семей, забредших сюда в поисках водоема, где можно зимой ловить бобров. Они шли по гребню прибрежной скалы над озером и, прежде чем спуститься на другую ее сторону, с любопытством разглядывали сверху, через темную стену хвойного леса, лагерь на берегу Серебряного озера, весь звенящий от ударов топора, весь голубой под пеленой дыма, который поднимался от решеток коптильни.

«Уж не собираются ли белые жить здесь зимой? — спрашивали себя индейцы. — Их слишком много. Они совсем потеряли разум, ведь они умрут!.. Это запретное место. И потом, что это за странные животные бродят по берегу? Не лоси, не бизоны... Их ведь тоже надо кормить. А как же зимой?» Испуганные индейцы живо ретировались: все, что они увидели, не предвещало ничего хорошего.

И все же однажды утром Анжелика, еще занятая заготовкой мяса, почувствовала на своем плече тяжесть чьей-то властной руки. Подняв глаза, она узнала Мопунтука, сагамора племени металлаков.

Как всегда спокойно-величавый, полуголый, несмотря на промозглый холод, он знаком приказал ей подняться и следовать за ним.

Он привел ее сначала на берег первого озера, потрогал песок, несколько раз попробовал воду из самого озера около берега и из маленького ручейка, который на своем пути к озеру образовал небольшую спокойную заводь. Подобно некоторым горным кристаллам, что сохраняют в своей прозрачности янтарный отблеск, незамутненная вода была золотисто-коричневой. Это была вода из болота, гумусная, то есть профильтрованная через перегной. Анжелика знала это место — здесь было великолепно стирать. Она поняла, что Мопунтук спрашивает, нравится ли ей эта вода, и несколько раз утвердительно кивнула головой.

Он потащил ее дальше, заставил подняться на крутой берег, потом спуститься с другой стороны, останавливая ее около запруд, ручьев и родников.

— Ware! Ware! — повторял он.

Это слово на языке металлаков означало «вода». Уж теперь-то, после этой прогулки с Мопунтуком, она запомнит его на всю жизнь.

Еще дальше они нашли воду, очень чистую, но жесткую, с привкусом извести. Стало быть, она вредная. Анжелика замотала головой, скорчила гримасу, будто отплевывается, всем своим видом показав, что считает эту воду непригодной для питья.

Мопунтук был явно удовлетворен. Белая женщина отлично разбирается. Прогулка продолжалась, и они отыскивали воду красновато-бурю, воду с привкусом железа, воду мутную и бурную, но вкусную.

И вот уже совсем на склоне дня он показал ей на крохотной лужайке почти невидимый родничок, который бил ключом и тут же исчезал без шелеста, точно выпиваемый рыхлой почвой. Это был молчаливый и нескончаемый дар земли, вода с привкусом зелени. На Анжелику словно пахнуло весной: глоток воды оставил у нее на языке вкус зеленых листьев кресса, шалфея, мяты. Очарование этого источника так подействовало

на Анжелику, что она совсем потеряла представление о времени.

Когда они только отправились в путь, она пыталась дать понять Мопунтуку, что не должна слишком удаляться от лагеря. Позднее ей пришлось смириться и безропотно следовать за ним, потому что они очень много кружили по лесу и она боялась, что, оставшись одна, не найдет дороги домой.

Наступал вечер, когда люди графа увидели ее бредущей следом за огромным краснокожим дьяволом. Она была в изнеможении.

Уже не первый раз в тревоге искали графиню де Пейрак.

Мопунтук держался очень важно. Он был крайне удовлетворен и этим днем, который он посвятил поиску источников, и счастливым даром Анжелики распознавать воду. С достоинством и в то же время дружески-покровительственно он обнял за плечи графа, скорее недовольного, и стал рассказывать ему, как возрадовалось его сердце.

Белая женщина, говорил он, была, естественно, как все ей подобные, как все женщины, довольно строптива, она все хотела убедить мужчину, что он сам не ведает, что творит, но она распознавала воду в источниках, она умеет определять ее по вкусу. Это великий дар. Благословенный дар. Он — Мопунтук, вождь племени, которое живет неподалеку, у озера Умбагог, и он надеется, что белые прочно обоснуются на Серебряном озере и тогда возродится индейская тропа в Аппалачах, тропа, по которой некогда индейцы проходили по торговым делам от большой северной реки до берегов океана.

Он не скрыл, что этот день принес благословенные плоды. Потому что завтра сюда придут индейцы из племени металлаков пригласить белых принять участие в их последней перед зимой великой охоте. Пусть белые

возьмут с собой свои ружья, порох и пули, а взамен — в знак взаимной помощи — им оставят часть добычи.

Американские лоси и лани начали перебираться из Канады в менее суровый по климату район залива Мэн. Мопунтук, вернувшись из Вапассу, стал тормошить своих собратьев, упрекая их в том, что они проявляют леность как раз в то очень недолгое время, когда звери стадами проходят через их леса; он говорил своим братьям, что именно их нерасторопность и служит причиной голода, который ежегодно изнуряет их. Каждую осень они убеждают себя, будто у них достаточно провизии, чтобы пережить долгую зиму, но ее всегда не хватает. К тому же, Мопунтуку приснился сон: Великий Маниту повелел им организовать последнюю большую охоту и пригласить на нее белых с Серебряного озера, которые лицом к лицу столкнулись с кровожадными ирокезами и выпутались из этого живыми, не потеряв своих скальпов, и все это благодаря своим хитрым речам и колдовству! А колдовство нужно было им, чтобы убедить ирокезов отказаться от мести. Эти белые оплатили предательство тем, что сожгли все свое имущество. И дальше следовал перечень великолепных товаров, принесенных в жертву огню, длинный перечень, который индейцы из племени металлаков, упиваясь, молитвенно повторяли наизусть. Сто тюков меха, водка, ярко-красные одеяла и еще много других товаров. Человек Гром не такой, как все остальные белые. Он всемогущ. С ним лучше подружиться. Мопунтук и его братья, индейцы с озера Умбагог, — соседи белых, и они берут их под свое покровительство.

Никола Перро, Флоримон, Кантор и один из англичан вместе с индейцами отправились на четырехдневный путь к западу принять участие в великой охоте года, а остальные вновь взялись за работу по устройству форта.

Когда к концу недели охотники вернулись, хозяйственные и строительные работы разгорелись с новой силой. Наконец стало ясно, что запасы провизии достаточны. Если им повезет и ранней весной они сумеют добыть кое-что силками, которые расставят в снегу, они переживут зиму. Элуа Маколле, успокоенный, кивал головой.

— Может быть, нам не придется есть друг друга.

— Что вы болтаете! Какой кошмар!

— Э-э, и такое случалось, голубушка.

Едва ли он шутил.

Анжелика, слушая его, чувствовала себя словно в тисках какого-то тяжелого предчувствия. Она то пребывала в состоянии радостного подъема, которое создавала красота этих пустынных, уединенных мест, то ее охватывал страх, когда она представляла себе, какие испытания их ожидают и как плохо подготовлены они к тому, чтобы противостоять им. Этим мужчинам и нескольким женщинам и особенно этим детям, таким хрупким существам, предстояло пережить здесь долгую зиму в тесноте, со скудными запасами пищи, без лекарств, в полном и тягостном одиночестве, словно в замкнутом круге.

Глава 4

Жоффрей де Пейрак ничего не сказал, когда увидел, что Анжелика взяла в свои руки тяжкую работу в коптильне. Она догадывалась, что он все время наблюдает за ней издали, и старалась не ударить в грязь лицом.

«Уж не думает ли он, что я ни на что не гожусь и буду сидеть сложа руки?»

Им нужно выиграть год. Ведь именно так он сказал, не правда ли? А сейчас почти все их достояние — это одежда на их плечах.

Помочь ему выжить, восторжествовать — с каким тайным ликованием она будет стремиться к этому, ведь она столько времени не имела возможности служить ему. И она решила трудиться для него, чтобы хоть в какой-то мере искупить тем самым свое бывшее предательство. Эта мысль целиком завладела Анжеликой. И самая изнурительная работа не казалась ей тяжелой.

Есть чувства, которые проверяются только временем. И среди них — верность любви. Она добьется своего и сокрушит ту стену недоверия к ней, которая иногда отделяет от нее Жоффрея. Она докажет ему, что он всегда был для нее всем, докажет, что никогда ни в чем не посягнет на его мужскую свободу, что она не отяготит ему жизнь, что у нее и в мыслях нет отвлечь его от работы и от тех целей, которые он себе поставил.

Страх, не пожалеет ли он когда-нибудь, что взял ее сюда с собой или даже что он вообще отыскал ее, бросал Анжелику в холодный пот. Это были дни, когда непредвиденные тяготы их бивуачной жизни снова разлучили ее с мужем, она томилась вдали от него. Как

и во время пути, мужчины с грехом пополам теснились в сооруженной на индейский лад простой хижине из коры, для женщин и детей построили более просторный вигвам, и в нем, в одном из углов, на скорую руку сложили небольшой очаг. В вигваме было достаточно тепло, но Анжелика чувствовала себя там неуютно, и ей снова начало мерещиться, будто она все еще одна и безнадежно ищет свою любовь, которую потеряла в этом огромном мире. А еще чаще ей виделось, как Жоффрей отталкивает ее и взгляд его непреклонен, как тогда на «Голдсборо», в тот памятный день, когда она пришла умолять его о помощи.

Итак, она трудилась, как рабыня. И если у нее выпадала свободная минутка, она бежала с детьми в лес, чтобы собрать охапку хвороста. Топлива всегда не хватает, а она по опыту знала, что нет ничего хуже, когда зимним утром нечем разжечь огонь.

И она торопливо подбирала с земли ветки и веточки, чтобы сложить их кучей в сарай, где хранились дрова.

Анжелика всегда любила собирать в лесу хворост. Еще когда она была девочкой и жила в родительском замке Монтелу, тетушка Пюльшери говаривала, что это единственная работа, которую Анжелика выполняет охотно. Она умела быстро вязать огромные охапки и без усталости таскала их. И здесь, когда люди де Пейрака в первый раз увидели ее возвращающейся в сопровождении ребятишек из лесу согнувшейся, словно старуха, под своей ношей, такой огромной, будто это сам лес двинулся в путь, они так и застыли с открытыми ртами, не зная, ни что сказать, ни что предпринять.

Анжелика безупречно выполняла все, за что бы ни бралась, и любое вмешательство казалось неуместным, а потому они старались не навязываться к ней со своей помощью. Между собой они много говорили о ней, пытались понять, кто же она, но так и продолжали теряться в догадках. С одной стороны, тут каждому

ясно, эта женщина тяжело потрудились на своем веку, потому что она не чурается никакой работы, с другой — это тоже было очевидно, — она была великосветской дамой, которая привыкла к тому, что ее окружают слуги, привыкла приказывать, проводить время в праздности. Только вот не любила она, когда смешивали эти две черты ее натуры.

И если кто-нибудь из мужчин в эти трудные, напряженные дни, предшествовавшие их первой зимовке в Вапассу, подходил к ней, чтобы помочь, она сухо отсылала его обратно.

— Оставьте же, мой милый, у вас есть другие, более спешные дела. Когда вы понадобится мне, я вас позову.

Да, Жоффрей де Пейрак наблюдал за нею. Он видел, с какой сноровкой орудует она возле огня в коптильне, словно только этим и занималась всю жизнь. Он видел, как она сдирает шкуру с убитых ланей или оленей, опустошает их чрево, разбирает кости, как она ощипывает птицу, процеживает тошнотворный жир, выгребает из очага уголь — и все это делает с просто удивительной для ее маленьких, тонких и холеных рук сноровкой и энергией.

Со смешанным чувством изумления и уважения он обнаружил, что она очень сильная, спорая, что она умеет делать много такого, к чему ее воспитание и в особенности та блистательная, роскошная жизнь, какую он создал ей в Тулузе, казалось бы, не предназначали.

И в минуту раздражения — а оно иногда готово было толкнуть его к ней, чтобы вырвать у нее резак, которым она так ловко орудовала, тяжелый котел, который она переставляла одним рывком, или охапку дров, под тяжестью которой сгибалась, — он чувствовал необузданную силу горестной и дурной страсти, обуревавшей его, когда он думал о годах их разлуки.

Потому что в такие минуты перед ним была другая женщина, «незнакомка», постигшая науку жизни без него, и теперь она выставляла напоказ свое умение, а он почти негодовал на нее за то, что она такая сильная, что ее ни в чем нельзя упрекнуть и что она столько всего познала вдали от него.

Ему вспомнилась фраза, что она бросила ему как-то на «Голдсборо»: «И как это у вас появилось желание отыскать меня? Ведь я злая, глупая, никчемная, я ничему не научилась в жизни...»

Да, действительно, он тогда не сумел оценить по достоинству эту новую Анжелику, не понял, на что способна она, если ее предоставить самой себе. Он думал о том, как мало еще знает он женщин. Вот хотя бы Анжелику. И в сердце его боролись восхищение и ревность.

Анжелика прекрасно разгадала его слабость. Чуткая душой, она понимала причину ее, и ей почти доставляло удовольствие сознавать, что он, такой мужественный, такой необыкновенный человек, тоже уязвим. Эта мысль словно успокаивала ее. И тогда она мимоходом бросала ему взгляд, в котором одновременно сквозили мягкая насмешка, нежность и еще что-то непостижимое, от чего ему делалось не по себе.

— Не тревожьтесь, — говорила она, с улыбкой тряхнув головой. — Я люблю работу, и потом... я познала рабство, а это похуже, чем собирать хворост ради любви к вам...

А он чувствовал при этих словах почти физическую боль, словно острое лезвие клинка вонзалось в его сердце. Как случилось, что она продолжает быть единственной женщиной, способной заставить его страдать, его, настолько пресыщенного вниманием слабого пола, и при этом всего лишь оставаясь самой собою?..

По правде сказать, он ни в чем не мог упрекнуть ее. В ее поведении не было ни ложной покорности, ни вызова. Но всему, что она умела, она научилась вдали от него. И он мучился от отчаянного желания взять реванш. Ради нее он решил тверже, чем когда-либо, что они восторжествуют в борьбе против злого рока, и такова была его жажда властвовать над судьбой, что он передавал ее своим людям, убежденный, что никакая сила не может одержать над ним верх.

В Вапассу трудились, как в муравейнике.

Жоффрей де Пейрак сам занимался всем — руководил плотниками и каменщиками, давал советы дубильщикам кожи и столярам, и нередко можно было видеть, как он берет в руки длинный топор лесоруба и валит дерево несколькими точными и сильными ударами, словно он решил один на один встретить мятежную природу и в единоборстве победить ее.

И вот, хотя об этом и не было речи, работа все время продолжала связывать их, ибо благодаря ей они познавали друг друга, благодаря ей они забывали о себе, благодаря ей они подготавливали себя друг для друга. Де Пейрак догадывался о смятении Анжелики. Он заметил, что от чрезмерной усталости ее временами одолевают сомнения и тогда все видится ей в мрачном свете.

В такие минуты призрак Каина, застигнутого бурей, снова неотступно преследовал ее.

«А если и впрямь Бог против нас? — нередко думала она. — Если мы и вправду прокляты? Приговорены заранее, куда бы ни пошли, я или он?.. К чему же тогда бороться?..» И еще ей вспоминался исполненный ненависти взгляд какого-то странного существа, притаившегося в кустах на берегу озера в тот день, когда она купалась там, застывший взгляд, который буквально пронзил ее и отравленной стрелой проник в сердце. Это воспоминание часто преследовало ее. И

случалось, что, возвращаясь из леса, она останавливалась на опушке, чтобы перевести дух и оглядеться.

По левую руку от жилища, у подножия двух холмов, покрытых зияющими чернотой дырами или свежими синеватыми рубцами, виднелись какие-то странные сооружения — колеса и стоящие торчком брусья, напоминавшие орудия пыток, орудия кошмара. Вершину одного из холмов венчал крошечный лесок, откуда днем и ночью, словно из кадила, не переставая тянулся тонкий дымок. Анжелика знала, что там, в этом леске, расположены хижины углежогов, нечто вроде приподнятых над землей глиняных сводов, прикрывавших пышущие жаром от непрерывного горения дрова — бузину и березу, — из которых рудокопы получали уголь, необходимый для их работ.

Жилище, где, словно в Ноевом ковчеге, предстояло жить новым колонистам, выступало из земли на краю мыса, и теперь можно было совершенно отчетливо видеть его крышу из белой дранки и поднимающиеся ввысь четыре высокие каменные трубы.

Когда Анжелика думала о предстоящей зиме, ее тревожила еще одна мысль. Несмотря на все те хорошие качества, которые она открыла в людях де Пейрака, большинство из них оставались мужланами, грубыми, несговорчивыми, иными словами, они вызывали беспокойство. Когда они все вместе будут жить в форте, к чему приведут теснота их жилища, несхожесть характеров, лишения, отсутствие женщин? Не породит ли это обстановку, которая отравит им существование?

В Пуату во время восстания ее крестьяне, помнится, ненавидели тех, кто, как им казалось, были ее любовниками: Ла Мориньера и барона Круассе...

А здесь ситуация сходная. Сдержанность, которую мужчины пока что проявляли по отношению к жене

своего хозяина, может в один прекрасный день превратиться в чувство совсем иного рода. Анжелика прекрасно понимала, что та отчужденность, с какой муж держится с ней в присутствии других, объясняется его нежеланием пробудить в этих одиноких мужчинах ревность.

Госпожу Жонас тоже тревожили подобные мысли, она беспокоилась за Эльвиру — ведь молодая женщина пребывала в самом подходящем для ухаживаний возрасте. До сих пор мужчины держались с ней учтиво, но кто знает, что будет, когда они поселятся все вместе и ими завладеет тоска...

Однажды Жоффрей де Пейрак взял Анжелику за руку и повел на берег озера. Сухой прохладный вечер был очарователен.

— Вы чем-то озабочены, душа моя? Я вижу это по вашему лицу. Доверьте мне ваши беды!..

Немного смущаясь, она рассказала ему о страхах, которые иногда одолевают ее. Прежде всего, не окажутся ли злой рок и неудача сильнее, чем их мужество?

Голод, холод, работа? Нет, этим ее не запугаешь. Разве та жизнь, которую долгими зимами они вели в Монтелу, так уж разительно отличалась от того, что ждет их здесь? Оторванность от мира, изнурительный труд и постоянная угроза нашествия бандитов, так же, как здесь индейцев или французов, — разве это не породило ту же атмосферу опасности и тревоги? Нет, не это ее беспокоит... Она любит Вапассу...

Он понял, о чем она умалчивает.

— Вы боитесь проклятия, которое меня преследует? Но, любовь моя, никакого проклятия нет. Абсолютно никакого проклятия. Напротив, есть лишь некоторые разногласия между теми, кто задержался на путях незнания, и мною, которому Господь пожелал осветить неведомые пути. И если даже мне придется

поплатиться за это гонениями, я не пожалею о том, что Господь оказал мне эту милость. Я пришел в эти страны, чтобы сделать их богаче. Разве в этом есть что-нибудь неуютное Создателю? Нет. Так не будьте же суеверны и подозрительны к Богу. Вот в этом коренилось бы зло...

Он вытащил из камзола маленький золотой крестик, который снял недавно с шеи убитого патсуикета.

— Взгляните-ка сюда... Что вы видите?

— Крестик, — ответила она.

— Так вот, меня поражает, что он золотой... А я видел много подобных миниатюрных украшений на туземцах, кресты и другие вещицы, с тех пор как решил изучить страну. Я получил лишь единственное объяснение по этому поводу: украшения эти якобы подарены местным жителям матросами из Сен-Мало, приходившими к их берегам. Но оно меня не удовлетворило. Наши бретонцы не настолько щедры. Для подарка вполне хватило бы и медного крестика. Кресты изготовлены здесь, а это свидетельствует о том, что в этих странах, где алчные испанцы, развращенные сокровищами инков и ацтеков, не нашли ничего, все-таки есть и золото и серебро. Правда, золота видимого, которое лежит на поверхностях самородках, что вымывают в ручьях, — ничтожная малость, но, возможно, много золота невидимого, притаившегося в недрах земли. Кресты сыграли свою роль. Я разгадал эту загадку. Как видите, они навели меня на след. Вапассу — самый богатый из моих рудников, но у меня есть и другие, почти повсюду в Мэне. Теперь, когда я знаю, что губернатор Канады неусыпно следит за мною, мне надо поторопиться, чтобы заставить мои находки приносить плоды... Я рассчитывал с полным комфортом устроить вас в Катарунке. Однако, придя сюда, мы выиграла время. Нам нужно пережить зиму, это будет тяжело. Но здесь нашим единственным недругом будет

природа. Но природа же принесет мне могущество. Когда-то я был богат, но не имел власти. Теперь мне еще нужно приобрести богатство, чтобы иметь право жить. И мне легче будет достичь этого в Новом Свете, нежели в Старом.

Некоторое время он неторопливо шагал вдоль озера, крепко прижимая к себе Анжелику, потом вернулся к разговору.

— Послушайте меня, моя дорогая, мы все здесь — висельники, и именно потому мы выживем. Я собрал этих мужчин, ибо знаю, им известна цена терпения. Тюрма, галеры, неволя, глубина нравственного падения, которое они постигли в компании самых гнусных отбросов человечества, — все это превосходная школа терпения... Пережить здесь долгие зимние дни, иногда с пустым желудком? Они все способны на это. Они способны и на большее... Холод, голод, теснота?.. Что это для них? Они знавали худшее... Может быть, вы тревожитесь, что будет тяжело детям? Но если у детей есть все необходимое и они чувствуют, что окружены любовью, они не будут страдать. Когда сердце ребенка ублаговорено, он необычайно вынослив. Я верю и в ваших друзей супругов Жонас... Эти люди тоже знают, что такое терпение. Долгие годы ждали они возвращения своих сыновей. Но однажды пришел день, когда они поняли, что больше не увидят их. Никогда. И они пережили этот удар. А Эльвира? Я согласился взять с собой эту молодую женщину потому, что она сама умолила меня об этом. И я знаю почему. Она больше не в силах была оставаться со своими земляками из Ла-Рошели, считая их виновными в смерти мужа. Ведь именно они вовлекли его в бунт, который я вынужден был подавить, в результате чего ее муж был убит. Здесь она придет в себя скорее, чем в Голдсборо. Впрочем, я думаю, когда она решилась покинуть побережье и отправиться с нами, ею руководило то же чувство,

которое толкнуло на это и супругов Жонас. Я охотно принял обеих женщин в наше мужское сообщество. Я хотел, чтобы у вас были подруги, с которыми вы могли бы обсуждать свои женские дела. А дети Эльвиры стали бы товарищами в играх для Онорины, чтобы она чувствовала себя менее одинокой теперь, когда я завладеваю вами.

— Я очень благодарна вам за то, что вы подумали обо всем, и я впрямь счастлива, что у меня есть друзья, счастлива, когда вижу, какая хорошая дружба связывает Онорину с Бартеломи и Тома, ведь она знала их еще в Ла-Рошели. Но я начинаю понимать и другое — тем, что вы взяли сюда с собой детей и особенно женщин, вы породили для себя источник новых забот и трудностей...

— А может, это, напротив, источник выгод и благодеяний, — весело сказал Пейрак. — Присутствие женщин благотворно влияет на характер мужчин. И вам, милые дамы, придется доказать нам это.

— Неужели вы никогда ничего не боитесь?

— Я люблю риск.

— А не думаете ли вы, что эти лишенные женщин мужчины, в конце концов, испытывают ревность, видя вас в моем обществе, или вождеделение, глядя на молодую и красивую Эльвиру, и это может вызвать конфликты, ссоры между ними? Эльвиру уже сейчас начинает приводить в смятение, даже пугать мысль, не станут ли они, когда все мы на долгие месяцы будем затворены в этом маленьком форте, докучать ей своими ухаживаниями.

— А ей нравится кто-нибудь из них?

— Не думаю.

— Тогда пусть она ничего не опасается, передайте ей это от моего имени. Все мужчины предупреждены. Виселица — это наименьшее наказание, которое они

рискуют получить, если разрешат себе проявить неуважение к любой из женщин, что находятся здесь.

— И вы сделаете это! — воскликнула Анжелика, с ужасом глядя на него.

— Конечно! Разве я колебался, когда на корабле приказал повесить мавра Абдуллу, пытавшегося изнасиловать Бертиль Бертелло? И это несмотря на то, что Абдулла был мне верным слугой, о преданности которого я могу сейчас лишь скорбеть. Но дисциплина превыше всего. Мои люди это знают. Дорогая моя, здесь мы все еще на корабле. И когда мы шли сюда, мы тоже были на корабле. Короче говоря, я остаюсь единственным хозяином на борту. Со всеми правами. Правом решать жизнь и смерть моих людей, правом награждать или карать их и также правом устраивать свою личную жизнь так, как я хочу, и даже иметь супругой самую прекрасную женщину в мире.

Он, смеясь, поцеловал ее.

— Не бойтесь ничего, моя маленькая матушка-настоятельница!.. Женщины иногда превратно судят о подлинной природе мужчины. Вы слишком долго жили или среди бессердечных, развратных бездельников, которые, на самом деле будучи бессильными, в постоянных сексуальных похождениях ищут лекарство от своей немощи, или среди грубых мужланов, у которых нет иных помыслов, кроме как удовлетворить свои инстинкты. Моряки же люди иного склада. Если мужчина не умеет обходиться без женщины, он не отправится в плавание. У моряка своя страсть, своя услада — это приключения, мираж удачи, жажда открытий, это мечта и дорога, ведущая к ней... Есть люди — да будет вам известно! — у которых любимое дело может полностью завладеть чувствами и сердцем. И женщина для них всего лишь дополнение — восхитительное, конечно, но не главное в их жизни. Так вот, повторяю вам, моя дорогая, что для нас здесь есть

нечто большее, чем женщины! Не забывайте о том, что нас связывает. Мы все здесь висельники, включая гугенотов, приговоренных иезуитами и королем Франции к бесчестью... Не говоря уже о других!.. У каждого своя тайна... Тюрьма, кстати, тоже учит обходиться без женщин, А любовь к свободе часто вытесняет из сердца всякую другую любовь. И эта страсть куда более сильная, более пламенная, чем некоторые думают... Она завладевает всем существом человека. И всегда облагораживает его...

Анжелика слушала мужа, взволнованная тем, что он, часто такой язвительный, вдруг столь серьезно говорит с ней, желая укрепить перед испытанием ее сердце и дух, что он открывает перед нею иную сторону жизни, с какой она никогда не сталкивалась и которая теперь была причиной ее страданий и раздумий. Теперь их окутывала ночь, холодная и безлунная. Небо, сплошь усыпанное звездами, сияло каким-то удивительным блеском, как на Востоке. Такие маленькие наверху, они отражались в водной ряби озера трепещущими бликами, напоминая жемчужные четки.

Анжелика смиренно покачала головой.

— Да, я тоже была в неволе, — сказала она, — но мне кажется, что я отнюдь не научилась терпению, как вы утверждаете. Напротив, я беспрестанно трепещу... и я больше не выношу принуждения. И обойтись без вашей любви...

Жоффрей де Пейрак рассмеялся.

— Вы! Вы совсем другое дело, душа моя. Вы из другой породы. Вы — живой родник, который с силой вырывается из недр земли, чтобы освежать, очаровывать ее... Немного терпения, мой родничок, и в один прекрасный день вы побежите по долинам более спокойным, завораживая их своим обаянием, своей красотой... Немного терпения, и я перехвачу ваш веселый ручеек, я буду ревниво заботиться о нем, чтобы

он не затерялся и не иссяк... Я начинаю понимать вас... Нельзя было оставлять вас так долго одну. Всего несколько дней, что мы не вместе, несколько ночей, которые вы провели вдали от меня, — и вот вы уже говорите невесть что. Но крыша дома закончена, и я поторопил плотников, чтобы они смастерили для нас просторную, добротную кровать. Скоро я снова приму вас в свои объятия. И все пойдет как нельзя лучше, не правда ли?..

На следующий день они перебрались в форт.

Глава 5

В тот первый вечер, когда они вошли в напоминающий пещеру закуток с низким потолком, который отныне будет их спальней, Анжелика смотрела на кровать — она, казалось, заняла всю комнату — почти со страхом. Она была и впрямь просторная и добротная, сработанная из темного орехового дерева, обструганного, обтесанного, и в ее непритязательности было нечто величественное. Покрытая шкурой, она выглядела поистине ложем принца викингов.

Благовонная свежесть исходила от не просохшего еще дерева. На темной его поверхности в розовом отсвете очага можно было заметить следы от лезвия топора.

Перед этой кроватью, детищем леса, чью поэзию и аромат она впитала в себя, перед этим даром, который сулил ей благодетельный отдых и ночи, полные любви, Анжелика почувствовала себя смятенной и растерянной... И она созерцала ее, застыв у изголовья и кусая себе губы.

Перед ней открывалась новая жизнь. Та, о которой она столько мечтала.

И вот в момент, когда нужно было вступить в нее, она отпрянула, готовая бежать, словно пугливая лань. В этой новой жизни она должна была идти день за днем, ночь за ночью рядом со своим мужем, потому что она — его жена. По правде говоря, она уже отвыкла от этого. В любви она всегда чувствовала себя вечным странником. Ведь даже в последнее время, после того еще свежего в памяти дня — а с тех пор не минуло и трех месяцев, когда на «Голдсборо» они вновь обрели друг друга, — их беспокойная жизнь скитальцев дарила

им лишь мимолетную близость возлюбленных, укрывшихся под сенью фортуны.

Ведь даже в те давние времена в Тулузе, если они иногда и проводили ночь вместе, у каждого из них были свои отдельные апартаменты, роскошные и просторные, где в зависимости от настроения можно было уединиться или встретиться.

Здесь же им дан только этот тесный закуток, этот тюфяк из тростника, одно это убежище на двоих, где они будут всегда вместе, всегда рядом — и в минуты любви, и в часы сна, вечер за вечером, ночь за ночью.

Для них это было внове.

Анжелика подумала, что теперь она впервые познает настоящую супружескую жизнь...

А Жоффрей де Пейрак смотрел на жену, выражение лица которой выдавало ее растерянность, и, украдкой улыбаясь, неторопливо снимал у очага камзол.

Он, гроза морей и океанов, великий владыка восточных дворцов, еще больший бродяга, чем она, всегда выбиравший удовольствия в зависимости от своих причуд и богатства, пожелал так: быть с ней наедине в этой единственной в доме спальне, на этой единственной супружеской кровати. То была ревнивая жажда чувствовать ее присутствие, жажда убедиться, что она принадлежит только ему, жажда отныне ни на шаг не отпускать ее от себя, не дать ей больше блуждать вдали от него.

Человек опытный, давно уже пристально изучавший природу мужчины и женщины, он яснее, чем Анжелика, сознавал хрупкость их счастья, ибо сейчас их объединяла прежняя супружеская связь, их давняя, непреходящая любовь, которая питалась лишь воспоминаниями, но между ними был водоворот почти всей их жизни, прожитой вдали друг от друга.

Впрочем, если все взвесить, то разве наиболее тесные узы, что связывают их после пережитого

урагана, не их физическое влечение друг к другу? Но эти раскаленные угли предстояло еще раздуть, и он с нетерпением ждал того момента, когда почувствует, что она полностью принадлежит ему, когда он сможет их совместной жизнью доказать всем, что он — ее муж и господин, и только он имеет на нее право. Если он хочет вторично завоевать ее, она должна постоянно быть рядом с ним, всецело быть его. Но он немного догадывался о сложных чувствах, которые будоражили Анжелику. Он подошел к ней и проговорил патетическим тоном:

— Откуда это недоверие, жена?.. Конечно, боги не захотели, чтобы мы вместе провели дни молодости и рука об руку пришли на порог старости... Но мы еще можем познать друг друга... Не думаешь ли ты, что я забыл секрет кровати, которую сработал собственными руками? Только ты и я разделяем ее, мы спали здесь вместе... — И, улыбнувшись, закончил:

— Ведь будто бы так говорил Одиссей белокурой Пенелопе, вернувшись после долгих странствий. — Граф Жоффрей де Пейрак склонился над Анжеликой. Он крепко обнял ее и, глядя ее упрямое чело, прошептал ей нежные слова ободрения, как в первые дни их любви.

Глава 6

Порядком затянув осень, суровая американская природа, видимо, решила заключить мир со смельчаками из Вапассу. Она даровала им, принесшим в жертву все, чем они владели, спасительную отсрочку. Когда наступила зима, они были подготовлены к ней.

А зима после этой милосердной отсрочки наступила сразу. Начался снегопад. Снег, не переставая ни на минуту, беспрерывно валил много дней. Казалось, мир ослеп и оглох, придушенный толстым белым покрывалом, которое опустилось на него, словно саван.

Деревья, земля и небо исчезли. Исчезло все — все, кроме снега: безмолвный, он густой пеленой, которую не колыхало ни малейшее дуновение, медленно и беспрерывно ложился на спящую землю, плотно укутывая ее.

Итак, как и было predetermined, они на долгие дни заточились в своем жилище, и тепло и еда должны были стать отныне двумя главнейшими их заботами. Де Пейрак прибавил к ним третью, не менее важную, как он полагал, для того, чтобы выжить: работу.

Крытая галерея, в которую можно было попасть прямо из зала, позволяла добираться до мастерской, не выходя во двор. Никто в эти долгие дни, что им предстоит жить здесь, не останется без дела, ни у кого не будет времени почувствовать себя зажатым в белых тисках зимы: работы для каждого здесь найдется предостаточно.

Женщины поняли свое назначение просто. Всем должно быть тепло и сытно — вот их девиз. И никому не пришлось вменять им это в обязанность, они сумели сами скрупулезно распределить свои дела. В этом проявился еще один счастливый дар Анжелики.

Она работала так же напряженно, как и остальные. Не подавая виду, что все держит в своих руках, она тем не менее задавала тон во всем. Хозяйка и госпожа, она не подчеркивала этого, не напоминала ни о своем титуле, ни о своих правах. Инстинкт подсказывал ей, что сейчас не время тому. Все ее помыслы были направлены на служение общему делу, на то, чтобы как можно больше облегчить, скрасить жизнь людей, которые ей доверены. А Жоффрей продолжал наблюдать за ней.

Пища и тепло, то есть кухня и очаг, и еще порядок. Без порядка и чистоты жизнь в такой тесноте стала бы совсем невыносимой. И потому с самого утра женщины брались за вересковые метлы.

Но прежде всего они раздували в очагах угли, клали на решетки для дров хворост и поленья, подвешивали над огнем котлы, чтобы вскипятить воду.

Запоздавшая зима позволила им еще больше расширить свое жилище. К маленькому чулану у входа пристроили небольшую клетушку, где они, приходя со двора, оставляли намокшую одежду и обувь. В глубине этой клетушки, около перегородки, за которой спали мужчины, был сложен еще один камин, предназначенный специально для сушки одежды и обуви, так как мокрые кожа и мех испаряли много влаги и оставляли в помещении стойкий запах.

Из-за скалистого выступа, на котором был построен или, вернее сказать, в котором был вырублен форт Вапассу, комната, предназначенная для графа и графини де Пейрак, оказалась приподнятой над остальными. Из залы туда поднимались по четырем ступенькам, минуя площадку посередине. На ней Анжелика расставила миски, коробки и корзины — всю кухонную и столовую утварь.

Массивная дверь, сделанная из цельного дуба, открывалась на кожаных петлях тяжело и как бы

нехотя. Чтобы войти, приходилось наклонять голову. Свет снаружи проникал лишь через одно крохотное оконце, затянутое рыбьим пузырем. Пол и стены тоже были из темного обструганного дуба.

Дверь направо вела из спальни в клетушку, оборудованную под парную баню, там Анжелика проводила счастливые минуты, когда она могла расслабиться и отдохнуть, насладиться благодатным теплом, которое окутывало ее тело. Сколько раз укоряли ее за эту страсть во Дворе чудес. Но она так и не излечилась от нее.

Анжелика сразу полюбила свою темную каморку, наполовину ушедшую в скалу, наполовину прикрытую поникшими черными ветками пихты, низко нависшими над крышей из дранки.

С правой стороны от зала, под скалой, соорудили нечто вроде кладовой с погребом. Из зала туда вела дверь. Там варили пиво и мыло, там стирали. Там же хрюкала всеобщая любимица свинья, принимая визитеров, которые, страстно желая, чтобы к Рождеству она стала жирной, приносили ей остатки обеда. Дальше крытая галерея вела в таинственные помещения, где располагались мастерские и горны.

Время от времени Анжелика восклицала:

— Сходите-ка взгляните, жив ли там еще Элуа Маколле!..

Дело в том, что старый канадец не пожелал поселиться вместе со всеми и, словно медведь, предпочел зимовать на свежем воздухе, в вигваме, который он построил собственными руками из коры и посредине которого сложил из камней круглый очаг. Только его отказ жить вместе со всеми навел их на мысль, что он, по существу, не входит в их сообщество, что он всего-навсего одинокий траппер, спустившийся с горы Катеден и однажды вечером пришедший в Катарунк, как раз в то время, когда там располагался

канадский военный отряд и когда туда только что прибыл граф де Пейрак. Почему он остался с графом и затем последовал за ним? Это знал лишь он один. У него на сей счет было свое твердое мнение. И он не доверял его кому попало. А причиной всему была Анжелика. По натуре своей Маколле был человеком беспокойным. Так вот, его соотечественники из Квебека сказали ему, что эта женщина — да-да, это почти достоверно — и есть Демон Акадии, а он помнил, что его невестка из деревни Леви тоже верила в этого демона в женском обличье, верила, что он повергнет Акадию в пучину бедствий. И вот сейчас Маколле тешил себя мыслью, что у его невестки волосы дыбом поднимутся под чепцом, когда она узнает, что он всю зиму провел с той, которая, как теперь подозревают, и есть демон. И потом, его не проведешь, всякие там демоны и в мужском и в женском обличье — уж в этом-то он знает толк, ведь он исходил все леса Америки. Так вот именно эта, которую подозревают, она не демон. Он руку готов дать на отсечение, если не прав. Просто она женщина, не похожая на других, красивая, обходительная, любящая посмеяться, хорошо поест и даже, если есть повод, немного выпить. Он видел ее в Катарунке такой веселой и простой и в то же время такой важной дамой, что эти минуты навсегда запечатлелись в его памяти как одни из лучших в жизни. И нет ничего позорного в том, чтобы служить такой женщине, убеждал он себя. Да к тому же эти люди нуждаются в нем, без него им не выжить. У них слишком много врагов, вот Маколле и остался с ними. Упрямое желание Маколле жить отдельно доставляло Анжелике много хлопот. Она опасалась, что в один прекрасный день они не смогут добраться до его вигвама ион, чего доброго, умреттам, а они будут пребывать в неведении.

Стараясь угодить Анжелике, самые преданные ей люди два раза в день навещали старика, справлялись о его здоровье, приносили ему горячего супу. Сотрясаясь от кашля, возвращались они из продымленного вигвама, где Элуа Маколле наслаждался своей свободой, сидя у очага и сладостно покуривая свою трубку.

Глава 7

А снег все шел.

— Счастье, что снегопад не начался неделей раньше, — говорили все.

Каждый видел в этом знамение неба, вселявшее в них крохотную надежду на то, что их злоключения завершатся благополучно.

— А ведь не всем удавалось выйти живыми из подобной передраги!..

И они вспоминали, что с кем случилось.

Сколько колонистов погибло на прибрежных зимних стоянках по всей Америке! И гораздо больше от голода и болезней, чем от руки индейцев. Такая судьба постигла, между прочим, половину английских пуритан, переселенцев из Плимута, в первую же зиму после их высадки с «Мейфлауэра» в Новой Англии, в 1620 году. Сам «Мейфлауэр» еще стоял на рейде, но чем могли находившиеся на кем помочь беднякам, если на корабле съестных припасов было не больше, чем у тех, кто остался на берегу? Им оставалось лишь смотреть, как умирают эти несчастные, да вспоминать с ними далекую Европу.

А в 1604 году из французов мессира де Монта и мессира де Шамплена тоже ведь половина умерли — одни на острове на реке Сент-Круа, другие совсем неподалеку от Голдсборо. Половина умерших — такая мера обычно фигурирует во всех рассказах о голодной смерти колонистов.

И, вспоминая о судьбе своих предшественников, люди задумывались над своей судьбой и спрашивали себя, кому же из них не суждено дожить до весны.

Или взять хотя бы зимовку Жака Картье в 1535 году на реке Сен-Чарлз, под Квебеком. Два корабля слишком

далеко поднялись по реке Святого Лаврентия, и, когда наступила зима, они осмотрительно перебрались на маленькую речку Сен-Чарлз и укрылись там под скалистым берегом. И вот эти два корабля превращаются в ледяные крепости. У людей начинают кровоточить десны, и они умирают один за другим. Но индейский вождь из поселка Стадакона принес им отвар из коры, и, когда они стали пить его, они поправились, и эти оставшиеся выжили.

А барышня? История с барышней, племянницей мессира де Роберваля? Она приехала в Канаду в 1590 году. Так вот, ее дядя, проклятый ревнивец, оставил свою племянницу на острове в устье реки Святого Лаврентия с ее любовником Раулем де Ферланом, и оба они лишились разума и умерли.

А история основания Джемстауна, когда поселенцы там поели друг друга! И столько других историй! Им несть числа, стоит только начать их рассказывать, эти истории о голодной смерти колонистов в Америке.

Но самая трагическая судьба была у англичан сэра Уолтера Рэли, которые высадились на острове Роанок в Виргинии. Это случилось в 1587 году. Одному из предводителей колонистов, Джону Уайту, пришлось отправиться за помощью в Англию. Когда же он вернулся на остров, он не нашел даже следа своих соотечественников, а ведь среди них находились его жена и малютка дочь Виргиния, первый белый ребенок, родившийся на американской земле. Уайт обшарил все воды, все берега, все леса, искал целый год, но тщетно. Тайна распростерла свои крылья над судьбой колонистов.

Анжелика слушала все эти рассказы, и одна мысль не давала ей покоя: что же тем не менее может сделать она, чтобы отвратить призрак голода и цинги? Она чувствовала, что их неотступно преследует передавшийся им от предков ужас перед «сухопутной

болезнью». Слишком много катастроф, слишком много зимовок на скорбной и незнакомой земле упоминалось в этих историях. Уже много десятилетий высаживались здесь люди, не имея ничего, кроме соленого сала и сухарей. Они не знали, что из окружающей их враждебной растительности годится в пищу, к тому же они ничего не сеяли. Не хватало времени...

А потом, разве это занятие для моряков — сеять? И вот окаменевшая, застывшая земля засыпает под белым саваном. словно безжалостная, бессердечная мачеха, она сжимается, твердеет, умирает. Умирает, оставляя этих людей на своей опустошенной груди. Все исчезает. Нет больше ни птицы, ни зверя, ни листочка. А то, что осталось, несъедобно; камни, голые деревья, снег. Больше нет ничего, и «сухопутная болезнь» постепенно проникает в вены, подтачивает жизнь, умерщвляет душу. Даже сам воздух, которым дышишь, теряет от мороза свою животворную силу, становится враждебным... Начинается кашель, потом наступает смерть...

И вот теперь пришла пора им, людям де Пейрака, вступить в единоборство с природой!..

Форт Вапассу, затерявшийся в заснеженной пустыне более чем в сотне лье от ближайшего жилья не только белых, но даже индейцев, — это просто безумие. Три женщины среди стольких мужчин — непостижимый риск. Борьба за жизнь этих людей долгие месяцы, когда вокруг все умирает, — невысказанный подвиг. Попытка сохранить в здравии их рассудок среди фантазмагорий, которые порождает одиночество и молчаливая угроза, таящаяся в окружающем их беспредельном пространстве, — отважный вызов судьбе. Но кто говорит «пустыня», тот помышляет и об «оазисе». Кто упоминает о беспредельных просторах, не забывает и о пристанище, и о доброте. Кто думает о болезнях и недомоганиях, знает, что еще есть забота и лекарства.

Кто произносит горестные слова «страх» и «усталость», тот добавляет «утешение» и «отдых». Кто говорит «одиночество», готов сказать и «встреча».

И Анжелика решила, что именно она должна оградить тех, кто находится под ее покровительством, от всех бед.

Она добилась, чтобы мужчин, возвратившихся вечером с работы, всегда встречал накрытый стол и аппетитный запах уже витал в просторной зале. Чтобы миски, стоящие на длинном столе в середине залы, были залогом того, что уставшие труженики утолят свой голод. Чтобы над очагом всегда кипел котел с горячим грогом и они в ожидании ужина могли бы опрокинуть чарку. Ничто так не подбадривало мужчин и не делало их терпеливыми, как грог, да еще вид скамеек, стоящих перед очагом. Они снимали промокшую одежду, вешали ее сушиться у очага в каморке, а потом шли в залу и усаживались там у камина, время от времени перебрасываясь шутками с женщинами, поглощенными заботой об ужине.

Самым тяжелым лишением для мужчин была нехватка табака. И это придавало особую значительность тем нескольким затяжкам, которые они могли разрешить себе вечером до или после ужина, а потеря или поломка трубки воспринималась как настоящая трагедия. Поэтому Анжелика велела установить у входной двери нечто вроде стойки, куда каждый, кончив курить, укладывал свою драгоценную трубку, чтобы завтра после работы снова найти ее там как награду за свой труд. Здесь были самые разные трубки — маленькие полубогоревшие, очень длинные голландские, трубки из дерева, из глины и даже из камня. Элуа Маколле курил индейскую трубку из белого камня, украшенную с боков двумя старыми, совсем порыжевшими перьями; эту трубку подарили ему маскуитины, что живут у озера неподалеку от реки

Иллинойс, когда он, совсем еще молодой, первым из белых появился в их краях.

Целый день мужчины работали в мастерской или на морозном воздухе на руднике. Но наступал вечер, и все они собирались в зале форта, служившей им и спальней, и кухней, и столовой.

Тюфяки для всех сделали из тростника и лапника пихты. Сверху — покрывала из шкур и одеяла. Де Пейрак в первый же день распределил их между всеми и убедился, что каждому вполне достаточно теплых вещей, чтобы укрыться и одеться. Потом, правда, были заключены взаимовыгодные сделки между людьми зябкими и теми, кому данное природой здоровье позволяло спать хоть в снегу, видя при этом хорошие сны.

Для женщин и детей в комнатах соорудили кровати. На досках, из которых они были сделаны, кое-где даже сохранилась кора.

Условия, в которых жили эти люди, объединенные здесь судьбой для тяжкого испытания, все время заставляли Анжелику задумываться, ради чего она среди них, что может она сделать для них. Нужное, необходимое.

По каким-то неуловимым оттенкам в поведении мужчин она поняла, что, не отдавая себе в этом отчета, не признаваясь себе в этом, они бывали довольны, когда, возвратившись с работы и собравшись вместе в зале, находили ее там. И постепенно она перестала каждый вечер уходить в комнату супругов Жонас, чтобы посумерничать в тишине и покое с приятными ей людьми, и оставалась с мужчинами.

Она усаживалась на площадке между ступеньками, ведущими из зала в их спальню, перед «своим» очагом, где она обычно готовила отвары и другие снадобья. Она очищала корневища, тщательно разбирала травы, устанавливала в ряд маленькие коробочки из коры,

наполненные мазями. Она была с ними, немного в стороне, немного возвышаясь над ними в своем уголке, немного отрешенная от них и тем не менее — с ними. Она не вмешивалась в разговор, но не проходило вечера, чтобы они не втянули ее в него сами:

— Госпожа графиня, ведь вы так рассудительны, что вы думаете о словах Кловиса?

— О чем речь, друзья мои?

— Да вот этот глупец утверждает...

Они посвящали ее в суть спора, толпились около нее, бесцеремонно садились на деревянные ступени лесенки. Рассуждая с ними обо всем и ни о чем, она начинала лучше узнавать их. Когда в глубине залы вспыхивала какая-нибудь ссора, ей достаточно было поднять голову и взглянуть в ту сторону, чтобы страсти сразу утихли.

Анжелика уговорила и госпожу Жонас с Эльвирой тоже приходить в эту залу. Она сумела убедить их, что присутствие женщин весьма благотворно действует на мужчин.

Госпожа Жонас относилась ко всем, как к малым детям. И когда она удалялась в свою комнату, они чувствовали себя обездоленными. Они любили ее круглое доброе лицо, ее умиротворяющий смех. А смеялась она постоянно, о чем бы они ни говорили, — это был смех матери, которая восхищается своим многочисленным семейством. Она как бы передавала им свое веселье, уводила их от искушения выйти за рамки благопристойности или просто хорошего настроения.

Эльвира, робкая и нежная, довольно часто становилась объектом для шуточек со стороны мужчин. Они подтрунивали над ее потупленным взором, над тем, какой испуганной становилась она, когда кто-нибудь повышает голос или когда разгорается спор, но, по натуре живая и приветливая, она внушала уважение к себе. Бывшая булочница из Ла-Рошели, она привыкла

иметь дело с самыми разными людьми. В общем, все в конце концов отлично поладили друг с другом. По вечерам после ужина женщины усаживались у камелька в углу залы, мужчины же располагались в середине залы, перед большим камином. Дети бегали от одной группы к другой, требовали, чтобы им рассказывали всякие истории, слушали, широко раскрыв глаза, восхищаясь всем, что бы им ни преподносили, способствуя созданию дружеской атмосферы, а ведь именно она дает отдохновение и смягчает сердце мужчины.

Дети были счастливы в Вапассу. Они имели все, что нужно: жизнь, в которой каждый день приносил что-нибудь новое, друзей, которые баловали их, рассказывали им таинственные или страшные истории, материнские колени, на которых можно было свернуться калачиком.

И когда Анжелика видела троих маленьких птенцов, тянущихся своими всегда немного чумазыми мордочками к Жоффрею де Пейраку, словно просясь под его крыло, доверчиво взирающих на него, когда она видела, как он улыбается им, она говорила себе: «Счастье! Это и есть СЧАСТЬЕ!»

Равно Анжелика могла наблюдать, как живут в этом новом для них, небольшом кругу людей ее сыновья; она обнаружила, что они весьма образованны и что отец для них наставник во всех делах, и наставник требовательный. У молодых людей не было времени бить баклуши. Они работали на руднике, в лаборатории, исписывали пергамента расчетами, рисовали карты. Флоримон характером был в отца, незаурядный, жадный до наук и приключений. Кантор был другой. Более замкнутый, хотя, казалось, не менее, чем старший брат, подготовленный к выполнению возложенных на него обязанностей. Всегда вместе, братья часами беседовали по-английски и иногда

приходили к Анжелике или к отцу, прося рассудить их. Часто это были вопросы религиозного характера, которыми их в свое время потчевали в Гарвардском университете, но случались и более дерзкие философские споры. И еще Анжелика без конца слышала слово «Миссисипи». Флоримон был одержим мечтой отыскать проход в Китайское море, который искали все мореплаватели с тех самых пор, как открыли Америку. Он считал, что огромная река, обнаруженная недавно канадскими географами и иезуитом отцом Маркеттом, ведет именно туда. А вот Жоффрей де Пейрак отнюдь не был в этом убежден, что очень терзало Флоримона.

Глава 8

Присутствие супругов Жонас день ото дня доставляло все больше радости Анжелике. Вот они, пожалуй, не дадут себе соблазниться прелестями бивуачной жизни. Неопрятность туземцев приводила в дрожь превосходную хозяйку-гугенотку госпожу Жонас, ведь она исповедовала религию, которая с ранних лет внушала своим дочерям, что их добрая воля по отношению к Господу выражается в безукоризненно белом, тщательно отутюженном чепце, аккуратно застланной чистой постели, красиво сервированном столе и что пренебрегать всем этим грех.

И мэтр Жонас тоже был неоценим. Его благодушие и доброжелательный характер способствовали поддержанию равновесия в их маленьком обществе. Он имел привычку вскидывать голову и хмыкать, когда слышал неподобающие, по его мнению, речи, и это останавливало даже самых дерзких. Он сплотил вокруг себя протестантов, то есть, кроме своей семьи, еще троих англичан, и по воскресеньям читал им по-французски Библию, да таким торжественным тоном, что англичане, потрясенные важностью чтеца, охотно приходили послушать его. Мало-помалу и католики в этот воскресный час стали крутиться около мэтра Жонаса. «В конце концов, — говорили они, — ведь Библия для всех одна, и в ней много всяких интересных историй...»

Не меньше ценили мэтра Жонаса и те, что работали в мастерских: ведь никто не мог сравниться с ним в искусстве, когда он брался за изготовление небольших тонких инструментов, необходимых им для работы; из Ла-Рошели он привез свою лупу часовщика.

И когда в конце ноября этого добряка уложил в постель флюс, все были глубоко опечалены. После безуспешных попыток вылечить его отварами и припарками обеспокоенная Анжелика пришла к выводу, что надо принимать более решительные меры.

— Придется мне удалить вам корень, мэтр Жонас, иначе вы дождетесь заражения крови.

По указанию Анжелики он сам сработал для себя «орудия пытки»: маленькие щипцы и такую же маленькую вилку-рычаг. Анжелике никогда не доводилось делать таких операций, но она несколько раз помогала в подобных случаях Великому Матье — цирюльнику с Нового моста в Париже. Несмотря на свое бахвальство, шумливость и пронзительный голос, этот достославный шарлатан был человеком искусным. Он считал, что операция пройдет благоприятнее, если щипцы перед этим опустить в водку. Он также заметил, что, если он обработает их таким образом или подержит в пламени, гной в ране появляется гораздо реже. Для пущей предосторожности Анжелика сделала и то и другое. Она погрузила инструменты в спирт и прокалила их.

Овернец Кловис держал голову больного. Кловиса привлекли к этой операции, потому что он обычно был напарником бедняги часовщика в работе и к тому же обладал недюжинной силой.

Пропитав десну очень крепким обезболивающим отваром гвоздики, Анжелика мужественно поднесла щипцы и вилку к больному зубу. Корень вышел с первого раза и даже почти без боли. Мэтр Жонас и опомниться не успел.

— Ну, у вас легкая рука!..

Словно не веря своим глазам, он смотрел на хрупкие и нежные с виду руки Анжелики. Но эти женские руки могли держать мужское оружие, усмирить норовистую лошадь, поднять тяжелый груз. Если в один прекрасный

день она попадет в Квебек или в какой-нибудь город Новой Англии, она украсит их браслетами. А пока ее руки нашли себе другое применение: они стали руками цирюльника-хирурга.

— А теперь ваша очередь, мэтр Кловис, — сказала она, протягивая щипцы к кузнецу.

Уже и без того смертельно бледный, потрясенный операцией, в которой он только сейчас принимал непосредственное участие, Кловис поспешно ретировался.

Так и вошло у всех в привычку приходить к ней утром сделать перевязку или полечиться. Около «своего» очага Анжелика велела поставить маленький столик, на котором разложила все необходимое. Она приспособила для своих отваров и микстур маленький котелок. Жан Ле Куеннек смастерил ей легкий деревянный баул, куда она сложила лекарства. Нужно было предусмотреть все: несчастный случай, лихорадку, коварное приближение болезни. Анжелика поняла, что единственное их спасение — это пресекать болезнь в корне. Но если у нее были средства, чтобы быстро расправиться с обычным насморком, залечить ранку или небольшой ожог, то для лечения застуженных легких или раны на руке, которая в результате небрежности пострадавшего налилась гноем, ее снадобья были бессильны. А потому стоило кому-нибудь лишь немного закашляться, как он немедленно приговаривался к припаркам из пихтовых почек, к горячим камням у пяток, а каждая ранка обильно промывалась водой и закладывалась корпией, пропитанной водкой. Даже крохотная царапина становилась для Анжелики предметом неусыпной заботы. И ей приходилось бдительно следить и за «неженками», и за «стойками». И за теми, кто скрывал свои недомогания, страшась боли во время перевязки, и за теми, кто пытался лечиться сам, вытаскивая занозу

или прокалывая панариций грязным ножом. Но вскоре все убедились, что от ее взгляда не уйти.

— Мэтр Кловис, отчего у вас сегодня опухшая нога?..

— Кто вам сказал?

— Я вижу, что вы хромаете.

— Вовсе нет. И потом, мне не больно.

— Возможно, но все же покажите ее мне.

— Ни за что на свете.

— Покажите, прошу вас.

Она говорила тоном, не терпящим возражений, и самые отъявленные упрямы не могли отвертеться.

Ворча, кузнец разувался, выставляя напоказ посиневшую ногу с раздувшимся большим пальцем. Анжелика заставляла его немедленно погрузить ногу в теплый отвар из коры, оборачивала ее березовой корой и, несмотря на протесты пострадавшего, подставляла ему под ногу скамеечку, чтобы уменьшить боль.

Вскоре она завоевала всеобщее уважение, смешанное с долей внутреннего трепета, который обычно испытывают к тем, кто способен избавлять от страданий... или наделять ими. Раз уж все они у нее в руках, лучше проявлять послушание. Они поняли: ее нелегко разжалобить, уговорить, и потому им оставалось лишь одно — подчиняться.

Постепенно недоверие к ней как к лекарю, которое возникло было поначалу, исчезло. И, оценив, что это за женщина, они стали опасаться уже не столько ее ножа и микстур, сколько совсем другого, — глядя на нее, многие думали: «Ну, здесь не обойтись без историй...» Однако дело обернулось иначе. Никто даже не успел сообразить, как это произошло, но все мужчины оказались перед нею в одинаковом положении. И когда она острым ножичком вскрывала нарыв или запихивала в горло невесть чем пропитанный комок корпии, они все чувствовали себя маленькими мальчиками. И ни у кого не появлялось желаний заигрывать с нею.

В те вечера, когда граф де Пейрак не уединялся в своей комнате с кем-либо из своих помощников, чтобы там в тишине обсудить дела, он усаживался в конце огромного стола и раскладывал на нем карты или планы, над которыми склонялись Флоримон, Кантор, Куасси-Ба. Иногда состав группы менялся.

— Никто из вас не умрет, — сказал как-то Жоффрей де Пейрак, — а тот, кто умрет, — берегись! — будет иметь дело со мной.

Мужчины улыбнулись шутке, но приняли ее абсолютно всерьез. Еще бы, одна лишь мысль, что их хозяин может прийти на тот свет, чтобы свести с ними счеты, помешала бы кое-кому из них разрешить себе такую роскошь — умереть.

Между де Пейраком и его людьми существовало какое-то необъяснимое согласие, нерушимые связи, которые уходили своими корнями во взаимную тайну. Анжелика была уверена, что Жоффрей знает все об их жизни, знает мысли каждого из них. Они были связаны с ним доверием, признанием, которое никогда не подчеркивалось, но которого он один был удостоен. И Анжелика начинала понимать, что эти прочные узы не смогут порвать никакие мелочные счеты.

Мастерская, рудник, лаборатория — вот где протекала жизнь мужчин, среди шума, странных запахов, иногда паров, дыма...

— Уж лучше и не знать, что там замышляется, — говорила обеспокоенная госпожа Жонас.

Анжелика же, напротив, искала любой предлог, чтобы побывать там. Она уверяла, что пришла якобы за ступкой, чтобы растолочь корни, или будто ей необходимо немножко серы для мази, которую она готовит по своему рецепту. Это возвращало ее в прошлое. Ведь именно в подобной обстановке, среди горнов, среди дробящихся камней и скрипящих

жерновов, она начала открывать для себя человека, который стал ей мужем и которого она полюбила.

Она смиренно сидела в уголке, с глубочайшим интересом оглядывая все вокруг. Это была тайная сторона жизни мужчин, их особый мир. Она снова видела Куасси-Ба, держащего на ладонях раскаленные угли. Кузнец Кловис, как воплощение величия духов ада, суетился в красном отсвете печей, а бледный немой англичанин, который, словно священнодействуя, наливал в формы сверкающий свинец, выглядел здесь не таким несчастным и казался персонажем величественной античной драмы.

Когда-то давно Анжелика подняла крестьян на восстание. То были существа с примитивным мышлением, забитые и ограниченные, которых легко было подчинить себе.

Эти же мужчины — чувствительные, неуравновешенные — были совсем иными. Она уже угадывала, что большинство из них ненавидит женщин, а некоторые, как например, овернец Кловис, боятся, что женщины станут презирать их за грубые манеры. И потому они даже с каким-то наслаждением подчеркивают их. Во всех этих людях было что-то ужасное.

«Но ведь и во мне тоже таится нечто ужасное, — подумала как-то Анжелика. — Постыдные поступки, прошлое, о котором страшно вспомнить... И я тоже убивала... И я тоже спасалась бегством...»

Она снова увидела себя с кинжалом в руке, убивающей Великого Керза, короля парижских бродяг, увидела себя босой, с покрытыми грязью ногами, блуждающей с ворами по Парижу, увидела себя, словно она уличная девка, в постели армейского капитана в Шатле, к которому она пришла, чтобы спасти своих детей.

Однажды утром она обрабатывала рану на руке парижанина Жака Виньо, мерзкого сквернословия, и он грязно ругался с тайным желанием оскорбить ее.

И тут, придя вдруг в ярость, она заставила его замолчать крепким словцом, заимствованным из самого изощренного воровского жаргона. Он так и застыл с открытым ртом, не веря своим ушам. Услышать такое из уст красивой благородной дамы!.. И с ним, с этим плотником по профессии и флибустьером по призванию, случилось то, чего не случалось уже много лет: он покраснел. А она побледнела от тех воспоминаний, которые в этот момент нахлынули на нее. И так вот они, она — бледная, а он — пунцовый, обменялись такими взглядами, словно впервые увидели друг друга. Потом Анжелика взяла себя в руки.

— Вот видите, мой милый, — сказала она очень спокойно, — с вашим лексиконом мы скоро все перейдем на воровской жаргон... Соблаговолите не забывать отныне, что здесь вы состоите на службе у графа де Пейрака, а не у Великого Керза.

— Да, госпожа графиня, — униженно ответил он.

С тех пор он следил за собой. Иногда он провожал ее недоуменным взглядом, но тотчас же спохватывался: нет, ни к чему даже стремиться проникнуть в ее тайну, она — женщина хозяина. Жена или любовница — неважно. И если у этой женщины есть что забыть, это ее право. Ведь и сам он не без греха. И не всегда у человека есть желание повстречаться с тем, кто напоминает ему прошлое своим лексиконом или повадками. Иногда она обращалась к нему «мессир Виньо», и это вселяло в него сознание, что он тоже заслуживает уважения. В такие моменты он вспоминал, что некогда и впрямь был честным человеком, и если в один прекрасный день он оказался в воровской шайке, то лишь потому, что должен был во что бы то ни стало

спасти от нищеты жену и детей. И тем не менее он попал на галеры...

Анжелика не рассказывала мужу о трудностях, которые возникали между нею и смутьянами. Но по вечерам, когда они перед сном беседовали в своей комнате, она взяла за правило спрашивать мужа о его людях. И мало-помалу она составила себе мнение о каждом: могла представить себе их жизнь, даже их детство. Со своей стороны, и они охотнее стали раскрывать перед ней свою душу, не гася в себе желания довериться ей.

О мужчинах у нее было свое мнение — особое и твердое. По опыту она знала, что между ними, будь то принц или простой виллан, не такая уж большая разница. В свое время она сумела по-дружески облегчить одиночество короля, завоевать привязанность таких старых ворчунов, как мэтр Буржю или Савари, укротить таких строптивых, как Филипп дю Плесси. Но она предпочла бы сто раз столкнуться с выпадами Кловиса или обидчивостью перуанца-рудокопа Соррино, чем мериться силами с тайными и изощренными преступниками в Версале. Здесь все напрямик. Откровенно и просто, как лес, мясо, холод или маисовая похлебка. Сама жизнь, человеческие отношения здесь грубы. Но это укрепляет дух. И мысленно она забавлялась, деля всех людей графа на три группы: безобидных, чужих и опасных.

Глава 9

Безобидные — это те, кто доброжелателен, у кого светлая душа. Анжелика особенно любила юного Жана Ле Куеннека и относилась к нему как к сыну. Он был услужлив, прилежен. У него всегда находилось время выстрогать в лесу все, о чем бы ни попросили его женщины: валики для белья, стиральные доски или доски для теста, для разделки мяса с аккуратным желобком для стока крови или маленькие квадратные дощечки из твердого дуба, на которые клали маисовые лепешки, перед тем как сунуть их в печь. А когда пришла зима, он выдалбливал миски, кувшинчики. И обязательно украшал их мелким орнаментом — гирляндами и цветочками. Из искривленных корней деревьев он делал причудливых драконов и отнюдь не безуспешно учил Флоримона и Кантора орудовать стамеской.

Граф де Пейрак некогда выкупил его у одной берберийской корабельной команды, использовавшей пленника как гребца на своей галере. Посетив галеру с одним марокканцем капитаном, который привез его в Сале, граф обратил внимание на этого светлоглазого кельтского юношу и сразу увидел, что в нем едва теплится жизнь. Он выкупил его за большие деньги, несмотря на раболепные протесты знатного марокканца, который, однако, считал, что не должен отказывать тому, кто пользуется доверием самого Великого султана. Жоффрей де Пейрак велел позаботиться о юноше и помог бы ему вернуться во Францию, если бы молодой бретонец не умолил графа оставить его у себя на службе. К тому же он давно мечтал попасть в Америку, чтобы поселиться там в колонии.

Родившийся в глухих лесах Изльгоа, в Армориканском массиве, он научился ремеслу плотника, дровосека и угольщика, умел делать сабо. Душой он больше тяготел к лесу, чем к морю. И если он уплыл в море, то это лишь потому, что море — самая естественная дорога для бретонца, который отваживается покинуть свои леса, и еще потому, что он не мог больше оставаться у себя на родине. Когда-то его отец был повешен сеньором поместья за браконьерство. За одного только зайца, которого этот несчастный поймал в силки, чтобы побаловать на Рождество своих малюток, обычно не выдавших ничего другого, кроме гречишной похлебки. Но древний крепостнический закон его не простил — его повесили.

Когда Жан вырос, он убил лесничего, по вине которого повесили его отца. Однажды вечером на изгибе тропинки, шедшей между двумя гранитными осыпями под кронами дубов и каштанов, он лицом к лицу столкнулся с человеком в ливрее с вышитым гербом сеньора. Он поднял свой топор и убил его. Потом бросил труп в глубокие воды горного потока, что протекал под польдерами, подтачивая камни своим бурным течением. После этого Жан покинул родные места. Не часто он вспоминал эту историю, а если и вспоминал, то лишь для того, чтобы поздравить себя с тем, что сделал. Теперь он больше не крепостной. Жан был старше тех лет, что давали ему, глядя на его смеющееся мальчишеское лицо. Ему, верно, было около тридцати.

Тоже безобидным, иными словами, верным другом, который никогда не предаст, Анжелика считала мальтийца Энрико Энци. Среднего, скорее даже маленького роста, с гладкой, без растительности, оливкового цвета кожей, с гибкой мускулатурой рыбы, удар хвоста которой может оказаться смертельным, он был красив. В его жилах текла турецкая, греческая и

венецианская кровь, а также кровь вольного крестоносца с древней примесью семитской, которую народы острова Мальты получили от своих финикийских предков. Граф де Пейрак переманил его к себе на Мальте, когда ему было пятнадцать лет и он зарабатывал себе на жизнь ловлей кораллов. А еще он, служа христианской вере, подводил брандеры под борта галер Великого Турка^[3]. Он был яростным поборником христианства, этот мальчик-сирота, удивительную выносливость которого — никто из самых умелых ныряльщиков Мальты не мог продержаться под водой дольше, чем он, — жесточайшим образом эксплуатировали мальтийские рыцари. Он один принес больше вреда Блистательной Порте^[4], чем многие заслуженные рыцари. А что получил он в награду? Заверения, что попадет в рай.

Он страстно любил неистовые погружения в зеленое и холодное чрево моря. Ярость мусульман в тюрбанах и восхищение других ныряльщиков, его собратьев по ремеслу с разъеденными соленой водой ногами и раздутой от постоянного пребывания под водой грудью, вполне вознаграждали его. Но если такое существование удовлетворяло ту часть его существа, которая вместе со светлыми глазами досталась ему от рыцаря-крестоносца, то текшая в его жилах кровь венецианских купцов заставила его в конце концов задуматься о том, что же ждет его. Куда заведет его эта несчастная жизнь? Когда он разбогатеет? Когда найдет он под волнами сокровище, на которое он будет иметь право?

И вот в одно прекрасное утро, когда Энрико сидел в тени стены на набережной в Ла-Валетте, к нему подошел Рескатор, пират в маске, о ком он столько слышал как о человеке справедливом и непобедимом, и в упор посмотрел на него.

— Ты — Энрико, который плавает дальше всех, глубже всех и дольше всех? Хочешь пойти ко мне на судно в команду ныряльщиков? — спросил Рескатор.

Мальчик, продолжая сидеть, пугливо замотал головой.

— Я не хочу покидать Мальту и своих друзей.

— Это Мальта тебя покинет, мой мальчик. Мальта оставит тебя ради других, когда ты заболеешь и перестанешь приносить ей пользу. Но если ты будешь хорошо служить мне, я не покину тебя никогда.

Подросток медленно поднялся. Он был маленький и худой. Ему можно было бы дать лет тринадцать. Вскинув голову, он снизу вверх посмотрел на лицо собеседника.

— Я вас узнал. Вы — Рескатор. Те, кто служит вам, не жалуются, я знаю.

— Да, это так. А сегодня я пришел сюда только ради тебя, потому что ты мне нужен.

Глаза маленького мальтийца на его худом личике цвета самшита округлились.

— Не может быть. Никто никогда не говорил мне таких слов. Я еще никому никогда не был нужен. — А потом он вдруг в ярости прокричал:

— Если я поплыву с вами, то только с условием, что в любой момент смогу вернуться на Мальту, где бы мы ни были, и вы дадите мне денег!

— Решено, я принимаю твое условие, потому что ты мне нужен, — повторил де Пейрак, ибо это был он.

— Я никогда не стану ничьим рабом. Меня привлекает только опасность.

— У тебя ее будет больше, чем ты думаешь.

— Я добрый католик, вы не заставите меня сражаться против галер рыцарей Мальтийского ордена?

— Тебе не придется этого делать, если рыцари сами не нападут на меня. Но у них нет к тому оснований, ведь я заключил с ними договор.

— Идет!

И Энрико тотчас же отправился на судно, не имея при себе ничего, кроме шелковой набедренной повязки. Он очень изменился за те десять лет, что плавал на кораблях графа де Пейрака. Кроме того, что он с необычайным умением подводил брандеры и оковывал металлом днища и борта кораблей, он был незаменим в рукопашной схватке, превосходно владел ножом и стрелял, короче, обладал качествами, неоценимыми в абордажной битве. И за все эти десять лет он ни словом не обмолвился о возвращении на Мальту.

Когда Жоффрей де Пейрак покинул Средиземное море и ушел в Карибское, он взял с собой и Энрико, и именно благодаря своей команде мальтийских ныряльщиков, главным в которой был Энрико, он осуществил необычайную затею, принесшую ему огромное состояние, — поднял со дна морского сокровища с испанских галионов, потопленных французскими флибустьерами.

Теперь молодой Энрико был богат. Граф подарил ему три очень красивые золотые вазы, которые Энрико извлек из пучины Карибского моря, к тому же юноша постоянно получал жалованье, положенное ему как члену команды, и определенную долю от всей добычи. Но даже Жоффрей де Пейрак был поражен, когда здесь, в Америке, на его вопрос, кто хочет добровольно отправиться с ним в глубь страны, Энрико изъявил желание. И это он, человек-рыба, который за десять лет службы у графа ни разу не решился отойти дальше чем на сто шагов от берега моря или от прибрежного городка.

— Нет, Энрико, лес, горы и болота — ну для тебя ли они? Ты — сын Средиземного моря. Ты будешь страдать от холода.

— Холод, — с презрением сказал Энрико, — кто лучше меня знает, что такое холод?.. Тот, кто не опускался в пучину океана так глубоко, как я, не знает, что такое холод в смертном саване. Монсеньор, ни один человек не привычен к холоду так, как я.

— Но тебе не придется больше нырять. Золото, которое я буду искать на этот раз, находится под землей, а не в глубинах моря.

— Если там есть и моя доля, не все ли равно, где оно? — сказал Энрико с той непринужденностью, какую он иногда позволял себе на правах очень старого друга хозяина, которого тот ценит. — И потом, — добавил он, смеясь, — мне говорили, что там есть озера, много озер. И я смогу нырять и ловить для вас рыбу.

Он приблизился к графу и сказал вполголоса на сардинском диалекте, который де Пейрак понимал:

— Я должен, обязательно должен быть с тобой, мой господин, мой отец, потому что кто же иначе предупредит тебя об опасностях, которые грозят тебе? Я — порождение сирены и альбатроса, и я вижу невидимые стрелы, что подстерегают тебя в этом лесу. Если бы я умел молиться, я остался бы на берегу и молился за тебя. Но я не умею хорошо молиться, я больше верю в дьявола, чем в мадонну. Значит, все, что я могу сделать для тебя, — это быть рядом с тобой. Мой нож всегда окажется достаточно проворным, чтобы защитить тебя.

Пейрак улыбнулся, глядя на невысокого смуглого молодого человека, повзрослевшего, конечно, но все еще по-юношески пылкого, который смотрел на него снизу вверх, задрав голову, как десять лет назад на залитой солнцем набережной Ла-Валетты. Он ответил ему по-итальянски:

— Пусть так, идем, ты мне нужен.

И тем не менее именно Энрико Энци более чем кто-либо невзлюбил Анжелику почти сразу же, как она

появилась на «Голдсборо»; при встрече он провожал ее свирепым взглядом, цедил сквозь зубы желчные реплики и ругательства. И именно он больше всего страдал от ревности, боясь, как бы любовь его господина к жене не принизила тот возвышенный образ, что он создал в своем воображении. Он еще не встречал мужчины, который не раскис бы под властью женщины. Правда, до сих пор он не замечал, чтобы какая-нибудь женщина имела власть над графом. Но с этой все получалось совсем не так, как с другими. И Энрико наблюдал за нею с беспокойством, готовый несправедливо осудить все, что бы она ни делала, что бы ни говорила. Ведь он и в глубь страны решил отправиться с графом лишь ради того, чтобы следить за нею. И еще, чтобы заботиться о маленькой Онорине, которую его друг Сисильен, умирая на «Голдсборо», знаком поручил ему.

Анжелика заметила это во время их долгого пути, когда буквально на каждом переходе возле нее неожиданно с мученическим видом возникал Энрико, исполнявший свой тайный обет помогать им, Анжелике и Онорине: он приносил им воду, старался развлечь малютку, выполнял все ее капризы. Поначалу удивленная, ибо она знала, что Энрико не питает к ней любви, Анжелика наконец поняла в чем дело, и у нее появилось к нему чувство привязанности. Со своей стороны, он отметил, что эта женщина, доставившая ему столько беспокойства, превосходно знакома с портом Ла-Валеттой, узнал, что она была выкуплена его господином графом де Пейраком у рыцарей Мальтийского ордена и что она побывала даже в Канди, короче говоря, что она избороздила чуть ли не все Средиземное море. Он стал лучше понимать, чем она пленила его господина, и, догадавшись об узах, которые их связывают, смирился. Анжелика заботилась о нем, так как здоровье у него и без того было хрупкое,

а теперь он совсем позеленел от холода. Сухой воздух раздражал носоглотку, привыкшую к влажному морскому климату, он беспрестанно кашлял, и у него часто шла носом кровь.

Этот проворный двадцатипятилетний человек-рыба с четкими, словно вырубленными резцом, чертами загорелого лица и бездонной глубиной огромных глаз, волею судеб оказавшийся в дебрях лесов и выглядевший теперь старше своих лет, несомненно, был самым ловким и изобретательным из людей графа. Как всякий моряк, привыкший вязать узлы и снасти, он плел корзины, сети и под руководством Элуа Маколле взялся даже за изготовление снегоступов. Этой работой он занимался по вечерам в компании с плотником Жаком Виньо и немым англичанином. Зимой лишняя пара снегоступов никогда не помешает. Когда же у них кончились веревки, они по примеру индейцев пустили в ход кишки животных. Жоффрей де Пейрак привлекал Энрико и к работе в лаборатории, где они проводили химические опыты. Еще в те времена, когда Энрико жил на Мальте, он интересовался подобными опытами. Ла-Валетту часто посещали арабские ученые, и нищий мальчишка, подтягиваясь на переплетах частой деревянной решетки, которой были забраны окна уставленной ретортами лаборатории, смотрел, как они приготавливают там свои гремучие взрывчатые смеси. Энрико вместе с графом воссоздал много рецептов смесей для взрыва кораблей, секрет изготовления которых он сумел тогда хитростью перехватить. От этих занятий их душил раздражающий горло кашель, что отнюдь не охлаждало их пыл.

Когда Анжелика думала о предстоящей суровой зиме, она больше всего боялась за милого доброго Куасси-Ба.

Но сам Куасси-Ба не боялся ничего. Он был словно отрешен от все и вся. Настоящий языческий бог,

священнодействующий над купелированием золота, склонивший свое темнокожее лицо над сосудами с костной мукой или над отливающим всеми цветами радуги расплавленным металлом, он хранил в своей памяти секреты земли и не замечал почти ничего, что не имело непосредственного отношения к его магической работе, к которой он был приучен с детства, когда с суданскими золотоискателями спускался в глубокие шахты, спускался бесконечно долго, упираясь спиной и ступнями ног в стенки колодца. В его стране золото приносили в жертву дьяволу.

Преданность Куасси-Ба недрам земли и золоту тесно сплеталась с преданностью, которую он питал к своему господину. Служить ему, помогать ему, оберегать его от опасностей, заботиться о его сыновьях — все это, по его мнению, составляло частицу тяжелого труда по добыче золота. Куасси-Ба был степенный, сильный, спокойный и мудрый, и в то же время в нем было что-то наивно-детское.

Его осведомленность в области металлов и рудничного дела была велика. Он основательно постиг науку, работая с графом де Пейраком, и эти познания прочно соединились, сплелись с его врожденной интуицией сына земных глубин. И он снискал к себе уважение белых, которые работали вместе с ним. Он делал сообщения в университетах Палермо и Сале, в Марокко, и арабские ученые, великие ученые мужи в горностаевых мантиях, со вниманием слушали черного раба. Ничто, казалось, его не трогало, ничто не могло нарушить его душевный покой. Только его глубокое смирение и кротость перед силами природы выдавали в нем сына Хама. И еще свидетельствовали о его африканском происхождении слишком ранняя седина да глубокие морщины на лице. Потому что в действительности он был значительно моложе графа. Но сыновья Хама стареют рано. Да, ничто, казалось, не

трогало его, и в то же время он был чувствителен ко всему. Его присутствие было для Анжелики истинным утешением. Когда он садился у очага, она чувствовала, что среди них находится человек мудрый и добрый, человек с возвышенной душой, который привнес в чрево страстей цивилизованного мира крупитцы наивной первобытной простоты.

Были и другие, кто не внушал Анжелике ни малейших опасений: это всегда хлопотливый, общительный пьемонтец Поргуани, безукоризненно сдержанный немой англичанин Леймон Уайт, о котором, по правде сказать, они почти ничего не знали, но все чувствовали, что на него можно положиться, и Октав Малапрад, повар из Бордо. С Октавом Анжелику сближала еще и его профессия. Когда речь заходила о приготовлении какого-либо блюда или вообще об этом ремесле, они понимали друг друга с полуслова. Ведь некогда Анжелика хозяйничала в таверне «Красная маска» и небольшом заведении в Фобурж-Сен-Оноре, где подавали горячий шоколад, и ее опытность проявлялась в каждом ее слове. И она, думая о Малапраде и вспоминая, как мужественно боролся он с бурей, которая настигла их «Голдсборо», говорила себе, что он достоин лучшей доли.

Почему, когда он помешивал маисовую кашу или старательно обрезал ножом куски дичи, она, глядя на него, представляла его себе не в белом поварском одеянии, а в напудренном парике, в расшитом галунами рединготе офицера королевского стола, который, отвернув манжеты, священнодействует среди сутолоки дворцового праздника?

Прошло то время, когда ему пришлось взяться за топор лесоруба, чтобы помочь построить жилище; теперь он снова занял место у плиты. Он отдал на откуп госпоже Жонас и Эльвире почти всю черную работу, не возражал, если они чистили коренья, но лично пробовал

самый неприхотливый суп и с религиозной тщательностью проверял приправу.

Временами на него находила мания величия. Он вдруг заводил речь о роскошном обеде, уверял, что скоро приготовит соус из каперсов по-королевски, суп из креветок по-сотернски, профитроли в шоколаде. Все собирались вокруг него, слушали.

Анжелика старалась тоже не ударить в грязь лицом. Она вспоминала, как приготовить баранью ногу по-лионски или щербет по-персидски. Это были их вечерние сказки, их «Тысяча и одна ночь».

Глава 10

Чужие — это были испанцы и англичане. Да, они садились за тот же стол, что и остальные, выполняли со всеми ту же тяжелую работу, делили те же опасности, проявляли такое же мужество и такое же терпение и, однако, от этого не становились менее чужими. Они держались так, словно только что приехали сюда или собираются вскоре уезжать, словно они здесь случайно, мимоходом, словно им и впрямь нечего делать среди этих людей, с которыми тем не менее день за днем текла их жизнь.

Четверо испанцев-пиротехников все как один были похожи на своего капитана дона Хуана Альвареса — такие же мрачные, надменные, сдержанные. Их нельзя было упрекнуть в том, что они слишком несговорчивы или затевают склоки. Они подчинялись приказам и делали все, что от них требовали, тщательно следили за своим оружием, выполняли все обязанности, которые были на них возложены, проявляли большую сноровку в работе как у горна, так и на руднике. Все они были непревзойденными стрелками, воинами джунглей и моря. Они служили в тех отрядах войск Его католического Величества короля Испании, в обязанности которых входило охранять от пиратов галионы, перевозящие золото. Все они участвовали в рискованных походах по болотистым и жарким джунглям, кишущим змеями, взбирались на вершины таких высоких гор, как Анды, когда приходилось карабкаться на четвереньках и кровь текла у них из ушей и носа, все побывали в руках индейцев и все вырвались оттуда со шрамами и неизлечимыми увечьями, а также с неистребимой ненавистью к краснокожим. Эти солдаты разговаривали лишь друг с

другом и обращались только к своему капитану дону Альваресу. Сам же дон Альварес разговаривал исключительно с графом де Пейраком. И даже в дружеском тепле какой-то общности, которая создавалась в Вапассу зимой, они держались изолированно, как наемники на чужой земле. На каких условиях каждый из них подрядился на службу к графу де Пейраку, Анжелика не знала.

И конечно же, этих людей лечить ей было еще труднее, чем овернского кузнеца. Анжелика часто замечала, что дон Альварес сильно хромает, а Хуан Карильо бледнеет от смертных мук, которые доставляет ему больной желудок, но она не представляла себе, как сможет она насильно заставить разуться высокого сеньора из Кастилии, который смотрит на всех отсутствующим презрительным взглядом, или справиться у нелюдимого, молчаливого Карильо о его пищеварении. Это было невысказано.

И она ограничивалась лишь тем, что, выполняя свой долг, передавала Хуану Карильо настойки мяты и полыни. Относил их Хуану Октав Малапрад, и он же следил за тем, чтобы они были выпиты. Повар не курил и отдавал свой табак этому молодому андалузцу. В знак благодарности Хуан изредка бросал ему несколько слов по поводу погоды. С его стороны это было проявлением величайшей общительности.

Что же касается дона Хуана Альвареса, то Анжелика пока еще не могла придумать, как подступиться к нему, чтобы заставить его приложить к больным ногам припарки из льняного семени, которые принесли бы ему облегчение. Черт бы их всех побрал, этих гордецов, вместе с их мавританским сеньоральным воспитанием! Они презирали женщину, считая, что она должна сидеть взаперти и что удел ее — лишь молиться да рожать детей. Дон Хуан Альварес был весьма достойный подданный своего короля Филиппа III — ведь

достолавный король умер, спаленный жаровней, которую не могли отодвинуть только потому, что в тот момент не оказалось поблизости придворного, каковой, согласно этикету, должен был это сделать.

Омертвевшая, грубая, суровая, мистическая культура, давшая, однако, миру храбрых конкистадоров, которые менее чем за пятьдесят лет, начиная с Бальбоа, пересекшего в 1513 году Панамский перешеек и открывшего Тихий океан, и кончая Орельяной, в 1541 году спустившимся по Амазонке от самых ее истоков в Андах до Атлантического океана, покорили большую часть огромного континента и, вобрав в себя, подавили три блистательные индейские культуры: ацтеков, майя и инков.

Иногда граф де Пейрак шутил с испанцами.

— Благодаря вашей пятерке, — говорил он им, — Испания не окажется в стороне от завоевания Северной Америки. Ваши братья впали в уныние, не найдя золотых предметов в поселках алгонкинов и абенаков. Вот уж поистине стоило принадлежать к племени рудокопов, коими испокон веков являлись иберийцы, чтобы превратиться в обыкновенных бандитов. Но вы последовали за мной, и потому вы будете единственными, кто вернется к ремеслу ваших предков, которые добывали и серебро, и медь, и невидимое золото из недр земли.

Когда испанцы слушали его, в их горящих глазах проскальзывало вдруг что-то человеческое и они казались счастливыми.

К опасным Анжелика относила четверых: ирландца О'Коннела, парижанина Жака Виньо, рудокопа Соррино, наполовину испанца, наполовину перуанского индейца, и овернского кузнеца Кловиса.

Жак Виньо тревожил ее не так уж сильно. Дерзкий на язык, любитель выпить, он был все же сговорчив и в

глубине души чувствителен, а временами, когда, выделяя его в чем-то, тешили его тщеславие, даже проявлял себя услужливым и добрым малым. В конце концов Анжелика стала относиться к нему с несколько большим доверием. Было необходимо стать его союзником, потому что своими насмешками, своими репликами или притязаниями он мог отравить жизнь всем.

О'Коннел был опасен не только своим вспыльчивым характером и манией преследования. А ведь его и впрямь преследовали: англичане за то, что он католик, а французы за то, что он говорит по-английски. Но опасность крылась в другом: именно он тяжелее всех перенес пожар Катарунка, гибель всех его сокровищ. «Нужно было бы выйти из положения как-то иначе, — твердил он, — не сжигая Катарунк». Он не мог пережить и простить этого. И потому ненавидел весь мир. Анжелика не знала, с какой стороны к нему подступиться. Его мрачное лицо, его угрожающее брюзжание и постоянная озлобленность угнетали ее тем более, что она понимала, как ему трудно.

Рудокоп-метис Соррино не доставлял особых хлопот при условии, если на него не обращать внимания, не проявляя, однако, при этом неосторожности вовсе забыть о его присутствии. Он смертельно ненавидел Анжелику за то, что при первой их встрече она приняла его за индейца. Его ненависть во столько же раз возросла, когда она потом сочла его испанцем. И конечно же, он всем своим существом страдал, когда его называли метисом.

В его замкнутой душе постоянно жестоко боролись друг с другом два заклятых врага — индеец кечуа с Анд и некий кастилец, наемник Писсаро^[5], — два врага, которые примирялись на короткое время лишь для того, чтобы с одинаковым презрением взглянуть на этого

полукровку, оскверняющего своим существованием благородную землю инков. Граф де Пейрак сумел убедить Соррино, что его работа на руднике — это одинаковой силы зов крови обеих рас, к которым он принадлежит, и что таким образом он, метис, соединяя в себе наследственность и природные способности этих рас, рожден, чтобы стать самым замечательным ученым по рудничному делу во всем Перу. Предсказание графа подтверждалось: когда Соррино склонялся над своей работой, в душе его воцарялся мир. Тут нужно было только оставить его в покое около горнов, стараться не лезть к нему с разговорами и обходиться с ним уважительно.

Но самым опасным все же оставался Кловис, типичный смутьян, славящийся недюжинной силой, подозрительностью и отчаянным эгоизмом. Он принадлежал к числу людей, которые могут откусить руку тому, кто их спас и накормил. Бывали минуты, когда Анжелика спрашивала себя, все ли продумал ее муж, беря волонтером в экспедицию этого сомнительного типа, такого трудного, неуживчивого. Ну ладно, пусть он хороший кузнец, превосходно изготавливающий любые слесарные инструменты и оружие, настоящий подручный Вулкана, черный, приземистый, всегда в поту, всегда заросший, словно покрытый сажой, черной бородой. Да, это правда, никто лучше его не может подковать лошадь, но как бы ни было ценно это его умение, оно не примирит их — в особенности теперь, когда долгий путь завершен, — с его грубостью и склочным характером. Он терпеть не мог женщин и частенько нарочно распускал язык, чтобы шокировать застенчивые уши госпожи Жонас и Эльвиры. С Анжеликой он иногда держался с редкостной заносчивостью. И она вела с ним войну, такую же непримиримую и тяжкую, как и он с ней.

Но оба они сходились, по крайней мере, в одном: отголоски этой вражды не должны дойти до графа де Пейрака. Анжелика боялась докучать мужу. Кловис боялся... всего-навсего веревки. За три года, которые он провел на службе у графа де Пейрака, он имел время убедиться, что их хозяин шутить не любит. И у него хватало ума сдерживать себя в присутствии графа. Те, кто работал с Кловисом, кто жил с ним бок о бок, упрекали его в замкнутости, но он считал бы себя обесчещенным, если бы сделал попытку ужиться с ними, да и вообще с кем бы то ни было.

Однажды вечером, когда они сумерничали, Анжелика вложила ему в руки его порванную одежду.

— Вот иголка и шерсть, Кловис. Почините-ка это быстро.

Кузнец возразил, правда, сначала убедившись, что графа нет поблизости.

— Это вы, женщина, должны заниматься такой работой.

— Нет, все моряки прекрасно владеют иглой, это входит в их ремесло.

— Но почему именно я должен делать это сам? Я видел, как другим латаете одежду вы.

— Возможно, но именно вы нуждаетесь в покаянии.

Довод задел. Какое-то мгновение Кловис разглядывал Анжелику, держа одежду в одной руке, иголку в другой, потом молча принялся за работу. Сидевший рядом с ним на скамейке Жак Виньо слышал, как он несколько раз пробормотал: «Нуждаетесь в покаянии! Нуждаетесь в покаянии! Ладно же!.. Вот тебе еще новость!..»

Он часто повторял одну и ту же фразу, смысл которой озадачивал и Анжелику, и всех остальных.

«Да, черт побери, — говорил он, потрясая своей черной лохматой гривой, — стоило таскать кандалы в темницах, чтобы докатиться до такого!»

Однажды, услышав, что на дворе происходит какая-то бурная стычка, Анжелика выскочила на порог как раз вовремя: она увидела, как овернец потрясает дубиной над головой одного из индейцев. Пока он размахивал своим оружием, примеряясь, как бы получше нанести удар, Анжелика успела выхватить пистолет и выстрелила. Дубина треснула и выскользнула из рук Кловиса, а сам он ничком упал на мерзлую землю. Анжелика бросилась, чтобы остановить индейца, который, выхватив свой длинный нож, приготовился снять с кузнеца скальп с лохматой шевелюрой. Поняв, что его обидчик повержен, индеец согласился отступить.

Звук выстрела заставил всех выбежать из дома. На сей раз скрыть случившееся было трудно. Граф де Пейрак широким шагом подошел к ним и оглядел участников драмы.

— Что произошло? — спросил он кузнеца, который поднимался с земли, бледный как смерть.

— Она... она хотела меня убить, — заикаясь, пролепетал он, показывая на Анжелику. — На три дюйма ближе, и разлетелись бы мои мозги.

— Как жаль, что этого не случилось! — засмеялась Анжелика. — Я хотела не убить тебя, дурень ты несчастный, я хотела, чтобы ты не сделал глупости, которая стоила бы тебе жизни. Уж не думаешь ли ты, что тебе удалось бы избежать ножа этого индейца, если бы ты его ударил? Я стреляла в твою дубину, а не в голову. Одна дубина стоит другой! Уж коли я и впрямь задумала бы тебя убить, ты был бы уже мертв. Можешь мне поверить.

Но Кловис, не веря, покачал головой. Его изрытое оспой, заросшее щетиной лицо было совсем белым. Он и впрямь очень испугался и пребывал в убеждении, что Анжелика желала его смерти и только случай даровал ему жизнь. Он уже давно подумывал о том, что это

должно случиться, что эта ужасная женщина в конце концов сживет его со свету — то ли своими ножичками и щипчиками, то ли каким-нибудь колдовством. Но пистолет — это уж слишком!

— Ну да, так я и поверил вам, — проворчал он. — Просто вы не сумели прицелиться точно. Женщины не умеют стрелять.

— Глупец! — с гневом сказал граф. — Может, желаешь повторить опыт? Ты убедишься, что, если бы госпожа графиня захотела тебя прикончить, ты уже был бы на том свете. Возьми-ка дубину, подними ее и сейчас воочию увидишь: то, что тебе рассказали о стычке у переправы Саку, — правда. Возьми же дубину!

Кузнец наотрез отказался. Но Жан Ле Куеннек уверенно предложил свои услуги. Он был неподалеку от Анжелики, когда она задержала Пон-Бриана, и все видел. Он поднял дубину. Анжелика, стоя на пороге дома, выстрелила, и дубина разлетелась вдребезги. Все захлопали в ладоши. Анжелику попросили продемонстрировать свое умение еще несколько раз. Дон Альварес вышел из сонного оцепенения, в котором он постоянно пребывал, и пожелал увидеть, как она справляется с фитильным мушкетом, потом с мушкетом кремневым. Она легко поднимала тяжелые ружья, все восхищались ее силой, и впервые они почувствовали гордость, что среди них находится такая женщина.

Глава 11

Если даже в Вапассу так холодно, то можно себе представить, какой трескучий мороз в городах, ведь они куда севернее...

Три городка... Три поселка, затерявшихся в огромном пространстве на берегу реки Святого Лаврентия. Корабли к ним приплывут только весной. Ледяной панцирь сковал их, сковал все вокруг них, они — пленники тишины, пленники заснеженной пустыни, бесконечной сумрачной безлюдной пустыни.

Монреаль на своем острове, у подножия небольшого потухшего вулкана, Труа-Ривьер, приютившийся среди рукавов замерзшей дельты. И на крутом берегу — господствующий надо всем Квебек. Три города, словно увенчанные диадемой белого дыма, который, не переставая, мирно тянется из труб в розовый глянец восходов и закатов.

Три затерявшихся городка. Пусть потрескивает огонь в очагах их домов, пусть спасает он людей от гибели!

Огонь в очагах такой жаркий, что люди забывают и о смерти, и о тишине, и об окружающей их снежной пустыне. Они теснятся у очагов, в их тепле болтают, в их тепле замышляют заговоры, интригуют. В тепле очагов всю зиму решаются споры: в салонах — с помощью злословия, в тавернах — с помощью скамеек, решаются неистово, глухо, в сердцах, между друзьями, между родственниками, между всеми канадцами. В тепле очагов помногу молятся, сверх меры исповедуются, размышляют, грезят, обратив взор к югу, к белым гирляндам горных вершин или сереющему на горизонте лесу.

Мечтают об отъезде. К морю и в Европу или на запад — к мехам и дикарям... Любым путем... Но уехать, только бы уехать... Когда же представится эта возможность?..

В тепле очагов занимаются любовью, занимаются наспех, тайно и — даже супруги — с угрызениями совести, ибо неусыпное око иезуитов давит на психику всех.

В тепле очагов много пьют. Это единственное удовольствие. Водка и снова водка. Водка яблочная, ржаная, сливовая или пшеничная, ароматная, прозрачная, которую каждый гонит в своем собственном перегонном аппарате.

Зимние улицы наполнены запахом выжимок, дыма от очагов, похлебки на сале и копченых угрей.

Зимние дни насыщены запахом ладана от утренних и вечерних служб, запахом пергаментных книг, переплетенных в кожу, которые привезли из Европы и теперь перелистывают, и перечитывают без конца, сидя у очага.

Зимние ночи трещат от мороза. Кажется, что и окна вот-вот затрещат. Иней причудливыми цветами расписал стекла.

Именно здесь, в этих городках, вдруг появилась и быстро распространилась новость: чужаки из Катарунка, которых, как считали, перерезали ирокезы, оказывается, живы. И жива та необыкновенной красоты женщина, что, восседая на коне, появилась у истоков Кеннебека из чащи леса. Она жива, этот демон в женском обличье! Торжество и ужас! Ликование для тех, кто верит в потусторонние силы.

Ну подумайте сами, друзья мои, неужели дьявол дал себе труд послать одного из своих приспешников на землю лишь для того, чтобы от единого щелчка ирокезов от него осталась только кучка золы?.. Нет уж, дудки!.. Дьявол более могуществен!.. Он еще

недостаточно причинил зла Акадии, чтобы можно было судить о его поражениях или победах. И доказательство тому — что женщина-демон все-таки жива... Хотя Катарунк сожжен.

Ломени твердит: «Я сам видел пепелище на месте Катарунка...».

Но тот, кто принес эту потрясающую новость, не сдается. Он утверждает, пришельцы живут в горах, в так называемом Вапассу, у Серебряного озера.

А разве можно сомневаться в словах того, кто принес эту новость? Он все зрит на расстоянии. Он святой. Он своими глазами видел, как пришельцы ушли от ирокезов, даже не прибегнув к оружию, и это, безусловно, свидетельствует о том, что они приспешники сатаны.

Если это не Бог сотворил чудо и спас их, значит, это мог сделать только дьявол.

Но Бог никогда бы не поспешил на помощь тем, кто не водружает креста, кто насаждает ересь и даже не приближается к святым таинствам.

Значит, это дьявол.

А мессир де Ломени просто потерял здравый смысл. Эта женщина-демон, говорят, околдовала его своими чарами, как околдовала она Пон-Бриана, и он, мрачный и растерянный, бродит с тех пор по улицам Квебека, рассказывая о прекрасной, как день, женщине, повстречавшейся ему в чаще лесов...

Верхом на лошади...

Как будто там могла быть женщина! В глубине этих лесов никогда не бывало белых женщин. Те, кто утверждает, будто видели ее верхом на лошади, ошиблись. Это была не лошадь, а единорог, здесь не может быть никакого сомнения... Кое-кто из тех, кто находился в ущелье в момент, когда странный силуэт в первый раз вырисовался в свете луны, уверяет, что заметил острый рог... Их донимают вопросами, их

умоляют напрямч память, им не дають прохода, всем тем, кто участвовал этой осенью в экспедиции вместе с мессиром де Ломени и кто повстречал эту загадочную личность в черной маске и женщину, которую еще не осмеливаются вслух назвать демоном, но которую уже называют Дамой с Серебряного озера.

Так что же теперь будет?

Монсеньор епископ распорядился устроить шествие и назначил пост. Он посетил фанатичку сестру Мадлен в ее обители, потом вернулся к губернатору Канады мессиру де Фронтенаку, чтобы встретиться у него с графом де Ломени и бароном д'Арребу, набожным синдиком города Квебека, а также и с другими лицами, в том числе со многими иезуитами.

И допоздна горели свечи в окнах замка на высокой горе...

А внизу, в свете луны, бескрайней белой равниной тянулась река Святого Лаврентия...

Глава 12

Неподалеку от форта Вапассу, возле одного из водоемов, где водились бобры, обосновалась небольшая индейская семья.

Ссора между Кловисом и индейцем из этой семьи произошла из-за сестры последнего, довольно смазливенькой индианочки с длинными косами, которая, смеясь, выставляла напоказ сияние своих белоснежных зубов, откровенно завлекая в свои сети «нормандцев», весьма склонных, как она слышала, к любовным утехам. Была там еще и другая индианка, с виду более робкая, однако это не мешало ей с той же легкостью назначать интимные свидания.

Впрочем, было даже удивительно, сколь мало трогало мужчин это довольно приятное соседство. Юный Жан Ле Куеннек, Жак Виньо и один из англичан — вот только их и тянуло туда, да и то изредка.

Выяснилось также, что ссора Кловиса с индейцем произошла не из-за платы за любовь, а из-за того, что красавица, болтаясь по двору форта, выкрала у овернца табак и нож.

Анжелика вспомнила, как недавно Жоффрей объяснил ей причину такого поведения мужчин. Моряки — народ воздержанный. Сам способный, если нужно, долго обходиться без женщин, Жоффрей де Пейрак сумел отобрать для себя людей. Они последовали за Пейраком, потому что он пообещал им золото. Страсть к авантюрам и удаче заменяла им развлечения. Женщина была для них не чем иным, как частью их добычи, которую они еще не заработали. Значит, все впереди!.. Инстинктивное недоверие к сентиментальным привязанностям, которые приводят человека на стезю рабства, помогало им укротить свои чувства.

Анжелика вспомнила Никола Перро. Вот и его жажда приключений побудила три года назад оставить дома жену и отправиться бродить по лесам, а заодно и по всему свету.

Между прочим, незадолго перед тем, как начался снегопад, Никола ушел на юг, чтобы попытаться дойти до небольшой фактории, которую держал один голландец в устье реки Кеннебек, и привезти оттуда необходимые припасы: соль, сахар, муку, немного масла...

В конце концов, самым верным поклонником юных индианок оказался — кто бы мог подумать! — старый Маколле. Он то и дело, какая бы ни была погода, шнырял взад-вперед из своего продымленного вигвама в вигвам индейцев и обратно. Стреляный воробей этот Маколле! Любил он также посидеть у очага в вигваме старого индейца и повести беседу с хозяином. Глава этой семьи слыл колдуном. Он приносил Анжелике корни, травы и смолы.

Анжелика уже забыла, как перепугалась она, когда в одно прекрасное утро увидела его неожиданно — так неслышно он подошел — стоящим у себя за спиной с поднятыми в знак мира руками и в топорщащейся меховой одежде, что делало его похожим на медведя. А теперь они стали добрыми друзьями. Она уже могла объясниться с ним, чем немало гордилась, потому что не раз слышала, будто научиться языку индейцев очень трудно. Миссионеры во Франции, когда речь заходила об этом, уверяли, что для того, чтобы научиться говорить на языке индейцев, нужны годы, да и трапперы, казалось, не поощряли вновь приехавших к подобным занятиям. «Для этого нужно прожить здесь жизнь, никак не меньше», — утверждали они. Но Жоффрей де Пейрак очень быстро освоил язык индейцев и объяснил Анжелике, что трудности, о

которых столько говорят, лишь кажущиеся. У тех, кто ссылается на них, просто не хватает наблюдательности.

Вот он-то очень скоро подметил, что большинство индейских племен, с которыми им приходилось сталкиваться, говорят на языках, имеющих одну и ту же лингвистическую основу, берущую начало от языка инков или от языка кечуа. Именно поэтому его рудокоп-метис Соррино, когда приехал сюда, в Северную Америку, легко понимал здешних индейцев.

Ирокезы, алгонкины, гуроны и абенаки — братья по языку, потому что их разделяют только произношение и интонация, да еще некоторые обиходные слова, такие, как «вода» или «ребенок», и это просто потому, что в каждом племени привыкли по-своему именовать те или иные понятия. Например, о воде можно сказать: источник, жидкость, а когда говорят о ребенке, его называют и отроком, и малышом, и сыном...

Существует относительно немного корней, которые обозначают общий смысл, а оттенки придаются суффиксами и приставками; вот эти-то корни и являются ключом к пониманию языка. Таким образом, с помощью примерно пятисот основных слов можно объясниться с любым индейцем, несмотря на кажущееся огромное различие языков разных племен.

Пользуясь ключом, который дал ей муж, Анжелика достигла таких успехов, что даже сама поражалась. Если бы не это, она, верно, чувствовала бы себя беспомощной и продолжала бы доставлять радость индейцам, которые прыскали со смеху при каждой ее ошибке. Прежде всего нужно подолгу слушать их. Когда слушаешь, отмечаешь произношение и тональность, главным образом, особую манеру индейцев произносить слова как бы горлом, так, чтобы мускулы лица не двигались, отчего у них, даже когда они бросают оскорбления, лица остаются неизменно бесстрастными. Когда же они молчат, лица их,

наоборот, становятся очень подвижными, а рот по каждому поводу расплывается в улыбке. С течением времени Анжелика уловила, что в языке индейцев всего шестнадцать звуков, но интервалы между звуками иногда в четыре раза длиннее, чем в европейских языках, а иногда, наоборот, в два раза короче. Таким образом, различная долгота звуков в слове позволяет в отличие от французского и английского языков придавать ему восемь оттенков, что порождает различные смысловые нюансы.

В ожидании совершенства все обитатели Вапассу упражнялись в языке, и те, кто достиг больших успехов, поправляли остальных. Анжелика же нашла себе прекрасного учителя в лице старого индейца из «бобрового» вигвама. Не столько из безразличия, сколько из старческой безмятежности старик не осуждал ее за ошибки, и потому с ним она осмеливалась пускаться в глубочайшие рассуждения, которые весьма забавляли Жоффрея де Пейрака, когда он заставлял ее спорящей с украшенным перьями краснокожим магом.

Ее живость, ее жажда жизни, ее мужество — все в ней восхищало его. И он все чаще следил за ней взглядом.

Вначале он решил: «Все будет зависеть от нее. Вапассу послужит проверкой». И теперь он восхищался, видя, как она сумела сплотить вокруг себя этих враждебно настроенных бродяг, в сердце каждого заняв отныне свое место как мать, сестра, друг, госпожа.

Как-то вечером Жоффрей попросил Анжелику пригласить к нему Эльвиру для интимного разговора и побыть с ними, пока он будет беседовать с ней в их тесной каморке. За неимением иного места, где можно было бы укрыться от нескромных ушей, когда возникала потребность поговорить с кем-нибудь с глазу ва глаз, их

спальня была возведена в ранг «капитанской каюты на полуюте», и несколько ступеней, ведущие к ней, дополняли эту иллюзию.

Обстановка комнаты приукрасилась грубым креслом, покрытым шкурой, в котором восседал граф. Вызванный для разговора обычно стоял, касаясь головой потолка, если рост у него был мало-мальски приличный.

Если разговор был дружеский, Пейрак усаживал приглашенного перед собой на камень очага и приказывал принести пинту пива и два стакана.

Часто по вечерам он удалялся к себе то с одним, то с другим из своих людей. И все ценили эти уединенные беседы. Здесь они имели возможность объясниться с хозяином, выразить ему свои сомнения или недовольство, здесь они получали от него указания, а в случае надобности и взбучку.

Очень взволнованная, Эльвира, вся дрожа, с трудом одолела четыре ступеньки, что вели на «полуюте». Присутствие Анжелики немного успокаивало ее, но она все равно терзалась неведением, так как, по натуре совестливая, всегда чувствовала себя в чем-то виноватой.

Тяжелая дверь затворилась, шум, доносившийся из залы, стал глуше. В маленькой комнатке слышалось лишь потрескивание дров в очаге да временами за окном легкий шелест пихт, ветви которых пригибал к крыше ветер.

Граф сидел. Молодая женщина продолжала стоять, и Анжелика видела сзади, как сжались ее узкие плечи, вбирая в себя ее беззащитный затылок. Бедняжка не знала, как ей держаться под печальным взглядом графа, который с мягкой, благосклонной улыбкой на губах изучал ее с ног до головы. Он умел вложить в свой взгляд то пылкое внимание, которое не могло оставить равнодушной ни одну женщину.

— Эльвира, дитя мое, милое мое дитя, — сказал он с нежностью, — выслушайте меня как можно спокойнее.

— Я в чем-нибудь провинилась, монсеньор? — пробормотала она, теребя свой фартук.

— Я прошу вас только выслушать меня спокойно, без страха... Я могу лишь похвалить вас за то, что вы всегда столь услужливы, и тем не менее именно из-за вас у нас могут возникнуть некоторые осложнения.

— Из-за меня? О, монсеньор!..

— Да, из-за вас, несмотря на вашу сдержанность и вашу скромность. Ведь кроме них, вы обладаете еще и другим — прекрасными глазками и розовыми щечками.

Эльвира в полном замешательстве смотрела на него, не понимая.

— Я заметил, что один из моих людей уделяет вам особое внимание. Скажите мне без притворства, не надоели ли вам его ухаживания, не хотите ли вы, чтобы им был положен конец, не думаете ли вы, что он слишком далеко зашел в выражении своих чувств?

И так как она молчала, он продолжал:

— Здесь, в Вапассу, с нами только три женщины, и вы единственная из них не находитесь под покровительством мужа. Я сразу же дал самые строжайшие распоряжения на ваш счет. И теперь я хочу знать, как исполняется мой приказ. Отвечайте! Не кажется ли вам назойливым то внимание, которое в последнее время вам выказывает этот человек? Вы ведь знаете, кого я имею в виду, не правда ли?

На этот раз она, покраснев, опустила голову и кивнула.

— Я говорю об Октаве Малапраде, — сказал де Пейрак. Он помолчал немного, ровно столько, сколько нужно было, чтобы вызвать в памяти лицо повара, его атлетическую фигуру и почтительную улыбку.

Затем достал из кармана своего камзола одну из немногих оставшихся у него сигар и, склонившись к

огню, прикурил ее от головешки. Откинувшись в кресле, он выпустил клуб дыма и сказал с улыбкой:

— Если он нарушил мой приказ, он будет повешен.

Эльвира вскрикнула и побледнела.

— Повешен!.. О, монсеньор! О нет! Бедняжка! О, только не из-за этого! Только не из-за меня!.. Я того не достойна...

— В любви властвует женщина. Разве вы не знали этого, прелестное дитя?..

Он снова посмотрел на нее с той неповторимой своей улыбкой, которая приподняла уголки его губ, придав им выражение насмешливости и нежности, так знакомое Анжелике.

— Разве вы не знали, что женщины властвуют в любви? — настойчиво повторил он.

— Нет, монсеньор, нет, я не знала, — наивно ответила Эльвира.

Она дрожала всем телом, но страх, который она только что испытала за Малапрада, помог ей собраться с мыслями, чтобы защищать того, кому, как подсказывало ей сердце, угрожает опасность.

— Монсеньор!.. Я клянусь вам, я могу побожиться... Он ни разу не позволил себе даже малейшего жеста, который заставил бы меня покраснеть. Я только все время чувствовала, что он... что... что он...

— Вы его любите?

Это уже походило на допрос. Она умолкла и блуждающим взглядом смотрела вокруг.

— Нет... я... я не знаю...

— Вы потеряли своего мужа три месяца назад на «Голдсборо»?

Совершенно оупевшая от волнения, она уставилась на графа.

— Моего мужа?

— Вы его любили?..

Он тормозил ее, изучал взглядом, и этот цепкий взгляд его остановился на темных детских глазах Эльвиры, заставляя ее смотреть на него.

— Вы любили своего мужа?..

— Да, конечно... То есть... я... я... уже не знаю...

Он отвернулся и некоторое время молча курил. Она застыла перед ним, опустив руки, уже не дрожа, и не отводила от него глаз. Потом он снова заговорил негромко, все тем же спокойным тоном:

— Октав Малапрад только сейчас приходил поговорить со мной, он вас любит. Догадываясь, что его чувства не прошли бы незамеченными для меня, он опередил события и доверился мне... Вот что он просил меня рассказать вам о нем, о его прошлом. Пять лет назад, когда он жил в Бордо, где был хозяином пользующегося хорошей репутацией трактира, он, застав свою жену с любовником, убил их обоих. Затем, не зная, как избежать расплаты за содеянное и скрыть следы своего преступления от дознания, которое неминуемо должно было начаться, он разрубил трупы на куски, часть их сжег, а остальные выбросил на свалку...

Анжелика, чтобы удержать приглушенное восклицание, прикусила губы. Эльвира отшатнулась, словно рядом ударила молния. Пейрак затянулся сигарой, с любопытством разглядывая ее.

— Сделав это, — продолжал рассказывать де Пейрак, — Октав переждал некоторое время, а затем удрал в Испанию. Вот тогда он и появился на моем судне, и я нанял его.

Наступило долгое молчание.

Вдруг Эльвира выпрямилась, расправила плечи и взгляд ее стал каким-то отрешенным.

— Мессир граф, — очень четко сказала она, в голосе ее неожиданно прозвучали мужественные нотки, чего никогда прежде он не слышал у нее, — пусть извинит

меня мессир граф, если я покажусь ему несколько чувствительной. Но я вот что хочу сказать. Я думаю, что этот человек убил в яростном порыве ревности, неожиданно для себя самого, и потом, оставшись один, он совсем потерял голову от ужаса и не знал, как ему выпутаться. Он хотел спасти свою жизнь. А то, что он совершил, — это просто беда, несчастный случай, ну, как увечье, которое вдруг обрушивается на нас.

Она глубоко вздохнула.

— И это увечье не помешает мне любить его, — с силой сказала она. — То, что вы сейчас здесь рассказали, лишь раскрыло мне мои чувства. Ваши вопросы помогли мне понять собственную душу. Да, я искренне любила моего покойного мужа... вероятно... пока я была его женой... когда-то... Но это совсем не походило на то чувство, какое я испытываю сейчас к тому, о ком идет речь. Пусть мне говорят о нем все, что угодно. Для меня — я чувствую это! — он, несмотря ни на что, остался добрым, честным и нежным. А теперь я достаточно знаю о нем, чтобы сказать, что он еще и несчастен.

Она помолчала, потом добавила задумчиво:

— Он помогал мне идти во время бури, и ту ночь, когда мы пришли в Вапассу, я не забуду никогда...

Жоффрей де Пейрак бросил на нее благосклонный взгляд.

— Ну вот и прекрасно, — сказал он. — Именно такой ответ я и ожидал услышать от вас. У вас мужественная душа и благородное сердце, маленькая Эльвира. У вас ясный ум, и вы не дадите обмануть себя излишней сентиментальностью, которая в иных условиях была бы вполне понятна, но в данном случае абсолютно недопустима. Это правда, Малапрад человек верный, отважный, он мастер своего дела. Этот... несчастный случай, как вы его назвали, на всю жизнь поставил на нем клеймо. Но он же сделал его зрелым и заставил

иными глазами взглянуть на всю его предшествующую жизнь, довольно обыденную, хотя, будучи хозяином трактира, он достиг в своем деле весьма неплохих успехов. Потеряв все, он мог бы опуститься. Но он стойко перенес несчастье. Нашел в себе силы вернуться к жизни. Конечно, кто-нибудь может сказать, что правосудие, мол, не восторжествовало, и я согласен с этим. Но с другой стороны, поскольку его жертвы заслужили возмездие, я никогда не взывал к его совести и не увещевал искупить вину. Искупление приходит само по себе, потому что не проходит дня, чтобы он не думал о содеянном. Я скорее старался подбодрить его, помочь ему стать тем человеком, каким знаете его вы: добрым, деликатным, но в то же время предприимчивым и прозорливым, то есть хотел помочь ему приобрести те качества, каких раньше, до его драмы, ему не хватало. Он будет очень любить вас, и вы ответите ему тем же.

Молодая женщина, стиснув руки, жадно ловила каждое его слово.

— Послушайте, что я скажу вам еще, — снова заговорил граф де Пейрак. — Я дам вам приданое, и оно вполне обеспечит начало вашей супружеской жизни. Он имеет право на свою долю тех ценностей, что мы добудем на руднике у Серебряного озера. Но кроме того, в качестве подарка он получит от меня деньги, на которые снова сможет открыть трактир или таверну там, где ему захочется, в Новой Англии или даже в Новой Испании, если так подскажет ему сердце. И мы позаботимся о воспитании ваших сыновей от первого брака, чтобы позднее устроить их получше...

— О, монсеньор! — воскликнула она. — О, я, право, не знаю, как вам высказать... О, монсеньор, да благословит вас Господь...

Она упала перед ним на колени, и по лицу ее покатались слезы.

«Как он умеет добиваться этого? — думала Анжелика. — Он мог бы поставить перед собой на колени всех женщин мира. Вот и эта, ведь она без памяти влюблена в другого, но разве она ни готова принадлежать ему в знак уважения и признательности? Право владыки...»

Жоффрей де Пейрак ласково склонился над рухнувшей перед ним на колени женщиной. Он заставил ее поднять голову и погрузил свой взгляд в ее затуманенные глаза, преисполненные благодарности.

— Не надо плакать, дружок. Вы мужественно выдержали незаслуженные испытания. Что же касается человека, которого вы любите, то, я знаю, он искупил свою вину. И будет справедливым попытаться сейчас вознаградить его за пережитые страдания. Жизнь милосердна. Особенно к мужчинам. Она причиняет страдания, но она и вознаграждает...

— Да! О монсеньор, я понимаю... Я понимаю, что вы хотите сказать. — И она проговорила тихо, прерывающимся от рыданий голосом:

— Когда я жила в Ла-Рошели, я была самой обыкновенной женщиной... Ни о чем не думала. Но теперь я вижу, что и не жила тогда... Вы открыли мне глаза, монсеньор, вы открыли мне глаза, и теперь я другая. Как много поняла я с тех пор... с тех пор, как живу рядом с вами, — робко добавила она. — О, как я люблю Вапассу, как я люблю ваш дом, монсеньор! Мы не уйдем отсюда. Никогда! Мы останемся здесь, он и я, и будем служить вам...

Он остановил ее снисходительным движением руки:

— Успокойтесь! Уже почти ночь, и сейчас не время строить планы на будущее. Сначала вы должны прийти в себя. Вы перенесли тяжелое потрясение. Утрите ваши слезы. Малапрад не должен видеть, что вы плакали, иначе он вообразит, будто вы отказались от него, и пустит себе пулю в лоб, раньше чем я успею убедить

его в обратном. Эти бордосцы народ горячий... Но все-таки я советую вам не давать ему ответа до завтра. Идите к себе. Было бы хорошо, если бы этой ночью вы поразмыслили как следует, дали бы созреть вашему решению. Да и для него ночь сомнений и размышлений тоже не будет лишней. Он лучше оценит свои чувства. А сейчас я только предупрежу его, что вы обещали подумать.

Она послушно внимала ему.

— И еще я попрошу вас обоих, — вновь заговорил он, — чтобы вы продолжали пока жить так, как жили до сих пор, хотя и не скрывая своей доброй дружбы. Приближается самая суровая зимняя пора. Она потребует от нас много усилий. Нам предстоит пережить трудное время, и мы все должны выйти из него живыми и нравственно здоровыми. Вы меня понимаете?

Она с серьезным видом наклонила голову.

— Когда наступит весна, мы отправимся в Голдсборо, и там вас соединит узами брака пастор... или кюре, как вы решите сами.

— О, ведь и правда, я гугенотка, а он папист! — воскликнула она, явно ошеломленная.

— Если вы вспомнили об этом только сейчас, то эту пропасть, мне кажется, перейти легко. Мир! Мир на земле для всех людей доброй воли... Вот к чему все мы должны стремиться. Спокойной ночи!

Анжелика проводила молодую женщину до порога ее комнаты и, прощаясь, поцеловала ее.

Большинство мужчин уже удалились за большую занавеску, сшитую из звериных шкур, что отделяла от залы их спальню с нарами в два яруса.

Проходя через залу, Анжелика услышала, как загремели, падая, какие-то котелки — это бедняга Малапрад выронил их из своих трясущихся рук. Бледный, он бросил на нее взгляд затравленного зверя.

Анжелике стало жаль его, и, подойдя, она торопливо шепнула ему: «Она вас любит».

Глава 13

Назавтра Эльвира сама подошла к Малапраду. В то утро погода была хорошая, и они спустились к озеру. Все видели, как они долго гуляли по тропинке, тянущейся вдоль берега. Когда они вернулись, вид у них был сияющий и они держали друг друга за руки.

По случаю их помолвки устроили небольшое пиршество, и этот вечер был просто воплощением галантности. А если Малапрад и выслушал от своих товарищей несколько вольных шуток, обычных в подобных случаях, то дамских ушей эти шутки не достигли.

Малапрад весь преобразился. Его счастье доставляло радость всем.

И только Анжелика никак не могла забыть то, что рассказал о Малапраде Жоффрей де Пейрак. Она была потрясена этой историей больше, чем Эльвира. Возможно, потому, что она была больше искушена в жизни. История Малапрада вызвала в ее памяти те гнусности, какие пришлось пережить ей самой. Вечером, примостившись у очага в своей маленькой спальне, она застыла, глядя на огонь, не в силах не думать о Малапраде, не в силах отогнать воспоминания.

Двое любовников, разрубленных на куски ножом повара. Перепачканные кровью руки, страх, пот на лбу, одиночество загнанного зверя...

И тут же другое: кривой садовый нож, обрушивающийся на шеи спящих; голова, что ей принесли, отвратительная, зловещая голова человека, которому она жаждала отомстить; и вот один из крестьян держит перед ней эту голову за волосы, а с нее стекает кровь, и ей хочется сладострастно окунуть в эту алую кровь свои белые пальцы...

В этой ненависти, в этом животном порыве, беспощадном, повергающем в трепет, в этом протесте всего ее существа, затянутого в грязь и разврат, она призналась на исповеди настоятелю Ньельского аббатства, и тот отпустил ей этот грех...

Но как сама она может вычеркнуть его из памяти, как вычеркнуть ей другие подобные горестные мгновения? Анжелика сидит перед очагом, низко склонив лицо с тонким профилем, ее все время знобит, мутит. Она понимает Малапрада! Особенно его состояние после убийства: неопикуемый страх, исковерканная жизнь, будто сломанное ураганом дерево, ужас перед самим собой.

Чтобы чем-то занять дрожащие руки, она подбрасывает в очаг дрова. Она думает об Эльвире. Да, Эльвира проявила большое мужество, мужество чистой души, мужество человека, который не познал всей глубины порока.

Жоффрей де Пейрак тоже думал об Эльвире. «Их нелегко заставить заговорить, этих маленьких гугеноток, — размышлял он, — но они относятся к жизни проще, чем такие, как Анжелика». И он наблюдал за Анжеликой, стоящей на коленях всего в нескольких шагах от него, но настолько отсутствующей, настолько далекой, что она даже не чувствовала его взгляда.

Из всех его людей, из всех, кого он считал «своими», она наверняка была самой загадочной. Никогда нельзя было заранее предугадать, что может ранить ее душу. Нужно ждать, пока она сама не придет к нему за утешением.

«Она женщина, а женщина не создана для ада, что бы об этом ни думали. Анжелику все еще терзает стыд за ее малодушие, за ее страх, за ее падение... Она не создана для тьмы и хаоса, она создана для света и гармонии. Не отстраняйся в своем страдании от меня, душа моя, я знаю, что не дает тебе покоя. Жизнь

нанесла тебе рану. Но в этом нет ничего позорного — быть сраженной ею. Такова человеческая судьба. Главное — суметь залечить эту рану. В былые времена женщины, дети, крестьяне, горожане, ремесленники — короче, все слабые имели защитника. Защитником был рыцарь-шевалье. И это было делом шевалье — сражаться за слабых, воздавать должное за обиды, платить кровью за тех, чьи кулаки и сила духа были немощны. Это было делом шевалье — защищать тех, кто не рожден для борьбы, для крови, выстрелов, несчастья. Это было его долгом. Теперь времена изменились. Нет больше рыцарства. Нет больше шевалье. Каждый дерется сам за себя. Женщины защищаются с помощью ногтей и зубов, простолюдины же поступают, как Малапрад, а потом изнемогают от ужаса. Простой человек создан для тихого, спокойного существования. День, когда жизнь лицом к лицу сталкивает его со страстью, с несчастьем, делает его безумцем, он не готов к этому, он никогда не думал, что такое может случиться именно с ним. И тогда в страхе своем он способен совершить невесть что, самое худшее, самое невысказанное. Единственное, что он ясно осознает, — это одиночество, одиночество грешника. Я прекрасно представляю себе этого достойного, уважаемого в своем городе человека разрубавшим еще теплые тела людей, которых он знал и которых, возможно, любил, вижу капли пота на его лбу и признаюсь: эта картина внушила бы мне скорее сострадание, чем ужас.

Бедный ремесленник! Где твой защитник? Где твой заступник?

У дворянина от рождения достаточно отваги, чтобы смотреть в лицо опасности, смерти, самому худшему, всему, что только может существовать на земле, порожденному уродством мира. Вот этого-то и не доставало Малапраду, ремесленнику

добросовестному и добропорядочному. Если бы он был дворянином, он не убил бы тех, кто поглумился над его чувствами, он не поддался бы этому безумному ослеплению. Он бы упрятал жену пожизненно в монастырь, а сам дрался бы на дуэли с ее любовником, дрался, не таясь, и убил бы его, не рискуя при этом ни попасть в тюрьму, ни быть повешенным, ибо таково было бы его право — убить соперника в честном бою. Но рыцарства больше не существует, кардинал Ришелье предал его забвению, запретив дуэль. Как должен я воспитывать теперь своих сыновей? В каком мире им предстоит жить? Да, сомнения нет, в мире, где хитрость и терпение являются первейшим оружием. Но сила, хотя она и вынуждена затаиться, тем не менее необходима...»

Поглощенный своими думами, де Пейрак настолько отрешился от всего окружающего, что теперь уже Анжелика обратила вдруг на это внимание и подняла на него взгляд.

Она смотрела на этого человека, что сидел, повернув к пламени свое словно выточенное лицо, из которого ветер, солнце и море сделали маску, жесткую, как выдубленная шкура, и только лишь глаза и губы на ней были наделены чувственной жизнью. Он не носил больше бороды. «Индейцы не любят бородатых мужчин», — говорил он, советуя и своим людям последовать его примеру, дабы не восстанавливать против себя местных жителей, ведь те воспринимали бороду как неряшество, равносильное непристойности. И если трапперы не шли на эту жертву, то лишь из-за лени и небрежения, а также по недомыслию. И напрасно, им было бы лучше смириться. Ведь ни для кого не секрет, что достопочтенный отец Бребеф ужасными мучениями поплатился по совокупности за две провинности, которые не могли простить ему индейцы: он был лыс и носил бороду.

А вот от Жоффрея де Пейрака подобные мелочи никогда не ускользали. И разгадать их обычно помогало ему то уважение, с которым он относился к нравам и обычаям других народов.

Анжелика села рядом с мужем и прижалась лбом к его коленям.

— Откуда вы берете силы, чтобы всегда оставаться бесстрашным, не боясь ничего? — спросила она. — Ведь вы никогда, ни при каких обстоятельствах — я не преувеличиваю — не способны испытать ту унижительную трусость, когда начинаешь питать отвращение к самому себе... Даже перед костром, даже под пытками... Откуда вы черпаете силы? Уж не с молоком ли матери впитали вы истинное мужество, уж не с пеленок ли стали мужчиной?

И тогда он доверился ей, рассказал о думах, которые только что одолевали его. Да, и им в жизни выпала пора, когда они были лишены чести и достоинства, пора, когда у человека нет иного выбора, кроме как спрятаться, сделать вид, что он смирился перед силой, которая одолела его, или же бороться в одиночку, до конца, каковы бы ни были его собственные силы. И здесь не должно огорчаться поражениям. Остаться в живых — это уже само по себе много. А уж коли она заговорила о его детстве, то ему вспоминается, как совсем ребенком он познал полную меру ужаса — ведь ему было всего три года, когда католические солдаты, располозовав ему щеку ударом сабли, бросили его, сына католиков, из окна замка в огонь. Именно тогда, в невинном младенческом возрасте, в одном лишь страшном испытании он познал весь ужас, какой только может познать человек. Зато потом он никогда больше не ведал страха. Выжив, он стал мужчиной, это правда, он почувствовал себя готовым смело противостоять всему и вся. И ему даже доставляло удовольствие встретить зло лицом к лицу.

«Вот тебе, ужас, — говорил он ему, — вот тебе, резня! Вот тебе, гнусное лицо человеческого страха. Ты можешь одержать надо мною верх, но не надейся больше смутить меня...»

А еще он сказал ей, что, если она и выказала слабость в те тяжкие для нее времена, которые ей пришлось пережить, она не должна стыдиться этого, ибо она женщина. Ведь если бы мужчины не проявили трусости, не пренебрегли бы своим долгом быть для нее, женщины, проводниками и защитниками, ей не пришлось бы страдать.

— Это стародавний конфликт: для человека соблазнительно применить грубую силу, использовать временную власть, чтобы отвлечь от себя то, что ему неподвластно, дабы насилием подавить доводы разума...

Вот и сам он, хотя он мужчина, разве не стал жертвой насилия? Потому что, какова бы ни была сила воли одного человека, не всегда он может противостоять слишком могущественной коалиции. Всему свой черед... Бывает и такое время, когда поднимается неодолимая грязная волна...

— Наш век, пренебрегая христианской доктриной, коей он кичится, положил начало ожесточенной жажде власти... Власти во что бы то ни стало, наступающей со всех сторон: власти королей, наций, церкви... Мы еще не вышли из-под нее, и у того, кто не хочет быть поверженным, нет иного выбора, кроме как властвовать самому. Под этой лавиной тяжелых камней разум все же должен существовать, пробивать себе дорогу...

Он задумчиво гладил рукой ее гладкий лоб. Закрыв глаза, прижавшись к его жаркому и сильному телу, она вспоминала слова врача-араба с «Голдсборо», который был другом Жоффрея и который говорил, что Жоффрей де Пейрак — величайший ученый своего времени и за это, где бы он ни был, его всегда будут преследовать...

«Потому что воистину наше время не признает доводов разума».

Глава 14

Когда вечером они ложились рядом, Жоффрей де Пейрак любил смотреть, как пламя очага постепенно угасает в тишине, которая нарушается лишь их томными вздохами да еле слышным потрескиванием догорающих дров.

В мерцании розовых или золотых отблесков он любовался обнаженным телом жены, нежным цветом ее кожи, от которой исходил тонкий аромат.

А когда становилось слишком холодно и рука его вынуждена была ласкать ее под меховым покрывалом, в полумраке виднелись только рассыпавшиеся по подушке удивительные светлые волосы Анжелики, похожие на фосфоресцирующие водоросли, которые таинственно переливались при мягком и мечтательном движении ее прекрасной беспомощной головки.

Анжелика была единственной женщиной, от которой он не мог мысленно отрешиться, отвлечься. Даже в минуты всепоглощающей страсти он не забывал о ней. И это удивляло его, ибо он знал многих женщин и всегда, если того требовал его мужской эгоизм, пренебрегал их чувствами, больше заботясь о наслаждении, которое он мог получить от них, чем о том, чтобы удовлетворить их чувственность, пытаясь обмануть их приятными уверениями...

С Анжеликой же он не мог забыть, что это ее он держит в своих объятиях, что это в его власти привести ее в восторг, опьянить, повергнуть в изнеможение, что именно ее тело покоряется его воле, что ее гордые губы, побежденные, приоткрываются под его губами.

Он никогда не забывал о ней.

Возможно, это была привычка, которая появилась у него еще в те времена, когда их любовь только

зарождалась. Анжелика была тогда такой юной и пугливой, что он вынужден был проявлять к ней особенную чуткость, чтобы приручить ее. Но колдовство продолжалось.

Не было бы преувеличением сказать, что чувственность Анжелики всегда имела в истоке своем что-то тайное и духовное, что делало возвышенными — в прямом смысле этого слова — самые нескромные движения ее прекрасного тела.

И он, терзаемый недоверием, удивленно начинал спрашивать себя, разве это не она дарит ему опьяняющее волнение юности, о котором привыкший к плотским наслаждениям зрелый мужчина уже забыл? Смутная тревога, сомнение, забота о другом — именно это порождает ту упоительную страсть, когда сознание затуманивается и они сливаются воедино в непреодолимой и почти магической близости. Минуты опьянения и экстаза, обоюдной слабости, нескромной непринужденности, и в момент, когда оба в изнеможении, — словно ощущение смерти и вечной жизни!

Она одна умела дарить ему подобные мгновения, и он всегда был восхищен тем, как она угадывала его желание. Не было движения, которое она не сумела бы подхватить или, наоборот, когда это было нужно, удержать. И когда сама она, ослепшая, словно неживая, была повергнута в бездну, ее руки, ее тело, ее губы, ведомые таинственной наукой, которую Ева передала своим дочерям, продолжали подчиняться ему, знали, когда нужно оторваться от него или снова прильнуть, сжать его в своих объятиях или отпустить.

Он никогда не забывал о ней, потому что, владея ее телом, никогда не был уверен, что это навсегда, что она снова не ускользнет от него.

Он знал, что в ней нет больше покорности, присущей совсем юным женщинам, что она оставила на

тернистом пути собственную совесть, обретая взамен трезвую независимость.

В любви у нее бывали и хорошие и плохие дни. Такие, когда он догадывался по ее мимолетной улыбке, что близок ей, и такие, когда он чувствовал в ней какую-то строптивость, отчуждение, хотя внешне она держалась, как обычно.

Наступал вечер, и он даже находил удовольствие в том, чтобы отыскать способ развеять ее плохое настроение, отогреть ее, раздуть тлеющие уголья.

Почти всегда он с пониманием относился к этому ее женскому отступлению, к этой, возможно, даже неосознанной потребности отстраниться, отдалиться от него. Чаще всего это было проявлением физической усталости, но иногда и следствием вмешательства каких-то неведомых сил, словно Анжелика чувствовала приближение бури или сильного ветра или ее угнетала какая-то необъяснимая душевная мука или близкая опасность... Все это требовало от нее настороженности и внимания.

Он оставлял ее в покое, чтобы она уснула. Сон рассеивает миражи, и за ночь что-то менялось в ней или, может, вокруг нее, он не знал, и она просыпалась обновленной. И тогда она приникала к нему.

Предрассветная мгла, полудрема, в которой они пребывали в эти сумеречные часы, предшествовавшие дню, придавали Ажелике смелость. Она ни за что не проявила бы ее, проснись она совсем... В эти минуты она бывала более веселой, не такой смятенной. Обольстительной сиреной прижималась она к нему, и в свете рождающегося дня он видел перед собой блеск ее глаз цвета морских глубин, сверкание ее открывающихся в улыбке зубов. Он чувствовал, как дождем падает на его лицо теплый шелк ее волос, чувствовал легкое прикосновение ее прелестных уст, стократ приникающих к его губам.

С искусством восточных рабынь, которые умели беречь силы своего господина и хозяина, она разжигала его страсть так, что он уже не мог противиться ей.

— Уж не в гареме ли султана вы постигли эту науку, сударыня? Вы хотите заставить меня забыть одалисок, что некогда услаждали меня?

— Да... Я знаю, сколь искусны они в этом... Но пусть только мой султан доверится мне...

Она жарко целовала его губы, глаза, осыпала поцелуями все его горячо любимое лицо, и он уступал, доверившись ей, предоставляя ей одарять его наслаждением.

— Как вы прелестны в любви, госпожа аббатиса! — шутил он.

Он ласкал ее, сжимал ее в своих объятиях, и, когда она, словно сраженная молнией, вдруг в изнеможении замирала, он не уставал любоваться ее гибким, распростертым, таким прекрасным телом. Полуприкрытые веки излучали какой-то загадочный блеск, из приоткрытого рта выпархивало неуловимое прерывистое дыхание.

Это было как тихая смерть. Она умирала вдали от него, в каком-то неведомом ему мире, и само это отдаление было для него еще одним выражением ее чувства.

Он радовался, когда видел ее потрясенной так глубоко. Когда кончится зима, кончатся эти приглушенные морозом ночи и их суровое существование в форте, из этого блуждания по грани жизни — а ведь иначе и не назовешь долгую северную зиму, голод, притаившиеся угрозы, которые нависают над ними, — родится новая женщина, женщина, которую должен создать он.

Настанет день, когда горестное прошлое навсегда канет в Лету...

Теперь уже он вел ее к наслаждению. И когда оно принесло ей свои восхитительные плоды, гимн возрождения сорвался с ее уст и она еле слышно прошептала ему: «О любовь моя, мой господин... Единственный мой!».

Совсем недавно был ураганный вечер на «Голдсборо», когда она отдала свое дрожащее тело в его власть. Мгновение, которое она со страхом и надеждой ждала много лет, наступило, и не произошло ничего ужасного. Просто ей показалось, будто она погружена в какой-то сон, в бесконечность, которые под плавное покачивание судна уносят ее на крыльях возрождающегося счастья.

Здесь же, в Вапассу, был глухой ноктюрн деревьев и зимы, неподвижность грубой, пахнувшей древесным соком и мхом кровати.

И еще грезы, которые навевала щемящая тишина, изредка нарушаемая отдаленным воем шакалов и волков. Мгновение, прожитое вне времени. Сладостное странствие. Осуществление смутной мечты всякого живого существа: свернуться клубочком в глубине какого-нибудь логовища и забыться там в тепле любви.

Бывало, проснувшись, она, едва осмеливаясь дышать, наслаждалась восхитительным ощущением полного счастья. Он не смог дать ей дворец, дом, о чем он мечтал. Но кровать у них была. Кровать! И еще — ночь!.. В те давние времена, когда они жили в Тулузе, они редко проводили вместе ночь. Чтобы любить друг друга, у них были долгие и упоительные сиесты. Но здесь, в этой грубой и дикой жизни, они жили, словно бедняки, здесь для любви у них оставалась только ночь.

Ей легко дышалось около него, сильного и смелого. Иногда ночью она просыпалась и смотрела, как он спит — рядом с нею, живой. Она завидовала его мужской нечувствительности, которая давала ему это спокойствие, ведь женщины транспонируют в своем

теле все свои фантазии и мерцание звезд этих неведомых миров.

Пурпурные угли в очаге отбрасывали еле заметные блики на балки потолка. Анжелика ничего не видела, но она услаждала свой слух ровным дыханием спящего Жоффрея. Кончилась ее безудержная тоска, ее скитания по свету. Наконец-то она с Жоффреем! Он — ее муж, и он не покинет ее больше!

Взволнованная какой-то странной шероховатостью его кожи, она коснулась его, как бы изучая, медленно провела рукой по его груди. Тогда в полусне он инстинктивным движением прижал ее к своему крепкому телу, сплошь покрытому шрамами. Сколько раз жизнь этого человека находилась под угрозой, сколько раз его подвергали пыткам! И теперь еще о тех ужасных часах напоминают эти рубцы, но его они нимало не заботят. А ведь их было еще больше, многие уже сгладились.

Жоффрей проснулся и с нежностью смотрел на нее.

— Вы как-то говорили, что каждая из этих отметин — как бы памятка о том или ином случае, когда вам пришлось пролить свою кровь...

— Было бы правильнее сказать, что это подписи моих врагов, скорее многочисленных, чем разнообразных. Какие самые неприятные из них? Вот, например, эта — от палача Его Величества короля Франции. Справедливости ради замечу, что этот палач вытянул мою больную ногу и теперь я больше не хромаю, но взамен он оставил мне на левой руке память о себе, и я действительно вспоминаю его частенько, особенно когда стреляю. Какие самые почетные? Ну ясно же, те, что напоминают о дуэлях или баталиях на Средиземном море. Там мы дрались на саблях, а сабля — оружие, которое оставляет широкую, весьма ощутимую рану. Глубокий шрам на боку? От пули в Карибском море, уже не помню, испанской или

французской. А самая свежая — вот здесь, на лбу, которую вы так осторожно гладите своими прелестными ручками. Она от томагавка патсуикета, союзника Новой Франции. Первая, возможно, в длинной цепи.

— Замолчите, дорогой! Вы меня пугаете.

— Ну а вы, красавица моя, мой воин, покажите мне свои героические отметины.

Но Анжелика быстро натянула на себя и простыню, и меховое одеяло.

— Никогда! Шрамы на теле мужчины — знаки славы. Они свидетельствуют о его подвигах, поднимают его престиж. Шрамы на теле женщины — это следы заблуждений, оплошностей, это метки, которые поставила на ней жизнь, знаки того, что она вынуждена была впутываться в такие дела, куда ей не следовало бы совать нос... Это позорные знаки...

— Покажите их мне.

— Нет.

Однажды вечером ему удалось ухватить за тонкую лодыжку ногу Анжелики и повернуть ее к свету, чтобы рассмотреть фиолетовый шрам от раны, который остался у нее со времени ее бегства из гарема в Марокко.

Ей пришлось рассказать. Это случилось в пустыне. Ее укусила змея. Колен Патюрель ножом вырезал место укуса, а затем прижег рану... Ужасная операция, она лишилась чувств... Дальше? Ну что ж!.. Колен нес ее на своих плечах много дней.

Они остались только вдвоем. Все их спутники умерли, не перенеся тяжелого пути.

Она вызывала в памяти образ Колена Патюреля с некоторым колебанием. Слово бы Жоффрей мог все знать! Но он, несомненно, знал. У него была привычка в такие минуты как-то по-особенному прижимать ее к

себе и разглядывать с таким вниманием, что это даже немного пугало ее.

Однако если ее одиссея в Марокко, несмотря на страдания, что выпали там на ее долю, продолжала жить в ней светлым воспоминанием о красоте и волшебстве той безыскусной любви, которую питал к ней нормандец, то сама она не понимала теперь, как могла она ответить на его любовь.

Когда она сравнивала все то, что познала в любви раньше, с тем, что переживает в объятиях мужа сейчас, все ее бывшие чувства казались ей такими убогими.

Она и сама уже не могла понять, откуда приходит к ней это дотоле неведомое ей наслаждение. Каждый раз она заново открывала себя и эти бесчисленные открытия удивляли и ошеломляли ее. И тогда все ее существо ликовало от счастья. В ней смешивались сила и слабость, а наслаждение было, как пронзительная песня, долгая и звонкая. Пробудившись после короткого сна, она иногда упрекала себя за излишнюю чувственность.

И тогда кальвинистская мораль, впитанная ею в те времена, когда она жила с протестантами в Ла-Рошели, приходила ей на память и заставляла румянцем вспыхивать ее щеки.

По утрам Жоффрей краем глаза наблюдал, с какой тщательностью она одевалась, заправляла под чепец из белоснежного полотна свои роскошные волосы, чтобы не выбился ни один волосок, и все это нарочито четкими, немного неторопливыми движениями, словно она старалась восполнить силы после бурной ночи.

Она и не подозревала, что в этом освобождении всего ее существа, в этом расцвете ее чувств не было ничего противоестественного.

Ей исполнилось тридцать девять лет. Она не знала, что зрелость для женщины — возраст наслаждения. Несколько безвкусное стремление юности к любовным

играм сменяется в этом возрасте изысканностью открытий. Немногие понимают это.

Пробуждение Спящей Красавицы не длится сто лет, но несколько лет на это все-таки требуется. И тогда наступает время, когда неведающее тело становится святилищем. Отныне извечный ритуал совершается в нем во всей своей магической силе. Это преображение просвечивает даже во взгляде женщины. И мужчины, как правило, угадывают его.

Зрелость — это возраст, когда женщина зачастую достигает зенита своей красоты, ибо совершенствование, к которому она стремилась, обогащая свою личность, теперь, кажется, достигло своего апогея и изменило ее даже внешне: ее движения, ее голос, походку.

И вот тогда, наконец, женщина становится самой собою; чудо свершилось, она — воплощение совершенства, она обладает всеми достоинствами, присущими истинной дочери Евы: очарованием, красотой, женственностью, сердечностью, интуицией. И еще молодостью...

Опасное сочетание, и, если только она сумеет сберечь те ценности, что составляют теперь ее существо, она в этом возрасте — самое грозное создание любви, о котором только можно мечтать.

Такой и увидел Анжелику лейтенант Пон-Бриан ясным, морозным утром на берегу озера, когда он после немыслимо трудного многодневного пути достиг Вапассу.

Глава 15

Озеро спало подо льдом. Снег накрыл его своим толстым покрывалом. Теперь это была гладкая, без единого темного пятнышка равнина. Лейтенант Пон-Бриан пересек ее быстрым шагом истинного индейца, нарушив девственность роскошного белого бархата ковра круглыми следами своих снегоступов. Он продвигался вперед неуклюжей, раскачивающейся походкой, внимательно вглядываясь вперед. Он только что увидел Анжелику: она! Это она!.. Стало быть, то, что говорили, правда: она жива и здорова. И вот, после того как он столько грезил об этой женщине, он подходит к ней.

Анжелика стояла на берегу озера, на тропинке, и, не веря своим глазам, смотрела, как к ней приближается какая-то странная фигура.

Синева свежего утра — иногда зимой выпадают такие — еще окутывала ровный амфитеатр леса и крутых прибрежных скал, в которых прятался форт.

Небо было ни золотое, ни серебряное, ни розовое, ни голубое, а какое-то бесцветно-прозрачное, и лишь на горизонте, там, где грозные скалы охраняют водопады, сиреневые облака образовали причудливый орнамент. На западе, почти вровень с вершинами гор, постепенно стали появляться шлейфы, неожиданно розовые — отсвет восходящего солнца; оно вот-вот должно было выйти с противоположной стороны, из-за кромки черных пихт.

Горы, едва различимые в синеве, казались сейчас далекими, а их погруженные в холодный и чистый сон вершины — неприступными. Лучи солнца постепенно озаряли озеро и фигуру лейтенанта, и она, обрамленная розовым светом, выделялась на снегу резким черным

пятном, за которым ползла по белому покрывалу озера длинная тень.

«Кто это?» — подумала Анжелика.

Сердце ее тревожно забилося, и, хотя она была уже почти убеждена, что знает, кто именно приближается к ней, она все-таки задавала себе этот вопрос.

Несколько дальше, на другом берегу озера, из холодного сумрака леса появилась еще одна фигура, укутанная в меха.

«Французы? Господи, и много их там?..»

Лейтенант Пон-Бриан, словно сомнамбула, шел через озеро.

В его мозгу, истощенном изнурительным двухнедельным путешествием, сразу мелькнуло: а ведь то, что именно ее он увидел первой, приближаясь к логову графа де Пейрака, есть предзнаменование успеха.

Как будто она ждала его! Как будто эта женщина, заброшенная вместе с какими-то скотами в лесные дебри, где нет больше ни единой живой души, в своем одиночестве не переставала надеяться, что рано или поздно он придет к ней!

Но по мере того как он подходил, в его голове промелькнула и иная мысль: «В конце концов, ведь она всего лишь женщина. Коварная, верно, как и все другие. Тогда откуда же это безумие, что привело меня сюда?»

И почти тотчас на него вновь нашло ослепление, но теперь уже усилившееся во стократ, ибо она, во плоти и крови, была у него перед глазами. Гимн ликования загремел в его душе, заглушая и усталость, и сомнения. «Это стоило труда, да, тысячу раз повторю, стоило...»

Анжелика молча созерцала его, не веря глазам своим: неужели это возможно, чтобы эту мертвую ледяную пустыню могли оживить вдруг какие-то путники!

А он смотрел на нее, опустив руки. Он уже остановился, но его покачивало. Он преодолел такое пространство и шел так быстро, что теперь ему было трудно стоять неподвижно, и он прилагал усилия, чтобы держаться прямо.

«Какая красавица! — думал он. — О Бог мой, какая красавица!»

Она была все такой же прекрасной, какой запечатлелась в его памяти, от нее словно исходило какое-то сияние, еще более ослепляющее, чем сияние рождающегося утра.

Под плотным капюшоном, которым была покрыта ее голова, он увидел алые губы, блеснувшие, как ему показалось, словно драгоценный камень, и щечки нежного цвета шиповника. Какие нежные, весенние краски! Два тонких оттенка — бледно-розовый и пунцовый — освежали ее лицо с гармоничными, почти иератическими чертами мадонны и придавали ему девичью свежесть. Светло-золотистая прядь волос слегка спадала ей на лоб. Пристальный взгляд ее глаз цвета морской волны безбоязненно скользил по нему, словно изучал его. Она оценивала его, и ему чудилось, что она видит его насквозь... То был взгляд древний как мир, взгляд феи, воплощенной в облике вечной юности. Создание, которое все умеет, все знает, все может, и тело ее — источник всевозможных соблазнов.

Колдунья, богиня, фея.

Да, это настоящая женщина. А может быть, демон!.. Тот, кто приходил повидаться с Пон-Брианом в его форт Сент-Анн на реке Сен-Франсуа, тот кто толкнул его на этот безумный шаг, предостерег его: «Если она и впрямь так хороша, как вы говорите, то это наверняка ловушка дьявола...»

И вот он пожирает ее взглядом. Брови Анжелики, казавшиеся под лучами солнца почти белыми, были слегка нахмурены и отбрасывали на ее ясные зеленые

глаза тень, словно тень проплывающего облака, отчего они стали вдруг темными, как глубь моря. Она явно колебалась.

Стоял трескучий мороз. Пар, выскальзывавший из уст Анжелики, образовал в лучах солнца какой-то мимолетный вычурный ореол вокруг ее лица.

Чувство восторга, которое Пон-Бриан испытал в первые мгновения, сменилось страхом, побороть который ему мешала слабость. Он сказал грубым, охрипшим голосом:

— Приветствую вас, сударыня. Вы не узнаете меня?

— Конечно, узнаю! Вы лейтенант Пон-Бриан.

Он вздрогнул, потому что звук ее голоса, эхом отозвавшийся в его памяти, взволновал его.

— Откуда вы пришли? — спросила она.

— Оттуда. — Он жестом указал на север. — Две недели пурги или непрерывного снегопада. Это просто чудо, что мой гурон и я не остались погребенными под снегом.

Она подумала, что пренебрегает всеми законами гостеприимства, которые свято чтут в этих суровых краях.

— Но вы едва держитесь на ногах! — воскликнула она. — Идемте скорее в форт. Вы сможете пройти сами?

— Одолев столько лье, я без труда осилю еще несколько туазов. Спасение близко. Впрочем, что я говорю? Оно здесь. Ибо от одного лишь счастья, что я вижу вас, я чувствую, как силы возвращаются ко мне... — И он сделал попытку улыбнуться.

Часовые с мушкетами в руках шли им навстречу. Два испанца стали по обеим сторонам от французского лейтенанта и с помощью жестов осведомились у него, не идет ли с ними кто-нибудь еще... Для большей уверенности один из них прошел в ту сторону, откуда появились пришельцы.

Волоча ногу, подошел гурон.

— Он упал со скалы, — сказал Пон-Бриан. — Мне пришлось два дня нести его.

Анжелика вела их. Она шла без снегоступов по замерзшей тропке.

Теперь уже и форт был залит солнцем, и оттуда доносились перекликающиеся голоса, удары молотов, гудение горна. Дети шумно резвились около небольшого замерзшего водоема, с радостными криками скользили по гладкому льду.

Все мужчины, что были поблизости, прибежали посмотреть на пришельцев. При виде французов они дружно отпрянули и уже готовы были схватиться за оружие. Француз!

— Они одни, — предупредила Анжелика.

И послала за графом де Пейраком.

Пон-Бриан снял снегоступы и прислонил их к стене дома. Он поставил рядом и свой мушкет, но тот соскользнул и упал, а у лейтенанта не хватило сил поднять его.

Следуя за Анжеликой, он тяжело спустился по ступенькам, которые вели в залу форта. Свет туда проникал всего лишь через два небольших окна. Их только что открыли, и солнце заглядывало в залу, но в ней еще стойко держались ватные сумерки от табачного дыма и запах горячего супа; лейтенанту показалось, будто он попал в рай.

Он тяжело опустился на скамью подле стола. Индеец, словно больная собака, шмыгнул в глубину залы и присел на корточки, прислонившись к камню очага. меховая одежда пришельцев на морозе стала совсем заскорузлой.

Анжелика быстро раздула огонь в двух очагах. В один из них она положила зеленоватый валун, чтобы с его помощью сделать потом парную баню.

В котлах уже кипела вода. Она всю ночь потихоньку подогревалась для завтрака.

— Вам повезло. Сегодня у нас в котле солонина, горох и лук. Мы празднуем первый солнечный день после пурги.

Она нагнулась, чтобы снять с котла крышку, и в этот момент под складками ее короткой накидки Пон-Бриан угадал ее обтянутые платьем округлые бедра. У него закружилась голова, и он почувствовал, как последние крупницы сил покидают его. Значит, это правда! Она жива, она существует! Он грезил не впустую!..

Анжелика наполнила миску и подала ему, не забыв и о чарке водки. Потом отнесла то же самое гурону.

— Особого комфорта мы вам предоставить не можем. Все, что у нас было, сожжено в Катарунке. Вы, верно, знаете об этом.

— Да! Я видел пепелище.

Он слушал ее мелодичный голос и, пожирая ее глазами, забывал о еде. «Этот лейтенант еще более безумел, чем тогда, при первой нашей встрече», — обреченно подумала она. А вслух сказала:

— Кушайте же.

Он повиновался и начал есть — медленно, сосредоточенно, в каком-то блаженном оцепенении.

Сгрудившись у двери, жители Вапассу настороженно наблюдали за этой сценой, с подозрением смотрели на чужака. Испанец не сводил с него дула своего мушкета.

Пон-Бриан ничего не слышал, ничего не видел, кроме Анжелики. Он достаточно дорогой ценой оплатил эти минуты...

— Форт сгорел, но вы сумели спастись, — сказал он. — Как вам удалось удрать от ирокезов? В Квебеке весть о том, что вы живы, прозвучала словно гром среди ясного неба...

— Ну, это не должно было слишком обрадовать их, не так ли? Ведь вопреки мессиру де Ломени нам был подписан смертный приговор.

Она бросала ему вызов, взгляд ее потемнел.

«Как она красива», — подумал он.

Анжелика положила свою накидку на табурет. Туда же она положила пучок почерневших веточек, похожих на самшит, собранных ею утром на берегу озера, на опушке леса.

Пон-Бриан любовался ее тонким станом, освобожденным от тяжелой накидки, ее несравненной царственной осанкой, которую не могло скрыть даже это платье простолюдинки.

«Королева! — думал он. — В гостиных Квебека она затмила бы всех! Ей не место здесь, в дебрях леса! Ее надо вырвать отсюда...»

То, что Анжелика сейчас была рядом с ним, раздуло тлеющие угли его страсти. Даже в состоянии той безмерной усталости, которой он был охвачен, в нем пробудилось вожделение. Как и в первый раз, когда он увидел ее в лесу, он почувствовал, словно внезапный удар, влечение, смешанное со страхом, нечто такое, чего он никогда еще не испытывал. И сейчас, даже полуживой от усталости, он не мог заставить себя не желать ее.

Тепло залы понемногу согревало его, изголодавшийся желудок наполнялся пищей, и то, что он, вконец обессиленный, послушно подчинялся этому сладкому и повелительному напряжению своего тела, он принимал как свидетельство жизни, возрождающейся в нем после нечеловечески трудных и опасных часов, которые перед этим выпали на его долю.

Эта женщина имела над ним непреодолимую власть. Ради такой женщины стоило идти сюда, стоило рисковать жизнью. Может, она и правда демон? Ну и пусть, какое это имеет значение!

— Разве кто-нибудь мог пожелать вашей смерти? — запротестовал он, пытаясь своими потрескавшимися губами изобразить оболстительную улыбку. — Даже я

не пожелал бы, хотя вы во время нашей первой встречи так любезно обстреляли меня.

При напоминании об этом Анжелике вновь представилась комичная картина — барахтающийся в воде Пон-Бриан, — и она расхохоталась. Этот звонкий и непосредственный смех доконал Пон-Бриана. Когда она подошла к нему, чтобы принять тарелку, он схватил ее за запястье.

— Я вас обожаю! — глухо проговорил он. Смех замер на ее губах, и она вырвала руку, бросив на него раздосадованный взгляд.

В залу вошел Жоффрей де Пейрак.

— Стало быть, вот и вы, мессир де Пон-Бриан, — сказал он, и в его тоне не было ни малейшего удивления. Можно было подумать, что он ждал его. Лейтенант не без усилий поднялся.

— Сидите же. Вы совсем обессилены. Вы пришли с реки Святого Лаврентия? Нужно незаурядное мужество, чтобы в такое время года отправиться в пустынную глубь страны. Вы истинный канадец.

Пон-Бриан ощупью искал трубку в кармане своего камзола. Граф протянул ему табак. Гурон, полуприкрыв веки, набил свою длинную индейскую трубку.

Анжелика принесла им уголек прикурить.

Несколько затяжек окончательно вернули лейтенанта к жизни, и он принялся расписывать трудности, которые испытал в дороге. Из-за пурги они много раз сбивались с пути.

— Но какая срочная необходимость принудила вас к этому путешествию зимой, сударь? — спросил граф. — Отправиться в такую даль! Какова ваша миссия?

Пон-Бриан, казалось, не слышал его. Потом он вздрогнул, словно очнувшись ото сна, и уставился на де Пейрака непонимающим взглядом.

— Что вы хотите сказать?

— То, что я сказал. Это случайность, что вы оказались у нас?

— Разумеется, нет.

— Вы имели намерение посетить наш форт? Встретиться здесь с нами?

— Да.

— С какой целью?

Пон-Бриан снова вздрогнул, вскинул голову, его взгляд стал осмысленным, будто он только сейчас увидел того, на кого смотрел, и понял наконец, кто этот человек. Он не ответил.

— По-моему, он уже совсем спит, — вполголоса сказала Анжелика. — Пусть он отдохнет и тогда расскажет нам о цели своего прихода.

Но граф де Пейрак настаивал.

— Так зачем же? У вас поручение ко мне? А если нет, тогда чего ради это путешествие, одному, в такое опасное время года?

Пон-Бриан медленно оглядел залу, несколько раз провел рукой по лбу и наконец изрек какой-то странный ответ:

— Потому что так нужно, сударь, так нужно.

Глава 16

Сумерки сгустились очень быстро, наступил вечер. Лейтенант Пон-Бриан находился в состоянии какой-то раздвоенности. Он вновь обрел свою речистость и теперь развлекал общество рассказами и новостями, которые принес из Новой Франции.

Лицо его покраснелось, он словно снова вернулся к жизни. Он разглагольствовал о Квебеке, где недавно побывал, о бале, что был дан там, о театральной пьесе, которую сыграли в коллеже иезуитов.

Анжелика слушала его, от любопытства приоткрыв рот, потому что рассказывал он хорошо, и ко всему, о чем он вспоминал, особенно к городам, трем северным городам — Квебеку, Труа-Ривьеру и Монреалю, — она испытывала неутолимый интерес.

Она без конца смеялась, увлеченная его веселыми историями, и Пон-Бриан не мог удержаться, чтобы не бросить на нее влюбленный взгляд, хотя и старался притушить в нем пламя страсти, ибо к нему вернулось элементарное благоразумие. Он только вспоминал про себя, что и раньше, когда он слышал этот ее гортанный смех, у него по всему телу пробегала дрожь. Граф де Пейрак больше не спрашивал о цели его прихода, то есть именно о том, что ему очень трудно было бы объяснить. И вот сейчас лейтенант словно бы раздвоился: с одной стороны, он непринужденно беседовал в приятной компании, а с другой — в мрачных терзаниях вновь переживал те смертные муки, что одолевали его в последние месяцы, с того самого дня, когда он решил, что она погибла, и жизнь тогда показалась ему настолько опустошенной, что он не получал наслаждения даже от табака.

Никогда еще время не тянулось так тягуче медленно, как в те дни. Он видел себя бродящим по земляным валам форта, со взглядом, устремленным к горизонту, словно там могла возникнуть женская фигура, или погруженным в созерцание застывшей реки, шепот которой заглушил ледяной панцирь.

Он грубо выгнал из своего дома молоденькую индианку, жившую с ним последние два года, а поскольку она была дочерью вождя племени, расположившегося по соседству с фортом, это решение увеличило число его врагов.

Но ему было наплевать.

А потом вдруг, он и сам не знает откуда, появилась новость, что чужаки из Катарунка не погибли от ножей ирокезов. Все они спаслись, живут в горах... А женщины?.. Да и женщины тоже... О, несомненно, им покровительствует дьявол, если они избежали мести ирокезов... И тогда существование Пон-Бриана стало еще более невыносимым. Он попытался вернуться к прежней жизни, вновь обрести себя, попытался найти утешение с другими индейскими женщинами... Молодыми, бесстыдными. Но и этих он прогнал. Его воротило от их жирной, лоснящейся кожи. Он грезил о коже чистой и свежей, с нежным, возбуждающим ароматом, который вдруг обволакивает вас, проникает в ваши ноздри, опьяняет.

Даже то, что ему очень понравилось у маленьких индианок, когда он приехал в Канаду — у них на теле не было волос, — теперь отталкивало его, словно в этом было что-то противоестественное. А вдруг она тоже выщипала волосы на своем теле, как положено знатной даме? Но смогла ли она остаться ею в дикости лесов, куда завел ее сомнительный супруг? Ведь в этих дебрях никогда не бывало белых женщин. Она — первая женщина, которая отважилась на такое, и это уму непостижимо. Это безнравственно. Об этом говорит

весь Квебек, об этом говорят по всей реке вплоть до самого Монреалья.

И сколько мессир де Ломени ни напоминал всем, что в свое время, когда мессир де Мезоннев прибыл со своими людьми, чтобы обосноваться на острове Монреаль и положить там начало Виль-Мари, мадемуазель Мане, которая сопровождала его, оказалась в аналогичной, даже, пожалуй, более сомнительной ситуации, чем госпожа де Пейрак сейчас, его не слушали. Нет, возражали ему, это не то же самое, ибо с мессиром де Мезонневым была целая когорта ангелов и святых, да еще его сопровождали два священника, эти уж во плоти и крови, и он собственноручно водрузил крест на горе Мон-Руаяль, в то время как этот де Пейрак окружил себя безбожниками, развратниками и еретиками, среди которых, разумеется, графиня выбирает себе любовников.

Пон-Бриан знал об этих разговорах. Во время своего пребывания в Квебеке, куда он вынужден был приехать, он предстал перед Главным советом и был допрошен монсеньером Лавалем, иезуитами и — в уединенной беседе — губернатором Фронтенаком. Он всем твердил, что эта женщина — самая прекрасная женщина в мире, что да, верно, он не может этого скрывать, она пленила его сердце. Он пел ей все более и более хвалебные гимны, и это в конце концов породило атмосферу какой-то истерии вокруг незнакомой женщины. Когда он проходил по улицам, на него глазели с ужасом, к которому примешивалась зависть. «Посмотрите, да чего она довела его!.. Бог мой! Возможно ли это?.. Одним лишь взглядом!..»

Его тоска не излечивалась. Он мечтал об Анжелике. Он бредил ею. Иногда в его памяти всплывал ее голос, иногда — ее округлое калено, которое ему мельком

удалось увидеть, когда он, не постучавшись, вошел в ее каморку.

Он представлял себе это колено, гладкое, белое, словно мраморный шар, мысленно гладил его, сдавливал, чтобы приоткрыть прелестную ножку дальше... и, стеная, вертелся на своем ложе.

И вот теперь он в Вапассу, в двух шагах от нее, и он еще острее чувствует, как смешиваются в нем желание и страх, которые так долго неотступно преследовали его.

Пот каплями выступал на его лбу. Он много разговаривал в этот вечер, проявил себя блестящим собеседником, но его чарка была пуста и ему больше не предложили наполнить ее. Мужчины начали расходиться на ночлег ...

Решение идти в Вапассу и встретиться с ней пришло к Пон-Бриану после одного визита, который нанесли ему в его форте Сент-Анн. Дотоле он и не помышлял об этом, ибо отправиться в путь зимой, уже суровой даже вначале, было бы безрассудством, к тому же на его обязанности лежало охранять форт. Но тот, кто пришел тогда к нему, отбросил не только все его сомнения, но и страх предстать одному, безоружным перед этими подозрительными людьми...

И вот сейчас, когда он остался за деревянным столом один, он особенно ясно осознал, что находится среди врагов, среди чужих. Он сразу же отметил: нигде не видно распятия, не было общей молитвы, снаружи, над входом в жилище, нет креста. Он слышал, как здесь разговаривали по-английски, по-испански. Святой отец был прав! Пусть они не опасные еретики, но уж нечестивцы и безбожники — наверняка. Он еще раз огляделся вокруг.

Анжелики уже не было в зале. Она ушла. За закрытой дверью этой комнаты она сейчас ляжет в постель рядом с этим «меченым»...

Пон-Бриана терзали жестокие муки ревности. Нет, его приход сюда — безумие. Она ускользнет от него. Она из другой породы... она недоступна...

И он снова словно услышал голос, который убеждал его: «Вырвать эту женщину из безнравственной жизни — богоугодное дело, оно зачтется вам во спасение. Вы один можете привести ее к добру».

Тогда он, помнится, вдруг сказал:

— А если она демон?.. Настоящий?..

— Мои молитвы защитят вас.

Тот, кто приходил к нему, носил черную сутану и деревянное с медью распятие на груди. В верхней части распятия, над изображением Христа, сверкал вделанный в дерево рубин. Человек немного сутулился, потому что у него еще не зажила рана на боку, полученная недавно от ирокезов во время неожиданной стычки. У него были необыкновенно красивые синие глаза, глубоко сидящие под кустистыми бровями, и курчавая, каштановая с золотистым отливом борода, под которой скрывался несколько женственный рот.

Он был среднего роста, крепкий. Пон-Бриан не любил его. Он его боялся, как, впрочем, боялся всех иезуитов — уж слишком они кичатся своим умом и готовы к тому же лишить вас всех земных радостей.

Руки гостя, изувеченные пытками ирокезов, внушали лейтенанту отвращение, хотя он никогда не испытывал подобного чувства, глядя на изуродованные ирокезами руки своих друзей, канадских трапперов; кстати, Л'Обиньер, например, подвергся точно таким же пыткам, как и тот, кто пришел к нему.

Он удивился визиту отца д'Оржеваля. Ведь, как подозревал лейтенант, почтеннейший отец презирал его за невежество. Но в тот день отец д'Оржеваль был с ним весьма любезен.

Да, он знает, что Пон-Бриан безумно влюблен в странную женщину, которую он встретил в верховьях

Кеннебека. Однако это отнюдь не шокирует его, даже наоборот. Возможно, сам Бог внушил такое чувство достойному мужчине, христианину и к тому же еще французу, чтобы помочь отвратить опасности, которые нависли над Акадией и Новой Францией с появлением в этих местах графа де Пейрака, отступника и предателя, состоящего на службе у англичан.

— Но вы-то знаете, отец мой, кто он и откуда пришел?

— Скоро узнаю. Я разослал своих людей во все концы страны и даже в Европу.

— Не вы ли, святой отец, побудили Модрея скальпировать ирокезских вождей в Катарунке?

— Модрей дал обет совершить это. Он непорочное дитя. В награду за его победу ему явилась Богородица.

— Но как де Пейрак избежал мести этих дьяволов?

— Дьявольскими происками, дьявольскими происками, сын мой. Иного объяснения нет. Теперь-то вы понимаете, что его нужно сокрушить, иначе он испоганит наши земли. И вы можете помочь нам в этом...

Потом он сказал:

— Я знаю, он выдает эту женщину за свою жену, но весьма и весьма сомневаюсь, что она воистину является таковой перед Богом. Скорее всего, это какая-то несчастная, которую он обольстил и развратил. Если его одолеют, женщина будет вашей...

Этих последних слов отец д'Оржеваль, конечно, не произносил, но Пон-Бриан в течение всего разговора совершенно явственно улавливал их в каждой его фразе, в каждом его жесте.

— А если она демон?.. Настоящий?..

— Мои молитвы защитят вас.

Спокойная уверенность иезуита сделала свое дело — лейтенант согласился. Доверив форт своему сержанту, он в сопровождении одного лишь гурона взял путь на юго-восток.

Если сказать по правде, то вообще-то у него и в мыслях не было, что она демон, но иногда, в минуты, когда на него обрушивался любовный шквал, в душу его закрадывалось подозрение, уж не порча ли это.

Поскольку в его миссии ему покровительствовали небесные силы, Пон-Бриан временами даже тешил себя мыслью, что, если уж на то пошло, заниматься любовью с демоном... в этом должно быть нечто пикантное.

Он бросился ничком на ложе, которое отвели для него, но сон долго не шел к нему.

«Поверьте мне, она встретит вас как спасителя. По слухам, которые до меня дошли, тот, кто называет себя ее супругом, ведет — да и всегда вел! — жизнь развратника. Он заставил одну семью из небольшого индейского племени поселиться в окрестностях Вапассу, чтобы иметь в своем распоряжении туземок, и, хотя у него под боком белая женщина и, как я слышал, обворожительная женщина, он часто наведывается к индианкам и развращает их. Говорят, в подобных вопросах этот флибустьер всегда думает только о собственном удовольствии... Несчастные, что связались с ним, заслуживают сострадания...»

Отец д'Оржеваль всегда был прекрасно осведомлен о всех событиях, узнавал о них мгновенно и, несмотря на то, что жил в уединении, вдали от всех, имел о каждом самые точные сведения. В основе его опасной осведомленности лежало все: и доносы, и догадки, и знание человеческой психологии. Его взгляд прямо-таки вырывал из души человека самые сокровенные тайны. Не раз случалось, что он останавливал кого-нибудь на улице со словами: «Покайтесь скорее! Вы только что совершили плотский грех...»

Когда знали, что он в Квебеке, те, кто выходил от своих любовниц, принимали все меры предосторожности, чтобы из-за угла не наскочить на него на улице. Больше того, про него говорили, будто

ему покровительствует папа римский и король Франции и что даже отец Мобеж, главный среди иезуитов Квебека, сам иногда вынужден склоняться перед его решениями.

Заручившись благословением такого человека, могли Пон-Бриан бояться за свою душу, за свою карьеру, могли сомневаться в том, что в любви его ждет успех? Ведь с ним были Бог и Церковь.

Он уснул измученный, но полный решимости одержать победу.

Глава 17

Вернувшись с озера, Анжелика вошла в залу. Она снова внимательно рассмотрела листья, которые только что выкопала из-под снега, исцарапав себе пальцы, не говоря уже о том, что у нее совсем заоченели руки. Она принесла много толокнянки, которую обычно называют медвежьим ушком, — маленькие кустики с твердыми листочками. Очень ценны ягоды толокнянки, но и листья обладают теми же благотворными свойствами — они служат мочегонным средством. С их помощью Анжелика надеялась покончить с тяжким недугом Сэма Хольтона. Вот уж, право, не повезло бедняге Сэму, человеку чрезмерно стыдливому и робкому, что он оказался жертвой такого мучительного недуга, как камни в мочевом пузыре. Сам-то он считал, что его болезнь из тех, что получают от стрел Венеры, но краснокожие гетеры из «бобрового» вигвама не имели к этому никакого отношения, ибо он был целомудрен и никто никогда не видел, чтобы он возвращался с прогулки по другую сторону хребта.

Обеспокоенная Анжелика видела, как он страдает и чахнет, но не могла заставить его довериться ей. Пришлось вмешаться де Пейраку. Вынужденный признаться, английский пуританин под большим секретом открылся графу. Он считал, что несет кару за грехи молодости.

Анжелике нужно было так лечить его, чтобы он не догадался, что она все знает. К счастью, она вспомнила об этих кустиках толокнянки, которые, как ей показалось, она заметила полусасыпанные снегом на тропинке к озеру. Вчера она уже принесла их немного, а сегодня сходила туда снова, чтобы собрать побольше.

Она взяла свой маленький котелок, плеснула туда воды и повесила его на крюк над очагом.

В этот полуденный час она была одна в зале, дверь которой была открыта, потому что на дворе светило яркое солнце. Граф де Пейрак с пятью или шестью мужчинами ушел на самый конец дальнего озера, к водопадам, посмотреть, что случилось с водяной мельницей. Раньше вечера они не вернутся.

Остальные трудились на руднике или делали обмеры прибрежных скал.

Анжелика, госпожа Жонас, Эльвира и дети — все ватагой отправились сначала на берег озера, чтобы насобирать там листьев толокнянки.

Когда корзина наполнилась, дети заявили, что побегут дальше, на небольшой косогор, где они резвились, съезжая с него по укатанному снегу на заскорузлых шкурах, заменявших им санки.

Госпожа Жонас и Эльвира пошли с ними, а Анжелика вернулась, потому что ей нужно было заняться отваром.

Она бросила перебранные листья в кипящую воду, потом покрошила корень пырея, дала ему размокнуть в другой посудине, слила первую воду отвара, снова поставила кипятить листья и наконец растерла корень в своей маленькой чугунной ступке.

Выпрямившись, она буквально натолкнулась на лейтенанта Пон-Бриана, который неожиданно оказался прямо за ее спиной. Она не слышала, как он вошел.

— О, это вы! — воскликнула она. — Вы как индеец! Как сагамор Мопунтук или старый вождь из «бобрового» вигвама — каждый раз, когда он появляется, я наступаю ему на ноги. Нет, верно, никогда я не привыкну к этой манере индейцев приближаться к людям без малейшего шороха.

— Индейцы признают, что я делаю это не хуже, чем они, а из белых это мало кто умеет.

— По вашему виду этого не скажешь, — парировала Анжелика, бросая на него не очень-то любезный взгляд.

— Внешней вид обманчив...

У Пон-Бриана в мыслях не было напугать Анжелику. Просто он привык ходить такой вот неслышной походкой, хотя она и не вязалась с его внешностью — он был высок и выглядел неуклюжим. А вот то, что она должна быть в этот момент одна в зале, он прекрасно знал и понимал, что именно сейчас — или никогда — нужно брать ее приступом.

Сначала, стоя на пороге, он наблюдал, как она, окутанная клубами целебных паров, сосредоточенно возилась с травами и горшочками, сжав свои нежные тонкие губы, отчего лицо ее приняло суровое выражение.

Такой он еще не видел ее: освещенная пламенем очага, среди своих горшочков и котелков с темным бурлящим варевом, она даже внушала ему некоторый страх. Но он с бьющимся сердцем все же подошел к ней...

— Вам что-нибудь нужно? — спросила наконец Анжелика, расставляя посуду.

— Да, и вы прекрасно знаете что...

— Объясните же...

— Вы не можете не догадываться, сударыня, что внушили мне страсть, которая сжигает меня своим пламенем. — Он задыхался от волнения. — Я пришел в Вапассу ради вас...

И он попытался объяснить ей свои притязания. Рассказал, как впервые в жизни понял, что женщина достойна любви... Да, любви... Чистой и святой... Рассказал, как он твердил себе это изумительное слово «любовь» и ему хотелось плакать.

— Вы глупец, — снисходительно сказала она. — Да, да, вы глупец! Поверьте мне! И потом, вы просто забываетесь, сударь! — продолжала она, теряя

терпение. — Уж не думаете ли вы, что я создана для того, что бы удовлетворять вашу солдатскую тоску, коль скоро вдруг у вас появилось желание стать сентиментальным. У меня есть муж, дети, и вы должны понять, что в моей жизни вы не можете занимать иного места, кроме как место гостя, которого принимают с радушием. Однако вы его утратите, если будете упорствовать в своих заблуждениях.

Она повернулась к нему спиной, чтобы показать, что он не должен настаивать и что она считает разговор оконченным.

Она не любила таких людей, этаких колоссов на глиняных ногах — тип, довольно распространенный среди офицеров. Они были хороши только в своем сугубо мужском деле — на войне, но в обращении с женщинами их неуклюжесть могла сравниться разве что с их фатовством. Убежденные в своей неотразимости, они считали всякую женщину, которая имела несчастье им понравиться, уже как бы по праву принадлежащей им и удивлялись, если она не разделяла их чувств.

Пон-Бриан не был исключением из правила. Он настаивал, и безумное желание, которое распалило его, потому что он находился так близко от нее, сделало его почти красноречивым. Он сказал ей, что не может жить без нее. Она не такая, как другие. Он дни и ночи мечтает только о ней: о ее красоте, о ее смехе, и это как луч света во мраке... Она не должна его отвергнуть, нет, это невысказано... Завтра он, быть может, умрет... И прежде чем его зажарят ирокезы, пусть она дарует ему блаженство насладиться ее нежной белой кожей. Он так давно не вкушал этой упоительной радости. У индианок нет души. У них не такая кожа... О, встретить белую женщину и...

— Так, значит, вы хотите, чтобы я даровала вам блаженство немного насладиться белой кожей? —

спросила Анжелика, не в силах удержаться от смеха, настолько собеседник показался ей неловким и наивным. — Вот какую роль вы предназначили мне. Вот уж, право, не знаю, должна ли я считать себя польщенной...

Пон-Бриан побагровел от ее иронии.

— Я не то хотел сказать...

— Сударь, вы мне надоели...

У Пон-Бриана был вид наказанного ребенка. Мягкость, которая покорила его в этой женщине, вдруг обернулась для него злой насмешкой. Это совсем сбilo его с толку.

Отступиться? Нет, это выше его сил. Он никогда не умея владеть своими чувствами, и охватившее его в этот момент яростное желание стиснуть Анжелику в своих объятиях, овладеть ею ослепило его. За ее спиной он заметил приоткрытую дверь, а за ней — широкую деревянную кровать.

Вождеделение, которое пожирало его, сознание, что подобный случай больше не представится, совсем затмили его разум.

— Послушайте, любовь моя, ведь мы одни. Пойдемте со мной в ту комнату. Я не задержу вас долго, клянусь! Но после, после вы сами увидите! Вы поймете, что мы созданы друг для друга. Вы первая, единственная женщина во всем мире, которая породила во мне такую страсть. Вы должны принадлежать мне.

Анжелика — а она в это время как раз брала свою накидку, чтобы выйти и тем самым положить конец разговору, — обеспокоенно посмотрела на него, словно на человека, который вдруг лишился рассудка.

Но она не успела со всей решительностью высказать ему все, что думает о его речах, так как он крепко схватил ее в свои объятия и прильнул губами к ее губам. Он был очень сильный, и страсть ожесточила его, поэтому ей не сразу удалось вырваться из его рук. Он

впивался губами в губы Анжелики, принуждая ее открыть их, и это вызвало в ее памяти другие потные рожи, тех, кто насилывал и осквернял ее. Анжелику замутило, и все ее существо внезапно охватила смертельная ярость.

Изловчившись наконец, она одним рывком высвободилась из его объятий, схватила кочергу, что лежала сзади, у камина, размахнулась и изо всех сил стукнула ею лейтенанта по голове.

Послышался какой-то глухой звук. Бедному лейтенанту показалось, будто из глаз его посыпались искры, он покачнулся и мягко погрузился в усеянную звездами темноту.

Когда сознание вернулось к нему, он понял, что лежит на скамье. Голова разламывалась от боли, но он тотчас догадался, что это за мягкая подушка, на которой она покоится. То были колени Анжелики. Он поднял глаза и увидел склоненное над ним ее озабоченное лицо. Она обрабатывала ему рану под волосами, и для этого ей пришлось положить его голову себе на колени. Он вдыхал аромат ее тела, долетавший до него сквозь ткань платья. Совсем рядом с его лицом была ее грудь. Ему захотелось прильнуть к этой мягкой и теплой груди, по-детски прижаться к ней, но он сдержал себя. На сегодня уже достаточно глупостей. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросила Анжелика.

— Скорее плохо. У вас твердая рука.

— Вы не первый пьяный в моей жизни, которому мне пришлось указать его место...

— Я не был пьян.

— О, конечно!

— Значит, меня довела до такого состояния ваша опьяняющая красота...

— Не нужно снова возвращаться к этому бреду, мой бедный друг.

Анжелику немножко грызла совесть за то, что она обошлась с ним столь сурово. Хватило бы и оплеухи... Но все произошло так неожиданно.

— Что за умопомрачение нашло на вас? — сказала она с упреком. — Ну хотя бы благоразумие должно было удержать вас, ведь не думаете же вы, что ваше поведение приведет в восторг моего мужа?

— Вашего мужа? Говорят, он не муж вам...

— Муж. Я могу поклясться жизнью моих сыновей.

— В таком случае я ненавижу его еще больше. Это несправедливо, что он один имеет право любить вас.

— Эти исключительные законы установлены самой нашей святой матерью-церковью.

— Законы не праведные и несправедливые.

— Скажите об этом его высокопреосвященству папе римскому...

Раздраженный, несчастный, Пон-Бриан почувствовал себя полностью отрезвленным. Черт побери! Она чуть не убила его! В его душе смешивались восхищение ею и жалость к самому себе, и он снова начал думать, что она и впрямь неземное создание, и ему хотелось бы бесконечно продолжать этот спор, лишь бы он мог подольше оставаться у ее груди, вдыхать аромат ее дыхания и ее рук.

Но Анжелика встала. Она помогла ему подняться и сесть. Его шатало, он понимал, что все кончено навсегда; он ощущал страшную усталость, грусть пронизала все его существо.

— Мессир Пон-Бриан...

— Да, моя прекрасная любовь...

Он поднял на нее глаза. Она смотрела на него с материнской озабоченностью.

— Может, вы злоупотребляете напитками? Или жуете какие-нибудь индейские травы, которые, как я

слышала, дурманят?

— Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Потому что у вас какой-то странный вид.

Он усмехнулся.

— Но разве можно выглядеть иначе, если перед тобой самая прекрасная женщина на свете и она только чтохватила тебя по голове?..

— Нет, еще до этого... Уже когда вы появились...

Озадаченная, она разглядывала его. Пон-Бриан был одним из тех здоровяков от природы, в которых тесно переплетаются наивность, спесь и безмерная снисходительность к собственным страстям. У таких мужчин слабый рассудок, они легко поддаются под влияние идей, которые превосходят их разум, или прихотей тех, кто сильнее их. Поддаются под влияние?.. Смутное подозрение закралось в ее душу.

— Так что же все-таки произошло? — доброжелательно, но упорно продолжала спрашивать она. — Доверьтесь мне...

— Но вы же знаете, — простонал он, — я люблю вас.

Она потрянула головой.

— Нет, не до такой степени, чтобы пойти на явное безрассудство. Что же толкнуло вас на это?..

Не ответив, он жестом страдающего человека приложил два пальца к виску. Ему вдруг захотелось плакать. Он начинал осознавать случившееся.

Да, это правда, он страстно полюбил ее с первого взгляда, но когда его любовь превратилась в безумие? Не после ли визита отца д'Оржеваля? Ведь это будто его голос постоянно твердил где-то в глубине его души: «Иди... иди... Она будет твоей». И в ночной тиши его преследовал взгляд сверкающих, словно сапфир, синих глаз. Теперь он начинал понимать. В этом грязном деле, куда его втянули, он лишь слепое орудие. Нужно было, унизив женщину, которую он любит, надломить ее и тем самым сокрушить графа де Пейрака.

И вот сегодня он потерпел крах и лишился всего. Жалкий глупец! Как бы ни повернулись теперь события, он приговорен. Даже если добьется успеха. Его послали на смерть... В одно мгновение он вдруг понял, что часы его сочтены...

— Я сейчас уйду, — сурово сказал он, вставая. Шатаясь, он пошел в закуток, где спал, натянул свои митассес^[6], надел теплый короткий плащ, меховую шапку, оделся и вернулся, держа в руках заплечный мешок.

— Подождите, я соберу вам еды, — сказала Анжелика, обеспокоенная мыслью, что ему в сопровождении одного лишь гурона предстоит много дней идти по враждебным, покрытым снегом горам и лесам.

Пон-Бриан смотрел, как она кладет в его мешок провизию, безразличный ко всему, погруженный в свои горькие думы. Повсюду одни неудачи, и позади и впереди. В жестоком свете этого неожиданного открытия ему вспомнилась вся его жизнь, и он вдруг понял, что, по правде сказать, никогда по-настоящему не имел успеха у женщин, хотя и воображал себя неотразимым. Дойдя до порога, он решил отомстить за себя всем женщинам в лице этой одной, ранить своей мезтью ту, которая принесла ему столько страданий. Он обернулся.

— Значит, он ваш муж? — спросил он. — И вы его любите?

— Разумеется, — удивленная, проговорила Анжелика. Он сардонически рассмеялся.

— Что ж, тем хуже для вас. Это не мешает ему совращать туземок. Тут неподалеку, в лесу, живут две красотки, вот их-то он и заставлял приходить к нему поразвлекаться, когда пресытится вашими объятиями. И вы глупы, если не пользуетесь случаем насладиться с

каждым, кто может доставить вам это удовольствие, и бережете себя для этого развратника, который глумится над вами. Вся Канада наслышана об этом, только вы пребываете в неведении. Да и здесь мужчины смеются, потешаются над вами!..

Словно призванный незаметным знаком, гурон возник рядом и последовал за ним.

Глава 18

— Он ушел, — сказала Анжелика, когда вечером мужчины возвратились в форт. И отвернулась.

Жофfrey де Пейрак подошел к ней. Как обычно после даже недолгого отсутствия, он взял ее руку и поцеловал кончики пальцев.

Но она никак не отозвалась на эту украдкой выраженную ласку.

— Ушел! — с негодованием воскликнул Малапрад. — И даже ни с кем не простился! К тому же на дворе почти ночь, надвигается пурга... Что на него нашло, на этого сумасброда? Нет, решительно все канадцы ненормальные...

Анжелика, как обычно, хлопотала по хозяйству. Она подозвала к себе Флоримона и тихонько попросила его отнести кружку с отваром Сэму Хольтону. Потом помогла госпоже Жонас расставить на столе миски и разложила мокрые плащи перед очагом в каморке.

Она делала свою ежедневную работу с прилежанием и видимым спокойствием, но внутренне вся была словно в лихорадке. За те часы, что прошли после ухода Пон-Бриана, в ней будто надломилось что-то, и теперь она чувствовала в душе страшную опустошенность.

Она уже и думать забыла о его любовных излияниях, но отравленная стрела, которую он, уходя, пустил в нее с порога, постепенно выделила свой яд.

Вначале, услышав от Пон-Бриана, что муж изменяет ей с индианками, что живут по-соседству, Анжелика просто пожала плечами, но потом вдруг вся жизнь предстала перед ней в ином свете, и теперь она спрашивала себя — и ее бросало в жар, — так ли уж это не правдоподобно. Мысль, что муж может развлекаться

с этими девушками, никогда раньше не приходила ей в голову, хотя граф часто навещал старого колдуна, главу семьи, и она замечала, как обе индианки, Аржети и Ваннипа, увивались около него. Они кокетливо завлекали его, а он весело шутил с ними на их языке, щипал за подбородок, одарял жемчужинами, словно назойливых, балованных детей, от которых хотят откупиться подарками... Не скрывалась ли за всем этим та подозрительная вольность, приметы которой ускользнули от ее внимания?

Она всегда была слишком наивна, чтобы разгадывать интриги, а о подобных неприятностях самые заинтересованные люди всегда узнают в последнюю очередь.

Когда Пон-Бриан ушел, она решила отвлечься и, отыскав в кладовой жемчуг, начала нанизывать ожерелье для Онорины — подарок к Рождеству. Но руки у нее дрожали, работа не двигалась, и она то и дело подергивала плечами, как бы желая отогнать навязчивую мысль.

Тяжкие думы не покидали ее. К ней снова вернулось ощущение отчужденности, которое всякий раз возникало у нее по отношению к мужу, когда она задумывалась обо всем том непонятном и неведомом ей, что таилось в нем. Независимость всегда составляла одну из основных черт его натуры. Так должен ли был он теперь отречься от этой независимости лишь потому, что вновь обрел свою супругу, без которой мог обходиться в течение пятнадцати лет? В конце концов, он — хозяин, полновластный хозяин на борту корабля, как он недавно заявил ей.

Он всегда был свободен, его никогда не терзали никакие угрызения совести. Он не боялся ни греха, ни ада. Он сам устанавливал для себя нормы поведения...

И вдруг ей стало так невыносимо, что она вскочила, бросив свою работу, и помчалась к лесу, словно желая

навсегда скрыться там.

Но по снегу далеко не убежишь. Даже просто побродить подольше в лесу, чтобы успокоиться, и то нельзя. Она пленница. И тогда она вернулась и попыталась призвать на помощь собственный разум.

«Такова жизнь», — мысленно твердила она, невольно повторяя горькие слова, которыми утешают себя бедные девушки, когда мужество покидает их, и они прекрасно отдают себе отчет в том, что навсегда утратили стойкость духа.

«Такова жизнь, пойми ты! — по десять раз на дню повторяла ей некогда ее подруга во Дворе чудес. — Все мужчины таковы».

Мужчины не так относятся к любви, как женщины. Любовь женщины полна заблуждений, мечтаний, сентиментальности.

Что она вообразила себе? Что, помимо объятий, их снова связывают какие-то узы, нечто такое, что может существовать только между ним и ею, и это слияние чувств означает, что они созданы только друг для друга, что им невозможно отвлечься друг от друга, разлучиться друг с другом и что это символ самого высокого согласия их сердец и их разума.

Так думать — значит верить в невозможное. Такое единение бывает столь редко! И тому, что некогда было даровано им, не суждено возродиться, потому что они оба стали другими. И разве это не глупо — называть изменой забавы с индианками?

Нет, она должна скрыть свое глубокое разочарование, иначе ему быстро надоеет супруга-собственница. Но для нее свет померк навсегда, и она думала теперь, как сможет она выдержать его взгляд.

Однако все ее здравые мысли были тут же развеяны теми картинами, что с такими подробностями рисовало ей воображение, картинами, которые терзали ее: вот он смеется вместе с индианками, вот он ласкает их

крохотные груди, наслаждается их податливым телом... Все эти видения заставляли Анжелику содрогаться, страдать ее душу.

Есть чувство, которое мужчины никогда не поймут: женская гордость. Она, Анжелика, не только глубоко ранена, она и опозорена. Это невозможно объяснить, но это так! А мужчины не отдадут себе в этом отчета...

Возбужденные прогулкой и играми, шумной гурьбой вернулись дети. Они наперебой рассказывали о своих похождениях: они так быстро катались с горок, видели следы белого зайца, а потом госпожа Жонас провалилась в сугроб, и они с трудом ее вытащили.

Щеки Онорины напоминали румяные яблочки, и сама она была крайне возбуждена.

— Я каталась быстрее всех, мама! Послушай, мама...

— Да-да, я тебя слушаю, — рассеянно отвечала Анжелика.

Мысли ее снова вернулись к Пон-Бриану. Что-то в нем напомнило ей рыжего негодяя, ее стража в замке Плесси-Белльер в те времена, когда король держал ее там под арестом. Как же его звали?.. Она уже не могла вспомнить... Так вот, он тоже воспылал к ней безумной страстью и выражал ее едва ли более деликатно, чем Пон-Бриан. Он приходил по вечерам, стучался в ее дверь и всячески докучал ей... Онорина была зачата от него в ту ужасную ночь, когда он силой овладел ею. Да, Пон-Бриан напоминал его. От одного этого воспоминания ее замутило.

Закончив свою работу, вернулись остальные мужчины, голодные как волки. Им подали ужин — вяленое мясо и маисовые лепешки.

Переворачивая в золе лепешку, Анжелика обожгла пальцы.

— Ну что за глупости я делаю! — воскликнула она, и на глаза ее набежали слезы, которые она не в силах была удержать.

В течение всего вечера она сумела без всякого снисхождения к себе выполнять все свои обязанности. Она одну за другой зажгла лампы — это она любила делать сама. Лампы, горящие на жиру, излучали свет красноватый и слабый, но он создавал атмосферу какой-то мягкости, интимности, и все невольно начинали говорить тише.

Но все равно Анжелика мечтала о свечах — они меньше, а свет от них не такой красный и ярче.

— Вы должны изготовить нам форму для свечей, — сказала она кузнецу. — А делать свечи можно из пчелиного воска, если мы найдем его в этих лесах.

— Отец д'Оржеваль, миссионер, что живет на реке Кеннебек, — сказал Элуа Маколле, — делает зеленые свечи из растительного воска. Он содержится в ягодах, которые приносят ему индейцы, я это точно знаю.

— О, как интересно...

Она побеседовала со старым охотником, потом ей пришлось уложить в постель Онорину, которую совсем сморила усталость. Она помогла прислуживать за столом и, в общем-то, была довольна, что сумела не дать прорваться наружу бушевавшей в ее душе буре.

Жоффрей де Пейрак обманывает ее? Были минуты, когда ей казалось, что она чувствует на себе его пристальный взгляд, но нет, быть того не может, ему и в голову не придет, какие мысли обуревают ее, а она ничего не скажет ему... ничего...

Но в тот момент, когда они вошли в спальню, в их общую спальню, Анжелику вдруг охватила самая настоящая паника. В этот вечер она впервые пожалела, что живет не в роскошном замке, где, сославшись на мигрень, она могла бы удалиться в свои комнаты, чтобы избежать его общества, а главное — его объятий.

В спальне она опустилась на колени перед очагом, лихорадочными движениями раздула огонь. Но она,

пожалуй, предпочла, чтобы стало совсем темно и Жоффрей не мог бы увидеть ее лица.

Весь вечер она старалась не выдать, какая боль гложет ее, старалась урезонить самое себя. Теперь же все ее благоразумные рассуждения вмиг улетучились.

Нет, ее усилия оказались тщетны.

В постели она сжалась клубочком на самом краю, повернувшись к мужу спиной, и сделала вид, что спит. Но в этот вечер он не посчитался, как она на то надеялась, с ее усталостью. Она почувствовала его руку на своем обнаженном плече, и, боясь, что он заподозрит неладное, если она будет вести себя не так, как обычно, повернулась к нему, и заставила себя обвить руками его шею.

О, почему она не может жить без него! Она никогда не могла забыть его, и любовь к нему всегда наполняла каждую клеточку ее души. Что станет с ней, если она не сможет смириться? Она должна сделать все, что в ее силах, лишь бы он ни о чем не догадался.

— Вы чем-то озабочены, моя радость?

Склонившись к ней, он прервал свои ласки и стал нежно допытываться. Она кусала себе губы. Нет, она не может таиться от него.

— Вас что-то гложет, не правда ли?

Она почувствовала, как он насторожен, и потеряла самообладание. Он не даст ей отмолчаться. Жоффрей продолжал настаивать.

— Ну что с вами, скажите! Вы сама не своя сегодня вечером. Что произошло? Доверьтесь мне...

Она вдруг бросила ему прямо в лицо:

— Это правда, что вы путаетесь с индианками? Они ваши любовницы, да?

Он ответил не сразу.

— Кто вбил вам в голову этот вздор? — спросил он наконец. — Пон-Бриан, не так ли? Он, видимо, считает, что у него достаточно близкие отношения с вами, чтобы

иметь право на подобные предупреждения? Уж не думаете ли вы, что я не заметил, какую страсть вы внушили ему?.. Значит, он излил перед вами свою душу? И вы выслушали его?

Его пальцы вдруг до боли сдавили ее руку.

— Вы поощрили его? Пококетничали с ним?

— Чтобы я кокетничала с этим мужланом! — воскликнула Анжелика, вскакивая. — Да я предпочла бы стать уродливой, как семь смертных грехов, если это могло бы избавить меня от такого мужлана, как Пон-Бриан... По-вашему, если какому-нибудь дураку взбредет в голову обхаживать женщину, то это всегда ее вина!.. А вы?.. Вы же догадывались, что Пон-Бриан обязательно будет изливать мне свою любовь, и нарочно ушли, вам хотелось знать, как я поведу себя, не намереваюсь ли я броситься на шею первому встречному, как, верно, вы полагаете, я делала это все пятнадцать лет... О, я ненавижу вас, вы совсем не доверяете мне!..

— И вы мне тоже, кажется. Ну при чем тут индианки?

Гнев Анжелики спал.

— Да, я подозреваю, что он сказал это, желая огорчить меня, отомстить за то, что я отвергла его.

— Он попытался вас обнять, поцеловать?

Тень скрывала от Анжелики лицо Жоффрея, но она догадывалась, что он весь во власти сомнений, и она ответила, как бы не придавая этому значения.

— Он проявил настойчивость, и я обошлась с ним несколько... круто. Потом он все понял и ушел.

Жоффрей де Пейрак тяжело дышал.

Пон-Бриан попытался поцеловать ее, теперь он уверен в этом! С грубостью солдафона он осквернил своими губами уста Анжелики!

Но ведь и сам он, ее муж, тоже виноват в этом. Хотя он ушел не умышленно, Анжелика несправедливо

обвинила его, но все равно, разве он — пусть бессознательно — не играл с огнем в той ситуации, которая создавалась с приходом этого Пон-Бриана? Пустить все на самотек, чтобы провести опыт! Но разве можно обращаться с сердцем и чувствами женщины, как с ретортами, перегонными кубами и мертвыми минералами? Да, верно, иногда в глубине души он сомневался в Анжелике. Теперь он поплатился за свое неверие.

— Это правда? — прошептала она жалобным голосом, так не свойственным ей. — Это правда, что вы путаетесь с индианками?

— Нет, любовь моя, — с силой, серьезно ответил он. — К чему мне индианки, если у меня есть вы?..

Она коротко вздохнула, и, похоже, напряжение ее спало. А Жоффрей де Пейрак был не на шутку взбешен. Где мог Пон-Бриан подцепить такую низкую сплетню?.. О них говорят в Канаде? Кто говорит о них?.. Он склонился к Анжелике, чтобы снова обнять ее. Но хотя ее уже не терзала больше мысль о неверности мужа, досада на него все же осталась.

Она пыталась взять себя в руки, но она слишком устала за этот долгий день от изнуряющей душу боли, слишком много утратила надежд, чтобы суметь тотчас же стать самой собою.

Особенно потому, что на нее нахлынуло столько воспоминаний, всплыло перед ее мысленным взором столько отталкивающих лиц... И среди них лицо Монтадура, которого напомнил ей Пон-Бриан... Монтадур... Вот она и вспомнила вдруг имя рыжего негодяя... Монтадур... Монтадур... И когда муж захотел снова обнять ее, она вся сжалась.

Жоффрей де Пейрак вдруг ощутил желание придушить Пон-Бриана, а заодно с ним всю военную братию, да и вообще весь мужской род. То, что произошло, — это не просто случайный эпизод, как он

считал раньше, который не оставит глубокой раны в душе искушенной жизнью женщины.

История с Пон-Брианом разбередила в ее душе едва зарубцевавшиеся раны. И сейчас они переживали одно из тех коротких мгновений, когда мужчина и женщина сталкиваются лицом к лицу в своего рода ожесточенной и непримиримой ненависти, оцетинившиеся друг против друга в яростном протесте: она не желала быть покорной ему, он жаждал победить ее, вернуть ее себе, ибо, если они не смогут сегодня слиться воедино, Анжелика с ее переменчивым, немного скрытным характером еще больше отдалится от него, и тогда он потеряет ее.

Он чувствует, как чуткие руки жены судорожно упираются в его плечи, отталкивают его, но он только крепче стискивает ее, не в силах отпустить, оторваться от нее. И хотя мысли Анжелики блуждают где-то вдали от него, в бесплодном одиночестве, тело ее совсем рядом с его губами, и Жоффрей не может отказаться от ее влекущей красоты, даже если она вся сжимается под его поцелуями, даже если этот ее отказ раздражает его и в то же время разжигает в нем еще более страстное желание.

Это роскошное тело, созданное для наслаждения, ничего не утратило за пятнадцать лет их разлуки, и Жоффрей с удивлением и радостью вновь нашел в ней то необычное, восхитительное восприятие любви, которое потрясло его, когда их любовь еще только зарождалась.

В ту ночь в океане, когда он понял это, он уже знал, что снова станет ее рабом, как прежде, как другие, потому что ею нельзя пресытиться, ее нельзя забыть.

Но если тело ее осталось прежним, то душа стала иной — в ней поселилась боль. И де Пейрак проклинал жизнь, которая ее придавила, и все то, что всплывает в ее памяти, разделяя их иногда непреодолимой стеной.

Эти мысли молнией промелькнули в его сознании, в то время как он, всем своим существом стремившийся к ней в страстном порыве обладать ею, пытался привлечь ее к себе, подчинить своей власти. Никогда еще он не чувствовал так ревниво, так яростно, что она его и что ни за что на свете он не может отказаться от нее, отдать ее другим, предоставить ее самой себе, ее думам, ее воспоминаниям.

Ему пришлось взять ее почти силой.

Но когда он добился своего, его ярость и его неистовая сила утихли. Ведь совсем не ради удовлетворения своего желания он в этот вечер несколько сурово воспользовался своими супружескими правами. В этом было единственное спасение — увести ее с собой в страну Цитеру, и, когда они возвратятся оттуда, мрачные тени рассеются. Нет более волшебного лекарства против ожесточения, сомнений и горестных мыслей, чем небольшое путешествие вдвоем на остров любви.

Но он умел ждать. Он не хотел с эгоистической поспешностью отправляться в путь в бурю.

Один брахман — он познакомился с ним в Восточной Индии во время своих странствий по этим землям, где любви обучают в храмах, — научил его двум добродетелям, которыми должен обладать идеальный любовник, — терпению и самообладанию, — ибо женщины в любви медлительны. Да, влюбленный мужчина вынужден иногда поступиться своими желаниями, но разве он не бывает сторицей вознагражден восхитительным пробуждением безучастного тела?

Когда Жоффрей почувствовал, что она немного пришла в себя, уже не так задыхается и дрожит, что она постепенно возвращается в этот мир, он начал нежно возбуждать в ней желание. Он слышал, как у его груди гулко и неровно бьется ее сердце, словно у

маленького обезумевшего зверька. И он время от времени ласково касался ее прохладных губ легким, успокаивающим поцелуем. Но, несмотря на то, что страсть буквально пронизывала его, заставляя дрожь судорогой пробегать по его спине, он не давал ей одолеть себя.

Никогда, никогда больше он не согласится оставить ее одну на дороге жизни. Она его жена, его дитя, кусочек его души и тела.

А Анжелика в муках сердца, где горько бились гнев и злоба, которые она не могла побороть, начала наконец осознавать, что это он, Жоффрей, склонился над ней, пытаясь разгадать ее печаль. Его близость была блаженством, облегчающим бальзамом, разливавшим свою сладость по всему ее телу вплоть до самых потаенных его уголков. И, горя искушением предаться этому блаженству, она заставляла замолчать возмущенные голоса своего разума, которые мешали ей наслаждаться им. Но едва она добивалась этого, как они снова начинали вопить в ней, повергая ее в пучину сомнений.

Тогда он отстранился от нее и, словно вдруг утратив весь мир, она почувствовала такое страдание, такое одиночество распростертого в горестном призыве тела, что ей захотелось кричать, и она рванулась к нему; его возвращение принесло ей сказочное блаженство, она обвила его руками, чтобы больше не отпустить от себя, он ощутил, как ее легкие пальцы побежали вниз по его телу, и с восторгом понял, что она снова ненасытно жаждет его любви.

— Не оставляй меня, — стонала она. — Не оставляй меня... Прости, но только не оставляй...

— Я с тобой...

— Подожди... прошу тебя... подожди...

— Успокойся, мне хорошо с тобой... Я бы провел так всю жизнь!.. Не надо ничего говорить сейчас... Не думай

ни о чем...

Но он продолжал доставлять ей страдания, отрываясь от нее, и, казалось, желая продлить это безумие, склонялся над ней в дрожащем ожидании или слегка касался мимолетной лаской, коварной, потому что она не только не удовлетворяла ее, но, наоборот, пробуждала во всем ее теле бурю различных чувств, острых и сладостных, и дрожь, которую она не могла удержать, покрывала мурашками ее тело, волнами докатывалась до краешков ногтей, до корней волос!.. Ах, почему она была сегодня так мятежна? Что сделали с ней эти годы? О, лишь бы он всегда оставался с ней... Лишь бы он не пресытился...

И она сердилась на свое тело, не бесчувственное, но строптивое, которое не желало проявить покорность в этой упорной интимной борьбе. Жоффрей успокаивал ее. Он не ведал усталости, потому что она была для него дороже жизни, и он каждое мгновение чувствовал, как прилив новой силы, новой любви, которую она ему внушала, пронизывал его, словно копьем, и радость триумфа начинала разливаться по его членам. Ибо сейчас он видел, что она вся охвачена этой сладострастной борьбой, что она целиком отдалась ей, и он без устали продолжал ее. Эти легкие судороги, что пробегали по ее телу, эти нетерпеливые подергивания ее губ и трепет ее груди в момент короткой передышки... И вдруг он услышал, как застучали ее стиснутые зубы — это был знак того, что она выходит из своего одиночества, и тогда он снова повел ее к сияющим берегам, все дальше и дальше от ледяной бездны. И он засмеялся, увидев, как она вдруг поднесла руку ко рту, чтобы приглушить стон. У женщин трогательное целомудрие... В минуту наивысшего исступления малейший шум, шелест, шорох вспугивают их... Женщина боится быть застигнутой врасплох, боится выдать свою беспомощность.

Да, странные, ускользающие, непонятные существа, но какое упоение пленить их, похищать их у них самих, повергать их, изнемогающих от истомы, в чарующую бездну. И то, что он испытывал, держа в объятиях эту женщину, было неопишимо, потому что она во сто крат вознаграждала его за то, чем он мог наделить ее. А Анжелика, уже готовая молить о пощаде и в то же время не желавшая никакого снисхождения, потому что Жоффрей умел целиком завладеть ею и она была беззащитна перед его опытом в любовной науке, отдалась наконец всем своим существом глубокому и могучему порыву любви. Любовь к нему переполняла ее душу, и теперь он требовал, чтобы все, что она сулила ему, было бы воздано. Теперь он уже не щадил ее больше и оба они испытывали одинаково страстное желание достичь поскорее очарованного острова.

Подхваченные сильной, штормовой волной, отрешенные от всего мира, они приступом взяли берега острова и, тесно сплетенные, вместе выбрались на золотой песок; он — неожиданно задорный, в напряжении последнего натиска страсти, она — обессилевшая, утопающая в беспредельном блаженстве, восхитительная...

И, открыв глаза, она удивилась, что нет ни золотого песка, ни голубого моря... Цитера... Остров влюбленных... Его можно отыскать под любыми небесами...

Де Пейрак приподнялся на локте. Анжелика лежала с каким-то отсутствующим, мечтательным выражением лица, и угасающий огонь очага, отражаясь, мерцал под ее полуприкрытыми веками...

Он увидел, как она машинально зализывает тыльную сторону ладони, которую искусала в минуту исступления, и этот животный жест снова взволновал его.

Мужчина хочет сделать из женщины грешницу или ангела. Грешницу — чтобы с ней развлекаться, ангела — чтобы быть им любимым с нерушимой преданностью. Но истинная женщина ломает его планы, ибо для нее нет ни греха, ни святости. Она — Ева.

Он обвил длинные волосы Анжелики вокруг своей шеи и положил руку на ее теплый живот. Может быть, эта ночь принесет новый плод... Если он проявил сегодня неосторожность, он не станет упрекать себя в этом. Да и как можно быть благоразумным, когда речь идет о спасении чего-то главного между двумя сердцами и сама Анжелика срывающимся голосом попросила его об этом.

— Ну так как же индианки? — спросил он шепотом. Она приподнялась, нежно рассмеялась, томным и покорным движением повернула к нему голову:

— Как я могла поверить этой сплетне о вас? Теперь я и сама не понимаю...

— Маленькая глупышка, неужели вас так легко одурачить? Вы совсем истерзались! Неужели вы сомневаетесь в вашей власти надо мной?.. Вы и правда думали, что я соблазнился индианками? Я не отрицаю, эти миниатюрные гибкие женщины могут пользоваться успехом... иногда... Но почему они должны привлекать меня, когда у меня есть вы?.. Черт побери, не принимаете ли вы меня за бога Пана или одного из его аконитов с раздвоенным копытом? Где и когда, по-вашему, я нахожу время, чтобы делить любовь с кем-нибудь, кроме вас?.. Господи, до чего же глупы женщины!..

Было еще очень далеко до рассвета, коща граф де Пейрак тихо поднялся. Он оделся, пристегнул к поясу шпагу, зажег потайной фонарь и, осторожно выйдя из комнаты, прошел через залу в тот угол комнаты, где спал итальянец Поргуани. Немного пошутукавшись с ним, он вернулся в залу, приподнял несколько меховых

полотнищ, за которыми тяжелым сном спали мужчины. Найдя того, кого искал, он легонько потрянул его, чтобы разбудить. Флоримон открыл один глаз и при свете фонаря увидел отца, который дружески улыбался ему.

— Вставай, сын, — сказал граф, — и пойдём со мной. Я хочу научить тебя тому, что называется долгом чести.

Глава 19

Анжелика долго потягивалась, удивленная тем, что день наступил сразу же вслед за вечером. Неужели она проспала так долго?

Какое-то необъяснимое ликование билось в глубине ее затуманенного разума, отяжеляло ее члены.

Потом все постепенно всплыло в ее памяти: были сомнения, страх, черные мысли, тоска, и потом все это исчезло в объятиях Жоффрея де Пейрака. Он не оставил ее бороться с ними одну, он принудил ее прибегнуть к его помощи, и это было восхитительно... У нее болела рука. Она с удивлением осмотрела ее, увидела на ней следы зубов и вспомнила: она кусала ее, чтобы приглушить стоны, которые вырывались у нее в минуты любви.

И тогда, посмеиваясь, она клубочком свернулась под меховым одеялом. Прикорнув в его тепле, она снова и снова вспоминала подробности минувшей ночи — движения, которые в порыве страсти совершает тело, слова, которые почти неслышно произносят в таинственной темноте и от которых потом краснеют...

Что он сказал ей сегодня ночью?.. «Мне хорошо с тобой... Я бы провел так всю жизнь...»

И вспоминая об этом, она улыбалась и гладила рукой пустое место рядом с собой, место, где он лежал.

Вот так пурпурные и золотые ночи расставляют свои вехи в жизни супругов и втайне определяют их судьбу иногда с большей силой, чем шумные события дня.

Когда Анжелика, мучимая угрызениями совести из-за того, что позднее, чем обычно, взялась за домашние дела, вышла в залу, она поняла из разговоров, что граф де Пейрак в сопровождении Флоримона рано утром

покинул форт. Они надели снегоступы и запаслись провизией на довольно долгий путь.

— А он не сказал, куда они пошли? — спросила Анжелика, удивленная решением, о котором он даже намеком не уведомил ее.

Госпожа Жонас покачала головой. Но как ни отнекивалась эта добрая женщина, ссылаясь на незнание, по тому, как она отводила глаза и бросала вопрошающие взгляды на свою племянницу, Анжелика почувствовала, что она подозревает, какова цель этой неожиданной отлучки графа.

Анжелика расспросила синьора Поргуани. Тот был осведомлен не намного больше, чем остальные: граф де Пейрак подошел к нему рано утром и предупредил, что уходит на несколько дней. И это несмотря на суровый мороз.

— А больше он ничего не сказал вам?! — с тревогой воскликнула Анжелика.

— Нет, он только попросил меня одолжить ему мою шапку...

Анжелика побледнела и впилась взглядом в итальянца, потом отошла, прекратив расспросы. Каждый принялся за свое дело, и день потек, как обычно, как любой другой день этой мирной и суровой зимы. Никто больше не говорил о графе де Пейраке.

Глава 20

Погоня, в которую пустились граф де Пейрак и его сын, потребовала от них большого напряжения сил, потому что Пон-Бриан ушел на полдня раньше, а он тоже спешил.

Им пришлось идти и по ночам, идти при сильном морозе, когда воздух обжигал, словно раскаленный металл, и доводил их до удушья. Когда луна поднималась высоко и становилась совсем маленькой, они делали привал, согревались в охотничьей хижине, спали несколько часов и с восходом солнца снова пускались в путь. К счастью, погода была устойчивой.

Звезды на небе блистали как-то особенно ярко, и граф, положившись на свой секстант, дважды отважился сойти со следа того, за кем они гнались, и, идя другой дорогой, срезать путь, отчего они выиграли много часов. Он превосходно знал местность, очень точно описанную его людьми и им самим в прошлом году, наизусть помнил карты, составленные на основе этих данных, держал в памяти все необходимые сведения, касающиеся троп, волоков, доступных проходов как зимой, так и во время распутицы, полученные от индейцев и трапперов. То, что он наизусть помнил это ценное картографическое описание, в создании которого участвовал и Флоримон, умело владеющий пером, кистью и различными измерительными приборами, и объясняло кажущуюся опрометчивость, с которой они, отнюдь не старожилы этой страны, двинулись тем не менее в путь в такое суровое время года. Иначе этот шаг можно было бы расценить как безумие.

Неровный, унылый рельеф обманчивой, спрятанной под однотонным гримом снега и льда местности,

которая таила в себе многочисленные ловушки и столь редко проявляла снисходительность к путникам, был безошибочно запечатлен в памяти графа де Пейрака и его юного сына. И тем не менее Флоримон не на шутку встревожился, когда, сойдя со следа, четко вырисовывавшегося при свете луны и беспрепятственно пересекавшего широкую долину, отец решил сократить путь и пойти через плато, которое, словно волнорез, вклинивалось в эту долину. Конечно, так они избегали долгого обхода, но плато было перерезано глубокими расселинами, скрытыми отягощенными снегом деревьями, и путники рисковали провалиться туда. Однако, когда на рассвете они, спустившись в долину, обнаружили бивуак лейтенанта и гурона, и горячие еще угли костра свидетельствовали о том, что оба они только-только покинули его, Флоримон сдвинул на затылок свою меховую шапку и восхищенно присвистнул.

— А знаешь, отец, были минуты, когда я побаивался, как бы мы ни заблудились.

— Отчего же? Разве ты не сам определил, что здесь проходит более короткий путь? Сын мой, никогда не сомневайся ни в расчетах, ни в звездах... Это, пожалуй, единственное, что никогда не обманывает...

Немного отдохнув, они снова пустились в путь. Они почти не разговаривали, сохраняя силы, необходимые для долгого, напряженного пути, когда с трудом давался каждый шаг. Несмотря на веревочные снегоступы, идти в которых было довольно неудобно, они все равно то и дело глубоко проваливались в мягкий и рыхлый снег. И тогда, высоко поднимая колени, приходилось вытаскивать ноги. Но, делая следующий шаг, они чувствовали, как снег еще больше оседает под их тяжестью. Флоримон ворчал, говорил, что пора бы придумать какой-нибудь иной способ передвижения по снегу. Он видел перед собой крупную

фигуру отца, шедшего уверенным, неутомимым шагом вперед, не обнаруживая ни малейшей усталости, будто жестокая природа, узнавая хозяина, и впрямь расступалась перед ним и склонялась к его ногам. Темный лес, который издали выглядел непроходимым, — вон он, они уже оставили его позади; широкая долина, до которой, казалось, никогда не дойти, — вот она, они пересекают ее, и она уже почти вся за их спиной.

У Флоримона ныли все мускулы. Чуть ли ни каждую минуту ему, чтобы выбраться из сугроба, приходилось подтягиваться, цепляясь за ветки деревьев, и он, всегда считавший себя сильным и выносливым, понял теперь, какие слабые у него руки. А все потому, что он потратил столько времени попусту, зубря иврит и латынь в этом молитвенном притоне в Гарварде. Вот там-то и утратил он всю свою натренированность и сноровку, столь необходимые здесь, в этой заснеженной стране. Он еще оттого так остро переживал свою слабость, что отец его, с легкостью преодолевая раскинувшееся перед ними бескрайнее ледяное пространство, словно рубил морозный воздух, и если прежде Флоримон в своем юношеском высокомерии и сомневался в выносливости графа де Пейрака, то сегодня его сомнения рассеялись.

«Он ведет меня на погибель, — с беспокойством думал юноша. — Если он не сбавит шага, мне придется просить его о пощаде».

Он прикидывал, сколько еще времени сможет, продержавшись на самолюбии, не признаваться в усталости, давал себе отсрочку и сразу повеселел, когда слова графа де Пейрака: «Остановимся на минутку» — прозвучали за несколько секунд до того момента, как он уже готов был рухнуть на колени. И тогда он позволил себе роскошь сказать непринужденным тоном, правда, немного задыхаясь:

— Это так необходимо, отец? Если ты желаешь, я вполне могу пройти... еще немного...

Де Пейрак в знак протеста покачал головой и молча, с какой-то внутренней сосредоточенностью, перевел дыхание; Флоримон постарался сделать то же.

По правде сказать, за все время этой изнурительной гонки граф почти не думал о том, с какой быстротой он идет. Помимо выносливости, которую он и раньше проявлял в многочисленных испытаниях, что выпадали ему в жизни, яростное желание настичь своего соперника очень помогало ему, словно играючи, преодолеть наиболее трудную часть пути.

Образ Анжелики не покидал его. Она воодушевляла его в этой погоне, зажигала в его сердце огонь, который словно согревал его в морозном воздухе. И мысли, что кружились в голове графа, настолько поглощали его, что он пересекал долины и горы, почти не осознавая, что делает. Образ Анжелики не оставлял его ни на мгновение, и он любовался ею, без конца открывая в ней все новое и новое очарование. Едва он покинул свою жену, как она, больше чем когда-либо, завладела им. Едва замерли в его душе приглушенные отзвуки их упоительных ласк, как одно воспоминание о них, одно воспоминание о том, как она спала в то утро, когда он покинул ее морозным рассветом, спала, запрокинув назад голову и смежив глаза, снова пробуждало в нем страсть. Такова была особенность Анжелики — уметь так утолить его страсть, привести его в такое упоение, что стоило ему лишь оторваться от нее, как томительное желание снова быть рядом с нею, любоваться ею, касаться ее, сжимать ее в своих объятиях возвращалось к нему, воспламеняло его кровь. Она каждый раз бывала новой, никогда не обманывала его ожиданий, не пресыщала, не разочаровывала. И каждый раз обладание ею было для Жоффрея де Пейрака словно откровением, каждый раз

оно оставляло в его теле ощущение истинного счастья. И чем чаще он наслаждался ею ночами, тем меньше мог обходиться он без этой упоительной радости. Чем чаще он имел возможность наблюдать ее в повседневной жизни форта, где все они были как на ладони и он постоянно видел ее занятой делом, тем больше проявлялась сила ее влияния на него, тем больше покоряла она его обаянием своей личности. И это подчас удивляло его, ибо, когда он встретился с ней после долгих лет разлуки, он почти был готов к тому, что она разочарует его.

Разве все это не вызывало смутного беспокойства, не давало повода задуматься, в чем же тайна такого могущества?.. Какое скрытое коварство, какие дары фей, полученные ею еще в колыбели, какие свойства, приобретенные с помощью колдовства, о которых он еще не догадывается даже, заключены в ней?

Вот такая мысль пришла ему в голову прежде всего, ибо, как и всех людей его времени, его искушало непреодолимое желание приписать чуду то, что покрыто тайной, что вызывает удивление.

Стоило ей ступить на землю Америки, как все странное и необычное, что произошло здесь, было приписано ее появлению. Канадцы увидели в ней воплощение Демона Акадии, и это устрашало их: вот женщина, которая пришла в их страну, чтобы погубить ее...

О чем говорить, ясно же, никакой она не демон, и Жоффрей де Пейрак очень хотел бы во всеуслышание опровергнуть это, но и он вынужден был признать, что Анжелика, та новая Анжелика, которую он вновь обрел после долгих лет разлуки, обладает какой-то сверхъестественной властью над людьми.

И то, что произошло здесь с ее приездом, не должно удивлять его. Ведь и сам он допускал, трезво глядя в лицо действительности, что в этих пустынных краях,

где с особой остротой воспринимается все непривычное, даже если это простые и естественные явления, женщина, одаренная такой исключительной красотой, не может не вызвать тревогу, подозрение, не может не стать легендой, еще одним необъяснимым чудом в этой стране миражей, где несть числа невероятным явлениям. А ведь сколько их: потрескивающие искры, происхождение которых невозможно объяснить, пробегающие по телу и одежде и вызывающие болезненные уколы; разноцветные занавеси, раскрывающиеся в небе огнем неопишуемой красоты; солнце, вдруг погрузившееся во мрак и пребывающее там долгие часы, чтобы потом, на мгновение выйдя оттуда, сразу же скатиться за горизонт...

Канадцы считали, что в этот момент по небу плывут объятые пламенем лодки, везущие души мертвецов, трапперов или миссионеров, замученных ирокезами; англичане — что это планета, возвещающая великие кары их грешникам, и тут же принимались поститься и молиться...

На этом жестоком, суровом континенте, где смотрят на вещи просто и грубо, появление Анжелики, ее словно излучающая сияние красота неизбежно вызвали бурю страстей. «Да, это естественно, — говорил он себе, — что с того момента, как она здесь, о ней говорят, говорят повсюду, от Новой Англии до Квебека, от Великих озер запада до островов в дельте реки Святого Лаврентия на востоке и даже — наверно, почему бы и нет? — от Долины могавков, среди ирокезов, до покрытых льдом берегов залива Сен-Жам». Но если он понимал причины этого всеобщего волнения, то он не мог не осознавать и его опасности. Итак, к трудностям его начинаний в Новом Свете прибавится теперь и этот конфликт, конфликт, в центре которого находится Анжелика.

И с чуткостью любящего сердца он тотчас понял, что приход Пон-Бриана в Вапассу есть результат заговора, может быть еще не оформившегося окончательно, но заговора, который куда опаснее, чем страстная любовь лейтенанта к Анжелике. Пон-Бриан, рискнувший на безумный шаг в надежде на удачу, — это всего лишь разведка перед битвой, преддверие чего-то более значительного, более враждебного, что, обрушиваясь на его жену из-за того, что она окружена ореолом необычности, ищет возможности сокрушить его, да, сокрушить его через нее.

Привезя ее сюда, он поставил ее под вражеские стрелы. Он показал ее миру, который, видно, не готов для такого откровения и приложит все силы, чтобы изничтожить ее любой ценой.

С того момента, когда он, взяв ее за руку, сказал людям, собравшимся на берегу Голдсборо: «Я представляю вам свою жену, графиню де Пейрак», — он заставил ее выйти из тени, где она с хитростью маленького преследуемого зверька пыталась затаиться, он снова выставил ее на обозрение, и взгляды, которые она притягивала, могли быть лишь взглядами либо любви, либо ненависти, ибо она никого не оставляла равнодушным.

Де Пейрак ловил себя на том, что смотрит на окружающее его белое безмолвие, на безлюдную заснеженную пустыню так, словно уже видит перед собой сборище врагов. Он еще не может различить их лица, но догадывается — ему нечего ждать пощады. Тем, что он ринулся в погоню за Пон-Брианом, он дал завлечь себя во вражескую ловушку, он сделал именно то, чего они ждали от него, но ничто уже не могло его удержать сейчас, потому что в истоках этой вражды была женщина, которая принадлежала ему по неотъемлемому праву, женщина, о которой он один знал, какая она хрупкая, нежная, как нуждается она в

защите, женщина, которую он должен защищать яростно и неотступно...

— Отец! Отец!

— Что случилось?..

— Ничего, — ответил Флоримон, вконец изнемогший от усталости.

Увидев повернутое к нему лицо графа и острый взгляд, полоснувший его, словно наточенное лезвие, бедный юноша не нашел в себе мужества признаться, что у него нет больше сил идти. Отец был единственным существом на свете, перед которым он иногда робел. И в то же время он не мог не восхищаться этим мужественным человеком с посеребренными висками, с отмеченным шрамами волевым лицом, фигура которого вырисовывалась сейчас на фоне темного, серо-золотого от заката, облачного неба; человеком, которого он отправился искать за океаном и который не разочаровал его. Да, он восхищался своим отцом.

Граф де Пейрак продолжал шагать, будто не замечая тяжести пути. Его тело, приученное переносить и не такую усталость, размеренно двигалось как бы само собой, а думы вновь и вновь возвращались все к тому же: кто же эти «они», которые, судя по всему, хотят сокрушить их?

Пока еще он не знал, что лежит в основе этого темного заговора: чьи-то материальные или, наоборот, духовные интересы; куда уходят его корни — в защиту какой-то идеи, какой-то мистической веры или каких-то меркантильных счетов; кто стоит за ним — возбужденная толпа или один человек, который, возможно, олицетворяет собою всех?

Как бы там ни было, достоверно одно: появление Анжелики, прибавив сил ему, всколыхнуло и силы неведомых ему противников, вызвало к жизни какие-то губительные силы, которые обычно до времени

дремлют в сонном оцепенении, пока чье-то неожиданное вмешательство не пробудит их, и тогда они проявляют себя во всей своей жестокости.

Выходит, Анжелика, такая красивая, полная жизненных сил, и пробудила это чудовище?

Он остановился. Флоримон воспользовался этим, чтобы перевести дух, обтереть лицо. Нахмутив брови, де Пейрак обдумывал мысль, которая только что пришла ему в голову: Анжелика, приступом взяв Новый Свет, послужила причиной того, что у него появился какой-то очень могущественный враг.

— Ну что ж, хорошо, — пробормотал он сквозь зубы.
— Посмотрим.

Но слова эти застыли на его губах, потому что, окоченевшие от холода, они едва шевелились.

Глава 21

Вечером они набрали еще на один шалаш, в котором останавливался Пон-Бриан. Под густыми, поникшими под тяжестью снега ветками сосны, защищенной пышными сугробами, на слегка влажной земле, покрытой сухим мхом и сосновыми иглами, сохранился черный след от костра. Вокруг него толстым ковром был набросан лапник. Несколько срубленных веток, добавленные к тем, что образовывали естественный свод над убежищем, создавали плотную крышу, почти наглухо закрывавшую выход дыму от костра, который они разожгли, и де Пейрак расширил ножом отверстие в ней. Флоримон в это время корчился на земле, задыхаясь и кашляя, и по лицу его катились слезы. Да, далеко ему было до индейцев, у которых глаза привыкли к едкому дыму, ведь он окружает их постоянно, даже летом, когда им приходится дымом костров защищаться от мошкары и комаров. Но через некоторое время огонь костра в этом почти целиком созданном природой шалаше, который подарил им лес, стал ярким и высоким. Ветки сосны были надежно защищены от огня снегом, что лежал на них, и только вокруг дыры для притока воздуха, которую временами лизали языки пламени, иглы покраснели и потрескивали, наполняя шалаш благовонным ароматом. Места здесь было как раз столько, чтобы сидеть вдвоем, протянув ноги к огню, или лежать, согнувшись и положив голову на мешок, по обеим сторонам от костра. Довольно быстро по шалашу разлилось приятное тепло и Флоримон перестал стучать зубами, ворчать и сморкаться. Его руки и ноги постепенно отходили в тепле, и это доставляло бедняге сильные страдания, но он даже не поморщился, ибо, хотя ему

было очень больно, он понимал, что не пристало стонать трапперу, который должен быть готов к тому, что в один прекрасный день его могут подвергнуть пыткам ирокезы. Граф поставил на угли маленький чугунок, наполненный снегом. Вода быстро закипела. Засыпав туда ягоды шиповника, он добавил добрую порцию рома — он привык к нему на Карибском море и теперь предпочитал его водке — и несколько кусков тростникового сахара. От одного запаха горячего питья Флоримон ожил, а выпив, почувствовал себя наверху блаженства. Молча отец и сын съели кусок маисовой лепешки и — о, какое пиршество! — ломти сала и копченого мяса, потом пожевали сушеные ягоды, те самые кисловатые ягоды, которые Анжелика иногда раздавала всем с такой торжественностью, словно это были самородки золота.

Иногда тяжелые капли с приглушенным шумом падали на их плотные одежды — это потихоньку оттаивали в тепле обледенелые сосновые иглы.

Поскольку хранить дрова в шалаше было негде, а огонь приходилось поддерживать непрерывно, Флоримон то и дело выходил нарубить своим топориком веток и возвращался с полной охапкой.

В последнее время, когда Флоримон размышлял об отце, он не мог не признаться, что тогда, когда он жил в Париже на улице Ботрейн и, слушая рассказы старого Паскалу об отце, буквально бредил им, отец или, вернее, тот образ, который мальчик создал в своем воображении, казался ему более близким, чем теперь, когда отец был рядом с ним, во плоти и крови. Их встреча — а она произошла три года тому назад — была похожа скорее на сон. Флоримону, когда он отправился на поиски отца, было четырнадцать лет. Он начинал испытывать потребность в наставнике, за которым мог бы следовать с доверием. И когда он обнаружил, что кредо тех, кто был предназначен ему в учителя, —

софизм, подлость, казуистика, невежество и суеверие, он от них сбежал. Он нашел отца — моряка, знатного сеньора и ученого — в Новой Англии, нашел, горя желанием, чтобы тот передал ему свои знания, к которым он стремился, не говоря уже о том, что его сердце взывало к отцовской любви. Когда иезуиты в коллеже неподалеку от Парижа, пансионером которого он был некоторое время, более чем холодно принимали головокружительные идеи сударя Флоримона, он, утешая себя, думал: «Мой отец настоящий ученый, нето что все эти...глупцы, которые по уши погрязли в своей схоластике...» И если теперь случалось, что он терялся и немел перед отцом, живым отцом — и это он, Флоримон, который фамильярно беседовал с самим Людовиком XIV и свысока отзывался о своих столь выдающихся учителях, — то лишь потому, что он поистине был покорен яркой личностью графа де Пейрака и с каждым днем открывал в нем все больше и больше учености, опыта и даже незаурядной физической силы.

Жоффрей де Пейрак чувствовал, что сын скорее видит в нем учителя, чем отца. Когда он приглядывался к Флоримону, ему казалось, будто он в зеркале — а зеркало никогда не лжет — видит собственную юность. Он узнавал в нем тот же восхитительный эгоизм человека, влюбленного в Науку и в Приключения, которым был заражен сам и который заставляет забывать обо всем, что не служит удовлетворению этой всепожирающей страсти. Он вспоминал, как сам он пятнадцатилетним юнцом, хромя и навлекая на себя насмешки и издевательства своим увечьем и ковыляющей походкой, ушел из дому, чтобы побродить по свету. Разве задумался он тогда хоть на миг о своей матери, что стояла за его спиной и смотрела вслед ему, единственному своему сыну, которого она вырвала из лап смерти?..

Флоримон был похож на него. Он обладал той же непринужденностью чувств. Она, должно быть, поможет ему достичь целей, которые он поставит перед собой, не даст отклониться в сторону. По-настоящему его можно было бы смертельно ранить, только отказав ему в стремлении утолить жажду знаний. Он гораздо больше стремился удовлетворить свой ум, чем потешить сердце.

Задумываясь над характером сына, де Пейрак частенько думал, что, став взрослым мужчиной и окончательно отдалившись от своей семьи, Флоримон, пожалуй, может проявить себя бесчувственным и даже жестоким. С тем большей надменностью, что ему не придется преодолевать трудностей, которые выпали на долю отца из-за его физических недостатков. Его красота многое облегчит ему...

— Отец, — сказал Флоримон вполголоса, — а знаешь, ты гораздо сильнее меня. Откуда у тебя такая выносливость?

— От долгой жизни, сын мой, от долгой и трудной жизни, она не давала моим мускулам ослабнуть.

— Вот где кроется мое несчастье! — воскликнул Флоримон. — Разве можно было натренировать свое тело в этом Бостоне, где мы только тем и занимались, что сидели над ивритом?

— Уж не сожалеешь ли ты о том, что провел там несколько месяцев и кое-чему научился?

— По правде сказать, нет. Я смог прочесть Экзод в подлиннике и добился больших успехов в греческом, изучая Платона.

— Вот и великолепно! В пансионе жизни, который я открываю для вас, тебя и Кантора, вы получите возможность укрепить свое тело так же, как и свой ум. Сегодня ты, кажется, недоволен тем, что мы шли недостаточно быстро?

— О нет! — вскричал Флоримон, который чувствовал разбитость во всем теле.

Граф растянулся напротив сына, с другой стороны костра, положив голову на свой заплечный мешок. Лес окружал их морозной тишиной, прерываемой лишь какими-то бесконечными потрескиваниями, природу которых они не могли объяснить и которые то и дело заставляли их вздрагивать.

— Ты гораздо сильнее меня, отец, — повторил Флоримон. Трудный поход послужил хорошим уроком для этого удачливого, тщеславного юноши.

— Не во всем, мой мальчик. Твое сердце свободно, спокойно. Твоя юношеская холодность защищает тебя, словно доспехи, и она-то поможет тебе предпринять и одолеть то, за что я лично уже не могу взяться, ибо мое сердце принадлежит не только мне.

— Значит, любовь ослабляет сердце? — спросил Флоримон.

— Нет, но ответственность за жизнь и счастье других очень мешает свободе или, вернее, тому, что мы называем свободой на заре нашей жизни. Видишь ли, любовь, как всякое новое познание, обогащает, но в Библии сказано: «Умножать свои познания — значит умножать свои трудности». Не стремись нетерпеливо владеть всем, Флоримон. Но и не отказывайся ни от чего, что может преподнести тебе жизнь, из страха, что это доставит тебе страдания. Стремиться владеть всем сразу — безумие. Игра жизни состоит в том, что каждый возраст имеет свои привилегии. Юность свободна, пусть, но человек зрелый способен любить, а это ни с чем не сравнимое чувство.

— Как ты думаешь, я познаю эту радость?

— Какую радость?

— Любовь, о которой ты говоришь.

— Ее надо заслужить, мой мальчик, и за нее надо расплачиваться.

— Я догадываюсь об этом... Она даже заставляет расплачиваться других, — сказал Флоримон, растирая ноющие икры.

Граф де Пейрак от души расхохотался. С Флоримоном они всегда понимали друг друга с полуслова. Флоримон тоже засмеялся и бросил на отца понимающий взгляд.

— А ты, отец, повеселел, с тех пор как наша мать с нами.

— Ты тоже, сын, ты тоже повеселел.

Они помолчали, думая о чем-то неопределенном, в чем проскальзывало лицо Анжелики и что понемногу выкристаллизовалось в мысли о человеке, который вкрался в их дом, как волк, чтобы оскорбить их, и которого они теперь преследовали.

— А знаешь, отец, кого напоминает мне этот лейтенант Пон-Бриан? — вдруг сказал Флоримон. — Он, конечно, немного невоспитаннее, менее вульгарен, и все-таки он из той же породы. Это ужасно, но он напоминает мне капитана Монтадура.

— А кто такой этот капитан Монтадур?

— Так... одна гнусная свинья... По приказу короля он со своими солдатами охранял наш замок и уже одними своими взглядами оскорблял мою мать. Сколько раз у меня появлялось желание проткнуть ему брюхо! Но я был тогда очень мал и ничего не мог сделать, чтобы защитить ее. А их было слишком много, этих солдафонов, и они были сильны... Сам король желал гибели моей матери, ждал, когда она сложит оружие...

Он замолчал и натянул на себя свой тяжелый короткий плащ, подбитый волчьим мехом, которым он прикрылся за неимением одеяла. Он долго молчал, и Жоффрей де Пейрак подумал, что он уснул, но юноша вдруг снова заговорил:

— Ты сказал, что мое сердце еще свободно и спокойно, что я холоден ко всему, но здесь ты

ошибаешься, отец.

— Правда?.. Неужели ты влюблен?

— Это не то, что ты думаешь. Но в моем сердце давно уже кровоточит рана, она часто не дает мне покоя, меня терзает глубокая ненависть. Потому что я любил. И я ненавижу! Ненавижу людей, которые убили моего маленького братика Шарля-Анри. Его я любил...

Он оперся на локоть, и свет пламени упал на его склоненное лицо. Глаза юноши горели лихорадочным блеском.

«А ведь я ошибался в нем, — подумал граф, — его сердце трепещет».

Флоримон снова заговорил:

— Это был мой единоутробный брат, сын моей матери и маршала дю Плесси-Белльера.

— Я знаю.

— Он был прелестный малыш. Я уверен, что Монтадур задушил его собственными руками, чтобы отомстить моей матери за то, что она отвергала его. Да, Монтадур походил на этого самовлюбленного Пон-Бриана, который так недавно щеголял перед нами своей безукоризненной выправкой и жизнерадостной улыбкой... В нем то же самое фанфаронство!.. Когда я думаю о Монтадуре, я начинаю ненавидеть всех французов, наемников и бандитов, и их наглые улыбки. Но ведь и сам я тоже француз. Иногда я обвиняю мать, которая не разрешила мне посадить с собой в седло Шарля-Анри и увезти: я бы спас его. Хотя, правда, он был так мал. Сумел бы я защитить его от всех и вся? Когда я вновь размышляю об этом теперь, я понимаю, конечно — хотя в тот момент об этом не думал, — что и сам был тогда всего лишь ребенком... безоружным ребенком... несмотря на свою шпагу. А моя мать была еще более беззащитна. Я ничего не мог сделать, чтобы защитить ее, избавить от подлых мучителей. Я мог только отправиться на твои поиски. Теперь я нашел

тебя и вдвоем мы сильны, ты, ее муж, и я, ее сын. Но слишком поздно, они успели совершить свое гнусное дело. Ничто не сможет вернуть к жизни маленького Шарля-Анри...

— Наступит день, когда он в какой-то мере воскреснет для тебя.

— Что ты хочешь сказать?

— День, когда родится твой собственный сын.

Флоримон с удивлением уставился на отца, потом вздохнул.

— Да ведь и впрямь! Хорошо, что ты сказал мне это, отец, спасибо!

Он закрыл глаза. Вид у него был очень усталый. Все это время, что он предавался воспоминаниям, он говорил короткими, неторопливыми фразами, словно бы постепенно раскрывал истины, которые еще не были до конца ясны ему самому. А для графа его рассказ был уголком таинственного покрывала, который приподнимался над не знакомой ему горестной жизнью Анжелики, что она вела вдали от него. Сама Анжелика никогда не рассказывала ему о маленьком Шарле-Анри. Верно, из чувства такта по отношению к нему, а может быть, и из чувства страха... Но разве сердце матери кровоточило меньше, чем сердце Флоримона?..

Стыд, горе, бессилие огнем жгли сердце юноши, и Жоффрей де Пейрак почувствовал, что сейчас оба они, отец и сын, испытывают одинаковый гнев оскорбленного мужчины, гнев, который жил в его душе с того самого момента, как он покинул форт Вапассу, отправившись в погоню за Пон-Брианом.

Гнев этого юноши был в чем-то сродни раненой любви его отца и погружал в те же самые старые и жгучие источники прошлого, в которые оба они, он, взрослый мужчина, и этот юноша, почти подросток, были низвергнуты, преданы и побеждены. Он склонился к сыну, чтобы облегчить ту непереносимую тяжесть,

которая давила ему на сердце, отвратить его от горечи и побудить к действию.

— Не всегда можно избежать в жизни жестоких испытаний и поражений, мой мальчик, — сказал он ему. — Но колесо судьбы крутится. Теперь, как ты только что сказал, мы вдвоем, мы вместе и мы сильны. Теперь и для тебя и для меня наконец пришло время отомстить, сын... Теперь мы можем наконец ответить на оскорбление, защитить слабых, вернуть полученные удары. Завтра, убив этого человека, мы отомстим за Шарля-Анри, мы отомстим за поруганную честь твоей матери. Завтра, убив его, мы убьем Монтадура...

Глава 22

Они встретились неподалеку от озера Мегантик. В эти зимние дни мертвые деревья над замерзшей гладью озера были словно кристаллические колонны. Обледеневшие великаны одни населяли царство озер, рек, ручейков и болот, которые снег скрыл под обманчивым девственно-белым бархатным покрывалом. Любой человеческий крик затерялся бы здесь, потому что его тотчас поглотило бы бесконечное пространство равнодушной долины.

Летом и осенью из этого водного царства снова устремятся к югу, в Новую Англию, канадские джентльмены и их союзники-индейцы, чтобы собрать там «урожай» скальпов и тем самым заработать отпущение грехов, спасти свои души и свою торговлю пролитой кровью еретиков. Темная и прозрачная водная дорога реки Шодьер быстро и легко приведет их сюда. Прежде чем перебраться на другую сторону хребта, они остановятся здесь и помолятся, и вместе со своими священниками споют религиозные гимны, собравшись вокруг огромных костров.

Когда лейтенант Пон-Бриан с высоты скалы увидел окрестности Мегантика и их бледное сверкающее уныние — такой привычный для канадца пейзаж! — тиски, что сжимали его сердце, разжались и он вздохнул свободнее. Теперь его страна, его земля Канада близко. Но здесь все будоражило его память, здесь совсем недавно он проходил с графом де Ломени, когда они возвращались из этой проклятой, погубившей его экспедиции в форт Катарунк.

«Да, погубившей», — настойчиво твердил он себе, потому что именно тогда, после встречи с людьми из Катарунка, его сердце навсегда лишилось покоя.

Но ни за что на свете он не согласился бы, чтобы той встречи не было. Чувство, которое он питал с тех пор к этой женщине, ставшей для него единственной в мире, безмерно обогатило его жизнь, и мысль, что отныне он лишился ее навсегда, убивала его. Как же жить дальше, если больше не грезить о ней, не сравнивать ее с другими, дабы полнее наслаждаться ее сиянием, мысленно созерцать ее, боготворить ее! Все, что случилось с ним, — поистине необъяснимое безумие, но оно все это время поддерживало в нем жизнь. Да, именно поддерживало, потому что без нее жизнь теряла для него свою привлекательность. За последние месяцы он в мыслях своих слишком тесно связал ее судьбу со своей. «Я вернусь! — воскликнул он в отчаянии. — Нет, я не смогу отказаться от нее никогда... никогда... Я хочу только ее... Я не должен умереть, пока она не станет моей... И если она не была предназначена мне, зачем же тогда повстречалась она на моем пути?..» И он без конца повторял себе, что ее тело словно сладкий, вкусный плод, что все ее существо пропитано необыкновенно лакомым соком. Он беспрестанно предавался воспоминаниям, и не столько о том мгновении, когда силой приник к ее устам — этого сейчас он стыдился, — сколько о том, как, придя в себя, он увидел, что голова его покоится у нее на коленях, и ощутил тепло ее груди. Но еще сильнее волновало его, то совсем лишая сил, то возбуждая, сострадательное внимание, которое он прочел тогда в ее взгляде.

Он словно снова видел этот взгляд, уже не суровый, а нежный и проникновенный. В нем он прочел себе прощение, под ним он почувствовал себя недостойным. Но именно этот ее взгляд и волнующий голос облегчили ему душу.

«Ну, так что же все-таки произошло?.. Доверьтесь мне...»

Да, конечно, она права. Он сам понял это в тот момент, когда она посмотрела на него своими чудесными глазами, которые в то же время, казалось, вглядываются во что-то поверх него. Вот они-то и сумели уловить, что вокруг него происходит нечто неестественное. Именно тогда ему и открылась наконец истина: он — жертва всепоглощающего желания, оно постепенно, словно яд, проникало в его душу, и сам он излечиться не сможет. Впрочем, все это было predetermined заранее. Зло свершилось. Он сыграл отведенную ему роль, но своей цели не достиг и теперь будет выброшен из игры и предан забвению.

Он прошел несколько шагов, чтобы хоть на мгновение вытряхнуть из головы свои навязчивые мысли, но очень скоро они вновь вернулись к нему, и он, сопровождаемый ими, продолжал свой путь.

Теперь Анжелика как бы утратила свой зримый облик, ее образ уже не стоял перед мысленным взором Пон-Бриана, скорее, он просто ощущал в душе своей, что она здесь, рядом с ним, но уже не женщина, а фея, эфемерная, но полная дружеского внимания к нему, сострадающая его скорби, и он иногда обращался к ней вполголоса:

«Вот вы, сударыня... Вы, наверно, могли бы спасти меня от того, кто наставляет и порабощает меня. Вы, наверно, могли бы помочь мне избавиться от него... Впрочем, увы, нет! Это невозможно. Он сильнее вас... Он обладает сознанием Силы... мы никогда не сумеем одолеть его, не правда ли? Он сильнее всех».

Порой ему чудилось, будто он различает складки платья Анжелики между голубоватыми от изморози ветвями деревьев. Но он приближался, и эти туманные, неопределенные тени рассеивались. И только одно преследовало его неотступно: взгляд, устремленный прямо на него. Но то не был взгляд любимой им женщины. То был взгляд синих глаз, казалось бы,

мягкий и улыбчивый, но на самом деле беспощадный. И голос, который он отчетливо слышал, голос мужчины, звучал страстно, убежденно: «Эта женщина будет вашей...». Пон-Бриан вдруг разразился пронзительным смехом, и он прокатился по оцепеневшему от мороза лесу, по долинам, занесенным белыми сугробами, и шедший рядом гурон покосился на лейтенанта своими черными блестящими глазами. Лейтенант с ухмылкой вполголоса разговаривал сам с собой.

«Нет, эта женщина никогда не будет моей, святой отец... и вы это знали, когда посылали меня туда, ведь вы знаете все... Святой отец! Я не жалею, она стоит того, чтобы ради нее пойти на любое безумие, разве не так? Но вы-то преследовали иную цель, вы тем самым хотели поразить того, кого вы жаждете сокрушить! Вы хотели поразить в самое сердце де Пейрака!»

И он вдруг воззвал к этому синему взгляду: «Но почему вы, святой отец? И почему я?».

Он еще долго продолжал что-то бормотать сквозь зубы, продвигаясь вперед на своих снегоступах тяжелым, размеренным шагом.

Но не только эти мысли преследовали его: в глубине его души таился страх, который гнал его вперед, не давая ему ни минуты передышки. Как он ни старался, он не мог убедить себя, что граф де Пейрак не станет догонять его, что он не осмелится пуститься в путь через всю страну в такое время года, ведь для этого нужно немало побродить по этим местам, как побродил он, Пон-Бриан. Он интуитивно чувствовал, что граф де Пейрак способен на все, и словно бы уже видел его каким-то магическим образом слившимся со стихией, видел его высокую черную фигуру, идущую быстрым шагом там, где обыкновенный человек заранее обречен на гибель.

Как можно было настолько потерять разум, настолько заблудиться, чтобы осмелиться бросить

вызов такому человеку, как граф де Пейрак! Право, он просто лишился рассудка...

И вот он наконец достиг границ Мэна и теперь созерцал пустынные окрестности озера Мегантик. Еще целую долгую неделю, а то и две придется идти ему, прежде чем он доберется до своего форта, будет в безопасности, у своих!.. И облегчение, которое он почувствовал, выйдя за пределы Мэна, как бы свидетельствовало о том, что он признавал все земли, оставшиеся за его спиной, по ту сторону Аппалачского плато, уже принадлежащими тому, кто сказал: «Мэн будет моим королевством». Он признавал, что та граница, которой он достиг сейчас, и есть граница владений графа де Пейрака. Теперь он не возражал, пусть эти спорные земли останутся под властью завоевателя, который нарушил их девственные леса, верхом на лошади добрался до их сердца, до неизведанных озер, и там обосновался, чтобы установить свой закон и утвердить свой успех. Форт Вапассу, спрятанный в глубине черных скал, — словно военный корабль, что бросил там свой якорь. Якорь уже накрепко врос в почву. Легко его не выдернешь. И тот, кто его бросил, оказался там не случайно, он знал, что делает, к чему стремится. Теперь Пон-Бриан прекрасно осознавал это, и в течение всего пути он не смог отвлечься от ощущения, что, только добравшись до озера Мегантик, он избавится от де Пейрака, ибо будет уже за пределами его владений. И вот он здесь.

Еще несколько шагов, и он углубится в сверкающий туман долины, затеряется среди белых призраков, скроется, исчезнет, и де Пейрак уже не сможет догнать его. Все еще не сбавляя шага, он достигнет берега Святого Лаврентия, минует на пути деревянный форт, потом несколько деревень с каменными домами, раскинувшимися вокруг высокой колокольни, потом доберется до солидной фермы и остановится там, чтобы

съесть около очага изрядную порцию соленой свинины, политую обжигающим растопленным салом. Только там он почувствует себя в безопасности, там — Канада.

Но тогда он лишится самого дорогого, что есть у него, — своей мечты, разодранной, раздерганной ветвями мертвых деревьев, мечты, искромсанной на мелкие куски, которые остались лежать на белой равнине вдоль всего его следа...

Он вздрогнул, в ярости отряхнулся, разбрасывая вокруг себя снег, словно американский лось, которого собственная тяжесть окунула в сугроб, и он безуспешно пытается выбраться оттуда. Теперь он цеплялся за эту прозаическую мечту: посидеть у жаркого огня, держа на коленях вырезанную из вяза деревянную миску, наполненную солониной. Но после того, что он пережил в Вапассу, эта сцена приобретала привкус желчи. Ведь в Вапассу он тоже сидел у очага перед миской с горячим вкусным супом, с чаркой водки в руке, но там совсем рядом, в нескольких шагах от него, склонившаяся над очагом, с крепкими руками, была она, и он насыщался одним ее видом; от ее присутствия и огонь горел ярче, и пища казалась вкуснее, и на какое-то мгновение — он никогда не забудет этого — он ощутил полное счастье.

Он тяжело спустился с холма, склон которого, без единого кустика, был покрыт ледяной коркой. Каждый шаг все больше и больше отдалял его от несбыточных надежд, и, не имея сил ни отказаться от них, ни взвалить на свои плечи груз возмездия, он почувствовал себя несчастнейшим из людей. Когда он проходил по ложине, выводившей к берегу озера, индеец тронул его за руку и показал ему на что-то наверху, над ними, у спуска в ложину. Пон-Бриан разглядел какие-то темные силуэты, неожиданно оживившие пейзаж, пребывавший дотоле в ледяной неподвижности, и это бросило его в дрожь. Ведь столько времени ничто не шевелилось

вокруг них, и вот ритм нарушен. Это «что-то» сразу показалось ему враждебным.

— Медведи? — пробормотал он.

И тут же сам пожал плечами, сообразив, какую глупость он сказал. Зимой медведи спят. Да и из тех зверей, которые не спят, он не встретил ни единого за все время пути. В самые холодные зимние месяцы волк, лиса и олень-карибу так затаиваются, что кажется, будто они исчезли навсегда, будто они решили уступить свою власть в этих лесах и горах суровой зиме.

— Индейцы?..

Но что делать здесь индейцам зимой? Они тоже не вылезают из своих хижин из коры и гложут там скудные запасы провизии. Еще не наступило время, когда голод бросит их на замерзшие звериные следы, чтобы любой ценой отыскать по ним оленя и, поймав эту редкую и тощую добычу, спасти свою жалкую жизнь.

— И все же это люди, — громко сказал Пон-Бриан.

Белые!.. Трапперы! И вдруг он закрыл глаза и замер, слушая, как во всем его существе гулко отдается тяжелый удар судьбы. Он уже знал, кто приближается к ним.

Глубокий вздох вырвался из его груди, образуя около рта облачко белесого пара, который медленно поднялся в морозном воздухе, как если бы его покидала уже лишенная земной оболочки душа.

Судорога страха пробежала по его телу от головы до пят. Потом он взял себя в руки. До чего он дошел, он, воин, который видел в своей жизни лишь сражения и смерти на дорогах!

Он выпрямился в полный рост и невозмутимо, с блуждающей на губах улыбкой посмотрел на графа де Пейрака и его сына, которые уже подходили к нему.

Глава 23

Он смотрел, как они приближаются к нему, две темные, такие неожиданные здесь фигуры, вырисовывающиеся на белом саване долины, и его взгляд был прикован не столько к графу де Пейраку, сколько к шедшему следом за ним его юному сыну.

В Вапассу он почти не обратил на него внимания. Теперь же он заметил, что юноша — точная копия человека, который его породил, но в то же время в его лице, особенно в выражении лица, может быть, в улыбке было что-то, неизбежно вызывавшее в памяти образ Анжелики. И, видя в этом двойном сходстве неопровержимое доказательство того, что женщина, о которой он грезит, принадлежит другому, что она связана с этим другим и с этим мальчиком узами, о крепости которых он, Пон-Бриан, никогда не догадался бы сам, он вдруг понял безмерную глубину своего одиночества. Ростом юноша еще не догнал отца, но в его движениях уже чувствовалась какая-то затаенная и бесшабашная сила, которая внушала опасение, а крепко сжатые ярко-красные губы, алеющие под меховым капюшоном, словно отражали его разумную волю. Да, этого юношу так легко не смутишь.

Они идут к нему, чтобы убить его. Они его убьют!

Пон-Бриан подумал о сыне: у него никогда не будет сына. Впрочем, может, он и был, но лейтенанта никогда не интересовало его возможное отцовство. Мрачная ярость поднялась в нем и помогла ему возненавидеть человека, который приближался к нему, чтобы потребовать удовлетворения, и который имеет все, чего не имеет он, Пон-Бриан, — жену, сыновей. Он уже готов был вскинуть поскорее свой мушкет и выстрелить, чтобы убить их обоих, но тут же с презрением к себе

подумал, что такая мысль недостойна дворянина. К тому же он прекрасно видел, что граф не спускает с него глаз и сумеет в таком случае выстрелить раньше него — ведь слава о графе как о грозном стрелке уже докатилась до Канады.

«Пусть бы он лучше плавал по своим морям, этот де Пейрак!» — подумал Пон-Бриан, который готов был отдать все, чем владел, лишь бы избежать этой встречи. Личность де Пейрака с первого дня, как он увидел его, вызвала в нем огромную тревогу. Пон-Бриан даже рассердился тогда на графа де Ломени за то, что тот столь быстро воспытал симпатией к этому беспокойному незнакомцу. Уж не предчувствовал ли он, что ему предстоит умереть от его руки? Если бы он тогда пожелал заглянуть в собственную душу, он понял бы, что страдает главным образом оттого, что осознает, насколько де Пейрак выше его.

Они смотрели друг на друга в молчании, стоя в нескольких шагах один от другого. Пон-Бриан не проявил ни малейшего удивления, не задал ни единого вопроса. Он счел бы себя достойным презрения, если бы стал разыгрывать подобную комедию.

— Сударь, — сказал граф де Пейрак, — вы знаете, зачем я здесь?..

И так как лейтенант оставался бесстрастным, продолжил:

— Вы попытались отнять у меня жену, и я пришел потребовать от вас удовлетворения. Оскорблен я. За мной право выбрать оружие.

Лейтенант процедил сквозь зубы:

— Так каков ваш выбор?

— Шпага. Вы же дворянин...

— Я не ношу шпаги.

— Вот, возьмите...

Пейрак бросил ему шпагу, которую одолжил ему Поргуани, и вытащил из ножен свою.

— Здесь место, пожалуй, не очень подходящее для дуэли, — продолжал он, оглядываясь по сторонам. — Снег мягкий и очень глубокий. Без снегоступов шагу не сделаешь, чтобы не провалиться. Давайте-ка пройдем на берег озера, там есть места, покрытые твердым настом. Во время дуэли мой сын будет неусыпно следить за вашим индейцем, ведь гурон не знает нашего кодекса чести и может, бросившись вам на помощь, напасть на меня сзади. Поэтому предупредите его, что малейшее движение — и мой сын убьет его без всякого сожаления.

Они нашли на берегу озера место, покрытое шероховатой коркой обледенелого снега, который потрескивал у них под ногами. По примеру графа де Пейрака Пон-Бриан отложил в сторону свой заплечный мешок, мушкет, рог для пороха и пистолеты, расстегнул плотный пояс и снял короткий меховой плащ, потом кожаный жилет без рукавов, надетый поверх шерстяного камзола. И эту последнюю одежду он тоже снял. Мороз вцепился в его обнаженное тело. Пейрак тоже разделся до пояса. Лейтенант Пон-Бриан стал перед ним.

Он посмотрел на клонившееся к горизонту и опускавшееся в морозную дымку солнце, розовое и, словно ватное, огромное солнце, которое вдруг окрасило отблеском вечерней зари однообразную белизну пейзажа. От подножия деревьев потянулись тени, голубые и тонкие, напоминавшие рептилий. Наступал вечер.

Взгляд у Пон-Бриана был трагический. Ему казалось, что все это дурной сон. Вот сейчас бы пробудиться... Неужели правда, что через несколько минут он умрет?.. Ярость, которая охватила его при мысли о неизбежной смерти, пробудила в нем веру. Пусть шпага не его оружие — он знает это! — но зато снег будет его союзником. Пейрак не привык драться на снегу.

Мегантик не предаст канадца из Новой Франции. Пон-Бриан выпрямился и насмешливо бросил:

— Право, весьма несговорчивая у вас семейка!.. Госпожа де Пейрак уже огрела меня кочергой.

— Кочергой? Seriously? — переспросил де Пейрак. Казалось, он был в восторге. — Ах, грубиянка!..

— Смейтесь пока! — с горечью воскликнул Пон-Бриан. — Но придет день, и вам будет не до смеха, потому что ОН разлучит вас с ней, можете мне поверить.

— Он? Кто же это «он»? Кого вы имеете в виду? — живо спросил граф, настораживаясь и хмуря брови.

— Вы его знаете не хуже моего.

— Но все-таки?.. Мне хотелось бы услышать его имя из ваших уст. Ну, что же вы молчите?

Лейтенант боязливо огляделся, словно какие-то невидимые духи могли его услышать.

— Нет, — сказал он, глубоко вздохнув, — нет, я ничего не скажу. Он могуществен. Он может покарать меня.

— Пока он соберется сделать это, вас покараю я, и это уж наверняка.

— А мне наплевать! Я не скажу ничего, я его не предаю. Я хочу, чтобы он молился за меня.

И неожиданно из груди его вырвался звук, похожий на рыдание.

— Да, я хочу, чтобы он молился за меня, когда я буду на пути в рай!..

Отчаяние вновь овладело им. Он видел себя одиноким, раздетым и замерзшим в этой заснеженной долине, откуда душа его, покинув брренное тело, скоро перенесется в преддверие рая.

— Он побудил меня идти в ваше логово! — закричал он. — Без него я никогда бы не сделал такой глупости! Никогда бы не бросился очертя голову на вашу шпагу... Но он все равно восторжествует... Он самый сильный...

Его армия — из иного мира... Он сокрушит вас... Он разлучит вас с женой, которую вы любите. Он ненавидит любовь... Он разлучит вас с ней... Вы увидите!..

Сначала он кричал что есть мочи, потом голос его ослаб, стал сиплым, а в округлившихся глазах застыл какой-то слабый свет.

Несколько раз он очень тихо повторил с душераздирающей силой:

— Вы увидите! Вы увидите!..

Потом поцеловал медали, что висели у него на шее, и занял оборонительную позицию.

Глава 24

День шел за днем, а Жоффрей де Пейрак и Флоримон все не возвращались. Тревожное беспокойство Анжелики перешло в панический ужас. Она старалась держаться спокойно, но осунувшееся лицо выдавало ее. Ночи она проводила без сна. А если ей и случалось задремать, она то и дело внезапно просыпалась и вскакивала, прислушиваясь к малейшему шороху, к потрескиванию мороза, к тишине, в которой она надеялась уловить приближение шагов, приглушенные голоса. Но грозное завывание за окном говорило ей только о том, что ветер будто с цепи сорвался и в его снежном вихре заблудятся и навсегда останутся лежать в ледяной пустыне ее муж и старший сын. Был день, когда она не могла удержаться и раз двадцать выходила на порог дома, выглядывая их, потом спустилась к озеру и долго шла вдоль берега, надеясь на чудо, — вот сейчас она увидит вдалеке выходящие из леса две темные фигуры. В конце концов она не выдержала, нервы ее сдали.

В тот день свинцовое небо, постепенно пожрав свет, словно придавило вокруг все живое. Уже в три часа стало темно, как ночью. Поднялся яростный ветер. Тех, кто отважился выйти во двор за инструментами или закрыть ворота палисада, он просто сбил с ног, и им пришлось возвращаться в дом на четвереньках. Несмотря на то, что двери дома были плотно закрыты, неистовые вопли зимней ночи проникали в залу, все невольно прислушивались к ним, и сознание хрупкости человеческой жизни зарождалось в их сердцах. Детей рано уложили спать: раньше чем обычно сели ужинать.

Мужчины ели молча, мрачные, объятые тревогой.

Анжелика чувствовала, что ей уже просто не в состоянии, что у нее нет больше сил держать себя в руках. Она принялась ходить взад и вперед по зале, то заламывая руки, то прижимая их к губам, чтобы не дать вырваться стонам, то судорожно скрещивая их и бормоча: «Боже мой! Боже мой!..».

Увидев, как она мечется, мужчины подняли головы. Они уже не первый день замечали ее беспокойство, понимали ее отчаяние, но сейчас были просто потрясены, увидев ее слабой, не скрывающей своего страха, и это теперь, когда она утвердилась в своей власти над ними — что сама она осознала сначала с удивлением, потом с волнением и даже некоторым испугом, — когда она стала их госпожой, от которой они всегда могли ждать либо поддержки и помощи, либо совета и даже внушения.

— Матушка, дорогая матушка! — пробормотал Кантор и, вскочив со своего места, бросился к Анжелике и крепко обнял ее.

И тогда они поднялись все, окружили ее, еще более удручая своими ворчливыми утешениями:

— Ну что вы так тревожитесь, госпожа графиня! Ну что, по-вашему, с ними могло случиться, наконец?..

— Ну разве можно расстраиваться так из-за пустяков? Они оба очень выносливы, уж поверьте мне на слово, ведь они знаменитые трапперы!.. Уж я-то повидал мессира графа в деле!..

— А в хорошей хижине из коры и в пургу бояться нечего...

— Да я уверен, там на пути им попадетсЯ какая-нибудь индейская деревня...

Они не уточняли, на пути куда. Они с самого начала знали, что мессир граф ушел на север преследовать человека, который оскорбил его. Таков закон чести... Своим поведением лейтенант Пон-Бриан у многих из них вызвал желание задать ему хорошую взбучку... И

тем не менее Анжелика чувствовала, что ни один из этих грубоватых мужчин не сомневался в ней, не сомневался в том, как приняла она ухаживания канадца. Ведь в их маленьком обществе ничто не могло остаться тайной. И если никого из них не было при ее разговоре с Пон-Брианом, то это отнюдь не означает, что они не могут себе представить, как он протекал. Пон-Бриан признался ей в своих чувствах, она поставила его на место, а потом граф де Пейрак, узнав о случившемся, отправился за ним в погоню, чтобы поквитаться с ним. Что ж, все это в порядке вещей. Но сейчас здесь, перед ними, металась объятая ужасом женщина, она ломала себе руки и смотрела на них — то на одного, то на другого, — как бы взывая к их помощи. И они чувствовали себя подавленными и смутно оскорбленными неслыханной наглостью этого канадца, который осмелился на то, чего они не позволяли себе даже в помыслах.

— Он не мог не пойти туда, госпожа графиня, не мог, — уговаривал ее Жак Виньо, — но вы увидите, он вернется.

«Он вернется! Он вернется!..» — Они повторяли эти слова, словно магическое заклинание.

И Анжелика, согретая теплом их участия, вдруг разрыдалась на плече у старого Маколле — в этот вечер он как раз был с ними. Впрочем, разве он не оказывался всегда там, где в нем нуждались, словно старое, противостоящее всем бурям дерево, которое не вырвешь с корнем? Он прижал ее к своей груди, ласково приговаривая:

— Ну поплачьте, поплачьте. Вам станет легче.

Но остальные, увидев ее слезы, были ошеломлены. Любопытно, что именно Кловис, который, как всегда, с угрюмым видом держался в стороне, нашел самые верные слова, чтобы успокоить ее:

— А чего вам бояться-то? Он же с Флоримоном!..

Анжелика подняла голову и с надеждой взглянула на него.

— А ведь верно! Вы правы, Кловис! Он же с Флоримоном. А уж Флоримон никогда не заблудится. Правда же, не заблудится?

— Конечно нет, мы даже часто шутим между собой: уж никак этот парень буссоль проглотил в детстве.

Они успокоились, видя, как она, утирая слезы, едва заметно улыбается, и опять столпились вокруг нее, утешая ее простыми, сердечными словами. Величественный дон Альварес показал ей свои четки из черного самшита, давая понять тем самым, что он каждый день горячо молится о возвращении графа де Пейрака и ее сына.

Перед этой искренней и чистосердечной дружбой Анжелика снова разрыдалась, не в силах уже остановиться.

Госпожа Жонас взяла ее за плечи:

— Пойдемте со мной, мой ангел, вы совсем не в себе. Вам надо лечь и отдохнуть, иначе вот вы-то и будете похожи на привидение, когда они вернутся, бодрые и веселые.

Никогда Анжелика не думала, что госпожа Жонас такая добрая, отзывчивая женщина. Она довела ее до спальни, помогла раздеться, уложила в постель, не забыв перед этим согреть простыни двумя горячими валунами, потом принесла ей успокаивающую настойку, и все это она делала, не переставая утешать Анжелику.

У Анжелики понемногу отлегло от сердца. Разделив свое волнение с другими, она словно уменьшила его, да и госпожа Жонас своими разговорами не давала ей вернуться к мрачным мыслям.

— Мужчины очень выносливы, нам даже трудно себе представить насколько. А мы, женщины, сидим дома и делаем из мухи слона... Ну подумайте сами: холод, снег,

расстояние, они не так уж страшны, если это ненадолго. У них, у мужчин, толстая кожа, горячая кровь и холодный ум. Разве вы когда-нибудь видели, чтобы мессир граф проявил хоть малейшие признаки усталости или страха? Лично я — нет!..

— Я все понимаю, — сказала Анжелика, нюхая настойку и отхлебывая ее маленькими глотками, — но ведь в лесу так легко заблудиться, тем более в такую пургу.

— Заблудиться! Если б они заблудились, меня бы это удивило!.. Разве мессир Рескатор не лучший кормчий всех океанов? Уж мы-то о нем кое-что знаем, не правда ли? А эта пустынная равнина мало чем отличается от моря, и звезды, между прочим, тоже всегда на своих местах и послужат тем, кто разбирается в небосводе. Синьор Поргуани сказал мне, что мессир граф взял с собою свой секстант.

— О, неужели? — воскликнула Анжелика, ободренная этой новостью.

И вдруг она снова помрачнела:

— Но ведь пурга, ночь. Этот адский снег заметает все следы и прячет звезды.

— Они найдут какое-нибудь укрытие, может быть, спрячутся в индейской хижине и переждут там пургу. А днем отыщут дорогу. Ведь не зря мессир граф такой ученый, да и Флоримон, разве он может заблудиться!

— Да, верно, с ним Флоримон, — повторила Анжелика, слясь улыбнуться.

Она закрыла глаза; госпожа Жонас приняла из ее рук чашку, взбила подушки и заплела ей волосы, чтобы она чувствовала себя покойно.

— Как мне благодарить вас? — пробормотала Анжелика, которую уже окутывала сонная нега.

— За что? Все справедливо, просто пришло наконец время позаботиться и о вас немного, мой бедный ангел,

ведь вы столько носитесь с нами, — взволнованно сказала госпожа Жонас.

В этот вечер Анжелика поняла, какое место занимает она в сердцах обитателей Вапассу. В благодарность за то, что она все это время наделяла их мужеством, помогала им, поддерживала в них терпение, хорошее настроение, веселость, они теперь взяли на себя заботу о ней.

— Мужчины сказали, что, если завтра мессир граф не вернется, — добавила госпожа Жонас, — они снарядят отряд и отправятся им навстречу.

— Но ведь они даже не знают, в какую сторону он ушел...

— Они догадываются. Он ушел на север, по следу этого похвальбишки Пон-Бриана...

Анжелика открыла глаза и пристально посмотрела в покрасневшее лицо госпожи Жонас, потом в отчаянии закрыла лицо руками.

— Это я во всем виновата, — простонала она. — Но чем прогневила я небо, коль скоро, казалось бы, здравомыслящий мужчина счел себя вправе прийти сюда и оскорбить моего супруга в его собственном доме? Госпожа Жонас, умоляю вас, будьте искренни, скажите мне, разве в моем поведении было что-нибудь такое, что могло, пусть хоть немного, побудить лейтенанта так неуважительно отнестись ко мне?

— Нет, ясно же, нет, и не вздумайте казнить себя... Я прекрасно вас знаю, голубушка, я наблюдала вашу жизнь и в Ла-Рошели, и на судне, и с мужем, и без мужа. И всегда и везде находились мужчины и такие, которые считали, что вы можете оставаться благоразумной, и такие, которые допускали, что не можете. Просто вы очень красивы, но это же не ваша вина. Но именно ваша красота и порождает недоразумения.

— О, он всегда был и будет эгоистом, — воскликнула Анжелика, — что ему мои муки! Он следует лишь своим

побуждениям, своему кодексу чести, он уходит, даже не предупредив меня... и если он...

— Вы не смогли бы так любить его, если бы он был иным. С мужчиной более хладнокровным вам было бы покойнее, слов нет, но вы бы меньше его любили, поверьте мне. Ваша доля прекрасна... Но так уж повелось испокон веков — сокровище всегда вызывает зависть. И вас не должно удивлять, что кто-то пытается нарушить ваше счастье... Ну, хватит разговоров. Я побуду эту ночь с вами. Если вы проснетесь и вас будет мучить бессонница, мы опять чуточку поболтаем.

Они умолкли, слушая, как скрипят балки, как за окном завывает ветер, как рушатся с раздирающим душу треском деревья. Временами порывы ураганного ветра вдруг затихали, словно придушенные пушистыми сугробами снега. А сугробы, должно быть, становились все выше.

— К утру нас совсем занесет, — сказала госпожа Жонас.

Они уснули наконец, потом проснулись, вполголоса поговорили немного о Ла-Рошели, о людях из Голдсборо и о всяких неотложных мелких хозяйственных заботах.

— Надо бы попросить Кловиса сделать нам второй уют, — сказала госпожа Жонас, — но у него такой скверный характер!

— Однако только у него и получают хорошие утюги — и легкие, и в то же время достаточно тяжелые. И в них никогда не приходится без конца раздувать угли.

Утро наступило тихое. Измученный мир еще не осмеливался вернуться к жизни. В комнатах форта было сумрачно, потому что снег завалил окна. Но как только, не без труда, правда, отворили входную дверь, торжествующий зимний день, окрашенный перламутром и золотом, ворвался в залу. Природа улыбалась, и в сиянии ее девственной красоты было

столько чистой белизны снега, атласной синевы неба, золотисто-желтого солнца и совершенства мягких очертаний возвышающихся вокруг деревьев, напоминавших длинные обгоревшие восковые свечи.

— Не ходите туда, не трогайте, смотрите, как красиво! — закричала Онорина, а сама тотчас же побежала на белый ковер и принялась с наслаждением кувыркаться на нем.

Мужчины, вооружившись лопатами, откинули снег от входа. Местами, особенно с той стороны, откуда дул ветер, его навалило до крыши. Они мужественно сражались с огромными сугробами, барахтались в этом очаровательном холодном плену, и человеческое дыхание маленькими полупрозрачными облачками поднималось над погребенной под снегом землей.

Анжелика с ликованием воспринимала сейчас радужную красоту окружающей природы, словно забыв о том, что эта природа таит в себе смертельную угрозу. Она решила, что в такой день не должно быть места ни печали, ни отчаянию.

Утро было уже в разгаре, когда она вдруг услышала крик и опрометью выскочила из дома. Все показывали друг другу на прибрежную скалу, от которой в эту минуту отделялась огромная снежная глыба.

— Обвал...

— Но отчего обвал, отчего? — заорал Жак Виньо. — Посмотрите, госпожа графиня. Это они!..

И тогда все увидели на черном и крутом лице скалы две человеческие фигуры: они медленно спускались с одного уступа на другой, цепляясь за ветви деревьев и кустов.

— Это они!..

Мужчины издали победный клич и стали бросать в воздух свои меховые шапки. Потом они решили бежать к подножию скалы, но им тут же пришлось вернуться, так как без снегоступов нельзя было ни шагу ступить.

Пришлось отказаться от мысли идти навстречу путешественникам, и время, которое прошло, пока они сами не подошли к форту, тянулось бесконечно долго.

И вот они появились, совсем близко, живые.

Анжелика вела себя как безумная. Она зачем-то пошла в дом, потом выбежала во двор, потом снова вернулась в залу и долго кружила по ней. Наконец, вспомнив, зачем пришла сюда, она схватила бутылку водки, которую они хранили в ларе под замком, и пулей вылетела на порог.

Жоффрей де Пейрак уже подходил к двери. Их взгляды встретились. На его заросшем бородой лице блуждала слабая улыбка, оно показалось ей исхудавшим, словно искаженным гримасой, и на нем выделялись лишь бледные следы шрамов да его темные, горящие лихорадочным блеском глаза. Он неотрывно смотрел на нее.

Он смотрел на нее, безразличный ко всему вокруг, он разглядывал ее, как будто она была единственным живым существом в мире. И для нее он возник, словно солнце, без которого для нее нет жизни, и она тоже не видела никого, кроме него. Виньо пришлось взять у нее из рук бутылку.

— Выпейте, мессир граф, — сказал он, наливая полную чарку и протягивая ее хозяину.

— Хорошая мысль, — одобрил де Пейрак.

Одним духом он опрокинул чарку, немного напряженным шагом, хромя, прошел к камину и сел на скамью.

Анжелика подбежала к нему и опустилась на колени у его ног.

Нет, пожалуй, даже не опустилась, а рухнула перед ним на колени, настолько счастье в эту минуту как-то странно совсем лишило ее сил. Она хотела снять с мужа сапоги, но едва ее руки коснулись его мускулистых ног, покрытых обледенелой тканью коротких штанов, как

она вспомнила все, и ей снова стало не по себе. Она не знала, что послужило тому причиной — беспредельное ликование, ее любовь к нему или страх при мысли, что столь дорогой ей человек так неожиданно мог быть отнят у нее, — но она, словно поверженная этим откровением, вдруг утратила свою волю, чтобы отныне жить только в тесном единении с ним, только ради него. Она обхватила его руками, сжимая его колени, обнимая его и глядя на него широко открытыми сияющими глазами, из которых катились молчаливые слезы, она смотрела и никак не могла насмотреться на лицо этого человека, необычные черты которого неотступно преследовали ее всегда, всю ее жизнь с того самого дня, когда она увидела его в первый раз.

И он тоже, чуть склонившись, бросил на нее пристальный взгляд.

Это было всего мгновение. Всего лишь на одно мгновение встретились их взгляды. Но этого было достаточно для того, чтобы у всех, кто наблюдал эту сцену, она оставила неизгладимое впечатление. Но, пожалуй, никто не смог бы сказать, что потрясло их в ней больше всего: обожание, которое всем своим видом выказывала коленопреклоненная Анжелика, или обжигающая страсть, озарявшая властное лицо графа, человека, которого они привыкли видеть неуязвимым, неподвластным никаким людским слабостям.

Чувство удовлетворения и в то же время какая-то неясная тоска сдавила сердца всех. Неожиданное целомудрие заставило их опустить глаза. Каждый, полный своими печалью, своими мечтами и разочарованиями, увидел в этот миг, словно в свете молнии, сверкнувшей из тучи и осветившей два существа, устремленные друг к другу, лицо самой Любви.

Граф де Пейрак нежно положил обе руки на плечи Анжелики, чтобы подбодрить ее, и повернулся к

застывшим в неподвижности людям.

— Приветствую вас, друзья мои, — сказал он хриплым, глухим от усталости голосом. — Я рад видеть вас снова.

— Мы тоже, мессир граф, — ответили они хором, словно ученики в классе.

Все они еще были как в тумане, и хотя с момента встречи пробежали лишь минуты, они показались им бесконечными. Воцарилась тишина. Эльвира, с трудом удержав набежавшую слезу, прижала к себе руку Малапрада.

— А как же я? — раздался вдруг голос Флоримона. — Я едва жив, а на меня никто не обращает внимания.

Все обернулись к нему и разразились смехом. Флоримон, покрытый снегом, с бахромой сосуллек на шапке, стоял, привалившись к двери.

Граф бросил на сына дружески участливый взгляд.

— Помогите ему. Он совсем выбился из сил.

— Ну нет, больше ты меня не проведешь, — ворчал Флоримон, — больше я с тобой не пойду...

Только тут все увидели, что бедный парень и впрямь превратился в ледышку и был, как говорится, при последнем издыхании.

Кантор и Жак Виньо подхватили его и отнесли на постель. Они сняли с него обувь и одежду, Анжелика подбежала осмотреть сына.

— Бедный мальчик! — шептала она, целуя его. Она с головы до пят растерла Флоримона водкой, потом села рядом и долго массировала его окоченевшие ноги.

Он уснул безмятежно, как в детстве, а госпожа Жонас принялась готовить для всех грог.

Глава 25

— Стало быть, вы убили его? — спросила Анжелика, когда они с мужем остались вдвоем в своей крохотной спальне. — Вы его убили, не так ли? Вы рисковали своей жизнью из-за такой глупости? Только из-за того, что какой-то волокита решил поухаживать за мной?.. Скажите, ну разумно ли это, мессир де Пейрак?

Граф рывком бросился поперек кровати и с наслаждением вытянулся на ней. Иронически глядя снизу вверх на Анжелику, он слушал ее гневные речи.

— Пон-Бриан — он ведь оттуда, с севера, — снова заговорила она, наклоняясь к нему. — Теперь, когда в Канаде узнают об этом, они придут отомстить за него, они расторгнут договоры...

— Договоры давно уже расторгнуты, — сказал де Пейрак. — Едва высохли на них чернила, как нас приговорили к смерти и подослали к нам патсуикетов.

Он приподнялся и ласково взял ее за прядь волос на лбу, чтобы заставить ее смотреть ему прямо в глаза.

— Слушайте меня внимательно, радость моя. В моей душе живет одна страстная потребность, и она не скоро умрет во мне. Это потребность обладать вами. И естественно, я хотел бы, чтобы вы целиком и полностью принадлежали лишь мне одному. Называйте это ревностью, если вам угодно, пусть! Но ведь ни вы, ни я не достигли еще возраста, когда тело становится равнодушным, нам пока еще далеко до этого. И я никогда не оставлю вас бороться один на один с вашими соблазнителями...

— Уж не боитесь ли вы, что меня обольстит кто-нибудь вроде этого Пон-Бриана?

— Нет, не боюсь. Но я предчувствую, что здесь могут объявиться более смелые, чем этот лейтенант.

Просчеты одних — хороший советчик другим. Знайте же, что уметь защитить свою честь в этих диких странах — вопрос жизни и смерти!.. А вы — моя жизнь!.. И я убью всех, кто попытается отнять вас у меня... Вот это я должен был сказать вам.

И так как она сидела, склонившись к нему, он внезапно притянул ее к себе и с силой приник к ее губам своими пересохшими, потрескавшимися на морозе губами.

Флоримон доверительно рассказывал Кантору.

— Я уже думал, что не выдержу. Отец мчался с такой легкостью, словно он краснокожий или канадец.

— На шпагах или на пистолетах?

— На шпагах. Это великолепно. Отец знает все финты, особенно один выпад... О, нужно быть жонглером, чтобы его сделать, честное слово... Тот хорошо защищался. Фехтует он так себе, но быстрый и выносливый.

— И... он убит?

— Ясно, что убит. От такого удара он уже не поднимется! Прямо в лоб!..

Флоримон снова бросился на свое жалкое ложе, глаза его горели.

— О, шпага! Вот оружие дворянина! Здесь, в этой дикой стране, уже и не помнят, что такое шпага. Здесь выясняют свои отношения с помощью томагавков и кастетов, как индейцы, или с помощью мушкетов, как наемники. Нет, пора вспомнить о шпаге! Шпага — вот оружие дворянина... Как это великолепно, тебя оскорбили, и ты доставляешь себе такое удовольствие — дерешься на дуэли!..

Глава 26

Придя в себя после трудного похода, Флоримон однажды тайком забрался в кладовую и выбрал там пузатую тыкву, золотистую, словно солнце. Острым ножом он вырезал на ней глаза, нос и рот, раскрытый в широкой улыбке.

Сделав в верхней части дырку, он очистил тыкву от мякоти и вставил внутрь свечу. Потом хорошенько спрятал свое творение. Приближался сочельник.

По обычаю с приходом волхвов в крещенский сочельник должно наступать всеобщее веселье, а после того, как на голову счастливца, «бобового короля», возложат корону, начинается пиршество и в подражание волхвам все преподносят друг другу подарки.

Готовясь к празднику, каждый старался превзойти других в выдумке. Эльвира отправилась на опушку леса наломать веток остролиста с красными ягодами. Октав Малапрад пошел помочь ей. Они вместе поставили их в две большие чугунные ступки, ради такого случая принесенные из мастерской. Получилось очень красиво, и они, став поодаль, чтобы оценить свою работу, залюбовались блеском глянцевых листьев с такими же глянцевыми ярко-красными ягодами, стоявшими в двух огромных темных «вазах» на противоположных концах стола. Потом они посмотрели друг на друга и улыбнулись, охваченные светлой и нежной радостью. Благостное умиротворение, в котором люди пребывают обычно в рождественские дни, казалось, охватило и их, и они робко соединили свои руки.

Надо сказать, что после возвращения графа с севера, вернее, после того как они увидели Анжелику на коленях перед графом, сжимающую его в своих

объятиях, увидели ее взгляд, который не забудут никогда, что-то изменилось в их отношениях.

— Если можно любить, как они, тогда стоит жениться... Да, тогда стоит... — сказал вскоре после этого старый Маколле, покачивая головой.

И все вокруг него согласно закивали, затягиваясь своими трубками. Они увидели, что на свете, оказывается, существует настоящая любовь. Но она, по-видимому, не для них, изгнанников, неудачников, они ее не познают никогда.

Но она существует...

Она украшает жизнь, рождает мечты...

Они чувствовали также, что отныне зависят не только от своего хозяина, но и от власти обоих супругов, власти, внушающей им доверие.

За обедом, который проходил теперь оживленно, за теплой, дружеской беседой они весело и с прибаутками проглатывали надоевшую маисовую кашу и копченое мясо. Они все были добрыми друзьями, добрыми компаньонами, они понимали друг друга, поддерживали друг друга. Так пусть же приходят сюда те, кто хочет искать с ними ссоры!..

Пиршество готовилось в глубокой тайне. Каждому почет по заслугам, и потому прежде всего было высказано, наверное, тысяча и одно предложение, как распорядиться госпожой свиньей, которую наконец закололи.

Чтобы вознаградить себя за столь долгое ожидание, они сразу же съели ноги, голову и требуху, приготовленные на разные лады, но самые лучшие куски туши приберегли для праздничной ночи.

Как раз к этой ночи вернулся с юга Никола Перро, и уже один его вид, одно его дружелюбное лицо сами по себе были для Анжелики бесценным подарком. Никола рассказал о маленькой фактории, что затерялась на острове посредине Кеннебека, который потемнел и

почти сплошь покрылся льдом. У хозяина этой фактории, молчаливого и вспыльчивого голландца, жившего там с двумя приказчиками-англичанами, он и закупил все, что нужно.

Он привез сахар, соль, пшеничную муку, подсолнечное масло, тюлений жир, чернослив, горох, сушеные тыквы и кабачки, одеяла, три пары простынь из льняного полотна и сукно для одежды. И все это он и сопровождавший его индеец из племени панис тащили на волокушах много лье...

Анжелика спрятала драгоценные продукты в ларь, который приказал сделать для нее Жоффрей де Пейрак; ларь закрывался на замок и стоял в их спальне. Иногда ночью она вставала, чтобы удостовериться, что все сокровища на месте.

Госпожа Жонас высказала пожелание запечь окорок в тесте. Сообща обсудили это предложение, дабы решить, стоит ли изводить на это пшеничную муку из тех мизерных запасов, что хранились у Анжелики, или же лучше испечь традиционный пирог.

Все высказались за пирог: они запекут в него, как положено, боб, и того, кому он достанется, провозгласят королем. А окорок, румяный и ароматный — они натрут его семенами можжевельника, — и без того будет хорош.

Анжелика, закатав рукава, сама готовила тесто для пирога, добавив туда немного соли, пивных дрожжей и свиного сала. Если не считать далеких дней своего детства, она не готовилась с такой радостью и увлечением ни к одному празднику.

Тесто, приятное и привычное ее рукам еще с того времени, когда она хозяйничала в таверне «Красная маска», было послушно под ее пальцами. Призраки отверженного поэта с Нового моста в Париже, мэтра Буржую, Флипо и Лино витали вокруг нее.

Но нет, все это в прошлом. Здесь она в безопасности. Она защищена от всего... Далеко-далеко, так далеко, в лесу.

Анжелика на минуту перестала месить тесто и с улыбкой прислушалась к глубокой тишине, в которой под снегом спало все окрест. Вот и исполнилась ее давняя мечта, мечта, которую она столько лет лелеяла: готовить пирог в окружении детей, и чтобы они всюду совали свои носы.

Дети наблюдали за ее работой, крутясь под ногами, и глазенки у них блестели. Они приникли своими мордочками к краю гладкого стола, на котором орудовала Анжелика, и всякий раз, когда ее большая деревянная скалка раскатывала бледный круг, делая его все более воздушным, все более тонким, они кричали «браво!» и вдыхали нежный, теплый и хмельной аромат теста.

Анжелика дала детям возможность вместе с ней вложить в эту работу и свой труд. Онорина, высунув язык, нарисовала множество ромбов и квадратов на большом мягком диске теста, а Бартеломи смазал его подсолнечным маслом, так как Анжелика подметила, что от этого масла, которое получают из черных зерен большого желтого цветка, на готовом пироге получается прекрасная, словно лакированная, корочка, уж ничуть не хуже, чем если бы его смазать, как обычно делают, яичным желтком, чего у них здесь не было. Наконец Тома своим крохотным пальчиком затолкнул в пирог боб. И сопровождаемая детворой, к которой без ложного стыда присоединились Флоримон и Кантор, Анжелика посадила пирог в углубление, специально сделанное между двумя топками большого камина. Эта печь была лучшей из тех, которыми ей когда-либо приходилось пользоваться. Они частенько что-нибудь запекали в ней, и всегда очень удачно. И ни разу ничего не подгорело. Детям поручили поддерживать огонь в

топках, и они с наслаждением вдыхали аромат, который вскоре стал исходить из-за приоткрытой чугунной заслонки.

Но, когда наступил момент вынимать пирог, Анжелика прогнала их из залы: сюрприз вечера богоявления должен был остаться в тайне.

Они убежали, крича от удовольствия и нетерпения, в полутемную кладовую, где Жак Виньо в этот час варил пиво.

— Нам не хотят показывать пирог, Жак... А ты знаешь, какой он будет красивый!.. И большой, как солнце!..

Да, Анжелика сделала его огромным и блестящим, как солнце... с хрустящей темно-золотистой корочкой, на которой особенно четко выделялась выпуклая мозаика рисунка. Настоящее произведение искусства!

Анжелика водрузила его на вершину сложного сооружения, составленного из жаровни на ножках, украшенной остролистом и тремя горькими тыквами удивительных оттенков: золотисто-зеленой, огненно-рыжей и бледно-желтой.

Это сооружение в центре стола напоминало большую вазу, которая, может быть, и не была столь роскошна, как та, что госпожа дю Плесси-Белльер некогда поставила среди сверкающих приборов, готовясь к приему в своем дворце Ботрейн, но зато она выглядела куда величественней.

Стол накрыли белоснежной скатертью, спускавшейся до самого пола. Для этого пришлось взять четыре простыни и хорошенько их разгладить, чтобы не были заметны складки на сгибах.

В последние часы перед торжественным ужином всех изгнали в мастерскую, в чуланы и даже в конюшню.

Чтобы скрасить ожидание детям, Элуа Маколле позвал их в свой вигвам. Это удвоило их веселье,

потому что вигвам Маколле был тем таинственным местом, где они горели желанием побывать, но куда до сих пор вход им был запрещен.

Когда уже совсем поздно их позвали звуком рога из слоновой кости и звоном колокольчиков, которыми весело потряхивали Флоримон и Кантор, они бросились бегом, скользя и падая на обледенелом снегу; на пороге они остановились восхищенные, эти дети с Серебряного озера, так же восхищенные и изумленные, как и все дети в мире. Они дружно издали вопль восторга.

Зала сверкала множеством огней, и стол, стоящий посередине ее, ломился от всяких чудесных сокровищ и необыкновенных яств. И трудно было сказать, что потрясало больше — то, что радовало взгляд, или то, что услаждало обоняние запахом жареной кровяной колбасы и сладостей.

Они застыли на пороге, трое малышей с Серебряного озера, и глаза на их покрасневших от мороза личиках горели, точно звездочки.

В этот момент Онорина перестала быть обиженной судьбой девочкой, над которой тяготел позор ее рождения.

В этот момент маленькие гугеноты забыли о тех непостижимых их детскому уму трагедиях, которые оторвали их от родной Франции и сделали сиротами.

Пришлось взять детей за руки и чуть ли не силой подвести к столу. А на столе, по обе стороны огромной диковинной вазы, на которой лежал пирог, словно живые, красовались две птицы со всем оперением. Малапрад, создатель этого шедевра, слепил их из теста и тушек копченой дичи. Настоящие клювы он позолотил, и они вызывающе блестели, глаза были сделаны из кусочков гагата.

Октав Малапрад качал головой и довольно улыбался. Он не помнил, чтобы подобное творение его

хоть раз имело такой успех в Бордо, когда он священнодействовал там.

Эти царственные птицы сидели в гнездах из засушенных кабачков, которые лежали на двух блюдах сочного красного цвета, что еще больше подчеркивало их великолепие.

Такого же переливчато-красного цвета со всей гаммой оттенков угасающего огня были большие тарелки, стоявшие перед каждым из сотрапезников.

Этот необычный фаянсовый сервиз был подарком всем от служителей Вулкана. Они создали его в своих таинственных мастерских. Одни вылепили тарелки из глины, другие создали и перенесли на модели рисунок, Жоффрей де Пейрак составил формулу изготовления глазури из окиси свинца. Затем праздничные тарелки были обожжены в печи для купелирования, которую раздували кузнечными мехами Куасси-Ба и Кловис.

И вот теперь эти тарелки пылали ярко-красным пламенем на белоснежной скатерти, а рядом с каждой стояла очень скромная миска для хлеба из некрашеного дерева и маленькое оловянное блюдце, на которое можно было положить лесные орехи, сласти и сушеные фрукты.

А Флоримон был творцом двух огромных супниц с ручками в виде львиной головы. Госпожа Маниголь, приятельница Анжелики из Голдсборо, не жалела бы о своем утраченном сервизе работы знаменитого Палисси, если бы у нее был такой сервиз. На всем длинном столе нельзя было отыскать свободного местечка, так он был заставлен. По обоим концам его дымились блюдо черной и блюдо белой кровяной колбасы.

Чуть в отдалении на сервировочном столике стояли чарки и кубки, предназначенные для напитков. Бочонок бордоского, привезенный Никола Перро, бочонок водки

и бочонок рома господствовали на деревянном возвышении.

На другом столе, более низком, лежала целая куча подарков, которые должен был вскоре раздать недолговечный «бобовый король».

А подвешенная на балке пустая тыква Флоримона с горящей внутри свечой во весь рот смеялась своей яркой улыбкой.

Флоримон представил ее детям:

— Мисс Пампкайн!..

Глава 27

Боб достался Бартеломи, а королевой он выбрал Онорину. Кто знает, возможно, ловкость рук Флоримона, который раздавал пирог, и помогла этой случайности. Но к чему такое подозрение? Просто случай оказался достаточно компанейским парнем, чтобы исполнить желание всех и осчастливить детство.

Анжелика порадовалась за Бартеломи, он был очень милый мальчик, хотя по-прежнему слегка косил и густая прядь прямых волос спадала ему на глаза.

Пунцовый от счастья, Бартеломи принял драгоценную серебряную корону из рук графа де Пейрака и сам возложил вторую корону на головку Онорины. Девочка тоже покраснела от волнения, но, казалось, был момент, когда ей хотелось отшвырнуть от себя этот стесняющий ее знак королевской власти. Однако гордость и удовлетворение удержали ее от этого шага.

Их кресла немного приподняли, и они владычествовали, сидя рядышком во главе праздничного стола. Короны из чистого серебра сверкали на их детских головках. Волосы Онорины, словно тончайшие золотые нити, ниспадали на ее плечи капюшоном, и она, державшаяся с осанкой королевы, с красиво и прямо посаженной головкой на белой шее, была прелестна.

Онорина была настолько счастлива, настолько проникнута величием своей судьбы, что сочла ниже своего достоинства бросить хотя бы один взгляд маме. Но она знала, что мама смотрит на нее. Она будто купалась в ореоле радости, и бесконечные комплименты, смех и шутки окутывали ее, словно фимиам.

Каждый раз, когда она подносила к губам свой кубок, все кричали: «Королева пьет! Королева пьет!»

Анжелика не отрывала от нее взгляда. Весь вечер ее не оставляла мысль, что она, некогда столько выстрадавшая, сторицей вознаграждена сейчас вот этими минутами счастья своего ребенка. Она не могла наглядеться на свою дочь, до того девочка казалась ей красивой.

Все в этот вечер принарядились, а кое-кто, как например, мэтр Жонас, синьор Поргуани и дон Альварес, даже надели на головы элегантные парики. И как только им удалось сохранить их?

Граф де Пейрак вышел в своем пурпурном камзоле, который был на нем в тот день, когда сожгли Катарунк. В этом праздничном одеянии с кружевным жабо и отворотами на рукавах он пришел в Вапассу. В сущности, то был его единственный костюм, и он хранил его сложенным в своем кофре. Всегда одевавшийся с изысканной элегантностью и весьма своеобразно, граф в то же время, казалось, не испытывал неловкости теперь, когда ему пришлось носить одежду из кожи и грубой шерсти. Но в этот вечер он предстал перед всеми в костюме дворянина, и Анжелика вновь увидела в нем присущую только ему величественность. Это был принц, печальный и блистательный.

Он вернулся из царства мертвых.

Из-под его темно-малиновой шелковой шляпы с пером на плечи ниспадали волосы, по-прежнему густые и черные, и только на висках они отливали серебром.

Анжелика освежила свое платье кружевным воротником и искусно уложила волосы, свое единственное украшение. Несколько перьев, брошь, предложенная ей госпожой Жонас, и она вполне могла бы отправиться в Версаль.

В этот вечер дамы обменялись кое-какими вещами. На госпоже Жонас был атласный платок — красный с зеленым — и серьги ее племянницы: сама Эльвира не пожелала надеть их из-за траура по мужу. А Эльвира нарядилась в жемчужного цвета платье Анжелики, которая, кстати, помогла ей прелестно причесаться.

Мэтр Жонас украсил свою шляпу с высокой тульей серебряной пряжкой, снятой со сношенной туфли, а пряжка с другой туфли послужила брошью Эльвире.

Но когда в зале появился бодрый старичок, любезный и напудренный, с седыми буклями парика, выглядывающими из-под роскошной бобровой шапки, обшитой по краю золотым галуном, в кружевном жабо, цветном жилете и табачного цвета сюртуке, никто сразу даже не догадался, что это Элуа Маколле.

— Это мы помогли ему нарядиться! — закричали дети. Трудно было представить себе эти сборы в продымленном вигваме старого откупщика. Но каким бы чудом это ни казалось, результат был налицо.

Элуа занял свое место за столом под восхищенные возгласы и аплодисменты. Полузакрыв глаза, он смаковал свое вино, думая о том, что сказала бы его потаскушка сноха, если бы увидела его таким вот, в сюртуке, пирующим за праздничным столом.

Словом, в этот вечер все были удовлетворены собой еще и потому, что каждому пришлось проявить немало изобретательности, чтобы обрести благопристойный вид. И пожалуй, всякий, кто, возникнув из ночи и снега, оказался бы сейчас случайно на пороге их жилища, был бы поражен, увидев такое застолье в дебрях леса. Ослепленный ярким светом, оглушенный музыкой, песнями и смехом, ошеломленный элегантностью сидящих за праздничным столом, он подумал бы, что стал жертвой сказочных призраков, что они заманили его к себе и с первыми проблесками утренней зари все это исчезнет.

Сыновья сеньора, хозяина этих мест, Флоримон и Кантор, прислуживали за столом, помогая Жану, который когда-то в давние времена, еще до того, как он стал пиратом, был камердинером у одного морского офицера.

— Не забывайте, что лично я был во Франции пажом королевского стола, — говорил Флоримон, потряхивая блюдами, которые он держал на кончиках пальцев.

Несмотря на свою полную бурными приключениями жизнь, юноша не забыл того, что постиг за суровые годы ученичества. Он превосходно разрезал птицу и окорок, подражая старшим офицерам королевского стола. От дворцовых пиршеств разговор перешел к самому великому Людовику XIV, потом поговорили о Версале и его великолепии — темы, которые зачаровывали сидящих за столом французов и производили внушительное впечатление на англичан и испанцев.

Кантор разливал напитки. Пили сначала вино, потом водку и ром, сдабривая ими те сытные кушанья, что стояли на столе. После скудного питания последних месяцев это было настоящее пиршество. Больше им не придется думать о завтрашнем дне.

И вдруг в разговор вступил Сэм Хольтон. Он вспомнил свое детство, проведенное им в бухте Саку, в Новой Англии. Он был еще совсем ребенком и жил с родителями в хижине, в которой дуло изо всех щелей. Обычной их пищей были ячменная каша и треска. Но на Рождество резали свинью и мать доставала припасенную с лета чернику. Они ходили в молитвенный дом, в церковь, что находилась в четырех лье от них, и мужчины с мушкетами окружали женщин и детей. По дороге к ним присоединялись соседи, и они все вместе шли через замерзший лес, распевая религиозные гимны. Но однажды утром, когда они возвращались после богослужения, на них неожиданно

напали абенаки и перебили всех, кроме него, Сэма: ему было тогда десять лет, и он успел ловко взобраться на вершину пихты и укрыться там. Потом, стуча от страха и холода зубами, он добрался до Спрингфилда. И с тех пор в его жизни не было ни одного праздника, который стоил бы того, чтобы о нем вспоминать, кроме этого вот сегодняшнего, поистине королевского пиршества в Вапассу.

Так сказал Сэм Хольтон, сказал по-французски, очень правильно и даже несколько поэтично.

Это был его подарок по случаю праздника богоявления, преподнесенный им всем собравшимся, и они выслушали его в набожной тишине, восхищенные, несмотря на трагизм его рассказа. Им показалось, будто они только что были свидетелями одного из тех чудес, которые часто случаются в такие дни.

Тронутые доверием Сэма Хольтона, они поблагодарили, горячо поздравили его с праздником, а потом решили, что уже пришла пора преподнести друг другу подарки.

Вот тут было от чего оторопеть!

Кто вырезал из дерева эти игрушки для детей?.. Вертушку для Тома, юлу для Бартеломи, куклу с красными щечками для Онорины? Анжелика улыбнулась замечательным мастерам, которые проявили не только свое умение владеть стамеской, но и не меньшую скромность, пожелав остаться неизвестными: конечно же, это Жан, Кантор и старый Элуа.

По совету Анжелики и с помощью Флоримона они вырезали еще шахматные фигуры, расставив их на доске, и доску с фишками и рожком из коры для игроков в трик-трак.

Таким образом, мир в долгие и зимние вечера был обеспечен.

Анжелика получила в подарок две пары перчаток тонкой выделки, чтобы они предохраняли ее руки во

время работы. В маленькой серебряной коробочке она нашла неаполитанскую камею — ослепительно-белый профиль богини на красновато-розовом фоне раковины. Она бросила взгляд на Кантора: она знала, что эта камея служила ему талисманом еще с детства, когда он плавал по Средиземному морю. И вот он расстался со своим талисманом ради нее.

— А я выковал эту серебряную коробочку и короны, — ревниво сказал Флоримон, перехватив взволнованный взгляд матери, обращенный к его младшему брату.

Несмотря на огромный рост, он тоже получил свою долю поцелуев.

Онорина в это время осторожно разглядывала куклу. Она никогда не проявляла особого интереса к играм девочек, и сейчас Анжелика испугалась, как бы она не выпалила что-нибудь, что разочаровало бы тех, кто с такой любовью делал для нее эту куклу. Но, подумав немного, Онорина очень серьезно положила куклу на согнутую в локте руку, и все радостно улыбнулись, а Анжелика облегченно вздохнула.

Другой рукой девочка перебирала остальные подарки. Вот сколько всего прибавится в ее ларце, привезенном из Ла-Рошели, где она хранит свои сокровища! Ожерелья из жемчуга, которые нанизала для нее Анжелика, завораживали ее. Она крутила их в руках, прикладывала к шее, украшала ими свою серебряную корону и корону своего маленького наперсника.

В серебряной бонбоньерке она обнаружила еще пастилки, их приготовила Анжелика из толченых орехов, смешанных с медом, который она ревностно хранила с осени.

Среди подарков, преподносимых всеми от чистого сердца, было много серебряных изделий, сработанных умелыми руками в тайниках кузницы из той самой руды, что извлекали здесь из недр земли. Подземные

сокровища Вапассу начинали выходить на свет божий и блистать во всей своей чистоте, освобожденные от породы, которая скрывала их...

Когда наконец всеобщий восторг и восклицания утихли, все вспомнили, что граф де Пейрак обещал им два сюрприза.

Первый сюрприз, граф это охотно признал, смогут оценить по достоинству только те, кто долго жил на Средиземном море.

Это был крохотный мешочек молотого кофе. Раздалось громкое «ура», к которому примешались протестующие возгласы противников этого темного напитка. Англичане и канадские французы, впервые придя к соглашению, удивлялись, как можно смаковать такую горькую бурду? Для этого по меньшей мере надо быть такими дикарями, как турки. Любители же этого дивного напитка, напротив, покинули свои места и сгрудились вокруг графа, дабы ничего не упустить в церемонии приготовления кофе.

Куасси-Ба принес на медном подносе кофейные чашки, невесть каким образом попавшие в логовище рудокопов, а граф де Пейрак раздал мужчинам пачки тончайшего виргинского табака.

Флоримон придвинул подставку с трубками, достал раскаленные угли из жарко горящих очагов. Он не любит кофе, он предпочитает шоколад, уверял он... после того как Анжелика заговорщицки подмигнула ему.

А Кантор отнюдь не гнушался вдыхать аромат, который напоминал ему годы детства, когда он мотался с отцом по Средиземному морю, напоминал порты, сражения, а также Палермо, где он учился у иезуитов, город с древними мечетями и дворцами.

Что же касается Анжелики, то она от ликования захлопала в ладоши. Нельзя сказать, что она так уж любила кофе, но все равно сюрприз, который преподнес

им Жоффрей, зажег радостью ее глаза и осветил улыбкой лицо.

Все они — Анжелика, Кантор, Энрико Энци, испанцы и перуанец Соррино — в нетерпении теснились около графа де Пейрака.

— А ты помнишь того старого турка в Канди, что варил самый замечательный кофе в мире? — спросил де Пейрак у Энрико Энци.

Анжелика вдыхала возбуждающий аромат кофе, и каждый раз, когда она чувствовала этот запах, она словно вновь видела в фантасмагории голубоватого дыма невольничий рынок в Канди, людей, выряженных в экзотические, словно карнавальные костюмы, видела их высокие тюрбаны и длинные одежды, вновь остро переживала те незабываемые дни, на всегда запечатлевшиеся в ее памяти, ужас перед человеком в маске, купившим ее...

Она выпила обжигающий кофе. «Да, мессир Рескатор, это были вы!.. Как же я не догадалась?». Она проклинала насмешницу судьбу, которая так жестоко подшутила над ней.

— Ты тогда рассердился на меня, не правда ли, что я тебя не узнала? — прошептала она, склонившись к мужу.

Они сидели рядом во главе большого стола, тесно прижавшись друг к другу, затаившиеся в девственных лесах Нового Света, с нежностью смотрели друг на друга и думали, что жизнь все-таки прекрасна.

Глава 28

— Некоторые из вас уже знают, что сейчас произойдет, — сказал граф де Пейрак, поднимаясь. — Для других это и впрямь будет сюрпризом. Но я думаю, он всем принесет одинаковую радость, ибо все вы заслужили ее.

Итальянец Поргуани и Кловис вышли в мастерскую. Когда они, медленно выступая из темноты, снова появились в освещенной зале, все увидели, что они несут деревянные носилки, и, судя по тому, как напрягались их мускулы, очень тяжелые. На носилках что-то мягко поблескивало. Они подошли ближе, и теперь можно было различить, что это какой-то огромный брусок, излучающий загадочный свет, таинственный и холодный. Поргуани и Кловис поставили носилки на стол перед графом де Пейраком.

Это было золото.

Брусок, лежавший на носилках, состоял из множества сложенных вместе золотых слитков.

Граф взял один из слитков и поднял его к свету.

— Вот плоды нашей работы. В течение двух последних месяцев мы упорно занимались купелированием руды, добытой летом. Каждый слиток содержит три ливра, или тысячу семьсот унций чистого золота, это первая доля каждого из нас, ее я передаю вам в вечер богоявления. Вот они, плоды наших трудов, любуйтесь! Должен сказать, что результат сегодня превзошел все ожидания. В наступившем году, когда наш форт расширится, хорошо вооружится, будет надежно защищен, когда мы привезем сюда по Кеннебеку отряд наемников, пушки, провизию, мы сможем спокойно заниматься своей работой, и наша добыча станет еще значительнее. Согласно контракту,

который мы с вами заключили, половина добытого нами золота будет поровну поделена между всеми вами, моими первыми компаньонами, и послужит началом личного состояния каждого из вас. С помощью остальных денег — я беру это на себя — мы укрепим и расширим наш форт, оплатим наемников, вооружение наших кораблей и прочие расходы. Таким образом, связанные друг с другом силой золота, а также и серебра, которое тоже имеет ценность, хотя добыча его и не является нашей основной целью, мы станем могущественными. Мы увеличим наш флот, который займется торговлей, и сделаем Голдсборо одной из основных его баз. Мы расположим фактории по всему берегу Кеннебека и Пенобскота. Мы заложим новые рудники, и владельцами их могут стать те из вас, кто готов снова преодолевать трудности, что обычно предшествуют успеху... Мэн, страна лесов, изрезанных реками и речушками, а с другой стороны, страна, берега которой омывает изобилующий рыбой океан, страна до сих пор дикая, где многочисленные племена истребляют друг друга в бесконечных междоусобицах, Мэн, страна невидимых серебра и золота, станет нашим королевством, ибо мы одни будем владеть тайной ее богатства. Жалуете ли вы, что последовали за мной?..

— Нет!.. Нет, монсеньор! — прокричало несколько охрипших голосов.

Но большинство не в силах было вымолвить ни слова.

Куасси-Ба обошел всех и своей черной рукой, рукой волхва, положил перед каждым слиток золота.

Они едва осмелились коснуться его. Их глаза, слегка затуманенные парами алкоголя и табачным дымом, впились в эти слитки, наслаждаясь их блеском, не в силах оторваться от них. В слитке золота, словно в хрустальном шаре ясновидца, витали перед ними

призраки их давних, их самых затаенных мечтаний, их самых дерзновенных чаяний.

А Анжелику неожиданно охватил страх: золото развращает, один раз оно уже разрушило ее счастье. Не ослепит ли оно своим сиянием этих людей, не доведет ли их до беды? Она посмотрела на мужа. Он напоминал мага, созерцающего человеческие страсти, которые он сам вызвал.

Эти люди, чьи характеры он формировал по своему образу и подобию в ежедневной работе, не разочаруют ли они его, не поддадутся ли они тлетворному влиянию этого фетиша, который, кажется, правит человечеством с самых далеких дней его зари?

Она почувствовала, как какая-то тяжесть в груди сменила вдруг ее недавнюю радость.

— Золото! Вечно это золото! — пробормотала она. — Я боюсь! Это из-за него вас тогда прокляли!

Жофрей искоса посмотрел на нее.

— Не надо бояться золота и его власти, — сказал он. — Нет ничего на свете, что могло бы унижить человека, если он сам не поддастся унижению. Но человек желает быть чистым духом, подобным Богу, и, когда он оценивает свою материальную сущность, он обнаруживает в ней все свойства материи. И он не хочет согласиться быть земным... Вот почему он поочередно то проклиная, то обожествляет все то, что больше всего завораживает его воображение, — золото, женщину, науку, богатство... в то время как он должен только искать, каким образом заполучить их. Кто ищет, тот обрящет.

Плотник Жак Виньо с растерянным видом крутил в руках слиток.

— Мне, например, пока ничего больше и не надобно, быть бы только здесь. Чего еще, работенка неплохая, и в конце ее кое-что светит, да и надсмотрщики у тебя не

ходят по пятам... Слов нет, приятно держать такое в руках, но я столько всего перевидал в жизни...

— Оно будет меньше беспокоить вас, когда вы увидите его в Бостоне, превращенным в полновесную звонкую монету. Тогда вы разберетесь, что с ним делать, — сказал де Пейрак.

— Кошелек, полный экю? — сказал плотник, озадаченно глядя на графа.

— Два, три кошелька... То, что у вас в руках, — это на тысячу монет.

— Эх, дружки мои, вот тогда попируем вволю! — воскликнул плотник, звонко хлопнув по спине своего соседа.

Все вдруг заговорили разом, принялись строить планы, что-то сложно подсчитывать, и от волнения голоса у всех стали пронзительными.

Госпожа Жонас поднялась, чтобы унести блюда. Она считала недостойным допустить, чтобы такое великолепное золото лежало среди остатков ужина, как бы прекрасен он ни был.

Она и ее муж получили каждый по слитку золота, что составляло 3400 унций, Эльвира — один для себя и один на двух своих мальчиков.

Старый Элуа Маколле отодвинул свою долю.

— Вы ошиблись, мессир граф. Я не состою у вас на службе. Я пришел просто так, сам по себе, да взял и остался. Мне вы ничего не должны.

— Ты пришел на готовенькое, старый разбойник, — ответил Жоффрей де Пейрак. — Помнишь ли ты Евангелие?.. Да? Вот и хорошо. Подумай над ним и бери то, что тебе дают. Ты купишь себе новую лодку и всяких товаров на два года и скупишь все меха Запада. Твои конкуренты лопнут от зависти.

Старый канадец вскинул восхищенный взгляд, расхохотался и принялся вслух мечтать, расписывая, каким образом он опустошит все реки окрест.

Потом они переглянулись со смущенным видом и, пошушукавшись, сказали:

— А что нам делать со всем этим золотом? Мессир граф, когда-то еще мы разбредемся каждый своим путем и снова будем жить в городах... Уж лучше, мессир граф, пока храните его у себя, ведь вы не боитесь золота, а для нас это слишком беспокойно — золото под подушками будет мешать нам спать.

— Идет, — смеясь, сказал де Пейрак, — но сегодня наглядитесь на него вдоволь. Это плоды вашего труда и дар Всевышнего, который создал землю.

Глава 29

Как раз в этот момент Анжелике почудился чей-то зов. Сквозь звуки куплетов, звон гитары и немного скрипучее, однообразное завывание ввели, на которой играла госпожа Жонас, ей послышалось, как чей-то голос взывал:

— Помогите! Помогите!

Но нет, это же невозможно, тотчас подумала она, крики ей просто почудились. Однако почти тут же ей показалось, что крик повторился.

Анжелика рывком выпрямилась.

— Что с вами? — с удивлением спросил Жоффрей и взял ее за руку.

— Там, во дворе, кто-то кричал...

— Кричал? Вам пригрезилось, моя душенька.

Поющие замолкли и повернулись к ним.

— Что случилось?

— Во дворе кто-то кричал...

— Кричал... во дворе! — не очень-то вежливо прыснул со смеху Никола Перро, что было ему несвойственно и явилось следствием возлияний. — Кто станет бродить по лесу в такую ночь? Никто, кроме канадских французов, не осмелится сейчас даже нос наружу высунуть!.. А, скорее, это привидения...

Все замолкли и со страхом переглянулись. Привидения!

И сразу они почувствовали себя одинокими, затерянными в снегах, в глубине зимы, словно в глубокой расщелине. Ледяные объятия зимы жестоко сжимали их, и теперь, когда огонь в очагах немного притух, они вспомнили о промозгом холоде, который царит там, за окном, и вкрадчиво и неотступно проскальзывает через малейшие щели в их жилище,

услышали тихий, неумолчный свист северного ветра, который скреб обледеневший снег и окружал их со всех сторон словно злобным заклятием.

Они знали, что никто не осмелится прийти сюда в такое время года. Но кто же тогда мог кричать там в эту морозную и ветреную ночь?

Привидения!

Анжелике снова послышался крик.

— Разве вы не слышите? — спросила она, вскакивая. Но сейчас крик показался ей не таким отчетливым, и, видя недоверчивые взгляды окружающих, она решила, что у нее просто галлюцинации.

— Может, это ветер так странно воет, словно человек, — пробормотала она.

— Но тогда бы мы тоже слышали...

Жоффрей де Пейрак встал и направился к двери.

— Будь осторожен, отец! — крикнул Флоримон, бросаясь вслед за ним.

И, обогнав отца, он распахнул дверь в чулан, потом, в глубине его, потянул за ручку входной двери, но не тут-то было — замеченная снаружи снегом дверь словно приросла к нему, и пришлось немало потрудиться, прежде чем ее открыли.

Холодный воздух вместе с легким облачком снежной пыли со свистом ворвался в залу.

Флоримон, держа пистолет наготове, отскочил в сторону, прислушался.

Анжелика и те, кто сидел за столом, пригнувшись, увидели издали в проеме двери только рассеянный фосфоресцирующий свет, в котором вздымался султан снега, поднятый северным ветром. Потом все догадались — вот уж чего не ожидали они в такую ночь! — что это луна пробилась из-за облаков, залив все окрест своим серебряным сиянием.

— Никого нет, — сказал Флоримон. — И холод адский, — добавил он, захлопывая входную дверь.

Он вошел в залу, плотно прикрыл внутреннюю дверь, и все с облегчением вздохнули. Куда приятнее было чувствовать себя в тепле их немудреного жилища, чем думать о том, что происходит за его стенами.

Порыв ледяного ветра, словно смертоносный вихрь, ворвавшийся в залу в тот момент, когда Флоримон открыл дверь, разметал застоявшееся там облако табачного дыма, и теперь сидящие за столом видели друг друга сквозь эти белесые извивающиеся ленты, которые спиралью скручивались у них перед глазами.

Волна холодного воздуха пригнула также пламя ламп и свечей. Несколько свечей погасло, и от них, издавая неприятный запах, завитками тянулась густая копоть.

— Мне кажется, добрые вина слегка ударили вам в голову, дорогая, — сказал де Пейрак. И его голос развеял у всех чувство тревоги.

Одна Анжелика пребывала в смятении. «А что если кто-нибудь умирает сейчас в снегу, может быть, совсем рядом», думала она.

Она с тревогой смотрела вокруг, пересчитывая своих. Все дорогие ее сердцу люди были здесь, в безопасности, под ее опекой.

Жоффрей де Пейрак обнял Анжелику за талию, словно желая подбодрить ее. В немом вопросе он приблизил к ней свое лицо. Она уклонилась от его взгляда.

Она, как, впрочем, и все, вволю насладились сегодня вкусной едой и горячительными напитками, и теперь ее, чего доброго, обвинят в том, что ей мерещатся голоса.

Но происшествие все же омрачило конец праздника.

Дети клевали носом. Их отнесли в постели вместе со всеми игрушками. Напротив поставили на табуретку мисс Памп-кайн, чтобы она присматривала за ними со своей ярко-красной, немного мрачной улыбкой.

Бартеломи, Тома и Онорина изо всех сил таращили свои глазенки, так хотелось им дождаться того момента, когда погаснут глаза и улыбка этой чудесной мисс. Но борьба длилась недолго, и они безмятежно уснули в мягком, полупрозрачном свете волшебной тыквы.

Анжелика нашла предлог, чтобы выйти во двор. Мысль, что какое-то заблудившееся человеческое существо умирает в снегу в нескольких шагах от их жилища, не оставляла ее и не дала бы ей спокойно уснуть. Она сказала, что хочет отнести несколько кусочков сахара лошадям, — они ведь заслужили, чтобы их тоже побаловали по случаю такого праздника.

Никто не обратил на ее слова внимания. Она натянула свои толстые рейтузы под юбку, меховые сапоги и набросила на плечи накидку, подбитую волчьим мехом. Еще нужны теплые перчатки, и тогда она вполне сможет совершить небольшую прогулку. Около входной двери Элуа Маколле, тоже накинувший поверх праздничной теплой одежду, зажигал потайной фонарь.

— Вы возвращаетесь к себе? — спросила она его.

— Нет, я иду с вами, сударыня, потому что вы во что бы то ни стало хотите посмотреть, что там во дворе.

Глава 30

Фонарь оказался ни к чему. Все вокруг было залито лунным светом.

Плывущие по небу черные, как копоть, тучи сейчас лишь изредка закрывали собою ночное светило. Снегопад, который вдруг начался к вечеру, когда уже стемнело, прекратился, но все было засыпано толстым слоем снега, который усиливавшийся мороз покрыл крепким настом, похрустывающим под ногами.

Едва они миновали узкий проход между сугробами, что вел от порога дома во двор, как ветер, гнавший поземку, ударил им в лицо ледяной пылью, и она безжалостно впивалась в кожу, словно тонкие металлические опилки. Они гремели по одежде, жгли лицо.

Пригнув головы, Анжелика и Элуа Маколле направились к конюшне, потом дальше, чтобы взглянуть, что делается за палисадом. По дороге Анжелика пристальным взглядом смотрела по сторонам, пытаясь разгадать тайну этой необыкновенно светлой ночи.

Видно было довольно далеко, до самого конца первого озера.

Все вокруг было окутано поблескивающей дымкой. Это поземка, словно алмазная пыль, вихрем закручивалась в гало вокруг верхушек деревьев, венчала нимбом вершины холмов, подчеркивала линию берега. А озеро, укрытое освещенным луной гладким и блестящим снежным покрывалом, больше чем когда-либо заслуживало сейчас названия «Серебряное».

Непрекращающееся пронзительное посвистывание и перешептывание зимней ночи звучало скорбной

песней замерзшей земли, отданной на растерзание суровой северной зиме.

Глаза Анжелики слезились от ветра, и это мешало ей смотреть. Вдруг внизу, на другом конце озера, промелькнул белый прозрачный силуэт. Кто-то бежал, размахивая руками, а потом, вдруг перекувырнувшись, исчез, словно растворился в беспощадном снежном вихре.

Анжелика и Элуа Маколле, ошеломленные, направились к краю мыса.

— Ну, теперь-то вы видели, Элуа, вы видели?.. — крикнула Анжелика.

Старый траппер покачал головой.

— Это привидения, — пробормотал он. — Никола Перро верно сказал: это привидения... Кому же еще бродить по лесам в такую непогоду, кроме как привидениям...

— Да вы бредите... Привидения!.. Там люди...

Она закашлялась, потому что холодный воздух попал ей в горло и у нее перехватило дыхание, а потом повторила, прокричав ему прямо в лицо:

— Я говорю вам, там люди... и они гибнут...

Они поспешно вернулись в форт. Их рассказ вызвал общее смятение.

Анжелика пыталась убедить всех, что она и вправду видела человека на противоположном берегу озера. Но старый Маколле упрямо твердил:

— Да привидения это, привидения... В конце концов они же существуют... Уж я-то их вижу не в первый раз...

— И я! И я тоже! — поддержало его несколько голосов. Анжелика остановила поток историй о призраках и привидениях, который вот-вот готов был хлынуть, топнув ногой и прокричав изо всех сил:

— Довольно, это люди, я вам говорю! Я слышала их крики!.. Слышала, понимаете?..

— Э-э... Крики... Ну хорошо, госпожа графиня, пусть это и впрямь кричали люди, которых вы увидели на берегу озера, но как все-таки вы могли услышать их, сидя здесь, в зале, ведь это больше чем в миле отсюда?

— Да нет, тут дело ясное — это привидения бродят и пугают добрых людей в сочельник, — сказал мэтр Жонас, нравоучительно поднимая палец. — И нам не остается ничего другого, как поплотнее законопатить все щели да помолиться.

Анжелика провела рукой по своему холодному, словно твердое, бесчувственное дерево, лбу.

Чему верить? Что думать?.. Ну хорошо, пусть услышанные ею крики были галлюцинацией, но фигура, которую она увидела на берегу озера, — нет, это не плод ее воображения!

Граф де Пейрак показался на пороге своей спальни, куда он ушел незадолго до их возвращения. Он спустился по ступенькам, которые вели в залу, и спросил о причине волнения.

— Мы заметили... кто-то там, внизу, на краю озера... — объяснила ему Анжелика.

— Да, там бродят привидения, — подтвердил Маколле. — Наверняка это неприкаянные души, я видел сквозь этого призрака лес...

Анжелика не осмелилась настаивать, ибо у нее тоже создалось впечатление, будто он был прозрачный.

— Может, это просто снежный смерч, поднятый ветром? — предположил граф де Пейрак.

Но на этот раз Анжелика и Маколле сошлись во мнении.

— Нет! Нет! Это... что-то другое.

Жоффрей де Пейрак внимательно смотрел на жену. Он заметил, что у нее какой-то потерянный взгляд — такой бывает она, когда ее что-то гложет. В эти дни она словно уходила в себя, целиком поглощенная вопросом, который еще не могла точно сформулировать, но на

который она одна должна была найти ответ. Он догадывался, что она до крайности чувствительна к феноменам, имеющим в основе абсолютно материальную сущность, но не становящимся от этого более объяснимыми.

Граф размышлял.

Никола Перро разделял его сомнения. Он посмотрел на Анжелику тем же самым озадаченным и пронизательным взглядом, что и хозяин, и вдруг выпрямился.

— Нужно идти туда, — решительно заявил он. И обернулся к Анжелике. — Вы именно этого хотите, госпожа графиня? Да?.. Что ж, если так, тогда пойдете...

— Идет, — сказал граф, решаясь. — На худой конец мы рискуем всего лишь совершить не очень приятную прогулку, но зато вы успокоитесь, дорогая, не правда ли?

Овернец Кловис отшатнулся, отчаянно замахав руками.

— Бежать за призраками, мне? Ни за что! — воскликнул он и, бросившись на нары, с головой укрылся одеялом.

И этот нечестивец даже перекрестился несколько раз.

В сопровождении Никола Перро, двух испанцев, Жака Виньо, Флоримона и Кантора Анжелика и граф де Пейрак с фонарями спустились к озеру. Итальянец Поргуани уже улегся спать в своей клетушке около мастерской, и они решили его не беспокоить. Элуа Маколле следовал поодаль, ворча и перебирая в кармане свои четки.

Луна время от времени скрывалась за облаками. Снег был такой твердый, что не пришлось даже надевать снегоступы.

Они медленно продвигались по правому берегу озера. Идти было трудно, и все молчали. Слышно было только, как поскрипывал под сапогами и мокасинами снег да тяжело и хрипло дышали люди, тем более что в морозном воздухе все звуки усиливались.

Дойдя до конца озера, они остановились.

— Вот здесь, — сказала Анжелика, оглядываясь. Вокруг царила тишина, такая торжественная тишина, что беспокойство, которым они только что были объаты, сейчас казалось необъяснимым.

Даже ветер немного утих и поземка дула совсем слабо, едва взметая свежавыпавший снежок.

Пройди они еще немного вперед, они увидели бы водопады, сверкание kloкочущего каскада, похожего на трубы хрустального органа. Все вокруг выглядело сумрачным, спящим.

— Ну что ж, поищем, — сказал граф де Пейрак.

Они разошлись в разные стороны, кругами освещая землю светом фонарей.

Но снежный покров был девственно нетронутым.

Закоченевшая Анжелика уже готова была упрекнуть себя в чрезмерной настойчивости. Завтра, когда она проснется и винные пары рассеются, она посмеется над этой глупой историей. А потом ей придется приготовить себя к тому, что все долго еще будут подтрунивать над ней. Потом вдруг неудержимое и упорное желание обязательно найти, разгадать эту тайну охватило ее, и она искала, искала, натываясь на деревья, на кусты, оступаясь в рытвинах.

Немного погодя они снова собрались все вместе и решили возвращаться в форт.

Но словно какая-то невидимая рука продолжала тянуть Анжелику назад. Она никак не могла решиться покинуть это место и, дав другим обогнать себя, потихоньку отстала.

Она жалела, что с ними нет индейца из племени панис, который сопровождал обычно Никола Перро, — вот у кого действительно нюх, как у охотничьей собаки. Но он очень боится ночных призраков, и даже сам Никола не смог бы, пожалуй, заставить его пойти с ними.

В последний раз Анжелика обежала взглядом заснеженное пространство от берега озера до опушки леса.

Там какой-то странный сугроб...

В этот момент луна в полном своем сиянии выползла из-за тучи, пучок серебряного света скользнул между ветвями и упал на этот холмик. Анжелика чуть не закричала.

Рассеянный свет, придавая новую форму теням, особенно четко вырисовывая бугры и впадины местности, вдруг на один миг выхватил из темноты очертания распластанной человеческой фигуры.

Она увидела, да-да, увидела под белым покрывалом мягкие очертания головы, тела...

А там, дальше, не откинута ли это рука?..

С бьющимся сердцем она поспешила туда. Холмик снова был погружен в полумрак. Она бросилась на колени и с неистовством стала разгребать снег. Она что-то нащупала, еще не зная, что именно, но что-то она уже держала в своих руках, судорожно сжимающихся по мере того, как она тащила, и это были не листья, не земля, не... Но что же?.. Что можно было найти здесь под снегом?..

Она сняла перчатки, чтобы лучше прощупать пальцами, — материя!..

И тогда она принялась тянуть, изо всех сил тянуть. И что-то тяжелое, негнущееся показалось из-под снега. Это была рука человека.

Она продолжала разгребать, тащить, уже высвободила плечо, приподняла весь торс, и снег легко

соскользнул с туловища, потому что снега было не так много, как раз столько, чтобы скрыть от взглядов тело человека, который упал тут от изнурения.

Высоко подняв фонарь, она посветила вокруг. Тут, под снегом, лежали и другие. Теперь она ясно угадывала их. Как же они не заметили их раньше? Ведь столько людей всего лишь несколько минут назад прошли здесь, совсем рядом с ними.

Она снова принялась за работу, и ей удалось окончательно выволить первое тело и волоком перетащить его на открытое место, цепляясь за одеревеневшую одежду своими ноющими от боли голыми пальцами. От волнения она дышала так лихорадочно, что у нее огнем горело горло. И она была не в состоянии позвать на помощь.

К счастью, вблизи послышался голос графа, окликающий ее, — это Жоффрей де Пейрак вернулся за ней.

— Где вы?..

— Здесь, — ответила она, — идите скорее, скорее, вот они.

— О Боже! — воскликнул Жоффрей. И увидел, как она выходит из тени деревьев, согнувшись под тяжестью какой-то темной и неподвижной ноши.

Глава 31

Они выкопали из-под снега восьмерых. Восемь человек. Восемь существ, неразличимых под панцирями своих задубелых ото льда плащей, митассес и одеял. Неподвижные, они еще, кажется, дышали.

— Они живы. Они свалились здесь всего какой-нибудь час назад, и их припорошило снегом.

— Но кто они? — спросил Виньо.

— А кто, ты хочешь, чтобы они были? — вопросом на вопрос ответил Маколле.

— Ты же слышал, что сказал Перро. Раз они не привидения, и значит, канадские французы. Только эти безумцы могут прогуливаться в такую погоду по здешним местам.

Один из них — тот, которого нес Жак Виньо, — совсем заледенел и был словно бревно.

— Он же тяжелый, как дохлый осел, этот тип, бурчал себе под нос парижанин, с трудом продвигаясь по тропинке к форту, — уж он-то покойничек, тут спору нет, тот, кого ты тянешь на себе, сын мой! Это уж точно. У тебя на спине покойник, друг мой Жак!.. — И он торопливо перекрестился.

Что ж, даже язычник — а именно к их числу принадлежал Жак Виньо, — когда его разбивает паралич, неся свой крест, вспоминает об Иисусе Христе.

Вот она, ночь богоявления! Самая настоящая ночь богоявления!

В зале форта уже просто некуда было ступить. Те, что в ожидании оставались в доме, смотрели на входящих с ужасом. А они все шли, и спасители, как и спасенные, одинаково походили на призраков — покрытые снегом, с побеленными инеем бровями и подбородками.

У всех спасенных лихорадочно горели глаза, а во взглядах некоторых из них, казалось, еще отражался мрак потустороннего мира.

Жак Виньо свалил свою ношу прямо на стол, и одеревенелое тело с глухим стуком упало между блюдами и не убранными еще несколькими слитками золота. Бедняга Жак совсем выбился из сил. Он дышал, словно вытащенный из воды морской лев, и тряс своими посиневшими пальцами.

Четверо почти совсем не подавали признаков жизни, и их положили на пол, но остальные вроде бы начинали приходить в себя, и им помогли сесть на скамьи.

Судя по лицам спасенных, побелевшим от мороза, среди них были трое индейцев и четверо европейцев. Европейцы — все французы. Лицо мертвеца было закрыто капюшоном.

Французы основательно обросли бородами, в которых повисли сосульки, и теперь они подтаивали и падали на пол с тихим звоном разбитого стекла. Беднягам поднесли к губам чарки с водкой. Они выпили, и их дыхание стало более ровным и глубоким.

Опасный сон в холодной ночи, под снегом, который чуть не похоронил их под своим покровом, не превысил двух часов. Однако один из них был мертв. Тот, что лежал на столе.

Никола Перро подошел и, откинув капюшон из шерстяной ткани, скрывавший лицо мертвеца, глухо воскликнул:

— Боже! Пресвятая дева!.. Какая жалость!..

Он перекрестился.

Подошли другие и, узнав покойного, отшатнулись с такими же приглушенными возгласами. Страх, суеверный страх завладевал их сердцами, ибо того человека, застывшее в каменной неподвижности лицо которого они только что разглядывали, они уже давно

считали мертвым, они догадывались, что он мертв, что он умер по меньшей мере около трех недель назад, там, на берегу озера Мегантик.

Это был лейтенант Пон-Бриан!..

Все обернулись к графу де Пейраку. Тот подошел, хмуря брови, и спокойно оглядел обтянутое бледной кожей лицо с закрытыми глазами. Одним пальцем он еще больше отодвинул капюшон, обнажив на виске черную звездочку. Крови вокруг раны почти не было, из-за холода.

Он кивнул. Да, это тот самый человек, которого он убил своей шпагой. И глаза его, которые он, как честный противник, сам закрыл ему, с тех пор не открывались.

Итак, все ясно, у них в доме покойник. Уже три недели прошло с того дня, как он умер, но благодаря морозу труп сохранился, спрятанный на ветвях дерева, куда положил его гурон, — так в этой стране обычно хоронят зимой, чтобы уберечь труп от лисиц и волков до той поры, когда оттаает земля и можно будет выкопать могилу.

— Мертвый, — прошептала госпожа Жонас, наклонившись к Анжелике, которая хлопотала у очага, разогревая суп и мясо.

— Ну что ж...

— Это лейтенант Пон-Бриан.

Анжелика вздрогнула и выпрямилась. Она была у своего очага, на помосте, и могла видеть всю залу, сейчас являвшую собой странное зрелище: застывшие вокруг стола фигуры, созерцающие окаменевшее тело, распростертое между остатками праздничного ужина и поблескивающими слитками золота.

— Да, это лейтенант Пон-Бриан, — произнес чей-то чужой властный голос.

Один из незнакомцев встал, пошатываясь. На его бледном лице еще не изгладились следы пережитого.

Глаза его горели, и он впился взглядом в графа де Пейрака.

— Да, это лейтенант Пон-Бриан, которого вы убили и от имени которого мы пришли потребовать правосудия, мессир де Пейрак.

Жоффрей де Пейрак спокойно оглядел его.

— Откуда вы знаете меня, сударь?

— Я граф де Ломени-Шамбор, — слышалось в ответ. — Вы не узнаете меня? Мы с вами встречались в Катарунке.

Никола Перро, которого не было в Вапассу в те дни, когда приходил лейтенант Пон-Бриан, вглядывался поочередно во всех присутствующих пристальным, недоумевающим взглядом.

— Нет, это невозможно! — воскликнул он, подбегая к графу де Пейраку и судорожно хватая его за камзол, чего он никогда бы не осмелился сделать, не будь он в состоянии крайнего волнения. — Вы убили этого человека?.. Но он был моим другом!.. Моим братом!.. И вы, вы его убили!.. О, это не правда!

— Нет, это правда, — слабым голосом сказал один из спасенных. — Вот каков человек, которому вы служите, Никола!.. Он в любую минуту без колебания убьет вашего соотечественника, если ему это потребуется...

Жоффрея де Пейрака — а он до тех пор с невозмутимым видом стоял среди взволнованных и напуганных своих людей, — казалось, внезапно обуял яростный гнев, особенно когда он перехватил растерянный взгляд этого честного канадца Никола Перро.

— Да, я его убил, — сказал он глухим и хриплым голосом. И, повернувшись к графу де Ломени, закончил:

— Но Никола Перро — мой друг. И не пытайтесь поссорить нас.

Его черные глаза сверкнули, взгляд их стал страшен.

— Лицемеры! Лицемеры! Вы же знаете, за что я его убил. Так почему же вы прикидываетесь возмущенными?.. И обвиняете меня в преступлении? А ведь я всего лишь отомстил за свою поруганную честь!.. Разве в ваших жилах течет не дворянская кровь? Разве вы не знаете, что этот человек воспылал страстью к моей жене... Он пришел сюда с намерением соблазнить ее, забрать ее себе, похитить... Он пришел сюда, чтобы украсть ее у меня и оскорбить в моем собственном доме... И я должен был, по-вашему, смириться с таким вероломством? Должен был оставить его поступок, его преступную страсть безнаказанными?.. Нет, тому, кто идет на такое безумие, нужно быть готовым к расплате!.. Таков закон!.. У нас была честная дуэль, по всем правилам... Он убит. И знайте же, если кто-нибудь еще осмелится оскорбить своей любовью мою жену, его постигнет та же участь, какой бы расы или национальности он ни был.

Его слова падали в мертвую тишину. Взгляды всех перешли от него, стоящего перед ними в своем роскошном пурпурном одеянии, к той, что находилась наверху, на возвышении, в колеблющемся свете пламени, и она предстала им во всей своей необыкновенной красоте, в ореоле своих переливающихся золотом волос, с глазами цвета морской волны, в которых в этот момент промелькнуло выражение ужаса... Все заметили, что французы, а они только что увидели ее, вздрогнули, словно от удара. Да, она была именно такой, какой о ней шла молва, эта Дама с Серебряного озера! Красавица! И красота ее покорила их смущенные умы. На какое-то время они просто застыли, утратив дар речи. Потом один из них провел рукой по лбу.

— Боже правый! — пробормотал он вполголоса. — Какое безрассудство! — И, повернувшись к мессире де Ломени, добавил:

— Вы были правы...

Ни для кого не составляло тайны, что Пон-Бриан был влюблен в эту чужую женщину, живущую в глуши леса, что он почти обезумел от страсти.

Никола Перро опустил голову.

— Если дело обернулось таким образом, вы не могли поступить иначе, монсеньор. Вы должны были его... Я прошу прощения за моего друга.

Он снял свою меховую шапку и молча склонился над телом. «Можно ли представить себе касту более грозную и решительную, чем эти канадцы?» — думал де Пейрак. И он словно увидел, как они бегут по снегу, в мороз, неся окостеневшее тело друга, взывающее к отмщению...

— Какие еще дела будут у вас ко мне, мессире из Новой Франции? — снова заговорил Пейрак, и в голосе его послышалась горечь. — Вы хотели, чтобы Катарунк был сожжен? Ладно! Он сожжен, вы добились своего. Вы хотели, чтобы мое имя было забыто в Северной Америке, или чтобы я пал жертвой извечной ненависти ирокезов, или же, в крайнем случае, чтобы я стал на вашу сторону в той борьбе, которую вы ведете против них? Но вот тут ваши замыслы потерпели крах.

— Мессир де Пейрак, я никогда не отрекался от своих обещаний, данных вам в Катарунке, — протестующе сказал де Ломени.

— Ну, не вы, так ваши собратья. Модрей и особенно тот иезуит, что живет на реке Кеннебек. Ведь он-то не пожелал признать соглашение, заключенное вами со мною, с чужаком... Это он подослал Модрея и патсуикетов, чтобы они злодейски убили ирокезских вождей, и, по-видимому, правительство Новой Франции

отнюдь не намеревается расследовать это преступление...

— Вы заблуждаетесь. Наше желание заключить союз с вами было искренним, и доказательством служит тот факт, что мессир де Фронтенак, узнав, что вы живы, несмотря на не слишком милосердное время года, спешно послал меня к вам гонцом с поручением и новыми предложениями.

— Вы хотите сказать, что, покидая Квебек, вы на сей раз не имели враждебных намерений по отношению ко мне?..

— Нет. И потом, ведь вы прекрасно видите, нас немного. Граф бросил взгляд на четверых изнуренных французов и троих индейцев — последние так еще и не пришли в себя, хотя для них сделали все возможное.

— Но что с вами произошло?

— Это трудно объяснить. Мы привыкли к таким зимним походам. Отлично прошли до Мегантика. Там мы наткнулись на следы вашей дуэли и тело несчастного. И вот не с той ли поры, как мы двинулись дальше, неся тело Пон-Бриана, нас стал преследовать какой-то злой рок?.. Ну прямо будто колдовство какое обрушилось на нас по мере того, как мы приближались...

— Вапассу — место запретное...

— Наши индейцы знают это. Они испугались. И видно, страх совсем лишил их сил, да и мы сами чувствовали, что понемногу слабеем с каждым днем. Но назад пути не было, это верная смерть. В конце концов у нас осталась только одна надежда на спасение — любой ценой добраться до вашего форта. Но после тех невероятных усилий, которые нам пришлось приложить, чтобы подняться на скалы около водопадов, усталость свалила нас, мы упали без чувств, и... Как это случилось, что вы нашли нас?

Никто ему не ответил.

— Как вы смогли найти нас? — повторил француз, с недоверием глядя на них.

— Сегодня ночь богоявления! — ответил Жоффрей де Пейрак с язвительной улыбкой.

Он посмотрел на собеседника долгим загадочным взглядом.

— Не все всегда получается так, как мы того хотим, сказал он. — Вы вышли из Квебека, я охотно верю в это, с намерением соединиться со мной на основе... ну, я бы сказал... нейтралитета. По дороге вы наткнулись на труп своего друга. Это вас взволновало, возмутило, и ваши намерения стали более воинственны, вы решили отомстить мне. Но зима — враг более жестокий, чем я, и в конечном счете вы благодарите судьбу за то, что я сам вышел вам навстречу, чтобы спасти вас от него. Право, создается впечатление, что наши встречи каждый раз обречены носить несколько двусмысленный характер. Должен ли я относиться к вам как к пленникам, как к заложникам, зная о ваших планах мести, или принимать вас как гостей, исходя из ваших первоначальных намерений?

И снова французы переглянулись, как бы советуясь друг с другом, а один из них, хорошо сложенный и даже несколько изысканной внешности, ответил:

— Прежде всего разрешите представиться. Я барон д'Арребу, главный синдик Квебека, и я могу подтвердить вам слова мессира де Ломени. Действительно, монсьером губернатором де Фронтенаком на нас была возложена миссия встретиться с вами в мирных целях. Он намеревался сделать вам предложение... Но, быть может, мы сумеем обсудить его позднее, — неожиданно прервал себя барон, потирая свои окоченевшие пальцы, которые начинали отходить в тепле, доставляя ему жестокие страдания.

Он бросил взгляд на лицо Пон-Бриана, уже изменившееся под действием мороза и северного ветра, и этот покоящийся среди поблескивающих слитков золота труп казался мрачным символом тщеты ценностей мира сего.

— Учитывая побуждения, толкнувшие вас на убийство этого человека, — вновь обратился он к графу де Пейраку, — мы очень хотели бы рассматривать его не как враждебный с вашей стороны акт по отношению к Новой Франции, хотя мы не можем не скорбеть при виде такого насилия. Мессир де Ломени и я сам, мы долго прожили в этом весьма ограниченном кругу людей еще в те времена, когда колония только зарождалась, и мы знаем, какая строгая дисциплина нужна, чтобы не дать распоясаться демону сладострастия, но мы молились...

— У меня не монастырь! — сказал Пейрак. — У меня есть порох и веревка... и шпага для дворян...

— В вас нет святости...

— Нет! Избави меня Бог от нее!..

Они оба держались с крайней заносчивостью, словно готовы были вот-вот взяться за оружие. Парадоксальность ответов графа де Пейрака, окрашенных дерзкой иронией, приводила канадцев в негодование. Этот человек тоже оказался именно таким, каким рисовала его молва: черный дьявол рядом с дьяволицей, бросающий вызов своими гримасами и искрометным взглядом.

Напряжение достигло крайней точки.

Анжелика спустилась по ступенькам в залу и подошла к ним.

— Сядьте к огню, судари, — сказала она мелодичным спокойным голосом. — Вы так изнурены...

И видя, что граф де Ломени совсем слабеет, она обхватила его рукой и поддержала.

— Что делать с трупом? — прошептал Жак Виньо на ухо графу де Пейраку.

Хозяин Вапассу знаком показал, чтобы его вынесли во двор, на холод, в ледяной мрак.

Другого выхода не было. Мертвым здесь не место.

**ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
УГРОЗА**

Глава 1

Что это с ней? Может, она слишком мало спала, или это из-за ночных волнений, или, может, во всем виноват парализующий холод, который все усиливается? Проснувшись, Анжелика не в силах была шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Она не осмеливалась шелохнуться, боясь, что ее начнет трясти как в лихорадке. Крохотное окно, затянутое вместо стекла рыбьим пузырем, сплошь было покрыто слоем инея. Сквозь него просачивался скупой свет. Достаточный, однако, чтобы догадаться, что час уже поздний. Обычно в Вапассу поднимались, едва начинал брезжить рассвет... Но в это утро все спали как убитые.

Анжелика твердила себе, что должна встать и разжечь огонь в очагах, но проходила минута за минутой, а она продолжала пребывать в оцепенении, которое, казалось ей, она никогда не сможет превозмочь.

Она подумала — такая мысль уже мелькнула у нее однажды, на следующий день после той ночи любви, — уж не беременна ли она. Это сразу вывело ее из дремоты, хотя она и не знала, огорчаться ли ей или радоваться, как радуется большинство женщин, когда чувствует под сердцем зарождение новой жизни.

Она покачала головой. Нет, это не то.

Это что-то другое.

Какая-то смутная тревога, почти страх словно бременем легли на форт. С тех пор как они пришли в Вапассу, она впервые испытывала такое чувство.

И тогда она вспомнила.

У НИХ В ДОМЕ ЧУЖИЕ.

Нет, конечно, она не сожалела, что они спасли их, но какой-то внутренний голос подсказывал ей, что вместе с ними в дом вошла угроза.

Она поднялась тихонько, чтобы не разбудить мужа, который спал подле нее, как всегда, спокойным, тихим сном.

Быстро натянув на себя поверх белья шерстяные рейтузы и бумазейное платье, она надела еще меховую безрукавку, а потом длинную накидку и наконец почувствовала себя лучше.

Каждую неделю они прибавляли к своей «сбруе» еще что-нибудь теплое. Госпожа Жонас шутила, что к концу зимы они, все три женщины, в своих многочисленных одеждах станут такими толстыми и неповоротливыми, что им скорее придется не ходить, а перекатываться с боку на бок.

Как всегда, Анжелика опоясалась своим кожаным поясом, на котором она всегда носила справа в кобуре пистолет, а слева ножны, одни с кинжалом, другие с ножом. К ним постоянно прибавлялись разные необходимые мелочи, которые она затыкала за пояс: какой-нибудь шнурок, перчатки для грязной работы, теплые рукавицы, кошелек...

Зато, когда все было у нее под рукой, в нее вселялась уверенность, что она во всеоружии, что она готова ко всему, чего бы от нее ни потребовали... А один Бог знает, чего только от нее ни требовали...

Волосы Анжелика чаще всего закручивала в высокий шиньон, на который надевала плотный чепец с полями, слегка приподнятыми по бокам, — так носили свои чепчики богатые дамы в Ла-Рошели.

Этот головной убор подчеркивал правильный овал ее лица, придавая ему строгость, суровость. Анжелика принадлежала к числу женщин, которые вполне могут довольствоваться одним лишь этим столь скромным украшением. В нем она чувствовала себя

непринужденно. Выходя во двор, она надевала иногда широкополую шляпу темно-каштанового цвета с сиреневым пером. Правда, редко, потому что широкие поля шляпы не позволяли, когда шел снег, набросить на голову меховой капюшон накидки.

Дома она носила мягкие расшитые замшевые сапожки индейской работы, и в них было тепло. Когда она выходила во двор, она надевала кожаные гамашки до колен и грубые башмаки.

Каждый день свежий, ослепительной белизны, крахмаленный отложной воротник, а иногда даже и воротник с небольшим кружевом обрамлял шею дам, украшая их скромное платье. Только в этом, если еще добавить, что крахмаленный чепец был такой же белоснежный, и выражалось их женское кокетство.

Анжелика вышла из своей комнаты как раз в тот момент, когда человек, стоявший у их двери, собирался постучать к ним. И, открыв дверь, она нос к носу столкнулась с Элуа Маколле.

Старый траппер с худым, скуластым, словно вырезанным из куска узловатого дерева, лицом, с черной щелью беззубого рта, в своем красном колпаке, снова плотно нахлобученном на его оскальпированный лоб, выглядел так, что человек даже с более крепкими нервами мог бы вздрогнуть, увидев его в полумраке.

Анжелика отшатнулась.

Старик чуть не упал на нее, и она увидела совсем рядом с собой его маленькие глазки, горящие, словно светлячки.

Это было непривычно — в такое время встретить Маколле в доме.

Она только открыла рот, чтобы поздороваться с ним, как он, приложив палец к вытянутым губам, знаком показал ей молчать. Потом с изяществом гнома старик

на цыпочках пошел к входной двери и жестом пригласил ее последовать за ним.

Слышно было, как в глубине залы, за меховыми занавесками, потягивались и позевывали на своих нарах мужчины. Большой камин еще не был разожжен.

Анжелика закуталась в накидку, чтобы ее не пронял холод зимнего утра, прозрачного, словно сапфир.

— Что случилось, Маколле?..

Он все еще делал ей знак молчать и продолжал осторожно продвигаться вдоль снежного коридора, высоко поднимая ноги. Покрытый корочкой льда снег как-то странно попискивал под его ногами.

Это был единственный звук, нарушавший тишину.

На востоке все было окрашено розовым светом, окаменевший мир уже вырывался из ночной темноты.

Запах дыма, как обычно, витал в воздухе. Густой и неторопливый, дым тянулся сквозь щели между кусками коры, через отверстие в округлой крыше вигвама Маколле.

Анжелике пришлось чуть ли не на коленях проползать в вигвам вслед за стариком. В продымленном сумраке она не заметила ничего особенного. Тлеющие в очаге угли не могли как следует осветить лачугу, достаточно просторную, но загроможденную какими-то причудливыми предметами. И когда Анжелика различила фигуры троих индейцев, скрючившихся около очага, их полная неподвижность сразу же показалась ей странной.

— Вы видите? — проворчал старик.

— Нет, пока я ничего не вижу, — сказала Анжелика, кашляя от дыма, который драл ей горло.

— Подождите, сейчас я вам посвечу...

Он начал возиться со своим маленьким фонарем, сделанным из рога.

Анжелика с опаской рассматривала лежащих под одеялами индейцев.

— Что с ними? Они мертвы?..

— Нет... Хуже!

Ему наконец удалось зажечь свой фонарь.

Маколле без церемоний схватил одного из гуронов за прядь волос и приподнял его голову так, чтобы яркий свет фонаря упал на его лицо.

Индеец не сопротивлялся, безучастный, бесчувственный. Горячее дыхание вырывалось из его груди, воспаленные, пересохшие губы были неприятного фиолетового цвета. Лицо пылало от жара и все оказалось испещренным темно-красными пятнышками.

— Оспа!.. — сказал Маколле.

Извечный ужас, внушаемый этой страшной болезнью, искривил губы старика, тайком блеснул в его взгляде под мохнатыми бровями.

Оспа!.. Черная оспа... Ужасная оспа...

Анжелика почувствовала, как дрожь пробежала по всему ее телу. Она не могла вымолвить ни слова. С расширенными от ужаса глазами она повернулась к Элуа Маколле, и они так и застыли, в молчании глядя друг на друга.

Наконец старик прошептал:

— Вот почему они свалились там ночью. Они уже были больны ею, этой красной болезнью!..

— Что же будет? — спросила она одним дыханием.

— Они умрут. Индейцы не переносят этой мерзости... Ну а мы... Мы тоже умрем... Не все, конечно. Можно и выкарабкаться, но уж лицо у тебя будет разукрашено, словно изъеденная червем кора.

Он отпустил голову индейца, который долго еще стонал, а затем снова безжизненно затих.

Анжелика, спотыкаясь, побежала к дому. Прежде всего она должна обрести рядом с собой Жоффрея, а потом уже можно думать, что делать. Иначе паника охватит ее. А если это случится, тогда, она знала, ее

достанет только на то, чтобы схватить в охапку Онорину и, вопя от ужаса, спастись с нею в морозном лесу.

Когда она вошла в залу. Кантор и Жан Ле Куеннек возились у очага: Кантор разжигал огонь, Жан подметал. Они поздоровались с нею ласково, весело. И при виде их ей вдруг открылась непосильная, страшная истина.

Они все умрут.

Выживет только один — овернец Кловис. Он уже болел черной оспой и выжил. Он предаст их земле, одного за другим... Предаст земле? Нет, скорее ему придется положить их тела под глыбами льда в ожидании весны, когда можно будет выкопать могилы.

Их спальня показалась Анжелике последним убежищем, а здоровый, сильный мужчина, спящий в их постели, — последним ее оплотом перед смертью.

Еще совсем недавно ее окружало только счастье. Счастье бесхитростное, запрытанное, затаенное, непохожее на то, что считает счастьем большинство людей, но, несмотря на все, счастье, потому что они вдвоем владели самым ценным, что есть на свете: жизнью, торжествующей жизнью.

Теперь смерть вползала к ним, словно туман, словно дым, стелющийся по полу, и, даже если они накрепко запрут все входы и выходы, она все равно проникнет к ним. Анжелика позвала вполголоса:

— Жоффрей! Жоффрей!

Она не осмеливалась даже коснуться плеча мужа, уже боясь заразить его.

Однако когда он открыл глаза и, улыбаясь, посмотрел на нее своими живыми, темными глазами, у нее появилась безумная надежда, что и от этой опасности он сумеет защитить ее.

— Что случилось, мой ангел?

— Гуроны мессира де Ломени больны оспой...

Она с гордостью отметила: он не вскочил, он спокойно поднялся, не проронив ни слова. Она протянула ему его одежду. Он пренебрег только одним — не полежал какое-то время, как любил обычно, потягиваясь после сна с наслаждением хищного зверя, который готовится к ежедневной битве за жизнь. Он молчал.

Да и что здесь было говорить, ведь он знал, что она не принадлежит ни к числу тех женщин, которые не могут правильно оценить обстановку, ни к числу тех, что цепляются за пустые слова утешения.

Он молчал, но она видела, что он напряженно думает. Наконец он сказал:

— Черная оспа? Наверяд ли. Ну, предположим, что они принесли ее из Квебека, что там сейчас свирепствует оспа. Но такие болезни обычно появляются весной, с приходом кораблей. И если в Квебеке никто не болел оспой с осени, иначе говоря, с тех пор как замерзла река Святого Лаврентия, то это не может быть оспа...

Ход его мыслей показался ей правильным, разумным. Она вздохнула свободнее, и лицо ее порозовело.

Прежде чем выйти вместе с ней, он положил руку на ее плечо, на секунду крепко сжал его и сказал:

— Мужайся.

Глава 2

В вигваме Маколле Жоффрей де Пейрак долго стоял, склонившись над больными гуронами. Их лица были багровые. Когда приподняли их веки, увидели, что глаза у них словно налиты кровью. Дышали они тяжело, со свистом, и все трое были без памяти.

— Они и вчера, когда их перенесли сюда, были почти в таком же состоянии, — объяснил Маколле. — Когда я их укладывал здесь, то решил, что они такие ошалевшие от холода.

— Ну, так что вы об этом думаете, Маколле? — спросил Пейрак. — Язык не поворачивается произнести, а? Да, это явные симптомы оспы, не отрицаю, но мы не видим еще характерных пустул на теле. Только красные пятнышки...

Канадец с сомнением покачал головой. Надо ждать. Ничего другого не остается.

Они тихонько обсудили втроем, какие меры предосторожности нужно принять, какие отдать распоряжения. Маколле сказал, что гуронов он берет на себя. Водка, он хорошо знает это по личному опыту, лучший защитник от всех поварьных болезней. Он останется здесь, но с бочонком водки.

Покачивая головой, старик признал, что даже самые неприятные положения имеют, в конце концов, и свои преимущества. Что ж, он будет пить водку, еще чаще — полоскать себе горло, а также протирать руки после возни с индейцами.

Жоффрей де Пейрак сказал, что около его вигвама соорудят небольшой шалаш, чтобы он мог там париться по-индейски. Он должен париться и менять одежду каждый раз, перед тем как войти в дом.

— За меня не тревожьтесь, — успокоил их старик, — ведь я был среди монтанье и гуронов во время оспы, которая покосила их в 1662 году. Я ходил из одной деревни в другую и везде видел только смерть. И ничего, жив. Что же касается гуронов, то я буду поить их отваром из трав и поддерживать в вигваме огонь. Ну а что дальше, посмотрим...

— Я приготовлю вам провизию и травы для отваров, — сказала Анжелика.

Когда она шла по тропинке назад к дому, ей пришлось призвать на помощь все свое спокойствие.

Наступил день, розовый, холодный, ясный.

Войдя в залу, она вдруг столкнулась лицом к лицу с самым настоящим иезуитом. Пожалуй, более типичного иезуита здесь не сыщешь на сто лье окрест.

Это был священник среднего роста, кругленький, с простодушным выражением приветливого лица, смеющимися глазами, глубокими залысинами на лбу и роскошной густой бородой. Он носил черную сутану, сшитую из хорошего добротного дрогета, опоясанную черным поясом, на котором болтались нож, кошелек, а на груди его на шелковой тесьме висел весьма внушительный черный крест с медными уголками. Довольно толстая шея нависала над твердым стоячим воротником, поверх которого был отложной воротник из белого полотна.

— Разрешите представиться, сударыня, — сказал он. — Я отец Массера из общины иезуитов.

Его появление, да еще в такой момент, поразило Анжелику так, словно она увидела привидение. Она отступила на несколько шагов, и, чтобы не упасть, ей пришлось опереться о стену.

— Но откуда вы здесь, святой отец? — пробормотала она.

— Из этой кровати, сударыня, — ответил он, жестом указав в глубину залы, — из этой кровати, в которую

вчера вечером вы так заботливо сами уложили меня.

Только теперь она поняла, что он один из тех, кого они вчера в последнюю минуту вырвали из лап смерти.

Уж не его ли как раз она вчера нашла первым и с таким трудом вытащила из-под снега? Просто она не заметила его сутаны под задубевшим на морозе плащом.

— Да, это именно я, — сказал он, словно угадав ее мысли. — Вы, сударыня, вынесли меня из леса на своих плечах. Я был в сознании и все помню, но слишком заоченел, и холод настолько парализовал меня, что я не в состоянии был сразу представиться вам и поблагодарить.

Его глаза, продолжая улыбаться, в то же время изучали ее с острым вниманием, и за их веселостью можно было разглядеть хитрую сдержанность и крестьянскую сметку.

Анжелика растерянно провела руками по лицу.

— Отец мой, позвольте мне принести вам свои извинения... Я была так далека от мысли, что среди наших гостей находится иезуит... и потом, я под впечатлением такой ужасной новости...

Она приблизилась к нему и прошептала:

— Есть подозрение, что ваши гуроны больны черной оспой.

Добродушный отец Массера переменился в лице.

— О, дьявол! — воскликнул он, бледнея. Такое восклицание в устах иезуита свидетельствовало о крайнем его волнении.

— Где они?

— Здесь, рядом, в вигваме нашего старого Маколле.

И так как он направился к двери, она добавила:

— Подождите! Не выходите так, святой отец! На дворе ужасный мороз.

Она схватила длинный черный плащ с высоким воротником, который он положил на угол стола, сама

набросила его ему на плечи и хорошо укутала.

Возможно, при других обстоятельствах она не сделала бы этого. Ну если бы, например, этого респектабельного иезуита ей представили в чьем-нибудь салоне. Но сейчас она была настолько оглушена тревогой, что поступки ее начинали опережать ее мысли, сейчас она особенно сильно чувствовала свою ответственность за здоровье каждого, а потому не в силах была видеть, как этот иезуит подвергает себя опасности простудиться, выходя раздетым на мороз. Она также подала ему его шляпу. Он удалился широким шагом.

И только тогда она подумала, что ей обязательно надо бы выпить чего-нибудь горячего, чтобы прийти в себя. Она подошла к очагу, налила в деревянную чашку немного кипятку и взяла со стола бутылку сидра.

За столом мужчины доедали похлебку, которую они сами разогрели. Некоторые размачивали куски холодной маисовой лепешки в стаканах, до краев наполненных водкой.

— А госпожа Жонас еще не выходила? — справилась у них Анжелика.

Они отрицательно помотали головами.

Они были смущены присутствием двух гостей, которые сидели на другом конце стола. Один из гостей был тот, что представился бароном д'Арребу.

Барон д'Арребу, широкоплечий и крепкий мужчина с седеющими висками, благородной внешности, уже успел даже побриться. Другой был долговязый молодой человек с суровым выражением лица.

Но Анжелика, поглощенная своими мыслями, даже не обратила на них внимания. Ее беспокоило отсутствие госпожи Жонас, которая обычно вставала раньше всех, разводила огонь в очагах и принималась хлопотать на кухне.

Не было и мэтра Жонаса, не появлялась еще и Эльвира.

— Может, они уже заболели?

— А дети?

Прежде чем пойти справиться о них, она заставила себя принять все меры предосторожности, рекомендованные Жоффреем: прошла в свою спальню, сменила верхнюю одежду и вместе с платьем, в котором она была накануне, в праздничную ночь, вынесла все на мороз, сменила чепец, протерла руки и прополоскала рот водкой.

И только после этого с бьющимся сердцем постучала в дверь комнаты супругов Жонас. Услышав в ответ голоса, она с облегчением вздохнула и вошла.

Дети уже встали, оделись и играли в уголке, но все трое взрослых, сидя каждый на своей кровати, с каким-то остолбеневшим видом повернули к вошедшей Анжелике бледные лица, которые выражали беспредельное горе.

— Вы знаете? — прошептали они.

— Увы!

— Что с нами будет?

— Но вам-то откуда уже все известно? — спросила Анжелика.

— О, мы заметили это еще вчера вечером, почти сразу же, как вы их принесли.

— Почему же вы нам сразу же не сказали?

— Зачем? Тут уж ничего не поделаешь!

— Но мы немедленно приняли бы все необходимые меры предосторожности...

Мэтр Жонас недоумевающее посмотрел на нее:

— Предосторожности?

— Но... о чем вы говорите? — воскликнула Анжелика.

— Об отце иезуите, черт побери!

Анжелика нервно рассмеялась.

— Мне еще вчера вечером подумалось, уж не иезуит ли он, — зашептала госпожа Жонас. — В этом бородаче меня сразу что-то насторожило, хотя он был такой же замерзший и несчастный, как и все остальные. Но сегодня утром, когда я увидела, как он вошел в залу, весь темный с головы до пят, в черной сутане, в этом своем воротнике, с крестом, я чуть было не грохнулась в обморок. Меня до сих пор трясет...

— У нас случилось нечто пострашнее, чем появление отца иезуита, — печально проговорила Анжелика.

И она все рассказала им.

Изоляция — вот самое лучшее средство, чтобы не заразиться. А потому, пока не будет нового распоряжения, супруги Жонас и Эльвира останутся в своей комнате вместе с детьми. Им принесут провизию, и они сами будут готовить для себя и для детей. На воздух они будут выходить прямо из комнаты, через окно. Снегу, слава богу, навалило достаточно, в уровень с окнами, и это не составит труда. Благодаря таким предосторожностям они, быть может, избегнут ужасного бедствия.

Вернувшись в залу, Анжелика заметила, что несколько мужчин столпились в глубине залы, около чьей-то постели.

Она подошла ближе и увидела на подушке покрытое красными пятнами лицо графа де Ломени, уже погруженного в беспамятство.

Глава 3

Один из гуронов умер вечером того же дня, надлежаше причащенный и соборованный отцом Массера.

— Ну что ж, — узнав эту новость, сказал Никола Перро, — по крайней мере мы не останемся без последнего напутствия церкви. Такое выпадает не каждому из тех, кто умирает в Америке зимой в глуши лесов.

Графа де Ломени перенесли в кладовую, поставили туда железную жаровню, набитую раскаленными углями, да и дверь в залу оставили открытой.

Чтобы не допустить пожара, самого ужасного зимнего бедствия в этих местах, у постели больного постоянно придется кому-нибудь сидеть. Впрочем, это необходимо еще и потому, что больной все время мечется, порываясь вскочить. Нужно поить его, обтирать ему виски, без конца укрывать. Анжелика взяла себе в помощь Кловиса. Нельзя сказать, что овернец горел желанием выполнять обязанности сиделки, но он один из всех переболел оспой и, следовательно, один мог приближаться к больному, не подвергая себя опасности.

Ухаживая в этот день за несчастным графом, состояние которого требовало неусыпного внимания, Анжелика, помимо прочих мер предосторожности, надевала еще и свои кожаные перчатки, подаренные ей накануне, хотя и не была вполне уверена, что все это спасет ее от заражения. Уходя, она оставляла перчатки у изголовья больного и снова надевала их, когда возвращалась.

Остаток дня она провела у своего очага, кипятя в невероятных количествах воду и перебирая свои

запасы корней и лекарственных трав.

Кроме того, что она ухаживала за больным, ей еще пришлось взвалить на свои плечи обязанности госпожи Жонас и Эльвиры. Увидев это, граф де Пейрак приставил ей в помощь двоих мужчин. Сам он, как обычно, работал в мастерской, но несколько раз за день подходил к постели графа де Ломени и заглядывал в вигвам Элуа Маколле. Старик отнесся к событиям весьма философски: он сидел около своих больных, покуривая трубку за трубкой и осушая стакан за стаканом.

Именно граф де Пейрак, вернувшись в сопровождении отца иезуита после своего последнего вечернего обхода, объявил всем о смерти первого гуруна.

Это произошло как раз перед самым ужином. Все уселись за стол, но хозяевам Вапассу кусок не шел в горло. Каждый выискивал на лице другого приметы приговора, который рано или поздно свершится. И прежде всего, естественно, с подозрением вглядывались в лица троих пришельцев — отца иезуита, барона д'Арребу и долговязого молодого человека, который раскрывал рот только ради того, чтобы отправить туда очередной кусок. Однако, отметив, что гости едят с завидным аппетитом — а ведь по логике вещей они должны бы были заразиться первыми, — все немного успокоились.

Вспомнили, что в странах Ближнего Востока, чтобы предохранить себя от заболевания оспой, натирают ранку, специально сделанную зазубренным кончиком ножа или бритвы, еще свежей пустулой выздоравливающего больного. Некоторые из переболевших оспой даже извлекают из этого выгоду — они не дают заживать нескольким пустулам и годами бродят из города в город, за деньги предлагая людям это спасительное соприкосновение.

Но здесь, в Вапассу, у них не было возможности уберечь себя от заражения таким способом. Овернец Кловис — единственный среди них, кто переболел оспой, но это было давно, и пустулы уже отпали, а гурон умер еще до того, как они у него появились. Не везет!..

Все эти разговоры за столом окончательно отбили у Анжелики аппетит, и она с трудом заставила себя проглотить несколько ложек.

Как всегда случается в такие моменты, когда взрослые поглощены своими тревогами, дети почувствовали себя свободными и, как водится, предались недозволенным забавам.

Все вдруг услышали душераздирающий крик, донесшийся из комнаты супругов Жонас, и Анжелика, первой вбежавшая туда, увидела рыдающую Эльвиру и онемевших от внезапного испуга супругов Жонас. Они в оцепенении смотрели на что-то в углу или, скорее, на кого-то, кого Анжелика узнала не сразу.

Это была Онорина.

Воспользовавшись чудом, благодаря которому внимание взрослых было отвлечено от нее, она решила сделать себе прическу, как у ирокезов, и подбила маленького Тома помочь ей.

Это была совсем нелегкая работа, и, хотя они усердно то по очереди, то одновременно орудовали ножницами и бритвой, им потребовался добрый час, пока тяжелые волосы Онорины не упали на пол и только на темени осталась бережно сохраненная единственная прядь — гребень славы.

В тот момент, когда Эльвира, обеспокоенная их подозрительно долгим молчанием, заглянула в угол, где они притаились, они как раз пытались разглядеть результаты своих усилий, склонившись над куском отполированной стали, который служил им зеркалом.

От крика Эльвиры, скорбных восклицаний супругов Жонас и вторжения Анжелики они замерли в своем углу, съежившись и вытаращив глазенки. Они были озадачены бурной реакцией взрослых, но отнюдь не убеждены в том, что сделали глупость.

— Мы еще не кончили, — сказал Тома. — Сейчас я прикреплю перья.

Анжелика буквально повалилась на скамью. Ее душил неудержимый смех. Круглая мордочка Онорины, увенчанная этим стоящим торчком красным гребнем, и впрямь выглядела очень комично.

Правда, в ее смехе слышалась нервозность, но как иначе могла она отнестись к этому? Бывают дни, когда демоны, кажется, получают особые права лишать покоя людей. И если поддаться им, они возьмут господство над вами и доведут вас до безумия.

Эльвира, которая все еще продолжала заливаться слезами, была обижена поведением Анжелики. Пришлось ей объяснить, что сегодня у них произошли гораздо более неприятные события, чтобы придавать значение еще и детской шалости. И то чудо, что Онорина не осталась при этом без ушей, даже не получила ни единой царапины. Кто знает, может быть, маленький Тома — прирожденный цирюльник!

Супруги Жонас предложили тяжкое наказание: надо лишить детей ужина. Но тут запротестовала Анжелика. Нет, не сегодня, и главное, если уж чего-то и лишать их, то только не еды, ведь теперь они особенно должны беречь все свои силенки, чтобы иметь хоть какие-то шансы выстоять перед лицом ужасной болезни.

Потом, снова напустив на себя суровость, она подошла к малышам и строго заметила им, что, взяв без спросу ножницы и бритву, они проявили недопустимое непослушание. Ей очень хотелось нашлепать проказников, но, боясь заразить их своим прикосновением, она удержалась.

Решительно, эти дьяволята удачно выбрали день.

Анжелика отослала обоих в постель, в темноту. Вот это и будет шалунам наказанием, которое они прочувствуют, к тому же оно пойдет им только на пользу.

В зале Анжелика поведала всем о подвигах Онорины. Рассказ вызвал дружный смех, что немного разрядило напряженную атмосферу. Каждый подумал, что если так вот презирать злую судьбу, то это, быть может, заставит зловещих духов болезни отдалиться. Онорина только что во всеуслышание объявила своим поступком, что ей не до оспы, что у нее другие заботы.

Это, пожалуй, приведет в замешательство, разочарует злых духов, они поймут, что не всегда могут предугадать, как поведет себя человек.

Другим утешением явилось то, что в багаже канадцев оказались сыр и хлеб.

Трое мужчин сходили на дальний конец озера, чтобы выкопать там из-под оледенелого снега мешки с вещами французов. Кроме обычной в этих краях провизии — вяленого мяса, соленого сала, маисовой муки и табака, а также основательных запасов водки, — в них обнаружили половину большой головки сыра и целую буханку пшеничного хлеба. Все смерзшееся, твердое как камень.

Но достаточно было задвинуть хлеб в печь, а сыр положить с краю очага на теплую золу, чтобы к ним вернулась их первоначальная свежесть: хлеб стал теплый, сыр в меру мягкий и снова ароматный.

Французы настояли, чтобы эти деликатесы разделили между хозяевами, поскольку сами они ели их в Квебеке вволю, а обитатели Вапассу здесь, в глуши леса, давно даже в глаза не видели ничего подобного.

Кое-кто высказал опасение, не таит ли в себе это угощение опасность заразы. Но желание полакомиться оказалось сильнее страха. Анжелика поколебалась. А,

была не была! Она начертила на кусках хлеба и сыра крест, чтобы отогнать злых духов, и отослала наказанным детям гостинец, от которого их слезы стали менее горькими.

Глава 4

Мужчины форта Вапассу приняли весть о страшной угрозе, нависшей над ними, хладнокровно. У многих за таким фатализмом скрывались истинные христианские чувства, смирение перед волей божьей.

А вот Анжелика не находила в себе этого смирения. Она любила жизнь со страстью тем более сильной, что ей казалось, будто она только недавно познала ее во всем великолепии.

И потом ее бросало в дрожь при мысли, что ее дочь или сыновья в расцвете сил лишатся этого сладостного плода. Смерть ребенка или юноши — преступление, за которое она сочла бы ответственной себя.

И тем не менее в жизни каждого человека выпадают минуты, когда нужно уметь пожертвовать своей жизнью — ради самого себя, ради своих близких, смириться с тем, что нож гильотины в любую минуту может опуститься, и без бесполезного бунта довериться судьбе, которая стала для всех общей...

«Знаешь, когда бредешь по дороге в компании с жизнью и со смертью, обе они равны для тебя и не надо бояться смерти...»

Кто сказал ей эти слова, преисполненные мудрого величия? Колен Патюрель, нормандец, простой моряк, такой же, как эти вот мужчины, что окружают ее здесь, пленники зимы, затерявшиеся на чужой земле...

Когда Жоффрей де Пейрак сказал Анжелике, что часть ночи у постели больного графа де Ломени проведет он, а затем его сменит Кловис, она не испугалась за мужа, она была убеждена, что он неуязвим перед болезнью.

Через неделю умер третий гурон. Его тело было истощено лихорадкой и сплошь усеяно красными

пятнами. Но опять-таки без пустул.

А на рассвете следующего дня, придя в чулан сменить Кловиса, Анжелика увидела, что он почти без сознания. Он прерывисто дышал, лицо у него покраснело, словно раскаленный металл в его печи, и состояние его было куда тяжелее, чем у больного, у постели которого он сидел.

Анжелика долго разглядывала его. Потом с возгласом «Слава тебе, Боже!» упала на колени.

Овернец долго не мог простить ей этого восклицания. Пусть говорят ему что хотят. Он стоял на своем. Как ни крути, а госпожа графиня обрадовалась, увидев его больным. Она даже не подумала о том, чтобы помочь ему. Она крикнула: «Слава тебе, Боже!» — и сразу же, оставив его в этом чулане, убежала, чтобы объявить всем: «Кловис заболел. Ликуйте!». Да-да, он слышал эти слова собственными ушами. И он знает, что она от радости бросилась на шею первому, кто попался ей навстречу, и что им оказался Никола Перро.

Никто не смог заставить овернца внять, почему Анжелика так обрадовалась, увидев его больным: ведь это служило доказательством, уверенностью наконец, что болезнь, постигшая их, не оспа, ибо оспой он уже болел раньше.

Это была корь, коварная корь, и, конечно, ею многие переболели. Но как бы там ни было, для них она тоже таила в себе страшную угрозу.

Гуроны уже умерли. Правда, как утверждают канадцы, они умирают от малейшего недомогания. Даже простой насморк может стать для них смертельно опасной болезнью. Племя гуронов стало слишком хлипким с тех пор, как они вступили в союз с белыми. Их духи-покровители, казалось, покинули своих подопечных, и многие гуроны обвиняли в этом

крещение, считая, что оно явилось причиной вырождения и вымирания их племени.

Вот и эти трое гуронов, заболев злой корью, уже не смогли перебороть ее и умерли.

Да, в течение ближайших недель болезнь потребует от всех обитателей Вапассу полной отдачи сил.

Пусть умолкнут страсти и обиды, пусть отступят назад планы на будущее. Все это будет потом. Сначала нужно выбраться из этого красного туннеля, где, притаившись в темноте, живут недуг и смерть. До тех пор, пока последний больной не поднимется, бледный и шатающийся, со своего горестного ложа, чтобы сесть за общий стол, где его появление восславят радостными криками и поднятыми чарками, смерть может поражать их; но надо отбивать у нее пядь за пядью, заставляя болезнь отступить, надо уметь противостоять внезапному упадку сил и новым вспышкам болезни, надо помогать преодолевать кризис, — обхватив руками больного, который мечется в горячке, долгие часы удерживать его, как на гребне волны или уже там, с другой стороны, на ее впадине, пока наконец изнеможенного, покрытого потом, его не выбросит на мель, на берег жизни. И когда это свершалось, Анжелика рассматривала распростертое бессильное тело. Картина была всегда одинакова: едва уловимое дыхание, которое только и отличало жизнь от смерти. Но Анжелика знала: самое страшное уже позади, больной будет жить. Чтобы окончательно убедиться в этом, она прикладывала руку к его лбу, к вискам, откуда, словно удаляющаяся буря, уходило горячее биение лихорадки, потом, успокоившись, тщательно укутывала его, чтобы он не простыл, и шла к изголовью другого.

Каждый ее подопечный, преодолевший болезнь, вливал в нее силы, и она сохраняла к нему симпатию и уважение, которое внушает настоящий воин. И еще

чувство признательности. Ведь он не предал ее, не отрекся от нее, не дал болезни победить ее, несмотря на то жалкое, смехотворное оружие, которым она сражалась.

— Не полагайтесь только на меня, так мы не добьемся успеха, — говорила она. — Я не могу бороться с болезнью одна, мне необходима ваша помощь.

И потом долго еще между нею и теми, кого она вызволила из цепких лап недуга, сохранялось доброе согласие воинов, которые бились бок о бок. На жизнь и на смерть.

Перед болезнью мужчины всегда робеют, тем самым облегчая ей задачу. Болезнь — это враг, легко побеждающий их, потому что она внушает им отвращение и они избегают смотреть ей прямо в лицо. Анжелика подбадривала мужчин, заставляя оценить силу противника и взять себя в руки, чтобы одолеть его. Она втолковывала им:

— Завтра у вас начнется кризис, вам будет очень тяжело. Но не зовите меня каждые пять минут, ведь я же не могу ухаживать разом за всеми, а кризис, возможно, продлится много часов... Я поставлю около вас кувшин с отваром и чарку. От вас потребуются только одно — чтобы вы пили, так делайте же это. Ведь когда вы оказываетесь перед лицом врага, который желает вам зла, вы хватаетесь за нож и не ждете, чтобы кто-то сделал это за вас...

Могло показаться, будто она оставляла их один на один с болезнью. Однако они постоянно чувствовали, что она с ними. Она проходила, бросив им лишь беглый взгляд, но ее улыбка говорила: «Браво! Вы не разочаровываете меня», — и это придавало им сил, хотя они были измотаны до предела, почти на грани беспомощности, уже готовые малодушно отступить. Но если было нужно, она могла подолгу сидеть у изголовья

больного, оставаться с ним часами, не теряя терпения и мужества.

Теперь по ночам, сменяя друг друга, дежурили женщины. Жоффрей де Пейрак часто брал на себя предрассветные часы, самые изнурительные, но он заметил: ничто так благотворно не действует на больных, как присутствие Анжелики; уже оно одно само по себе облегчало их муки. Ему хотелось бы уберечь ее от нечеловеческой усталости, которая мало-помалу обострила черты ее лица, нарисовала черные круги под глазами.

Пожалуй, больше всего Анжелике причиняло страдания то, что она мало спала. Ей все время казалось, что, если она за те недолгие часы, что выпадали ей на сон, ни разу не взглянет на своих больных, она, проснувшись утром, найдет их если не мертвыми, то наверняка умирающими. Она заставляла себя хотя бы раз за ночь обойти всех, переходила от одного к другому, склонялась над каждым. Она поправляла им одеяла, прикладывала руку к горящему лбу, помогала испить воды, шептала им слова ободрения.

В болезненном оцепенении каждый из них, слыша ее голос, наслаждаясь его звучанием, благодатным, как бальзам, и нежным, как ласка, верил, что он обращен только к нему одному, а когда она на мгновение склонялась над ним, закрывая собой рассеянный свет, падающий от очага или лампы, он, одурманенный болезнью и ею же наделенный какой-то особой чувствительностью, беспредельно ликовал, улавливая нежный аромат ее тела, жадно выхватывая взглядом светлое пятно ее шеи над вырезом корсажа, и это было вызвано не их мужским вожделением, а их тоской и тем, что в эту минуту они ощущали рядом что-то теплое, материнское, чего давно уже были лишены, и им начинало казаться, будто теперь они защищены от

всех бед, защищены надежно, как в далекую, восхитительную и навсегда забытую пору детства.

Был вечер, когда граф де Ломени-Шамбор решил, что он умирает. Вся его прошлая жизнь в его мозгу постепенно заволакивалась дымкой. Он пребывал уже в ином мире, по ту сторону двери, которую раньше никогда не осмеливался открыть. Из залы до него доносился шум голосов, запахи кушаний, какой-то неясный гул, и эти привычные звуки наполнялись совсем новым смыслом. Он находил в них какой-то особенный вкус, вкус самой жизни. Жизни, которой он никогда прежде не ценил. И теперь, когда он стоял на пороге смерти, все его существо лихорадочно ловило ее такие земные, хотя и смутные отзвуки. И он, всю свою жизнь стремившийся к тому дню, когда Бог призовет его к себе, стремившийся к встрече с Богом, теперь жалел, что покидает грешную и суровую землю, и от этой жалости к самому себе слезы катились из его глаз. Он задыхался. Он чувствовал себя совсем одиноким. И тогда он стал поджидать, когда в его мрачную кладовую, словно ангел-спаситель, войдет госпожа де Пейрак. Она пришла и сразу же, с одного взгляда поняла, что терзает его, и утешила его спокойно и серьезно:

— Вы плохо чувствуете себя, потому что у вас только-только миновал кризис... Но после кризиса сразу же наступает выздоровление... Поверьте мне... Все страшное уже позади... Если появится какая-нибудь угроза, я тотчас увижу это... Мне столько приходилось ухаживать за больными и ранеными... А пока вам нечего бояться...

Он моментально успокоился, и дыхание его стало ровнее. Она закутала его в одеяло, помогла встать и, поддерживая, подвела к табурету и усадила. Он снова почувствовал, как ее крепкая рука поддерживает его, слабого, бессильного.

— Будьте благоразумны, сидите спокойно.

Потом она сменила влажные простыни, взбила тюфяк, свалявшийся под тяжестью метавшегося в лихорадке тела, перетряхнула одеяла, застелила свежие простыни, и все это широкими, четкими и быстрыми движениями, но настолько гармоничными, что он получал истинное удовольствие, глядя на нее. Она помогла ему опять лечь, и он ощутил блаженство от обволакивающего его чистого белья. Он вновь погрузился в забытие, а она села наконец у него в изголовье и положила руку на его влажный лоб... Он заснул, как ребенок, и проснулся слабый, но бодрый, выздоровевший!..

Когда он вышел из своей кладовки и занял место за общим столом, его встретили так же радостно, как и других. В тесноте форта канадские французы совсем не чувствовали себя пленниками. Еще бы, ведь о них так заботились, не говоря уже о графе де Ломени, которого пестовали, как новорожденного младенца.

В конце января болезнь подкосила больше половины обитателей Вапассу. Самый трудный период, когда она была в самом разгаре, длился около трех недель.

Не избежал этой участи и сам Жоффрей де Пейрак. Болел он довольно тяжело, но поднялся на ноги гораздо скорее, чем другие, хотя несколько дней находился почти без сознания.

Анжелика ухаживала за ним, удивляясь, что беспокоится о нем не больше, чем об остальных. Он лежал на постели такой же обессиленный, не владеющий своим телом, как и другие, но от него словно бы все равно продолжала исходить какая-то неугасимая сила, и болезнь не могла его сломить, сделать его жалким.

Анжелика вспоминала прошлое и думала, что ведь и впрямь она ни разу не видела его внушающим жалость. Даже когда он, униженный, в длинной рубахе

висельника, с веревкой на шее и со следами пыток на теле, стоял на паперти собора Парижской богородицы, он не казался от этого слабее тех, кто его окружал... Скорее можно было бы испытывать жалость к злобной и тупой толпе, к истеричному, полусумасшедшему монаху Беше... Все, чем владел Жоффрей де Пейрак, никто никогда не мог у него отнять.

Из спасенных в ночь богоявления не заболел корью один лишь отец Массера, и он стал для Анжелики бесценным помощником. Неутомимый, готовый взяться за любое дело, он добродушно взваливал на свои плечи самые неприятные и тяжелые работы, освобождая от них женщин, потому что без конца переворачивать обессиленных мужчин — а некоторых из них по праву можно было назвать геркулесами — им было очень трудно. А отец иезуит подхватывал этих геркулесов, как младенцев, взбивал им тюфяки, укутывал их одеялами, а потом, когда его больной спокойно лежал, с терпеливостью няньки кормил его с ложечки бульоном. Как и большинству иезуитов, ему не раз приходилось ухаживать за индейцами во время повальных болезней. Иногда он был единственным здоровым на несколько деревень и ходил из хижины в хижину, помогая больным. Он с юмором рассказывал, что эти заботы всегда оборачивались для него плохо, так как индейцы, словно дети, обвиняли его в том, что он хочет уморить их голодом: их кормит лишь бульоном, а мясо и овощи оставляет себе. И так как он к тому же пребывал в добром здравии, они взваливали на него ответственность за те несчастья, что обрушились на них. Подобные бедствия всегда были на руку колдунам, которые сразу же распространяли среди индейцев слух, будто боги рассердились на них за то, что они допустили в свои деревни Черное Платье... А посему стоило его больным чуть набраться сил, как ему, спасая

свою жизнь, спешно приходилось искать убежища в глуши леса...

И здесь, в Вапассу, у отца иезуита всегда была припасена какая-нибудь история, чтобы развлечь своих подопечных. Он забавлял детей, играл с ними, когда они начали выздоравливать, не выказывал никакой нетерпимости по отношению к трем гугенотам, которые, однако, все равно при его появлении забивались в угол комнаты, боясь шелохнуться, в ожидании самого худшего...

Когда больные давали ему некоторую передышку, он опоясывал свою невысокую круглую фигуру фартуком и отправлялся в погреб варить пиво, мыло, а то даже энергично принимался за стирку.

И если Анжелика, смущенная таким рвением святого отца, пыталась вмешаться, он со свойственным всем иезуитам упорством стоял на своем.

Ну как после этого оставаться врагами?

И вот так, без пристрастия, без предвзятой враждебности, они подошли к обсуждению вопросов, оставшихся нерешенными с крещенского сочельника.

Мессир де Ломени, едва поправившись, снова подтвердил графу де Пейраку, что он действительно был послан к нему мессиром де Фронтенаком, дабы просить у графа денег на экспедицию, что снаряжается с целью исследования русла великой реки Миссисипи, которая, как они полагают, впадает в «Катайское море». Мессир де Фронтенак намеревался поручить экспедицию своему доверенному лицу, Роберу Кавелье де Ла Салю, тому самому долговязому молодому человеку, холодному и суровому, что пришел с ними в форт Вапассу.

В ту первую ночь Кавелье отлично разглядел золотые слитки на столе, в окружении которых лежало тело Пон-Бриана. Вскоре после этого он тяжело заболел, но, как только поправился, он не давал покоя

графу де Ломени и барону д'Арребу, побуждая их довести до благополучного конца переговоры с хозяином Вапассу.

— Вы и правда так богаты, как об этом говорят? — спросил мальтийский рыцарь графа де Пейрака.

— Да, и стану еще богаче, когда сделаю все то, ради чего я пришел сюда.

Эти переговоры крайне взволновали Флоримона, ведь исследование Миссисипи и открытие пути в Китай было его заветной мечтой. Он уверял, что это занимало его ум еще в детстве. Превосходный картограф, он грезил, склонившись над картами, которые сам рисовал на пергаменте и над которыми предавался своим бесчисленным вычислениям и проверкам.

С тех пор как он узнал о намерениях мессира де Ла Саля, он не отходил от него ни на шаг. Кавелье был сухой, сдержанный человек, он выглядел гораздо моложе своих лет и имел, однако, за своими плечами опыт весьма бурной жизни. Обидчивый, словно юноша, он требовал, чтобы его называли то мессиром де Ла Салем, то просто Кавелье, когда ему приходила вдруг в голову мысль, что освоение и покорение Канады — дело простолюдинов. Дворянство ему было пожаловано недавно, и хотя Анжелика и не собиралась ставить это под сомнение, да и вообще едва ли думала об этом, он показал ей письма, подписанные королем. «Нашему дорогому и возлюбленному Роберу Кавелье де Ла Салью за важное и похвальное сообщение, которое сделано Нам о добрых делах, совершенных им в канадских странах...»

Золотая звезда с восемью лучами и под ней, на бледно-желтом фоне, бегущая борзая — вот как выглядел герб нового сеньора. Кавелье де Ла Саль обладал некоторой эрудицией, мужеством, проявленным им во многих испытаниях, стойкостью фанатика. Убежденный в том, что в один прекрасный

день он станет первооткрывателем знаменитого пути в «Катай», мечты всех смельчаков, которые в последние десятилетия отваживались отправиться на запад, в Море тьмы, он выходил из себя оттого, что до сих пор еще не достиг своей цели... и не отказался от нее. Флоримон его понимал: «Я уверен, что по этой огромной реке, которую индейцы называют «Отцом вод», мы, вылезая из своих лодок, доплывем до Китая. Вы не верите, отец?».

Нет, Жоффрей де Пейрак не верил и отвечал на энтузиазм сына недовольной гримасой, в которой сквозило сомнение. Но это хотя и терзало юношу, все же не обескураживало его.

Анжелике до боли было жаль Флоримона. Восхищенная и тронутая его юношеской горячностью, она очень хотела бы преподнести ему Китайское море на блюдце, но в то же время благоговейная вера в научный гений мужа не оставляла ей ни малейшей надежды на успех экспедиции, хотя Жоффрей де Пейрак охотно признавал, что его догадки не основываются на точных данных.

— В сущности говоря, — твердил Флоримон, — ваш скептицизм не подтверждается расчетами...

— Да, правильно! При современном уровне знаний было бы трудно произвести эти расчеты...

— Значит, самое лучшее — пойти и посмотреть...

— Конечно...

— Я думаю, нужно отпустить Флоримона в экспедицию, — сказал как-то вечером Анжелике Жоффрей де Пейрак. — Там соберутся одержимые, озаренные своей идеей фанатики, и, общаясь с ними, он познает ценность самых разных понятий: сдержанности, организованности, — поймет, что хорошая научная подготовка может иногда вполне заменить дарование. Кроме того, он осуществит свою мечту об участии в научной экспедиции вместе с

настоящими мужчинами, которых ничто не может обескуражить, и чем труднее или даже безнадежней положение, в какое они попадают, тем больше изобретательности они проявляют, чтобы выбраться из него. Это особый дар французов, а Флоримон, хотя он и француз, мало наделен этим качеством, и он сможет развить его там, ежели захочет, и, думаю, суровое англосаксонское благоразумие не охладит его пыла. С другой стороны, коль скоро они достигнут успеха, это окончательно укрепит мое положение в Северной Америке. Если же их постигнет неудача, мне не останется ничего иного, как оплатить все расходы по экспедиции и избавить мессира де Фронтенака от траты на это денег из государственной казны. И тогда из простой признательности — ведь он человек чести и гасконец к тому же — он сочтет своим долгом сохранить мое положение в границах колонии. Если я ссужу деньги на экспедицию безвозвратно, я тем самым приобрету моральный капитал, а для нашего старшего сына это будет бесценной школой, не говоря уже о том, что он привезет мне карты, заметки и результаты исследований, касающихся недр земли в тех местах, где он побывает, чего Кавелье, несмотря на некоторую его компетентность, сделать не сможет. Флоримон в таких делах уже сейчас более сведущ.

Глава 5

Узнав о решении отца, Флоримон с мальчишеской непосредственностью подбежал к нему, обнял, а потом, преклонив колени, поцеловал ему руку. Однако пурга, которая бушевала почти непрерывно два месяца, и пришедшие ей на смену обильные снегопады не позволяли пока отправиться в такой дальний путь. Заручившись поддержкой графа де Пейрака, Кавелье де Ла Саль оставил намерение вернуться в Квебек и решил сразу держать путь на запад, чтобы прийти в Виль-Мари-де-Монреаль через озеро Шамплейн. В окрестностях Виль-Мари у него было поместье со скромным замком, который жители округи прозвали «Катаем», настолько его владелец прожужжал всем уши своими замыслами. Там он подготовит экспедицию, закупит все необходимые для дороги товары, оружие, лодки. Потом они отправятся к Великим озерам и Катаракви, это будет первый этап. Граф де Пейрак вручит своему сыну несколько слитков золота и кредитное письмо к некоему Лемуану, торговцу и банкиру из Виль-Мари-де-Монреаля, который возьмет на себя обязанность поставить им товары в размере этой суммы.

— Ну уж нет! — воскликнул Кавелье. — Вы не заставите меня поверить, что этот старый разбойник способен чеканить монету из чистого золота.

— Он способен и не на такое, — сказал барон д'Арребу. — Может, вы думаете, что он был бы так же богат, если бы не ездил обделывать делишки с англичанами? Канадским бумажкам далеко до золота этих господ! Взгляните-ка!..

Он достал из нагрудного кармашка золотую монету и бросил ее на стол.

— Вот обычная монета, она оказалась у одного пленного англичанина, которого абенаки продали нам осенью в Монреале. Прочтите, что написано вокруг профиля Якова II: король Англии, герцог Нормандии, Британии и... король Франции!.. Вы хорошо слышали? Король Франции. Слово мы не отобрали у них более двухсот лет назад с помощью святой деви Жанны д'Арк Аквитанию, Мэн и Анжу... Но нет, они упорствуют. Они называют одну из новых провинций, на которую притязают как на колонию, провинцией Мэн, ссылаясь на то, что королева Англии некогда правила французской провинцией с таким названием. Вот с каким оскорбительным золотом осмеливается иметь дело Лемуан!..

— Не кипятитесь, барон, — улыбаясь, сказал де Пейрак, — пока англичане, чтобы заявить о своей власти над Францией, ограничиваются лишь чеканкой на своих эку, это все пустяки. И не пытайтесь разузнать, чем занимаются ваши великие канадские простаки Лемуаны или Ле Беры, когда они углубляются в лесные дебри, ибо они — опора вашей колонии, и не только потому, что пришли сюда первыми, но потому, что они самые смелые, самые сильные и... самые богатые.

Отец Массера достал из кармана свою маленькую короткую трубку из верескового корня, которую он охотно курил.

— Но эти люди очень набожны, преданы церкви, и говорят даже, будто одна из дочерей Ле Бера постриглась в монахини...

— Так пусть же они получают отпущение грехов! — воскликнул Пейрак. — А что касается товаров, вы можете довериться этим господам, мессир де Ла Саль.

Анжелика протянула руку к монете, брошенной бароном д'Арребу.

— Вы не подарите ее мне?..

— Охотно, сударыня... Если это доставит вам удовольствие... Но что вы сделаете с ней?

— Может быть, талисман...

Она подбросила ее на ладони. Обычная монета, весит, как и один луидор. Но в этом не совсем ровном золотом кружке с надписями на староанглийском языке Анжелика находила какое-то очарование. Как много всего таила она в себе: золото, Англия, Франция, их взаимная ненависть, передающаяся из поколения в поколение, ненависть, которая распростерлась до лесных дебрей Нового Света. Анжелика представила себе, как оторопел бедный пуританин, когда украшенные перьями индейцы оторвали его от песчаного берега в Каско и от трески и поволокли к этим ужасным торговцам мехами, папистам с реки Святого Лаврентия.

— Он даже не понял, почему мы в такой ярости, — добавил д'Арребу. — Мы сунули ему под нос монету, найденную у него в кармане... Король Франции!.. «О! Yes! — говорил он. — Разве нет?». Он постоянно видел эту надпись на своих монетах... Так вот, госпожа Ле Бер выкупила этого человека и сделала своим слугой. Она надеется сразу же обратить его в нашу веру.

— Вот видите! — благодушно промолвил отец Массера.

Обсуждение предстоящей экспедиции, разные истории, воспоминания вновь придали их вечерам дружескую атмосферу. Говорили тихо, чтобы не утомлять больных. Радовались, когда очередной больной, поправившись, возвращался в их общество. Анжелика в такие часы брала на руки Онорину и укачивала ее, чтобы девочка быстрее уснула, или перебирала свои травы и корешки, но всегда слушала с неослабевающим вниманием. Этим канадцам нельзя было отказать в даре увлекать своих слушателей, заставляя их вместе с собой переживать прошлое,

мечтать о будущем, вызывать в представлении целый мир, целую эпопею всего одной или двумя забавными историями.

Вот и сегодня они вдруг завели разговор об этих Лемуанах и Ле Берах, некогда бывших то ли бедными ремесленниками, то ли бесправными поденщиками. Устав от этой рабской жизни, сели они на корабли да и уплыли в Новый Свет. Им в руки вложили мотыгу, серп, мушкет. Они женились на дочерях вождя. Родились дети — четверо, пятеро, потом десять, двенадцать. Все смелые, сильные, упрямые. Очень скоро отцы оставили свои серпы, несмотря на упреки мессира де Мезоннева, и отправились скупать меха у индейцев, каждый раз все дальше, каждый раз все глубже на Запад. Они открыли громадные озера, водопады, истоки неизвестных рек, много разных племен. Они тоже утверждали, что никакого «Катайского моря» нет и что материк не кончается за озерами, и спорили с этим одержимым Кавелье де Ла Салем, сидя перед бутылкой доброго сидра из урожая собственных нормандских яблонь, которые благодаря усилиям женщин все же принесли плоды на канадской земле. Из своих походов они привозили меха, горы мехов, мягких, великолепных мехов, и гладили их своими изуродованными пытками ирокезов пальцами. Теперь уже и сыновья сопровождают их в странствиях по водным дорогам нагорий. А дочери наряжаются в кружева и атлас, словно парижские буржуа. И эти семьи делают богатые вклады в церковь...

Граф де Ломени в свою очередь начал вспоминать о том, как зарождался Монреаль, как ирокезы по ночам забирались в сады и, прячась в густых зарослях горчицы, прислушивались к голосам белых людей. И горе было бы тому или той, кто отважился бы выйти в такие ночи из дому... Потому что тогда Виль-Мари-де-Монреаль не имел еще вокруг ни земляного вала, ни

палисада, которые защищали бы его жителей. Его основатель хотел, чтобы индейцы могли приходить к ним беспрепятственно, как к братьям. И индейцы не пренебрегали этим. Сколько раз монахини матери-настоятельница Бургуа, погруженные в свои молитвы, подняв глаза, видели прилипшие к окнам ужасные лица ирокезов, которые смотрели на них...

Отец Массера вспоминал свои первые миссии, Элуа Маколле — свои странствия, Кавелье — Миссисипи, ад'Арребу — первые дни Квебека.

И настолько велика была власть этих воспоминаний, сопровождаемых потрескиванием огня в очагах и непрерывным аккомпанементом органа бурь за окном или, наоборот, гробовым молчанием, которым окутывал природу падавший сплошной пеленой снег, настолько разнообразны и зримы были эти воспоминания, словно нарисованные кистью на полотне, что Анжелика могла бы слушать их бесконечно...

— Из двенадцати иезуитов, встреченных мною у ирокезов, десять умерли мученической смертью, — гордо сказал Маколле. — И можете мне поверить, это далеко не все.

Отец Массера вспоминал фиолетовые скалы бухты Джорджиан-Бей, звенящей эхом слабого колокола, миссию, затерявшуюся среди высоких трав и деревьев, тут и там возникающие деревянные форты — и все это одинаково пропитанное запахом дыма, соленого мяса, мехов и водки.

Отзвуки этой бурной деятельности докатывались даже до Парижа, и Анжелика в свое время слышала в Версале и парижских салонах рассказы о подвижничестве иезуитов в Канаде и призывы к спасению Канады. Они вызвали горячее сочувствие. Дамы опускали перстни и серьги в страшные, изуродованные пытками руки иезуитов, которые после

невероятных приключений приплывали во Францию из Нового Света.

Многие знатные дамы покровительствовали далекой Канаде. Некоторые даже, рискуя собственной жизнью, приехали в Америку: госпожа де Гермон, госпожа д'Ороль и самая знаменитая из них — госпожа де Пажери, основательница монастыря урсулинок в Квебеке.

Анжелика с таким вниманием смотрела на отца иезуита, что он, пожалуй, рассказывал только ей одной. Впрочем, кто бы ни предавался воспоминаниям, рассказ несомненно вызывал у нее неизменный интерес.

В такие вечера перед Анжеликой открывался совершенно неведомый ей мир, и перед лицом этой новой жизни, перед стремлением этих людей приступом завоевать пока еще враждебную им землю все: и далекая Франция с ее гонениями, с ее несчастьями, и тяжесть прошлого, которая неотвратимо давила на нее, и Версаль со своими жалкими интригами, — все казалось ей бесконечно далеким. Свобода!

Эти люди воочию убеждали ее, что они стали «избранными» и многого достигли в жизни, что они из другой породы, плененные, сами того не зная, прелестью свободы. И когда она расспрашивала их о чем-нибудь или хохотала над какими-нибудь трагикомическими эпизодами, которых в каждой истории было предостаточно, д'Арребу и Ломени смотрели на нее, не отдавая себе отчета в том, какое чувство просвечивает на их суровых лицах.

«О, если бы ее видели в Квебеке, — думали они, — рядом с теми сварливыми женщинами, которые только и знают, что клянут свою судьбу... весь город был бы у ее ног... О Боже, к чему эти мысли, к чему эти мысли...» И тут они неожиданно перехватывали насмешливый взгляд отца Массера.

Но отцу иезуиту и в голову не приходило, что Анжелика, отчасти безотчетно, отчасти потому, что она угадывала в них возможных врагов, опасность, решила использовать свое обаяние. Почему бы заранее не полонить их? Незаметные для других жесты, взгляды, улыбка ничего не обещают, но своей дружеской простотой завоевывают привязанность мужчин. Анжелика в совершенстве владела этой наукой, которая была заложена в ней самой природой.

Все это не ускользнуло от внимания Жоффрея де Пейрака, но он молчал. Лукавство Анжелики, ее женские плутни, все то бесконечно женское, что было в ней, завораживало его, и он любовался ею, как если бы созерцал произведение искусства, восхищался ее поразительным умением добиваться успеха. И ему случалось откровенно забавляться, потому что каждый вечер он видел, как все явственнее становилось поражение двух знатных канадских французов, графа де Ломени и барона д'Арребу, да и не только их, но даже самого отца иезуита, который, между прочим, считал себя очень стойким мужчиной.

В другое время Пейрак скрежетал бы зубами от ревности. Игра казалась ему опасной, и он был достаточно проницателен, чтобы заметить, что граф де Ломени внушает его жене искреннюю симпатию. Кто знает, может быть, в один прекрасный день между ними возникнет чувство более глубокое, чем просто симпатия. Но он не вмешивался, понимая, что ничто в поведении Анжелики не должно вызвать гнева миролюбивого супруга, сознающего к тому же, что попытка изменить, принудить такую пылкую, непосредственную натуру, как Анжелика, обольстительницу по природе своей, была бы не только бессмысленна, но даже почти преступна. В ней было то властное и неотразимое очарование, какое присуще обычно тем, кто создан стоять выше других, ибо дар

обольщения дает человеку власть почти такую же, как королевская.

Глава 6

Как хозяйка, которая хорошо знает свои обязанности, Анжелика в первые же дни приказала выгородить для отца Массера небольшой закуток, где бы он мог ежедневно служить свои мессы.

Иезуит всем своим видом показал, что он бесконечно благодарен ей, хотя, как он объяснил, устав ордена Святого Игнаса освобождает своих адептов от неперемнной ежедневной мессы. Они могут ограничиться двумя молитвами в неделю, притом даже в уединении.

Не входило в их функции выслушивание исповедей и другие обряды, даже если верующие обращались к ним с такой просьбой. Единственное, в чем они не имели права отказать — это в соборовании ближнего своего перед лицом случайной смерти.

Что же касается их личных обязанностей перед Господом Богом, то общение молитвой могло быть заменено духовным общением. Солдаты передовых отрядов войска Христова пользовались свободой первооткрывателей, они сами руководили своими действиями, и слишком суровая и непреклонная дисциплина не должна была спутывать их по рукам и ногам.

И однако радость иезуита была велика, ибо он получил возможность общаться с Богом в Вапассу, а это для миссионера, оторванного от своих привычных дел, служило источником утешения. У него с собой было все для того, чтобы он мог молиться: в скромном деревянном сундучке, обитом черной кожей, на которой выделялись шляпки гвоздей, хранились потир, дискос, дароносица, различные покрывала, тробник и

Евангелие. Все это было подарено отцу Массера благотворительницей герцогиней Эгийон.

Никола Перро, испанцы и Жан Ле Куеннек во время молитвы часто проскальзывали в его уголок, явно удовлетворенные тем, что могут исполнять свой религиозный долг.

А отец Массера не приходил от этого в восторг. Такой услужливый, когда дело касалось жизни их маленького общества, он отнюдь не собирался превратиться здесь в приходского священника. Он приехал в Америку ради индейцев. Белые его не интересовали.

Мало того, замечательный теолог, человек просвещенный, зачарованный сиянием Бога, которому в каждом из своих размышлений он поведывал что-то новое, святой отец Массера приходил в раздражение от тупой набожности смиренного и невежественного человека, осмеливающегося вмешаться в его беседу с создателем. Это вызывало у него такое недовольство, что еще немного, и он стал бы сетовать на то, что сам Господь Бог направил его сюда.

Как и многие его собратья, он предпочитал одиночество, любил побыть наедине с Богом. И он всегда хмурил брови, когда видел, как вслед за ним в слабом свете двух свечей появлялись по обеим сторонам его походного алтаря то кто-либо из испанских солдат, то бретонец Жан Ле Куеннек, а иногда даже канадец Перро — прислонившись своим массивным плечом к притолоке двери, он стоял там, скрестив руки и благочестиво склонив голову с густой шапкой косматых, нечесаных волос.

Но нельзя забывать, что святой Игнас был испанцем!.. И отец Массера изо всех сил старался быть терпеливым к соотечественникам основателя ордена, к которому он принадлежал. А Жан Ле Куеннек набожно прислуживал ему во время мессы. И отец Массера,

смирившись, раздавал святое причастие — маленькие белые облатки — этим верным Богу людям, что толпились в полутьме его клетушки.

Отец Массера всегда помнил и о том, что всего в нескольких шагах от него находятся еретики, которых один только вид распятия повергает в судорожный припадок, и что в эту минуту они предаются своим преступным молитвам.

Ранним утром в его клетушку доносились все звуки дома.

Слышно было, как в зале у очагов начинают возню женщины: колют на щепу поленья, стучат огнивом.

Слышно было, как потрескивают дрова в очагах, как гремят котлами, подвешивая их на крючья, как с шумом льется в котлы вода.

Слышно было, как, пробуждаясь, зевают мужчины.

Иногда раздавался детский голосок, звонкий, словно бубенчик, который прорывался, чтобы умолкнуть вдруг на самой высокой ноте — видно, малышу делали знак замолчать.

Немного позже из мастерской начинали доноситься звуки более грубые: стук инструментов, брошенных на верстак, прищептывание мехов, которыми раздували горн, и — сквозь них — неясный гул низких степенных голосов: похоже, и там наскоро бормотали молитвы.

По звукам можно было догадаться, что там дробили камни и куски горной породы, просеивали землю, оттуда проистекал запах горячих углей, раскаленного железа.

А эти люди: огромный жизнерадостный мавр, такой образованный, что с ним чувствуешь себя смущенным, фанатик-метис, еще один фанатик — дитя Средиземного моря, который досконально познал его глубины, бледный немой англичанин, грубый кузнец-овернец, юноши, прекрасные, как архангелы...

Отец Массера слушал, думал и говорил себе: ему будет что порассказать интересного, когда он вернется в Квебек.

Глава 7

Как-то поутру Анжелика решила осмотреть оружие — нужно было убедиться, что оно в полном порядке, почистить его, чтобы блестело как зеркало. Этой работе она предавалась с радостью, выполняла с такой кропотливостью, с такой тщательностью, с таким мастерством, не хуже какого-нибудь старого солдата, малость помешанного на оружии, что самые ревностные владельцы его со спокойной душой доверяли ей свои ружья и пистолеты. У них вошло в привычку обращаться к ней с просьбой «посмотреть» их сокровище, словно она была оружейных дел мастером, и даже Кловис вверял ей свой старый кремневый арбалет браконьера, с которым никогда не расставался.

Когда мессеры д'Арребу, де Ломени, Кавелье де Ла Саль, а с ними и отец Массера увидели ее рано утром среди этого арсенала, она была настолько поглощена своим занятием, что даже не ответила на их приветствие. Заинтригованные, они смотрели, как ее тонкие, маленькие женские руки держат грубое ложе или проводят пальцем вдоль шершавого ствола, смотрели на ее лицо, склоненное к стоящему на огне тазику, с каким-то таинственным варевом, издающим неприятный запах. Она разглядывала содержимое тазика с вниманием матери, которая любуется своим новорожденным младенцем.

Анжелика жалела, что сейчас с ней нет Онорины, но малютка еще была больна, хотя уже начинала поправляться. А обычно стоило только Анжелике заняться чисткой оружия, как Онорина была тут как тут. Она крутилась подле, и ее пальчики, повторяя движения рук матери, осторожно и в то же время непринужденно касались оружия.

На столе перед Анжеликой лежали всевозможные крючки, стержни, шила, воск, стояло очищенное масло, которое она сама процеживала, — в общем, все то, чем она одна умела пользоваться. И знатные господа из Квебека стали поодаль и наблюдали за ней, наблюдали, как она работает: подчищает, шлифует, рассматривает, хмуря брови и что-то бормоча себе под нос. Они пребывали в полном недоумении. Наконец она подняла голову, заметила их и одарила рассеянной улыбкой.

— Доброе утро. Вы позавтракали? Как вы себя чувствуете? Мессир де Ломени, ну скажите, вы когда-нибудь видели что-либо более прекрасное, чем этот саксонский мушкет?

Вошел Флоримон и, поздоровавшись со всеми, сказал:

— Моя мать — лучший стрелок среди всех колонистов Америки. Хотите убедиться?

После нескольких дней пурги погода установилась хорошая, ясная, и они гурьбой прошли на стрельбище под скалой. Флоримон нес два кремневых мушкета, один фитильный и два пистолета. Он хотел, чтобы его мать в полной мере продемонстрировала свои таланты, а так как Анжелика все равно намеревалась проверить оружие, она с готовностью согласилась на его предложение, хотя она не раз держала в руках эти мушкеты, знала тяжесть каждого и потому заранее догадывалась, какой синяк появится у нее на плече от отдачи при выстреле.

— Женщине это не поднять! — сказал барон д'Арребу, увидев, что она берет в руки саксонский мушкет. Однако она подняла его без видимого усилия. Она прицелилась, склонив голову и выставив вперед левую ногу, потом сказала, что ружье и впрямь тяжело и, чтобы выстрелить, она прислонится к брустверу, специально сделанному для тренировок. Она немного присела, склонившись к мушкету с

сосредоточенностью, которую выражала вся ее фигура. И все же в ней не чувствовалось никакого напряжения — просто глубокое спокойствие, абсолютное спокойствие. Она умела вдруг переходить из состояния деятельной активности к состоянию, близкому ко сну, когда сердце почти замирало, а дыхание становилось едва уловимым. И в пронзительном свете зимнего дня, в ослепительном сиянии снега вокруг, ее порозовевшая на морозе щека, на которую полуприкрытые ресницы отбрасывали длинную тень, казалось, как-то беспомощно приникла к ложу мушкета. Прогремел выстрел.

От конца ствола медленно, по-змеиному выкручиваясь, тянулся белый дымок. Перо, которое они установили в ста шагах, исчезло.

— Ну, что вы на это скажете? — воскликнул Флоримон. Они пробормотали что-то одобрительное.

— Вы завидуете! Я вас прекрасно понимаю, — по-своему объяснил их реакцию юноша.

Анжелика только рассмеялась.

Ей так нравилось это ощущение силы, которую она испытывала всем своим существом, чувствуя, как послушное оружие словно бы сливается с ней воедино. Казалось, это даровано ей свыше. Да, это дар! И она могла бы даже не подозревать о нем, если бы сама жизнь не вложила оружие ей в руки. Во время кавалерийских атак в лесах Ньюля она открыла некое сродство, существовавшее между нею и этим жестоким оружием, сработанным из металла и дерева. Она забывала, что оно создано для того, чтобы убивать, что оно убивает. Она забывала, что в конце траектории полета пули всегда находится либо жизнь, либо смерть. И хотя это было странно, она думала иногда, что внимание, которое она проявляла к этому искусству, спокойствие и сосредоточенность, которых оно требовало от нее, упорство, с каким она стремилась

стать метким стрелком, во многом помогли ей мужественно перенести обрушившиеся на нее несчастья и не сойти при этом с ума. Оружие защитило ее от всего.

«Оружие — это нечто священное и потому прекрасное, — думала она. — В мире, где нет твердых устоев, нет совести, слабым нужно оружие». Она любила оружие.

Она поговорила еще немного со своими спутниками, все пытаясь разгадать, какие мысли будоражат их, какие чувства придают красивому лицу графа де Ломени-Шамбора почти горестное выражение. Наконец она попрощалась с ними и в сопровождении сына, который нес мушкеты, удалилась. Канадцы с живым интересом смотрели им вслед.

Потом граф де Ломени и барон д'Арребу переглянулись. Отец Массера отвел взгляд и достал из кармана своей сутаны молитвенник. Кавелье неотрывно смотрел на них, потирая замерзшие руки — он забыл надеть перчатки. На губах его блуждала едва заметная усмешка.

— Итак, достоверно одно — эта женщина стреляет, как колдунья... А может, как демон.

Он засунул руки в карманы своего короткого плаща и с напускным равнодушием зашагал прочь.

Ему почти доставляло удовольствие видеть этих добродетельных господ в затруднении. Больше, чем кто-либо другой, он догадывался, в какого рода сомнения теологического и мистического характера он их поверг. Уж он-то имел опыт в вопросах совести. Он сам в течение десяти лет был иезуитом.

— Вот так-то! — сказал барон д'Арребу. — Ведь именно ради этого мы и пришли сюда. Демон она или нет? Опасный дух или нет? Вот главная наша цель. А просьба к графу де Пейраку поддержать экспедицию на Миссисипи — всего лишь предлог!.. До сих пор мы знали

только ваше мнение, Ломени, поскольку вы один встречались с ними раньше. Его необходимо было подкрепить нашим мнением. Так вот, у меня оно уже есть. У отца Массера, по-видимому, тоже. По совести говоря... и я не могу скрывать этого от вас, мой дорогой Ломени... я начинаю думать, уж не дали ли вы ввести себя в заблуждение, обмануть... Что же нам теперь делать?

Барон д'Арребу откашлялся. Он смотрел попеременно то на обманчиво-нежное, голубое, словно цветок льна, небо, то на укутанные снегом и упрятанные в скалы деревянные постройки форта, находящегося в нескольких шагах от них, то на белую гладь озера. Видя, что отец Массера словно бы и не слышит его, он продолжал, обращаясь только к графу де Ломени.

— Да, здесь стоило побывать... Вот мы пришли, увидели. Увидели, — повторил он вполголоса, как бы вдумываясь в это слово. — Ну, а что скажет об этом отец Массера, посланец общины иезуитов?.. Отец Массера делает вид, что он не слышит. И знаете почему, мой дорогой шевалье?.. Потому что ЭТО ВЫШЕ ЕГО ПОНИМАНИЯ. Да, потому что лично он уже решил. Пока мы немели в обманчивом блаженстве, он уже подвел черту. Он больше не задает себе вопроса, который всех нас терзает сегодня и который кажется нам безумным: КТО ОНА? Демон? Просто обольстительница? Колдунья? Безобидна она? Враждебна? Он абсолютно спокоен. Его способность логически мыслить сослужила ему службу хотя бы в этом, он неопровержимо убедился, что это ВЫШЕ ЕГО ПОНИМАНИЯ и потому тем более не нужно — о, тем более не нужно! — безрассудно вмешиваться в это. И тогда он углубился в свой молитвенник!.. Отец Массера, скажите же мне, не ошибся ли я, таким образом выразив свои мысли?

Голос барона д'Арребу, в котором, постепенно повышаясь, появились злые нотки, на какое-то мгновение прозвенел в прозрачном воздухе, потом его легкое эхо насмешливо угасло. Отец Массера поднял глаза, с удивлением посмотрел на двух своих друзей, и по губам его скользнула едва уловимая любезная улыбка.

Они, должно быть, так никогда и не узнают, попал ли д'Арребу в самую точку или, напротив, иезуит отнесся к его нападкам как к безобидной шутке. Или же, наконец, он просто ничего не слышал, ибо он слыл натурой мечтательной. Но только он вновь опустил взор к своему молитвеннику и, шевеля губами, спокойным шагом пошел прочь.

Барон д'Арребу бессильно развел руками.

— Вот они, иезуиты, — сказал он. — По сравнению с ними Понтий Пилат — просто жалкий служка.

— И однако отцу Массера придется решать этот вопрос, — твердо сказал де Ломени. — Конечно, я человек верующий, но я не обладаю ни правами, ни образованием, которые необходимы, чтобы стать иезуитом. А если это необходимо, то именно для того, чтобы они с ясностью святого духа могли судить о делах, кои превосходят разум простого смертного мирянина. В конце концов, отец Массера ради того и пришел сюда!

— Он ничего не скажет, вы же хорошо его знаете, — разочарованно сказал д'Арребу. — Он уже нашел прекрасный довод, чтобы иметь право молчать, и он побережет его для себя вместе со всеми прочими соображениями.

— Но может, это как раз и является доказательством того, что нам нечего опасаться этих людей? Уж коли отец Массера пришел бы к выводу, что эти люди внушают подозрение, он сказал бы нам об

этом, противопоставил бы свои соображения тому единому мнению, которое начинает складываться у нас.

— Кто знает, может, вы и правы! Но не исключено и другое: может, он просто считает, что не властен здесь, что мы все равно его не послушаем, уже подчиненные влиянию нашей хозяйки? Возможно, он ждет, когда мы вернемся в Квебек, чтобы поджечь брандер, который мы будем там наивно держать в укрытии, и заявить, что дело пахнет порохом, проклятием и, дабы не погибнуть самим и не погубить католичество в Канаде, мы должны истребить всех этих преступников до последнего. Тогда мы будем выглядеть поистине смешными, если не виновными. Иезуиты же выступят в роли спасителей, а отец д'Оржеваль — в роли святого архангела Михаила.

Лицо графа де Ломени снова омрачила тень сомнения.

— Но как все-таки можно точно определить, является кто-то демоном или колдуном, если внешне он ничем не отличается от других? — с озабоченным видом заговорил он. — Она очень красива, это правда, ее красота может даже показаться подозрительной хотя бы тем, что она... столь необычна. Но разве красота когда-нибудь бывает обычной?

— Ведьмы никогда не плачут, — сказал барон д'Арребу. — Вы видели ее плачущей?

— Нет, — проговорил мальтийский рыцарь, невольно захваченный, взволнованный образом, который возник в его воображении. — Но может, мне просто не пришлось при этом присутствовать.

— Говорят также, что, если ведьму бросить в воду, она всплывает. Но ведь нам трудно подвергнуть такого рода испытанию госпожу де Пейрак.

С тревожной улыбкой на лице он походил немного окрест.

— Воды нет, все замерзло, — пробормотал он, вернувшись.

Граф де Ломени с изумлением смотрел на него. Он никогда не видел барона в таком мрачном настроении.

Д'Арребу попросил графа извинить его: суровый климат и волнения ожесточили его. Он воспользуется хорошей погодой, чтобы пройтись.

Ломени сказал, что вернется в дом помолиться и попросить у Бога совета.

Барон направился к озеру.

Он шел с трудом, потому что за палисад форта можно было выйти, лишь миновав сложную, словно кротовые ходы, сеть оледенелых проходов, узких тропинок, выкопанных в снегу с помощью лопаты или заступа, которые вели к застывшему водоему, к вигваму Маколле, к мастерской, к конюшне, к стрельбищу и площадке для игр или же просто в никуда, то есть в сторону неприступного леса.

Скользя и оступаясь, главный синдик Квебека кое-как добрался до озера. Когда снежный наст был довольно твердый, вдоль берега можно было идти и в такие ясные и безветренные, как сегодня, дни обитатели Вапассу неторопливым шагом прогуливались, наслаждаясь солнышком, по этой едва заметной тропке, ведущей, казалось, куда-то далеко-далеко, в неведомые дали, а потом, наткнувшись на другом конце озера на глухую стену сугробов, возвращались в форт. Дойдя до этой преграды, барон задумался, оглядывая место, где его чудом вырвали из лап смерти. Ему припомнилось ощущение покорного безразличия, охватившее его в тот момент, когда он, вконец обессиленный, опустил в снег, ощущение холода и ночи, которые давили ему на грудь, словно каменная плита, и он подумал тогда: пусть только все произойдет быстро! Последним, что осталось в его памяти, было какое-то жжение на скулах, и тогда он понял, что это снег падает на его лицо и что оно, уже застывшее в

ледяной маске, никогда больше не изменит своего выражения.

Так же, как он не мог объяснить того смертельного оцепенения, в которое все они были повергнуты, так не мог он объяснить и их спасения, их возвращения к жизни. Видно, все дело в том, что эти места запретные. А вот Пейрак осмелился здесь поселиться. Приблизясь к Вапассу, они неминуемо должны были ступить на эту чужую землю, войти в эту хитрую и неведомую западню. Нет, он ничего не мог объяснить и, однако, найти это объяснение было его долгом; как бы то ни было, но сейчас, прогуливаясь здесь, он ощущал его тяжесть. Ведь именно в этом и состояла миссия, которую возложили на него в Квебеке.

Он вспоминал, каким необычным, каким не свойственным осмотрительной натуре де Ломени-Шамбора показался ему исступленный энтузиазм, проявленный графом по отношению к людям из Катарунка. Вернувшись оттуда, он говорил об этих авантюристах с почтительным уважением. Его послали, чтобы он силой приструнил их, а он с ними подружился, да еще почел это за честь. Д'Арребу вспомнил, как обрадовался Ломени, когда услышал, что они живы, хотя знал, что коварный замысел, который должен был привести их к гибели от руки ирокезов, все находили превосходным. И если граф де Ломени не отзывался о госпоже де Пейрак с той же преувеличенной восторженностью, с какой говорил о ней лейтенант Пон-Бриан, то все догадывались по многочисленным его заявлениям, что он не допустит, чтобы в ее адрес было высказано хоть одно оскорбительное слово.

Что же касается мессира де Фронтенака, то сам он никогда не видел ни графа де Пейрака, ни его жены, но охотно взял сторону графа де Ломени, ибо Фронтенак был натурой увлекающейся. Он любил парадоксы и хорошеньких женщин и ненавидел иезуитов. Его

назначение на пост губернатора Канады было скорее немилостью, чем честью. Людовик XIV не мог простить ему его наглости: он осмелился поволочиться за госпожой де Монтеспан.

Однако Фронтенак был хорошим политиком и умело управлял страной. К новому колонисту графу де Пейраку, которого обрисовали как врага Новой Франции, он сразу проникся доверием потому, что граф, как и сам Фронтенак, носил гасконскую фамилию, и еще потому, что губернатор уже успел навести о нем справки. Да, граф де Пейрак богат. И Фронтенаку пришла в голову счастливая мысль попросить у него осязаемое свидетельство его дружественного отношения к Новой Франции... И он направил к нему Ломени и честолюбивого Кавелье...

Барон д'Арребу и святой отец Массера были посланы с ними в эту экспедицию по особой рекомендации епископа, чтобы развеять те подозрения, что нависли над пришельцами. А главным образом, высказать свое мнение: демон или нет эта женщина, которая находится с ними и о которой ходит столько слухов.

И вот пожалуйста! Сейчас они живут в этом вертепе Вапассу и до сих пор не выполнили ничего из того, что было задумано. Настоящее осиное гнездо! Колдовство! Он, Франсуа д'Арребу, которого вместе с отцом Массера приставили к графу де Ломени, чтобы, по совести говоря, они следили за ним, а также чтобы они повлияли на мнение Ломени о графе и графине де Пейрак, он, человек степенный и набожный, ведущий разумный и скромный образ жизни, озабоченный спасением своей души, благополучием ближних своих и процветанием колонии, он тем не менее так ничего не увидел, так ничего и не понял.

Он очнулся тогда, в ночь богоявления, от своего смертного сна, и для него началась новая жизнь, совсем

иная, бездумная, чего с ним, пожалуй, не случилось никогда за всю его жизнь.

Он ел, пил, курил, он блаженствовал в тепле и уюте, они беседовали, предавались воспоминаниям и мечтам, и он ожил в сиянии взгляда зеленых глаз, который согревал и преображал всех, кто попадал под его лучи. Но теперь ему вдруг стало страшно. Где он? С кем он?

«А вот припомните-ка, мессир д'Арребу, в тот момент, когда маскуитины угрожали снять с вас скальп, разве не испытали вы никакого страха, не почувствовали, что проиграли?..» — «Нет, — гордо отвечал он самому себе, — когда наступает момент предстать перед Богом, все кажется таким простым».

До того дня он никогда даже не подозревал, что он человек отважный.

Впрочем, не более, чем другие.

Он был скромн. Но случай с маскуитинами помог ему заметить, что в действительности у него мужественная душа, благородное сердце и что он вполне заслуживает восхищения женщины.

Да, вот оно как все обернулось... Он забыл, совершенно забыл, что именно ее, эту Даму с Серебряного озера, подозревают в Квебеке, что она, возможно, и есть Демон Акадии. А он здесь так весело и галантно беседовал с ней.

До сегодняшнего утра!..

Но сегодня, увидев ее с оружием в руках, он был потрясен. Оружие тотчас же пробудило в нем мысль об опасности и страх, порожденный неожиданной картиной — изящная женщина держит в своих тонких руках оружие и с грозным умением пользуется им, — вошел в сердце мужчины, чтобы смешаться, сплестись там со всеми другими страхами, таящимися в нем: страхом перед женщиной, перед обольщением, перед чародейством... Он вспомнил о слухах, которыми полнилась Канада, о мнении отца д'Оржеваля. Да ведь

и Ломени-Шамбор был поражен не меньше, это точно! А возможно, и отец Массера. Впрочем, что касается святого отца, то они об этом никогда не узнают...

Барона д'Арребу била дрожь, и он прижимал к лицу воротник своего плаща.

«Что-то случилось страшное, случилось помимо нашей воли, — говорил он себе. — Да, случилось, я это чувствую. Я весь охвачен тревогой, мне плохо, я не могу молиться. Вот уже час, как я не могу заставить себя не думать о ней, не думать о женщинах, о любви... не думать о СВОЕЙ ЖЕНЕ!..».

Его мысли обратились к жене, он представлял ее себе, такую чистую, такую стыдливую, в недостойных, похотливых позах, чего она не позволяла себе даже в первое время после их свадьбы, когда из почтительности и чувства долга он наспех достаивал ее любви, коря себя за то, что получает удовлетворение от этого постыдного акта. Он вспомнил также фривольные намеки одного из своих друзей, человека весьма дурного, который на одном из балов обратил его внимание на то, что госпожа д'Арребу, его жена, очаровательная маленькая куколка, а посему барону не пристало томиться скукой.

Он не любил, он терпеть не мог подобных разговоров. Он всегда считал, что его предназначение — служить Богу. Если бы подготовка к вступлению в общину иезуитов не была бы столь трудной и столь продолжительной, он бы вошел в общину. Отказавшись от мысли посвятить себя Богу, он женился, чтобы порадовать своих родителей. Но когда родители умерли, он наотрез отказался принять после них наследство на имя будущего внука. К чему эта тщеславная суета — обязательно продолжать свой род?.. Не лучше ли пожертвовать свое состояние святой церкви? К тому же, как он убедился, жена разделяла его взгляды: она тоже хотела бы стать монахиней. Они

прекрасно понимали друг друга. Оба они мечтали о великом и трудном поприще, о служении Всевышнему. Канада отозвалась на их ожидание, на их готовность к самопожертвованию...

Барон д'Арребу вздохнул. Наконец преступные видения начали затушевываться. Он настойчиво пытался вызвать в памяти образ жены, такой, какой она всегда была на самом деле, а не в виде сладострастной куртизанки.

Теперь он видел ее более привычной ему — молящейся в сумраке часовни или молельни, с головой, склоненной вот как раз так же немножко набок, как сегодня у госпожи де Пейрак, когда она возилась с затвором мушкета. Склоненная женская головка всегда волновала его, ему невольно представлялось, что она отражает тоску женщины по мужскому плечу, и эта мысль вызывала в нем нежность. Госпожа д'Арребу была женщина очень миниатюрная, она едва доставала ему до плеча. В первые дни после их свадьбы он называл ее «малышкой», пытаясь привнести в их супружеские отношения интимность, но вскоре заметил, что ей это не нравится, потому что в действительности по складу своего ума и характера она отнюдь не принадлежала к числу хрупких, слабых женщин. Она была смелой, предприимчивой, сохраняла во всех испытаниях невозмутимость и даже непримиримость, что особенно проявлялось с годами.

Как жаль! Как это прискорбно!

Она могла бы быть очаровательной, веселой женщиной, но она слишком много думала о самосовершенствовании. Она отступилась от своего тела, вся ее жизнь заключалась только в духовной деятельности, являла собой необыкновенной силы мистический порыв.

«А ведь это виновата она, Дама с Серебряного озера, что меня одолевают эти сожаления, эта истома,

эта неуверенность. Всеми виной ее счастливый смех, всеми виной ее взгляд, обращенный к мужчине, единственному для нее мужчине, всеми виной тот жест, каким этот мужчина заключает ее в свои объятия, всеми виной дверь, закрывающаяся за ними каждый вечер... Она всецело во власти мужчины, которого любит, вот что заставляет меня страдать. Ибо моя жена навсегда вышла из-под моей власти. Едва ли я значу для нее больше, чем ее духовный поводырь, отец д'Оржеваль, даже наверняка намного меньше. Я для нее лишь управляющий, который всю жизнь будет заниматься только счетами и делами. В последнее время мы виделись по разу в год, когда приходили первые корабли с почтой из Франции, и разговаривали только о наших финансовых делах, о том, как лучше поместить деньги, что мы получаем как арендную плату. Моя жена не должна мне ничего, даже чуточку внимания. Она считает себя должницей только перед Богом.

Да, она святая душа. Ведь это она основала общину в Монреале!..

Но кроме того, она очаровательная маленькая куколка... Она еще очень хороша... О Господи, к чему такие мысли? Зачем пришел я в это зачатое место?.. Что расскажу я там, в Квебеке?.. Если мы когда-нибудь вернемся туда... Отпустит ли нас этот язвительный человек, ведь, по сути дела, мы все его пленники... А с него станется... Но кто это там движется по озеру?.. Похоже...»

Барон д'Арребу приложил руку козырьком к глазам.

Глава 8

Вдвоем, всегда вдвоем ходят путешественники зимой. За одиноким путником по пятам следует смерть. Всегда вдвоем — француз и индеец.

Только француз может прийти в голову нелепая мысль вступить в единоборство с теми ловушками, что расставляют на пути мороз и снег, ввязаться в поединок со снежными бурями и необозримыми пространствами, где нет ни одной живой души. Только индеец, знающий тайны зимнего леса, может сопровождать его, и он не боится, потому что белый наделен могуществом с помощью своего неистребимого краснобайства отгонять снежных демонов.

Похожие друг на друга своими меховыми плащами с капюшоном и кожаной бахромой, своей походкой, отяжеленной снегоступами, француз и индеец пересекали озеро. Стоял полдень, и тени, отбрасываемые их фигурами, были совсем короткими. Когда путники подошли настолько, что стали различимы их лица, барону д'Арребу показалось, будто одно из них знакомо ему, но, прежде чем вспомнить, кто перед ним, вспомнить имя этого человека, он почувствовал, как его охватывает какая-то неприязнь, и весь внутренне сжался. Он не решился окликнуть его. С подозрением, почти враждебно смотрел он, как они приближаются. Ему хотелось крикнуть им: «Зачем вы пришли сюда? Зачем хотите вы нарушить покой этих мест, где все счастливы?.. Уходите!..»

С форта тоже заметили незваных гостей, и Флоримон с Жаном Ле Куеннеком спустились к берегу с мушкетами в руках.

Мужчина, который шел впереди, держал голову очень прямо, даже немного откинув ее назад, словно хотел вобрать под свои полуприкрытые веки весь солнечный свет. Когда он подошел ближе, д'Арребу понял, что путника постигло одно из наиболее страшных несчастий, подстерегающих дальних путешественников зимой: он не видит, его глаза обожжены ослепляющим блеском снега. Его красные вспухшие веки были покрыты потрескавшейся белесой коркой. На него было страшно смотреть.

— Есть здесь кто-нибудь? Я чувствую, что есть, но не могу разглядеть кто!.. — крикнул он.

Остановившийся рядом с ним индеец с ружьем мрачно оглядывал наведенные на него мушкеты.

— Кто вы? Откуда вы пришли? — спросил д'Арребу.

— Я Пасифик Жюссеран из Сореля, но иду из Нориджевука, что на реке Кеннебек, я уполномочен передать письмо для полковника Ломени-Шамбора от отца д'Оржеваля...

И, помолчав, он добавил:

— Уж не собираетесь ли вы стрелять? Я не сделал ничего плохого. Я француз, такой же, как вы, я тоже говорю по-французски... Не стреляйте в меня...

Его полуслепота очень пугала его. Он, должно быть, чувствовал себя целиком во власти тех, кто стоял перед ним, ибо не в силах был даже прочесть, что выражают их лица — дружелюбие или враждебность. Д'Арребу наконец узнал этого человека, он часто встречал его в Квебеке, это был служка отца д'Оржеваля.

В первое мгновение барону показалось, будто он проглотил что-то ужасное, с привкусом желчи, но милосердие взяло верх, и он поспешил воскликнуть:

— Несчастный! В каком вы состоянии! — И, повернувшись к Флоримону, пояснил:

— Этот человек состоит на службе у отца д'Оржеваля и прибыл сюда по его поручению.

— Мне кажется, я уже видел этого служителя Бога в Катарунке, — хмуря брови, бросил молодой человек.

Пасифик Жюссеран растерянно поворачивал голову на звук голосов.

— Не стреляйте в меня, — повторил он, — я не враг. Я только принес письмо графу де Ломени.

— Но почему вы так боитесь, что в вас будут стрелять, едва завидев? — спросил Флоримон. — На вашей совести есть какие-нибудь неблагоприятные поступки, в которых вас может упрекнуть при встрече хозяин и владелец этого форта граф де Пейрак?

Явно смущенный, Жюссеран не ответил. Он хотел сделать несколько шагов в сторону своих собеседников, которых он, должно быть, кое-как различал, но оступился на откосе берега. Д'Арребу взял его под руку и помог пройти по тропинке до форта.

Граф де Ломени-Шамбор держал в руках послание. Он знал, это толстое письмо, сложенное и запечатанное темной восковой печатью с изображением герба Себастьяна д'Оржевала, нанесет ему глубокую рану, и, чтобы оттянуть время, он не вскрыл его тотчас же, а принялся расспрашивать служку, которого барон д'Арребу усадил на скамью. Служками обычно бывали набожные мужчины или молодые люди, добровольно поступившие в полное подчинение к миссионерам на один или многие годы, чтобы заработать отпущение грехов. Пасифик Жюссеран состоял при отце д'Оржевале вот уже четыре года.

— Но как святой отец узнал о том, что я нахожусь в форте Вапассу? — спросил мальтийский рыцарь.

Пасифик Жюссеран повернул к нему свое суровое опухшее лицо и гордо ответил:

— Вы же прекрасно знаете, что святому отцу известно все. Ему поведали об этом ангелы.

Анжелика промыла его обожженные солнцем, раздувшиеся веки и поставила на них освежающий

компресс. Потом дала ему похлебку с хлебом и водки. Сидя с завязанными глазами, очень прямо, с заносчивым видом, Пасифик Жюссеран поужинал.

Анжелика с первого же взгляда догадалась, что он человек непростой, из тех, что внушают тревогу. На все ее вопросы и расспросы он отвечал скупой, односложно. Он оживлялся только тогда, когда речь заходила о его господине, отце д'Оржевале. Отличительной чертой отца д'Оржевала, славящегося поразительной учтивостью, было то, что он словно умышленно окружал себя существами ожесточенными, в которых, казалось, будто в зеркале, отражается темная и жестокая сторона его натуры, та, что глубоко упрятана. Кроме Жюссерана, в их числе были и отец Ле Гиранд, и отец Луи-Поль Мареше. В свое время они сыграли решающую роль в борьбе за сохранение Акадии и огромной территории Мэн за католической церковью и королем Франции. Следует заметить, что оба эти монаха — а кстати, и Пасифик Жюссеран тоже — впоследствии в ходе этой борьбы приняли насильственную смерть.

Граф де Ломени-Шамбор наконец решился и вскрыл послание отца д'Оржевала.

«Любезный друг мой, — говорилось в послании, — я удивлен, что вам удалось добраться до этого пресловутого Вапассу, где Пейрак и его шайка укрылись после уничтожения Катарунка. Такая отвага, проявленная вами лишь ради того, чтобы встретиться с этим дьяволом, да еще в зимнее время года, я надеюсь, не останется без вознаграждения. Однако я пишу вам, чтобы заклинить вас — не проявите на сей раз слабости, когда будете принимать свое решение. Я трепещу, не поддались ли вы — уж не знаю какой! — изощренной диалектике и ложным проявлениям добродетели, коими сумели заморозить вас эти авантюристы, дабы легче им было втереться к вам в доверие и погубить все наши начинания. Когда я беседовал с вами в Квебеке, вы

ссылались на лояльность графа де Пейрака, на его уверения в дружбе. С тех пор прошло не так много времени, а он уже убил Пон-Бриана, человека, преданного нашему делу, еще глубже вторгся на территорию Новой Франции.

Вы свидетельствовали, что видите в Пейраке очень ценного для нас человека, заинтересованного только в том, как заставить нашу дикую землю приносить богатство. Но я спрашиваю вас, для блага какого короля, для славы какой религии?.. Больше того, вас не смутило — я хочу сказать, не посеяло в вашей душе тревоги, как я надеялся, — присутствие в этих местах с ним женщины.

Вы хотели видеть в них лишь супружескую чету, как другие, даже более примерную, чем другие, и вы превозносили при мне чистоту их чувства, их нерушимой любви. Вы уверяете, что именно эта любовь и объединяет их.

Ну что ж, пусть, предположим, что так оно и есть, и поговорим об этом чувстве.

Поговорим об этом коварном обольщении, которое заключается в том, чтобы украшать зло всеми проявлениями добродетели, и которому вы, похоже, поддались в вашем несколько наивном чистосердечии.

Вы мне говорили, и говорили не раз, что вас восхищает в этом человеке то, что он свободен, истинно свободен.

Но разве мы не знаем, что культ сатаны целиком зиждется на проблеме свободы?

Припомните писание святого Тома: разве сатана не дошел до того, что пожелал стать Богом? Но сатана хотел получить свою честь и свое счастье только от самого себя. Это и есть его признак, определенный и характерный признак. Не знаю, осознаете ли вы, что любовь, подобную той, которая, по вашему убеждению, связывает этих двух особ, открыто отдалившихся от

Бога и даже — более того — поддерживающих врагов своей родной религии, можно встретить только у тех, кто окончательно сбился с пути, указанного нам Господом нашим, и здесь, собственно говоря, должна идти речь об оскорблении Бога. Ибо обожание не может проявляться одним смертным по отношению к другому смертному, а только смертным по отношению к Богу. Любовь извращенная не есть любовь.

И здесь в конечном счете кроется опасность наиболее серьезная, наиболее ужасная из всех, которые, кажется, мне удалось распознать с того самого момента, как эти люди высадились в пределах границ наших земель — да что я говорю! — в самом сердце нашей французской Акадии.

Ибо, подавая порочный пример, они вводят в заблуждение простые души и побуждают их стремиться к блаженству, а мы знаем, что его нет в этом мире, что им можно наслаждаться только через посредство Бога, перейдя в мир иной.

И вот сейчас меня обуяла безумная тревога. А что если именно этой своей мягкостью и нежностью, что так взволновали вас, демон, приняв женское обличье, намеревается расставить свои самые коварные ловушки?

А в той поразительной учености, которая покорила вас в этом человеке, не проглаживает ли обольстительное лицо зла? Все теологи согласно допускают, что БОГ УСТУПИЛ ДЬЯВОЛУ СВОЮ ВЛАСТЬ НАД ПОЗНАНИЕМ, НАД ТЕЛОМ, НАД ЖЕНЩИНОЙ И НАД БОГАТСТВОМ. Вот почему церковь в своей мудрости и благоразумии отказывает женщине во власти, во влиянии, ибо общество, которое согласится дать ей такие права, вверяет себя ТОМУ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЮ ЖЕНЩИНА, то есть ПЛОТИ. А если это допустить, наше поражение близко, мы впадем в самое слепое язычество.

Плоть и идолопоклонство — вот те опасности, кои подстерегают разум, обольщенный расположением другого пола, КАКИМ БЫ ЭТО РАСПОЛОЖЕНИЕ НИ БЫЛО, я подчеркиваю, МОРАЛЬНЫМ ИЛИ ФИЗИЧЕСКИМ. К вашему восхищению госпожой де Пейрак, в котором, мне кажется, я угадал некоторую долю тоски по родине, не примешивается ли и доля вожделения? Разве не из-за этого Пон-Бриан потерял рассудок, а потом и самую жизнь? Я должен вам напомнить, что слишком долго наслаждаться земным блаженством — значит отвратить себя от одной-единственной цели, к которой все мы предназначены: от нашего личного спасения вкупе со спасением всех, значит, отдалить просветление нашей души, ибо, прежде чем предстать перед Богом, она должна освободиться от плоти.

Перечтите пятую эпистолу святого Павла галатам. Она даст вам тему для размышлений. «Братья мои, руководствуйтесь только разумом, и вы не поддадитесь влечению плоти. Ибо у плоти иные желания, чем у разума... Итак, помните же, деяния плоти легко распознать: это блуд, непристойность, распутство, сладострастие, идолопоклонство, смертная скука, вражда, споры, ревность, ссоры, распри, ересь, зависть, убийство, пьянство, дебоши и другие подобные пороки...

Вспомните, что единомышленники и последователи Христа нашего распяли свой тела, зараженные пороком и вожделением».

После этих слов великого апостола что еще можно добавить?..

И я закончу, обращаясь к вам: я заклинаю вас, мой дорогой брат, да, я вас заклинаю спасти нас от опасности в лице графа де Пейрака, опасности, угрожающей нам, Канаде, душам, о коих мы призваны печься.

Конечно, он не первый авантюрист и не первый еретик, что наведывались в наши края, но меня не оставляет предчувствие, что, если его не обезопасят тотчас же, нас ждет из-за него, из-за них крушение всех наших начинаний в Акадии, мое поражение и также моя смерть. Я это вижу, я это чувствую... клянусь вам!»

— О Господи, что со мной будет? — громко воскликнул бедный Ломени, обхватывая руками голову. Сердце его рвалось на части. Отец д'Оржеваль поставил его перед выбором, и это было непереносимо.

Он прикрыл письмо рукой, словно хотел скрыть от глаз своих эти слова, так как любое из них еще более жестоко растравило бы его чувствительную душу.

Он не задавал себе вопросов, не искал окольных путей, чтобы найти выход из положения, он понимал, что от него уже не зависит больше ничего. И он с ужасом начинал осознавать, что между ним и его самым близким другом начинает разверзаться бездна, и его охватила паника при мысли, что никогда больше не будет с ним в этой неблагоприятной жизни отца д'Оржеваля, как он бывал раньше — всегда рядом, сильный, озаренный.

«Не покидай меня, друг мой, попытайся меня понять. Мой брат, мой наставник, — умолял он, — святой отец, святой отец!..»

И, упрекая себя в том, что он не обращается к Богу:

«О Господи, не разлучай меня с моим другом. Озари наши души, чтобы каждый из нас лучше понимал другого, чтобы мы не познали величайшего горя смотреть друг на друга с отчужденностью... Господи, ниспошли нам Истину свою...»

Он поднял глаза и в нескольких шагах от себя увидел Анжелику. «Так вот она, — подумал он, — вот она, эта женщина, которую отец д'Оржеваль хочет погубить любой ценой».

А Анжелика, заглянув в кружку, склонилась к котлу, чтобы зачерпнуть воды. Выпрямившись, она бросила взгляд на графа де Ломени и, увидя его лицо, подошла ближе.

— Вы чем-то опечалены, мессир де Ломени?..

Она спросила его тихим голосом, и нежные нотки, прозвучавшие в нем, заставили его задрожать, всколыхнули в нем волну жалости к самому себе, и он готов был разрыдаться, как ребенок.

— Да... опечален... очень опечален...

Она стояла рядом с ним, и он смотрел на нее, растерянный, плененный, уже побежденный ею, а в это время жестокий, бичующий голос где-то в самой глубине его существа повторял ему:

«Плоть и идолопоклонство — вот те опасности, кои подстерегают разум, обольщенный расположением другого пола...»

«Плоть?.. Да, возможно, — подумал он, — но ведь, кроме плоти, есть еще и сердце... Мягкость, нежность, которые расцветают в сердце женщины и без которых мир являл бы собою лишь холодную борьбу».

И он снова увидел: он больной, обессилевший и она ухаживает за ним...

Обаяние графа де Ломени-Шамбора в первую же их встречу произвело на Анжелику гораздо большее впечатление, чем она признавалась себе в этом. Он был человек чрезвычайно мягкий, но незаурядного мужества. Искренняя, открытая душа. И его внешность полностью соответствовала его характеру — статный офицер, привычный к подвигам и испытаниям войны. А серьезное выражение его серых глаз говорило о том, что у него сердце рыцаря. И более близкое знакомство с ним не давало повода к разочарованию. Если же он и колебался иногда в своих поступках, то не из трусости, а из щепетильности, из стремления быть честным по

отношению к своим друзьям или к тем, кого он должен был защищать или кому служить.

Он был из числа мужчин, которых всегда стараются оградить от козней злых женщин или неподобающих друзей, потому что и те и другие имеют искушение злоупотребить их чувствительностью и их преданностью.

Вот и сейчас пресловутый отец д'Оржеваль тоже предостерегает его. Анжелика была в этом убеждена. Когда она увидела де Ломени перед белым листом бумаги, исписанным твердым, словно выдающим высокомерие того, кто писал, почерком, ей хотелось сказать ему: «Не читайте этого письма, прошу вас. Не дотрагивайтесь до него...»

Но то была область отношений, куда Анжелика еще не могла проникнуть, ибо область эта охватывала всю жизнь, которую прожили в дружбе граф де Ломени и святой отец д'Оржеваль.

Мальтийский рыцарь тяжело, словно в изнеможении, поднялся и ушел, понурив голову.

Глава 9

Мысль о д'Оржевале не покидала графа де Ломени весь день. Словно сам святой отец тенью следовал за ним и тихонько, но страстно заклинал его. И по мере того как приближалась ночь, голос менялся, в нем появлялись то трагические нотки, то почти детские, и он шептал ему: «Не оставляй меня... Не предавай меня в моей борьбе...»

Да, это был голос его друга Себастьяна д'Оржевала, и он взывал к нему из их юности, из тех времен, когда оба они воспитывались в коллеже иезуитов, где и завязалась их дружба.

Графу де Ломени в его сорок два года нельзя было отказать в пронизательности, и потому он не мог совсем уж заблуждаться, оценивая те мотивы, которые толкнули его друга д'Оржевала на столь же затаенную, сколь и непримиримую борьбу против пришельцев.

И граф де Ломени, пожалуй, догадывался, чем объясняется эта непримиримость отца д'Оржевала. Ведь он, Ломени, не познал, как Себастьян д'Оржеваль, леденящий мрак сиротского детства.

У него была любящая мать, знатная светская дама, но она никогда не забывала ни о маленьком воспитаннике иезуитов, ни о рыцаре Мальтийского ордена, коим он стал позже. Она часто писала ему, посылала в коллеж изумительные подарки, которые иногда приводили его в смущение, а иногда в восторг: букетик первых весенних цветов, оправленный драгоценными камнями венецианский тесак, черепаховый медальон с прядью своих волос, варенья, а когда ему исполнилось четырнадцать лет — полный мушкетерский костюм и породистую лошадь. Отцы

иезуиты относились к этому снисходительно. Таковы уж матери!..

У него были также две сестры, одна из них посвятила себя Богу. Обе веселые, жизнерадостные, непосредственные. Когда десять лет назад мать умерла, Ломени горько оплакивал ее. С сестрами, которые его очень любили и питали к нему нежные чувства, он поддерживал самые теплые отношения.

В этот вечер в Вапассу, в отгороженном занавеской из шкур углу залы, который уступил ему итальянец Поргуани, он внимательно перечел письмо иезуита, а когда уснул, все его существо было словно пропитано скрытой горечью отвращения к женщине; он улавливал его за каждым словом послания и он знал о его источнике, знал только один.

Приснилось ли ему или он сам воскресил в полудреме ту ночь, что пережил в детстве вместе со своим другом?

Тогда жертвой стал Себастьян, но и сам он, маленький Ломени, невольно оказался замешанным в это, ибо он, разметав по подушке свои локоны, блаженно спал рядом, когда в темноте, словно в серо-зеленом кошмаре — о, как же он хотел потом, чтобы то действительно было кошмаром! — боролись Себастьян и Женщина.

В эту ночь воспитанников отправили спать в сарай, потому что коллеж неожиданно посетил епископ со своей свитой. Воспитанники спали на соломе. Д'Оржеваль — крайний, у входа. Он любил уединение. И вдруг в темноте он увидел женщину, прекрасную, как ночь, она смотрела на него с двусмысленной улыбкой, и эта улыбка жгла его как огонь и заставляла дрожать всем телом.

— *Vade retro, Satanas!*^[7] — крикнул Себастьян, наученный своими книгами, как надо действовать в

подобных обстоятельствах, но почувствовал, что этот приказ прозвучал втуне. Он протянул руку, чтобы нащупать под своей одеждой железный колокольчик, на котором был выгравирован лик святого Игнаса, — если этот колокольчик потрясти, он своим звоном отгонит дьявольские видения. Но видение само смеялось, словно серебряный колокольчик. Оно прошептало: «Не бойся ничего, мой херувим...». Женщина коснулась рукой его тела, провела по нему, и он не мог противостоять этому, дал увлечь себя незнакомой буйной силе, которая вдруг затопила его. Он принимал бесстыдные ласки, он соглашался на все, он отвечал на все, чего она ждала от него, предаваясь какому-то ужасающему безумию...

А потом, очнувшись: «Ты видел, не правда ли? Ты видел?»

Д'Оржеваль тряс своего соседа, маленького Ломени. Но тот толком ничего не помнил. Это был здоровый невинный ребенок, и он спал как ангел.

Но потом он припомнил все же, что будто бы видел женщину, слышал шум, чувствовал нежный аромат, различал в темноте какие-то странные движения. Эти сцены промелькнули в его простодушном сне. Но его старший друг был настолько взволнован, был охвачен таким отчаянием, что все рассказал мальчику, который в этом мало что смыслил. Юный Ломени навечно запомнит взгляд синих глаз того, кого он так любил, взгляд, в котором попеременно сверкали то глубокое отчаяние, то неукротимая ярость. Он чувствовал, как дрожит рядом с ним тело друга, тело, только сейчас поверженное, подчиненное каким-то непонятым, необоримым силам. До самого рассвета он пытался успокоить Себастьяна своими наивными детскими утешениями: «Не горюй... Мы расскажем об этом отцу игумену... Ты не виноват... Это женщина виновата...»

Они ничего не рассказали... Или, вернее, им не удалось ничего рассказать... Едва они заикнулись об этом, как их прервали...

— Успокойтесь, дети мои, вас посетило не видение, а наша благодетельница, покровительница нашего монастыря. Это она помогает нам в столь крупных расходах по содержанию нуждающихся воспитанников, каковым являетесь вы, д'Оржеваль, и она имеет привилегию в любое время приходить без предупреждения к своим подопечным, *privilegiae mulieres sapientes*^[8], это очень старое правило, его придерживаются многие христианские общины и их покровительницы, и оно свидетельствует о том, что нам нечего скрывать от них ни днем ни ночью...

— Но...

Они были растерянны... Их наставники введены в заблуждение? Или, скорее, это они, юноши, бредят...

В конце концов они просто постарались забыть обо всем. Они заставили замолчать свой детский разум, а наступивший день совсем успокоил их.

Став впоследствии отцом д'Оржевалем, бывший одноклассник графа де Ломени достиг ныне немалых высот на своем поприще. В полном расцвете сил, в размеренности и спокойствии своей священнической жизни, в равновесии умерщвляющего плоть существования, в равнодушии тела, которое по мере умерщвления плоти стало нечувствительным к холоду, к голоду, к пыткам, — разве не посмеялся бы он теперь над этими воспоминаниями, над этими туманными снами своего детства?

Дважды, трижды за эту ночь де Ломени-Шамбор выходил из своего тошнотворного сна, отирал холодный пот, который выступал на его лице. Он слушал ночь Вапассу и успокаивался. Потом снова погружался в беспокойное оцепенение и видел демона с лицом

ночной обольстительницы, какой он представил ее себе со слов друга, — с черными змеями, извивающимися в ее локонах, и с огнем, вырывающимся из-под полуприкрытых век.

Она мчалась верхом на единороге и опустошала занесенную снегом Акадию. К утру он заметил, что видение приняло иной облик: у женщины были золотые волосы и глаза цвета изумруда...

С тех пор как после пятнадцати лет послушничества отец д'Оржеваль вышел за монастырские стены и стал священником, ему никогда не изменяла его прозорливость. Прозорливость в отношении душ, событий, явлений. Вплоть до пророчеств, предостережений против чего-то, что, казалось, пока не вызывает никакой тревоги; он бросал их как бы мимоходом, а некоторое время спустя его слова сбывались, все это видели, сбывались с невероятной точностью...

После всех исповедей; которые он имел счастье доверить этому великому иезуиту, мальтийский рыцарь всегда выходил просветленным, лучше познавшим самого себя, более уверенным в своем пути. И он понимал, что в исповедальне отца д'Оржеваля, там, в маленькой, холодной часовенке прежней миссии на реке Сен-Шарль, куда он заглядывал, когда ходил в Квебек, они сражались друг с другом, часами сражались.

Ничто не давало ему повода сомневаться в отце д'Оржевале и теперь.

Но Ломени и сам был человеком мудрым, наблюдательным, и у него был богатый опыт, приобретенный им за годы жизни в колониях. Он не один раз воочию наблюдал, какое невероятное терпение, выдержку и лукавство тоже проявляли иногда некоторые женщины.

После долгих и мучительных размышлений он решил быть более осмотрительным, более суровым и, посоветовавшись с бароном д'Арребу, попытаться раскрыть в Анжелике дьявольскую сущность... если она в ней есть.

Глава 10

Снова на Вапассу словно опустилась долгая ночь. Ночь, которая продлилась шесть дней. Снег и ветер объединили усилия, чтобы задушить форт в своих вихрях, и даже тонюсенький луч света не мог пробиться через залепленные снегом, ставшие совсем непроницаемыми окна. Открыть дверь — даже от этого пришлось на несколько дней отказаться. Ветер загонял обратно в трубы каминов клубы дыма, и люди задыхались без свежего воздуха. Однако форт стоял непоколебимо — Вапассу оказался надежным убежищем, несмотря на то, что резкие порывы ветра то и дело заставляли трещать его крышу. Дубовые стропила с ровно обтесанными боками словно приросли одно к другому и не предали хозяев Вапассу.

Все теснились в тепле дома, жались друг к другу. И вот как раз во время этой долгой ночи одну из лошадей, вороного жеребца, утащили волки.

И тогда граф де Пейрак принял решение прирезать Волли. Конюшню и сарай разрушила непогода, и лошадь негде было держать, нечем было кормить, да и люди находились на грани голода.

Жоффрей де Пейрак не мог простить себе, что в надежде на несбыточное чудо не сразу решился на этот шаг. Уж он-то знал, что их запасы мяса подходят к концу и, даже если бы они смогли целыми днями охотиться, все равно мало вероятно, что они сумели бы прокормить всех. И теперь потеря жеребца делала угрозу голода еще ощутимее.

Узнав о решении мужа, Анжелика ничего не сказала. Да и что говорить, если жизнь сама выдвинула свои неотложные требования и произвела переоценку ценностей. Сколько сил положили они на этих лошадей!

Одно то, что они сумели привести их в глубь страны, приобрело в их глазах какой-то символический смысл, и потому спасти, сохранить их казалось всем чрезвычайно важным.

Теперь же речь шла о спасении жизни людей. Уже не о том, быть или не быть лошадям в верховьях Кеннебека, а о том, быть или не быть там де Пейраку и его людям.

Все молчали. Была в этом незаслуженном поражении великая горечь: они не сумели сделать все, что задумали. Но Анжелика утешала себя: ведь нельзя же требовать, чтобы любое дело всегда шло без сучка без задоринки, и нельзя дойти до намеченной цели, ничем не пожертвовав в пути.

Но горечь исчезла, смытая огромной волной радостного возбуждения, которое захлестнуло ее, когда она увидела, что может напоить больных и выздоравливающих наваристым бульоном, укрепить их силы, и в течение нескольких дней обилие свежего мяса и запах жаркого вознаграждали изголодавшиеся желудки и пробуждали в людях веселость, пусть немного нервозную, но наверняка помогавшую им восстанавливать силы и запастись терпением.

Разве могла когда-нибудь Анжелика хотя бы в мыслях своих допустить, что наступит такой день, когда она будет есть свою лошадь! Для человека знатного происхождения лошадь никогда не стояла в одном ряду с другими домашними животными, которых можно было послать на бойню: с быком, с бараном или с коровой. Лошадь всегда была другом, другом с самого раннего детства, верным товарищем в прогулках, в путешествиях, в войне.

В иное время Анжелика испытала бы дикий ужас, оттого что ест лошадь, ибо для нее это было равнозначно каннибальству.

Именно то, как каждый из обитателей Вапассу отнесся к этому, особенно подчеркнуло разницу в их происхождении. Большинство из них даже не нахмурились. Они лишь сетовали, что пришлось положить столько труда, чтобы привести лошадей в Вапассу, а теперь они вынуждены забивать единственную кобылу. Но ничего, придет время, и здесь снова появятся лошади. Они все начнут сначала и доведут до победного конца. Да, их огорчала потеря кобылы, но они не испытывали того внутреннего сопротивления, какое может испытать дворянин, для которого лошадь как бы составляла неотъемлемую часть его самого.

Наверно, потом Анжелика еще не раз вернется мыслями к этому дню, но пока она слишком устала, чтобы предаваться размышлениям. Зато она ясно видела, как у Онорины вновь округляются щечки, как все оживают, и она начинала лучше понимать, почему индейцы обожествляют церемонию еды и почему их обычай собираться вокруг огня с друзьями, чтобы устроить табаги^[9], носит поистине религиозный характер.

Глава 11

Анжелика смотрела на слиток золота, который она держала в руках. Это было ее золото. Граф де Пейрак вручил его ей, как и другим, как и всем «своим людям», в ночь богоявления... И вот сегодня она решила привести в исполнение то, что давно уже замышляла в сердце своем.

Дав обет, если их минует черная оспа, поставить целую связку свечей всем святым рая, она хотела теперь пожертвовать этот слиток золота храму Сент-Анн де Бопре, о котором канадцы часто упоминали.

Храм был воздвигнут бретонскими моряками, спасшимися во время кораблекрушения на берегу реки Святого Лаврентия, и, как говорят, в нем происходят многие чудеса.

Войдя в этот послеполуденный час в залу, Анжелика подумала, что момент благоприятный, ибо барон д'Арребу и граф де Ломсни были там одни: они сидели за столом, углубившись в свои молитвенники.

Анжелика подошла к ним, положила на стол перед ними слиток и поведала о своих намерениях.

Она надеется, что викарии прихода используют это золото по своему усмотрению — может, на покупку риз и церковного облачения для священников, чтобы служба была еще более пышной, а может, для росписи прекрасного главного алтаря или стен четырнадцатью сюжетами «Пути на Голгофу». Она просит только, чтобы ее имя было выбито на церковной стене, на плите белого мрамора, рядом с именами других, тоже выполнивших свой обет. Этот вклад — ее благодарность небу, которое отвратило от них ужасную болезнь.

Оба знатных канадца рывком вскочили и отпрянули от нее с такой поспешностью, что барон д'Арребу даже

опрокинул стул. Они с ужасом смотрели на золото, которое мягко поблескивало перед ними на столе.

— Это невозможно, — пробормотал барон. — Никогда в Квебеке не согласятся принять это золото, если узнают, откуда оно и особенно кто именно прислал его в дар.

— Что вы хотите сказать?

— Монсеньор епископ наверняка предпочтет скорее сжечь храм или же заставит изгнать из него злых духов...

— Но почему?

— Это золото проклято.

— Я не понимаю вас, — сказала Анжелика. — Вы не говорили этого, когда согласились принять от моего мужа золото для экспедиции на Миссисипи. Я бы сказала даже, не согласились принять, а выпросили его.

— Это совсем другое дело.

— Почему же?..

— Принять золото для церкви из ваших рук!.. Подумайте только!.. Да нас забросают камнями!

Она молча разглядывала их. Нет, они не сошли с ума. Все гораздо хуже.

— Сударыня, — сказал Ломени, потупя голову, — я глубоко удручен, но я должен выполнить неприятную миссию, раскрыв перед вами, что вокруг вашего имени ходят слухи, которые приобрели значительный размах и внесли раздор в среде наших сограждан в Квебеке и даже во всей Канаде. Кое-кто, удивленный вашим появлением, вашими деяниями, обеспокоен и склонен видеть в некоторых совпадениях...

Взгляд Анжелики, застывший на нем, не облегчал ему признаний.

Она уже знала, что он хочет сказать, но это казалось ей чудовищно нелепым, и она молчала, предпочитая, чтобы он выходил из затруднительного положения сам, без ее помощи. Несомненно было

только одно: она начинала терять самообладание. Конечно, она никогда не требовала от них какой-то особой признательности!.. Но это уж слишком, не хватили ли они через край, эти жалкие вояки? Она заботилась о них. Она круглые сутки обслуживала их. Она сама дошла до изнеможения. Да вот и сейчас у нее ноют спина и руки, ибо только что она разбивала киркой лед в проходе, ведь там шагу нельзя было ступить, чтобы не упасть. Госпожа Жонас сегодня утром поскользнулась и растянула на ноге связки. Чтобы несчастный случай не повторился, Анжелика два часа без передышки колола лед, потом посыпала проход золой и толченым углем. И вот именно в такой момент они бросили ей в лицо оскорбительные глупости.

Д'Арребу, видя, что Ломени-Шамбор совсем запутался, выпалил:

— Вас подозревают, что вы и есть Демон Акадии. Разве вы не слышали об этом подозрении?

— Слышала! Речь идет, насколько я понимаю, о видении, которое явилось одной из ваших монахинь, и она возгласила повсюду, будто демон в женском обличье хочет погубить души жителей Акадии. Да, такое случается. — Слабая улыбка тронула губы Анжелики. — Выходит, по-вашему, я вполне подхожу на эту роль?

— Сударыня, увы, нам не до шуток в столь трагических обстоятельствах, — вздохнул Ломени. — Судьбе было угодно, чтобы граф де Пейрак появился в Акадии как раз в то время, когда это пророчество волновало умы канадцев. А тут еще они узнали, что рядом с ним живет женщина, по описанию похожая на демона, который предстал перед ясновидицей, и, естественно, на вас пало подозрение...

Да, все это было чудовищной нелепостью, и тем не менее Анжелика почувствовала себя обеспокоенной. Еще когда она увидела, как шарахнулись от ее подарка

оба знатных канадца, у нее сразу появилось предчувствие, что все это очень серьезно. Она отнюдь не самообольщалась. Слухи о видении монахини дошли уже до нее раньше. Ей намекнул на это Никола Перро, когда вернулся в Вапассу. Она догадывалась, что у канадцев может появиться искушение сделать сравнения. Но она не ожидала, что дело примет столь крутой оборот.

И вот теперь она начинала понимать, что происходит. Зверь вышел на охоту. Она слышала его тяжелую поступь...

Инквизиция!

Чудовище, которое поджидало ее в Америке, не было столь необузданно, как в Старом Свете, но вместе с тем это был тот же самый враг и даже, возможно, еще более злобный и опасный. Потому что для нее не было тайной, что на территории испанских колоний инквизиция беспрестанно устраивала самые жестокие аутодафе, какие только помнит человечество. На них массами сжигали индейцев, которые не пожелали подчиниться католической церкви.

Там, во Франции, Анжелику преследовали, потому что она была молода, красива, любима и мужественна, потому что она не походила на других. Здесь ей в лицо хотят бросить обвинение в том, что она демон... как некогда кричали Пейраку: колдун...

Здесь, в Америке, все откровеннее. Страсти здесь обострены, все рубится с плеча. Она должна, обязательно должна что-то противопоставить этому мифу, опровергнуть его, победить, она должна защищать себя так, как если бы перед ней и впрямь был какой-то злой дух, который проскользнул в ее дом. Ведь со злыми духами тоже надо уметь бороться.

— Извините меня, мессир де Ломени, — сказала она, стараясь выглядеть спокойной, но голос ее все-таки дрогнул. — Не станете же вы утверждать, что кто-то из

влиятельных господ в Квебеке, занимающих ведущее положение в обществе, верит в эту выдумку, всерьез верит, что я могла бы быть... воплощением этого демона, пришествие которого в Акадию предсказывают?..

— Увы! Все обвиняют вас! — с жестом отчаяния вскричал де Ломени. — Приплыв к нашим берегам, вы высадились как раз в том самом месте, где, как удалось установить, являлось видение. Вы были верхом на лошади и проезжали как раз через те места, которым, по словам монахини, угрожает демон... И вы... вы очень красивы, сударыня. Все, кто видел вас, могут подтвердить это... Вот почему монсеньор епископ счел своим долгом заранее собрать сведения...

— Но не хотите же вы сказать, что высшие церковные власти придают значение этим пересудам... и в особенности такому их толкованию! — воскликнула Анжелика.

— Именно так, сударыня, именно так! Рапорты отца д'Оржеваля и брата Марка, францисканца-реформиста, что живет на реке Сен-Жан, не могли не заставить задуматься монсеньора епископа. Более того, капеллан монастыря урсулинок в Квебеке мессир де Жорра свидетельствует об умственной святости и уравновешенности сестры Мадлен, духовником которой он является долгие годы. Да и отец Мобеж, глава иезуитов, тоже убежден, что ваше появление у нас есть неопровержимый знак предвещанных бедствий...

У Анжелики от ужаса расширились глаза.

— Но почему? — вскричала она. — Почему все эти святые отцы против меня?

Жофfrey де Пейрак, возвращаясь из мастерской, как раз в этот самый момент вошел в залу и услышал ее крик. Этот крик прозвучал для него как протест оскорбленной Женщины. Оскорбленной, отвергнутой вот уже много веков.

— Почему?.. Почему они против меня?

Он остался в тени, он не бросился ей на помощь. Она должна защищаться сама.

Сколько веков длится неприятие женщины женоненавистнической церковью, и вот пришло время вырваться этому крику. И справедливо, что он вырывался из уст самой прекрасной, самой истинной Женщины, которую когда-либо рождала земля.

Он застыл, никем не замеченный, издали с гордостью, с глубокой нежностью глядя на нее, такую прекрасную в своем потрясении и негодовании, которое постепенно охватывало ее и от которого у нее порозовели щеки, а зеленые глаза заблестели.

Лишь один барон д'Арребу заметил присутствие графа де Пейрака. Он увидел или, вернее даже, только догадался, что тот улыбается, глядя на Анжелику, и жгучая ревность перевернула его сердце.

«Этот Пейрак владеет сокровищем, и он знает это, — подумал он. — Да, знает... А вот моя жена не принадлежала мне никогда...»

Губы его желчно искривились, сердце наполнилось ядом, и ему вдруг захотелось изрыгнуть всю свою ненависть, грубыми изобличающими словами сокрушить эту триумфальную любовь. Но он сознавал, что грязный поток его слов вынесет на поверхность нечистые мысли, что переполняли его. И он промолчал.

А граф де Ломени мужественно и добросовестно продолжал свою миссию. Он вытащил из камзола сложенный листок и, явно страдая, развернул его.

— Здесь у меня, сударыня, записано все пророчество в точных выражениях. Некоторые описания пейзажа очень волнующи. Недавно отец Марк, духовник мессира де Вовенара, абсолютно точно определил место, где вы недавно высадились, вы, сударыня, и мессир де Пейрак...

Анжелика, недолго думая, вырвала у него листок и принялась читать его...

Одержимая сначала описывала место, куда она была перенесена во сне...

Глава 12

«Я сидела на берегу моря. Деревья подступали почти к самой воде... Песок отсвечивал розовым... Слева от меня на берегу небольшой бухты возвышался деревянный пост с высоким палисадом и башня с флагом... По всей бухте, словно уснувшие чудища, были разбросаны многочисленные островки...

В глубине ее под прибрежной скалой виднелся дом из светлого дерева... У причала на якорю качались два корабля... На другом берегу бухты, на расстоянии примерно одной или двух миль, находился еще один поселок — несколько хижин, вокруг которых росли розы... Я сидела у моря и внимала крикам чаек и бакланов...»

Сердце Анжелики лихорадочно забилося. Позднее, не раз возвращаясь мыслями к пророчеству монахини, она упрекает себя за то, что поддалась тогда волнению, ибо, начиная именно с этих строк, она могла бы при чтении заметить детали, которые позволили бы тут же опровергнуть предъявленное ей обвинение. Но она была слишком поражена удивительно точным, уверенным описанием Голдсборо, и бессильный гнев заслонил в эту минуту все остальные чувства.

«...Вдруг какая-то женщина неопишуемой красоты поднялась из пучины моря, и меня сразу же осенило, что это демон в женском облике. Какое-то время она словно парила над водой, в которой отражалось ее тело, и было непереносимо смотреть на нее, потому что это женское тело... И я поняла, что это воплощение демона греха, символ греховодницы, как я представляю ее себе... Вдруг из-за горизонта появилось еще какое-то существо, которое я поначалу приняла за другого демона; оно приблизилось быстрым галопом, и тут я

разглядела, что это единорог — его длинный бивень сверкал в лучах заходящего солнца, словно кристалл. Женщина-демон села на него верхом и устремилась вперед.

Тогда я увидела Акадию, она представилась мне в виде какой-то огромной равнины, которую я могла обозревать как бы с высоты. Да, я узнала, это была наша Акадия. Демоны держали ее с четырех сторон, словно одеяло за углы, и с силой встряхивали. Женщина-демон промчалась по ней крылатым копытом и подожгла ее... Все то время, что длилось это видение, меня, как помнится, не покидало ощущение, что в стороне, как будто в углу этой странной декорации, притаился еще один демон: черный, с гримасой на лице, он, казалось, наблюдает за демоническим созданием в образе прекрасной женщины, и были минуты, когда меня охватывал ужас, уж не сам ли это Люцифер...

Я видела все, и я была в отчаянии, ибо понимала, что это собираются дьявольские силы, чтобы принести бедствие нашей дорогой стране, которую мы взяли под свое покровительство, чтобы нарушить мир и благополучие нашей Акадии.

Другой женский силуэт проскользнул в небе. Я не могла бы с точностью сказать, была ли то святая дева или одна из святых покровительниц нашей общины. Но ее появление явно приструнило женщину-демона. Она отшатнулась, напуганная... Тут из рожицы выскочило какое-то волосатое чудище, набросилось на нее и растерзало на куски, и в это же время юный архангел со сверкающим мечом возник в тяжелой грозовой туче...»

Анжелика молча сложила листки. Она медлила, стараясь подавить страх, к которому теперь примешалось и ожесточение... Господи, это же ворох нелепостей, досужий вымысел заточенной в монастыре явно безумной монахини! И серьезные люди верят ей!

Всем известно, что в монастырях полно подобных ясновидцев!.. Однако в рассказе этой безумицы было нечто такое, что какой-то крупницей истины внушало Анжелике страх. И потому, вместо того чтобы тут же возразить, она застыла в задумчивости.

— Если и в самом деле, — пробормотала она наконец, — если в самом деле можно подумать, что описанная местность — Голдсборо, тогда я допускаю, что святые отцы могли так превратно истолковать появление на берегу бухты женщин, лошадей... Мое появление, наконец!.. Но как мне опровергнуть вымысел? Ведь с вымыслом перемежается столько реальных деталей, вы же сами видите... Лично мне все эти совпадения не кажутся убедительными. Ведь ваша одержимая монахиня не говорит, например, была ли женщина-демон блондинкой или брюнеткой?.. При столь точном описании местности это выглядит весьма странно...

— Да, вы правы. Но сестра Мадлен сама уточнила потом, что видение поднялось из воды против света и потому она не смогла хорошо рассмотреть его лица.

— Что ж, удобная уловка, — сказала Анжелика. — Но как же тогда она может утверждать, что женщина была красивой, если она не видела ее лица?

— Она говорила, главным образом, о красоте ее тела. Впоследствии она особенно настаивала на этом. Да, именно тело женщины показалось ей так необыкновенно красивым, что сама святая дева была сражена этим, приведена в смятение...

— Ну, предположим даже, все это так, но мне думается, что и этого недостаточно для столь тяжкого обвинения. И потом, никто не может утверждать, что видел, как я обнаженная выходила из воды...

И тут она запнулась, и смертельная бледность вдруг разлилась по ее щекам. Она вспомнила маленькое голубое озеро, где она купалась, когда они шли в

Катарунк, вернее, то неприятное чувство, что вдруг охватило ее, когда ей почудилось, будто из-за деревьев кто-то наблюдает за ней.

Выходит, это правда! Кто-то видел ее! Она в исступлении смотрела то на графа де Ломени, то на барона д'Арребу и по выражению их лиц поняла, что они думают о том же, о чем и она!.. Они знают... кто-то видел ее и рассказал...

Она вцепилась в руку Ломени-Шамбора и стиснула, словно желая сломать ее.

— Кто видел меня? Кто видел меня, когда я купалась в озере?

Ее глаза сверкали. Несчастный мальтийский рыцарь потупил взор.

— Я не могу сказать вам, сударыня! Но действительно, вас видели, и это еще более усилило страх, который начинал охватывать людей, слышавших о видении.

Анжелика почувствовала, что ею овладевает паника. Ведь не пригрезилось же ей тогда, на берегу озера, когда она ощутила вдруг какую-то неловкость и тревогу, хотя вокруг было так пустынно.

— Так кто меня видел? — процедила она сквозь зубы. Ломени покачал головой, не ответив. Она отпустила его руку. Какое это имеет значение?.. Тогда она подумала, что это просто игра воображения, или скорее со страху решила, что это ее подстерегли ирокезы, может быть, сам Уттаке, а вот теперь выясняется: то был кто-то из канадских французов, один из тех, что бродят здесь по лесам — солдат или офицер, или траппер! Итак, легенда обросла реальными деталями. Все связывается в единую цепь... Ее видели «обнаженной, выходящей из воды...» Проклятие!

Гнев охватил ее, и она стукнула кулаком по столу, — Пусть дьявол возьмет вас всех! — в ярости вскричала она. — Вас, вашего короля, ваших монахинь и ваших

священников! Неужели нигде на свете нет страны, где можно было бы укрыться от подобных глупостей? Вы нарочно сеете раздор, и все это под предлогом, будто спасаете души или служите королю. Вы появляетесь всюду, чтобы мешать честным людям жить в мире!.. Спокойно жить!.. Даже умыться спокойно нельзя... Пятьдесят тысяч озер!.. В этой стране пятьдесят тысяч озер, и ни в одном из них я не могу освежиться в знойный день без того, чтобы кто-нибудь из ваших не очутился бы там и не превратил бы это купание в воплощение пророчества Апокалипсиса... И все это лишь потому, что какой-то невежда возомнил себе, что ему тоже снизошло небесное видение, а вы слепо пошли за ним... Вы радуетесь, что он не оказался застигнутым врасплох, что он предупрежден об опасностях, которые якобы угрожают Новой Франции в связи с появлением какой-то женщины, и вот он увидел, как она купается в озере... Но кто же тогда, скажите, руководил мною, когда мне пришла в голову мысль идти искать вас в снегу, где вы умирали?.. Если это дьявол, мой господин, то надо полагать, вы с ним в большой дружбе, ибо он побудил меня к спасению ваших жизней. А потом мы заботились о вас, мы делили с вами последний кусок хлеба, нам пришлось прирезать нашу единственную лошадь... Вам мало того, что мы не оставили вас с вашими гуронами в беде, что преданно ухаживали за вами; вы не оценили нашего гостеприимства, не поняли, чем мы пожертвовали, разделив с вами последние крохи еды, вам мало того, что вы заручились нашим согласием поддержать экспедицию мессира де Ла Сая, и вы еще смеее задаваться вопросом, не являемся ли мы приспешниками сатаны, не я ли та самая женщина-демон, о которой судачат по всей Канаде...

И, охваченная презрением и почти жалостью к ним, она в гневе бросила:

— До каких же пор вы будете пребывать в состоянии детского скудоумия? Ваши хозяева помыкают вами, из-за них вы проявили себя сегодня трусливыми, глупыми и неблагодарными... Я не хочу больше видеть вас. Уходите!

Она повторила уже более спокойно, но все тем же ледяным тоном:

— Уходите! Уходите из моего дома!

Оба знатных канадца поднялись, понутив головы, и направились к двери.

Глава 13

Тусклые фиолетовые сумерки и мороз, который обжигал, словно раскаленное железо, встретили их во дворе. Они пошли наугад, скользя по утопанному снегу, обратив взоры к темному горизонту, на котором лишь кое-где виднелись излучавшие слабый свет синеватые полосы, и остановились на берегу озера.

Они и сами не ожидали — это было столь несвойственно мужчинам их возраста, их склада характера, — что, оказавшись в такой поздний час на морозе, под неумолимым северным ветром, который дул поземкой, они почувствуют себя обездоленными сиротами.

Только теперь они начинали понимать, что, если они потеряют дружбу госпожи де Пейрак, жизнь станет для них поистине невыносимой.

— Это жестоко, мы не заслужили такой немилости, — мрачно сказал граф де Ломени.

— Вообще-то, конечно нет... Но с ее точки зрения, заслужили... Я никогда не прощу себе, что позволил сделать себя вестовщиком сплетен, глубоко ранивших эту очаровательную женщину, от которой мы видели только добро. Она права, Шамбор! Мы проявили себя самыми последними мерзавцами! И виноваты во всем иезуиты. Они заморочили нам головы своими глупостями! Какие же мы мужчины после этого!

— Честное слово, я считал вас более преданным господам из общины иезуитов, — с изумлением сказал Ломени. — Почти одним из них!.. Ведь вы и ваша жена являете собой пример, который...

— Иезуиты лишили меня жены, — сказал барон. — Я не оценил того, что она принадлежала мне, и они воспользовались этим, чтобы совсем отнять ее у меня.

Иными словами, я уже больше не мужчина. Они сделали из меня евнуха, но евнуха при церкви... Для них это высшая степень совершенства, ибо брак в их глазах, даже христианский брак, — грех. И только теперь госпожа де Пейрак, или, как ее прозвали, Дама с Серебряного озера, заставила меня осмыслить это. Она так красива, так женственна... Меня пленяет ее пылкость, то тепло, что она излучает... Женщина, которую муж может обнять...

Он закашлялся, потому что говорил слишком громко и ледяной воздух обжег ему легкие.

— Поймите меня, ведь вы мой друг, там, в Квебеке, когда я брошу этот камень в их лягушечье болото, меня никто не поймет. Дама с Серебряного озера принадлежит только Пейраку. Она создана для любви... Да, для любви. Она создана для его объятий. И это прекрасно! Это замечательно! Вот что я хочу сказать.

— Друг мой, вы бредите, я не узнаю вас, вы сам не свой.

— Вероятно... А может, наоборот, я как раз на пути к тому, чтобы снова стать самим собой. Ибо наше «я» — пылкое, радостное, чуточку фривольное, а мы, верящие в Бога и в жизнь, мы оставили его далеко позади себя, где-то на повороте юности, под грудой запретов, принуждений и требований, несовместимых с истиной. А вот де Пейрак всегда оставался самим собою. Он непоколебим, словно скала, среди гнусностей жизни. Я завидую де Пейраку, и не только потому, что он муж этой женщины. Я завидую ему, ибо он всеща оставался самим собою, — упрямо повторил д'Арребу, — всегда, всю жизнь, даже перед лицом смерти... Да, юность — самый опасный период жизни. В юности иногда сникают под чужим влиянием, с которым невозможно бороться, потому что кажется, будто это влияние — результат нашей собственной воли... Вы все еще подозреваете госпожу де Пейрак в том, что она демон? — спросил он,

ожесточенно тыча указательным пальцем в графа де Ломени, стучавшего зубами от холода.

— Нет, я и раньше никогда ее не подозревал. Вспомните, как в Квебеке я протестовал против этих рассказней и все меня упрекали, обвиняли в том, что я околдован ею. И вы первый!

— Да, верно, так оно и было, простите меня! Теперь я все понимаю. О Боже! Я совсем окоченел. Вернемся скорее и принесем наши извинения этой очаровательной женщине, ведь мы так жестоко оскорбили ее.

Глава 14

— Испугались, что я больше не стану вас кормить?..
— спросила Анжелика, увидев, что они с видом кающихся грешников стоят за ее спиной.

— «Отброшенные во мрак, оглушенные рыданиями и зубовным скрежетом...» — продекламировал граф де Ломени и с жалкой улыбкой добавил от себя:

— ...где от мороза трескаются камни...

К их приходу Анжелика уже успокоилась. Вначале она действительно была глубоко задета и встревожена, но свойственное ей чувство юмора одержало верх, и при мысли, что ее появление в Америке сыграло такую злую шутку с суеверными канадцами, принявшими ее за Демона Акадии, она поймала себя на том, что улыбается. И еще она почувствовала себя несколько отмщенной, когда увидела, в какое замешательство повергнуты полномочные послы монсеньора епископа. Бедный Ломени от смущения был словно на горящих углях. А вот д'Арребу вроде бы злился... Но отчего?.. От досады, что ему приходится вести переговоры с приспешницей Люцифера, как они там решили, или оттого, что он вынужден играть перед ней роль инквизитора? Поразмыслив, она склонилась к последнему.

Да, за эти прошедшие недели каждый научился уважать себя. А потому, когда она увидела их, сконфуженных, за своей спиной, она решила простить их.

Мальтийский рыцарь объяснил ей, что понимает ее глубокое волнение и просит извинить его за то, что он допустил такую неловкость. Она не правильно поняла их. Они были далеки от мысли подозревать ее в сношениях с потусторонними силами. Они хотели

только предупредить ее о том, что говорят в Канаде, предупредить об опасности... Их соотечественники заблуждаются. И они сумеют, когда вернутся в Квебек, переубедить их.

Анжелика в знак прощения протянула ему руку для поцелуя.

— О, она необыкновенная женщина, — говорил потом барон д'Арребу. — Только увидев, как она протягивает руку, я могу поклясться, что ее принимали во всех салонах Парижа и даже при дворе короля.

Анжелика не заметила, что во время ее бурного объяснения с этими знатными канадцами Жоффрей де Пейрак был в зале. Он так же незаметно вышел, как и вошел. Он ждал, что Анжелика сама расскажет ему о столкновении с ними, но она промолчала. Поразмыслив, она решила, что дело не стоит того, чтоб о нем говорить. Пока не стоит! Позднее, быть может, если оно примет такой размах, что будет грозить им какими-то неприятностями... Она боялась, как бы Жоффрей — ведь речь шла о его жене — не принял бы все это слишком близко к сердцу. С другой стороны, объяснение, которое состоялось у нее с канадцами, закончилось благополучно — ведь два влиятельных в Канаде человека обещали стать ее надежными союзниками.

Отец Массера не казался настроенным враждебно. Что же касается Кавелье де Ла Саля, то он получил свои деньги, а на остальное ему было абсолютно наплевать — и на демона и на провидение. Для него важно было лишь одно — осуществить свой план. Он был резкий, расчетливый, целиком поглощенный собственными делами, и приходилось только удивляться, как этот холодный, предприимчивый молодой человек мог в течение десяти лет воображать, будто религия — его призвание.

Поскольку Анжелика чувствовала себя в Вапассу среди своих, страх, поначалу охвативший ее, быстро рассеялся. Все это пустяки по сравнению с тем, что пришлось пережить Жоффрею де Пейраку, когда, обвиненный в колдовстве, он должен был бороться один, а власть короля и инквизиции простиралась повсюду, могла проникнуть даже в его собственный дворец.

Свобода! Анжелика начинала лучше понимать смысл этого слова, когда ее взгляд блуждал по заснеженным девственным непокоренным горам. Свободная, независимая земля, и ей наплевать и на права короля Франции, и на права короля Англии.

Но эта земля слишком велика для горстки людей, что пытаются присвоить ее. В Вапассу Анжелика особенно глубоко чувствовала, что единственный господин, который обладает здесь властью и от которого зависит ее судьба, — это Жоффрей де Пейрак, и у него хватит сил защитить ее от всех и вся. Он обещал ей, что весной наберет не меньше двадцати, а то и тридцати наемников. И они, едва сойдет лед, поднимутся по реке в Вапассу, а это значит, у них будет постоянный гарнизон, в три раза превышающий любой из гарнизонов, что имеют здесь наиболее укрепленные французские поселения. Наемники перестроят форт, и его план уже сейчас дает основание полагать, что это будет самый красивый, самый надежный и удобный форт во всей Северной Америке.

Анжелика любила вместе с мужем и сыновьями разглядывать эти планы. Ее всецело поглощали мысли о том, как создать в доме удобства для всех, она предусмотрела комнаты для супругов, большую залу для общих трапез и еще одну залу, прилегающую к кладовой, специально для индейцев, что будут приходить к ним, — пусть они чувствуют себя там свободно... Сад, огород, конюшни...

В начале марта потеплело и погода, казалось, благоприятствовала тем, кто собирался пуститься в путь. Выждать дольше было рискованно — в самом конце зимы, хотя снега местами бывает еще довольно много, он становится тяжелым, насыщенным влагой и потому коварным.

Никола Перро отправился на юг проводить в миссию Нориджевук Пасифика Жюссерана, поскольку из-за болезни глаз тот не мог еще идти один. Индейца же, пришедшего с Жюссераном в Ваппасу, мессеры д'Арребу и де Ломени, посоветовавшись с отцом Массера, решили оставить — он будет сопровождать их в Квебек.

Пришло наконец время отправиться в дорогу и группе Кавелье де Ла Саля. Им предстоял самый дальний путь — они шли на запад, в сторону озера Шамплейн. В эту группу, кроме самого Кавелье, вошли Флоримон, Жан Ле Куеннек и юный индеец из соседнего племени, который умолил, чтобы его взяли в экспедицию. Весьма щепетильным делом оказался дележ провизии. Соленое мясо, мясо копченое, маисовая мука, водка... Если дать тем, кто уходит, все необходимое для многих недель путешествия, обитатели форта останутся почти ни с чем. Пришлось положиться на милость провидения — они надеются, что оно пошлет им дичь на их пути.

В минуту прощания Анжелика вышла на порог дома с чаркой и графинчиком водки в руках. Каждый должен был выпить перед дальней дорогой на посошок, хотя по погоде им нужнее были не посохи, а снегоступы. И они были у них, правда пока на спине. Снег еще покрыт твердым настом, и они довольно долго смогут обходиться без них.

Сухой морозец, державшийся в последнее время, уже понемногу отступал. Не слишком, однако. Путешественники выбрали удачные дни. Если такая

погода продержится деньков шесть, им ничто уже не угрожает.

Флоримон обнял мать, не выказав при этом ни волнения, ни даже — в суматохе — слишком откровенной юношеской радости. Он был спокоен. В последний раз он проверил с отцом приборы и карты, которые взял с собой, они что-то обсудили сообща. Рядом с Кавелье де Ла Салем и даже с бретонцем Жаном Ле Куеннеком Флоримон выглядел совсем юным. И все-таки, хотя пока еще трудно было сказать, в чем это выражается, чувствовалось, что у всех членов экспедиции уже постепенно вырабатывалась привычка в затруднительных случаях обращаться именно к нему. Он был дворянин, и это сказывалось во всем.

Когда Флоримон обратил вдаль взгляд своих черных глаз, как бы оценивая силу природы, перед тем как вступить с нею в единоборство, а потом в сторону озера, сердце у Анжелики сжалось, но не от горечи, а от восхищения и радости. И от удовлетворения тоже.

Новый Жоффрей де Пейрак уходил покорять мир...

Незадолго до ухода экспедиции де Ла Саля Октав Малапрад и Эльвира, пользуясь присутствием отца Массера, скрепили свой союз. Сначала иезуит наотрез отказался освятить брак между добрым католиком и закоренелой еретичкой. Он произнес перед Малапрадом небольшую речь, напомнив ему, что брак — это таинство, которым супруги сами одаривают друг друга, что вмешательство служителя церкви здесь вовсе не обязательно, если не считать записи его свидетельства в регистр общины. Но если он правильно понял, здесь, в Вапассу, глава их общины — мессир де Пейрак. Что же касается божественного благословения, если уж супруги обязательно желают подкрепить им свою клятву, то ничто не мешает им получить его таким же образом, как и другие верующие, во время службы.

У Малапрада был пронизательный ум. Он сказал, что понял и ушел, не настаивая. Но на следующее утро клетушка, где молился отец Массера, вдруг заполнилась обитателями форта. Принарядившиеся, они почти все столпились в дверях, и, когда священник повернулся, чтобы благословить собравшихся, он не сразу разглядел две стоящие рядом смиренные фигуры, руки которых в этот день украшали золотые кольца.

Так Октав Малапрад и Эльвира соединились узами брака перед Богом и перед людьми. Им отвели пристанище в кладовой.

Когда посланцы мессира де Фронтенака, которых уже давно считали замерзшими в снегу или убитыми графом де Пейраком, вернулись в Квебек, их встретили словно воскресших из мертвых.

Можно было подумать, что они возвратились из ада, и на них смотрели с ужасом и с благоговейным уважением. Всегда серьезный барон д'Арребу сразу же посеял тревогу, удивив всех своей жизнерадостностью, какой раньше за ним не наблюдалось, а также заявлениями, мягко говоря, ошеломляющими.

— Зло свершилось, — сказал он. — Я влюблен. Я влюблен в Даму с Серебряного озера!..

Что же касается графа де Ломени-Шамбора, то его мнение не отличалось от того, что он говорил раньше. Несмотря на разоблачения одержимой, несмотря на смерть Пон-Бриана, которая потрясла всех, он в чужаках, обосновавшихся в Вапассу, продолжал видеть друзей.

В один из дней он имел конфиденциальный разговор в замке Сен-Луи с губернатором, а потом отправился к иезуитам с намерением уединиться в их обители.

Барон д'Арребу, когда заходила речь о смерти Пон-Бриана, заявлял:

— Лейтенант ее заслужил.

Он без конца мог рассказывать о том, что приключилось с ними, и о своей жизни у «опасных еретиков»; подробно описывал каждого из обитателей Вапассу, ставших в Квебеке почти легендой: статность и ученость графа де Пейрака, рудокопов, держащих в своих прокопченных руках слитки золота, и ее красоту! Вот тут поток его красноречия невозможно было удержать.

— Я влюблен, — повторял он с детским упрямством.

Молва об этом безобразии докатилась до Монреаля, и его жена, у которой от досады, видно, помутилось в уме, написала ему: «До меня дошли неприятные слухи о вас... Я люблю вас...»

Он ответил ей: «Нет, вы не любите меня, сударыня, и я тоже не люблю вас...»

Никогда еще столько гонцов, подвязав снегоступы, не пробегало в это время года те пятьдесят лье, что отделяли друг от друга два города — Квебек и Монреаль. Никогда еще слово «любовь» не было произнесено столько раз в этих городах, а мимоходом и в маленьком, погруженном в сонное оцепенение городке Труа-Ривьер, и никогда в этих местах столько не рассуждали, чтобы определить, а что же такое любовь.

Все это занимало умы канадцев и помогало им пережить последние недели зимы. Наступало голодное время, а изнуренные долгой зимой люди даже в городах до крайности устали от недоедания и борьбы с жестокими морозами. Боялись не дотянуть до прихода первых кораблей из Франции. Знали, что по этим пустынным пространствам смерть пройдет, словно опустошительный ураган. В отдаленных фортах хоронили умерших от цинги. Застигнутый голодом в вигваме индейцев миссионер грыз свой пояс из оленьей кожи. Гонимые голодом индейцы целыми поселениями

снимались с места и шли куда глаза глядят и умирали на заснеженных тропах. Другие ждали смерти около угасающего очага, завернувшись в свои красные и синие одеяла...

Когда в середине марта снова повалил снег, мокрый, тяжелый, военный губернатор Канады, полковник де Кастель-Морга, непримиримый враг чужаков из Вапассу, сардонически улыбаясь, повсюду твердил, что нет больше надобности спорить о достоинствах и недостатках этих незваных гостей, потому что теперь уж они наверняка все отдали Богу души в глуши лесов, все — вместе со своими женщинами, детьми и лошадьми.

Глава 15

Анжелику постепенно охватывала какая-то странная, беспредельная усталость. Проснувшись утром, едва открыв глаза, она уже ясно осознавала ее и, несмотря на то что она жаждала приступить к своим обычным делам, не находила в себе сил подняться. Ей казалось, будто она превратилась в кусок дерева и теперь валяется в углублении тюфяка, словно выброшенный на прибрежный песок обломок судна... И в то же время она не чувствовала себя больной. Просто что-то происходило у нее внутри, хотя она теперь знала, что не беременна. Да, что-то сломалось в ней, и она никак не могла соединить эти обломки. «Я устала», — с удивлением повторяла она про себя. Попробовала дольше спать — не помогло, скорее наоборот. После долгого сна еще тяжелее было вставать, она становилась более апатичной... Да, поистине кусок дерева, в котором вдруг пробудился разум, побуждающий его к деятельности, но он все равно продолжает оставаться неподвижным и бесчувственным.

Она тосковала по Флоримону. Он такой веселый, уравновешенный, уже научившийся больше думать о других, чем о себе, — черта, унаследованная им от отца. И если когда-нибудь ему и приходилось требовать к себе внимания, то лишь в исключительных случаях, как в тот день, когда он вскричал:

«А как же я?», потому что все забыли о нем, а он валился с ног от изнеможения. Анжелика не беспокоилась за сына. Впрочем, может, она бы и беспокоилась, как все матери, если б у нее были силы размышлять. Но она была настолько изнурена, что отрешилась от этой заботы. Сейчас у нее была другая,

более насущная, забота о пище, которой с каждым днем становилось все меньше. Безвкусная маисовая каша уже не лезет больше в горло. У них опять совсем нет соли. А мясо такое жесткое, что его никак не разжуешь.

«Я устала», — твердила про себя Анжелика. А иногда она говорила себе это вслух, словно для того, чтобы утешить себя признанием, которое не решилась бы сделать никому.

С усилием она отрывалась от своего ложа. Каждое движение давалось ей с трудом, но когда она уже была одета, тщательно умыта, безукоризненно причесана, когда ее многочисленные юбки и меховая одежда ладно сидели на ней, а кобура ее пистолета была пристегнута к поясу, она чувствовала себя лучше. Ее усталость почти пропадала. Однако до завтрака — пусть самого скудного — она была настолько нервозна, что даже старалась ни с кем не разговаривать, боясь разразиться упреками или проклятиями. А с ней это уже случалось трижды: один раз она набросилась на Онорину, и девочка потом проплакала весь день, потому что в последнее время вообще стала очень плаксивой; другой раз обрушилась на Кантора, и он с тех пор дулся на нее; а в третий раз — на Кловиса: он плюнул на пол, и она чуть ли не подралась с ним, словно мегера налетела на этого «угольщика». Потом, правда, они помирились. Что делать, нужно все учитывать, считаться с тем, что люди истощены физически, а потому у всех сдали и нервы. Она постоянно чувствовала раздражение против себя самой, как будто была в чем-то виновата, укоряла себя в каких-то упущениях. Однажды вечером, когда она лежала рядом с мужем, положив голову ему на плечо, она доверилась ему.

— Это просто голод, моя милая, — сказал он, нежно лаская ее подтянувшийся, болезненный от постоянного недоедания живот. — Когда вы утолите его, жизнь снова покажется вам прекрасной.

— Но вот вы же никогда не жалуетесь, вы всегда уравновешенны... Как вам это удается?

— Мне?.. О, я прошел огонь и воду...

Он долго прижимал ее к себе, словно стараясь передать ей свою мужскую силу. Она обвила его руками и уснула, прижавшись лбом к его плечу. Она часто страдала от невыносимой мигрени.

Назавтра сплошной стеной повалил снег. Из-за этого рыхлого снега, укутывавшего землю мокрым покрывалом, которое уже не замерзло, Никола Перро, ушедший на юг за провизией, вернулся только в конце марта. Несмотря на снегоступы, он и его индеец много раз чуть ли не с головой проваливались в сугробы. В миссии Нориджевук Никола нашел только помощника отца д'Оржеваля, отца Ле Геранда. Ему он и сдал с рук на руки Пасифика Жюссерана. Выполнив порученное ему дело, Никола подумал, не пойти ли ему дальше на юг, к фактории голландца, но, опасаясь весенней распутицы, которая могла сделать непроходимыми все тропинки в лесу и все реки и тем самым намного удлинить его путь, предпочел вернуться в Вапассу. Там он предложил организовать «большую охоту». Несколько мужчин пойдут с ним на запад, до озера Умбагог, во владения Мопунтука. Как раз в это время индейцы, гонимые голодом и необходимостью добыть меха для обмена, отправляются на охоту. Олень, который будит сейчас леса своим пылким призывом, — добыча легкая, хотя и не очень завидная, ибо он отощал за зиму и от битв с соперником. А может, им повезет, и они отыщут стадо ланей, медведя, спящего в своей берлоге, которую они заметили еще осенью, и, наконец, забьют палками бобров — ведь они уже выходят из ледяного плена запруд и протоков. А для индейского племени помощь белых охотников, у которых есть порох и свинец, будет благодеянием. Чтобы оставить побольше провизии в Вапассу, Никола

Перро решил взять с собой только немного сала, муки, маисового зерна и сушеного мяса, толченого с травами. Этого должно хватить, чтобы в пути есть по два раза в день, размешивая с водой горстку смеси на ладони, как это делают индейцы. Он тщательно подсчитал, сколько провизии потребуется на шесть дней пути.

— А если вы задержитесь из-за пурги или распутицы? спросила Анжелика, которой этот рацион показался просто ничтожным.

— Будем охотиться! В подлеске начинают появляться птицы. Белые куропатки, кулики, а кое-где даже лабрадорские гуси. Встречаются и зайцы... Не беспокойтесь за нас, госпожа графиня. Вот, помнится, мы воевали во времена мессира де Траси. В разгар зимы до стойбища ирокезов в Долине могавков — сто двадцать лье. К несчастью, в пылу битвы мы сожгли амбары ирокезов, не подумав о том, что у самих-то у нас нет провизии на обратный путь.

— Ну и что?

— Многие умерли, — с философским спокойствием ответил Никола.

Он перекинул через плечо патронташ, нацепил на него пороховницу, индейский нож в ножнах, украшенных жемчугом и иглами дикобраза, флягу с водкой, взял топорик и кастет, огниво с длинным трупом, трубку, мешочек с кремнями, кисет с табаком, надел расшитый кожаный плащ и балахон из красной шерсти, опоясался разноцветным поясом и пошел во главе маленького отряда тяжелым и неуклюжим из-за снегоступов шагом. Неутомимый лесной бродяга.

Свой мешок с провизией он забыл на столе, и Анжелике пришлось бежать, чтобы окликнуть их. Но они были уже далеко, на другой стороне озера, и знаком показали ей, что все это, мол, пустяки... С Богом!

Они углубились в перелесок, в девственный мир деревьев, обсыпанных снегом, которые возвышались вокруг них пушистыми пирамидами, стройными свечами, иногда какими-то призраками, и за ними долго еще тянулось облачко из тысяч сверкающих снежинок.

А в Вапассу остались лишь несколько мужчин, женщины и дети, но все равно и для них провизии было недостаточно.

Кантор опять взбунтовался — в прошлый раз отец не разрешил ему пойти с Флоримоном, а сейчас не отпустил с охотниками. Анжелика разделяла мнение мужа — мальчик едва оправился после болезни и еще недостаточно подготовлен к дальнему и трудному походу к озеру Умбагог. К тому же никто не знает, что ждет их там — может быть, все индейцы вымерли от голода или же ушли на юг в надежде, что случится невероятное чудо и они сумеют убежать от несущей смерть зимы.

Пейрак успокоил своего младшего сына — ведь должен же в Вапассу остаться кто-нибудь из здоровых охотников, чтобы ставить силки. И юноша каждое утро мужественно уходил в лес. Иногда он приносил зайца, иногда возвращался несолоно хлебавши — нечем было наживлять силки. Да, держался он мужественно, но очень быстро уставал и возвращался такой голодный, что ему одному было бы мало той тощей дичи, которую он приносил. В конце концов он снова заболел, и силки больше не ставили.

Индейцы из «бобрового» вигвама несколько раз приходили в Вапассу просить маис. Отказать им было невозможно. В обмен они приносили немного бобрового мяса. А в один прекрасный день они собрали свои пожитки и ушли неизвестно куда.

Кроме Жоффрея де Пейрака, все, кто остался в Вапассу, были или еще слабы после болезни, или даже больны. В числе их — два испанца (один из них, дон

Хуан Альварес, совсем не вставал с постели), немой англичанин и всегда дрожащий от холода Энрико Энци. Что же касается мэтра Жонаса и Куасси-Ба, то их просто сочли слишком старыми, чтобы взять на охоту, хотя они чувствовали себя превосходно. Они приняли на свои плечи добрую часть самых тяжелых работ: кололи дрова, разгребали снег, разбивали лед, занимались всевозможной починкой.

Кловис должен был пойти с охотниками, но как раз накануне он тяжело отравился свинцовыми парами.

Куасси-Ба вовремя заметил, что у кузнеца раздулся язык, и к тому же Кловис с удивлением сказал ему, что он почему-то чувствует во рту сладость. Войдя в кузню, Куасси-Ба убедился, что Кловис, который в последнее время стал слишком зябким, заткнул все щели и отверстия, чтобы в помещение не проникал холод, и тем самым закрыл доступ свежему воздуху, не подумав о том, что вредные пары, выделяющиеся при купеляции, могут застояться в небольшой кузне. Куасси-Ба немедленно уведомил о случившемся графа де Пейрака, и они тут же дали кузнецу успокаивающую настойку, чтобы утишить колики, которые уже начинали терзать несчастного. Но средства, наиболее действенного при таком тяжелом отравлении, у них не было: не было молока. Они не пробовали его, даже не видели с тех пор, как ступили на землю Америки. Да, с тех самых пор, как они отплыли из Ла-Рошели, если не считать нескольких мисок козьего молока, припасенного для детей на «Голдсборо». Правда, рудокопы знали, что есть еще одно средство: если порубить внутренности зайца и съесть их сырыми, в особенности печень и сердце, то при отравлении это вполне может заменить молоко. Но где взять зайца? Кантор обошел все силки и нашел наконец двух тощих зайцев. Анжелика была бесконечно счастлива. Поистине

правы канадские французы, когда повсюду в этой стране видят чудеса.

Граф де Пейрак сам приготовил снадобье и заставил Кловиса проглотить его. Кузнецу тотчас же полегчало, и стало ясно, что опасность миновала. Но еще долгое время он оставался в постели, дрожа под своими одеялами, несмотря на горячие камни, которыми его все время обкладывали, пытаюсь согреть.

У Анжелики не было сил ухаживать за ним, но иногда она приходила посидеть у его изголовья, поговорить с ним немного, чтобы поддержать его, отвлечь от мрачных дум.

— А что сделаете вы с золотом, которое заработаете на службе у графа де Пейрака? — как-то спросила она Кловиса.

Его ответ прозвучал так странно, что она подумала сначала, уж не бредит ли он.

— Когда я накоплю много золота, я спрячу его на дне моря, в расщелине горы Дезер, я знаю такое местечко в заливе Голдсборо, а сам я отправлюсь в Новую Гренаду, в самое сердце Южной Америки. Говорят, там находят огромные изумруды. Я их найду. Потом я поплыву в Восточную Индию, где, говорят, находят рубины, сапфиры и алмазы, там вставляют их в глаза идолам в храмах, так вот, если я не найду их сам, я выдеру у идолов. И когда я наберу драгоценных камней столько, сколько мне надо, я вернусь за своим золотом и выкуплю из него платье для маленькой Фуай де Конк. И еще я выкуплю ей корону и туфельки, украшу их драгоценными камнями, и это будет самый красивый наряд из тех, которые ей когда-либо преподносили...

Озадаченная Анжелика спросила, кто такая эта Фуай де Конк. Его давняя любовь, невеста, которую он потерял?

Кловис бросил на нее взгляд столь же яростный, сколь и оскорбленный.

— Как, госпожа графиня, вы не знаете святой Фуай де Конк? Но это же самая великая святая в мире. Неужели вы никогда не слышали о ней?..

И Анжелика вынуждена была признать, что это непростительно и что ее забывчивость можно объяснить только усталостью. Конечно, она слышала о храме Конк-ан-Руэрг, что находится в горах Оверни. Там в алтаре окруженной каменной стеной церкви, в ковчеге из чистого золота, хранят зуб и несколько волосков маленькой римской великомученицы, жившей во втором веке, о которой идет слава, будто она совершила множество чудес, ведь она покровительствует узникам тюрем, помогая им в побегах.

— Три раза я носил кандалы, — с гордостью сказал Кловис. — Самые толстые кандалы, какие только бывают. В тюрьме Ориньяк, в башне Манкуссе и в подземной тюрьме этой сволочи епископа Рьома.

— И все же вы убежали? — спросили, подходя, дети.

— Э-э? Конечно! Да еще как ловко благодаря маленькой святой, которая помогла мне...

Когда Анжелику куда-то позвали, Онорина осталась сидеть около больного, и, подражая матери, она держала его большую черную ручищу в своих крохотных ручках.

В эту зиму Анжелика заметила, что ее девочка тянется к людям, к которым труднее всего подступиться. Всем остальным она предпочитала Жака Виньо и Кловиса. Она так льнула к ним, была с ними так мила, что они в конце концов сдались.

— И почему это я тебе так нравлюсь? — как-то спросил плотник девочку.

— Потому что ты очень громко кричишь и говоришь очень гадкие слова!..

После болезни Онорина вытянулась, побледнела и выглядела очень болезненной. Волосы у нее отрастали

медленно, и Анжелика с ужасом думала иногда, а вдруг они и вовсе больше не вырастут. Она беспрестанно бросала на девочку тревожные взгляды. Она заметила, что малютка часто поджимает губки, морщась от боли, которую доставляли ей распухшие десны, и ее бросало в дрожь при мысли, что и на них грядет эта ужасная зимняя болезнь: цинга, «сухопутная болезнь».

Так же как и граф де Пейрак, она знала, что от этой болезни могут спасти только свежие овощи и фрукты, но снег еще покрывал всю землю.

Глава 16

Пейрак знал о глубокой усталости жены, видел приметы этой усталости. Она стала сдержаннее, молчаливее, занималась только самыми неотложными делами, только тем, что нужно было, чтобы пережить день, поддержать собственное здоровье и здоровье других, тех, заботу о ком она взяла на себя. Он видел, что беспокойство за сына и дочь, за больных и просто ослабевших от болезней и недоедания, которые вот-вот могли свалиться, о нем самом, наконец, поглощало все ее мысли и забирало последние силы.

Когда вечером он ложился рядом с нею, ее беспомощность пробуждала в нем желание, и он знал, что она проявила бы покорность, если бы он домогался ее, но она была такая рассеянная, словно отсутствующая, что уже не владела собой. И еще он знал, что рассеянность эта естественна, свойственна женщинам, которых беспокоит любое нарушение гармонии и любая угроза удерживает в состоянии бдения. Поэтому, даже когда она спала, спала тяжелым сном изнеможенного человека, он догадывался, что она начеку.

Она улавливала все, что происходило вокруг нее: как свистела буря, как крепчал мороз. Едва она просыпалась, ее обступали заботы: провизия тает на глазах, Онорина с каждым днем становится все бледнее. Кантор вот уже три дня кашляет, госпожа Жонас худеет и грустнеет, охотники не возвращаются, словно они растворились, исчезли в пушистом и ледяном царстве заснеженного леса, а весна задержалась где-то в пути.

В ней чувствовалась какая-то отрешенность от всего, безучастность, но рядом с этой безучастностью

жило и пристальное внимание ко всему. Пристальное внимание ко всему, что надо было защищать. Безучастность ко всему, что не служило их единственной цели — выжить. И он по размышлению восхитился инстинктивным смирением женского существа перед этим естественным и земным законом. В этой женщине, что отдыхала рядом с ним, бледная и усталая, одновременно рассеянная и обеспокоенная, апатичная и настороженная, он угадывал истинное недомогание земли, всей природы, которая истощила свои последние силы, чтобы пережить конец зимы, но которая и накапливала их, чтобы выдержать бурный натиск приближающейся весны. То была смерть перед возрождением. Умирили деревья, умирали животные, уставшие от изнурительной борьбы, умирали люди, у которых уже не оставалось ни горсточка маиса, умирали, всего нескольких дней не дожив до спасения. И хотя в лесах необузданные почки уже прокалывали застывшие ветки, все живое было при последнем издыхании...

Анжелика, сама того не подозревая, очень точно уловила смысл этого последнего этапа борьбы: нужно избежать напрасной траты сил. У ирокезов женщины решают, сколько провизии нужно заготовить на зиму, в какие края переселяться, если земля оскудеет, на кого идти войной, если от этого будет зависеть жизнь племени. Мужчины говорят: «Мы, мужчины, созданы для сегодняшнего дня, для действия. Мы ведем войну, но не предрешаем ее... Решают женщины...»

Жоффрей де Пейрак склонился над женой и, глядя ее мягкие волосы, шептал ей слова утешения. Они вместе прикинули, когда могут вернуться охотники со свежей дичью, мысленно — уже в который раз — переделали добычу, решив увеличить долю Кловиса, который чувствовал себя плохо. Обсудили, можно ли позволить старому Элуа Маколле разбить, как он

собирается, в запрудах лед и половить бобров или что там есть еще... Он же может простудиться, заболеть — ведь, хотя он и закален, годы свое берут...

Часто Анжелика, взяв на колени Онорину, садилась около очага и смотрела на пляшущие языки пламени. Девочка, обычно такая подвижная, теперь искала покоя в тепле обнимавших ее материнских рук и крепко прижималась к груди, которая вскормила ее. Иногда Анжелика нашептывала ей сказку или мурлыкала песенку. Иногда подолгу молчала. Она больше не чувствовала себя виноватой, ни в чем не упрекала себя. Она сделала все, что могла, и теперь единственным спасением для нее было бездействие, вообще-то так несвойственное ее энергичной натуре. Но в этих условиях оно не было проявлением слабости духа, напротив, умение, когда того требуют обстоятельства, смириться так, чтобы не чувствовать из-за этого тревоги, не искать себе извинений, оправданий, и есть признак морального здоровья. Истинно гордый человек не поддается людским слабостям.

Ее желудок стал жадной, бездонной ямой, голова у нее гудела. От пресной пищи — у них уже давно не было соли — ее часто мутило. Ей хотелось подкормить детей, отдать им свою порцию, но она заставляла себя проглотить ее, зная, что это необходимо. И вместе с тем она отмечала, что, несмотря на страстное желание выдержать, выстоять, ей все-таки не хватает такой физической закалки, какой обладает граф де Пейрак. Вот его, казалось, ничто не может сокрушить, и его бодрость, его самообладание не были наигранными, показными.

Анжелика знала, что беспокойство еще больше подтачивает силы, и потому она, которой в жизни пришлось так много и жестоко бороться, бороться в изнуряющем одиночестве, когда борьба требовала

больше нервных сил, чем отпущено женщине, на этот раз, в этом испытании, почувствовала себя женщиной и полностью положила на мужчину.

А вот в Жоффрее де Пейраке произошла перемена, которой она тогда не заметила, но с волнением вспомнила и оценила много позже. Из господина он сделался слугой. Он беззаветно посвятил себя тем слабым, находящимся в опасности существам, которые доверились ему. Именно потому, что он знал, что требует от них слишком многого — выжить, он делал им больше поблажек. Он помогал госпоже Жонас подвешивать над очагом тяжелые котлы, носить воду, сам ухаживал за больными, чтобы хоть немного облегчить Анжелике эту работу. Он дружескими шутками пытался развеять дурное настроение Кантора, благожелательно положив руку на плечо, прекращал нелепые споры и ссоры, что неожиданно возникали по поводу и без повода, развлекал детей, показывая им в кузне и в лаборатории, где работа еле-еле двигалась, несложные магические опыты, которые приводили малышей в восторг. Обычно детей не допускали в мастерские, но теперь запрет был снят. Вместе с Леймоном Уайтом или Кантором он ходил проверять силки, и однажды Анжелика видела, как он, вернувшись, с непринужденной ловкостью сам ободрал принесенную ими ондатру. Он сумел найти нужные слова, чтобы успокоить Эльвиру, которую недоедание повергло в такую ипохондрию, что она вдруг начала сомневаться в своей новой любви и ее грызла совесть, что она поддавалась этому чувству. Она очень беспокоилась за Малапрада и готова была поверить, что в наказание за то, что она так скоро утешилась после смерти своего первого мужа, Всевышний отберет у нее второго.

— Не думайте сейчас ни о чем, пока вы голодны, — сказал ей де Пейрак, — и не смешивайте большие и

величественные мысли о Боге с миражами, порожденными обыкновенными желудочными коликами. Голод — плохой советчик. Он убивает уважение к самому себе, унижает. Он выплескивает наружу эгоистические силы, приводит к мерзкому одиночеству. Будьте сильной. Ваш муж вернется.

Чтобы хоть немного сохранить слабеющие с каждым днем силы, двигались мало, медленно, осторожно, словно заводные куклы. Как только заканчивали самые необходимые дела, де Пейрак советовал всем ложиться в постель и спать: «Кто спит, тот обедает», — это ведь старое присловье. А еще, случалось, он приносил горячие камни, чтобы те, кто забыл позаботиться о себе, положили бы их под одеяла. Ночью он вставал, чтобы присмотреть за очагом, подкинуть туда дров.

Однажды он сказал Анжелике: «Возьмем Онорину к себе в постель, с нами ей будет теплее».

Он заметил, что каждый вечер Анжелика нервничает, когда ей приходится оставлять Онорину одну в ее маленькой кроватке, одну наедине с враждебной темнотой и ночью. Все они были настолько истощены, что с трудом согревались в своих постелях и на рассвете дрожали под одеялами. Онорина, которую укладывали теперь между отцом и матерью, была так счастлива, что у нее даже порозовели щеки. На дворе в ночи завывал ветер, а девочка безмятежно спала между ними, как маленький счастливый зверек.

Когда погода бывала хорошая, обитатели Вапассу заставляли себя немного погулять, но, сделав несколько шагов по двору, быстро возвращались в затхлое тепло дома. И долго потом не могли согреться. У Онорины ручки всегда были холодные как лед. Анжелика погружала их в горячую воду и сама тоже согревалась так, а вместе с ней и Эльвира и госпожа Жонас. Какое счастье, что у них есть дрова, их верные союзники, беспрестанно потрескивающие в камине.

Графде Пейрак взвалил на свои плечи еще одну обязанность — он тщательно следил, как бы не случился пожар. Ослабленные голодом люди с каждым днем становились все более рассеянными, и это удваивало его неослабное внимание; он ежевечерне перед сном обходил весь дом, выглядывал с фонарем во двор — удостовериться, что дым свободно выходит из труб, что никакая искра не угрожает крыше из драпки.

Внезапно погода изменилась. С утра и весь день ярко светило солнце. Изможденные люди сбрасывали с себя подбитые мехом одежды, распахивали окна и двери, приглушали огонь в очагах, чтобы быстро разжечь их вечером, когда садится солнце, низвергая мир во мрак, вновь становящийся ледяным.

Снег таял, таял с неумолчным журчанием, которое доносилось будто из-под земли. Снег был словно пропитанная водой корпия или сердцевина стебля бузины, насыщенная жидкостью, с деревьев он падал тяжелыми лепешками. В два дня лес из девственно-белого стал серым, потом черным, деревья были сплошь усыпаны блестящими капельками. Бахрома сосуллек на краю крыши обрывалась и, падая, звенела, как бьющееся стекло.

Единственным печальным исходом первых теплых дней было то, что испортились последние крохи мяса, хранившегося замороженным на чердаке. Когда им пришла мысль, что такая теплынь может испортить его, и Анжелика быстро вскарабкалась по лестнице на чердак, где были подвешены несколько кусков дичи и конины, последний окорок и единственный кусок сала, тошнотворный запах сразу же подсказал ей, что они понесли невозполнимый убыток. Даже копчености, как оказалось, пострадали, и в довершение всевозможная мелкая живность, которую они считали вымершей за зиму — мыши, крысы и белки, — повылезла из своих нор и рыскала повсюду, окончательно превращая в

несъедобное все то, что не успело испортить солнце. Слишком расстроенная, чтобы обсуждать с кем-либо это несчастье, Анжелика, взяв себе в помощь Куасси-Ба и госпожу Жонас, отобрала несколько жалких кусочков, которые еще можно было пустить в пищу. Остальное они отбросили подальше — пусть этот запах привлечет шакалов и волков.

Анжелика не могла себе простить, что не вспомнила вовремя о мясе на чердаке.

— Я должна была подумать о нем, — твердила она. — Ведь стоило только сразу же перенести его в погреб и обложить глыбами льда...

— И я должен был бы об этом подумать, — сказал Пейрак, желая успокоить подавленную Анжелику. — Вот видите, моя милая, лишения подействовали и на меня, — улыбаясь, добавил он, — ведь я тоже упустил из виду, что из-за этого внезапного потепления могут испортиться наши припасы.

— Но вас здесь не было! Сегодня вы ушли с Кантором с самого раннего утра проверять силки и вернулись лишь вечером... Нет, это моя вина, и она непростительна...

Она провела рукой по лбу.

— Что-то у меня безумно болит голова сегодня. Может, опять к снегу?

Подняв глаза к сине-золотистому небу, она вздрогнула, увидев, как в его прозрачной свежести мечутся вороны. Эти мрачные птицы предвещали снег так же верно, как и ее мигрень.

И действительно, на следующий день снова начался снегопад. Весна, мимолетно напомнив о себе, отступила. За снегопадом последовали дни, насыщенные белым туманом. Мелкие и твердые, словно стекло, снежинки, подгоняемые быстрым ветром, дробно стучали, ударяясь о деревья, били в затянутые рыбьим пузырем окна.

Провизии в Вапассу оставалось всего на два дня. Утром каждый получил свою долю, и Анжелика с удовлетворением отметила, что она в силах сдержать себя, не накинуться на нее тотчас же. Она отставила миску в очаг на золу, про запас. Пусть останется для Онорины. Она стояла около камина, опустив руки и в задумчивости глядя на пламя. Мысли ее путались, расплывались, но каждая сама по себе была ясной. Она не могла бы объяснить почему, но она не испытывала чувства обреченности, даже беспокойства. Они не умрут, они выживут, в этом она уверена!.. Надо только ждать и не сдаваться. Должно же что-нибудь случиться! Весна идет. Наступит день, когда она окончательно одолеет зиму, и звери снова начнут рыскать по перелеску и приходить на водопой к покрытым цветами берегам реки. А реки вскроются, и по ним снова вверх и вниз заснут нагруженные товаром маленькие красные лодки индейцев и факторов, неся, словно кровь по венам, жизнь. Надо только ждать. Анжелика и сама не знала, какого чуда она ждала, не подозревала, что оно уже в пути, гораздо ближе к ним, чем можно было бы надеяться, что оно приближается, оно уже совсем рядом.

Она выпрямилась, прислушалась: **ВО ДВОРЕ КТО-ТО ЕСТЬ!** Свистящий ветер один куролесил вокруг их дома, ни единый звук не пробивался сквозь его завывания, и тем не менее Анжелика знала, была уверена: **ВО ДВОРЕ КТО-ТО ЕСТЬ!**

Она набросила на плечи накидку и с трудом прошла к двери. Во дворе колючий снег обжег ее лицо тысячью уколами. Хотя утро уже давно наступило, все вокруг было еще в сумеречной дымке, и из-за нее ничего нельзя было разглядеть. Сплошной сизый туман. Анжелина подняла глаза. Над ней с крыши свешивались едва различимые в сумраке люди, и они разглядывали ее сверху. Это были индейцы. Обсыпанные снегом, они

производили впечатление чего-то расплывчатого, нереального. Однако она тотчас узнала их по плюмажам. Ирокезы! Но что поразило и испугало ее больше всего, больше, чем само их появление здесь, так это то, что, если не считать их набедренных повязок, ОНИ БЫЛИ СОВСЕМ ГОЛЫЕ.

Глава 17

Они были голые, на крыше. Они сверху смотрели на нее, а жестокий северный ветер сбивал набок их длинные волосы, спутывал перья на голове и бахрому их гремящих от нашитых украшений набедренных повязок. Вытянув шеи, они, казалось, с любопытством изучали белую женщину, только что вышедшую из жилища, на крыше которого они сидели. Ветер пронзительно и озлобленно свистел вокруг них. Однако они не дрожали. Их спокойные черные глаза блестели. Госпожа Жонас вышла вслед за Анжеликой. Она не стала тратить время на разговоры и выразительными жестами пригласила пришельцев войти.

— Входите же, молодые люди, да поскорей. А то от одного лишь вашего вида мы превратимся в ледышки. И что за блажь гулять совсем голыми в такое время!

Они мгновенно поняли мимику. Гордо, величественно они приветствовали обеих женщин, подняв руку с раскрытой ладонью. Потом один за другим вошли в дом.

Их было шестеро, и впереди шел Тахутагет, вождь онондагов, с обезображенным оспой, словно побитым градом, лицом. Полные высокомерия, они даже взгляда не кинули на укутанные в теплую одежду и меха жалкие создания, которые таращили на них глаза. Их тела, натертые жиром, блестели, словно желтый отполированный мрамор, и казалось, что они, так же как мрамор, нечувствительны.

Когда граф де Пейрак вышел им навстречу, Тахутагет двумя руками протянул ему вампум, состоящий из тоненьких кожаных ремешков, униженных крохотными фиолетовыми и белыми бусинками из ракушек, которые составляли символический рисунок.

— Меня послал к тебе Уттаке, великий вождь Пяти племен. Этот вампум содержит в себе его мудрое слово. Он говорит, что помнит тебя, Текондерога, и помнит, какое богатство пожертвовал ты душам наших великих вождей... Этот вампум — залог его нерушимой дружбы. Уттаке ждет тебя...

Пейрак уже достаточно изучил язык ирокезов, чтобы понять его слова и поблагодарить.

Затем Тахутагет повернулся к Анжелике, протянул и ей ожерелье-вампум. Она заколебалась, не зная, брать ли его, допускает ли индейский обычай такой торжественный акт по отношению к женщине, но Тахутагет настоял. Он сказал:

— Возьми, Кава! Этот вампум содержит в себе слова женщин нашего племени. Совет матерей собрался в тот день, когда луна была рыжая, и сказал: «Пусть будет так. Человек-который-слушает-мир, Человек Гром вместе со своим племенем находится в опасности, потому что он, чтобы смыть позор, отдал нашим мертвым вождям все свои богатства, все свои запасы пищи до последней крупички. Если он умрет, что даст нам тогда союз, который мы заключили с ним, ради чего тогда потеряли мы своих вождей? Если он умрет, он унесет с собой богатство своего ума и красоту своего сердца, и мы потеряем еще и друга нашего племени. Если умрут его дети, его жена проклянет нас. Если умрет его жена, он проклянет нас, потому что он вспомнит, что его жена спасла жизнь Уттаке, а Уттаке оставил ее погибать. Нет, ни он, ни его жена, ни его дети не должны умереть. Этого не случится. Пусть каждый из нас даст по горсти фасоли, чтобы сохранить жизнь Кавы, белой женщины, которая спасла жизнь Уттаке, верховного вождя Союза пяти племен. Без него мы сироты. Без нее все мы тоже были бы сиротами. И пусть наши дети зимой будут чаще кричать: «Я хочу есть», — пусть! Голод — это болезнь, от которой

оправляются, как только приходит весна, но потеря друга — болезнь, от которой не оправляются никогда. Возьми же его в свои руки, женщина. Возьми ожерелье — дар нашего племени. Вот видишь, на этом рисунке — женщины на совете, а вот ты, а вот горсти фасоли, которую они посылают тебе, чтобы ты могла насытиться, ты и твои дети».

Тем временем он сделал знак одному из своих спутников, тот открыл дверь, и шестеро других индейцев, тоже голых, что ждали во дворе — ждали во дворе! — вошли, неся тяжелые кожаные мешки. Тахутагет развязал один из мешков и высыпал на деревянный стол фасоль — зерна растения, уже известного в Старом Свете, после того как первые путешественники привезли ее в прошлом веке из Южной Америки. Эти зерна созревали на берегах Пяти Великих озер ирокезов, на залитых солнцем склонах холмов, окружающих Долину моговков, и среди этих великолепных темно-красных зерен еще попадались лопнувшие блестящие стручки цвета золотистого меда. Даже укутанные в свои полированные оболочки, они распространяли запах свежести, запах земли, словно они и во мраке зимы сохранили в себе немного чистого воздуха с холмов, прихваченного ими в момент сбора урожая, еще до того, как осень позолотила вязы.

Дети, бледные от истощения, подскочили к краю стола. Они окунули руки в кучу зерен и пропускали их меж пальцами, смеясь от радости. Взгляд Анжелики переходил от фасоли к ожерелью-вампу и наконец остановился на бесстрастных лицах индейцев. Они только что преодолели сотню лье, пересекли ледяную пустыню, чтобы волоком притащить им дар Пяти племен. Она не знала, что сказать этим людям, она была настолько взволнованна, что готова была расплакаться перед такой неожиданностью, перед таким необъяснимым поступком ирокезов. Ведь он

выражал нечто гораздо более значительное, чем просто помощь, которую им оказали и которая принесла им радость и облегчение.

— Да будет отблагодарено племя ирокезов! — торжественно сказал Жоффрей де Пейрак, и голос его показался тихим и хриплым, словно бы он только теперь мог разрешить усталости охватить его. — На то самое место, куда ты сейчас положил свой дар, Тахутагет, я положу подарки, которые ты отвезешь своим братьям. Но какой бы ценный дар я ни выбрал для вас, он никогда не сравнится с вашим! Потому что ты в своих мешках принес нам наши жизни, и каждое из этих зерен — это одно биение наших сердец, которым мы обязаны тебе.

— Можно повесить котел? — спросила госпожа Жонас.

— Да будет так! Давайте пировать! — предложил важный Тахутагет, который, должно быть, обладал тонким слухом и некоторыми познаниями во французском.

Все столпились вокруг огромного черного чугунного котла: крепкие обнаженные ирокезы и европейцы — мужчины, женщины и дети — с бледными лицами, закутанные по уши.

Анжелика поддерживала котел, госпожа Жонас налила в него воды, а Тахутагет с сосредоточенным видом высыпал туда несколько мерок фасоли.

Жоффрей де Пейрак собственноручно бросил в котел последний кусок медвежьего сала, а Элуа Маколле подсказал, что нужно еще подсыпать калийной золы, чтобы фасоль скорее сварилась. За неимением соли и перца добавили много душистых листьев и наконец повесили котел на крюк над очагом, а дети подкидывали дрова и хворост в черную широкую топку. Все благоговейно уселись около очага. Огонь был такой жаркий, что варево вскоре бурно закипело. Сидели кто

на чем — одни на медвежьих шкурах, брошенных на пол, другие на камнях очага, а некоторые просто на полу, испачканном золой. Дети, склонившись к котлу, уже насыщались ароматным запахом.

Индейцев угостили виргинским табаком, и они закурили свои трубки, вытащив их из-за пояса, но от водки с презрением отказались.

— Не думаешь ли ты, что мы смогли бы выстоять в борьбе со злыми духами зимы, в чем ты мог убедиться, если бы пили это зелье, которое белые привезли, чтобы украсть наши души? — сказал Тахутагет графу де Пейраку.

— Какая же сила, какой Бог помогает вам выдержать зимние холода, не защищая свое тело одеждой, как это вынуждены делать мы, белые? — спросил граф.

— Это не Бог, это Оранда, — важно отвечал индеец. — Дух Жизни. Он везде — в зернышке маиса, которое кормит тебя, в воздухе, который тебя окружает и которым ты дышишь, в огромном небе.

— Как вы думаете, они так и пришли из самой страны ирокезов? — прошептала Анжелика, отведя в сторонку старого Элуа, помогавшего ей собирать миски и деревянные кружки, чтобы приготовить праздничный стол.

— Ну посудите сами! — ответил старик, пожимая плечами. — Их выносливость и их проклятое колдовство все же имеют пределы! Но они дьявольски хитры и разыграли для нас это маленькое представление. Наверняка они припрятали свои меховые одежды, одеяла и провизию в каком-нибудь тайнике недалеко отсюда и, сделав специальные упражнения для дыхания, предстали перед нами чуть ли не в чем мать родила, чтобы ошарашить нас. Признайтесь, вышло не так уж плохо. Я лично видел, как они выдерживали в таком виде по два дня и две ночи зимой...

Анжелика одну за другой наполняла протянутые миски, а в ее ушах все еще звучали слова ирокеза:

«...Пусть каждый из нас даст по горсти фасоли, чтобы сохранить жизнь Кавы, белой женщины, которая спасла жизнь Уттаке, верховного вождя Союза пяти племен...»

Она была настолько возбуждена, что даже, казалось, силы вернулись к ней. Переложив свою порцию фасоли в маленький чугунок, она отнесла его к себе в спальню и поставила там на угли около огня в очаге. Свое ожерелье-вампум она тоже положила в спальне на скамью. Возвратясь в залу, она села за общий стол, просто посидеть вместе со всеми. Когда Онорина поела, она, согрев постель, уложила ее спать, совсем разомлевшую от обильной и непривычной пищи, и, хорошенько подоткнув девочке одеяло, долго с нежностью смотрела, как малютка погружается в сон, наконец-то безмятежный.

Тахутагет, державший про запас свои сюрпризы, к концу трапезы высыпал из мешка примерно один буасо мелкого риса, тонкого и длинного и такого прозрачного, словно кристаллики.

— Это те самые зерна, что они выращивают в воде на берегу Верхнего озера, — сказал Элуа Маколле. — Им действительно удастся собрать там урожай, но его никогда не хватает, чтобы всех накормить.

— Но достаточно, чтобы спасти от смерти, — сказал Тахутагет. Он посмотрел на Маколле как на невежду. — Этот рис, — сказал он, — не пища, а лекарство.

Он объяснил графу де Пейраку, что нужно рассыпать зерна на большом блюде, смочить водой и поставить в теплое место. Как только прорежутся маленькие зеленые росточки, белым людям достаточно будет немного пожевать горстку риса, чтобы поправиться от болезни, которая зимой уносит у них каждого десятого. И индеец постучал грязным пальцем

по своим белоснежным зубам, великолепным, ровным зубам, которые никогда не знали, что такое цинга.

— Если я правильно понял, этот рис спасет нас от цинги, — пояснил своим людям де Пейрак. — Э-э, черт побери, а ведь верно же, этот росток, каким бы крохотным он ни был, он тем не менее росток новой жизни, которая предохраняет от болезни. Но достаточно ли будет съесть такую малость?

Однако Тахутагет заверил его, что этого вполне достаточно, и тогда граф де Пейрак встал, чтобы вместе с ирокезом разложить рис так, как тот ему советовал.

— Возблагодарим Бога, — заключила госпожа Жонас, собирая миски.

Мэтр Жонас пошел за своим молитвенником.

Глава 18

Когда Анжелика убедилась, что все насытились и уснули или засыпают, она прошла в свою спальню. Завывание ветра за окном уже не казалось ей таким неумолимым. Вся комната была пропитана запахом рагу, которое томилось на углях. Анжелика подкинула в очаг дров, чтобы стало немножко посветлее, села и положила на колени ожерелье-вампум. Она гладила пальцами словно атласные, густо нанизанные бусинки — плод долгой и кропотливой работы. Когда она только приехала в Америку, она не понимала значения вампума. Она с удивлением наблюдала, как обменивались индейцы этими полосками кожи с бусинками или ракушками. Здесь, в Америке, вампумы останавливают войны, учреждают мир, они представляют для индейцев сокровище куда более ценное, чем некогда для Медичи все их золото. Племя, у которого много вампумов, считается богатым. Оно отдает их, потерпев поражение в войне, и это повергает его в бедность.

И вот теперь Анжелика смотрела на эти ракушки, обкатанные морскими волнами, поцарапанные песком, нежно подкрашенные в таинственных дебрях изумительной алхимической лаборатории природы, на эти бусинки, обточенные и продырявленные мастерами, которые ревниво хранят свои секреты, перебранные пальчиками маленьких девочек, соединенные руками женщин в символический рисунок и наконец благоговейно преподнесенные ей, Анжелике, этим вождем в знак высочайшего уважения к ней со стороны красной расы американцев. Индейцы не умеют писать, они выражают свои чувства сердцем, вкладывая их в эти ожерелья, умело сделанные из кожи, бусинок и

ракушек. Этими ожерельями американская раса пишет свою историю, они служат здесь охранными грамотами.

Анжелика разглядывала рисунок: на нем были символически изображены пять женщин, сидящие по обеим сторонам какого-то священного знака, который, как можно было предположить, представлял ее, Анжелику. Крохотные бусинки, видимо изображающие зерна фасоли, были разбросаны по всему рисунку на белом фоне кожи, словно темно-синие звезды. По краю ожерелья проходила полоска фиолетовых бусинок, а рядом еще одна — белых, расположенных более редко. Широкое и длинное, с аккуратной кожаной бахромой, оно было истинным произведением искусства. Когда-нибудь ей позавидуют, что она владеет этим свидетельством уважения ирокезов. И она еще долго перебирала руками вампум.

Когда ее восторг и возбуждение утихли, она вернулась к мыслям более будничным. Она переложила в миску рагу, от которого шел пар, потом принялась медленно есть, прижимая миску к себе, полузакрыв глаза и грезя о Долине моговков, куда она однажды придет, о Долине моговков, где властвуют три бога: Маис, Тыква и Фасоль...

Когда в комнату вошел Жоффрей де Пейрак, он увидел, как она сидит в одиночестве, с закрытыми глазами и медленно ест, а на коленях у нее лежит вампум.

— Вы голодны, любовь моя!

Он окинул ее нежным взглядом и снова, в который уже раз, подумал, что она не похожа ни на какую другую женщину и все, что она делает, отмечено печатью ее очарования. Даже ему она не сумела бы объяснить, что принесло ей такую радость. Но эта радость просвечивала в ее взгляде. Она воскресала.

Далеко, за ледяной пустыней, враждебные дикие племена, эти бесхитростные сердца, узнали и оценили

ее.

— Что значит имя Кава, которое они мне дали?

— Самая прекрасная женщина, стоящая выше всех других женщин! — прошептал он. — Женщина — Негасимая Звезда!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.
ВЕСНА

Глава 1

— Мама, первый цветок!..

Голос Кантора звонко и радостно прозвучал светлым, напоенным свежестью вечером. Анжелика услышала его через открытое окно своей комнаты, где она выгребала из погасшего очага золу.

Она встрепенулась:

— Что ты сказал?

Кантор поднял к ней сияющее улыбкой лицо:

— Первый цветок... Здесь, под окнами!..

Анжелика поспешила во двор, зовя детей:

— Онорина! Тома! Бартеломи! Идите скорей! Посмотрите, первый цветок!

Это был весенний шафран, чистый и белый, очень ровненький, вырвавшийся из грязной земли. Под его полупрозрачными, еще не раскрывшимися лепестками просвечивали плотно прижавшиеся друг к другу золотистые пестики.

— О бог мой! О, какая прелесть! — сказала Анжелика, опускаясь коленями на влажную землю.

И они замерли над ним, в восхищении любуясь чудом. Нежный цветок вырос на самой кромке снега.

Первый цветок! А за ним последовали другие, и с каждым днем их было все больше. Разгребая лопатами кучи мокрого снега, они обнаруживали хилые бледно-желтые стебельки с крохотными бутончиками, готовыми раскрыться, и уже на следующий день под солнцем стебельки становились крепкими, зелеными, а чашечки цветка постепенно окрашивались в сиреневый цвет.

Даже на самом краю крыши, над бесконечными ручейками тающего снега, склонялись вылезшие из крохотного островка мха фиалки.

Стоял конец апреля. Под горячими лучами весеннего солнца снег таял стремительно, и все вокруг было наполнено тихим журчанием воды. В лесу снег был грязный, весь усыпанный клочьями чернеющего мха, сломанными веточками, гнилыми сосновыми шишками, — это хозяйничали, прыгая с ветки на ветку, белки.

Береза, накануне еще голая, бесцветная, словно вырезанная из слоновой кости, покрылась сиреневыми и серыми сережками и напоминала занавесь с бахромой. Раскидистый вяз, похожий на роскошный праздничный веер, выставил напоказ свои изумрудные листочки.

Вернулись охотники, они принесли прокопченные туши двух оленей, половину американского лося и фаршированные потроха медведя. Потроха медведя — любимое блюдо Мопунтука, он прислал его в дар людям из Вапассу и обещал в скором времени лично навестить их.

Сеять овощи в Вапассу пока не решались, потому что земля, если не считать небольших прогалин, еще почти сплошь была покрыта снегом. Они опасались возможных заморозков и снегопадов. Но каждый день приближал их к тому часу, когда они опустят семена в рыхлую, напоенную влагой землю.

Покрытое льдом озеро менялось просто на глазах: сначала оно стало серым, словно огромное потускневшее зеркало, потом на поверхности его проступила вода и оно раскололось на полупрозрачные островки.

Больше всего в эти первые весенние дни завораживал Анжелику шум пробудившейся воды. Сначала это был легкий, чуть слышный шелест, зародившийся в великом молчании зимы, но час от часу он становился все звучнее, яростнее. И теперь уже звенела вся природа, наполняя ночи неумолчным,

нескончаемым урчанием. Шум воды окружал форт и окрестные озера чудесным водоворотом.

Анжелика грезила наяву. Весна!

Светало теперь намного раньше, а по вечерам солнце дольше задерживалось на пороге, и можно было допоздна не зажигать свечей.

Хозяева Серебряного озера целыми днями копошились на солнышке, совмещая приятное с полезным, — укрепляли свои силы и восстанавливали палисад. Многие за зиму было разрушено — загородки, крыши, все угрожало рухнуть, и, по мере того как земля очищалась от снега, вид форта становился все более неприглядным, как после побоища. Люди работали, время от времени поднимая к небу свои исхудавшие бледные лица; щуря больные глаза, они подставляли кожу под струящиеся лучи солнца, словно купаясь в них, в этом источнике здоровья и молодости. Дети иногда замирали в тепле солнышка, словно зябкие цыплята.

В первый же весенний день Анжелика поняла, что теперь самое главное — это набраться терпения и ждать. Завтра она позаботится о своих запущенных, потрескавшихся руках, завтра она умоет лицо первой дождевой водой, затеет с госпожой Жонас грандиозную уборку. Но сегодня она будет сидеть, держа на коленях Онорину, как в те трудные дни, когда они были до предела изнурены голодом. Она будет ждать, и пусть силы постепенно возвращаются к ней, пусть растекаются по ее телу, словно живительный сок по стволу дерева. Она слишком много потратила их и теперь вполне заслужила отдых. Она всю жизнь слишком щедро расходовала их, хотя по опыту знала, что иногда за победу потом приходится расплачиваться очень дорогой ценой...

Сознавая свою немощность, она внутренне расслабилась, нарочно работала не торопясь, оставляя

на завтра бесконечное множество важных дел, мысли о которых теснились в ее голове.

Прежде всего она отправится в горы, к речкам, на берега озер, чтобы искать там цветы, стебли, кустики, корни, которыми она наполнит коробочки и горшочки в своей аптеке. Теперь уже она не упустит ничего. Она соберет даже незнакомые ей растения, а потом разгадает их тайны.

Она дала себе зарок никогда больше не допустить, чтобы зимой у нее не оказалось какого-нибудь снадобья для больных, как случилось в эту зиму, когда зачастую у нее не было ничего, кроме кипятка и гусиного или медвежьего жира. Ее кладовые наполнятся благоуханием. Горшочки и коробочки, помеченные ярко раскрашенными наклейками, выстроятся в ряд на полках. И за двадцать лье со всей округи в форт Вапассу потянутся люди — лечиться...

И вот наступил день, когда она с Онориной отправилась на встречу с весной, отправилась собирать весенние цветы и лекарственные травы.

На желто-зеленом ковре среди полегшей прошлогодней и молодой зеленой травы подмигивали им своими бледными восхитительными глазками фиалки. Примулы распрямляли свой розовый плюмаж, лютики топорщили свои лепестки, такие легкие, что они трепетали от малейшего дуновения ветерка. Анемоны, которые в Пуату называют «дочь поперед матери», потому что цветок на них появляется раньше, чем листья, зажигали свои синие цветы на черной, как копоть, богатой перегноем земле в светлых подлесках, поросших липой.

На скалистых склонах тянули к солнцу свои золотые хохолки крохотные цветки мать-и-мачехи, а рядом с ними — крокусы и подснежники. Все они — хрупкие, еще не защищенные травой, — дрожали на кромке снега под довольно сильным северным ветром.

Анжелика бодрым шагом бродила по холмам и ложбинам, счастливая оттого, что ступает по упругому мху, а не утопает в грязи и болоте. В те дни, когда она уходила собирать травы, она брала с собой всех детей, звала в помощь Эльвиру или кого-нибудь из молодых людей форта, потому что нельзя было упустить время. Она знала, что лекарственные травы следует собирать только в сухое и солнечное время, в середине дня, пока еще не пали вечерняя роса и туман, так как даже незначительный налет влаги портит нежные лепестки и лишает их целебных свойств. Мать-и-мачехи, эффективного средства при болезнях горла и десен, было просто изобилие. Фиалки, эти аристократки среди лекарственных трав, предназначенные для избавления от кашля и насморка, встречались гораздо реже. Настойка из фиалок — эликсир для принцесс. Отвар мать-и-мачехи — снадобье для крестьян.

Онорина любила разбирать фиалки и тщательно раскладывала их для сушки на чердаке. Мама сказала ей, что она сделает из них ароматный сироп для детей — ведь они часто кашляют, но не любят, когда их лечат. Одуванчики усыпали своими желтыми головками все вокруг. Дети, вооружившись маленькими ножиками, выкапывали и очищали их покрытые пушком белые корешки, а вечером ели салат из них, приправленный сладковатым березовым соком. Позднее, когда корень одуванчика стал красноватым, Анжелика стала сушить его впрок. Еще она разрезала вдоль на две части корневища желтого гравилата, маленького потешного цветка, который тащил за собой из земли длинный черный деревянистый хвост, пропитанный горьким соком, — незаменимое лекарство при болях в желудке, и корневище аира, благоухающего тростника, собранного на краю болота. Она скоблила корни репейника, или попросту лопуха-сорняка, которого было очень много и в Пуату. Правда, она не была вполне

уверена, что это он. Неуловимые отличия иногда преображали растения и цветы Нового Света в незнакомцев. И она задумчиво крутила их в руках.

Однажды Онорина принесла ей букетик цветов, похожих на крохотные колокольчики, которые напоминали вереск, с той лишь разницей, что они были мягкие и свежие. Их легкие листья, тонкие, как паутина, были серо-зеленые, а колокольчики — розовые. Анжелика в конце концов узнала в них дымянку, или, как ее неизвестно почему называют еще, земную желчь, или вдовью траву. Она помнила, что из стеблей ее делают туалетную воду, которая очищает кожу, а отвар из цветов, приготовленный на воде, молоке или сыворотке, предохраняет от загара. Если же им промывать глаза, они будут ясными и блестящими. А настойка дымянки улучшает аппетит. И наконец, говорили также, что она спасает от цинги.

Онорину поздравляли с этой великолепной находкой, а англичанин Сэм Хольтон, страстный любитель книг, прочел наизусть то место из «Короля Лира», где говорится, что Лир был увенчан пышной дымянкой и сорной травой...

Когда Анжелика уходила лишь искать, а не собирать растения, она брала с собой только Онорину.

Прошедшая зима изменила девочку. Она как-то повзрослела и уже не была тем ребенком, которому только и надо, чтобы ему было тепло, сытно и уютно, да еще и попоказничать можно было. Она становилась подружкой своей матери. И особенно сближала их обоюдная любовь к природе и к цветам. Онорина была вынослива, бодро ходила наравне с матерью, а иногда даже и в два раза больше, бегая и шаря повсюду. Чтобы она не заблудилась в бескрайнем лесу, Анжелика привязала ей на запястье маленький колокольчик. По этому веселому перезвону она всегда знала, где девочка.

— Не обременяйте себя, сударыня, оставьте малышку с нами... — предлагала ей иногда услужливая Эльвира.

Но Анжелика качала головой. Онорина совсем не обременяет ее. Если бы она ходила одна, она не получала бы такого наслаждения от цветущей природы. Буйная красота весны словно сама требует, чтобы ею наслаждались сообща.

Когда они были вдвоем, они, найдя цветок, подолгу стояли рядышком на коленях. Нет, поистине эта земля создана для Анжелики. Она иногда чувствовала себя такой счастливой, что брала на руки Онорину и страстно целовала ее, кружилась с ней в танце, и дикое эхо долго повторяло смех ребенка.

Пришло время просыпаться медведям. Однажды Онорина нашла в неглубокой ложбинке маленький комочек, забавного черного медвежонка, который тотчас же начал к ней ласкаться. Анжелика едва успела подбежать к ним, когда она услышала рычание матери и треск веток, которые та ломала на своем пути. Она убила разъяренного зверя как раз в тот момент, когда медведица уже поднималась на задние лапы, чтобы напасть на девочку. Пуля, метко пущенная в открытую красную пасть, остановила хищника.

Онорина была опечалена таким исходом, ведь очаровательный медвежонок остался сиротой.

— Она защищала своего детеныша, а я вынуждена была защищать тебя, — объяснила ей Анжелика. — У нее когти и сила, у меня пистолет.

Медвежонок привели в форт и накормили маисовой кашей и кленовым соком. Он был достаточно большой и уже мог обойтись без материнского молока.

Лучшей забавы для Онорины нельзя было и придумать. Она так полюбила его, что все остальные отошли для нее на задний план. Пришлось ее

урезонивать, чтобы она разрешила своим товарищам по играм Бартеломи и Тома приближаться к нему.

Медвежонок, названный Ланселотом в честь героя сказок, которые не раз рассказывали детям, стал причиной конфликта между Кантором и Онориной.

С первых же весенних дней Кантор тоже часто уходил бродить по холмам, но с совершенно определенной целью. Он искал зверя, которого ненавидел за то, что тот коварно, исподтишка пожирал зимой почти всю его добычу — тех немногочисленных зайцев и кроликов, которые попадали в расставленные им силки. Было это в конце зимы, когда он, измученный, из последних сил тащился в лес, чтобы добыть хоть немного пищи для обитателей Вапассу. И этим преступником, этим позорящим лес разбойником была, как все хорошо знали... росомаха. Росомаха — один из наиболее коварных обитателей леса. Жестокая, как горноста́й или ласка, которые ей родственны, она в то же время превосходит их по величине, она больше, чем бобер.

Кантор нашел своего заклятого врага, самку-росомаху, убил ее, но принес домой детеныша, маленький взъерошенный комочек величиной с кошку, который, однако, уже скалил враждебно свои зубки.

— Зря ты связался с этой зверушкой, сынок, — сказал Элуа Маколле Кантору, с хмурым видом рассматривая его добычу, — от нее ты не увидишь ничего, кроме неприятностей и вероломства. Это самый вредный зверь из всех обитателей леса. Даже индейцы говорят, что в нем сидит злой дух, и индейца никакими силами не заманишь в лощину, если он знает, что там обосновалась росомаха. Теперь индейцы больше не придут сюда.

— Ну и пусть, нам от этого будет только спокойнее, — отмахнулся Кантор, который решил оставить звереныша у себя.

Он дал ему английское имя Вольверен. Вольверен постоянно угрожал своими клыками бедному запуганному Ланселоту, а однажды даже изловчился и покусал медвежонка. Онорина пришла в такой гнев, что всполошила весь форт. Она искала палку, нож, кинжал, что угодно, чтобы убить росомаху. Кантор, взяв под защиту своего подопечного, посмеялся над яростью малышки.

— Вот теперь я знаю, с кого мне хочется снять скальп, — заявила Онорина. — С Кантора!..

Кантор снова расхохотался и ушел, назвав ее мисс Бобрехой. Он дал ей это насмешливое прозвище, ибо считал, что у нее такие же маленькие глазки, как у бобра.

— Он назвал меня бобрехой, — рыдала Онорина, потрясенная этим глубочайшим оскорблением.

Анжелике с трудом удалось ее успокоить, убедив, что бобры очень симпатичные звери и обижаться тут не на что. И она повела Онорину вместе с Ланселотом посмотреть на бобров, жителей водоема за горой, которые с наступлением весны тоже развили бурную деятельность, трудолюбиво сооружая свои маленькие круглые домики.

— Бобры очень красивые, и ты такая же красивая, как они.

Онорине так понравилось смотреть, как гибкие и юркие бобры ныряют и резвятся в прозрачной воде, что она успокоилась.

Но разногласия между Онориной и ее единоутробным братом на этом не кончились, они вновь вспыхнули из-за Старика на горе. Много ли нужно, чтобы разжечь настоящую войну между замкнутым, молчаливым подростком и маленькой обидчивой девочкой! Прибрежные скалы, которые окружали Вапассу, на западе выдвигались, словно огромный, довольно замысловатой формы волнорез,

напоминавший профиль старого индейца или, скорее, старого пирата. Вечером, когда заходящее солнце чеканило скалу медными отблесками, зрелище становилось поразительным. Все любовались им. По утрам Старик казался брюзгой, по вечерам он усмехался.

Одной лишь маленькой Онорине никак не удавалось различить в контурах скалы профиль Старика. Она тарасила глаза, не отрываясь, смотрела туда, куда ей указывали, но если она и говорила: «Я его вижу», то лишь для того, чтобы избежать насмешек, и неуверенность в голосе выдавала ее. На самом деле она его не видела.

Кантор не отказывал себе в удовольствии подтрунивать над ней, говорил, что она, пожалуй, даже не бобриха, а кротиха, и Онорина, насупившись, пристально вглядывалась в скалу, ища среди деревьев и уступов загадочного Старика, который прятался от нее.

В то утро Кантор снова, уже не в первый раз, потешался над ней, и она снова, и тоже уже не в первый раз, набросилась на него с поднятыми кулачками и с такими воплями, что на шум вышел сам Жоффрей де Пейрак.

— Что случилось?

— Все хотят, чтобы я умерла, — проговорила Онорина, заливаясь слезами, — а у меня даже нет оружия, чтобы защитить себя.

Граф улыбнулся и, присев перед девочкой на корточки, погладил рукой ее мокрую щечку. Он пообещал, если она успокоится, сделать ей пистолет, маленький пистолет специально для нее, который будет стрелять маленькими пульками, а серебряная рукоятка его может служить кастетом. Он взял ее за руку, и они вместе направились в мастерскую.

Анжелика повернулась к Кантору, наблюдавшему эту сцену с непримиримым видом.

— Оставь ты ее в покое с этим Стариком на горе. Ну не видит она его, подумаешь, какая важность. А ты унижаешь ее ради забавы.

— Она глупая и ленивая.

— Нет. Ей ведь только-только исполнилось четыре года. И когда ты поумнеешь, Кантор? Это ты глуп, если ищешь ссоры с четырехлетним ребенком.

— Все ее балуют, носятся с ней, — упрямо сказал Кантор. И он ушел, бормоча себе под нос:

— Может, другим и нравится ходить на задних лапках перед этой... незаконнорожденной, но лично мне... нет!

Удар был нанесен Анжелике в самое сердце. Она одна слышала эти слова, но именно ей они и предназначались. Парализованная внезапной болью, она застыла на месте, словно окаменев, потом прошла в свою комнату и заперлась там. Первой ее реакцией было дать ему пощечину, встряхнуть его как следует и... да, она чувствовала, что готова отдубасить его как следует. Она дрожала от ярости, возмущенная высокомерием и грубостью этого мальчишки, которого все любили, окружали вниманием, у которого был отец, терпеливо обучавший его, друзья и даже, пожалуй, почтительные слуги, ибо он был сыном господина и умел показать это. И он еще смеет разыгрывать перед ней обиженного!

Зимние месяцы в Вапассу были для него временем тайных мук, потому что, несмотря на хорошие минуты, когда Анжелика беседовала с сыновьями, смеялась или пела с ними, а Кантор наигрывал на своей гитаре и становился веселым и добрым товарищем, она постоянно чувствовала в нем какую-то сдержанность, переходящую мало-помалу в скрытую враждебность. И день ото дня эта враждебность не только не проходила,

а, казалось, наоборот, становилась все откровеннее. Кантор продолжал оставаться замкнутым, молчаливым, и она не понимала, что это — его давняя обида на то, что, будучи совсем ребенком, он так надолго оказался разлученным с нею или же, с детской непримиримостью осуждая ее, он не может простить ей, что она вела вольную жизнь вдали от его отца. Наверно, здесь смешалось и то и другое, и Анжелика в свое время отступила перед трудностью и отказалась от мысли объяснить своим повзрослевшим сыновьям, что ее пятнадцатилетнее «вдовство» в какой-то мере извиняет те вольности, которые она позволяла себе, и что многое в ее жизни было продиктовано силой обстоятельств.

Анжелика думала тогда: юность непримирима и должна созреть, чтобы понять некоторые вещи. И поэтому до сих пор она хранила молчание. Но вот теперь она не могла не признаться самой себе в том, что пошла по наиболее легкому пути.

Анжелика не сомневалась, что юность может все понять, если ей объяснить. Выходит, это она, мать, не созрела для своего предназначения. У нее не хватило мужества заговорить о своем ужасном прошлом, тем более с сыновьями. Она испугалась, что они не поймут ее, особенно Кантор, ибо хорошо знала, что юности свойственна категоричность в суждениях, горячее сердце и бесконечно справедливый разум. Она все еще относилась к своим сыновьям как к детям, а не как к юношам пятнадцати и семнадцати лет, каковыми они были. Она не доверилась им, и теперь Кантор отвечал на это недоверие враждебностью раненого сердца.

С Флоримоном было проще. Он принимал жизнь такой, какая она есть. Характером он был более легкий, более равнодушный, чем брат. Он столько повидал с тех пор, как оставил кулуары королевского дворца и попал в трюмы кораблей! Он всегда достигал своей цели и выпутывался без ущерба из любых неприятностей, но

ему на все было наплевать. Анжелика поклялась бы, что он уже имел некоторый опыт в любовных делах.

А вот Кантор менее покладист, он не обладает таким счастливым характером и в отличие от старшего брата все принимает слишком близко к сердцу.

Анжелика размышляла: права ли была она, не попытавшись разбить лед отчуждения, или, наоборот, ее откровенность сделала бы Кантора не таким строптивым? Она задавала себе этот вопрос, не в силах найти ответа. Она в бессильной ярости кружила по комнате, мысленно называя его глупым, неблагодарным, бессердечным, и ей хотелось громко крикнуть ему, чтобы он убирался... что она не взглянет на него больше, пока он такой. Нет, не стоило Богу разрешать им собраться здесь всем вместе!.. Потом она постепенно успокоилась, ибо понимала, что он еще мальчик, что он ее сын и это ее долг — пойти к нему и попытаться развязать тот горестный узел, который делает его жизнь такой трудной... Но не лучше ли будет, чтобы он действительно покинул Вапассу? Он ненавидит Онорину. Он слишком поздно нашел свою мать. В жизни случаются такие потери, которые нельзя восполнить... Он мог бы уйти с Флоримоном, тем более что он так настойчиво домогался этого. Но отец ответил ему: «Тебе еще рано...»

Анжелика упрекала себя в том, что не спросила у мужа, почему он так категорически отказал ему, ведь тогда она могла бы растолковать это Кантору, рассеять то мрачное настроение, в котором он замкнулся.

Да, в жизни случаются такие потери, которые нельзя восполнить, все это так, но ведь можно пойти друг другу навстречу... можно попытаться... Теперь Кантор был тут, с ней, но замкнутый, словно захлопнувшаяся ракушка, и она не представляла себе, как она подступится к нему, предчувствуя, что он встретит ее враждебно.

И тем не менее нужно было действовать. Иначе Кантор добьется того, что породит в Онорине чувство злости. В ребенке четырех лет! Разве кто-нибудь догадывался о том, что эта весна в Америке в четвертый раз напомнила Анжелике постыдное рождение Онорины в логовище колдуньи в вековом дремучем лесу? Только она одна знала об этом и до сих пор не осмелилась рассказать никому.

Анжелика села на постель. Отъезд Кантора казался ей неизбежным, необходимым. Послать его с поручением в Голдсборо? Возможно. Он любит путешествовать. Но вдруг она с испугом подумала, что Кантор никогда не простит ей, если она ушлет его в эту своего рода ссылку, и тогда она навсегда потеряет сына.

Она просто не знала, как ей поступить, и, поняв, что в данном случае ее разум бессилён, положила на судьбу.

В кармашке на поясе у нее была золотая английская монета, которую она хранила как талисман. Она достала ее. Если монета упадет наверх изображением королевского профиля, с выгравированной вокруг него оскорбительной надписью «Король Франции», она расскажет о дерзости Кантора мужу и поговорит с ним о необходимости отослать сына; если наверху окажется герб Великой Британии, она сейчас же найдет своего взбунтовавшегося сына и откровенно поговорит с ним сама.

Она подбросила монету в воздух: герб!

Кантор работал в кузнице и, увидев мать, тотчас подошел к ней, потому что совесть его была неспокойна.

— Пойдем со мной в лес, — сказала ему Анжелика.

Ее тон не допускал возражений. Он не без тревоги последовал за ней. Вид у нее был весьма решительный.

Стоял светлый весенний день, но довольно прохладный, так как накануне и даже с утра шел дождь. Земля, досыта напоенная водой, просвечивала сквозь робкую траву и казалась фиолетовой. Дул свежий, легкий ветерок. Перелесок был прозрачно-голубой.

Анжелика шагала быстро. Она знала каждую тропку, и, хотя шла без цели, поглощенная своими мыслями, шаг ее был уверенный.

Кантор с трудом поспевал за нею, а когда ему нужно было вслед за матерью бесшумно проскользнуть между сплетенными ветвями, усыпанными зеленью первой листвы, он чувствовал себя увальнем.

Они были на верху плато, и твердая земля звенела под их ногами, а в сосновом бору между стволами деревьев бормотал что-то ветер. Тонкий благовонный аромат курился, словно фимиам.

Анжелика остановилась на краю обрыва и посмотрела на горизонт. Внизу виднелась извивающаяся лента священной реки, которая несла свои воды к западу. Анжелика повернулась к Кантору.

— Ты не любишь ее, — сказала она. — Но ведь ребенок, какой бы он ни был, как бы он ни появился на свет, кто бы ни был его отцом, какова ни была бы его мать, все-таки ребенок, а угнетать слабого — всегда низость.

У Кантора слегка перехватило дыхание. Слова матери задели его, и он молчал... «Ребенок... Низость»...

— И если в тебе не говорит кровь твоих предков-шевалье, то сегодня я хочу напомнить тебе о чести дворянина.

Анжелика снова зашагала, теперь уже по тропинке, которая свела их немного вниз, а затем на середине косогора тянулась вдоль реки и постепенно спускалась в долину.

— Ты родился в тот самый день, когда на Гревской площади был символически сожжен твой отец. Но тогда я думала, что его действительно сожгли... Когда я, неделю спустя, на руках несла тебя, такого крошечного, в Тампль, было Сретенье, и я вспоминаю, что весь Париж казался мне пропитанным запахом пончиков с лимоном, которые продавали в этот день на улицах дети-сироты. Мне было двадцать четыре года. Это не так уж много... для таких испытаний. Когда я вошла во двор Тампля, я услышала детский плач и увидела Флоримона, за ним гнались мальчишки, они кидали в него камни и снежки и кричали: «Маленький колдун! Маленький колдун! Покажи нам свои рожки!..»

Кантор вдруг остановился, лицо его покрылось красными пятнами, и он в ярости сжал кулаки.

— О, — воскликнул он, — был бы там я! Был бы там я!

— А ты был там, — смеясь, сказала Анжелика, — только совсем крошечный, нескольких дней от роду.

Все еще улыбаясь, она посмотрела на него, как бы подшучивая над ним.

— Сегодня-то ты сжимаешь вон какие кулаки. Кантор, но тогда твой кулачок был не больше ореха!..

И она снова рассмеялась, потому что ей представился поднятый к небу крохотный розовый кулачок Кантора. Но смех ее отозвался в лесу каким-то странным, горьким эхом. Кантор недоуменно посмотрел на мать и почувствовал, как где-то в глубине его души зарождается необъяснимое страдание.

Смех Анжелики оборвался, она, казалось, задумалась о чем-то и вновь стала серьезной.

— Ты рад, что живешь на свете, не правда ли, Кантор?

— Да, — пробормотал он.

— А ведь мне нелегко было сохранить тебе жизнь. Когда-нибудь я расскажу тебе поподробнее, если ты

захочешь. Ведь ты никогда не задумывался над этим, не так ли? Ты ни разу не спросил себя: как случилось, что я живу, я, сын колдуна, приговоренный к смерти еще до рождения? Ты об этом не поминаешь! Что тебе до этого! Ты тут, живой. Ты ни разу не спросил себя, что сумела сделать, обязана была сделать твоя мать, чтобы сохранить тебе сокровище, которое бьется сейчас в твоей крепкой груди, — твою жизнь!

И она ткнула в его грудь своим небольшим, но сильным кулаком, как раз в то место, где находится сердце. Он растерянно отшатнулся, глядя на нее своими светлыми, так похожими на ее глазами; он словно впервые видел ее.

Анжелика продолжала спускаться по тропинке. Теперь вместе с шелестом деревьев до нее доносился плеск воды. Ольха, тополь, ива на берегу уже покрылись длинными листочками, которые мягко теребил ветерок. Здесь весна раньше заявила о своих правах, и трава в низинах была уже высокая и сочная.

Анжелика не сердилась больше на сына. Растерянный взгляд подростка явно свидетельствовал о том, что никогда дотеле он не задумывался над тем, о чем она ему поведала сейчас. И это естественно. Ведь он еще совсем мальчик!

Она сама виновата, что не поговорила с ним раньше, не рассказала ему хотя бы того, что касается непосредственно его. Тогда он был бы более снисходительным, не таким нетерпимым.

Дети очень любят, когда им рассказывают о периоде их жизни, которого они не помнят или помнят плохо. Эти рассказы утоляют их мучительную жажду самопознания. Они любят, когда их вводят в этот мир наивных, часто бессвязных ощущений, помогают им разобраться в том, что смутно хранит их память.

А Кантор, предоставленный самому себе, вынужден был сам искать ответы на все. И потом, став старше, он

страдал оттого, что мать спустилась в его представлении с той небывалой высоты, на какую он вознес ее в своем раннем наивном детстве.

И вот теперь оставалось сказать ему самое трудное. Анжелика снова заговорила об Онорине, которую нужно было защитить от несправедливой злобы.

Они проходили по краю прибрежного луга, у самой реки. Она внезапно повернулась к сыну.

— Я тебе уже сказала, что никогда нельзя унижать невинных. И я повторяю это. Ты можешь ненавидеть меня, если тебе угодно. Но не ее. Она не просила меня о жизни. Но если бы ты осудил меня, ты был бы не прав!.. Не зная, что произошло, плохо, даже больше того — глупо изливать на других желчь своего сердца.

Она внимательно смотрела на Кантора, и он увидел, как постепенно темнели глаза матери и в них вспыхнул огонек ненависти, как он подумал, ненависти к нему, и это испугало его.

— Ты еще мальчик... — продолжала она. — Но скоро ты станешь мужчиной. Мужчиной, — повторила она мечтательно. — Ты будешь участвовать в войнах, мой сын, будешь сражаться жестоко, до конца... это хорошо. Мужчина не должен бояться сражений. И ты будешь входить в города как победитель, будешь праздновать свою победу и будешь во хмелю силой брать женщин... Но потом позаботишься ли ты о них, о своих жертвах? Нет! Такова война, не правда ли? Придет ли тебе в голову потом узнать, не умерли ли они от позора, не бросились ли в колодец? Нет! Ибо такова война! Так всегда было, так всегда будет, это я тебе говорю... «Когда полк со знаменщиком во главе вступает в город, женщины теряют честь...» Эти слова часто повторяла старая Ревекка. Вот скажи мне, что, по-твоему, остается делать женщине, которая носит под сердцем дитя войны? Что, ты думаешь, она могла бы сделать? Убить дитя или покончить с собой? Или родить? Вот и

случается, что некоторые женщины рожают этих детей, воспитывают их, любят, хотят видеть их счастливыми, потому что они — дети. Ты понимаешь? Ты понимаешь?

Она с яростью повторила еще раз: «Ты понимаешь?» — в упор глядя на Кантора.

Потом отвернулась и стала смотреть в долину, нежную, шелестящую, которая раскинулась перед ними.

«Если он не понимает, если он бесчувствен, как камень, тем хуже! — думала она. — Тем хуже для него! Пусть уезжает, пусть становится бессердечным, грубым, жестоким солдафоном... пусть уезжает. Кажется, я сделала все, что могла». Она подождала немного и заставила себя снова взглянуть на сына. И увидела, что у него дрожат губы.

— Если это так, — сказал он хриплым голосом, — если это так, тогда... мама... прости меня, прости! Я не знал...

Он бросился перед нею на колени и, закрыв лицо руками, громко разрыдался.

Она не ожидала этого и исступленно сжала его в своих объятиях. Она гладила его волосы и машинально повторяла:

— Успокойся! Это пустяки... Успокойся, малыш!

Как прежде, когда он был маленький. Она вспоминала, какие мягкие, нежные волосики были у него тогда, а сейчас они стали жесткие и очень густые.

— Успокойся, — повторяла она, — не надо плакать... Прошое не должно больше заставлять нас страдать. Мы целы и невредимы. Кантор. Мы вместе, мы живы, мы все и были рождены для того, чтобы быть вместе, это судьба нас разлучила. Но теперь мы вместе, вот единственное, что важно для меня!.. Не надо плакать...

Он понемногу утих. Она успокаивала его, властной и нежной рукой отодвигая от него несчастье, угрызения совести, она повторяла ему, что только жизнь имеет

значение, что для нее жить со своей семьей — истинный рай, и разве счастье вновь обрести сына, которого она столько лет считала мертвым и которого столько оплакивала, не вознаграждает ее с лихвой за некоторые трудные стороны характера ее Кантора? Он робко улыбался, еще не осмеливаясь поднять голову. А она прижимала его к своему сердцу, пронизанная чувством, что это ее сын, частичка ее самой, и что она еще долго и много будет полезна ему благодаря тому таинству родственных уз, которые связывают их и которые ничто не может заменить.

Кантор отстранился от матери, но, прежде чем подняться, посмотрел на нее. Он стал вдруг серьезным, и эта серьезность изменила его, сделала намного старше.

— Прости меня, — повторил он.

И ей показалось, будто он просит у нее прощения от имени всех мужчин. Она взяла в свои руки его юное лицо.

— Я прощаю тебя, — сказала она тихо, — я прощаю тебя.

Потом, когда он поднялся, она вдруг рассмеялась.

— Разве не смешно? Ты на полголовы выше меня.

И в тот момент, когда они стояли, еще потрясенные, стараясь прийти в себя, Анжелика услышала, как лесное эхо продолжает бесконечно повторять рыдания Кантора.

Это был какой-то непостижимый феномен. Она подумала сначала, что ей просто это чудится от волнения. Но тут же она отметила про себя, что эхо какое-то очень странное, просто удивительное. Вместо того чтобы удаляться и затихать, рыдания приближались. И тотчас к ним применились хнычущие голоса, стенания.

— Ты слышишь? — спросила она сына, который тоже вскинул голову.

Он утвердительно кивнул и с инстинктивным благоразумием быстро увлек ее под купу деревьев — укрыться. Кто-то разговаривает, кто-то рыдает в таком пустынном месте!..

— Тихо, Кантор!

Голоса приближались, и уже можно было различить шум шагов — несколько человек шли в высокой траве.

На берегу, у излучины реки, показался индеец. Он был высок ростом, с лицом цвета обожженной глины, обезображенным белыми и красными шрамами — следами войн, с блестящими волосами, украшенными кусочками меха, перьями и иглами дикобраза. В руках он держал мушкет. Мокрое одеяло словно давило ему на плечи. Ведь еще утром лил дождь, а этот индеец явно пришел издалека. Должно быть, он не останавливался даже во время ливня. Он шагал медленным, размеренным шагом, опустив голову, и выглядел усталым. Он держал путь вдоль берега.

Индеец уже приближался к тому пригорку с купой деревьев, за которыми спрятались Анжелика и Кантор, и они, зная, какое тонкое обоняние у индейцев, боялись, как бы он не обнаружил их.

Но на лужайке появилась еще группа людей. Второй индеец, потом, опираясь на него, белая женщина в лохмотьях, с растрепанными волосами и перепачканным грязью лицом. Другая женщина брела следом. На руках у нее был ребенок лет двух. Это его плач слышали Анжелика и Кантор. Мать ребенка, совсем обессиленная, двигалась, словно сомнамбула. Затем они увидели еще двух индейцев, один из них нес мальчика лет пяти-шести, другой — девочку чуть постарше, которая то ли спала, то ли была в беспамятстве. За ними плелся белый мужчина, поддерживая другого белого, оба в отрепьях, в разорванных рубашках, с лицами и руками, располосованными царапинами, потом — мальчик лет

двенадцати, одуревший от усталости, нагруженный, словно осел, всевозможными тюками и различной домашней утварью, вплоть до венчавшего тюки медного кувшина. И наконец последним торжественно шествовал важный индеец, который размахивал томагавком, как бы подгоняя всю группу.

Странный, вызывающий сострадание кортеж прошел мимо Анжелики и Кантора, но никто их не заметил. Индейцы и сами выглядели очень утомленными.

Вдруг молодая женщина, что несла ребенка, упала на колени. Индеец с мушкетом подошел к ней и с размаху ударил ее между лопаток. Ребенок пронзительно закричал. Рассвирепев, индеец схватил малютку за ножку и, раскачав его на вытянутой руке, бросил в реку.

Анжелика крикнула:

— Кантор, скорее!

Юноша вскочил, в два прыжка пересек полянку и оказался перед ошеломленными путниками. Анжелика вышла из укрытия. В руке она держала пистолет. Она знала, что с абенаками или ирокезами малейший инцидент легко может обернуться резней. Но в то же время с ними можно и отлично договориться. Это дело случая и искусства дипломатии.

— Я приветствую тебя, — сказала она, обращаясь к важному индейцу. — Уж не ты ли великий вождь Скахо из племени эчеминов?

Она узнала, к какому племени принадлежит индеец, по его ожерелью из зубов медведя и ярко-красным иглам дикобраза, которые украшали его волосы. Он ответил:

— Нет, но я его родственник Квандеквиба.

«Благодарение Богу!» — подумала Анжелика.

Кантор тем временем уже выходил из воды, и с него ручьем текло; ребенка он нес на руках. Малыш

задышался, срыгивал, но был жив. Ужас застыл в его голубых глазках и заставил его онеметь.

Мать боязливо схватила его и прижала к груди. Оба они стучали зубами и дрожали, но, обуянные животным страхом, молчали.

— Они англичане, — сказал Кантор. — Абенаки, должно быть, захватили их в плен где-то на юге.

Индейцы, придя в себя после такого неожиданного вмешательства, торопливо сгрудились вокруг пленников. Настороженные, они ожидали, что скажет их вождь, чтобы решить, как отнестись к этой встрече. То, что белая женщина, которая вдруг появилась из леса, знала их язык, настроило их благожелательно.

— Ты, женщина, умеешь говорить на нашем языке? — спросил вождь, словно не поверив своим ушам.

— Я пытаюсь! Но разве женщина не может говорить на языке Настоящих Людей?..

Так любили называть себя индейцы из племени абенаков: Дети Зари или Настоящие Люди. Единственные, разумеется. Остальные, все остальные, включая алгонкинов и ирокезов, всего лишь безродные собаки. Вождь, похоже, оценил то, что Анжелика понимает эту тонкость, а также то, что она сознает, какая честь говорить на этом языке. Его гнев вроде бы утих.

В тишине, нарушаемой лишь шелестом листьев и пением птиц, они оценивающе оглядели друг друга.

В этот момент один из англичан, тот, который был ранен и которого его товарищ усадил на землю, коснулся края юбки Анжелики.

— Вы французы?

— Yes, — ответил Кантор. — We are french. ^[10]

И тотчас же все эти несчастные окружили Анжелику и Кантора и бросились к ним в ноги, умоляя:

— Prey, purchase us! Prey, do purchase us!.. ^[11]

И цеплялись за них озябшими руками. Их мертвенно-бледные лица были иссечены кровоточащими ссадинами, потому что они пробирались сквозь густые заросли леса. За много дней пути мужчины совсем обросли бородой.

Индейцы смотрели на них с презрением.

Стараясь перекричать их стенания и мольбы, Анжелика попыталась убедить Квандеквибу пойти с ними в форт, где они, мужественные воины, найдут отдых, табак и сагамит. Но индейцы отрицательно качали головами. Они торопятся, говорили они, дойти до реки Сен-Франсуа и по ней добраться до своего поселка на берегах реки Святого Лаврентия. Позднее они отвезут своих пленников в Монреаль и продадут их там за хорошую цену. Но сейчас они хотели бы прежде всего узнать, уж не друзья ли англичан люди из Вапассу! Черное Платье говорил им это!

Вид у них стал угрожающий, Анжелика из предосторожности прижалась к дереву и увидела, что Кантор сделал то же самое. И в эту самую минуту за ее спиной в ствол врезался томагавк. Анжелика отпрянула вместе с несчастными пленными англичанами, все еще цеплявшимися за нее. С помощью Кантора она продолжала убеждать индейцев, перемежая французскую речь словами из языка абенаков. Она рассказала им о Пиксарете и о Мопунтуке, и о том, что Человек Гром заключил с ними союз.

Индейцы снова, казалось, заинтересовались.

— А это верно, что Человек Гром заставляет прыгать гору? — спросили они. — И правда ли, что он сумел обратить в бегство ирокезов?

Анжелика ответила:

— Да, Человек Гром заставляет прыгать горы. Нет, он не обращал в бегство ирокезов. Они разошлись по хорошему. Ирокезы заключили с ним союз, ибо Человек

Гром расплатился с ними за гибель их вождей невиданно дорогой ценой.

А верно ли, спрашивали абенаки, что ирокезы получили в подарок жемчуг, красный, как кровь, желтый, как золото, и прозрачный, как древесный сок, жемчуг, какого не бывало никогда ни у одного из здешних торговцев?

Да, верно, отвечала она им, пусть они пойдут в форт, там они увидят все это собственными глазами.

По листве тихо зашуршал начавший накрапывать дождь.

Вдруг послышался тоненький писк, словно где-то рядом замыкал котенок. Индейцы расхохотались, увидев изумленные лица Анжелики и Кантора. Довольные тем, что они тоже удивили белых, один из индейцев вытащил из охотничьей сумки, болтавшейся у него на боку, красного голенького младенца и показал им, держа его за ножки. Младенец, которому явно не понравилось такое обращение, надсадно закричал.

И тут, плача, заговорила одна из женщин. Она обращалась к Кантору, потому что заметила, что он понимает по-английски. Кантор перевел:

— Она говорит, что это ее ребенок. Он родился шесть дней назад в лесу...

— Великий Боже! — прошептала Анжелика. — Нужно во что бы то ни стало уговорить индейцев зайти в форт, там несчастные пленники хоть немного передохнут.

Наконец, обещая индейцам все больше и больше жемчуга, табака, пороха для мушкетов и великолепных одеял, они сумели уговорить их.

По дороге, в то время как Кантор помогал идти выбившемуся из сил англичанину, второй рассказал ему их одиссею.

Все они жители небольшого внутреннего поселка, «жители границы», как называют их те, кто живет на

берегах реки. Может, слышали, форт Биддефорд, неподалеку от озера Себейго? Там всего около тридцати семей. Но некоторые фермеры, более независимые по характеру, такие, как мистер Уильям, обосновались за палисадом форта. Сам же он, его зовут Филей Догерти, и его сын, юный Самюэль, были наняты на работу Уильямами. И вот на днях, придя утром вместе с сыном в их усадьбу, чтобы приступить к своим обязанностям, и едва открыв дверь дома, они увидели, как из чащи выскочили несколько абенаков, которые, должно быть, спрятались там ночью и ждали подходящего случая, чтобы проникнуть в жилище.

В один миг дикари захватили всех, кто находился в доме, вытаскивали детей прямо из кроваток — вот потому-то они были босы и одеты в одни рубашонки, как, впрочем, и сама миссис Уильям, которая в это время только-только поднялась с постели. Индейцы заграбастали все, что смогли найти из одежды, домашней утвари, провизии, и бегом поволокли всех к лесу. Там они вместе со своими пленниками поскорее углубились в самую чащу. Набег был совершен так молниеносно и так тихо, что ни в поселке за палисадом, ни в форте ничего не могли услышать. И увидеть тоже не могли, ибо в то утро пал такой густой туман, что в десяти шагах не было видно ни зги.

И вот для несчастных пленников начался мучительный переход. Индейцы, озабоченные тем, как бы быстрее подалее отойти от места, где они совершили разбой, торопили свои жертвы, не давая им ни минуты передышки, фермер Уильям, на ногах у которого был только один башмак — он как раз обувался, когда его схватили абенаки, — отдал свои чулки жене, так как она оказалась босой. Понимая, что беременная, совсем на сносях, женщина не выдержит долгого пути в одних чулках, кто-то из индейцев дал ей пару мокасин из кожи американского лося. А Уильям,

шедший босиком, сильно поранил себе ногу шипом терновника. На следующий день они добрались до реки Андроскоггин. Индейцы соорудили два плота, и они переправились на другой берег. Теперь, когда они далеко отошли от английских поселений, индейцы согласились идти немного медленнее. Нога Уильяма распухла, приходилось его поддерживать. Потом у миссис Уильям начались схватки...

Голос поденщика Филея Догерти, не умолкая, звучал то громче, то тише, и его сетования напоминали бесконечную молитву, но возможность поведать о своих бедах сострадательным ушам приносила ему несказанное облегчение.

А дождь тем временем усилился, и идти по размокшей глинистой дороге становилось все труднее. Когда показался вдали форт Вапассу и они уже шли вдоль озер, поднялся шквальный ветер, и березы, раскачивая своими верхушками, еще больше поливали их водой.

Наконец Анжелика и ее гости ввалились в теплую залу форта и, в то время как Жоффрей де Пейрак, сразу же оценив обстановку, с почтительностью привечал индейцев, Анжелика смогла посвятить себя их пленникам. Миссис Уильям выкупали и уложили в постель госпожи Жонас. Она вскоре согрелась, и ее белое как мел лицо порозовело. Другая женщина, двухлетнего ребенка которой индейцы бросили в реку, сидела на скамье, вся дрожа. Когда Анжелика хотела увести ее в свою спальню, чтобы дать ей переодеться, так как платье на ней было разодрано, Квандеквиба воспротивился. Согласно обычаю абенаков, тот, кто первый завладеет пленником, считается его господином и хозяином, и пленник отныне должен повиноваться ему, иначе с ним будут обращаться самым жестоким образом. Молодая женщина и ее сын

принадлежали Квандеквибе, а он, судя по всему, не обещал быть особенно любезным хозяином.

— Этот Квандеквиба — злая каналья, — шепнула Анжелика Никола Перро, отозвав его в сторонку. — Вы канадец, так попытайтесь же переубедить его, пусть он разрешит мне позаботиться об этой несчастной.

Но Никола Перро проявил к судьбе этих людей, особенно почему-то к женщинам, полное равнодушие, и это возмутило Анжелику. Она не учла, что Никола, хотя он и был очень добрым малым, прежде всего был истинным канадцем и для него еретик-англичанин не принадлежал к числу людей, по отношению к которым должно проявлять заботу. Но, увидев в глазах Анжелики разочарование и даже осуждение, он попытался оправдаться.

— Не подумайте, госпожа графиня, что эти женщины такие уж несчастные. Конечно, может быть, индейцы и обращались с ними не очень ласково, но не беспокойтесь за их честь. Индейцы никогда не насилюют своих пленниц, как это случается в Европе. Они считают, что изнасилованная женщина навлекает на вигвам несчастье. И кроме того, мне кажется, что белые женщины внушают им некоторое отвращение. Если эти англичанки и их дети проявят послушание, ничего страшного с ними не произойдет. А если им повезет и их выкупит какая-нибудь уважаемая монреальская семья, они примут нашу веру, и их души, таким образом, будут спасены. Выходит, этим англичанам предоставляется возможность спастись от ереси.

Он напомнил ей, как много выстрадали канадцы от ирокезов, которые тоже похищали белых, французов, и ужасно истязали их, чего не делают абенаки, союзники французов.

Сделав это небольшое уточнение, он подошел к Квандеквибе и убедил его, что пленнице надо

отдохнуть и поесть, иначе, если она умрет в дороге, какая же тогда польза будет ему от этой вылазки за многие сотни лье? Не ради же поношенной одежды и кастрюль ходил он так далеко? Посасывая свою трубку, набитую виргинским табаком, и потому находясь наверху блаженства, Квандеквиба милостиво согласился.

Молодая женщина была сестрой миссис Уильям. Она жила в форте Биддефорд, но как раз в эти дни ее муж уехал на неделю в Портленд, и она воспользовалась его отсутствием, чтобы с малюткой сыном навестить сестру. Что скажет бедняга Джемс Дарвин, ее муж, когда, вернувшись, найдет свой дом пустым? Она не переставая плакала. Анжелика с помощью Эльвиры заставила ее вымыться в парной бане, дала ей белье и сухую одежду, расчесала ей волосы, и та наконец слабо улыбнулась, когда увидела накормленного и согрешшегося малыша спящим у своей груди.

Она очень боялась за сына. Малыш всю дорогу громко плакал, и это раздражало индейцев, которые уже дважды чуть не лишили его жизни, желая избавиться от него. Сегодня, если бы не Кантор, они бы это сделали. Она целовала руку Анжелики и все умоляла ее выкупить их. Наконец она уснула рядом со своей сестрой.

Госпожа Жонас пришла посоветоваться с Анжеликой, как быть с мистером Уильямом: ему уже попарили ногу в горячей ванночке, добавив в воду росного ладана и окопника, но что делать дальше? Анжелика сразу же поняла, что только вмешательство ножа может спасти Уильяма от заражения крови. Индейцы с восхищением смотрели, как она твердой рукой орудует маленьким блестящим ножичком, который мэтр Жонас изготовил специально для этой операции.

Индейцы остались довольны приемом, оказанным им в Вапассу. Хозяин Уильяма поблагодарил Анжелику за то, что она даровала его пленнику возможность идти самому.

Из охотничьей сумки индейца, в которой он держал новорожденного, то затихая, то раздражаясь с новой силой, доносился похожий на мяуканье плач малютки. От Анжелики потребовалось еще много хитрых уловок, чтобы завладеть этим крошечным созданием. Наконец она унесла его. Она положила младенца на постель, где спала его мать.

— Слава Богу, это девочка! Она выживет... девочки более выносливы, чем мальчики...

Анжелика смазала нежную кожицу малютки подсолнечным маслом, запеленала ее и приложила к груди матери, у которой, к счастью, несмотря на все пережитое, молоко не пропало. Бедная женщина поведала им о тех смертных муках, что она вынесла, о невысказанно трудном переходе через лес, когда ноги совсем отказывались идти, о холоде, голоде, страхе. Госпожа Жонас, как и всякая уважающая себя торговка в Ла-Рошели, знала английский язык, и она переводила Анжелике.

Англичанка рассказывала, как, почувствовав предродовые схватки, она решила, что настал ее последний час. Но здесь индейцы неожиданно проявили человечность. Они соорудили шалаш, чтобы она укрылась там, и оставили ее на попечении мужа и сестры, отведя в сторону детей. Когда она родила, что произошло сравнительно легко, они вроде бы обрадовались этому событию и даже по-своему чествовали ее: танцевали, испуская при этом жуткие крики. Они согласились переждать сутки на месте, чтобы больная немного оправилась после родов, и целый день мастерили из веток носилки. Потом ее двое суток несли на них муж и Филей Догерти. Но вскоре они

выдохлись, совсем выдохлись, в особенности ее муж, который сильно поранил себе ногу. А индейцы отказались нести носилки. Это унижало их достоинство. Они уже обсуждали, не лучше ли прикончить и женщину, и младенца прямо здесь, в лесу, но миссис Уильям даже в таком плачевном состоянии нашла в себе силы идти, и ее голгофа продолжилась. Сейчас она словно в раю, но завтра их мучения начнутся снова...

При мысли, что белые женщины останутся в руках туземцев, Анжелику охватывал гаев. Она поговорила с мужем — неужели нет никакой возможности избавить их от этой печальной участи? Увы, граф де Пейрак уже предлагал абенакам выкуп за всех пленников, но они отвергли его предложения. Они приняли подарки, ради которых согласились зайти в форт, но лишь когда он добавил несколько полных до краев мерок жемчуга, шесть ножей и по одеялу каждому, они пошли на небольшие уступки и остались еще на один день, чтобы дать пленникам окрепнуть.

Они слишком жаждали со славой войти в свою деревню, под восторженные крики соплеменников толкая перед собой свою «живую добычу», чтобы лишиться себя этого удовольствия и прийти из такой далекой и опасной вылазки с пустыми руками. К тому же в Монреале у них есть друзья-канадцы, которые весьма похвалят их за то, что они содействуют спасению душ для французского рая.

И французы хорошо вознаградят их. Ведь они очень щедры, когда речь идет об обращении душ в их веру. Возможно, поскольку их в Америке так мало, они нуждаются в том, чтобы все невидимые силы были на их стороне. Тут уж их когорта выглядела великолепно: святые, ангелы, души их мертвых и души обращенных... Вот почему французские канадцы, хотя они и немногочисленны, в конце концов одолеют и ирокезов, и англичан. Квандеквиба не может предать французов,

лишив их этих душ. Французы так на них рассчитывают! Ведь Человек Гром не поручится, что он заставит этих ингизов^[12] дать свое согласие на то, чтобы Черное Платье обратил их в свою веру? Не поручится, не так ли? Тогда к чему пустые речи?

Ночью Анжелика долго размышляла обо всем этом. Ее негодование было настолько велико, что она охотно взялась бы за оружие. Но хотя все до одного обитатели Вапассу были возмущены тем, что белые остаются в руках индейцев, граф де Пейрак не хотел рисковать, ведь это могло бы привести к войне с Новой Францией и абенаками. Нет, ради нескольких английских земледельцев он не пойдет на это. Анжелика в конце концов с болью в сердце согласилась с его доводами. Ей предстояло еще очень многое постичь в Америке.

Утро следующего дня она провела у изголовья девочки-англичанки. Даже при самом тщательном уходе нельзя было поручиться, что девочка выживет. Да и мать ее тоже уже не надеялась на благоприятный исход, считая Роз-Анн — так звали ее старшую дочь — уже не жилицей на этом свете. Она взволнованно наблюдала за хлопотами Анжелики.

Фермерша, должно быть, поняла, о чем говорили Анжелика и госпожа Жонас, а они говорили о том, что туземцы ни за какие посулы не желают уступить им своих пленников, и, представив себе, какие сырые, холодные ночи предстоят маленькой больной в лесу, когда они снова двинутся в путь, не могла сдержать слез, и они катились по ее щекам.

— My daughter will die!^[13] — прошептала она.

Днем Анжелика увидела, что индеец — хозяин маленькой Роз-Анн — сидит на камне у очага один и курит свою трубку.

Она присела напротив него.

— Ты когда-нибудь видел, как подпрыгивает гора? спросила она индейца. — Ты когда-нибудь видел, как зеленая гусеница спускается с неба и звезды дождем падают на землю?

Индеец, казалось, заинтересовался: это выразилось в том, что зрачки чуть повернулись в щелках его полуприкрытых век. Но Анжелика умела разгадывать мимику индейцев и не дала обескуражить себя каменным выражением его лица.

— А вот ирокезы видели. И уткнулись лицом в землю.

Индеец — его звали Скванто — вытащил изо рта наконечник трубки и подался вперед.

— Если ты тоже увидишь это зрелище, — продолжала Анжелика, — ты сможешь рассказать о нем своим братьям, и зачем тогда тебе твоя пленница, все и без того станут завидовать тебе, поздравлять с успехом. Поверь мне, она тебе вовсе не нужна. Такое зрелище, если его устроят для тебя одного, стоит того, чтобы ты согласился продать нам свою пленницу. Тем более ты ведь знаешь, она не вынесет дороги, умрет. Ну, что ты на это скажешь?

Соблазнительные, вероломные речи Анжелики вызвали спор между Скванто и его товарищами, и спор этот чуть было не перешел в потасовку. Другие индейцы завидовали Скванто. Почему это он один увидит такое волшебное зрелище? И в то же время ни один из них не хотел расстаться со своей добычей. Это вызвало у индейцев душевный разлад. Жоффрей де Пейрак примирил их, сказав, что если Скванто, один из них, сможет увидеть зрелище, то они, не лишаясь своей добычи, смогут кое-что услышать и поведать своим соплеменникам о том, что они слышали. А Скванто им расскажет, что он увидел. Кстати, и для канадцев тоже будет совсем неплохо, если они узнают, что происходит в Вапассу.

В сумерки Скванто повели через перевал на другую сторону горы. И там он увидел, как скала вдруг раскрылась и с ужасающим грохотом выплонула свои внутренности. А когда наступила ночь, три или четыре петарды, которые великолепно взлетели, несмотря на влажный воздух, завершили этот ослепляющий обман. Скванто вернулся к своим собратьям, и на лице его было такое же выражение, как у Моисея, когда он спустился с горы Синай.

— Да, я видел, как звезды упали с неба!

На рассвете следующего дня миссис Уильям поцеловала лежавшую в беспомощности, но спасенную дочь, чтобы больше, возможно, не увидеть ее никогда.

Она объяснила Анжелике, где находится поселение Брансуик-Фоль, что на реке Андроокоггин, там живут бабушка и дедушка девочки. Может быть, когда-нибудь удастся переправить ее к ним. Потом, прижав к груди новорожденную, миссис Уильям мужественно последовала за своими суровыми стражами.

Анжелика смотрела, как под тихим мелким дождиком удаляется маленькая группа. Мгла и туман блуждали по поверхности озер. Вершины деревьев на плато заволакивались набухшими влагой тучами. Индейцы и их пленники шли вдоль озера. Пятилетнего мальчика нес его хозяин — индеец. Двенадцатилетнего Самюэля Догерти снова нагрузили, словно осла. Его отец поддерживал хромящего Уильяма.

Женщины, теплее одетые и лучше обутые, несли на руках своих малышей. Анжелика напичкала лекарствами крикливого мальчугана, которого звали Корнелием, чтобы он не плакал, и дала его матери бутылочку микстуры с собой.

Обе пленницы, подняв головы, мужественно зашагали вперед, стараясь не отставать от шедших мягким и быстрым шагом индейцев, чтобы не вызвать их недовольства. Видно было, как они углубляются в

лес, исчезая в зеленеющей листве, словно погружаясь в какое-то пасмурное, пористое, мокрое чрево.

Глава 2

По мере того как весна вступала в свои права, в форт Вапассу отовсюду потянулись индейцы. Они без всякого стеснения входили в дом, бросали на стол меха, бесцеремонно располагались на кроватях в заляпанных грязью мокалинах, дымили своими трубками. Они требовали «огненной воды» и повсюду совали свой нос. Все это просто в отчаяние приводило госпожу Жонас.

Меховая лихорадка постепенно захватывала даже самых равнодушных. Пейрак все время твердил, что эта торговля нежелательна для него и как бы выгода, которую они получают от нее, не обернулась вскоре ловушкой для них самих. Он хорошо знал, что для французов из Новой Франции есть две священные вещи: крест и монополия на бобров, и считал, что не следует вызывать к себе неприязнь со стороны губернатора Квебека торговлей, в которой он, граф де Пейрак, не нуждается. Но совсем отказаться от нее было трудно. Торговля — весенняя болезнь в Америке. Каждую весну она трясет людей, словно лихорадка.

И действительно, как устоять перед неповторимой прелестью этих роскошных мехов, как устоять перед девственной белизной горносталя, перед мягкой нежной выдрой, перед блестящим, пленительным мехом норки или серебристой лисы и особенно перед темно-коричневым золотом бобров — потрясающая картина! — иногда шириною десять дюймов или, наконец, перед шкурой черного медведя, волка, розовой ласки, полосатого скунса...

Появились в Вапассу и канадские трапперы — в их числе и Ромен де Л'Обиньер, — нагруженные шкурами, которые они добыли в горах на другом берегу реки Святого Лаврентия.

Они отважились на такое путешествие тайком, чтобы просить графа де Пейрака быть посредником и продать их меха в английских или голландских городах, чего они не могли сделать сами, боясь, что соотечественники обвинят их в предательстве. Но они знали, что таким путем заработают вдвое и то, что они получают у англичан в обмен, будет лучшего качества и в два раза дешевле, чем в Канаде. Так что их прибыль возрастет в четыре раза, если они продадут свои меха не в Квебеке.

Граф согласился сыграть роль посредника, но — услуга за услугу! — с условием, чтобы и они помогли ему и в случае надобности были бы по отношению к нему дружественны.

После прихода Л'Обиньера Элуа Маколле не смог дольше терпеть. Вапассу весь был пропитан запахом меха, зверей, и Маколле чувствовал себя, как старый боевой конь, который слышит призывные звуки труб и барабанов.

Он снял со ствола березы кору, сшил ее, набил обручи, приладил все как следует, заделал дыры, и, закончив сооружать свою небольшую лодку, взгромоздил ее себе на голову и отправился на поиски водного пути, который донес бы его до реки Сен-Франсуа, а оттуда — в земли Утауэс. Анжелика и дети гурьбой проводили его довольно далеко, сколько могли, и, когда он весьма проворно бросился в стремительный водоворот реки, долго, прощаясь, махали ему вслед.

Маленькая англичанка Роз-Анн уже поправилась. Это была высокая, но хрупкая, бледная девочка, которую цветущий вид Онорины, казалось, пугал. Онорина покровительственно звала ее малышкой, хотя Роз-Анн была в два раза старше ее. Девочки прекрасно находили общий язык, играя в куклы и часами готовя для заморских принцесс микстуры, которые затем поглощал Ланселот.

Анжелика заметила, что Кантор перестал изводить Онорину и временами даже проявлял к ней доброе внимание. Он целыми днями, а случалось, даже и ночами пропадал в горах, где бродил в сопровождении своей маленькой росомахи. И его отец не препятствовал этому. Возвращаясь, Кантор рассказывал любопытные истории о своих ночных прогулках и обещал Онорине как-нибудь взять ее с собой на ночь, чтобы она при свете луны посмотрела на волчью семью с волчатами. Он стал более разговорчив, охотнее делился своими мыслями.

— Я люблю волков, — говорил он, — они чувствительные, умные. Собака — животное свирепое. А волк — нет, только когда он защищается. Собака рассчитывает на человека. Волк — нет. Он знает, что он один, что у него нет друзей.

Повсюду в окрестностях форта возникали индейские типы, слышались крики детей, лай собак, вились неторопливые дымы очагов.

В один прекрасный день в Вапассу появился величественный Пиксарет. Он прошествовал по берегу озера, гордо потряхивая перьями ворона, что вместе с нитями жемчуга украшали его голову, и, улыбаясь, вошел во двор, бросая по сторонам надменные взгляды. Казалось, он даже не заметил, какое волнение вызвал его приход, и прямо прошел к мужчинам, которые так же, как и Анжелика с Эльвирой, находились во дворе. В знак сердечного приветствия индеец поднял руку с раскрытой ладонью. Потом он протянул плотнику Виньо что-то странное, что они сначала приняли за кусок меха, нечто вроде грязного хвоста ондатры.

— Хотите скальпы ингизов?.. Скальпы англичан?

Эльвира, чувствуя, что ее мутит, поднесла руку к губам и убежала.

— Хотите скальпы ингизов? — повторил индеец. — Они целые. Я сам снял их в Джемстукке с голов этих

нечестивых койотов, которые предали господу нашего Иисуса Христа... Хотите повесить это над вашей дверью? Если вы добрые христиане...

И, расхохотавшись в лицо растерявшимся мужчинам, вождь патсуикетов оборвал себя на полуслове, круто повернулся и ушел, как и появился, полный надменности, потрясая на вытянутой руке своими гнусными трофеями.

В начале июня прошел слух, будто на лодках по реке Кеннебек поднимается вооруженный отряд. Они уже долго жили слишком спокойно. Они даже иногда смеялись, вспоминая, что возомнили себе, когда устраивались на зиму в форте: думали, что не увидят ни одной живой души в течение долгих месяцев. Кто, мол, осмелится пересечь эти таящие смерть пустынные пространства? Но, как оказалось, канадские французы осмеливаются на все. Вот что узнали жители Вапассу за минувшую зиму. Зимой им, отрешенным от всего мира, отнюдь не пришлось скучать. Их навещали. И уж теперь, когда у них с избытком сил и достаточно пороха и пуль, изготовленных на руднике, пусть приходят! Теперь у них есть все, чтобы принять непрошенных гостей...

Но вскоре по некоторым подробностям, сообщенным индейцами, которые принесли эту весть, выяснилось, что речь идет о наемниках, которых набрал Курт Риц, доверенное лицо Жоффрея де Пейрака. Граф с этой целью оставил его в Новой Англии.

Волнение сменилось заботами. Никола Перро ушел с эстафетой, а все остальные принялись спешно сооружать помещения, где могли бы расположиться наемники. Спустя несколько дней появился посланец Никола Перро.

— Они идут!.. Они идут!

Не выдержав, все устремились навстречу. Жители Вапассу и индейцы бежали вдоль берега. Когда они

достигли конца третьего озера, из зеленых зарослей, совсем рядом с низвергающимся в пучину водопадом, показался первый путник. Он был в стальных латах, плечистый, похожий на германца, с жесткими волосами и светлыми глазами под кустистыми бровями — типичный наемник, каких можно встретить на полях сражений в Европе, ступающий по земле Нового Света. Они окружили его и с волнением приветствовали. Он ответил по-немецки.

Затем во главе с Никола Перро появились и остальные. Их было тридцать человек: англичане, шведы, германцы, французы и швейцарцы, ирландцы.

Жоффрей де Пейрак сразу заметил, что самого Курта Рица среди них нет, а ведет отряд его верный друг лейтенант Марсель Антин. Это был швейцарец-дворянин из французского кантона. Он приветствовал графа де Пейрака и передал ему довольно пухлое послание, в котором, сказал он, объясняется отсутствие их командира Рида. Что же касается его самого, то он взял на себя его полномочия и счастлив, что исполнил порученное ему дело. Он сказал также, что одна парусная лодка отправилась по реке одновременно с ними, другие последуют за ней. Провизия уже отправлена с его людьми, и еще каждый из тех, кто пришел с ним, принес с собой по бочонку водки или вина, предназначенному для праздника по случаю их прибытия.

На вопросы де Пейрака о Рице, не заболел ли он, не ранен ли, Марсель Антин уклончиво ответил, что объяснение содержится в письме, которое, если мессир граф пожелает, они вместе обсудят позднее.

Жоффрей де Пейрак согласился с его предложением. Не надо ничем омрачать радость первых часов встречи!

В Вапассу на просторной поляне, неподалеку от лагеря индейцев, их уже ждали длинные столы на

козлах. И вот на глазах у оторопевших индейцев начался пир. Анжелика ходила от одного стола к другому, присаживалась около новичков, расспрашивала их, стремясь перекинуться хотя бы несколькими словами с каждым.

Ее сердце ликовало. Гимн радости звучал в ее душе. «Мы победили, мы победили», — думала она.

А со старожилками Вапассу она обменивалась радостными взглядами сообщников. И когда она проходила мимо этих людей, ставших ей за зиму такими близкими, она крепко жала руку каждому из них. Ей хотелось обнять всех, даже Кловиса, и со слезами на глазах благодарить их. Она вспомнила слова мужа, сказанные ей в те дни, когда они еще только готовились к зимовке в Вапассу, слова, которые он произнес тогда с таким убеждением, что заставил ее поверить в их правоту: предстоящая зима покажет, чего стоит каждый из них.

И вот зима осталась позади. Они все здесь, живые. Каждый из обитателей Вапассу доказал за эти месяцы, чего он стоит, даже женщины и дети! Все остались верными самим себе и тому, кто предложил им тогда держать пари, что они выживут. И теперь к ним пришла победа.

Да, победа, потому что тридцать солдат — это сила в Новом Свете, где большинство крепостей могут похвастаться всего лишь пятью или шестью защитниками. Кто отныне сможет одержать верх над фортом на Серебряном озере?.. Завтра наемники возьмутся за работу, будут валить деревья, воздвигнут неприступные крепостные стены.

Победа!

Ведь если взвесить все, то, когда они высадились здесь, в этой обманчивой — ибо она казалась пустынной — Америке, чем могла она устроить их? Шесть с небольшим тысяч канадцев на севере, около двухсот

тысяч англичан на юге, живущих на побережье и в устье больших рек, на западе двести тысяч ирокезов, дружески настроенных по отношению к англичанам, и почти столько же союзников Новой Франции на востоке — абенаков, алгонкинов и гуронов.

На первый взгляд повсюду — полчища врагов, но на самом деле они были не так уж страшны, потому что страна огромная и весь этот разрозненный мир белых и красных находился в постоянных раздорах, которые ослабляли и тех и других.

Вот почему шестьдесят человек, полных решимости отстаивать свою независимость, являли собою непобедимую силу, ибо дух господствует над всем. Канадцы из Новой Франции уже доказали это, когда они, невзирая на то что их в тридцать раз меньше, сумели подчинить себе весь север Америки вплоть до Нью-Йорка, а скоро, возможно, доберутся и до Китайского моря. Сегодня Жоффрей де Пейрак утвердил свою свободу и свою независимость!

Когда поднялась луна, они снова вернулись к праздничному столу. Индейцы тоже получили свою долю и включились в общее веселье. До глубокой ночи в Вапассу продолжалось пиршество — пили, пели, танцевали под звуки гитары Кантора и неистовой скрипки одного из наемников-ирландцев. Из лагеря индейцев доносились удары барабанов, черепаших погремушек, звуки фарандолы, бурре и тарантеллы, которую, жонглируя кинжалами, танцевал Энрико Энци.

Три женщины Вапассу не могли пожаловаться на нехватку кавалеров. Анжелика и Эльвира переплясали в этот вечер все танцы французских провинций, и даже госпоже Жонас пришлось исполнить ригодон.

И прибрежные скалы изумительным эхом отражали смех и песни, музыку и хлопки, а луна нежно смотрела сверху на три озера.

Почти сразу после полуночи Анжелика вернулась в форт. За ней послал муж. Она нашла его в их спальне подле искусно выделанного кожаного мешка, который в числе прочих вещей принесли наемники. Жоффрей, приоткрыв его, достал оттуда роскошное платье из голубого атласа с филигранным серебряным воротничком. Он приказал привезти это платье из Голдсборо. А для него привезли костюм из зеленого бархата и все, что необходимо к нему.

Анжелика надела платье почти с робостью. Когда они оба вышли из форта на мыс, громкий приветственный возглас разнесся над поляной, где собрались вместе белые и индейцы. В этом крике слышались и гордость, и удовлетворение, и восхищение успехом, и чистосердечная любовь к супружеской чете, что стояла там, на мысе, и с улыбкой смотрела на своих сподвижников.

В свете луны платье Анжелики выглядело серебряным, а ее ниспадающие волосы — цвета светлого золота.

— Черт возьми, — сказал один из французов, который уже подружился с Жаком Виньо, — ты все твердишь о какой-то принцессе! Если когда-нибудь я и сомневался, что у вас здесь есть такое чудо...

— Она не принцесса, — оборвал его плотник, с презрением глядя на него, — она королева!..

Он смотрел на Анжелику, которая подходила к ним, опираясь на руку Жоффрея де Пейрака.

— Наша королева! — тихо сказал он. — Королева Серебряного озера!

Глава 3

В эту ночь в объятиях Жоффрея де Пейрака Анжелика вкусила любовь с чувством какой-то веселости и легкости, чего, казалось ей, она не испытывала со дней юности. По сияющей улыбке Анжелики Пейрак догадывался, что она наконец освободилась от оков, слишком долго сдерживавших непосредственность ее порывов. Их наслаждение было обновленным.

Под сенью деревьев начинали петь птицы. Светало. На берегах озер кое-где еще виднелись огни — там горело несколько костров, вокруг них сидели со своими трубками мужчины. В маленькое оконце доносился шум леса и воды.

Эта грубая, неприхотливая кровать была челном, который перевез их на другой берег зимы. Здесь Анжелика спала в такой тесной близости к мужу, что иногда ощущала на своей щеке его дыхание и запах его кожи преследовал ее во сне, а едва проснувшись, она чувствовала, как он губами нежно касается ее губ. Нечто неуловимое, жаркое, нежное. Ее исцеление началось с этого сна любовников.

Сегодня они вновь отыскивали нить Ариадны и вновь обрели то, что пятнадцать лет назад было прервано костром инквизиции и гонением, которому подверг графа де Пейрака король Франции.

Только на следующий день Жоффрей де Пейрак прочел письмо. Оно было от мэтра Берна. Торговец-рошелец сообщал новости о колонии Голдсборо, о том, как провели они зиму. В общем, зима прошла хорошо, писал он, но не обошлось без неприятностей: недавно в бухте появился пират по прозвищу Золотая Борода. Преследуемый по пятам то одними, то другими, он

укрылся на островах, и вот он-то черт знает чего ради похитил этого самого Курта Рица, который только что прибыл в порт со своими людьми.

Несмотря на этот досадный инцидент, Маниголь и Берн приказали наемникам, прибывшим из Новой Англии на одном из небольших судов графа, продолжить свой путь, как было задумано, в верховья Кеннебека, поскольку мессир де Пейрак может нуждаться в подкреплении. Но оба они надеются, что граф де Пейрак приедет, чтобы лично отрегулировать вопрос с пиратом, а заодно и прочие вопросы.

В постскрипуме Берн добавлял, что жена его Абигаель чувствует себя хорошо и к лету ждет ребенка. Она немножко побаивается этого момента и очень надеется, что госпожа де Пейрак будет рядом с нею, когда ей придет время родить. Если бы госпожа де Пейрак могла сопровождать своего супруга в его поездке в Голдсборо, все они были бы чрезвычайно счастливы...

Граф долго пребывал в задумчивости.

«Что все это означает?» — спрашивал он себя. Странное похищение Курта Рица не выходило у него из головы. И хотя пиратские налеты были привычны для тех, кто жил на побережье, он чувствовал, что в этом похищении кроется что-то странное. Он расспросил Марсея Ангина, как все это произошло. Загадочная история! Курт Риц вышел вечером прогуляться по берегу моря и не вернулся, а потом пришли индейцы и сказали, что видели, как там на него набросились матросы с корабля Золотой Бороды, избили его и уволокли в свою лодку.

Жоффрей де Пейрак объявил всем, что ему необходимо посетить Голдсборо. И сразу же привычная жизнь Вапассу оказалась нарушенной. Судя по всему, граф не намеревался разлучаться с Анжеликой, а Анжелика просто не представляла себе, как сможет она

покинуть Вапассу по меньшей мере на добрых два месяца. Ей так хотелось бы присутствовать при строительстве нового форта. Да и благоразумно ли оставлять стольких мужчин без хозяйского глаза?..

Кроме того, у нее еще много незавершенных дел: надо разместить провизию, которую наемники с таким трудом тащили в форт сначала на лодках, а потом на собственных спинах. Надо собирать растения для лекарственных снадобий, ягоды для варенья...

Но с другой стороны, ее прельщала мысль увидеть Голдсборо, своих друзей. Поговорить с Абигаель, обнять Северину и Лорье, и маленького Шарля-Анри, наконец увидеть море, полакомиться устрицами и омарами.

— Разве я могу с вами расстаться? — сказал Пейрак.
— Любовь моя, теперь я уже не могу жить без вас...

— А как же Вапассу?..

Жоффрей де Пейрак успокоил ее, заверив, что Вапассу остается в надежных руках. Старожилы возьмут на себя труд заняться устройством наемников, они внушат им, что здесь, в форте, дисциплина — как на корабле. Он полностью полагается на доброе влияние двух супружеских пар — Жонасов и Малапрадов, — а также на Марселя Антина, который свободно владеет немецким, итальянским, испанским и английским языками. А свои полномочия Жоффрей де Пейрак передаст Поргуани, человеку верному, исполнительному и энергичному. Этот, итальянец с красивыми темными глазами всегда был загадкой для Анжелики, но твердо знала она одно: он не подведет, он полностью оправдает доверие мужа.

Самых своенравных — Виньо, Кловиса, О'Коннела и еще Кантора — они возьмут с собой. А вот Онорину Жоффрей посоветовал не брать. Несмотря на то что Берн писал о пирате, промышлявшем в бухте Голдсборо, с подчеркнутым спокойствием, там их могут ждать и неприятности. Пейрак отнюдь не собирался

мириться с тем, что у него так нагло похитили преданного ему человека, которого он нанял в Нью-Йорке еще во время своего первого путешествия в Америку и который с тех самых пор служил ему верой и правдой.

Вапассу, напротив, он считал достаточно надежным убежищем от внезапных набегов. Новый палисад построят быстро, и с высоких крепостных стен хорошо вооруженный отряд форта сможет дать отпор и канадцам, и индейцам — ирокезам или абенакам, — в общем, всем, кому взбретет в голову прийти сюда искать с ними ссоры.

По-видимому, с этим народом никогда не будешь знать наверняка, какая муха их укусит. Но ему казалось, что пока нет ни малейшего повода для конфликта. В Квебеке губернатор занят экспедицией Кавелье, которую смогли осуществить лишь благодаря щедрости графа де Пейрака. Ирокезы проявили по отношению к ним дружеские чувства. Абенаки, занятые торговлей, ушли на юг.

Анжелика была немного встревожена и разочарована тем, что ей придется оставить в Вапассу Онорину. Она еще никогда не расставалась с дочерью. Но к счастью, сама Онорина отнеслась к предстоящей разлуке спокойно. Она вся была поглощена своим медвежонком и теми переменами, которые принес с собой приход наемников. Она, правда, теряла подружку по играм в лице маленькой Роз-Анн, ибо Пейрак собирался взять девочку с собой, чтобы попытаться на побережье передать ее английским родственникам, но зато с ней оставались два ее неразлучных дружка, Бартеломи и Тома, а Эльвира и Малапрад охотно согласились заменить ей родителей на время, пока граф и графиня де Пейрак будут отсутствовать.

Глава 4

В Вапассу спустился вечер, еще один вечер, пронизанный умиротворением цветущей природы. Жоффрей де Пейрак обнял Анжелику за талию и, прижав ее к себе, повел в сторону леса. Они прошли через лагерь индейцев, потом поднялись на левый берег озера к сосновому бору. Они шагали быстрым, бодрым, согласованным шагом.

Как только они миновали водораздел, их окутала тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом листвы, которую игриво шевелил веселый ветерок. Почва под ногами была каменистая, покрытая мхом, и они шли легко, не думая о тропинке, она хорошо была знакома им. А тропинка эта вела к утесу, нависающему над равниной, с которого открывался вид на далекие горы. Цвет их снова изменился — лес надел свой летний наряд цвета темного изумруда. Легкий туман, словно стальная пыль, заволакивал долину дымкой. И повсюду в лучах заходящего солнца отражался живой блеск многочисленных озер.

Пейрак и Анжелика остановились. Это был их последний вечер и последняя прогулка перед долгой разлукой с этими милыми сердцу местами. Завтра их караван тронется в путь. Они пешком доберутся до Кеннебека и по нему на небольших судах и лодках спустятся к океану.

А пока и Жоффрей де Пейрак, и Анжелика со спокойной радостью любовались в этот вечерний час дивной красотой Вапассу, с которым отныне накрепко связана их судьба.

— Здесь я познала счастье, — сказала Анжелика.

Она повторяла про себя это слово, наслаждалась его звучанием: СЧАСТЬЕ... Да, пережитые вместе

опасности, испытания — это тоже счастье!

Какая-то таинственная закваска может иногда приметаться к грубому тесту жизни, и тогда счастье всегда с нами, оно не покидает нас больше, хотя оно и неуловимо: счастье!

Анжелика осторожно полной грудью вдыхала благоухающий воздух.

«Моя маленькая любовь! Подружка моя, — думал де Пейрак, глядя на нее. — Ты поделила со мной мою трудную жизнь здесь, и я ни разу не видел тебя слабой... У тебя щедрая душа... За что бы мы ни брались, все самое тяжкое ты взваливала на свои плечи...»

Они были счастливы, они одержали победу над зимой, они сумели сокрушить стену, стоявшую между ними...

В эту минуту негромкий протяжный мелодичный вой слышался за их спиной, донесясь с высоты черной скалы, что нависала над ними. Это был зов, повышающийся постепенно на ослабленных тремоло, репризах, чтобы продолжиться в заунывной песне, которой, казалось, не будет конца и в которой словно сливались воедино восторг и страдание.

— Послушайте, — сказала Анжелика, — это воют волчата!..

Она представила себе их такими, какими их описывал Кантор: шестеро волчат сидят вокруг матерого волка, старательно напрягая свои круглые розовые ноздри, подражая отцу, а тот обратил свою страшную острую морду к луне.

— Как будто лес поет, — прошептала Анжелика. — Не знаю, может, это и не так, но иногда мне кажется, что мы с Кантором в чем-то очень схожи, я тоже люблю волков.

Он неотрывно смотрел на нее, как-то по-особенному воспринимая сегодня малейшие нюансы ее голоса,

каждое слово, которое она произносила.

«Да, странно, — мечтательно продолжал размышлять он, — когда-то я любил ее безумно и, однако, много лет мог жить вдалеке от нее, наслаждаться жизнью и даже вкушать удовольствие с другими женщинами... Но теперь я больше не смогу без нее... Нельзя оторвать ее от меня, не вырвав тем самым моего сердца... Без нее я не смог бы жить... Как же это случилось? Как случилось? Я и сам не знаю...»

И в этот момент что-то произошло. Какой-то неясный свет вдруг задрожал на горизонте, потом, разрастаясь, поднялся над деревьями и горами, нарисовав огромный светящийся овал, будто задрапированный вуалью, потом эти драпировки стали розовые, зеленые, они закручивались в гофрированную спираль, но она тут же начинала распадаться, разбрасывая вокруг себя дождь люминесцирующего сияния.

— Что это? — вскрикнула потрясенная Анжелика.

— Северное сияние, — сказал Пейрак. Он вполголоса объяснил ей, что это явление природы, причины которого не ясны, часто случается здесь в начале лета.

Анжелика, буквально застывшая от неожиданного потрясения, облегченно вздохнула.

— Я испугалась, подумала, что нам — да-да, и нам тоже — явилось видение... Это меня... словом, это привело бы меня в большое замешательство!..

Они рассмеялись. Граф де Пейрак склонился к ней и запахнул полы ее накидки, потому что из лощины вдруг потянуло холодом. Он заботливо укутал ее, несколько раз проведя руками по ее плечам, потом обхватил ладонями нежное лицо жены и долгим поцелуем прильнул к ее устам. Мерцающие блики еще вспыхивали и освещали их время от времени, но розовый и зеленый дождь, струящийся по темному небосводу, уже кончался.

Потом они долго молча стояли, охваченные пьянящим восторгом, оттого что они вдвоем перед лицом жизни, проникнутые сознанием ценности того, чего они достигли в этом мире любовью.

— С Богом! — сказал он.

notes

1

Одно из пяти племен, входивших в ирокезский племенной союз

2

Ожерелье или пояс из раковин, сочетания которых образовывали фигуры, имевшие смысловое значение. Вампумы являлись своеобразными памятными знаками, использовались для передачи сообщений, служили доказательством мирных намерений сторон

3

Турецкий султан

4

Употреблявшееся в европейских дипломатических документах и литературе официальное название правительства Османской (Турецкой) империи

5

Писсаро, Франсиско (ок. 1471-1541 гг.), испанский конкистадор, завоеватель Перу

6

Теплые штаны

7

Изыди, сатана! (лат.)

8

Привилегия мудрых женщин (лат.)

9

Пиршество (индейск.)

10

Да... Мы французы (англ.)

11

Ради Бога, выкупите нас! Ради Бога, выкупите нас!..
(англ.)

12

Так индейцы называли англичан

13

Моя дочь умрет (англ.)